
К76 3/192
т 7

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

Томъ № 7.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Грапатъ и К°

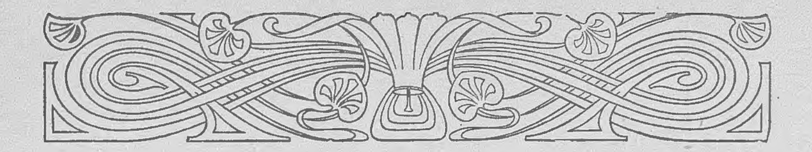
А. Пастернакъ

ТЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ" С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.) С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

ЭПОХА РЕАКЦІИ.

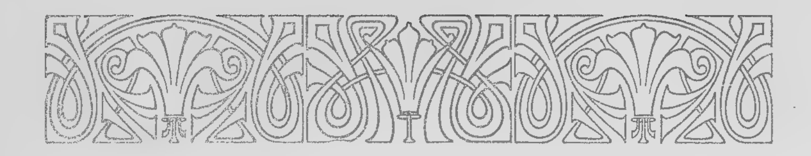
ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Оглавленіе VII-го тома.

(Часть третья, отдѣлъ третій.)

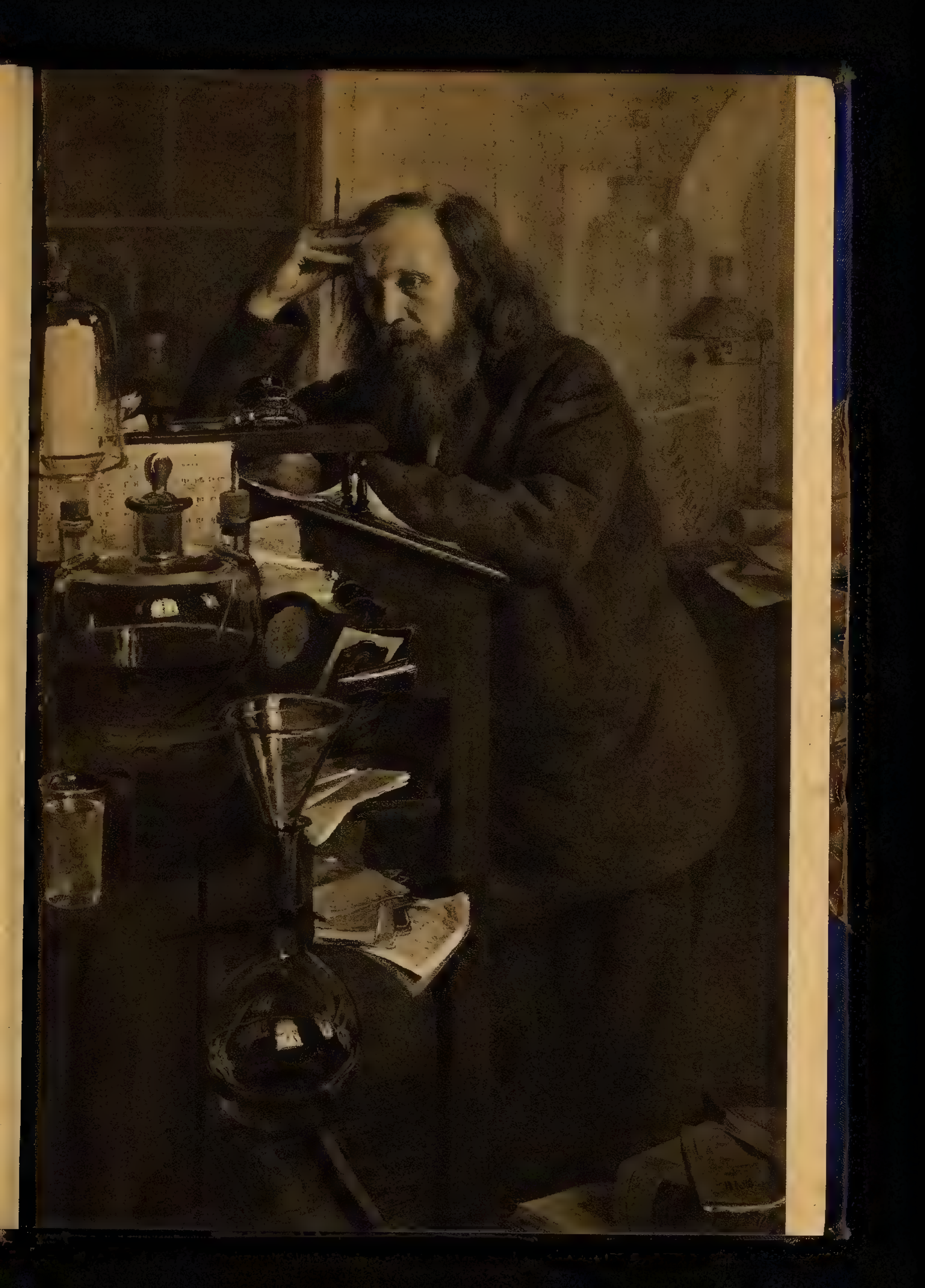
Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ VII томѣ.

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

Съ портрета, писаннаго Н. А. Ярошенко.
(Съ любезнаго разрѣшенія А. И. Менделѣевой въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ГЛАВА XV.

Пробужденіе естествознанія въ третьей четверти вѣка.

(К. А. Тимирязева).

„Ihr naht euch wieder *edele* *) Gestalten“...Поколѣніе, для котораго начало его сознательнаго существованія совпало съ тѣмъ, что принято называть шестидесятыми годами, было, безъ сомнѣнія, счастливѣйшимъ изъ когда-либо нарождавшихся на Руси. Весна его личной жизни совпала съ тѣмъ дуновеніемъ общей весны, которое пронеслось изъ края въ край страны, пробуждая отъ умственнаго окоченѣнія и спячки, сковывавшихъ ее болѣе четверти столѣтія. И вотъ почему тѣ, кто сознаютъ себя созданіемъ этой эпохи, неизмѣнно хранятъ благодарную память о тѣхъ, кто были ея творцами. Слабою данью этой признательности, на которой зиждется историческая преемственность поколѣній, является и предлагаемый краткій очеркъ. Для всякаго очевидно, что сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе намѣченной въ немъ задачи немыслимо въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя могутъ быть ей отведены въ книгѣ, представляющей общую картину жизни многомилліоннаго народа въ теченіе цѣлаго вѣка, быть можетъ, самаго выдающагося за все время его существованія.

Шестидесятые годы, какъ извѣстно, начались съ половины пятидесятыхъ. Что́ бы ни говорили объ искусственности всякихъ хронологическихъ граней, какъ бы ни оспаривалась роль личности въ исторіи, въ положительномъ ли или въ отрицательномъ смыслѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, что бываютъ моменты, къ которымъ цѣлыя поколѣнія пріурочиваютъ повороты въ своихъ судьбахъ; это, конечно, готовы подтвердить, хотя бы съ самыхъ противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія, всѣ современники такихъ событій, не просто существовавшіе въ то время, но жившіе сознательною жизнью.

Такою гранью было 18 февраля 1855 г. Въ этотъ моментъ умственному взору каждаго мыслящаго русскаго человѣка представлялось, что онъ стоитъ на перевалѣ, на водораздѣлѣ двухъ историческихъ теченій. Позади, въ даль прошлаго уходила длинная и благодаря своему гнетущему однообразію, казалось, безконечная

*) Приношу покаяніе въ кощунственной передѣлкѣ безсмертныхъ строкъ творца Фауста.

вереница лѣтъ, начавшаяся трагедіей на гласисѣ Петропавловской крѣпости и достигшая своего апогея въ безчеловѣчной трагикомедіи Семеновскаго плаца. Затѣмъ внутри все замерло въ оцѣпенѣніи, а извнѣ вся Европа затрепетала передъ „вторымъ Собѣскимъ", спасителемъ Австріи, Георгіемъ Побѣдоносцемъ, сокрушившимъ дракона революціи *). Все въ эту мрачную эпоху было принесено въ жертву плацъ-параду, но потребовалось съ небольшимъ пять лѣтъ для того, чтобы эта мрачная фантасмагорія разлетѣлась, какъ дымъ. Впереди—впереди были только розовыя мечты, опиравшіяся однако на вполнѣ реальный, неотразимый аргументъ— что такъ далѣе итти нельзя, что надо отправляться отъ чего-то иного. Въ числѣ этого иного оказалась и наука. До той поры всецѣло процвѣтала только одна наука, та, которая, по словамъ великаго сатирика, носила нѣсколько громоздкое названіе „громпобѣдыраздавайся". Она упраздняла всякую гражданскую жизнь, всякую мысль, но зато обѣщала вести къ побѣдѣ—и привела къ пораженію. Ошибка была очевидна, и не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ уже одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ мрака, по ироніи судьбы, столь нерѣдкой въ нашей странѣ, стоявшій во главѣ ея просвѣщенія,—министръ Норовъ разъѣзжалъ по всей Россіи, повторяя ставшія историческими слова: „Наука, господа, всегда была для насъ одной изъ важнѣйшихъ потребностей, *но теперь она первая*. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою знанія". Очевидно, на этотъ разъ имѣлась въ виду уже не щедринская, а настоящая наука.

Съ того момента наука, очевидно, могла развиваться уже не вопреки предержащимъ властямъ или, въ лучшемъ случаѣ, незамѣченная ими, а будто бы при ихъ благосклонномъ содѣйствіи. Это движеніе, конечно, охватило самыя разнородныя отрасли умственной дѣятельности и творчества—искусство такъ же, какъ и науку, но всего болѣе, всего замѣтнѣе отразилось оно на развитіи естествознанія. Причиной тому было, конечно, прежде всего то обстоятельство, что западная Европа, какъ разъ въ ту пору, вступила въ полосу блестящаго расцвѣта естествознанія. Рядъ славныхъ именъ и, какъ результатъ ихъ дѣятельности, рядъ блестящихъ открытій, съ одной стороны, а съ другой, полная реорганизація преподаванія, клонившагося уже не только къ тому, чтобы научить содержанію наукъ и раскрывать ихъ текущія задачи, но и сообщать соотвѣтствующее умѣнье для ихъ разрѣшенія, словомъ, преподаваніе не только съ каѳедры, но и за рабочимъ столомъ лабораторіи—все это выдвигало естествознаніе на первый планъ. Это было время, когда въ химіи Либихъ, Дюма, Гераръ и Лоранъ, Кекуле, Кольбе, Гофманъ перемѣщали центръ тяжести химіи изъ неорганической въ органическую, когда появилась Chimie organique fondée sur la synthèse Бертло, превратившая органическій синтезъ въ стройное систематическое

*) Извѣстно, что два человѣка, не особенно симпатизировавшихъ другъ другу, оспаривали между собою эту услугу человѣчеству. Второй изъ нихъ символически изобразилъ себя (на извѣстномъ парижскомъ фонтанѣ) въ образѣ архистратига Михаила terrassant l'hydre révolutionnaire.

ученіе, когда ученіе о диссоціаціи Анри Сенъ-Клера-Девиля и термохимическія изслѣдованія Бертло и Томсона залагали новыя основы для физической химіи. А въ физикѣ вспомнимъ открытіе спектральнаго анализа, едва ли не болѣе, чѣмъ какое другое открытіе, поразившее современниковъ, даже стоявшихъ въ дали отъ науки *). Вспомнимъ всеобъемлющее открытіе Майера и Гельмгольтца—законъ сохраненія энергіи (или, выражаясь безъ анахронизма, законъ сохраненія силы). Вспомнимъ открытія того же Гельмгольтца въ области органовъ чувствъ (слуха и зрѣнія), его же открытія въ области нервной физіологіи, а также изслѣдованія Клода Бернара и Дюбуа Реймона. Вспомнимъ быстрый ростъ ученія о клѣточкѣ, приковавшій всѣхъ біологовъ къ микроскопу, и, наконецъ, ошеломившее всѣхъ наканунѣ наступленія шестидесятыхъ годовъ ученіе Дарвина, и мы должны будемъ признать, что во всей исторіи естествознанія не найдется другихъ 10—15 лѣтъ, въ предѣлахъ которыхъ изученіе природы сдѣлало бы такіе дружные, одновременные и колоссальные шаги. Добавимъ къ этому, что самые выдающіеся представители этого научнаго движенія выступали сами со своими открытіями передъ широкой публикой, положивъ начало небывалой до той поры популяризаціи науки, и мы поймемъ, что эта могучая волна, докатившись до нашихъ предѣловъ, подхватила сначала отдѣльныя наиболѣе подготовленныя личности, а затѣмъ по передачѣ всколыхнула и болѣе широкіе слои общества.

Второй указанной чертой было коренное измѣненіе способа преподаванія, первый толчокъ чему былъ данъ въ химіи гиссенской лабораторіей Либиха, только позднѣе распространившись на лабораторіи физическія и физіологическія, на институты зоологическіе и ботаническіе. Понятно, какъ стало манить молодыхъ русскихъ ученыхъ въ завѣтные центры: Гиссенъ, Гейдельбергъ и др., вернувшись откуда они, какъ нѣкогда соглядатаи изъ земли обѣтованной, не только принесли съ собой ея плоды, но и сумѣли привить ихъ на родной землѣ, доказавъ въ первый разъ въ большихъ размѣрахъ, что и она можетъ давать своихъ научныхъ дѣятелей, а не обречена на вѣчную зависимость отъ пришлыхъ силъ.

Другимъ благопріятнымъ условіемъ для пробужденія у насъ естествознанія, послѣ совпаденія съ эпохой его расцвѣта въ западной Европѣ, было то обстоятельство, что естественныя науки, какъ наиболѣе удаленныя отъ политики, считались и наиболѣе безвредными; имъ не отказывали даже въ извѣстномъ почетѣ, открывали даже доступъ въ общую систему обученія—до кадетскихъ корпусовъ включительно. Примѣромъ перваго можетъ служить тотъ почетъ, которымъ пользовались посѣщавшіе Россію, съ цѣлью естественно-историческаго ея изученія, европейскіе ученые, какъ напримѣръ, геологъ Мурчиссонъ и еще болѣе Александръ Гумбольдтъ; примѣромъ второго можетъ служить извѣстное ироническое

*) Впечатлѣніе, имъ произведенное, нельзя сравнить даже съ впечатлѣніемъ, вызваннымъ другими сенсаціонными открытіями позднѣйшаго времени, какъ напримѣръ, рентгеновскими лучами, сжиженіемъ воздуха и т. д.

восклицаніе того же Гумбольдта, когда передъ нимъ хвастали программой проходимыхъ въ корпусахъ наукъ: „Какъ счастливъ я былъ бы, еслибъ могъ знать все то, что знаетъ русскій кадетъ!“ Только этой относительной терпимостью по отношенію къ естествознанію и, благодаря ей, неслышно, невидимо нароставшимъ вкусомъ къ изученію природы, мы, вѣроятно, можемъ объяснить тотъ фактъ, что это ясно выразившееся во второмъ пятилѣтіи пятидесятыхъ годовъ стремленіе къ изученію естествознанія было вызвано цѣлой плеядой талантливыхъ дѣятелей, начальное развитіе которыхъ должно быть отнесено къ концу сороковыхъ и первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Въ еще болѣе благопріятномъ, чѣмъ естествознаніе, положеніи находилась, съ одной стороны, стоявшая еще далѣе отъ жизни математика, а съ другой стороны, болѣе необходимая для нея медицина, и потому, когда та и другая уже могли указывать на Остроградскаго, Буняковскаго, позднѣе Чебышева (Лобачевскій еще не былъ открытъ) и Пирогова, собственно естествознаніе не могло выставить рядомъ съ ними ни одного русскаго имени, которое пользовалось бы такою же широкой извѣстностью, да и воззрѣнія образованнаго общества на естественныя науки недалеко ушли отъ воззрѣній грибоѣдовскихъ и герценскихъ временъ на химика и ботаника *).

Каковы бы однако ни были причины, способствовавшія подготовкѣ талантливыхъ дѣятелей, необходимыхъ для осуществленія того быстраго подъема естествознанія, который составляетъ предметъ этого очерка, фактъ остается фактомъ, что не потребность родила ихъ, а они уже существовали en herbe, готовые откликнуться на призывъ народившейся потребности. Конечно, и съ другой стороны, кто поручится, что не пробудись наше общество вообще къ новой кипучей дѣятельности, можетъ быть, Менделѣевъ и Ценковскій скоротали бы свой вѣкъ учителями въ Симферополѣ и Ярославлѣ, правовѣдъ Ковалевскій былъ бы прокуроромъ; юнкеръ Бекетовъ—эскадроннымъ командиромъ, а саперъ Сѣченовъ рылъ бы траншеи по всѣмъ правиламъ своего искусства.

Говоря о пробужденіи естествознанія, мы, конечно, должны здѣсь имѣть въ виду не только развитіе его въ тѣсномъ кругѣ спеціалистовъ, изучавшихъ и двигавшихъ науку, но и то общее движеніе, которое охватило широкіе круги общества, наложило свою печать на школу (высшую и среднюю), на литературу, повліяло болѣе или менѣе глубоко на общій складъ мышленія. Для этого разсмотримъ послѣдовательно тѣ факторы, совокупное дѣйствіе которыхъ обусловливаетъ движеніе научныхъ знаній и ихъ воздѣйствіе на умственный складъ поколѣній, если не цѣлаго

*) Хорошо припоминаю, что, когда мой старшій братъ сталъ заниматься химіей, это вызвало недоумѣніе всей семьи—семьи, замѣчу, вообще и особенно въ политическомъ отношеніи стоявшей значительно выше окружающей среды.—„На что ему химія, говорили, развѣ онъ готовитъ себя въ аптекаря? ужъ если на то пошло, сталъ бы учиться медицинѣ. Можетъ, вышелъ бы изъ него второй Пироговъ“. Когда черезъ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ я сталъ заниматься ботаникой, это уже никого не смущало.

народа, то, по крайней мѣрѣ, его матеріально обезпеченныхъ слоевъ, обыкновенно выдѣляемыхъ въ особое понятіе—общества.

Говоря объ успѣхахъ науки, мы, конечно, должны прежде всего отличать собственно производство науки отъ распредѣленія уже добытыхъ ею плодовъ, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ различать усвоеніе науки въ видахъ ея дальнѣйшаго производства отъ ея усвоенія для примѣненія къ задачамъ жизни и къ цѣлямъ общаго развитія. Что эти два процесса, производство и потребленіе науки *), при современномъ развитіи международнаго обмѣна мысли могутъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени итти внѣ взаимной связи, разительнымъ примѣромъ того можетъ служить развитіе естествознанія въ величайшей современной демократіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, только почти на глазахъ нашего поколѣнія создавшихъ самостоятельную науку, но уже давно воспользовавшихся ея завоеваніями въ старой Европѣ и на почвѣ этихъ заимствованій опередившихъ своихъ учителей и въ области техники и въ смыслѣ широкаго народнаго образованія. Этотъ ходъ умственнаго развитія, болѣе согласный съ демократическимъ строемъ страны, окажется, несомнѣнно, и болѣе устойчивымъ и прочнымъ, такъ какъ возводитъ на широкомъ фундаментѣ народнаго образованія надстройку высшей школы съ ея заносной, готовой наукой, высшимъ цвѣтомъ которой уже является наука самостоятельная, творческая. Напротивъ, у насъ ходъ развитія былъ діаметрально противоположный — при почти поголовно безграмотномъ населеніи возникаетъ академія, за нею университетъ и т. д., а народная школа, чуть не по сей день, провозглашается непосильной для страны роскошью,—въ результатѣ чего весь умственный строй является пирамидой, не прочно покоющейся на широкомъ основаніи, а поставленной, въ неустойчивомъ равновѣсіи, на свое остріе.

Такъ какъ въ этомъ очеркѣ насъ занимаетъ болѣе узкая задача—развитіе въ извѣстную эпоху русской жизни положительнаго знанія, то мы и разсмотримъ всѣ относящіеся сюда факторы подъ этимъ болѣе ограниченнымъ угломъ зрѣнія.

Развитіе самостоятельнаго научнаго творчества, создающаго и двигающаго науку впередъ, въ однѣхъ странахъ было плодомъ свободной дѣятельности независимыхъ представителей передовыхъ слоевъ общества, дѣломъ личнаго почина, въ другихъ же возникло при покровительствѣ той или другой формы просвѣщеннаго абсолютизма, если невсегда сознававшаго насущное значеніе того, чему онъ покровительствовалъ, то, во всякомъ случаѣ, видѣвшаго въ немъ украшеніе, показную сторону своей дѣятельности. Первымъ путемъ развивалась наука въ Англіи, въ ея, созданныхъ по большей части на частныя средства и потому независимыхъ, университетахъ и отдѣльныхъ въ нихъ каѳедрахъ, въ ея свободномъ, возникшемъ по частному почину и гордо хранившемъ свою незивисимость, Королевскомъ Обще-

*) Уже Петръ ясно сознавалъ эти двѣ задачи: „Науки производить и совершать“ и „оныя въ народѣ размножать“.

ствѣ *), наконецъ, въ характерномъ для англійской науки явленіи — цѣломъ рядѣ великихъ дилетантовъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, ея Кавендишахъ, Юнгахъ, Джоуляхъ и Дарвинахъ. Діаметрально противоположнымъ путемъ развивалась русская наука, представлявшая въ самыхъ крайнихъ чертахъ явленіе, общее почти всѣмъ континентальнымъ странамъ Европы. Не знала она и дилетантовъ въ только что указанномъ англійскомъ смыслѣ. Даже въ періодъ своего расцвѣта русское естествознаніе могло, кажется, указать только на два имени—Лугинина и Воронина, составившихъ себѣ прежде почетную извѣстность въ европейской наукѣ и затѣмъ уже получившихъ каѳедры въ университетѣ.

Въ теченіе перваго вѣка своего существованія, русская наука была почти исключительно представлена академіей, изолированное положеніе и ничтожное вліяніе которой, помимо невѣжественности не только массъ, но и общества, несмотря на его внѣшній лоскъ, еще увеличивалось ея чуждымъ, если невсегда иноземнымъ, то почти безъ исключенія иноязычнымъ составомъ. Берущая начало еще со временъ Ломоносова, а въ разсматриваемую нами эпоху, какъ увидимъ далѣе, обнаружившаяся въ открытыхъ протестахъ, враждебность къ академіи была въ значительной степени только однимъ изъ проявленій затаеннаго общаго озлобленія противъ всего нѣмецкаго, которое было такъ распространено въ самую темную пору царствованія Николая I, когда, начиная съ Бенкендорфа и Дуббельта, Дибича и Клейнмихеля, Адлерберга и Брока и кончая хозяиномъ и мастеромъ въ любомъ ремесленномъ заведеніи или управителемъ имѣнія—всюду, помимо общаго гнета системы, чуялся еще нажимъ чужака. Это было время, когда Вяземскій, въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи, жаловался, что „русскій Богъ“ — „Богъ въ особенности нѣмцевъ“; когда Ермоловъ просилъ единственной награды—быть произведеннымъ въ нѣмцы; когда студентъ Чернышевскій недоумѣвалъ, почему это всѣ золотыя медали раздаются нѣмцамъ, когда, наконецъ, такой ничтожный фактъ, какъ открытіе въ Петербургѣ первой русской булочной, разсматривалось чуть не какъ удовлетвореніе законному національному чувству, а о возможности русскихъ аптекъ никто и не могъ помыслить. Этимъ общимъ враждебнымъ настроеніемъ къ нѣмецкому господству, о которомъ теперь на разстояніи полувѣка трудно даже составить себѣ понятіе, объясняется и общее настроеніе русскихъ ученыхъ по отношенію къ „нѣмецкой“ академіи, нашедшее себѣ, между прочимъ, яркое выраженіе въ страстномъ, краснорѣчивомъ протестѣ А. Н. Бекетова и въ защитѣ академіи ея непремѣннымъ секретаремъ Веселовскимъ. Но едва ли послѣдовавшее превращеніе „нѣмецкой“ академіи въ „русскую“ имѣло значительное вліяніе на роль этого учрежденія въ развитіи русской науки за разсматриваемый періодъ. „Нѣмецкая“ академія, блиставшая именами Бэра, Ленца, Струве

*) „По счастію у насъ никогда не было академіи наукъ“, писалъ однажды Гёксли Дарвину.

Гесса *) и др., если не представляла русской науки, то, во всякомъ случаѣ, представляла состояніе науки въ Россіи, чего, конечно, нельзя было сказать позднѣе о ея русской преемницѣ, когда самые видные дѣятели науки блистали въ ней отсутствіемъ, когда къ Ценковскому, Менделѣеву, Сѣченову, Столѣтову можно было примѣнить слова извѣстной эпитафіи-эпиграммы:

Ci—gît....
Qui ne fut rien
Pas même académicien.

Такая академія, конечно, не могла служить показателемъ движенія науки въ странѣ.

И дѣйствительно, показателемъ этого движенія явились другіе факторы и прежде всего—университеты. Они служили центрами, къ которымъ притягивались новыя свѣжія силы и посредствомъ которыхъ наука приходила въ дѣйствительное прикосновеніе съ обществомъ. Исторія естествознанія, нуждающагося не только въ книгѣ и живомъ словѣ, но и въ матеріальной обстановкѣ лабораторіи и музея, почти совпадаетъ у насъ съ исторіей университетовъ и отчасти другихъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Эти послѣднія сыграли также несомнѣнную роль въ подъемѣ естествознанія, такъ какъ въ предшествовавшую темную полосу русской жизни развитію прикладного знанія, возбуждавшаго менѣе подозрѣнія при общемъ гоненіи на мысль, оказывалось сравнительно даже предпочтеніе, благодаря чему, напримѣръ, военно-медицинская, артиллерійская, инженерная академіи, горный и технологическій институты во многихъ отношеніяхъ даже ранѣе университета пользовались благопріятной матеріальной обстановкой, а сконцентрированіе ихъ въ Петербургѣ давало возможность привлекать къ преподаванію университетскихъ профессоровъ и академиковъ (особенно математиковъ).

Важнымъ факторомъ, могущимъ служить связующимъ звеномъ между учеными одной какой-нибудь или соприкасающихся между собою спеціальностей, а также между учеными и обществомъ, на Западѣ уже служили многочисленныя ученыя общества, періодическіе съѣзды и т. д. У насъ въ дореформенную эпоху ихъ число и кругъ дѣятельности были ничтожны. Существовало Вольное Экономическое Общество (какъ извѣстно, опередившее западную Европу), Географическое и Московское Общество испытателей природы, но они собирали въ свои засѣданія очень ограниченное число посѣтителей, а труды послѣдняго, издававшіеся на иностранныхъ языкахъ, служили для ознакомленія Европы съ естественными произведеніями Россіи, а то и просто оказывали на своихъ страницахъ гостепріимство европейскимъ ученымъ, скорѣе чѣмъ способствовали распространенію вкуса къ изученію природы за предѣлами узкаго спеціальнаго кружка. Научной печати вообще, можно сказать, не существовало, какъ не существовало и популяризаціи знаній, на Западѣ уже игравшей важную роль въ смыслѣ привлеченія новыхъ силъ и посвященія возможно широкихъ сферъ общества въ интересы науки.

*) Піонеръ въ области термохиміи, уроженецъ Женевы.

Ознакомимся послѣдовательно съ успѣхами отдѣльныхъ наукъ, какъ мы уже видѣли, тѣсно связанными съ развитіемъ ихъ преподаванія въ университетахъ. Начнемъ съ той науки, развитіе которой обнаружилось ранѣе другихъ и принесло самые видные, осязательные результаты, поставившіе ее черезъ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ въ положеніе, почти ничѣмъ не отличавшееся отъ положенія, занятаго ею на Западѣ—начнемъ съ химіи.

Это движеніе первоначально пришло съ Востока—ex oriente lux, какъ выразился однажды одинъ изъ видныхъ представителей этого движенія, В. В. Марковниковъ. Оно зародилось въ самомъ восточномъ изъ нашихъ университетовъ, въ Казанскомъ. Первымъ русскимъ ученымъ этого періода, составившимъ себѣ имя въ европейской наукѣ, былъ несомнѣнно Николай Николаевичъ Зининъ, преемникомъ ему, послѣ перехода его изъ Казани въ Петербургъ, выступилъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ, за которымъ послѣдовали Марковниковъ и Зайцевъ, словомъ—та преемственная группа извѣстныхъ далеко за предѣлами Россіи химиковъ, которая справедливо получила названіе Казанской школы. Зининъ, какъ и большинство европейскихъ химиковъ того времени, былъ ученикомъ Либиха, и къ Гиссену сходятся всѣ пути, по которымъ проникла къ намъ не только современная химія, но косвенно и все экспериментальное естествознаніе. Конечно, и раньше ученые имѣли отдѣльныхъ учениковъ, но Либихомъ въ Гиссенѣ была создана первая, въ буквальномъ смыслѣ этого выраженія, научная школа, т. е. обширный питомникъ ученыхъ, стекавшихся туда со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра и возвращавшихся домой носителями его системы научнаго воспитанія. А въ основѣ этой системы лежала мысль, что преподаватель долженъ сообщать ученику не одинъ только запасъ знаній, но, что не менѣе важно, и запасъ умѣнья, т. е. долженъ выпускать готоваго новаго работника, новаго двигателя новой науки. А этой новой наукой была органическая химія. По образцу гиссенской лабораторіи стали уже позднѣе возникать физическіе (одинъ изъ первыхъ у Магнуса), физіологическіе (у Людвига) и другіе институты, но едва ли какой изъ нихъ когда-либо оказалъ такое широкое вліяніе на успѣхи соотвѣтствующей науки во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, какое оказала эта маленькая гиссенская лабораторія.

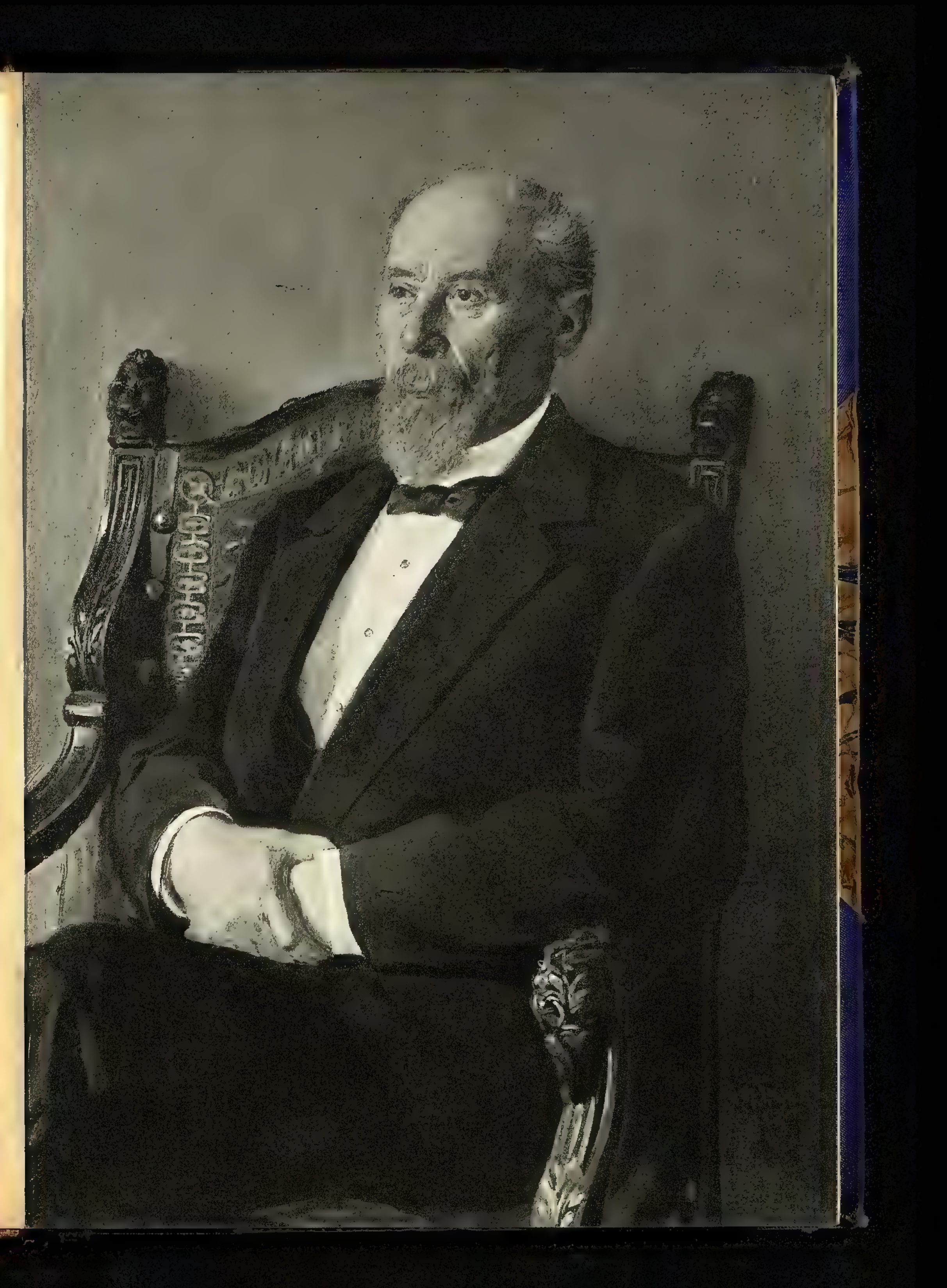
Вторымъ и болѣе важнымъ центромъ, вскорѣ притянувшимъ къ себѣ и главныя силы изъ Казани, явился Петербургъ и, главнымъ образомъ, его университетъ. Въ пятидесятыхъ годахъ каѳедру химіи въ университетѣ занималъ Воскресенскій, тоже ученикъ Либиха, на первыхъ порахъ подававшій надежды своими работами по органической химіи, но очень скоро, какъ многіе въ то время, опустившійся и сводившій преподаваніе на жиденькій курсъ неорганической химіи. Но вотъ въ 1857—1859 годахъ появляются на каѳедрѣ органической химіи Менделѣевъ и Николай Николаевичъ Соколовъ, и картина совершенно измѣняется. Никогда, быть можетъ, между двумя отдѣлами одной и той же науки не существовало такой пропасти, какъ въ то время между

Ѳедоръ Александровичъ Бредихинъ.

Съ портрета, писаннаго Г. Бакмансонъ.
(Николаевская Главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

2

неорганической и органической химіей —онѣ говорили двумя различными языками — изображали тѣ же тѣла различными формулами, — такъ что студентъ, основательно знающій неорганическую химію, попавъ случайно въ аудиторію органической химіи, могъ не узнать на доскѣ самаго обычнаго, хорошо извѣстнаго ему тѣла *). Имя Менделѣева само за себя говоритъ, дѣятельность же Соколова, къ сожалѣнію, рано задержанная роковой болѣзнію, далеко не достаточно выдвигается въ исторіи русской науки. Едва ли какой преподаватель даже того исключительнаго времени выступалъ въ такомъ всеоружіи современной науки, съ такими широкими взглядами, съ такой кипучей разносторонней дѣятельностью, какъ Н. Н. Соколовъ. Блестящій, остроумный, съ нѣсколько скептическимъ и саркастическимъ складомъ ума и неумолимой логикой, онъ былъ профессоръ въ лучшемъ смыслѣ слова. Профессоръ — изящный работникъ, зарекомендовавшій себя рядомъ самостоятельныхъ изслѣдованій, профессоръ—критикъ, профессоръ—философъ. Ученикъ Либиха, другъ Герара, въ то время самаго виднаго реформатора органической химіи, онъ былъ первымъ профессоромъ, на вступительныхъ лекціяхъ котораго русскіе учащіеся знакомились съ мастерскимъ изложеніемъ философіи Огюста Конта. Вернувшись изъ-за границы, онъ съ необычайной энергіей прилагаетъ всѣ старанія къ подъему невысокаго уровня у насъ химическихъ знаній, не жалѣя на то и своихъ скромныхъ средствъ. Для этого онъ пытается прежде всего создать печатный органъ, по которому молодые химики могли бы слѣдить за успѣхами науки. Сначала онъ пытался достигнуть этого расширеніемъ химическаго отдѣла Горнаго журнала, но затѣмъ начинаетъ издавать *) на свои собственныя средства первый въ Россіи „химическій журналъ“. Убѣдившись въ полной неудовлетворительности *собственно химической* лабораторіи университета, онъ основываетъ опять на свои средства первую въ Россіи частную химическую лабораторію **), въ которой молодые химики за очень умѣренную плату могли найти обстановку современной европейской лабораторіи и руководство опытнаго знатока этого новаго и для Европы дѣла. Я говорю собственно химической, такъ какъ благодаря энергіи Ильенкова, ученика и друга Либиха, и въ значительной степени также на его собственныя болѣе чѣмъ скромныя средства уже была устроена химическая лабораторія при каѳедрѣ технологіи. Впослѣдствіи, добившись расширенія университетскаго помѣщенія, Соколовъ жертвуетъ университету обстановку своей лабораторіи, которую пришлось закрыть за недостаткомъ на нее спроса. Кромѣ лекцій и руководства спеціальными работами по

*) Ни на одномъ европейскомъ языкѣ въ теченіе долгаго времени не существовало руководства неорганической химіи, въ которомъ примѣнялся бы языкъ формулъ, уже укоренившійся въ органической.

*) При содѣйствіи молодого химика-артиллериста, впослѣдствіи столь извѣстнаго А. Н. Энгельгардта.

**) Въ Галерной улицѣ, недалеко отъ сената, также при участіи Энгельгардта.

органической химіи, Соколовъ обращаетъ особенное вниманіе на аналитическую химію, которой придавалъ очень важное научно-воспитательное значеніе. Онъ видѣлъ въ ней простѣйшую школу логики *въ дѣйствіи,* школу тѣмъ болѣе строгую, что въ ней за каждымъ преступленіемъ немедленно слѣдуетъ и наказаніе; онъ всегда воевалъ противъ того чисто ремесленнаго, рецептурнаго характера, который она приняла въ Германіи, въ формѣ широко распространенныхъ таблицъ Виля, которымъ онъ противополагалъ прекрасное для того времени руководство Викке. Эти глубоко научныя идеи Соколова упали на плодотворную почву. Благодаря извѣстному руководству его любимаго ученика Н. А. Меншуткина, переведенному на нѣсколько иностранныхъ языковъ, русскій химикъ изъ ученика сдѣлался самъ учителемъ европейскихъ химиковъ.

Д. И. Менделѣевъ въ началѣ этой эпохи не былъ еще тѣмъ, чѣмъ онъ представляется намъ теперь— авторомъ всемірно-извѣстныхъ „Основъ химіи", творцомъ періодической системы элементовъ, того самаго широкаго обобщенія въ химіи, приведшаго къ поразительному результату—возможности предсказыванія и подробнаго описанія еще неизвѣстныхъ элементовъ, пророчествъ, которыя исполнялись съ неукоснительной точностью. Онъ не выступалъ еще и со своими обширными физическими работами, хотя уже удѣлялъ этимъ вопросамъ мѣсто, какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ курсѣ теоретической химіи, вѣроятно, первомъ, читавшемся передъ русской аудиторіей. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ по преимуществу органикъ; его превосходный по ясности и простотѣ изложенія учебникъ, „Органическая химія", не имѣлъ себѣ подобнаго въ европейской литературѣ, и, кто знаетъ, насколько именно эта книга способствовала тому, что въ этомъ главнымъ образомъ направленіи двинулось впередъ ближайшее поколѣніе молодыхъ русскихъ химиковъ. Когда, вслѣдствіе отсутствія необходимой лабораторной обстановки *) въ Петербургскомъ университетѣ, а еще болѣе послѣ его временнаго закрытія,

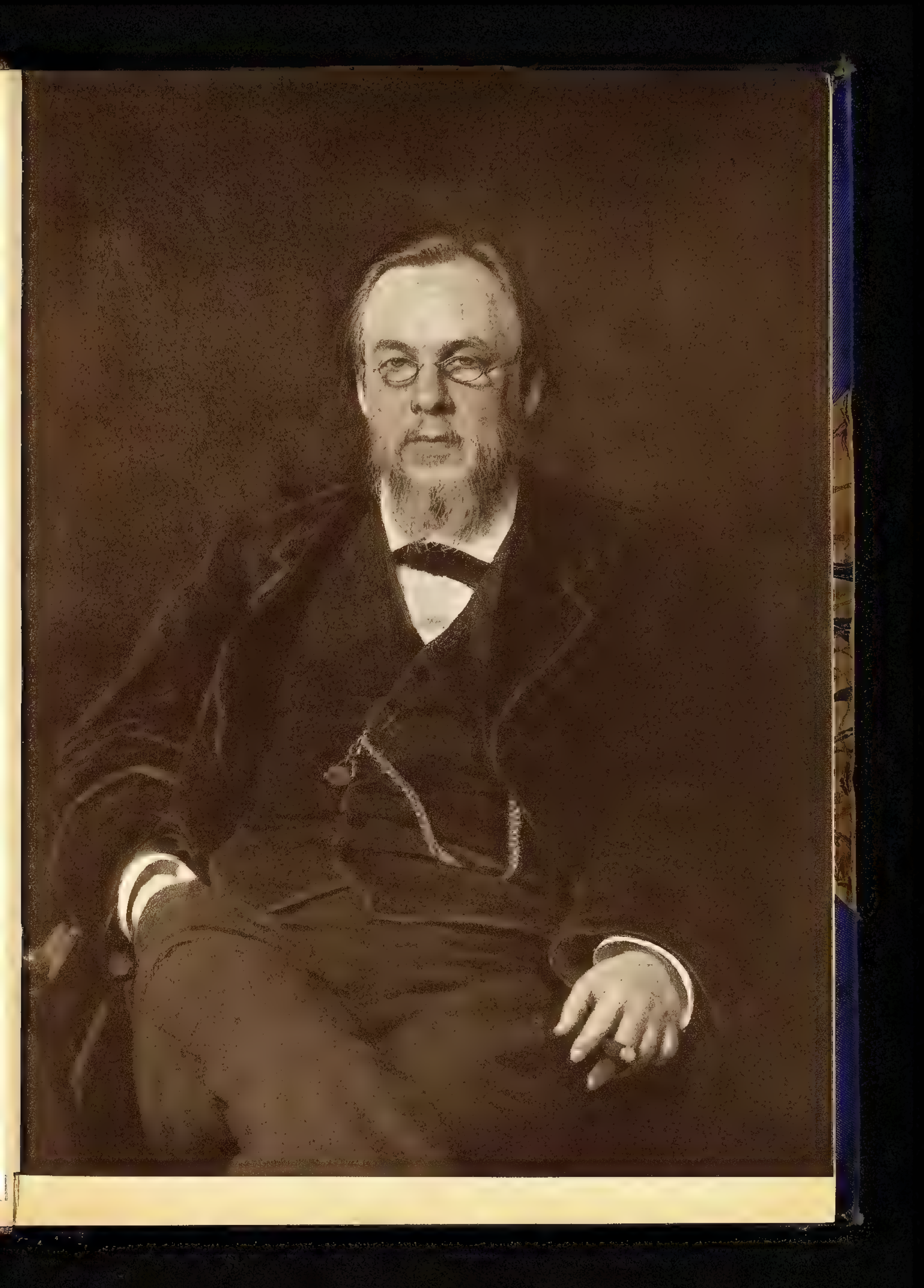
*) Тѣмъ, кто работаетъ въ современныхъ лабораторіяхъ-дворцахъ, можетъ быть, любопытно увидѣть картинку лабораторіи въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Когда Д. И. Менделѣевъ предложилъ студентамъ, для практики въ органической химіи, повторить нѣкоторыя классическія работы, пишущему эти строки выпало продѣлать извѣстное изслѣдованіе Зинина — полученіе анилина. Матеріалъ — бензойную кислоту, конечно, пришлось купить на свои гроши, такъ какъ этотъ расходъ не былъ подъ силу лабораторіи, съ ея 300 рублевымъ бюджетомъ, но затѣмъ понадобилась ѣдкая известь. При изслѣдованіи, находившаяся въ складѣ оказалась почти начисто углекислой. Почтенный лаборантъ Э. Ѳ. Радловъ далъ благой совѣтъ: „А затопите-ка горнъ да прокалите сами, кстати ознакомитесь съ тѣмъ, какъ обжигаютъ известь". Сказано—сдѣлано, но здѣсь встрѣтилось новое препятствіе: сырыя дрова шипѣли, свистѣли, кипѣли, но толкомъ не разгорались. На выручку подоспѣлъ сторожъ. „Эхъ, баринъ, чего захотѣлъ, казенными дровами да горнъ растопить, а вотъ что ты сдѣлай: тамъ въ темненькой есть такая маленькая не то лежаночка, не то плита, положи прежде на нее вязаночку, да денекъ протопи,—дрова и просохнутъ". Такъ и пришлось поступить. Сушка казенныхъ дровъ, какъ первый шагъ къ реакціи Зинина, вотъ уже подлинно, что называется, начинать сначала!

Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.
(Съ любезнаго разрѣшенія Г-жи Бородулиной въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

3

русская университетская молодежь толпами бросилась въ заграничные университеты, она направилась исключительно въ лабораторіи органической химіи, (Вюрца, Кекуле, Штреккера, Бейльштейна, Кольбе). Всего нагляднѣе это обнаружилось въ главномъ центрѣ этого паломничества, въ Гейдельбергѣ, гдѣ только немногіе, какъ Лугининъ, а раньше Менделѣевъ и Шишковъ *), направлялись къ Бунзену. Большинство считало его отсталымъ (даже и формулы-то пишетъ не гераровскія!), тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ слишкомъ передовымъ представителемъ новѣйшаго направленія едва нарождавшейся физической химіи; молодые русскіе химики толпились въ маленькой лабораторіи органика—Эрленмейера, фамильярно окрещеннаго въ русскаго „Еремеича".

Съ переходомъ Бутлерова изъ Казани, съ выступленіемъ Н. А. Меншуткина, картина измѣнилась; возникли настоящія научныя лабораторіи, и научная жизнь закипѣла, какъ въ любомъ университетѣ Запада. Рядомъ съ университетомъ, а по большей части и раньше его, и другія высшія школы обзавелись лабораторіями современнаго типа, какъ напримѣръ, лабораторія Зинина въ медицинской академіи, Шишкова—въ артиллерійской. Бейльштейнъ, хотя и уроженецъ Петербурга возвращается въ него уже съ каѳедры въ гёттингенскомъ университетѣ и устраиваетъ лабораторію технологическаго института, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередившую и университетъ. *) Этотъ ростъ лабораторій наглядно выразился и въ такомъ мелочномъ фактѣ, какъ слѣдующій. Занимавшіеся химіей въ началѣ шестидесятыхъ годовъ помнятъ, конечно, два маленькія оконца на Гороховой, недалеко отъ Синяго моста, передъ которыми прохожіе останавливались, въ недоумѣніи разсматривая диковинныя посудины, „выдутыя изъ стекла", т. е. колбы, реторты и т. д. Это былъ первоначальный магазинъ стекляннаго завода Ритингъ, теперь занимающій цѣлый многоэтажный домъ, наглядно свидѣтельствуя, въ какихъ размѣрахъ развилась потребность въ этихъ орудіяхъ научнаго труда.

То же пробужденіе дѣятельности, которое проявилось въ Петербургскомъ университетѣ, наблюдалось и въ другихъ. О казанской химической школѣ, даже опередившей Петербургъ, уже сказано ранѣе. Въ шестидесятыхъ годахъ она достигла высшаго процвѣтанія, и дѣятельность Бутлерова стала достояніемъ европейской науки. Въ Харьковскомъ университетѣ Н. Н. Бекетовъ своими совершенно оригинальными работами изъ пограничной области химіи и физики также обратилъ на себя вниманіе не однихъ только русскихъ химиковъ. Въ Кіевѣ, рядомъ съ нашимъ Шеврёлемъ—Фонбергомъ (т. е.

*) О Л. Н. Шишковѣ долго сохранялась легенда, какъ о безстрашномъ молодомъ русскомъ химикѣ, державшемъ чуть ли не подъ своей кроватью запасы гремучекислой ртути, надъ которой онъ производилъ вмѣстѣ съ Бунзеномъ изслѣдованіе.

*) Такъ напримѣръ, онъ первый устроилъ въ Россіи лабораторію для газоваго анализа по образцу бунзеновской, о чемъ съ благодарностью вспоминаетъ пишущій эти строки, научившійся у Ѳедора Ѳедоровича этой важной отрасли химическаго изслѣдованія.

подобно Шеврёлю достигшимъ столѣтняго возраста, что прошло почти незамѣченнымъ), выступилъ подававшій большія надежды молодой химикъ Абашевъ и, можетъ быть, нигдѣ не выразилось съ такою наглядностью столкновеніе двухъ эпохъ въ развитіи науки—Берцеліусъ шелъ рука объ руку съ Герарoмъ. Только въ Московскомъ университетѣ преподаваніе химіи, какъ и большей части естествознанія, почти до конца разсматриваемаго періода не было поставлено на современную почву. Лавры Грановскаго и Рулье не давали покоя, и выработался типъ профессора въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. оратора на каѳедрѣ, но не изслѣдователя въ лабораторіи, подающаго примѣръ молодому поколѣнію и заботящагося о созданіи обстановки, необходимой для самостоятельнаго труда. Представителемъ этого типа былъ ученикъ Либиха, увлекавшій своимъ краснорѣчіемъ Лясковскій. Другой ученикъ и другъ Либиха, Ильенковъ, въ только что открывшейся Петровской академіи создалъ первую въ Москвѣ образцовую для своего времени рабочую лабораторію, между тѣмъ какъ лабораторія университета представляла картину полнаго опустѣнія и разрушенія. Только съ появленіемъ въ Москвѣ В. В. Марковникова Московскій университетъ сталъ вторымъ послѣ Петербурга центромъ химической дѣятельности.

Но въ теченіе разсматриваемаго періода, можно сказать, что почти вся дѣятельность русскихъ химиковъ сосредоточилась въ Петербургѣ. Зининъ, Менделѣевъ, Бутлеровъ, Бейльштейнъ, Бекетовъ, Меншуткинъ— едва ли какой европейскій научный центръ въ ту эпоху могъ выставить столько выдающихся дѣятелей по химіи *). Это выразилось въ необыкновенно быстромъ развитіи Русскаго Химическаго Общества съ его органомъ Журналомъ Русскаго Химическаго Общества, главнымъ образомъ благодаря энергичной самоотверженной дѣятельности Н. А. Меншуткина, не щадившаго на организацію совершенно новаго дѣла ни своихъ силъ, ни своего времени. И что достойно особеннаго уваженія, все это было дѣломъ исключительно частваго почина, безъ всякаго „вспособленія“ или „поощренія“ *«казны»*, всегда игравшихъ и продолжающихъ играть такую выдающуюся роль во всѣхъ начинаніяхъ русскаго человѣка.

Такимъ образомъ за какія-нибудь 10—15 лѣтъ русскіе химики не только догнали своихъ старшихъ европейскихъ собратій, но порою даже выступали во главѣ движенія, такъ что въ концѣ разсматриваемаго періода англійскій химикъ Франкландъ могъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что химія представлена въ Россіи лучше, чѣмъ въ Англіи, отечествѣ Гумфри Дэви, Дольтона и Фарадэя. Успѣхи химіи были несомнѣнно самымъ выдающимся явленіемъ на общемъ фонѣ возрожденія наукъ въ ту знаменательную эпоху, почему мы и остановились на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Успѣхи другихъ наукъ обнаружились или значительно позже или не

*) За исключеніемъ, разумѣется, Парижа, въ одно время совмѣщавшаго Реньо, Бертло, Сенъ - Клеръ - Девиля, Пастера, Вюрца, Дюма и др.

приняли такихъ широкихъ размѣровъ; такъ было, напримѣръ, съ физикой. Со смертію Ленца она долго оставалась безъ представителей, которые не только воспринимали бы науку Запада, но и участвовали бы въ ея поступательномъ движеніи и становились бы центромъ, вокругъ котораго группировались бы молодые таланты, находя необходимую обстановку для плодотворнаго приложенія своихъ силъ. Такимъ центромъ, но уже главнымъ образомъ за предѣлами разсматриваемаго періода, былъ „недостаточно оцѣненный въ наукѣ“ *) А. Г. Столѣтовъ. Съ его появленіемъ послѣ профессора Любимова на каѳедрѣ физики, обстановка быстро измѣнилась, и Московскій университетъ сыгралъ въ развитіи этой науки такую же роль, какую Петербургскій за два-три десятилѣтія передъ тѣмъ сыгралъ по отношенію къ химіи.

Говоря о физикѣ, нельзя, конечно, не упомянуть и о первомъ русскомъ астрофизикѣ Бредихинѣ, прославившемся своими спектральными изслѣдованіями и, еще болѣе, изученіемъ кометъ.

Ближайшая къ физикѣ и химіи научная дисциплина—минералогія и геологія развивались первоначально преимущественно въ связи съ дѣятельностью горнаго института (Гофманъ старшій, Гельмерсенъ и др.) и только позднѣе выступили на университетскихъ каѳедрахъ. Русскіе минералоги заявили себя преимущественно въ области кристаллографіи (Гадолинъ, Кокшаровъ)—въ особенности отмѣчена была позднѣе въ этомъ направленіи дѣятельность Федорова, имя котораго получило широкую европейскую извѣстность.

Въ области геологіи—если не считать С. С. Куторги, представлявшаго собою чуть ли не послѣдній экземпляръ уже сходившаго со сцены типа натуралиста, совмѣщавшаго въ себѣ почти всѣ отрасли естествознанія — въ началѣ разсматриваемой эпохи самымъ виднымъ ея представителемъ на университетской каѳедрѣ, не ограничивавшимся однимъ словеснымъ изложеніемъ, а заботившимся о распространеніи между своими слушателями и непосредственнаго изученія природы, былъ несомнѣнно московскій профессоръ Г. Е. Щуровскій, что и было подчеркнуто на первомъ съѣздѣ русскихъ натуралистовъ, предоставившихъ ему первое слово въ своемъ первомъ засѣданіи. Въ Петербургскомъ универ-

*) Слова въ настоящую минуту самаго выдающагося изъ современныхъ физиковъ Дж. Дж. Томсона въ его некрологѣ Столѣтова. Англійскій ученый, конечно, не подозрѣвалъ, какъ вдвойнѣ болѣзненно отозвались его слова въ сердцахъ русскихъ ученыхъ, знавшихъ, какъ онъ былъ оцѣненъ въ своемъ отечествѣ, какому неслыханному оскорбленію онъ былъ подвергнутъ своими официальными судьями, петербургскими академиками. Справедливость требуетъ отмѣтить, что отвѣтственность за этотъ, можетъ быть, самый мрачный эпизодъ въ исторіи русской науки не падаетъ на уважаемаго нашего ветерана химико-физика Н. Н. Бекетова. Слова знаменитаго англійскаго физика о русскомъ невольно напоминаютъ мнѣ слова другого англійскаго физика объ одномъ изъ преемниковъ этого русскаго физика. При послѣдней встрѣчѣ съ недавно умершимъ лордомъ Кельвиномъ я слышалъ отъ него слѣдующій отзывъ: „Вы знаете, я постоянно спорилъ съ Максуэлемъ, но вашъ москвичъ Лебедевъ заставилъ и меня повѣрить въ максуэлевское свѣтовое давленіе“.

ситетѣ ненадолго выступилъ рано умершій Гофманъ (младшій). Появленіе этого молодого ученаго во всеоружіи современной, обновленной Лайелемъ, науки, послѣ его однофамильца въ густыхъ эполетахъ, на невозможномъ русско-нѣмецкомъ нарѣчіи *) сообщавшаго скучнѣйшія педантическія описанія минераловъ и горныхъ породъ (подъ названіемъ ориктогнозіи), знаменовало такой же рѣзкій переходъ отъ стараго къ новому, какъ и переходъ отъ Воскресенскаго къ Соколову и Менделѣеву въ химіи, какъ переходъ (о которомъ рѣчь будетъ далѣе) отъ Шиховскаго къ Ценковскому. И не забудемъ, что все это совершилось съ быстротой какой-нибудь театральной чистой перемѣны на протяженіи съ небольшимъ одного пятилѣтія. Изъ выдвинувшихся за это время молодыхъ геологовъ особенно обратилъ на себя вниманіе профессоръ Головкинскій, особенно своими изслѣдованіями геологіи Крыма.

Здѣсь кстати упомянуть два имени, характеризующихъ ту эпоху, когда наука широко вербовала своихъ адептовъ не изъ однихъ университетовъ, а также изъ такихъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ не предназначали себя служенію наукѣ вообще, а всего менѣе естествознанію. Лицеистъ Вырубовъ становится спеціалистомъ минералогомъ и, хотя его диссертація отвергается Московскимъ университетомъ, составляетъ себѣ имя въ наукѣ и, наконецъ, первый русскій ученый занимаетъ кафедру въ Collège de France. Правовѣдъ Ковалевскій (В. О.) обращаетъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ *) своими выдающимися трудами по палеонтологіи и только незадолго до своей трагической кончины получаетъ каѳедру геологіи въ Московскомъ университетѣ.

Переходимъ къ другому циклу наукъ, гдѣ движеніе, если оно и не было такъ широко и богато результатами, какъ въ химіи—было не менѣе рѣзко выражено и плодотворно. И здѣсь полный переворотъ въ воззрѣніяхъ и въ самомъ отношеніи къ предмету науки, конечно, являлся отраженіемъ того, что почти одновременно или незадолго ранѣе обнаружилось въ западной Европѣ.

Въ біологіи описательной онъ послѣдовательно проявился главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ перенесеніи господствующаго интереса съ изученія высшихъ организмовъ на низшіе, при чемъ центромъ всего движенія являлось ученіе о клѣточкѣ и позднѣе о протоплазмѣ. Вторымъ же мѣриломъ современ-

*) *Угли* вмѣсто углы, *четыре половины* кристалла или, передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе студентовъ, опредѣленіе цвѣта какого-то минерала— „сѣро-сизо-побѣжалый или, цвѣта пера крыла птицы самца голубя“—вотъ нѣкоторые образцы языка, еще раздававшагося съ университетской каѳедры переходной эпохи.

*) Научныя заслуги Владиміра Онуфріевича Ковалевскаго заслонялись болѣе громкою извѣстностью его брата, Александра Онуфріевича, но я припоминаю, какъ въ разговорѣ съ Дарвиномъ (въ 1877 г.), въ которомъ онъ нѣсколько разъ упомянулъ имя Ковалевскаго, на мой вопросъ, имѣетъ ли онъ въ виду Александра зоолога, онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, Владиміра; по моему мнѣнію, его палеонтологическія изслѣдованія имѣютъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ зоологическіе труды его брата“.

ности или отсталости являлось съ начала шестидесятыхъ годовъ отношеніе къ ученію Дарвина. Едва ли когда-нибудь два противоположныя научныя теченія сталкивались съ такою стремительностью, едва ли когда-нибудь новое теченіе такъ быстро одолѣвало старое. Какъ нагляднымъ проявленіемъ новаго направленія въ химіи явилась лабораторія, такъ нагляднымъ орудіемъ и символомъ обновленной біологіи являлся микроскопъ. Съ обычными у насъ упрощеніемъ и прямолинейностью взглядовъ, передовымъ признавался только тотъ профессоръ, который начиналъ съ „низшихъ“ *), и при своихъ изслѣдованіяхъ прибѣгалъ къ микроскопу. Тотъ же, который начиналъ съ высшихъ и довольствовался при этомъ невооруженнымъ глазомъ или лупой, оставался за флангомъ. Въ этомъ воззрѣніи было, пожалуй, и много преувеличеннаго, но исторія науки полна такихъ примѣровъ; не ограничивая временно и хотя бы совершенно искусственно своихъ задачъ, она едва ли могла бы двигаться съ полнымъ успѣхомъ. Это превращеніе всего нагляднѣе, всего рѣзче, du jour au lendemain, какъ говорятъ французы, обнаружилось въ Петербургскомъ университетѣ надъ ботаникой. До 1854 года каѳедру ботаники занималъ профессоръ Шиховскій, одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ представителей узко систематическаго направленія, которыхъ незадолго передъ тѣмъ страстный до запальчивости Шлейденъ непочтительно окрестилъ прозвищемъ Grasfresser. Его руководство ботаники для гимназій содержало такой сконденсированный запасъ фактовъ по систематикѣ растеній, знанія котораго современный экзаменаторъ не ожидалъ бы встрѣтить не только у оканчивающаго университетскій курсъ студента, но порою и у магистранта-ботаника. О Шиховскомъ сохранилось такое преданіе: аккуратно разъ въ годъ онъ появлялся въ аудиторіи съ микроскопомъ, колоссальнымъ, скорѣе напоминавшимъ телескопъ, микроскопомъ Chevalier и неизмѣнно повторялъ слѣдующую фразу: „Вотъ, господа, если очень острымъ скальпелемъ сдѣлать очень тоненькій разрѣзъ сѣрной спички, то можно увидѣть интереснѣйшее строеніе древесины сосны. Я и самъ пробовалъ, да что-то очень темно, плохо видно“. А затѣмъ микроскопъ тѣмъ же порядкомъ убирался въ шкапъ до слѣдующаго года. Переходъ отъ такого преподавателя, совершенно отставшаго отъ современнаго положенія науки, къ Ценковскому, не только стоявшему на уровнѣ европейской науки, но и принимавшему участіе въ ея движеніи наравнѣ со своими западно-европейскими товарищами, былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ въ лѣтописяхъ русской науки и потому, понятно, что этотъ замѣчательный ученый и увлекательный профессоръ справедливо признается не только родоначальникомъ всѣхъ современныхъ русскихъ ботаниковъ, но не остался безъ вліянія и на развитіе зоологіи. Одинъ изъ выдающихся авторитетовъ въ обращавшей на себя въ то время особое вниманіе области изу-

*) Пріемъ, къ слову сказать, едва ли педагогическій, а въ то время и особенно выбивавшій изъ сѣдла совершенно неподготовленную аудиторію.

ченія микроскопическихъ организмовъ (особенно водорослей), онъ одинъ изъ первыхъ изслѣдовалъ такъ называемыя пласмодіи, сыгравшія такую роль въ установленіи понятія о протоплазмѣ, этомъ началѣ всего живущаго, игравшемъ первенствующую роль въ ученіи о клѣточкѣ и только въ концѣ разсматриваемаго періода уступившемъ свое мѣсто выдвинутому на первый планъ клѣточному ядру.

Преемниками Ценковскаго въ Петербургѣ явились одновременно А. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ. Съ этого времени устанавливается укоренившееся у насъ (въ отличіе отъ западныхъ университетовъ) дѣленіе каѳедры ботаники между двумя спеціальностями—морфологіей (т. е. органографіей и систематикой) и физіологіей (съ включеніемъ анатоміи) *). Фаминцынъ былъ первымъ русскимъ ботаникомъ, избравшимъ своей спеціальностью физіологію, едва только начинавшую обращать на себя вниманіе нѣмецкихъ ботаниковъ. Къ этому времени относятся первыя работы Сакса и появившееся въ 1866 году его руководство „Handbuch der Physiologie" было первымъ обширнымъ спеціальнымъ сводомъ современныхъ физіологическихъ данныхъ. Такимъ образомъ въ Петербургскомъ университетѣ изученіе физіологіи, какъ самостоятельной дисциплины, возникло не только ранѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ университетахъ, но и ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ, и онъ сдѣлался родоначальникомъ молодыхъ русскихъ физіологовъ (Розановъ, Баранецкій, Баталинъ, Бородинъ). Говоря о Бекетовѣ, обыкновенно выдвигаютъ впередъ его энергическую общественную дѣятельность, какъ убѣжденнаго защитника высшаго образованія, и недостаточно выдѣляютъ его научно-философское значеніе. Поздно остановившійся на своемъ истинномъ призваніи (обстоятельство, какъ мы видѣли, характерное для многихъ его современниковъ), уже обремененный значительной семьей—обстоятельство не маловажное при нищенской обстановкѣ профессора того времени,—онъ не могъ сосредоточиться на своей спеціальности, чтобы оставить слѣдъ въ качествѣ обогащающаго ее новыми фактами работника, но зато другую сторону своей дѣятельности,—принятую на себя обязанность быть руководителемъ научнаго развитія молодого поколѣнія, онъ выполнялъ, быть можетъ, не хуже своихъ болѣе знаменитыхъ современниковъ, какъ истинный ученый мыслитель. Онъ не былъ простой передаточной инстанціей между своими учениками и западными учителями. Онъ могъ сказать, что новыя теченія научной мысли не захватили его врасплохъ, а вполнѣ подготовленнымъ; мало того, многія изъ мыслей, разсѣянныхъ въ его руководствахъ, а отчасти и популярныхъ произведеніяхъ, были какъ бы предчувствіемъ надвигавшагося, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вполнѣ опредѣленно ставилъ широкія задачи, которыя начали осуществляться лишь полвѣка спустя. Онъ могъ сказать, что дарвинизмъ засталъ его вполнѣ подготовленнымъ къ его принятію, чего нельзя

*) Вѣроятно, потому, что господствовавшимъ въ то время учебникомъ была теперь почти забытая книга Шахта—„Анатомія и физіологія растеній".

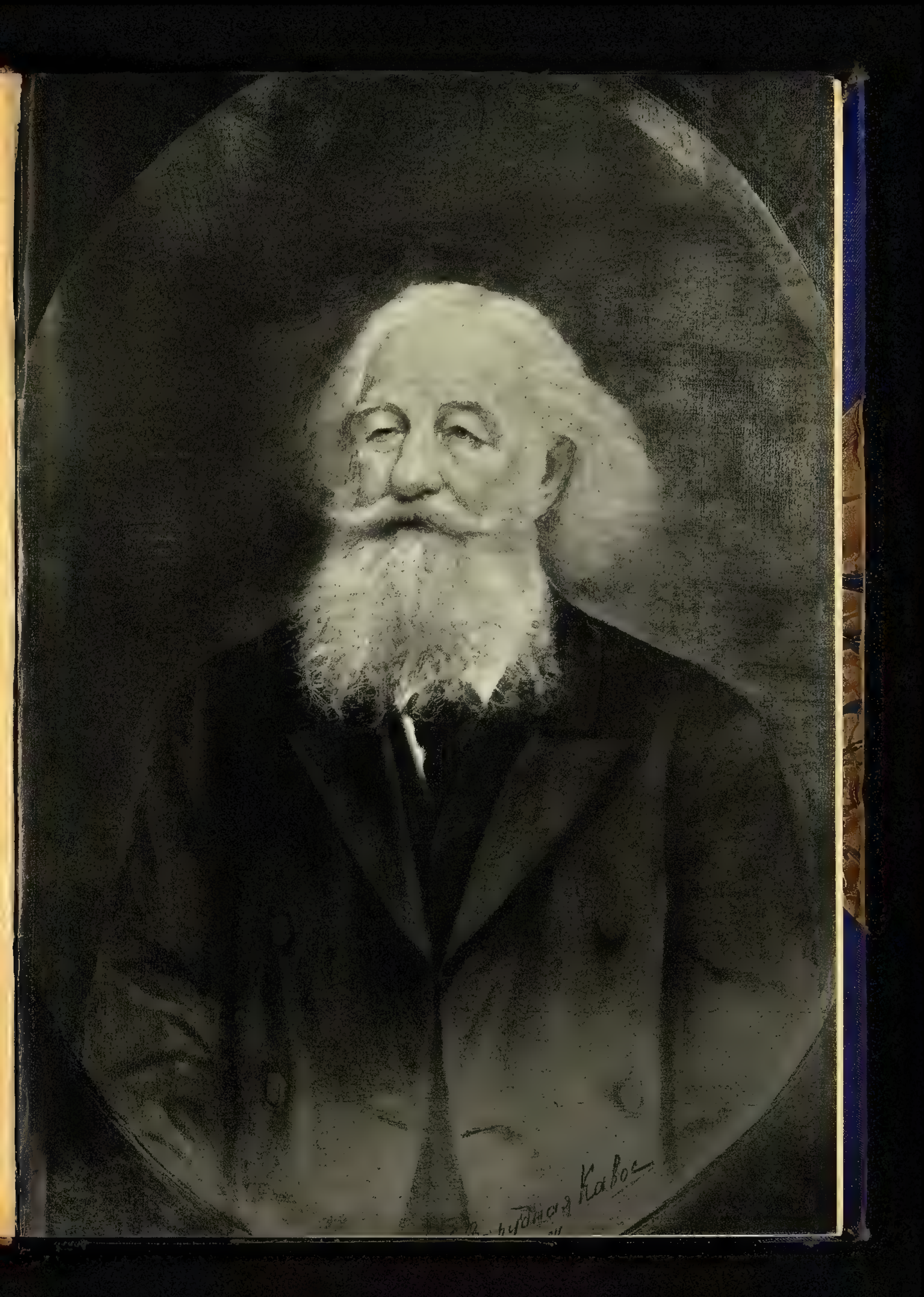

Андрей Николаевичъ Бекетовъ.

Съ портрета, писаннаго Е. С. Заругной-Кавосъ. 1897 г.
(Высшіе Женскіе Курсы въ С. Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко".

4

Кавос

было сказать о нѣкоторыхъ его ближайшихъ современникахъ. Его руководство для университетскихъ слушателей, не имѣвшее въ свое время себѣ подобнаго въ европейской литературѣ, въ своихъ основныхъ положеніяхъ опережало науку почти на полстолѣтія. Съ первыхъ же строкъ его онъ становился на точку зрѣнія *экспериментальной морфологіи*, получившей общее признаніе только за порогомъ XX столѣтія. Онъ первый въ Европѣ въ общемъ трактатѣ ботаники провелъ блестящія изслѣдованія и воззрѣнія Гофмейстера, окончательное подтвержденіе которыхъ пришло также черезъ полвѣка спустя, между прочимъ изъ далекой Японіи, дремавшей еще непробуднымъ сномъ азіатской деспотіи. А между тѣмъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ А. Н. говорилъ своимъ слушателямъ: „Всѣмъ ботаникамъ надо теперь уставиться на кончикъ цвѣтневой трубочки — тамъ ждутъ ботаника величайшія открытія". Первый смѣло вычеркнулъ онъ цѣлый линнеевскій классъ лишайниковъ изъ списковъ самостоятельныхъ классовъ, включивъ его въ классъ грибовъ. Этимъ былъ сдѣланъ первый рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, которое (послѣ открытія Фаминцына и Баранецкаго) выразилось, въ произведеніяхъ Швенденера и Де-Бари, въ широкомъ обобщеніи ученія о *симбіозѣ*, т. е. тѣсной совмѣстной жизни самыхъ разнородныхъ организмовъ. Какъ Соколовъ первый съ русской университетской каѳедры излагалъ ученіе Конта, такъ Бекетовъ никогда не упускалъ случая проводить идеи, высказанныя въ логикѣ Милля *). Если задача профессора, какъ профессора, а не изслѣдователя,—быть живымъ проводникомъ современнаго ему движенія научной мысли, истолкователемъ только что нарождающихся идей и ферментомъ, возбуждающимъ въ слушателяхъ желаніе принять участіе въ этомъ движеніи — то роль Андрея Николаевича Бекетова въ разсматриваемую нами эпоху была несомнѣнно выдающаяся.

Въ Московскомъ университетѣ ботаника успѣшнѣе развивалась только въ направленіи изученія систематики. „Московская флора" Кауфмана была первой русской ботанической книгой, появившейся въ рукахъ всѣхъ интересовавшихся родной природой, и послѣ „Органической химіи" Менделѣева, вѣроятно, второй оригинальной русской книгой, способствовавшей распространенію серьезныхъ знаній въ средѣ стремившагося къ научной дѣятельности молодого поколѣнія. Первый профессоръ физіологіи растеній, С. А. Рачинскій былъ однимъ изъ представителей указаннаго литературнаго типа профессора, о которомъ уже было сказано выше; какъ изслѣдователь, онъ не оставилъ по себѣ слѣда, не могъ вызвать и подражанія, но его не малой заслугой былъ первый русскій переводъ „Происхожденія видовъ" и нѣсколь-

*) Многіе узкіе спеціалисты отрицаютъ значеніе такихъ общихъ трактатовъ о научномъ методѣ—но вспомнимъ, что, по признанію Дарвина, именно подобное произведеніе Гершеля (Discourse on the study of Natural Philosophy) было главнымъ стимуломъ, пробудившимъ въ немъ желаніе и самому внести что-нибудь въ общую сокровищницу научнаго знанія.

ко прекрасныхъ ботаническихъ очерковъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ томъ числѣ „Цвѣты и насѣкомыя“, въ которыхъ онъ первый ознакомилъ русскую читающую публику съ ботаническими изслѣдованіями Дарвина. Нельзя не упомянуть здѣсь мимолетную дѣятельность страннаго самоучки *Чистякова*, не только не прошедшаго серьезной научной школы, но даже не обладавшаго яснымъ пониманіемъ того, что онъ наблюдалъ — и тѣмъ не менѣе несомнѣнно перваго ботаника, изобразившаго тотъ процессъ дѣленія клѣточнаго ядра (такъ называемый каріокинезисъ), на изученіе котораго затрачено такое неимовѣрное количество труда и времени въ послѣднюю четверть вѣка, съ довольно-таки скромнымъ общимъ результатомъ *).

Послѣ химіи едва ли не всего быстрѣе и успѣшнѣе стала развиваться зоологія (и гистологія), но справедливость требуетъ замѣтить, что первоначальное ея развитіе въ новомъ современномъ направленіи не обошлось безъ вліянія Ценковскаго. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ преподаваніе зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи въ Петербургскомъ университетѣ совмѣщалось въ одномъ профессорѣ Степанѣ Семеновичѣ Куторгѣ, какъ уже сказано выше, одномъ изъ послѣднихъ могиканъ—представителей того типа натуралиста вообще (минералога - геолога - зоолога), который былъ еще возможенъ въ первой половинѣ вѣка, но уже въ началѣ второй превышалъ силы одного человѣка. Этотъ профессоръ, начинавшій свой курсъ „съ высшихъ“ и не поспѣвавшій за современными успѣхами микроскопическихъ изслѣдованій (хотя въ свое время авторъ книги объ инфузоріяхъ, переведенной даже на нѣмецкій языкъ!)—Куторга, уже дряхлый, за годъ до своей смерти, былъ, вѣроятно, первый русскій профессоръ, изложившій съ обычной для него ясностью содержаніе озадачившаго весь ученый міръ „Происхожденія видовъ“ Дарвина. Книга эта вышла въ ноябрѣ 1859 года, а уже въ одной изъ вводныхъ лекцій общаго курса зоологіи въ сентябрѣ 1860, т. е. въ ближайшій возможный для него срокъ — онъ знакомилъ студентовъ первокурсниковъ съ этой революціонной теоріей, которую его, считавшійся болѣе современнымъ и свѣдущимъ коллега, академикъ Брандтъ, еще долго послѣ того собирался „подсѣчь подъ самый корень“. Дарвинизмъ вскорѣ сталъ лозунгомъ молодыхъ русскихъ зоологовъ и подъ его флагомъ они завоевали себѣ почтенное мѣсто въ европейской наукѣ. Преемникъ Куторги, Карлъ Федоровичъ Кесслеръ, знатокъ русской фауны, въ особенности птицъ и рыбъ, не былъ въ строгомъ смыслѣ двигателемъ въ своей наукѣ, не вносилъ въ свое преподаваніе широкихъ и новыхъ идей, но былъ глубоко преданъ сво-

*) Это необходимо отмѣтить въ виду не совсѣмъ справедливаго отношенія къ Чистякову другого русскаго ботаника того времени. Немногіе знаютъ, что извѣстный теперь боннскій профессоръ Страсбургеръ былъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ доцентомъ въ Варшавѣ. Въ своемъ недавнемъ очеркѣ исторіи этого вопроса Страсбургеръ не отводитъ должнаго мѣста Чистякову, между тѣмъ онъ единственный изъ нѣмецкихъ ботаниковъ могъ быть хорошо освѣдомленъ о содержаніи и времени появленія работъ Чистякова и даже лично его зналъ.

ей дѣятельносги и глубоко убѣжденъ — вмѣстѣ съ Пироговымъ, съ которымъ ему и приходилось вначалѣ дѣйствовать въ Кіевѣ—въ той роли, которую призвано играть естествознаніе въ общей системѣ воспитанія.

Представителями новаго теченія въ наукѣ, въ которомъ русскимъ зоологамъ суждено было по праву на равной ногѣ вступить въ общеевропейскую семью, были два молодыхъ зоолога, имена которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ стали общимъ достояніемъ европейской и въ теченіе полувѣка продолжали и продолжаютъ составлять гордость русской науки. Уже въ самомъ почти началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ стали распространяться слухи о появившемся въ Харьковѣ Wunderkind'ѣ, чуть не на гимназической скамьѣ уже научившемся владѣть микроскопомъ и даже печатающемся въ иностранныхъ журналахъ! Это былъ будущій Илья Ильичъ Мечниковъ. Почти одновременно съ нимъ, хотя старше годами, выступилъ на научное поприще и Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій. На долю обоихъ молодыхъ ученыхъ, на первыхъ порахъ, выпала славная задача—продолжать дѣло, если и не русскаго по происхожденію, то всею своею дѣятельностью связаннаго съ Россіей, Карла-Эрнеста Бэра, основателя современной эмбріологіи. Только на этотъ разъ полемъ изслѣдованія явились простѣйшіе представители позвоночныхъ и представители различныхъ типовъ безпозвоночныхъ, а руководящей идеей явилось ученіе Дарвина, къ которому престарѣлый Бэръ относился далеко не сочувственно. Сравнительная эмбріологія выступила въ защиту этого ученія, доказывая, что сродство, неясное на вполнѣ развитыхъ организмахъ, проявляется гораздо очевиднѣе при изученіи ихъ исторіи развитія, и перебрасывала мосты между далеко отстоявшими отдѣльными животными типами, подобно тому, какъ за десятилѣтіе передъ тѣмъ Гофмейстеру удалось, также на основаніи исторіи развитія, перебросить мостъ между двумя полуцарствами растеній. Зоологовъ потянуло къ морю, съ его богатой, разнообразной фауной, еще почти не затронутой съ этой точки зрѣнія, и Неаполь вскорѣ сталъ для русскихъ зоологовъ тѣмъ, чѣмъ былъ Гейдельбергъ для химиковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что явились они сюда уже не учениками, а піонерами-учителями, ведущими впередъ европейскую науку. Уже не они стремились въ готовую лабораторію, какъ нѣкогда въ Гиссенѣ, а ихъ труды, возникшіе въ самой скромной обстановкѣ, подали между прочимъ мысль создать совокупными средствами всей Европы зоологическую станцію, дающую теперь пріютъ ученымъ всего міра и своимъ извѣстнымъ акваріумомъ привлекающую толпы любознательныхъ туристовъ.

Почти одновременно съ изслѣдованіями Ковалевскаго и Мечникова обратили на себя вниманіе неожиданныя по своимъ результатамъ, любопытныя изслѣдованія въ области „партеногенезиса" казанскаго, а потомъ петербургскаго профессора Вагнера.

Если разсмотрѣнное до сихъ поръ научное движеніе исходило главнымъ образомъ, какъ изъ центра, изъ

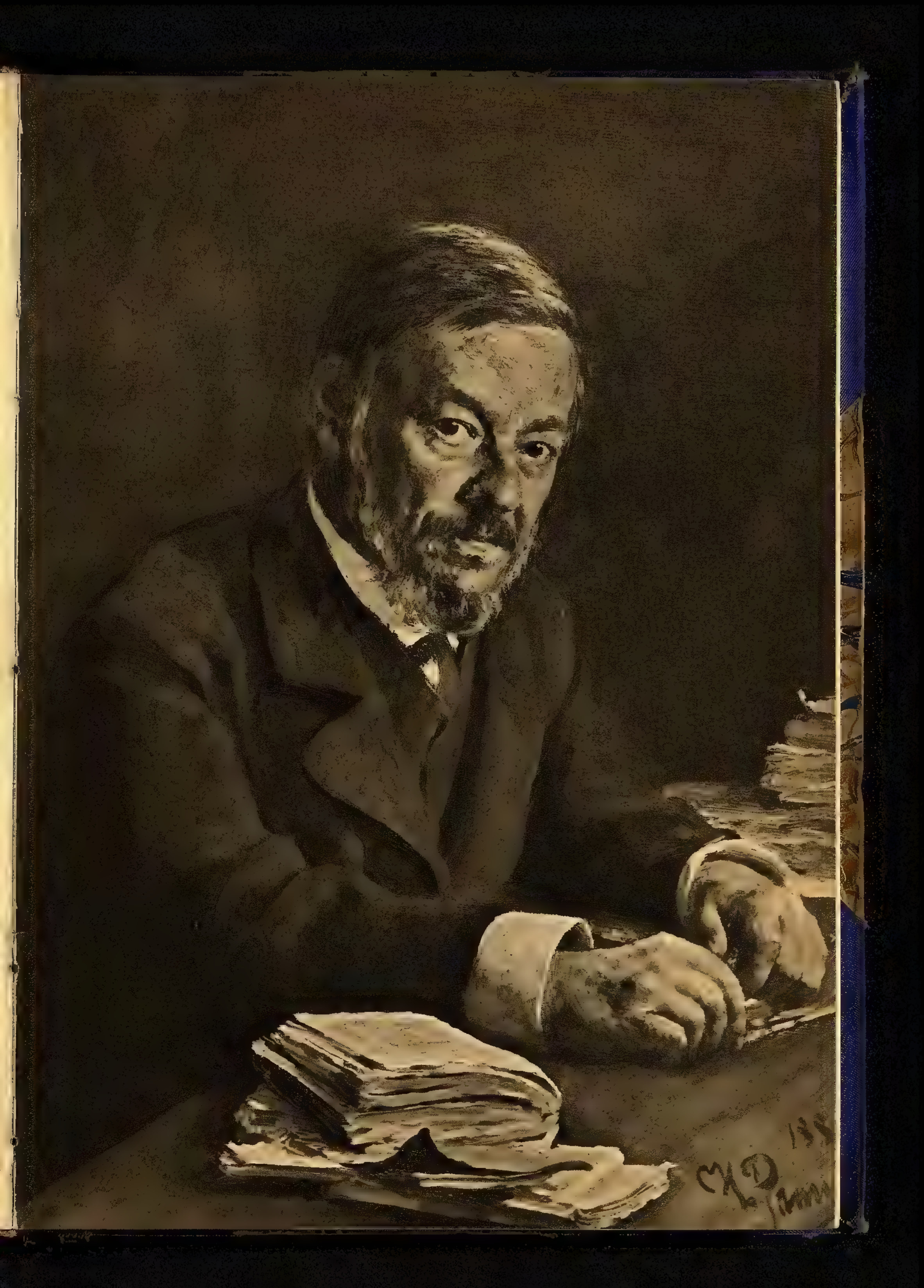
Петербургскаго университета, то развитіе физіологіи главнымъ образомъ исходило изъ другой высшей школы —изъ медицинской академіи. Причиной тому былъ научный анахронизмъ, господствовавшій въ то время, да и долго спустя, въ силу котораго физіологомъ можетъ быть только медикъ,—анахронизмъ, благодаря которому путь на каѳедру физіологіи лежитъ исключительно черезъ медицинскій факультетъ, черезъ медицинскую школу. Исторически объясняемое, это условіе утратило уже свой смыслъ и являлось немаловажнымъ тормозомъ для успѣха этой важнѣйшей отрасли современнаго естествознанія, быстрое развитіе которой было едва ли не самой выдающейся чертой успѣховъ естествознанія около середины столѣтія. Если химія возникла у насъ трудами цѣлой плеяды талантливыхъ химиковъ, если описательная біологія можетъ прослѣдить первый толчокъ къ развитію въ современномъ направленіи до Ценковскаго, то физіологія должна признать своего неоспоримаго отца въ высокоталантливой и столь же оригинальной и свѣтлой личности Ивана Михайловича Сѣченова. Можно сказать, что это была самая типическая центральная фигура того научнаго движенія, которое характеризуетъ разсматриваемую нами эпоху. Какъ и многіе изъ его русскихъ современниковъ, нѣсколько поздно нашелъ онъ свое истинное призваніе, но разъ найдя его, онъ предался ему со всей страстностью, со всей упорной выдержкой въ трудѣ своего сильнаго, непреклоннаго характера. Ученикъ Гельмгольтца, Клода Бернара, Дюбуа-Реймона, Лудвига и др., онъ вернулся въ Россію во всеоружіи не только идей современной науки, но и полнаго обладанія той всесторонней химической, физической и вивисекціонной техники, благодаря которой физіологія совершенно преобразилась за послѣднія десятилѣтія. Едва ли какой изъ современныхъ ему физіологовъ (за исключеніемъ, какъ всегда, не идущаго въ счетъ Гельмгольтца) обладалъ такимъ широкимъ охватомъ въ сферѣ своихъ собственныхъ изслѣдованій, начиная съ чисто физическихъ изслѣдованій въ области растворенія газовъ и кончая изслѣдованіемъ въ области нервной физіологіи и строго научной психологіи, гдѣ онъ выступилъ такимъ же строгимъ мыслителемъ, какъ и въ области физіологіи, вызывая сильное неудовольствіе психологовъ стараго метафизическаго закала. Если прибавить къ этому блестящую, замѣчательно простую, ясную форму, въ которую онъ облекалъ свои мысли, то станетъ понятно то широкое вліяніе, которое онъ оказалъ на русскую науку, на русскую мысль даже далеко за предѣлами своей аудиторіи и своей спеціальности. Тѣ, кому привелось присутствовать на его знаменитой публичной лекціи, на которой онъ въ первый разъ излагалъ свои „Рефлексы головного мозга", конечно, помнятъ, что эта лекція была событіемъ не для одной только медицинской академіи, а всколыхнула умы русскихъ натуралистовъ и далеко за ея предѣлами. И, конечно, будущая исторія признаетъ, что ни одинъ русскій ученый не имѣлъ такого широкаго и благотворнаго вліянія на русскую науку и развитіе научнаго духа въ нашемъ обществѣ,

Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ. 1889.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

5

не исключая и его друга Менделѣева, о научныхъ заслугахъ котораго Иванъ Михайловичъ всегда отзывался съ такимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ восхищеніемъ. По той же инерціи, по которой физіологія была связана въ своихъ судьбахъ съ медициной, она была связана, съ другой стороны, съ гистологіей *), при чемъ случалось и такъ, что гистологи занимали каѳедры физіологіи (университетскія и академическую). Если это совмѣстительство не могло благотворно отзываться на успѣхахъ физіологіи, то все же должно замѣтить, что труды нашихъ гистологовъ сами по себѣ также довольно рано начали обращать на себя вниманіе и на Западѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, изслѣдованія Якубовича и Овсянникова, были премированы парижской Академіей. Совершенно самостоятельнаго значенія достигла гистологія въ трудахъ Александра Ивановича Бабухина, признаннаго европейскимъ авторитетомъ въ области изученія микроскопическаго строенія нервной системы, до тонкости (до шлифовки объективныхъ стеколъ включительно) изучившаго всю технику микроскопическаго изслѣдованія и едва ли не единственнаго въ эту эпоху профессора Московскаго университета, поставившаго изученіе своего предмета на ту же высоту, какъ и въ лучшихъ научныхъ центрахъ Европы.

Этого, по необходимости слишкомъ бѣглаго, обзора тѣмъ не менѣе достаточно, чтобы показать, чѣмъ было и чѣмъ стало у насъ естествознаніе въ началѣ и въ концѣ приблизительно одной четверти столѣтія благодаря такимъ дѣятелямъ, какъ Менделѣевъ, Бутлеровъ, Ценковскій, Ковалевскій, Мечниковъ, Сѣченовъ, Столѣтовъ, Бабухинъ и др., въ какихъ-нибудь 10 — 15 лѣтъ вдвинувшимъ русскую науку въ общеевропейскую семью уже не въ качествѣ учениковъ, а полноправными дѣятелями, сотрудниками, а порою и намѣчающими путь руководителями. Если гдѣ-нибудь исторія массоваго творчества, проповѣдуемая нѣкоторыми историками, не выдерживаетъ критики, то, конечно, въ наилегче изучаемой, наилучше извѣстной намъ исторіи—въ исторіи наукъ. Если гдѣ-нибудь что-либо въ родѣ карлейлевскаго hero worschip получаетъ опредѣленный смыслъ, то, конечно, въ исторіи науки.

Познакомимся съ дѣйствіемъ и другихъ факторовъ, не такихъ выдающихся, какъ университеты, но тѣмъ не менѣе сыгравшихъ свою немаловажную роль въ распространеніи научныхъ знаній, факторовъ, о которыхъ почти не вѣдала предшествовавшая эпоха. Таковыми явились, напр., съѣзды, мѣстные и затѣмъ „всероссійскіе съѣзды натуралистовъ и медиковъ". Починомъ въ этомъ дѣлѣ, возникшемъ по примѣру Германіи и Англіи и опередившемъ Францію, русскіе ученые всецѣло обязаны К. Ф. Кесслеру. Его стараніями создались сначала два мѣстныхъ кіевскихъ съѣзда *) и

*) Подобно тому, какъ мы видѣли, и физіологія растеній была связана съ анатоміей, т. е., собственно говоря, съ гистологіей.

*) Дореформенный бюрократизмъ, налагавшій на все свою руку, выразился и въ научномъ „партикуляризмѣ". Даже наука пріурочивалась къ административнымъ единицамъ, и существовали флоры и фауны не такой-то естественной области, а такого-то „учебнаго округа".

наконецъ въ 1867 году первый всероссійскій. Хотя русскимъ натуралистамъ, вслѣдствіе подозрительности администраціи, всегда боявшейся всякаго дѣла, предпринимаемаго viribus unitis, такъ и не удалось, несмотря на неоднократныя попытки, осуществить у себя что-либо въ родѣ „Британской Ассоціаціи", тѣмъ не менѣе даже въ своей отрывочной, эпизодичной формѣ съѣзды сыграли несомнѣнную полезную роль. Они періодически объединяли, сближали всѣхъ русскихъ натуралистовъ, поддерживая въ нихъ идею какого-то общаго и общественно важнаго дѣла. На первомъ же съѣздѣ возникла мысль объ основаніи Химическаго Общества и не только возникла, но и немедленно осуществилась. Это Химическое Общество, съ первыхъ шаговъ, стало типомъ новаго, полнаго кипучей, бодрой жизни, общества, между тѣмъ какъ очень почтенное московское Общество естествоиспытателей оставалось представителемъ стараго типа, отживающаго свой вѣкъ. Не гоняясь за казенными субсидіями, Химическое Общество, какъ мы видѣли, сразу стало на свои собственныя ноги, являя примѣръ самостоятельной, независимой дѣятельности, къ сожалѣнію, не имѣвшей почти подражателей. И въ этой, казалось бы, внѣшней, формальной сторонѣ жизни науки успѣхъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ личной иниціативы—Н. А. Меншуткина. Если бы даже его спеціальные труды, его учебники не сдѣлали его имени извѣстнымъ вездѣ, гдѣ интересуются химіей — то его самоотверженная, энергическая дѣятельность по организаціи Химическаго Общества давала бы ему право на признательность всѣхъ русскихъ людей, дорожащихъ примѣромъ бодрой и плодотворной самостоятельной дѣятельности на пользу родного просвѣщенія.

Вскорѣ затѣмъ, почти по одному образцу и съ неизмѣнной казенной субсидіей, образовался при всѣхъ университетахъ и цѣлый рядъ обществъ естествознанія. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ было московское Общество Любителей естествознанія, которое опять-таки, благодаря наклонностямъ и вкусамъ своего организатора-профессора Богданова, увлеклось на первыхъ порахъ болѣе показной, выставочно-музейской дѣятельностью, и только уже почти за предѣлами разсматриваемаго періода, благодаря дѣятельному участію Бредихина, Столѣтова, Жуковскаго и Марковникова, выступило на путь болѣе строгой научной дѣятельности. Какъ бы то ни было, нагляднымъ памятникомъ дѣятельности профессора Богданова и созданнаго имъ Общества Любителей естествознанія Москва имѣетъ въ своемъ Политехническомъ музеѣ, который наравнѣ съ ранѣе возникшимъ въ Петербургѣ Сельско - хозяйственнымъ (вначалѣ противъ Эрмитажа, теперь въ Соляномъ городкѣ) представляетъ все же приближеніе къ тому, чѣмъ обзаводились уже всѣ большіе центры Европы *). Въ этихъ музеяхъ, про-

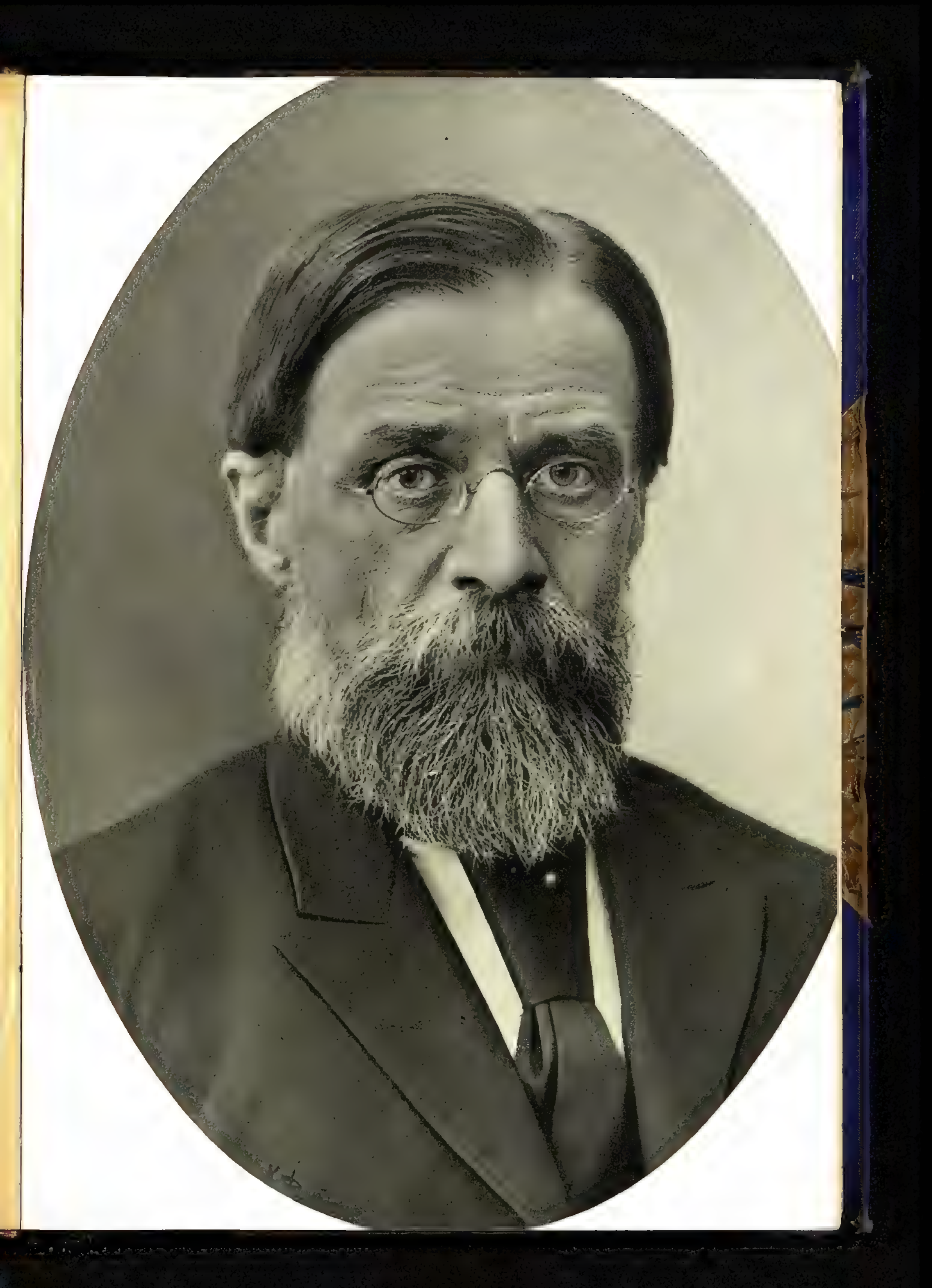
*) Того же, конечно, нельзя сказать о другомъ созданіи профессора Богданова, Обществѣ акклиматизаціи и его дѣтищѣ Зоологическомъ садѣ, не имѣвшемъ никогда ни научнаго, ни прикладного значенія — какъ это предсказывалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ А. Н. Бекетовъ въ своей горячей полемикѣ съ проф. Богдановымъ.

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

6

тотипомъ которыхъ служила созданная великой французской революціей парижская Консерваторія искусствъ и ремеслъ, а затѣмъ въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ лондонскій Кенсингтонскій музей — наука впервые пришла въ тѣсное соприкосновеніе съ массами населенія.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію другой задачи современнаго естествознанія, касающейся уже не созданія науки, а подготовленія, вербованія новыхъ дѣятелей и распространенія добытыхъ свѣдѣній въ обществѣ и въ народѣ. Многіе ученые даже въ настоящее время отрицаютъ это значеніе популяризаціи науки, но не такова была точка зрѣнія выдающихся дѣятелей описываемой эпохи. Въ популяризаціи науки, или, что все равно, въ ея демократизаціи, обнаружилось одно изъ проявленій духа времени—стремленіе найти себѣ опору не въ однихъ представителяхъ просвѣщеннаго абсолютизма, или меценатахъ, какого бы то ни было вида, а въ болѣе прочномъ фундаментѣ широкаго сочувствія къ наукѣ, основаннаго на болѣе распространенномъ пониманіи ея значенія и задачъ. И въ этомъ отношеніи примѣръ для подражанія подавали всѣ величайшіе представители науки девятнадцатаго вѣка. Вспомнимъ Фарадэя, Гельмгольтца, Максуэля, Клода Бернара и Дюбуа-Реймона. Вспомнимъ Роберта Майера, при всей своей скромности говорившаго о себѣ: „Ich habe doch wirklich populär geschrieben“. Вспомнимъ наконецъ Дарвина, почти все вышедшее изъ-подъ пера котораго было доступно всякому человѣку средняго образованія. Англія, давшая лучшіе образцы популяризаціи, въ выработанномъ почти цѣлымъ вѣкомъ смыслѣ, подала первый примѣръ и строго научнаго изложенія, доступнаго пониманію уже не одного образованнаго общества, но и народа. Гексли, Тиндаль и др. уже стали выступать передъ аудиторіями рабочихъ *).

Вѣрные духу своего времени, и русскіе ученые не отставали отъ своихъ старшихъ европейскихъ товарищей. Тотъ, кого мы признали самымъ типичнымъ представителемъ научнаго движенія въ разсматриваемую эпоху, Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ и въ этомъ отношеніи былъ самымъ блестящимъ, неподражаемымъ популяризаторомъ, стоитъ вспомнить его „Рефлексы“, его лекціи объ органахъ чувствъ, читанныя въ шестидесятыхъ годахъ въ медицинской академіи, его курсъ физіологіи процессовъ растительной жизни и т. д. Въ концѣ разсматриваемаго періода выступилъ Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ, общедоступныя лекціи котораго отличались едва ли кѣмъ превзойденнымъ искусствомъ изящнаго слиянія слова и опыта, другъ друга подкрѣплявшихъ и сливавшихся въ одно стройное цѣлое.

Къ шестидесятымъ годамъ относятся и первыя удачныя попытки популяризаціи науки не только въ привилегированныхъ слояхъ общества, но и въ народѣ. Книжку А. Н. Бекетова, его „Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ“,

*) Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что лекціи для рабочихъ еще ранѣе существовали въ парижской Консерваторіи искусствъ и ремеслъ.

разошедшуюся въ 50 тысячахъ экземпляровъ, по свидѣтельству такого авторитета въ этихъ дѣлахъ, какимъ былъ А. Н. Энгельгардтъ, дѣйствительно, можно было видѣть въ рукахъ народа. Этой же цѣли должны были служить въ широкихъ размѣрахъ воскресныя школы, учить въ которыхъ съ такимъ энтузіазмомъ устремились и старъ и младъ. Но на этотъ авангардъ просвѣтительной арміи посыпались и первые удары уже успѣвшей поднять голову реакціи.

Говоря о популяризаціи науки, нельзя не отмѣтить факта, въ то же время служащаго доказательствомъ ея воздѣйствія даже на успѣхи самой науки, въ смыслѣ пробужденія къ ней интереса. Популяризація въ нѣкоторомъ смыслѣ даже опередила и подготовила у насъ эпоху развитія самой науки.

Въ началѣ періода оригинальная и даже переводная популярная литература почти, можно сказать, не существовала. Едва ли не единственнымъ, несомнѣнно талантливымъ произведеніемъ была „Исторія земной коры" все того же всесторонняго Куторги, о дѣятельности котораго приходилось не разъ упоминать. Это было несомнѣнно первое оригинальное русское изложеніе геологіи, проникшее въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ въ широкіе круги читающей публики *). На первыхъ же порахъ главнымъ образомъ приходилось довольствоваться переводами, такъ какъ знаніе иностранныхъ языковъ было всегда самымъ уязвимымъ мѣстомъ нашей читающей публики, особенно нашей учащейся молодежи. За невозможностью широкаго распространенія богатой популярной литературы Запада, выдающуюся, нерѣдко не соотвѣтствующую своему внутреннему содержанію роль играли такія произведенія, какъ „Физіологія обыденной жизни" Льюиса, и можетъ быть еще болѣе, въ качествѣ запретнаго плода, дѣятельно распространяемая между учащеюся молодежью въ нелегальныхъ изданіяхъ „Stoff und Kraft" Бюхнера.

Здѣсь должно отмѣтить сыгравшій немаловажную роль въ пробужденіи у насъ вкуса къ естествознанію рядъ блестящихъ публичныхъ лекцій въ залѣ петербургскаго Пассажа, организованныхъ своеобразнымъ учрежденіемъ, возникшимъ въ 1858 г., подъ названіемъ „Торговаго Дома Струговщикова, Пахитонова и Водова", позднѣе превратившагося въ болѣе извѣстное издательство—Товарищество „Общественная польза". Задачей этого оригинальнаго „торговаго дома" было способствовать обнаруживавшейся въ обществѣ „на-

---

*) О томъ, какою новизною являлись геологическія ученія, можно было судить по тому глубокому впечатлѣнію, которое произвели въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ (въ императорскомъ циркѣ, нынѣ Маріинскомъ театрѣ) представленія заѣзжаго нѣмецкаго антрепренера, знакомившаго публику при помощи волшебнаго фонаря и очень недурныхъ картинъ, но довольно плохого текста, съ Лапласовой теоріей и послѣдовательнымъ геологическимъ развитіемъ земли. Едва ли не въ первый разъ русская широкая публика заговорила о юрскомъ морѣ, о лѣсахъ каменноугольной формаціи, объ ихтіозаврахъ и плезіозаврахъ, при чемъ не обходилось и безъ неодобрительно покачивавшихъ головою и недоумѣвавшихъ—„куда же дѣлась духовная цензура?"

стоятельной потребности въ изученіи естественныхъ наукъ" путемъ изданія подходящихъ книгъ и организаціи публичныхъ научныхъ курсовъ. Являясь результатомъ совершенно частнаго почина, лишеннаго къ тому же всякой филантропической подкладки, это предпріятіе было однимъ изъ характерныхъ учрежденій своего времени и сыграло несомнѣнную роль въ развитіи русской науки*). Изящный спеціально отстроенный залъ былъ, вѣроятно, первымъ вполнѣ приспособленнымъ къ чтенію лекцій съ необходимой обстановкой для опытовъ и демонстрацій при помощи волшебнаго фонаря. Въ антрактахъ красная драпировка между бѣлыми колоннами, составлявшая фонъ аудиторіи, раздергивалась, какъ бы приглашая публику въ рядъ помѣщеній, своего рода педагогическій музей, гдѣ она могла знакомиться съ диковинной для нея химической посудой, физическими приборами, естественно-историческими коллекціями, такъ какъ въ кругъ дѣятельности „торговаго дома" входила и торговля этими почти неизвѣстными публикѣ предметами. Читавшіеся въ этой аудиторіи курсы могли бы принести честь и любому европейскому научному центру. Здѣсь академикъ Ленцъ прочелъ курсъ по „гальванизму и его новѣйшимъ примѣненіямъ", — области, съ которой тѣсно было связано его имя и имя его друга Якоби. Слушатели этого обстоятельнаго курса, можетъ быть, въ первый разъ ознакомились здѣсь съ чудесами еще не существовавшаго въ Россіи электрическаго телеграфа, объ отсутствіи котораго каждому петербуржцу во время Крымской кампаніи напоминали махавшія на крышѣ Зимняго дворца крылья шапповскаго телеграфа; узнавали они объ устройствѣ таинственныхъ „электрическихъ подводныхъ минъ", на которыя столица такъ недавно возлагала всѣ свои надежды, какъ на защиту отъ грознаго англійскаго флота; любовались ослѣпительнымъ блескомъ вольтовой дуги („электрической искры", выражаясь современнымъ языкомъ), которая недавно въ первый разъ блеснула съ башни адмиралтейскаго шпиля во время иллюминаціи по случаю заключенія Парижскаго мира—„при чемъ было такъ свѣтло, что у Полицейскаго моста можно было читать газету!" Вотъ какимъ „новымъ" чудесамъ науки въ первый разъ могъ наглядно научиться посѣтитель этихъ лекцій. Въ этомъ же залѣ Ценковскій посвящалъ свою аудиторію, очень возможно первую публичную аудиторію въ Европѣ, во вновь открытыя тайны жизни микроскопическихъ организмовъ растеній и животныхъ. Здѣсь Вышнеградскій, будущій министръ финансовъ, а пока только профессоръ механики—знакомилъ въ общедоступной формѣ съ основами механической теоріи теплоты, о которой и съ университетской каѳедры (по крайней мѣрѣ, натуралистамъ) еще не приходилось слышать. Здѣсь Пеликанъ, впослѣдствіи также занимавшій видный постъ въ медицинской бюрократіи, вводилъ,

*) Пишущему эти строки не разъ приходилось дѣлать опросъ своихъ сверстниковъ по наукѣ, и многіе изъ нихъ признавали въ этихъ лекціяхъ первый толчокъ, пробудившій въ нихъ желаніе изучать естествознаніе.

правда, болѣе посвященныхъ, преимущественно изъ молодыхъ медиковъ, въ какъ-то дико звучавшую для большой публики область вирховской „Целлюлярной патологіи“ *). Не обошлось, конечно, и безъ курьезовъ. Профессоръ Ценковскій былъ не только европейской знаменитостью и блестящимъ лекторомъ, но въ то же время въ высшей степени деликатнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ. Въ его курсѣ ему приходилось говорить о томъ, что въ то время особенно интересовало современныхъ ботаниковъ—о процессѣ полового размноженія водорослей. Левъ Семеновичъ счелъ изложеніе этихъ фактовъ въ присутствіи дамъ нѣсколько щекотливымъ и объявилъ эти лекціи „исключительно для мужчинъ“, что и подало „Искрѣ“ поводъ изобразить толпу дамъ, борющихся между собою, чтобы хоть въ щелочку подслушать, о чемъ говоритъ въ аудиторіи талантливый лекторъ. Какимъ архаизмомъ отзывается эта pruderie знаменитаго ученаго при сравненіи съ развязностью современнаго молодого біолога, въ присутствіи молодыхъ дѣвушекъ безъ нужды уснащающаго свою рѣчь терминами изъ уголовнаго кодекса, которые и старымъ судьямъ приходится выслушивать только при закрытыхъ дверяхъ!

На этой же каѳедрѣ увидалъ Петербургъ въ первый разъ своеобразную фигуру Сократа въ густыхъ эполетахъ, артиллериста - философа — Петра Лавровича Лаврова, выступившаго со своей трилогіей: философія въ наукѣ, философія въ искусствѣ, философія въ жизни. Позднѣе имъ былъ задуманъ цѣлый курсъ лекцій по философіи въ аудиторіи артиллерійской академіи. Какъ сегодня вижу оригинальную фигуру Петра Лавровича ночью на срединѣ Литейнаго моста (стараго плошкотнаго) надъ широкимъ просторомъ Невы, развивающаго намъ, кружку студентовъ, провожавшихъ его на лекцію и обратно, планъ курса, также трилогію—Аристотель — Бэконъ—Контъ. Но далѣе Аристотеля лекціи не пошли. Вышла резолюція высшаго начальства профессора-артиллериста: „а сему полковнику не разрѣшаю“, вслѣдствіе чего и долго послѣ того за нимъ сохранилось шуточное прозвище „сей полковникъ“. Эта тріада мыслителей, если къ нимъ присоединить еще имена Милля, Спенсера и Дарвина, даетъ понятіе о томъ, что разумѣлось въ научныхъ кругахъ шестидесятыхъ годовъ подъ именемъ философіи. Распространенію этого склада мышленія въ болѣе широкихъ кругахъ не мало способствовалъ переводъ блестящей, остроумной „Исторіи философіи въ біографическихъ очеркахъ“ Генри Льюиса, раздражавшей, выводившей изъ себя философовъ метафизическаго лагеря даже и долго спустя, когда уже принесшая свои плоды толстовская средняя школа успѣла въ своемъ дѣлѣ разрушенія и эти философы стали вновь находить сочувственныя аудиторіи и читателей.

*) Впрочемъ, не одно это выраженіе смущало непосвященныхъ. Ленцу въ своемъ курсѣ пришлось нѣсколько разъ произнести слова „эндосмосъ“ и „экзосмосъ“, и этого было достаточно, чтобы въ „Искрѣ“ появилась каррикатура на почтеннаго ученаго, произносящаго эти по тому времени, казалось, ни съ чѣмъ не сообразныя педантическія слова.

Движеніе мысли, пробужденной быстрыми успѣхами естествознанія и пустившей глубокіе корни въ сознаніи всего общества, не могло не обратить на себя вниманія и литературы, особенно же того великаго художника, который такъ чутко отражалъ и даже предугадывалъ движенія русской жизни и русской мысли. Угадать еще въ пятидесятыхъ годахъ „въ молодомъ провинціальномъ врачѣ“ одно изъ крупнѣйшихъ теченій русской мысли, вскорѣ на дѣлѣ доказавшихъ свою плодотворность—такой проницательности не обнаружилъ ни одинъ русскій писатель *). Всякому извѣстно, что ни одно безъ исключенія произведеніе русской изящной литературы не произвело такого глубокаго впечатлѣнія на современниковъ, какъ „Отцы и дѣти“, въ то же время послужившіе сигналомъ глубокой розни между двумя группами русскаго мыслящаго общества. Корни этой распри лежали въ недоразумѣніи, въ желаніи читать между строкъ вмѣсто того, чтобы удивляться яркому образу, въ которомъ художникъ воплотилъ едва только намѣчавшіяся черты типа, при всѣхъ его второстепенныхъ недостаткахъ, проявившаго ту сосредоточенную энергію, благодаря которой русскій естествоиспытатель въ такой короткій срокъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто не только у себя дома, но и далеко за его предѣлами. Невольно напрашивается, съ перваго взгляда представляющаяся слишкомъ отдаленной, но, toute proportion gardée, несомнѣнная параллель между двумя характерными представителями двухъ выдающихся эпохъ, когда Россія двинулась въ догонку за Европой — однимъ реальнымъ, но порою представлявшимся чѣмъ-то почти фантастичнымъ, другимъ—созданіемъ творческой фантазіи, но воплотившимъ въ себѣ самыя реальныя собирательныя черты своего времени—между Петромъ и Базаровымъ. Если одинъ былъ самымъ яркимъ положительнымъ явленіемъ на тускломъ фонѣ русской исторіи, то не былъ ли другой единственной положительной, „героической“ *) фигурой на безцвѣтномъ полѣ русскихъ литературныхъ типовъ, этой безконечной вереницы нытиковъ или жуировъ. Тотъ и другой были прежде всего воплощеніемъ *«вѣчнаго работника»*, все равно „на тронѣ“ или въ мастерской науки **). Оба властной рукой „втолкнули“ ***) русскаго человѣка въ кру-

*) Какъ ранѣе въ студентѣ Инсаровѣ онъ угадалъ будущихъ Каравеловыхъ и Стамбуловыхъ и вообще способность болгарской націи къ политической жизни, такъ въ неизвѣстномъ провинціальномъ докторѣ онъ угадалъ будущихъ Боткина, Сѣченова и вообще все могучее движеніе русской науки.

*) Собственное выраженіе Тургенева.

**) Невольно приходятъ мнѣ на память слова, слышанныя отъ самаго типическаго представителя изучаемой эпохи. Утромъ 18 октября 1905 года я пошелъ поздравить Ивана Михайловича Сѣченова, какъ учителя, съ событіемъ 17-го октября. На мои слова, что наше поколѣніе пережило два памятныхъ дня— вчерашній и 19 февраля, онъ отвѣтилъ: „Да, но этотъ будетъ поважнѣе“, и вслѣдъ затѣмъ какъ-будто скачкомъ, но въ сущности съ глубокой логической послѣдовательностью мысли добавилъ: „А теперь, К. А., надо *работать, работать, работать*“. Это были послѣднія слова, которыя мнѣ привелось отъ него слышать—то былъ завѣтъ могучаго поколѣнія, сходящаго со сцены, грядущимъ.

***) Также выраженіе Тургенева.

говоротъ—одинъ современной ему общеевропейской жизни, другой въ еще труднѣе доступную область общечеловѣческой научной мысли. Оба, убѣжденные реалисты, ставили выше всего знаніе, науку и съ какимъ-то умственнымъ аскетизмомъ отталкивали отъ себя все смягчающее, скрашивающее жизнь, во имя служенія тому, что представлялось имъ настоятельной потребностью минуты. Оба съ безжалостною грубостью и нетерпимостью шли на проломъ *). Оба созидали — разрушая. Оба встрѣтили искреннихъ сторонниковъ и еще болѣе многочисленныхъ враговъ. Вокругъ обоихъ именъ кипѣла борьба, не смягченная даже временемъ. Наконецъ оба нашли себѣ оцѣнку у двухъ величайшихъ художниковъ русскаго слова.

Какъ бы то ни было, но едва ли какая-нибудь литература въ какую-нибудь эпоху выдвигала, какъ центральную фигуру, скромнаго труженика науки, и, конечно, никогда еще образованное общество, особенно въ лицѣ его молодого поколѣнія, не было такъ подхвачено и увлечено борьбой на почвѣ чисто научныхъ теченій мысли. Въ продолженіе недѣль или мѣсяцевъ вокругъ одного вымышленнаго имени кипѣла ожесточенная схватка. Какъ нѣкогда Бѣлинскому, представлялось невозможнымъ „итти обѣдать", пока не отстоялъ или не отдѣлалъ окончательно Базарова. Значительное большинство современной молодежи было во второмъ лагерѣ *).

Но прошло немного времени, и изъ рядовъ этой молодежи выдвинулся самый краснорѣчивый защитникъ Базарова. По образованію филологъ, дилетантъ въ естествознаніи, знакомомъ ему только изъ книгъ, увлекающійся, но зато и увлекавшій, Писаревъ выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ культурной задачи естествознанія вообще и въ современномъ русскомъ обществѣ въ особенности. Теперь можетъ вызвать улыбку, напримѣръ, его горячій призывъ, обращенный къ Салтыкову-Щедрину—бросить свои побасенки въ родѣ „Губернскихъ очерковъ" и заняться единственной насущной, по его мнѣнію, задачей—популяризацией естествознанія, но тѣмъ не менѣе, пробѣгая на разстояніи полувѣка эти горячія краснорѣчивыя страницы такъ рано отнятаго судьбой у русской литературы талантливаго и широко образованнаго критика-публициста, понимаешь, какіе глубокіе корни пустило въ общество того времени сознаніе не узко утилитарнаго, а общеобразовательнаго, философскаго значенія того самаго естествознанія, занятіе которымъ еще такъ недавно обыкновенному русскому обывателю представлялось какимъ- то непонятнымъ бар-

*) Кто припомнитъ разсказъ И. М. Сѣченова (въ его автобіографіи) о томъ, какъ онъ чуть не навсегда разссорился съ своимъ лучшимъ другомъ Боткинымъ изъ-за различія воззрѣній на клѣточку, подмѣтитъ въ этомъ эпизодѣ чисто базаровскую нетерпимость споривших.

*) Пишущій эти строки принадлежалъ къ меньшинству. Когда черезъ много лѣтъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ Иваномъ Сергѣевичемъ и подѣлиться впечатлѣніями о далекой уже бурѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Спасибо вамъ, вы пролили бальзамъ на мои старческія раны", и далъ мнѣ на память свой портретъ съ драгоцѣнною надписью: „Отъ автора „Отцовъ и дѣтей".

скимъ чудачествомъ. И кто учтетъ, какую роль сыграли въ этомъ коренномъ переворотѣ умственнаго склада цѣлой эпохи такія произведенія, какъ „книга-бокль“ *), надъ проникновеніемъ которой въ далекіе медвѣжьи углы подтрунивалъ великій сатирикъ и задумывался такой внимательный наблюдатель Россіи, какъ Макензи Уоллесъ.

Когда намѣченная нами четверть столѣтія склонялась къ концу, на мѣстѣ грознаго образа, сошедшаго съ исторической сцены въ ея началѣ, стала обозначаться зловѣщая фигура Толстого, уже задумавшаго свое умственное избіеніе младенцевъ виѳлеемскихъ, изъ рядовъ которыхъ, по его соображеніямъ, долженъ былъ выйти собирательный антихристъ. Будущій историкъ цивилизаціи въ Россіи, вѣроятно, такъ и отмѣтитъ этотъ періодъ временнаго просвѣта: отъ Николая до Толстого.

Подводимъ итогъ этому, какъ было сказано вначалѣ, по необходимости бѣглому и блѣдному очерку умственнаго движенія, едва ли имѣвшаго себѣ равное въ исторіи **). Если спросятъ: какая была самая выдающаяся черта этого движенія? можно не задумываясь отвѣтить однимъ словомъ — энтузіазмъ. Тотъ увлекающій человѣка и возвышающій его энтузіазмъ, то убѣжденіе, что дѣлается дѣло, способное поглотить всѣ умственныя влеченія и нравственныя силы, дѣло, не только лучше всякаго другого могущее скрасить личное существованіе, но по глубокому сознанію и такое дѣло, которое входитъ необходимою составною частью въ болѣе широкое общее дѣло, какъ залогъ подъема цѣлаго народа, подъема умственнаго и матеріальнаго. Этотъ энтузіазмъ былъ отмѣченъ чертою полнаго безкорыстія, доходившаго порою до почти полнаго забвенія личныхъ потребностей. Въ то время въ наукѣ вообще еще не народился новый типъ, для обозначенія котораго потребовались и неологизмы „Streber“, „arriviste“, у насъ, при общемъ чиновничьемъ строѣ жизни, просто „карьеристъ“. Не наука несла человѣку различныя блага земныя, а человѣкъ самъ себя безраздѣльно приносилъ на служеніе наукѣ, не жалѣя ничего, порою до послѣдней рубашки. Это слово не стоитъ здѣсь въ качествѣ простого риторическаго украшенія. И. И. Мечниковъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ жизни А. О. Ковалевскаго разсказываетъ, что въ самый разгаръ своихъ работъ въ Неаполѣ, нуждаясь въ деньгахъ на связанные съ ними расходы *), Александръ Онуфріевичъ былъ вынужденъ продавать свои послѣднія рубашки. Будущій историкъ поставитъ эти рубашки Ковалевскаго, конечно, не ниже извѣстныхъ серебряныхъ ложекъ несчастнаго Бернара Палисси.

*) Выраженіе Щедрина.

**) Даже небывало быстрый расцвѣтъ національной науки въ Японіи только еще болѣе подчеркиваетъ значеніе русскаго движенія. Японія догнала европейскую науку, черезъ нѣсколько лѣтъ замѣнила выписанныхъ учителей своими собственными, но она еще не выдвинула такихъ выдающихся дѣятелей, которые повели бы европейскую науку за собою.

*) Главнымъ образомъ, вѣроятно, на оплату услугъ извѣстнаго столькимъ русскимъ, работавшимъ въ Неаполѣ, удивительнаго знатока морской флоры и фауны рыбака Джованни.

А въ чемъ заключалась причина необычайнаго успѣха этого умственнаго движенія? Причина могла быть только одна. Задачи времени вполнѣ соотвѣтствовали природному характеру расы. Цивилизованное человѣчество находится теперь, по мѣткому выраженію одного нѣмецкаго ученаго (филолога!)—„въ созвѣздіи естествознанія“, а русскій умъ, русское творчество по существу реально *). И потому, какъ только образованные слои русскаго народа почуяли освобожденіе отъ того гнета, который безразлично давилъ всякую мысль, — эта мысль проявила свою творческую силу въ томъ именно направленіи, къ которому чувствовала естественное тяготѣніе и которое вполнѣ совпадало съ задачами вѣка. Этотъ выводъ, вытекающій изъ сравненія разсматриваемаго періода съ прошлымъ, не находитъ ли онъ себѣ провѣрку и въ томъ, что послѣдовало? Когда рванувшаяся было впередъ русская мысль попала снова въ тиски толстовско-побѣдоносцевскаго строя, съ его упрощеннымъ, дѣйствительно нигилистическимъ, лозунгомъ—чтобы ничего не было; когда это совпало съ нахлынувшей позднѣе съ Запада реакціонной волной „эпохи упадка“ современной буржуазіи, которая, путемъ ли браковъ съ выродившимися потомками крестоносцевъ или такого же безнадежнаго союза съ отживающимъ свой вѣкъ клерикализмомъ, пытается сообщить своему рѣжущему глаза новому золоту аристократически смягченные тона vieil or'а; когда культъ безсодержательнаго слова, звука, краски замѣнилъ культъ ясной, опредѣленной мысли, вытекающей изъ наблюдаемой дѣйствительности, — тогда и русская мысль, напрягающая свои силы, чтобы попасть въ эти реакціонныя струйки, тщетно борющіяся съ могучимъ трехвѣковымъ потокомъ, по которому неизмѣнно движется человѣческій разумъ—стала измѣнять и своимъ природнымъ задаткамъ и дѣйствительнымъ задачамъ времени.

ГЛАВА XVI.

Литература 70-хъ гг.

(Д. Н. Овсянико-Куликовскаго).

1.

Въ 70-хъ годахъ мы наблюдаемъ процессъ дифференціаціи и дальнѣйшаго развитія того движенія общественной мысли и тѣхъ литературныхъ направленій, которыя установились въ 60-хъ годахъ.

Наиболѣе яркими и вліятельными направленіями въ 70-хъ годахъ были *радикальный* и *либеральный демокра-*

*) Эту мысль я подробно развилъ въ своей предсѣдательской рѣчи на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей въ 1893 году, опредѣляя такъ основную задачу русской мысли: „Въ искусствѣ — жизненная правда и реальная истина въ наукѣ“.

тизмъ нерѣдко *съ болѣе или менѣе замѣтною народническою окраскою*. Органомъ перваго—*радикальнаго* — явились *„Отечественныя Записки"* *Некрасова* (съ 1869 г.) и *„Дѣло"* *Благовѣтлова*. Органомъ второго — *либеральнаго* — былъ *„Вѣстникъ Европы"* *Стасюлевича* (съ 1866 г.).

Что касается *народничества въ его чистомъ видѣ*, или *демократизма съ рѣзко выраженной народнической тенденціей*, то это направленіе проявлялось лишь спорадически, находя гостепріимный пріютъ сперва въ *„Недѣлѣ"* Гайдебурова, (статьи *П. Червинскаго*, подписанныя „П. Ч."), потомъ въ *„Отечественныхъ Запискахъ"* (экономическія статьи В. П. Воронцова, подписанныя „В. В.", и др.).

Труды выдающихся представителей радикальнаго и частью либеральнаго демократизма, сами по себѣ составившіе цѣнный вкладъ въ русскую литературу, явились знаменіемъ времени и положили основаніе *новой идеологіи*, во многомъ отличавшейся отъ идеологіи 60-хъ годовъ. Это были труды *Лаврова*, *Михайловскаго*, *Пыпина*.

При всемъ различіи темъ, спеціальныхъ задачъ, тона и умонастроенія, работы этихъ писателей объединялись или гармонировали между собою двумя чертами: 1) онѣ развивали идеи и разрабатывали вопросы, поднятые уже въ 60-хъ и даже въ 50-хъ годахъ, и такимъ образомъ продолжали дѣло, начатое въ предшествующую эпоху; 2) но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ выдвигали новыя точки зрѣнія, новыя идеи и при томъ такъ, что становились въ оппозицію извѣстнымъ умственнымъ теченіямъ, господствовавшимъ въ 60-хъ годахъ, преимущественно такъ называемому *„нигилизму"* съ его исключительнымъ культомъ естествознанія, его „наивнымъ матеріализмомъ" и теоріей „разумнаго эгоизма".

Въ „Историческихъ письмахъ" Лаврова въ противовѣсъ писаревскому культу естественныхъ наукъ была выдвинута мысль о необходимости и важности изученія исторіи и соціологіи. Если у Писарева „мыслящіе реалисты" обосновываютъ свое міросозерцаніе почти исключительно на данныхъ естествознанія и выводахъ матеріалистической философіи, то у Лаврова „критически мыслящія личности", не пренебрегая естествознаніемъ, образовываются и развиваются преимущественно на изученіи исторіи и соціологіи. Нѣкоторыя страницы „Историческихъ писемъ" имѣютъ характеръ полемики, направленной противъ Писарева и его школы.—Но вспомнимъ, что самъ Писаревъ въ разгаръ своей „нигилистической" пропаганды обращался къ исторіи, писалъ популярныя статьи по исторіи среднихъ вѣковъ, а также интересовался и вопросами соціологіи. Вспомнимъ также историческія статьи Чернышевскаго, популярность въ 60-хъ гг. книги Бокля („Исторія цивилизаціи въ Англіи"), появленіе тогда же русскаго перевода (подъ редакціей Чернышевскаго) монументальнаго труда Шлоссера и другіе литературные факты этого рода. Изъ нихъ мы видимъ, что поворотъ отъ естествознанія къ историческимъ изученіямъ и къ мысли о томъ, что передовое и жизнеспособное міросозерцаніе должно основываться на философско-историче-

скомъ и соціологическомъ понятіи *прогресса*, совершался уже въ 60-хъ годахъ. Въ началѣ 70-хъ онъ только завершился, — и исключительный культъ естествознанія, проповѣдывавшійся Писаревымъ и его послѣдователями, оказался теперь изжитымъ. Въ этомъ преодолѣніи писаревской или „базаровской“ точки зрѣнія Лаврову принадлежитъ главная роль.

Установленію *понятія прогресса* была посвящена и первая по времени крупная философская работа *Михайловскаго* („*Что такое прогрессъ?*“), основанная на данныхъ біологіи и соціологіи. Въ этомъ трактатѣ, гдѣ впервые съ такимъ блескомъ обнаружились философское дарованіе и яркій литературный талантъ Михайловскаго, живо сказалось „кровное“ родство идей автора съ духомъ 60-хъ годовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ярко обозначилось и то новое, что должно было провести рѣзкую грань между идеологіями обѣихъ эпохъ.— Какъ извѣстно, въ 60-хъ годахъ въ области естествознанія выдвинулись крупные ученые, имена которыхъ вскорѣ сдѣлались гордостью русской науки. Это были *Сѣченовъ*, *Ценковскій*, *Бабухинъ*, *Мечниковъ*. Нѣкоторыя изъ ихъ работъ имѣли, кромѣ научнаго, и общественное значеніе. Книжка Сѣченова „Рефлексы головного мозга“, написанная популярно и живо, была одною изъ тѣхъ книгъ, которыми зачитывались и которыя внесли свой вкладъ въ выработку міросозерцанія эпохи. Молодой геніальный *Ножинъ*, рано умершій другъ Михайловскаго, начиналъ уже свою многообѣщавшую ученую дѣятельность въ области біологіи и подымалъ вопросъ о приложеніи выводовъ этой науки къ соціологіи вообще, къ теоріи прогресса въ частности. Мысли Ножина имѣли немаловажное значеніе въ развитіи Михайловскаго, да и самая личность Ножина, обаятельная и оригинальная, оказала сильное вліяніе на будущаго публициста-мыслителя, который потомъ такъ восторженно вспоминалъ о другѣ своей юности въ очеркахъ „Вперемежку“ и еще позже въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“. Кстати сказать, эти очерки и воспоминанія Михайловскаго живо, хотя и эпизодически, воспроизводятъ то время — второй половины 60-хъ годовъ, которое можно назвать переходнымъ отъ „настоящихъ“ 60-хъ годовъ (1856 — 1866) къ зарождавшимся 70-мъ, — время, когда Чернышевскій былъ уже въ Сибири, „Современникъ“ и „Русское Слово“ погибли, Писаревъ писалъ свои послѣднія статьи, переходя къ другому тону, М. Антоновичъ и Ю. Жуковскій, видные сотрудники „Современника“, сошли съ журнальной арены, а на вакантныя мѣста старыхъ журналовъ и прежнихъ дѣятелей выступали новые органы и новыя молодыя силы, между тѣмъ какъ старшее поколѣніе писателей готовилось расширить и углубить свою дѣятельность (Салтыковъ, Некрасовъ, Пыпинъ, Лавровъ, Елисѣевъ). Тутъ-то мы и наблюдаемъ возникновеніе той особой духовной складки и того умонастроенія, которыми характеризуются 70-е годы.

Все „базаровское“ явно шло на убыль. „Разумный эгоизмъ“, культивировавшійся въ расцвѣтѣ 60-хъ годовъ, уступалъ мѣсто *альтруизму*, не всегда „разумному“, но всегда прекрасному.

Центръ тяжести интересовъ и стремленій передовыхъ людей переносился изъ личной сферы въ общественную. Идея долга передъ народомъ вступала въ новый фазисъ, гдѣ ставилась ребромъ и доводилась до конца этическая мысль о томъ, что интеллигенція обязана жертвовать собою для блага народа. Но и тутъ чувствовалось генетическое родство идей съ тѣмъ, что въ 60-е годы проповѣдывалъ Писаревъ и что было предвосхищено Тургеневымъ въ художественномъ образѣ Базарова: Лавровъ развиваетъ понятіе *„критически мыслящей личности"*, Михайловскій рисуетъ идеалъ *цѣльной личности* и выступаетъ противъ ея дробленія и искаженія подъ воздѣйствіемъ раздѣленія труда и соціальныхъ противорѣчій. И тутъ, стало быть, какъ и у Писарева, выдвигается впередъ *идея личности*, но только теперь призваніе, долгъ, задача личности понимаются иначе. Ее зовутъ на борьбу за высокій идеалъ соціальной правды. Содержаніе понятія этой правды устанавливается философско-историческими изслѣдованіями Лаврова и соціологическими выводами Михайловскаго.

Генетическая связь идей Михайловскаго съ наиболѣе вліятельными и ходкими идеями 60-хъ годовъ наглядно обнаружилась въ томъ вниманіи, которое удѣлялъ этотъ мыслитель теоріямъ и воззрѣніямъ Спенсера и Джона Стюарта Милля, очень популярнымъ у насъ въ 60-хъ годахъ, а также дарвинизму въ его приложеніи къ соціологіи. Но тутъ же сказалось и характерное для 70-хъ годовъ отличіе: Михайловскій выступалъ не столько какъ ученикъ Спенсера, сколько какъ его принципіальный противникъ; онъ велъ также горячую полемику съ тѣми дарвинистами, которые распространяли на соціологію и исторію начало борьбы за существованіе и подбора сильнѣйшихъ —въ качествѣ соціальнаго закона и главнѣйшей движущей силы человѣческаго прогресса. Лавровъ въ „Историческихъ письмахъ" и въ статьяхъ 70-хъ гг. („Цивилизація и дикія племена") выступилъ съ такою же оппозиціею, — и оба мыслителя въ противовѣсъ объективнымъ пріемамъ изученія соціальныхъ явленій выдвинули такъ называемый „субъективный методъ", основанный на моральной оцѣнкѣ и идеологической критикѣ соціальныхъ процессовъ и историческихъ фактовъ.

Въ связи съ этими темами, имѣвшими значеніе злободневнаго или очередного вопроса русской идеологіи, большое вниманіе удѣлялось позитивной философіи Огюста Конта, въ которой, какъ извѣстно, идея соціологіи, какъ науки, играетъ видную роль. Интересъ къ философіи Конта возникъ уже въ 60-хъ годахъ, когда писали о ней Ватсонъ и Писаревъ. Это было началомъ поворота отъ матеріализма къ позитивизму. Знакомство съ трудами Милля и Спенсера много содѣйствовало этому движенію. Но только въ 70-хъ годахъ положительная философія одержала у насъ рѣшительную побѣду надъ матеріализмомъ Фохта, Бюхнера и Молешота. Одна изъ раннихъ статей Михайловскаго посвящена была блестящей и страстной защитѣ Конта отъ нападокъ Гексли и другихъ („Суздальцы и суздальская критика"). *В. В. Лесевичъ*, избравшій

позитивизмъ и критическую философію своею спеціальностью, выступилъ съ рядомъ авторитетныхъ статей, имѣвшихъ цѣлью выяснить русскимъ читателямъ принципіальное отличіе позитивизма отъ матеріализма и популяризировать философію Конта, которой предстояло стать у насъ господствующимъ міровоззрѣніемъ въ теченіе всего десятилѣтія. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе наши позитивисты, *Вырубовъ* и *Де-Роберти*, изъ которыхъ первый вскорѣ сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ Литтре по изданію (въ Парижѣ) органа положительной философіи („Revue de philosophie positive"). Имя Литтре стало также очень популярнымъ и часто цитировалось рядомъ съ именами Конта, Милля и Спенсера. Нужно отмѣтить, что такъ называемый „контизмъ", т. е. „позитивная религія" (или „религія человѣчества"), — родъ секты, основанной Контомъ, сочувствіемъ не пользовался. По примѣру Литтре, наши позитивисты проводили рѣзкую разграничительную линію между „позитивизмомъ" и „контизмомъ".

Такимъ образомъ передъ нами очерчиваются слѣдующіе элементы, сразу выдвинувшіеся въ литературѣ 70-хъ годовъ и легшіе въ основу идеологіи этой эпохи: 1) *демократизмъ* (радикальный и либеральный) съ болѣе или менѣе замѣтнымъ уклономъ въ сторону *народничества;* 2) переходъ отъ односторонняго увлеченія естествознаніемъ и отъ матеріалистической философіи къ историческимъ и соціологическимъ интересамъ и къ позитивной философіи; 3) переходъ отъ писаревскаго культа личности и отъ теоріи „разумнаго эгоизма" къ идеѣ всесторонне развитой „критически мыслящей" личности, посвящающей себя борьбѣ за высшій идеалъ соціальной правды, — идеалъ *альтруизма* (терминъ Ог. Конта). Къ этимъ тремъ важнѣйшимъ элементамъ слѣдуетъ присоединить, какъ сопутствующій имъ, четвертый: пробуждавшійся интересъ къ нашему — русскому — прошлому вообще и къ литературѣ 30—40 годовъ въ частности, — интересъ, приводившій къ реабилитаціи дѣятелей прошлаго, къ условному примиренію „отцовъ" и „дѣтей", поссорившихся въ 60-хъ годахъ. Интересъ къ прошлому выразился между прочимъ въ успѣхѣ историческихъ журналовъ, какъ „Русская Старина" и даже „Русскій Архивъ", и въ томъ фактѣ, что „Вѣстникъ Европы" первоначально былъ задуманъ какъ журналъ историческій и историко-литературный а потомъ отводилъ много мѣста капитальнымъ трудамъ по русской исторіи (монографіи Костомарова) и по исторіи русской литературы и общественности (Пыпинъ). Реабилитаціи дѣятелей прошлаго и нѣкоторому примиренію съ „людьми 40-хъ годовъ" много содѣйствовали въ особенности превосходныя работы Пыпина („Характеристики литературныхъ мнѣній", біографія Бѣлинскаго и другія—въ „Вѣстникѣ Европы"), также очерки Скабичевскаго по исторіи русской литературы 30—50-хъ гг. (въ „Отечественныхъ Запискахъ"), а равно и нѣкоторыя статьи Михайловскаго (напримѣръ, „Прудонъ и Бѣлинскій"). Однимъ изъ препятствій къ окончательному примиренію и къ признанію полностью заслугъ старыхъ писателей являлась

унаслѣдованная отъ 60-хъ годовъ эстетическая теорія, отрицавшая такъ называемое „чистое искусство", и широко распространенное, какъ въ 60-хъ, такъ и въ 70-хъ годахъ отвращеніе къ философскому идеализму и къ метафизикѣ. На памяти людей 30—40-хъ гг. все еще тяготѣло обвиненіе въ идеализмѣ, „романтизмѣ" и служеніи „чистому искусству". И если Бѣлинскому и Герцену эти „грѣхи" уже прощали, то Пушкинъ и вся его школа такъ и остались нереабилитированными въ теченіе всего десятилѣтія. Разумѣется, вожди умственнаго движенія того времени—Михайловскій, Лавровъ, Пыпинъ, Салтыковъ—не раздѣляли этого рѣзко отрицательнаго отношенія къ Пушкину и другимъ нашимъ „классикамъ", но они не выступали въ ихъ защиту, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, къ числу которыхъ относятся превосходная статья Михайловскаго о Лермонтовѣ („Герой безвременья" — уже въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ) и попутныя замѣчанія о Пушкинѣ въ различныхъ работахъ Пыпина. За вычетомъ матеріаловъ, опубликованныхъ въ историческихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ спеціальныхъ изслѣдованій (въ томъ числѣ и работъ Анненкова), наша литература 70-хъ гг. обнаруживала почти полное равнодушіе къ изученію Пушкина, Гоголя, Лермонтова и другихъ поэтовъ дореформенной эпохи. Современные же представители „чистой поэзіи" — Фетъ, Майковъ, Полонскій, Ал. Толстой и др.—попрежнему не пользовались популярностью и въ журналахъ радикальнаго лагеря отъ времени до времени подвергались рѣзкому осужденію, чему способствовало откровенно ретроградное или консервативное направленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (именно Фета, частью Майкова).

Это отрицаніе „чистой поэзіи" можно также принять какъ элементъ, хотя и второстепенный, въ міросозерцаніи и умонастроеніи людей 70-хъ годовъ.

Среди писателей 70-хъ годовъ, какъ и въ рядахъ передового поколѣнія, были умы, совмѣщавшіе въ себѣ всѣ перечисленные элементы. Это были типичные представители эпохи, вѣрные адепты ея „credo", шедшіе за временемъ, не отстававшіе и не опережавшіе его. Къ числу такихъ мы отнесемъ покойнаго *Н. В. Шелгунова* *), писавшаго въ „Дѣлѣ" Благосвѣтлова и нынѣ здравствующаго *А. М. Скабичевскаго*, виднаго сотрудника „Отечественныхъ Записокъ". Если Шелгуновъ, въ своей умственной складкѣ и манерѣ письма, еще сохранялъ (въ 70-хъ гг.) живые слѣды 60-хъ годовъ, то Скабичевскій можетъ быть признанъ наиболѣе свободнымъ отъ нихъ и являлся однимъ изъ самыхъ типичныхъ писателей 70-хъ гг. Радикалъ и демократъ, критикъ-реалистъ, принципіальный противникъ „чистаго искусства", онъ въ статьѣ о Писаревѣ (написанной по поводу смерти послѣдняго и помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1869 г.) отчетливо проводитъ грань, отдѣляющую его собственныя воззрѣнія отъ нигилизма Писарева, осуждаетъ и „разрушеніе эстетики" и безповоротное отрицаніе

*) Говоря такъ, я не имѣю въ виду его замѣчательную публицистическую дѣятельность въ 80-хъ годахъ и въ началѣ 90-хъ (статьи въ „Русской Мысли").

Пушкина, за которымъ онъ признаетъ историческія заслуги; въ очеркахъ по исторіи русской литературы („Отечественныя Записки“ 1870—1871 гг.) онъ сурово осуждаетъ „прекраснодушіе“ идеалистовъ 30—40-хъ гг. (Грановскаго и др.), но воздаетъ должное заслугамъ Бѣлинскаго и высоко ставитъ Вал. Майкова. Въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ одинаково строгъ и къ такимъ писателямъ, какъ Тургеневъ (за „Отцовъ и дѣтей“), Гончаровъ (за „Обрывъ“), даже Островскій, и къ такимъ, какъ Николай Успенскій, Михайловъ-Шеллеръ и др.—„Отцы и дѣти“ Тургенева онъ не цѣнитъ по достоинству, фигуру Базарова считаетъ каррикатурою и пародіею на молодое поколѣніе, а персонажи романовъ Шеллера не удовлетворяютъ его — какъ дѣланныя и шаблонныя фигуры, представляющія, противъ воли автора, молодое поколѣніе въ нѣсколько пошломъ видѣ. Одна изъ заслугъ Скабичевскаго, какъ критика, это—ранняя и вѣрная оцѣнка таланта и значенія Глѣба Успенскаго.

Всякая эпоха имѣетъ свой уровень идей и своихъ писателей, стоящихъ на этомъ уровнѣ. Работы Скабичевскаго (70-хъ гг.) были умны и содержательны, но онѣ не выходили изъ рамокъ популярныхъ идей времени, какъ не выходили изъ нихъ талантливыя и живыя статьи Шелгунова и бойкія, но поверхностныя статьи *Ткачева* (въ „Дѣлѣ“) и *Протопопова* (въ „Отечественныхъ Запискахъ“).

Но нельзя судить о данной эпохѣ, какъ моментѣ въ умственномъ и общественномъ развитіи общества, исключительно по ея идейному уровню. Наиболѣе яркую окраску эпохѣ придаютъ дѣятели, въ воззрѣніяхъ которыхъ либо отпадаютъ тѣ или другія общераспространенныя въ ихъ время понятія, либо къ нимъ присоединяются новыя, которымъ предстоитъ дальнѣйшее развитіе. Такіе писатели не умѣщаются въ рамки установившагося воззрѣнія и выражаютъ свою эпоху не въ ея statu quo, а въ ея движеніи.

Въ 70-хъ гг. такими были *А. Н. Пыпинъ, П. Л. Лавровъ, Н. К. Михайловскій, Г. И. Успенскій, М. Е. Салтыковъ.*

2.

А. Н. Пыпинъ, близкій родственникъ и другъ Чернышевскаго, выступилъ еще въ 50-хъ годахъ съ трудами, сразу поставившими его въ первые ряды нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Въ 50-хъ и 60-хъ гг. онъ сотрудничалъ въ „Современникѣ“ и стоялъ близко къ редакціи этого передового журнала. Со второй половины 60-хъ годовъ онъ, ставъ постояннымъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы“, отъ спеціальныхъ изслѣдованій переходитъ къ работамъ, разсчитаннымъ на широкій кругъ читателей. Это не значило, что изъ ученаго изслѣдователя онъ превратился въ популяризатора: онъ остался тѣмъ же выдающимся ученымъ, но только теперь онъ избираетъ темы, могущія заинтересовать все мыслящее общество, и разрабатываетъ ихъ въ духѣ освободительныхъ идей и широкой гуманности, продолжая традицію Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова. Въ 70-хъ годахъ вліяніе Пыпина въ своемъ родѣ было не менѣе сильно и благотворно, чѣмъ вліяніе

Лаврова и Михайловскаго. Онъ не былъ идеологомъ и не принималъ активнаго участія въ разработкѣ передовыхъ идей эпохи, въ установленіи формулъ и лозунговъ, но въ своихъ работахъ онъ давалъ читателямъ массу образовательнаго матеріала, критически провѣреннаго и освѣщеннаго широкимъ прогрессивнымъ воззрѣніемъ. Онъ не былъ философъ, какъ Лавровъ и Михайловскій, и не претендовалъ на глубокій синтезъ идей. Но его литературная дѣятельность для поколѣнія 70-хъ годовъ была замѣною университетской каѳедры, которую онъ оставилъ еще въ 1861 г. И если Лавровъ и Михайловскій являлись для передового поколѣнія 70-хъ годовъ *идеологами-проповѣдниками*, то Пыпинъ былъ для него *учителемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова*: онъ образовывалъ умы, пріучая ихъ къ раціональному и историческому мышленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ направлялъ ихъ въ сторону сочувствія высшимъ идеаламъ человѣчества. Не чуждый полемики (направлявшейся всего чаще противъ славянофиловъ), онъ своею основательною и мѣткою критикою фактовъ, идей и направленій помогалъ читателю разбираться въ ихъ противорѣчіяхъ и вырабатывать правильное воззрѣніе на пути и задачи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Въ особенности важна была его критика системы „офиціальной народности" (терминъ имъ же введенный) и близкихъ къ ней консервативныхъ и ретроградныхъ теченій общественной мысли— отъ временъ Магницкаго до временъ Каткова. Важнѣйшіе труды Пыпина (60 — 70-хъ гг.), именно „*Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I*", *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ*", „*Бѣлинскій, его жизнь и переписка*", „*Исторія славянскихъ литературъ*" (въ сотрудничествѣ съ *В. Д. Спасовичемъ*, которому въ этой книгѣ принадлежитъ только глава о польской литературѣ), были крупнымъ вкладомъ не только въ нашу науку, но и въ дѣло нашего общественнаго развитія.

П. Л. Лавровъ, математикъ по спеціальности и мыслитель по призванію, съ огромною эрудиціею въ различныхъ областяхъ знанія, одаренный выдающимся даромъ философскаго синтеза, былъ извѣстенъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, какъ профессоръ артиллерійской академіи и какъ авторъ труда по исторіи математики и нѣсколькихъ философскихъ работъ, въ свое время не оцѣненныхъ по достоинству. Онъ выступалъ и съ публичными лекціями, а также участвовалъ въ текущей журналистикѣ. Но тогда онъ не пользовался большой популярностью,—его дѣятельность заслонялась шумнымъ успѣхомъ Чернышевскаго и Писарева, съ которыми онъ расходился въ философскихъ воззрѣніяхъ. Въ ссылкѣ (въ Кадниковѣ) онъ написалъ „*Историческія письма*", печатавшіяся въ „Недѣлѣ" (1869 г.; отдѣльное изданіе—1870 г.), —и съ этого момента начинается вторая половина его дѣятельности, когда онъ сталъ однимъ изъ признанныхъ вождей передового движенія и однимъ изъ властителей думъ поколѣнія 70-хъ гг. Съ тѣхъ поръ его содержательныя и вдумчивыя статьи въ теченіе 10 съ лишнимъ лѣтъ печатаются (анонимно) *) по преимуществу

*) „Историческія письма" были подписаны псевдонимомъ „Миртовъ".

въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (также въ „Знаніи“), и Лавровъ, наряду съ Михайловскимъ, становится основоположникомъ передовой—демократической и соціалистической—идеологіи 70-хъ годовъ.

Въ складѣ ума этого необыкновеннаго человѣка не было ничего „нигилистическаго“, ничего „базаровскаго“, какъ не было у него и сочувствія къ легкому, поверхностному писаревскому отрицанію. Да и вообще онъ не былъ отрицатель, разрушитель: идеалистъ и моралистъ по натурѣ, аскетъ въ жизни, человѣкъ долга и самоотверженнаго исповѣданія своей вѣры, онъ былъ прежде всего созидатель и проповѣдникъ положительныхъ идеаловъ, которые имѣли для него психологическое значеніе религіи. Отрицаніе было лишь логическимъ слѣдствіемъ его соціалистической вѣры. Базаровскія изреченія: „въ настоящее время полезнѣе всего отрицаніе, и потому мы отрицаемъ“ и „мы отрицаемъ *все*“—не были лозунгомъ Лаврова. Онъ искалъ *истину* и полагалъ, что ея исповѣданіе, проповѣдываніе и проведеніе въ жизнь всегда необходимо и благотворно, что это—суровый долгъ всѣхъ воспріявшихъ ее. Уже отсюда видно, почему въ 60-хъ гг., поскольку это время было по преимуществу эпохою отрицанія, Лавровъ не могъ выдвинуться: тогда его голосъ заглушался бойкими рѣчами Писарева, Зайцева, Шелгунова и др. Не только утрированный, но даже умѣренный *скептицизмъ* претилъ Лаврову; еще больше претилъ ему *индифферентизмъ*, въ который легко впадаютъ отрицатели quand même, скептики, „нигилисты“. Поборникъ *критическаго* мышленія, онъ однако всю жизнь искалъ *догму* и слишкомъ легко—для „критика“—находилъ ее и, найдя, исповѣдывалъ и проповѣдывалъ ее—какъ морально и религіозно обязательную. Было что-то сектантское въ его отношеніяхъ къ своимъ идеямъ. Въ одномъ мѣстѣ „Историческихъ писемъ“ онъ говорилъ: „...кто изъ-за личнаго расчета остановился на полдорогѣ, кто изъ-за красивой головки вакханки, изъ-за интересныхъ наблюденій надъ инфузоріями, изъ-за самолюбиваго спора съ литературнымъ соперникомъ—забылъ объ огромномъ количествѣ зла и невѣжества, противъ котораго слѣдуетъ бороться, тотъ можетъ быть чѣмъ угодно: изящнымъ художникомъ, замѣчательнымъ ученымъ, блестящимъ публицистомъ, но онъ самъ себя вычеркнулъ изъ ряда сознательныхъ дѣятелей историческаго прогресса...“. Въ „Историческихъ письмахъ“ есть глава („Цѣна прогресса“), гдѣ Лавровъ старается показать, что высшія культурныя цѣнности (науки, философіи, искусства, литературы) куплены слишкомъ дорогою цѣною подневольнаго труда, невѣжества, одичанія массъ, и что поэтому лучшіе люди нравственно обязаны пользоваться этими цѣнностями такъ, чтобы онѣ послужили на пользу трудящейся массѣ человѣчества и содѣйствовали ея освобожденію,—и слѣдовательно, всякое занятіе искусствомъ для искусства, наукой для науки и т. д. есть какъ бы преступленіе передъ человѣчествомъ. Этотъ выводъ и резюмированъ въ вышеприведенной тирадѣ. Въ позднѣйшей статьѣ (1881 г., въ „Словѣ“), озаглавленной „Теорія и практика прогресса“, онъ говоритъ: „Исторія требуетъ жертвъ.

Ихъ приноситъ въ себѣ и около себя тотъ, кто беретъ на себя великую, но грозную задачу быть борцомъ за свое и за чужое развитіе. Задачи развитія *должны быть* разрѣшены. Лучшее историческое будущее *должно быть* завоевано. Передъ каждою личностью, которая достигла до сознанія потребности развитія, сталъ грозный вопросъ: будешь ли ты одинъ изъ тѣхъ, кто готовъ на всякія жертвы и на всякія страданія, лишь бы ему удалось быть сознательнымъ и понимающимъ дѣятелемъ прогресса? Или ты останешься въ сторонѣ бездѣятельнымъ зрителемъ страшной массы зла, около тебя совершающагося, сознавая свое отступничество отъ пути къ развитію, потребность въ которомъ ты когда-то чувствовалъ? Выбирай!". Это—не языкъ 60-хъ годовъ, это—не языкъ Базарова, Писарева и даже не языкъ Чернышевскаго. Люди 60-хъ годовъ, какъ и всегда лучшіе люди у насъ, „были готовы на всякія жертвы и всякія страданія" ради идеи, (ибо „noblesse oblige", а также—„взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ"), но этой практикѣ не соотвѣтствовалъ складъ ихъ мысли и тонъ ихъ рѣчей. Соотвѣтствующій скорбной практикѣ складъ мысли и тонъ рѣчей установились только въ 70-хъ годахъ, и съ особенною яркостью проявились они именно въ сочиненіяхъ Лаврова, преимущественно тѣхъ, которыя издавались за границей, напримѣръ, въ статьяхъ журнала „Впередъ", въ трактатѣ о государствѣ будущаго, въ брошюрѣ о Парижской коммунѣ и др.

Н. К. Михайловскій впервые привлекъ къ себѣ сочувственное вниманіе читающей публики статьею „*Что такое прогрессъ?*" („Отечественныя Записки" 1869 г.). И здѣсь, какъ и въ „Историческихъ письмахъ" Лаврова, чуткіе читатели сразу увидѣли признаки новаго направленія передовой мысли. Новое заключалось не только въ положительномъ содержаніи трактата, гдѣ была предложена оригинальная „формула прогресса", но и въ умонастроеніи автора, въ манерѣ письма и въ тонѣ рѣчей. „Новое слово", сказанное Михайловскимъ, въ существенномъ совпадало съ тѣми воззрѣніями, которыя проводились въ „Историческихъ письмахъ" Лаврова. Въ трактатѣ о прогрессѣ и въ длинномъ рядѣ послѣдующихъ статей Михайловскаго, какъ и у Лаврова, было нѣчто такое, что давало понять, что 60-е годы кончились, что базаровщина прошла, и писаревскій нигилизмъ съ его поверхностнымъ матеріализмомъ, ненужнымъ отрицаніемъ Пушкина и т. д. уже изжитъ и долженъ прекратиться, какъ прекращаются ребяческія шалости со вступленіемъ человѣка въ зрѣлый возрастъ. Несмотря на молодость автора, въ его писаніяхъ сквозила серьезная и самостоятельная мысль, органически неспособная подчиняться установленному шаблону воззрѣній и ищущая новыхъ путей. Раздался властный голосъ, сразу заставившій читателя встрепенуться и прислушаться. И то, что читатель услышалъ, было дѣйствительно ново и закладывало фундаментъ новой идеологіи. Молодой писатель выступалъ, какъ искатель истины — теоретической и практической. Впослѣдствіи, подводя итогъ своей многолѣтней литературной дѣятельности, онъ опредѣлилъ ея задачу исканіемъ „дву-

единой правды“: *правды-истины* (объективной, основанной на научныхъ данныхъ) и *правды-справедливости* (основаньой на томъ, что внушаетъ передовой идеалъ человѣчества) и стремленіемъ философски обосновать ихъ, привести въ стройную систему.

По существу это была та же самая задача, которую преслѣдовалъ Лавровъ,—и оба мыслителя сошлись и въ отправныхъ точкахъ и въ конечныхъ выводахъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Михайловскій писалъ преимущественно философскія (идеологическія) статьи, которыя были продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ его перваго трактата о прогрессѣ (*„Аналогическій методъ въ соціологіи“* и др.). Къ публицистикѣ онъ обращается лишь изрѣдка—по случайнымъ поводамъ (*„Жертва старой русской исторіи“*— о Кельсіевѣ, по поводу его ренегатства, блестящая статья *„Князь Бисмаркъ“*—по поводу событій 1870—1871 гг.). Но уже около половины десятилѣтія Михайловскій, не оставляя своихъ философскихъ и соціологическихъ работъ, выступаетъ—какъ первоклассный публицистъ и обнаруживаетъ полемическій темпераментъ огромной силы, а также переходитъ къ критикѣ и потомъ частью къ беллетристическимъ опытамъ. Послѣ остроумныхъ *„Писемъ Ивана Непомнящаго“* онъ пишетъ *„Записки профана“* и *„Вперемежку“*.—Въ *„Запискахъ профана“*, трактуя о разнообразныхъ темахъ и пріурочивая свои разсужденія къ текущимъ явленіямъ литературы и жизни, онъ развиваетъ ту силу мысли и тотъ паѳосъ идеолога, которыми окончательно уяснилось его призваніе—какъ законнаго преемника Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Кто хотѣлъ бы ощутить, такъ сказать, біеніе пульса жизни 70-хъ гг., тотъ долженъ изучать *„Записки профана“*. Въ то время эти яркія, сильныя, смѣлыя и умныя статьи разрѣзывались первыми и читались съ тѣмъ же напряженнымъ и трепетнымъ вниманіемъ, съ какимъ нѣкогда читались статьи Бѣлинскаго. Несмотря на разнообразіе темъ (тутъ шла рѣчь и о Шопенгауэрѣ, и о графѣ Мордвиновѣ, по поводу книги о немъ профессора Иконникова, и о „десницѣ и шуйцѣ“ Л. Н. Толстого, и о „субъективномъ методѣ“ въ исторіи — по поводу статьи на эту тему Южакова въ „Знаніи“, и о „типахъ“ развитія въ отличіе отъ его „ступеней“, и о Прудонѣ и Бѣлинскомъ и т. д. и т. д.), не взирая также на разбросанность и подчасъ небрежность изложенія,—мысли публициста-философа слагались въ умѣ читателя въ стройную идеологическую систему, овладѣвая не только умомъ, но и чувствомъ и направляя волю въ сторону служенія ясно очерченному демократическому и соціалистическому идеалу. Именно какъ авторъ „Записокъ профана“, Михайловскій сталъ могучимъ властителемъ думъ поколѣнія, выразителемъ и истолкователемъ передового движенія эпохи. Его полемика съ ретроградными и либерально-буржуазными публицистами нерѣдко возвышалась до высокаго паѳоса, — и тогда Михайловскій обнаруживался — какъ *памфлетистъ* необычайной силы и страстности, какого послѣ Бѣлинскаго у насъ и не было. И рядомъ съ сатирой Салтыкова иныя страницы „Записокъ профана“ были самымъ яркимъ вы-

раженіемъ протеста совѣсти и негодованія эпохи.

Полубеллетристическіе очерки „*Вперемежку*“ открыли въ этомъ необыкновенно одаренномъ человѣкѣ недюжинный художественный талантъ. Очерки имѣли въ то время значеніе по преимуществу публицистическое, но для насъ они—автобіографическій документъ и цѣнный вкладъ въ исторію идей и направленій. Здѣсь Михайловскій установилъ понятіе (да и *типъ*) „кающагося дворянина“ и освѣтилъ роль „кающихся дворянъ“ (къ числу которыхъ и самъ принадлежалъ), бокъ о бокъ съ „разночинцами“, въ развитіи нашихъ идеологій и нашей общественной мысли.

Во второй половинѣ 70-хъ годовъ, въ ихъ концѣ и въ началѣ 80-хъ Михайловскій выступалъ и какъ соціологъ-мыслитель (превосходными этюдами „*Борьба за индивидуальность*“, „*Герои и толпа*“ и др.), и какъ памфлетистъ („*Письма къ ученымъ людямъ*“), и какъ критикъ („*Герой безвременья*“—о Лермонтовѣ, „*Жестокій талантъ*“—о Достоевскомъ). Всѣ эти работы составили цѣнный вкладъ въ нашу литературу.

Центральнымъ пунктомъ его соціологической мысли былъ вопросъ о личности въ ея отношеніяхъ къ обществу, къ соціальной средѣ. Онъ пытается прослѣдить и освѣтить исконныя и многовѣковыя стремленія личности къ освобожденію отъ стѣсняющихъ ее узъ общественности и борьбу самихъ общественныхъ группъ (семья, государство и др.) за свою — групповую — индивидуальность. Въ этюдѣ „Герои и толпа“ онъ предвосхищаетъ идеи Тарда и обнаруживаетъ геніальный даръ интуиціи и обобщенія.

Блестящая литературная дѣятельность Михайловскаго сосредоточилась въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и могущественно содѣйствовала тому престижу, которымъ пользовался этотъ журналъ за все время его существованія (1868—1884).

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій выступилъ съ очерками изъ быта мѣщанъ и фабричныхъ еще въ 60-хъ годахъ (въ „Разсвѣтѣ“ и „Современникѣ“). Съ конца 60 хъ и въ теченіе 70-хъ его очерки печатались почти исключительно въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—и здѣсь ярко выразилась основная черта его огромнаго дарованія и его своеобразнаго душевнаго склада: *скорбный юморъ*. Глѣбъ Успенскій былъ юмористъ, но не того рода, къ которому принадлежали, напримѣръ, Николай Успенскій, Лейкинъ и др., а къ тому, который въ нашей литературѣ имѣлъ только трехъ высокоодаренныхъ представителей: *Гоголя*, *Глѣба Успенскаго* и *Чехова*. Смѣхъ сквозь слезы, или смѣхъ, разрѣшающійся глубокою *моральною* скорбью, искрится уже въ „*Нравахъ Растеряевой улицы*“ („Современникъ“ 1866 г.), въ „*Наблюденіяхъ Михаила Ивановича*“, „*Тише воды, ниже травы*“, „*Наблюденіяхъ одного лѣнтяя*“ и другихъ очеркахъ 70-хъ гг., печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Здѣсь изображается преимущественно захолустная среда мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ, лавочниковъ, захудалыхъ помѣщиковъ, частью же выступаютъ мужики и рабочіе,—и весь этотъ людъ представленъ въ видѣ муравейника, взбудораженнаго тѣмъ толчкомъ, который

исходилъ отъ реформъ начала 60-хъ годовъ. Тьма, невѣжество, грубость нравовъ, растерянность и разореніе (очерки эти и озаглавлены „*Разореніе*"), образуютъ основную канву разсказа,—и поэтъ реагируетъ на все это и юморомъ, и скорбью, заставляя читателя то заразительно смѣяться, то думать невеселыя думы. Читатели 70-хъ годовъ легко подчинялись настроенію Успенскаго и уже въ началѣ этой эпохи прозрѣвали въ немъ писателя, который пойдетъ дальше и поведетъ за собою цѣлое поколѣніе,—вдумчиваго художника, который вотъ-вотъ скажетъ что-то очень интересное, очень важное. Вскорѣ и критика (статья Скабичевскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ" о Гл. Успенскомъ) указала на него, какъ на писателя, выдѣляющагося изъ ряда другихъ беллетристовъ-народниковъ и одареннаго крупнымъ и оригинальнымъ художественнымъ талантомъ.

Послѣдующіе очерки Успенскаго—„*Парамонъ юродивый*", „*Непорванныя связи*", „*Овца безъ стада*" и др., позже „*Власть земли*" и др.—оправдали и еще больше усилили эти ожиданія. Глѣбъ Успенскій затрагивалъ тутъ наболѣвшіе вопросы интеллигентской совѣсти: онъ разсказывалъ о попыткахъ интеллигентныхъ людей „порвать связи" со своей средой и слиться съ народомъ, о культурной и просвѣтительной дѣятельности такихъ лицъ среди народа, объ отношеніи крестьянъ къ этимъ культурнымъ дѣятелямъ, о пропасти, раздѣляющей народное міросозерцаніе и народную психологію отъ міросозерцанія и психологіи интеллигенціи. И все это было разсказано такъ, что читатель поочередно смѣялся и задумывался,—и чѣмъ громче смѣялся, тѣмъ больше задумывался, а прочитавъ, ожидалъ, что скажетъ Успенскій въ слѣдующемъ очеркѣ... Попытки слиться съ народомъ и просвѣщать его были представлены въ смѣшномъ видѣ — какъ затѣя, хотя и психологически законная, и похвальная, но совершенно несостоятельная, можно сказать, нелѣпая; а народъ выступалъ въ далеко не привлекательныхъ чертахъ закоренѣлой грубости, невѣжества и рабскихъ привычекъ. Художникъ изображалъ мужиковъ съ глубокимъ сочувствіемъ, но безъ всякой идеализаціи, не жалѣя темныхъ красокъ, и только оговаривался, что подъ наносною корою грубости и рабской дрессировки все-таки скрывается гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ народнаго духа, чистое золото добра и правды. Но положительныхъ типовъ онъ не давалъ, и очерки производили впечатлѣніе, что до „чистаго золота" никакъ не докопаешься. Читатели еще крѣпче Успенскаго вѣрили въ существованіе этого легендарнаго клада, не дающагося въ руки, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за поисками и раскопками въ толщахъ народной жизни, предпринятыми даровитымъ и чуткимъ писателемъ, другомъ народа,—слѣдили и ждали, что вотъ-вотъ въ слѣдующемъ очеркѣ онъ что-то найдетъ, скажетъ что-то новое, что-то важное...

Эти ожиданія были въ высокой степени характерны, какъ для передовыхъ читателей того времени, такъ и для самого Гл. Успенскаго. Вдумчивый и болѣзненно чуткій ко всякимъ изъянамъ и диссонансамъ жизни, писатель-художникъ *уже* открывалъ

въ народѣ, въ интеллигенціи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ немало и важнаго и новаго, но эти открытія не сулили ничего утѣшительнаго, — они были источникомъ горькаго смѣха и скорбныхъ думъ,—и читатели, посмѣявшись, погрустивъ и задумавшись, не удовлетворялись полученными результатами и—ждали новыхъ откровеній. И самъ писатель шелъ все дальше, продолжалъ поиски и словно ожидалъ чего-то отъ самого себя. Онъ былъ народникъ, не походившій на другихъ народниковъ; онъ былъ демократъ, старавшійся увѣровать въ народъ и обрѣтавшій въ немъ пока все ту же „бѣдность да бѣдность",—разореніе, разложеніе, дикость, традицію рабства. И казалось, „вѣра" въ народъ должна была поколебаться: Гл. Успенскій, повидимому, разрушалъ самый фундаментъ этой вѣры, обнаруживая всю фантастичность идеализаціи мужика и вѣковыхъ устоевъ крестьянскаго быта и міросозерцанія. Но надежда въ концѣ концовъ оправдать народническую „вѣру" не покидала его, и былъ моментъ, когда ему и его читателямъ казалось, что заколдованный кладъ вотъ-вотъ будетъ найденъ. Гл. Успенскій воспринялъ излюбленную идею Михайловскаго о томъ, что необходимо различать понятія *типовъ* и *ступеней* развитія, и что наше крестьянство, стоя на одной изъ сравнительно низкихъ ступеней развитія, въ то же время являетъ болѣе совершенный типъ его,—и это выражается въ большей цѣльности личности крестьянина, еще не раздробленной и не суженной пагубнымъ раздѣленіемъ труда. Крестьянинъ, при всей своей отсталости и темнотѣ, живетъ будто бы полною жизнью, оправдывая тѣмъ формулу прогресса, установленную Михайловскимъ еще въ трактатѣ „Что такое прогрессъ?" и потомъ неоднократно поясненную имъ въ послѣдующихъ статьяхъ. Эту-то формулу усвоилъ и Успенскій, — и она явилась для него въ родѣ путеводной звѣзды въ его напряженныхъ исканіяхъ „народной правды", въ его многолѣтнихъ скитаніяхъ въ пустынѣ крестьянской Руси. Уже въ очеркѣ „Овца безъ стада" онъ говоритъ о „разносторонности" крестьянина, который въ своей жизни и дѣятельности является не только пахаремъ, но и „агрономомъ", и „ботаникомъ", и „зоологомъ", и „техникомъ и т. д.— Въ концѣ 70-хъ гг. эта идея легла въ основу изысканій Успенскаго: во „Власти земли" онъ старается провести ее съ возможною послѣдовательностью, обставляя ее живыми наблюденіями надъ трудомъ, бытомъ и міровоззрѣніемъ крестьянина... Казалось, неутомимый искатель былъ близокъ къ цѣли. Но—увы!—окончательный выводъ оказался совершенно отрицательнымъ. Ничуть не идеализируя мужика, Успенскій, положимъ, выяснилъ „красоту" земледѣльческаго типа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ установилъ, что, во-первыхъ это—типъ архаическій, исчезающій, что онъ фатально обреченъ на гибель подъ наплывомъ „цивилизаціи", и — во-вторыхъ — что между этою здоровою частью крестьянства, хранящею добрые завѣты старины, и передовою интеллигенціею нѣтъ ничего общаго, взаимное пониманіе невозможно — и на всѣ попытки интеллигенціи къ сближенію мужикъ

отвѣтилъ: „не суйся!“ — Въ этомъ отвѣтѣ Успенскій увидѣлъ крушеніе всѣхъ народническихъ упованій. Кладъ, казалось, найденный, вдругъ превратился въ миражъ, и искатель былъ сразу отброшенъ назадъ — къ той точкѣ, на которой онъ стоялъ вначалѣ, когда (въ очеркѣ „Овца безъ стада“) онъ иронически отзывался о восторженной идеализаціи мужика, объ „иллюстраціяхъ“ крестьянскаго типа, въ которыхъ получался образъ совершенно фантастическій. Разрушая этотъ фантомъ, Успенскій искалъ тогда какихъ-либо слѣдовъ положительнаго типа въ крестьянствѣ и, находя лишь коекакіе намеки, принужденъ былъ довольствоваться, напримѣръ, тѣми утвержденіями, какія высказываетъ „балашовскій баринъ“ („Овца безъ стада“): „онъ (мужикъ) такъ же изуродованъ, какъ и нашъ братъ съ краснымъ околышемъ; но знаете что? *То тамъ, то сямъ изрѣдка мелькаютъ какія-то черты въ обиходѣ мужицкой жизни, которыя почти приравниваютъ его къ мужику иллюстрированному...* Что изуродованъ онъ—это вѣрно; но въ немъ еще живетъ много самыхъ образцовыхъ въ смыслѣ приведенной иллюстраціи свойствъ“...

„Какія-то“ черты, „мелькающія“— и то „изрѣдка“—„то тамъ, то сямъ“ —это, конечно, очень ужъ скудный результатъ, краснорѣчиво говорившій о неудачѣ поисковъ. Но эти тѣни манили дальше,—и во „Власти земли“ Успенскій, казалось, вплотную подошелъ къ „образцовымъ свойствамъ“ подлиннаго крестьянина, „почти приравнивающимъ“ его къ „мужику иллюстрированному“. Пытливый взоръ Успенскаго проникалъ теперь въ самыя нѣдра народной жизни и психики,—и открытый имъ „гармоническій“ типъ настоящаго крестьянина былъ налицо... Это уже не была „иллюстрація“, это не былъ миѳъ... Но Успенскому пришлось самому же установить то прискорбное обстоятельство, что этотъ „благообразный“ типъ сохраняется только до тѣхъ поръ, пока мужикъ не выходитъ изъ-подъ „власти земли“, а эта власть по необходимости идетъ на убыль,—экономическая эволюція роковымъ образомъ *освобождаетъ* крестьянина отъ власти земли; и тутъ-то все „благообразіе“ типа исчезаетъ при первыхъ же признакахъ „освобожденія“. Выходило такъ, что этотъ хваленый земледѣльческій типъ настолько слабъ и нежизнеспособенъ, что малѣйшее ослабленіе „власти земли“ приводитъ его къ неминуемой порчѣ и разложенію. И безпристрастному читателю невольно навязывался вопросъ: да въ самомъ ли дѣлѣ такъ ужъ положителенъ и благообразенъ этотъ типъ?... То, что нашелъ наконецъ Успенскій, было не миѳомъ,—но хуже миѳа.

Пусть результатъ исканій вышелъ хуже миѳа, но самыя-то исканія Успенскаго были явленіемъ новымъ и въ высокой степени цѣннымъ. Ихъ значеніе для передового поколѣнія 70-хъ годовъ прекрасно охарактеризовалъ *В. Г. Короленко* слѣдующими словами: „Вся литературная біографія Успенскаго, все, за что мы его такъ любили, весь захватывающій интересъ его дѣятельности, художественной и публицистической, объясняется этой исторіей интеллигентной чуткой души, натыкающейся, въ поискахъ правды и жизненной гармоніи, на

противорѣчія и диссонансы и все-таки не теряющей вѣры" („Воспоминанія о Чернышевскомъ"). В. Г. Короленко противопоставляетъ здѣсь эти исканія, сомнѣнія, разочарованія Успенскаго тому спокойному раціонализму и догматизму мысли, образцомъ котораго было умонастроеніе Чернышевскаго, полагавшаго, что стоитъ только объяснить мужику истинное положеніе вещей, причины зла и т. д.,—и онъ горой станетъ за тотъ идеалъ, который проповѣдуетъ интеллигенція. Людямъ 60-хъ годовъ казалось простымъ, яснымъ и легкимъ то, въ чемъ Успенскій видѣлъ трудную и сложнѣйшую проблему. Короленкѣ, воспитавшемуся на идеяхъ 70-хъ годовъ вообще и на сочиненіяхъ Успенскаго въ частности, Чернышевскій (по возвращеніи изъ ссылки) представлялся какимъ-то выходцемъ изъ другого міра. Этотъ „другой міръ"—60-е годы, и „очная ставка" Чернышевскаго съ Успенскимъ какъ нельзя лучше оттѣняетъ идеологическое и общественно-психологическое различіе между двумя эпохами.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), занявшій видное и, можно сказать, исключительное положеніе въ нашей литературѣ еще во второй половинѣ 50-хъ гг. (*„Губернскіе очерки"*), развернулъ всю мощь своего художественно-сатирическаго дарованія только въ 70-хъ годахъ, для которыхъ его сатира представляетъ собою явленіе не менѣе знаменательное, чѣмъ литературная дѣятельность Пыпина, Лаврова, Михайловскаго и Гл. Успенскаго. Въ 60-хъ годахъ Салтыковъ былъ на виду и пользовался большой популярностью, но онъ не былъ тогда ни выразителемъ передовой идеологіи, ни „властителемъ думъ" передового поколѣнія. „Властителемъ" былъ тогда, послѣ Чернышевскаго, Писаревъ, который смотрѣлъ на сатиру Щедрина, какъ на пустую забаву, и въ статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора", сводя ее на нѣтъ, не шутя совѣтовалъ сатирику заняться популяризаціей ученыхъ книгъ по естествознанію. А сатирикъ въ свою очередь косо смотрѣлъ на „нигилизмъ" Писарева и его послѣдователей и однажды выступилъ противъ „мальчишекъ" съ рѣзкою отповѣдью.

На рубежѣ 70-хъ гг. его сатира становится глубже и язвительнѣе. Онъ пишетъ *„Исторію одного города"* („Отечественныя Записки" 1869 г.), и эта сильная политическая сатира явилась тогда такимъ же знаменіемъ времени, какими были „Историческія письма" Лаврова и первыя статьи Михайловскаго.

За „Исторіей одного города" послѣдовали *„Ташкентцы"*, *„Признаки времени"*, *„Дневникъ провинціала въ Петербургѣ"*, *„За рубежомъ"*, *„Письма къ тетенькѣ"*—рядъ сатирическихъ очерковъ огромной силы, направленныхъ противъ бюрократіи, реакціи, „буржуазныхъ" вожделѣній и т. д., а попутно противъ всего темнаго, лживаго, глупаго и „безпардоннаго", чего было такъ много въ эту переходную эпоху обостренія реакціонныхъ тенденцій въ правительствѣ, первыхъ успѣховъ капитализма, разложенія „устоевъ" народной жизни, разоренія дворянъ-помѣщиковъ, восхожденія Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

Сатира Салтыкова пользовалась въ 70-хъ годахъ широкою популяр-

ностью, и, можно сказать, сила ея воздѣйствія, сконцентрированная въ передовой части общества, какъ бы разсѣивалась въ его широкихъ кругахъ. Остроумные и мѣткіе сарказмы Щедрина вызывали сочувственную улыбку и смѣхъ повсюду, гдѣ только читались русскіе журналы; но сплошь и рядомъ это не означало, что читатели раздѣляютъ идеи и направленіе сатирика. Онъ имѣлъ и такихъ читателей, которые не слѣдили за движеніемъ общественной мысли и не разбирались въ ея направленіяхъ. У него были также и очень высокопоставленные читатели, чѣмъ объясняется относительное „habeas corpus" сатирика и нѣкоторое послабленіе со стороны цензуры. И только реакція начала 80-хъ годовъ, когда были закрыты „Отечественныя Записки", стѣснила его дѣятельность. Тѣмъ не менѣе онъ не сложилъ оружія и только перешелъ отъ настоящаго къ прошлому — въ художественной эпопеѣ „*Пошехонской старины*".

Кто хочетъ *понять* 70-е годы, тотъ долженъ прежде всего изучать относящіяся къ этой эпохѣ произведенія тѣхъ писателей, бѣглую характеристику которыхъ мы здѣсь дали,— Пыпина, Лаврова, Михайловскаго, Гл. Успенскаго и Салтыкова.

Но, само собой разумѣется, эпоха не исчерпывалась ими. Направленіе и умонастроеніе, ими представляемыя, были важнѣйшими, но не единственными. Другія теченія, старыя и новыя, развивались своимъ чередомъ. Они также были характерными для эпохи, но только не сами по себѣ, а тѣмъ, *какъ они реагировали на господствующее теченіе*. Реагируя на него, *консерватизмъ, славянофильство, народничество* 70-хъ годовъ получили особую постановку и обнаруживали признаки, какихъ не имѣли ни раньше, ни позже. Чтобы пояснить это двумя-тремя указаніями, вспомнимъ, что, напримѣръ, консерватору 70-хъ годовъ было обязательно—стоять за метафизику и „чистое искусство", что славянофильство ярко окрашивалось либеральными и радикальными тенденціями, а народничество сливалось съ демократическимъ радикализмомъ и соціализмомъ.

3.

Начнемъ съ *народничества*.

Въ своемъ чистомъ видѣ и крайнемъ выраженіи оно въ 70-хъ гг. было рѣдкостью. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно представляло собою помѣсь народничества съ радикализмомъ и соціализмомъ, и въ этой формѣ его трудно было отличить отъ того направленія, которое было представлено „Отечественными Записками". Руководящіе мыслители и публицисты этого вліятельнѣйшаго тогда журнала (Лавровъ, Михайловскій; Демертъ, Елисѣевъ; позже Кривенко) не были чистыми народниками. Это были русскіе демократы, радикалы и соціалисты, но съ нѣкоторою примѣсью народническихъ элементовъ въ ихъ міросозерцаніи и настроеніи. Эта примѣсь была слѣдствіемъ того, что они, какъ и слѣдовало, выдвигали впередъ интересы крестьянъ. Но — въ большинствѣ случаевъ—они не идеализировали мужика и не преклонялись передъ предполагаемою исключительною „красотою" русскаго національнаго духа,

будто бы воплощеннаго въ крестьянствѣ. Такая крайняя и при томъ націоналистическая форма народничества получила своеобразное выраженіе въ проповѣди Достоевскаго (*„Дневникъ писателя“*), но она не оказала тогда замѣтнаго вліянія ни въ широкой публикѣ, ни въ рядахъ передового поколѣнія, несмотря на шумный успѣхъ статей Достоевскаго. Другая форма чистаго народничества, представленная около половины 70-хъ гг. статьями *П. Ч. (г. П. Червинскаго)* въ „Недѣлѣ“ и сводившаяся къ радикальному противопоставленію „города“ и „деревни“, вызвала рѣзкую отповѣдь Михайловскаго. Выступленіе П. Ч. было лишь эпизодомъ,—и этотъ родъ народничества вскорѣ заглохъ, чтобы возродиться въ 80-хъ годахъ въ еще болѣе крайнемъ выраженіи. Гораздо типичнѣе для 70-хъ годовъ другая форма народничества, болѣе умѣренная,—та, которая была представлена, напримѣръ, *„Письмами изъ деревни“ А. Н. Энгельгардта* (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) и экономическими статьями *В. В. (В. П. Воронцова*, тамъ же), гдѣ доказывалось, что въ Россіи капитализмъ насаждается искусственно и привиться не можетъ.

Въ беллетристикѣ *умѣренное народничество* 70-хъ годовъ было представлено *Златовратскимъ, Засодимскимъ, Наумовымъ, Каронинымъ* и др. Въ сущности это былъ все тотъ же демократическій радикализмъ и соціализмъ, только окрыленный *вѣрою* въ русскій народъ и отмѣченный тенденціей къ нѣкоторой предвзятой идеализаціи „устоевъ“ крестьянской жизни. Разница между этими писателями-народниками, съ одной стороны, и Гл. Успенскимъ, съ другой, сводилась къ тому, что у нихъ не было тѣхъ мукъ сомнѣній и исканій, въ которыхъ протекла вся жизнь и дѣятельность Успенскаго: они сразу нашли то, чего Успенскій всю жизнь искалъ и найти не могъ.

Н. Н. Златовратскій, крупный художественный и литературный талантъ, выступилъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ сатирическими очерками (въ „Искрѣ“ и „Будильникѣ“), изданными потомъ отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ „Маленькій Щедринъ“. Его выступленіе, какъ беллетриста-народника, относится къ 1874 г., когда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась его повѣсть *„Крестьяне-присяжные“*. Въ рядѣ разсказовъ изъ быта крестьянъ и рабочихъ (*„Артель“, „Авраамъ“, „Деревенскій король Лиръ“* и др.) онъ рисуетъ народные типы съ замѣтно предвзятою мыслью внушить читателю симпатію и уваженіе къ мужику, представить характеры, понятія и складъ жизни крестьянина — какъ нѣчто положительное, легко поддающееся законной идеализаціи, а отрицательныя черты и порчу нравовъ объясняетъ пагубнымъ вліяніемъ города и фабрики. Надо отдать справедливость даровитому писателю: эта тенденція не разростается у него до степени произвольной и фальшивой натяжки,—художникъ, уважая и любя крестьянина, отмѣчаетъ и освѣщаетъ то хорошее, что несомнѣнно есть въ его психологіи, понятіяхъ и нравахъ. Если ужъ упрекать его, то развѣ только въ томъ, что его взоръ не проникалъ такъ глубоко, какъ взоръ Гл. Успенскаго, и не видѣлъ роковой оборотной стороны медали. Но

такой упрекъ равносиленъ былъ бы обвиненію Златовратскаго въ томъ, какъ смѣлъ онъ быть самимъ собою, а не Гл. Успенскимъ... Suum cuique. Любовное и гуманное изображеніе хорошихъ сторонъ и положительныхъ чертъ народной психологіи и жизни имѣетъ свои права, а неизбѣжная односторонность, оттуда вытекающая, найдетъ себѣ противовѣсъ и исправленіе въ показаніяхъ другихъ наблюдателей.

Важнѣйшее и наиболѣе народническое произведеніе Златовратскаго „*Устои*“ представляетъ собою родъ народнической эпопеи (хотя и названо повѣстью) и лишь двумя первыми частями относится къ 70-мъ годамъ (1 часть — въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1878 г., 2-ая — тамъ же въ 1880); 3-я и 4-я части были написаны въ началѣ 80-хъ гг. („Отечественныя Записки“ 1882 г.). „Устои“—это „исторія одной деревни“, воспроизведенная съ цѣлью дать картину „по возможности полнаго развитія нѣкоторыхъ основныхъ факторовъ внутреннихъ отношеній... деревни“, при чемъ дѣйствіе отнесено къ 60-мъ годамъ. Въ значительной степени это произведеніе представляется болѣе характернымъ для 80-хъ годовъ, чѣмъ для 70-хъ, выражая собою одну изъ переходныхъ ступеней отъ умѣреннаго народничества 70-хъ гг. къ тому обостренію его, которое наблюдалось въ 80-хъ. То же самое приходится сказать и о другомъ крупномъ трудѣ Златовратскаго, —объ очеркахъ (въ небеллетристической и частью полубеллетристической формѣ) „*Деревенскіе будни*“ („Отечественныя Записки“ 1880—1881 гг.), образующихъ любопытную параллель и противовѣсъ очеркамъ Успенскаго (именно такимъ, какъ „Власть земли“, „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“).

Н. И. Наумовъ, выступившій на литературное поприще еще въ концѣ 50-хъ гг. и выдвинувшійся въ 60-хъ (разсказомъ „*У перевоза*“ въ „Современникѣ“ 1863 г.), развернулъ свою дѣятельность, какъ беллетристъ-народникъ, въ 70-хъ гг. — рядомъ разсказовъ и очерковъ изъ народной жизни, гдѣ онъ, съ одной стороны, рисуетъ положительные типы крестьянъ и явно идеализируетъ ихъ, а съ другой, громитъ кулаковъ и міроѣдовъ. Здѣсь мы видимъ ту характерную для народниковъ точку зрѣнія, въ силу которой между массою крестьянства и кучкою кулаковъ проводилась рѣзкая грань, — какъ-будто кулачество—явленіе не самобытное, а наносное; и міроѣды, хотя они—и тѣ же мужики, но оказывались какою-то особою породою людей, ничего общаго не имѣющею съ эксплуатируемою ими массою. Гл. Успенскій, какъ извѣстно, показалъ противное и установилъ, что такой грани нѣтъ, что кулачество есть явленіе народное, самобытное, и міроѣды весьма часто представляютъ собою *лучшихъ* — въ смыслѣ ума и даровитости—людей деревни...

Разсказы Наумова печатались въ передовыхъ журналахъ 70-хъ гг. (въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ „Дѣлѣ“) и потомъ переиздавались сборниками („*Сила солому ломитъ*“, 1874 и др.), имѣвшими значительный успѣхъ.

Къ представителямъ умѣреннаго народничества принадлежалъ *Ф. Д. Нефедовъ*, беллетристъ и этнографъ,

печатавшій свои очерки преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы“ (въ 70-хъ гг., а позже, въ 80-хъ и 90-хъ, въ „Русской Мысли“). Нефедовъ изображалъ и деревню и бытъ фабричныхъ рабочихъ, находя и тамъ и тутъ положительныя черты, которыя при лучшихъ условіяхъ могли-бы развиться и дать благіе результаты. Народничество Нефедова — характерно именно для 70-хъ годовъ, когда даже не народники вѣрили въ „задатки“ народной психологіи и жизни, а все отрицательное приписывали вліянію внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій. Этой иллюзіи отдавалъ дань и Гл. Успенскій, въ концѣ концовъ ее разрушившій.

П. В. Засодимскій (псевдонимъ „*Вологдинъ*“) выступилъ въ концѣ 60-хъ гг. разсказами, собранными позже (1876) въ сборникѣ „*Повѣсти изъ жизни бѣдныхъ*“. Какъ художникъ, онъ выдвинулся большою „*Хроникою села Смурина*“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Это также представитель умѣреннаго народничества, трудно отличимаго отъ демократизма и соціализма. Засодимскій не ограничивался изображеніемъ народной жизни и бралъ сюжеты также изъ быта другихъ слоевъ, а въ послѣдній періодъ (съ 90-хъ гг.) далъ рядъ художественныхъ разсказовъ для дѣтей, принадлежащихъ къ числу лучшихъ произведеній этого рода (какъ извѣстно, одного изъ труднѣйшихъ) въ нашей литературѣ.

Перечисленные писатели (Златовратскій, Наумовъ, Засодимскій, Нефедовъ) принадлежали къ старшему поколѣнію народниковъ того времени, воспитавшемуся въ 50-хъ и 60-хъ гг. Но 70-е годы выдвинули и новыхъ литературныхъ дѣятелей „на нивѣ народной“. Въ ихъ ряду одно изъ первыхъ мѣстъ занялъ (въ концѣ 70 гг. *Н. Г. Петропавловскій* (псевдонимъ „*Каронинъ*“), живо написанные очерки котораго (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) изображали въ яркихъ, хотя нѣсколько схематическихъ и условныхъ образахъ, процессъ разслоенія деревни, выдѣленія кулаковъ и обскурантовъ въ одну сторону и крестьянскаго пролетаріата, склоннаго къ протесту, въ другую.

4.

Славянофильство 70-хъ годовъ было представлено 1) спорадическими выступленіями *И. С. Аксакова*, который продолжалъ традицію старой славянофильской идеологіи, 2) дѣятельностью ученыхъ изслѣдователей въ области народной словесности, исторіи русской литературы, славянской филологіи и исторіи, изъ которыхъ назовемъ *В. И. Ламанскаго* и *Ореста Ѳедоровича Миллера*, 3) дѣятельностью нѣкоторыхъ критиковъ и публицистовъ, какъ *Н. Н. Страховъ*, 4) наконецъ, замѣчательною въ своемъ родѣ философско-исторической работой *Н. Я. Данилевскаго* (естественника по образованію).

Публицистическая дѣятельность *Ив. С. Аксакова*, очень оживленная во второй половинѣ 50-хъ годовъ и въ 60-хъ (газеты „Парусъ“, „День“, „Москва“, „Москвичъ“, журналъ „Русская Бесѣда“), затихла въ 70-хъ, и только въ самомъ концѣ этого десятилѣтія (1880) Аксаковъ вновь выступилъ на поприще боевого публициста—основаніемъ (въ Москвѣ) газеты „Русь“. Но въ половинѣ 70-хъ гг., когда вслѣдъ за герцеговинскимъ

возстаніемъ русское общество прониклось сочувствіемъ освобожденію славянъ, Аксаковъ выступилъ въ Славянскомъ Обществѣ (въ Петербургѣ) съ рѣчью, имѣвшею значеніе крупнаго событія въ нашей общественной жизни. Сербская и русско-турецкая войны съ ихъ заключительнымъ актомъ—берлинскимъ конгрессомъ—дали поводъ къ дальнѣйшимъ выступленіямъ Аксакова, кончившимся опалою—высылкою изъ Москвы въ деревню. Старый боецъ славянофильства умолкъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы вновь заговорить въ 80-хъ годахъ (въ газетѣ „Русь"), когда его направленіе замѣтно уклонилось въ сторону консерватизма.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ (профессоръ Петербургскаго университета, нѣмецъ по происхожденію) былъ горячимъ русскимъ патріотомъ и ревностнымъ послѣдователемъ славянофильской доктрины въ ея смягченной и наиболѣе прогрессивной формѣ. Демократъ по убѣжденію, народникъ по настроенію, человѣкъ широко просвѣщенный и гуманный, онъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ по народной словесности и по исторіи новой русской литературы, а также и въ публичныхъ чтеніяхъ выступалъ не только какъ ученый-спеціалистъ, но и какъ идеологъ и проповѣдникъ. Успѣху его пропаганды много содѣйствовали и блестящая форма его устнаго изложенія, и беззавѣтная искренность убѣжденій, и наконецъ его высокія душевныя качества—какъ человѣка и человѣколюбца. Въ періодической печати онъ выступалъ какъ историкъ литературы, критикъ и публицистъ (преимущественно по славянскому вопросу; эти статьи вошли въ книгу „*Славянство и Европа*" (1877 г.). Его книга „*Русскіе писатели послѣ Гоголя*" пользовалась въ 70-хъ гг. большою популярностью въ широкой читающей публикѣ и была литературнымъ явленіемъ, живо отражавшимъ господствующія прогрессивныя теченія общественной мысли 70-хъ годовъ: книга проникнута освободительными и демократическими идеями, проповѣдуетъ альтруизмъ, а въ оцѣнкѣ писателей выдвигаетъ требованія той публицистической критики, которая въ 70-хъ годахъ пользовалась незыблемымъ авторитетомъ.

Расцвѣтъ литературной дѣятельности *Н. Н. Страхова* относится къ 60-мъ годамъ. Въ 70-хъ онъ только продолжалъ развивать свои идеи примѣнительно къ новымъ литературнымъ явленіямъ, помѣщая изрѣдка статьи въ мало распространенныхъ журналахъ полуконсервативнаго направленія, какъ напримѣръ, „Заря" Кашперова, и являясь горячимъ адептомъ проповѣди Достоевскаго (въ „Дневникѣ писателя"). Какъ критикъ, Страховъ имѣетъ свои заслуги, въ свое время мало оцѣненныя (въ особенности цѣнны были его статьи объ „Отцахъ и дѣтяхъ" Тургенева и о „Войнѣ и мирѣ" Толстого), но эти статьи, написанныя въ 60-хъ годахъ, въ 70-хъ уже были почти забыты. Какъ идеологъ, онъ игралъ въ славянофильствѣ неблагодарную роль—полуконсерватора, полулиберала, совмѣщая въ своемъ воззрѣніи отрицательные и положительные элементы русскаго націонализма.

Наиболѣе полное выраженіе получила славянофильская доктрина въ книгѣ *Н. Я. Данилевскаго* „*Россія*

и Европа" (сперва въ „Зарѣ" Кашперова, потомъ отдѣльно въ 1871 г.), гдѣ доведено до крайности, можно сказать, до абсурда старое славянофильское противопоставленіе греко-славянскаго міра (православнаго) романо-германскому (католическому и протестантскому). Данилевскій, отправляясь отъ идеи обособленныхъ культурныхъ типовъ и отрицая единство общечеловѣческой цивилизаціи, проповѣдывалъ полный политическій и культурный *сепаратизмъ* Россіи, славянства (за изъятіемъ „измѣнившихъ" славянскому дѣлу чеховъ и поляковъ) и грековъ (съ румынами въ придачу), долженствующихъ образовать, въ противовѣсъ остальной Европѣ, единое цѣлое, родъ федераціи подъ главенствомъ Россіи и съ центромъ въ Константинополѣ. Это была idée fixe Данилевскаго, и этой фантастической идеѣ онъ готовъ былъ принести въ жертву всѣ блага цивилизаціи, всѣ завоеванія человѣческой мысли, всѣ успѣхи гуманности,—все, „чѣмъ люди живы". Неудивительно, что въ 70-хъ гг. книга Данилевскаго успѣха не имѣла. Ея вліяніе относится къ послѣдующему времени, къ 80-мъ годамъ, когда она вышла 2-мъ и 3-мъ изданіемъ и когда явились и послѣдователи Данилевскаго, а равно и его критики и порицатели, изъ которыхъ пальма первенства безспорно принадлежитъ В. С. Соловьеву *).

Направленіе Данилевскаго по нѣкоторымъ пунктамъ соприкасалось съ реакціоннымъ теченіемъ общественной мысли, которое въ 70-хъ гг., какъ и позже, было представлено „*Русскимъ Вѣстникомъ*" и „*Московскими Вѣдомостями*" съ *Катковымъ* и *Леонтьевымъ* во главѣ, а также „*Гражданиномъ*" *кн. Мещерскаго*. Но надо оговорить, что Данилевскій исходилъ изъ другихъ—чисто идеологическихъ—побужденій, и между нимъ, какъ мыслителемъ, публицистомъ и человѣкомъ, и руководителями реакціи была цѣлая пропасть. Катковъ, Леонтьевъ, кн. Мещерскій и ихъ сотрудники хлопотали о контръ-реформахъ и обвиняли въ „крамолѣ" все лучшее, прогрессивное и свѣтлое, что только было у насъ. Данилевскій не былъ врагомъ реформъ и никого ни въ чемъ не обвинялъ. Онъ былъ человѣкъ честный, искренній и глубоко убѣжденный. Къ тому же, въ довершеніе контраста, это былъ—не въ примѣръ Каткову и другимъ—типичный русскій фантазеръ-утопистъ, идеи котораго были безвредны уже въ силу ихъ фантастичности.

Консервативное и крайнее славянофильство Данилевскаго, какъ и правовѣрное славянофильство Аксакова, не были въ духѣ времени и потому въ теченіе 70-хъ годовъ успѣха не имѣли. Напротивъ того, славянофильство, сочетавшееся съ либеральными, радикальными и демократическими тенденціями, шло за временемъ и пользовалось относительнымъ успѣхомъ и нѣкоторымъ вліяніемъ на умы. Его лучшіе представители имѣли свою аудиторію, своихъ читателей. Въ ряду этихъ дѣятелей видное мѣсто занималъ проф. *В. И. Ламанскій*, у котораго славянофильскія предпосылки сочетались съ общимъ прогрессивнымъ направленіемъ, съ мыслью о необходимости для Россіи общече-

*) См. между прочимъ его блестящую характеристику Данилевскаго въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

ловѣческаго просвѣщенія и съ сочувствіемъ реформамъ Александра II и освободительному движенію. Изъ школы Ламанскаго вышелъ рядъ ученыхъ (историковъ, славистовъ), усвоившихъ направленіе учителя и проводившихъ это направленіе на университетской каѳедрѣ, въ ученыхъ трудахъ и въ общей литературѣ,— конечно, съ неизбѣжнымъ уклономъ въ ту или другую сторону. Это направленіе все болѣе освобождалось отъ вліянія традиціи стараго славянофильства и быстро превращалось въ *русскій націонализмъ*, у однихъ прогрессивный, у другихъ консервативный. Въ своемъ прогрессивномъ выраженіи, либеральномъ и демократическомъ, этотъ русскій націонализмъ сливался съ родственными ему по духу теченіями, обособившимися отъ стараго западничества, въ которомъ, какъ извѣстно, были свои націоналистическіе элементы. Виднымъ представителемъ такого *синкретизма* идей являлся проф. *А. Д. Градовскій*, выдающійся юристъ и публицистъ, сотрудникъ либеральныхъ журналовъ. Его книга „*Національный вопросъ*" (1872), блестяще написанная, была однимъ изъ видныхъ явленій идеологической публицистики эпохи.

Подъ общее понятіе „прогрессивнаго націонализма" подводится и то теченіе общерусской и областной общественной мысли, яркимъ и высокодаровитымъ представителемъ котораго былъ въ 70-хъ годахъ *М. П. Драгомановъ*.

Драгомановъ, рядомъ съ покойнымъ профессоромъ Кіевскаго университета *В. Б. Антоновичемъ*, стоялъ во главѣ украинскаго освободительнаго движенія. Съ 1876 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи за границу, гдѣ (именно въ Женевѣ) издавалъ на малорусскомъ языкѣ журналъ „*Громада*",— органъ передового (демократическаго и соціалистическаго) „украинофильства". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не покидалъ и своей дѣятельности, какъ писателя общерусскаго, блестяще начатой въ 1872 году превосходными статьями (въ „Вѣстникѣ Европы") „*Восточная политика Германіи и обрусеніе*". Драгомановъ не былъ узкимъ—„мѣстнымъ"—патріотомъ: его украинофильство сочеталось съ широкимъ историческимъ воззрѣніемъ на задачи Россіи и славянства; онъ былъ не сепаратистъ, а федералистъ и панславистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — послѣдовательный западникъ. Сочувствуя демократическому націонализму славянофиловъ, онъ въ то же время ратовалъ за культурное единеніе славянства съ міромъ германо-романскимъ, за усвоеніе Россіею основныхъ началъ западно-европейской цивилизаціи и явился однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ борцовъ нашего освобожденія—и прежде всего политическаго. Въ политическихъ брошюрахъ, изданныхъ за границей, онъ настаивалъ на необходимости и своевременности перехода Россіи отъ самодержавія къ конституціонному строю.

5.

Чтобы покончить съ направленіями общественной мысли 70-хъ гг., намъ остается сказать нѣсколько словъ о наименѣе вліятельномъ изъ нихъ (въ смыслѣ популярности и воздѣйствія на общественное мнѣніе широкихъ круговъ), — о направленіи *консерва-*

тивномъ или *ретроградномъ*. Замѣчу мимоходомъ, что послѣдній терминъ („ретроградное") — правильнѣе, ибо сторонники даннаго направленія стремились не „охранять" существующій порядокъ, а повернуть Россію назадъ, „поставить точку къ реформамъ" (классическая фраза кн. Мещерскаго) и, буде возможно, вернуться ко временамъ дореформеннымъ. Но этимъ не исчерпывалось содержаніе идей, пропагандой которыхъ занимались дѣятели нашего регресса. Въ кодексѣ воззрѣній правовѣрнаго „консерватора" 70-хъ годовъ были элементы, которые, казалось бы, ничего общаго не имѣютъ съ консервативною или ретроградною политикою и системою старозавѣтныхъ, домостроевскихъ понятій. Эти привходящіе элементы могутъ поставить посторонняго наблюдателя въ тупикъ. „Консерваторъ" 70-хъ годовъ горой стоялъ за *классическое образованіе* въ его утрированномъ видѣ, какъ оно вводилось тогда граф. Д. А. Толстымъ (министромъ народнаго просвѣщенія); въ сущности оно было не шагомъ назадъ, а только скернымъ новшествомъ. Обязательно было также „консерватору" порицать и „опровергать" Дарвина, хотя, казалось бы, теорія подбора „сильнѣйшихъ" и наилучше приспособленныхъ особей въ ея соціологическомъ приложеніи могла быть на-руку тѣмъ, которые стояли за сохраненіе привилегій и не мирились съ демократическимъ направленіемъ реформъ, „сліяніемъ сословій" и т. д.,—а ими-то по преимуществу и пополнялись ряды реакціонной партіи. Непремѣннымъ требованіемъ консервативной „программы" или, скажемъ, „идеологіи" былъ *культъ чистаго искусства*, соединенный съ принципіальнымъ отрицаніемъ *тенденціи* въ искусствѣ и правъ *публицистической критики*, что однако не мѣшало беллетристамъ „Русскаго Вѣстника" писать рѣзко тенденціозные романы, а его критикамъ, вмѣсто разработки эстетическихъ теорій и анализа художественныхъ произведеній съ чисто эстетической стороны, заниматься публицистическимъ разборомъ текущихъ явленій литературы. И еще былъ одинъ важный пунктъ въ консервативномъ кодексѣ: полагалось не сочувствовать крестьянской общинѣ и стоять за подворное владѣніе. Выходила курьезная „ассоціація идей", непонятная иностранцу, но легко объяснимая тѣмъ, что консервативная или реакціонная идеологія автоматически реагировала на идеи, выдвигавшіяся передовыми направленіями, и считала долгомъ отрицать все, что эти послѣднія утверждали, и утверждать то, что они отрицали.

Литературнымъ „главнымъ штабомъ" реакціи служили „*Русскій Вѣстникъ*" и „*Московскія Вѣдомости*". Руководители этихъ органовъ — *М. Н. Катковъ* и *П. М. Леонтьевъ*, бывшіе профессора Московскаго университета, были люди выдающагося ума и большихъ дарованій, но лишенные той этической устойчивости и той искренности убѣжденій, безъ которыхъ умъ и дарованія остаются мертвымъ капиталомъ или даже являются величиной отрицательной.

6.

Теперь мы постараемся очертить дѣятельность въ 70-хъ гг. тѣхъ писателей, которые, выступивъ рань-

ше, создали свои важнѣйшія произведенія въ предыдущую эпоху — 50 — 60-хъ гг., а въ 70-хъ только *продолжали* свою дѣятельность съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ (или неуспѣхомъ), не являясь выразителями того новаго, чѣмъ это время характеризовалось по преимуществу. Это были *Некрасовъ*, *Тургеневъ*, *Островскій*, *Писемскій*, *Потѣхинъ*, *Алексѣй Толстой*, *Ап. Майковъ*, *Фетъ* и др., а также рядъ второстепенныхъ беллетристовъ и поэтовъ, какъ *Шеллеръ* („Михайловъ"), *Ѳедоровъ* („Омулевскій"), *М. А. Марковичъ* („Марко Вовчокъ"), *Минаевъ* и нѣкоторые др.

Мы остановимся здѣсь лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые, не будучи выразителями „духа времени", внесли однако въ умственный капиталъ эпохи свой вкладъ—соотвѣтственно размѣру своего таланта—и не только присутствовали въ литературѣ, но и дѣйствовали въ ней *).

Н. А. Некрасовъ „пропѣлъ" самыя яркія и звучныя пѣсни свои въ эпоху 1856—1866 гг., когда онъ и сталъ кумиромъ молодого поколѣнія. Къ тому же времени относится и апогей его замѣчательной дѣятельности — какъ редактора („Современника"). Въ 70-хъ годахъ онъ только продолжалъ разрабатывать излюбленныя темы. Въ рядѣ стихотвореній онъ попрежнему оплакиваетъ горькую долю мужика, скорбитъ о народной нуждѣ и темнотѣ, а также продолжаетъ разработку сатирическихъ мотивовъ своей поэзіи. Значительнѣйшее произведеніе его этой эпохи—„*Кому на Руси жить хорошо*" — читалось молодежью съ захватывающимъ интересомъ, но ничего по существу новаго не давало. Въ этой сказкѣ-сатирѣ есть удивительно художественныя мѣста и есть страницы, отмѣченныя тою силою выраженія и поэтическаго подъема, которая свидѣтельствовала о томъ, что огромный талантъ поэта не оскудѣлъ и его протестующее настроеніе не упало. То же самое нужно сказать и о „*Медвѣжьей охотѣ*", а равно и о чисто сатирическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ поэтъ бичевалъ отрицательныя явленія, обозначившіяся всего ярче именно въ 70-хъ гг. Особнякомъ стоитъ только поэма „Русскія женщины", воспѣвающая подвигъ женъ декабристовъ. Но это произведеніе, не лишенное крупныхъ достоинствъ и поэтическихъ мѣстъ, въ цѣломъ не принадлежитъ къ числу первостепенныхъ созданій Некрасова.

Какъ его поэзія 70-хъ годовъ была по преимуществу „продолженіемъ" или развитіемъ созданнаго имъ раньше, такъ и его дѣятельность— какъ редактора „Отечественныхъ Записокъ" была лишь продолженіемъ его прежней редакторской дѣятельности и, подобно ей, свидѣтельствовала о выдающихся организаторскихъ способностяхъ Некрасова, о его рѣдкой чуткости къ очереднымъ задачамъ и властнымъ идеямъ времени. Какъ тогда онъ сумѣлъ понять и оцѣнить Добролюбова и Чернышевскаго, такъ теперь онъ сразу угадалъ ихъ законнаго преемника въ Михай-

*) Мы опускаемъ *Гончарова*, ибо онъ въ 70-хъ гг. ничего не далъ, кромѣ (правда, замѣчательной) критической статьи о „Горе отъ ума" („Милліонъ терзаній") и беллетристическаго очерка „Литературный вечеръ". „Обрывъ" былъ написанъ еще въ 60-хъ гг., къ которымъ и относится по сюжету и по типу Волохова.

ловскомъ и предоставилъ ему первенствующую роль въ журналѣ. Къ сказанному нужно присоединить указаніе на то, что Некрасовъ, проболѣвъ тяжкимъ недугомъ больше года, умеръ (въ 1877 г.)—какъ разъ въ тотъ знаменательный моментъ, когда характеръ эпохи выяснился съ тою опредѣленностью, которая давала возможность *поэту* и *уму* такой мощи, какъ Некрасовъ, сказать свое новое и властное слово. И я думаю, что онъ сказалъ бы это слово...

И. С. Тургеневъ создалъ свои величайшія произведенія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были для своего времени вѣскимъ „новымъ словомъ“, въ 50-хъ и 60-хъ гг. („*Записки охотника*“, „*Рудинъ*, „*Дворянское гнѣздо*“, „*Накануннѣ*“, „*Отцы и дѣти*“, „*Дымъ*“). Въ 70-хъ годахъ онъ только продолжалъ слѣдить за движеніемъ умовъ и наблюдать новыя направленія и новые типы передовой интеллигенціи, насколько возможно было дѣлать это изъ „прекраснаго далека“,—и результатомъ этихъ наблюденій и явилась (въ 1877 г. въ „Вѣстникѣ Европы“) послѣдняя „соціальная повѣсть“ Тургенева—„Новь“, произведеніе высоко художественное, но отражающее эпоху и передовое движеніе далеко не полно и не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностью, на что и было указано критикою того времени. Только въ „стихотвореніи въ прозѣ“ „*Порогъ*“ ему удалось сказать мѣткое и глубокое слово, отмѣтившее трагическую сторону борьбы, тогда разыгравшейся.—Въ другихъ произведеніяхъ 70-хъ годовъ Тургеневъ большею частью обращался къ прошлому и разрабатывалъ бытовыя и психологическія темы изъ эпохи 30—40-хъ гг. („*Вешнія воды*“, „*Пунинъ и Бабуринъ*“, „*Конецъ Чертопханова*“, „*Стукъ... стукъ... стукъ...*“, „*Степной король Лиръ*“ и др.), а также и начала XIX вѣка („Часы“).—Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей воспроизведены личныя переживанія и воспоминанія.—Сюда же отнесемъ „Литературныя воспоминанія“, появившіяся (въ „Вѣстникѣ Европы“) въ самомъ началѣ 70-хъ гг. и „Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ“, написанныхъ въ концѣ десятилѣтія.—Особнякомъ стоятъ „*Клара Миличъ*“ и „*Пѣснь торжествующей любви*“, сближающіяся наличностью фантастическаго элемента.—Очень характерны для Тургенева 70-хъ годовъ „*Стихотворенія въ прозѣ*“, какъ результатъ личныхъ переживаній и того субъективнаго раздумья, которымъ по преимуществу отмѣчено геніальное творчество этого великаго художника въ послѣднее десятилѣтіе его жизни.

А. Н. Островскій, подобно Тургеневу, создалъ свои значительнѣйшія произведенія и сказалъ свое „новое слово“ въ предшествующую эпоху, тогда же комментированное Добролюбовымъ. Въ 70-хъ гг. онъ былъ только своимъ собственнымъ продолжателемъ. Къ числу лучшихъ пьесъ его этого времени принадлежатъ—„*На всякаго мудреца довольно простоты*“ и „*Бѣшеныя деньги*“ (обѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ начала 70-хъ гг.), гдѣ удачно воспроизведены нѣкоторые отрицательные типы эпохи (дѣльцовъ, болтуновъ, прожигателей жизни, реакціонеровъ).—Къ 70-мъ годамъ относится и одинъ изъ chef d'oeuvre'овъ Островскаго—пьеса „*Лѣсъ*“, а также и пьесы

историческаго и легендарнаго содержанія, помѣщавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ („*Василиса Мелентьева*“, „*Снѣгурочка*“).

Для *А. Ѳ. Писемскаго* 70-е годы были годами упадка и постепеннаго угасанія его огромнаго художественнаго дарованія. Въ его произведеніяхъ этого времени однако, при всей ихъ слабости, чувствуется мѣстами былая мощь художественнаго реализма, и все еще искрятся блестки сильнаго въ своей простотѣ и трезвости ума. Писемскаго, несмотря на дворянское происхожденіе, нужно отнести къ числу „разночинцевъ“ и, вопреки университетскому образованію,—къ числу „самоучекъ“ и „самородковъ“. Характерная великорусская складка, насмѣшливый умъ, мужицкій здравый смыслъ, природный—психологическій—„нигилизмъ“, нѣкоторая грубость или неотесанность мысли при необыкновенной наблюдательности и художественной одаренности, послѣдовательный реализмъ—вотъ черты, въ силу которыхъ Писемскій въ 50-хъ и 60-хъ годахъ выдвинулся въ первые ряды литературы, и которыя въ 70-хъ сами по себѣ, безъ содержанія и настроенія, соотвѣтствующихъ духу времени, не могли найти созвучнаго отклика. Въ эту эпоху Писемскій выступалъ преимущественно какъ драматургъ-сатирикъ (пьесы „*Ваалъ*“, „*Просвѣщенное время*“, „*Финансовый геній*“ и др.). Онъ бичевалъ дѣльцовъ, воротилъ, биржевиковъ и т. д., и это могло бы вызвать сочувствіе и привлечь вниманіе широкихъ круговъ читающей публики и передового поколѣнія, если бы эти вещи были исполнены съ большею художественною осмотрительностью и не носили на себѣ явныхъ слѣдовъ упадка нѣкогда мощнаго дарованія. То же самое приходится сказать и о романахъ „*Мѣщане*“ (1877) и „*Масоны*“ (1880), которыми Писемскій закончилъ свою литературную дѣятельность.

А. А. Потѣхинъ, даровитый беллетристъ и драматургъ, выдвинулся еще въ 50—60-хъ гг., какъ авторъ злободневныхъ пьесъ, а также и разсказовъ изъ народнаго великорусскаго быта, гдѣ онъ обнаружилъ незаурядную наблюдательность. Его причисляютъ къ беллетристамъ-народникамъ. Но народническіе элементы (въ прогрессивной славянофильской окраскѣ) яснѣе сказывались въ его раннихъ повѣстяхъ и очеркахъ, печатавшихся въ „Москвитянинѣ“ (при такъ называемой „молодой редакціи“ этого журнала). Въ 70-хъ же годахъ эта тенденція пошла на убыль, уступая мѣсто болѣе объективному воспроизведенію дѣйствительности. Его произведенія этого времени (большею частью въ „Вѣстникѣ Европы“) были—въ общемъ—цѣннымъ вкладомъ въ тотъ важный отдѣлъ нашей художественной литературы, который воспроизводитъ жизнь, бытъ, нравы, психологію и міровоззрѣніе крестьянской массы.

Въ 70-хъ гг. продолжалъ свою дѣятельность и братъ Ал. Антип. Потѣхина, Николай Антиповичъ, пьесы котораго пользовались заслуженнымъ успѣхомъ на сценѣ.

Поэтъ-лирикъ и драматургъ гр. *Алексѣй Константиновичъ Толстой*, въ свое время мало оцѣненный критикою, внесъ свой вкладъ въ литературу конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ оригинальными имитаціями былинныхъ

мотивовъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ (напримѣръ, пѣснь о „Потокѣ-богатырѣ"), рядомъ лирическихъ пьесъ и, наконецъ, важнѣйшимъ своимъ произведеніемъ — знаменитою трилогіею („*Смерть Ивана Грознаго*", „*Царь Ѳедоръ Ивановичъ*", „*Царь Борисъ Годуновъ*"). Эти трагедіи не были оцѣнены въ то время должнымъ образомъ ни критикою, ни публикою. Изъ нихъ вторая („Царь Ѳедоръ") была допущена на сцену только въ 90-хъ годахъ, лѣтъ черезъ 20 послѣ смерти автора,—и имѣла огромный успѣхъ. Для 70-хъ годовъ (и также для 80-хъ) дѣятельность А. Толстого, какъ драматурга, можно сказать, прошла безслѣдно.

Другіе поэты старшаго поколѣнія—*Ап. Майковъ*, *Фетъ*, *Плещеевъ* и др.—въ 70-хъ годахъ не произвели ничего значительнаго. Майковъ въ это время выступалъ—и то лишь изрѣдка — какъ поэтъ офиціальной Россіи, въ духѣ московско-византійскихъ традицій, да еще работалъ надъ неудачнымъ окончаніемъ драматизированной поэмы „Два міра", столь удачно начатой еще въ 1852 году („*Три смерти*").—Фетъ переводилъ латинскихъ классиковъ.—Наибольшую производительность обнаруживали — изъ числа старыхъ поэтовъ—*Полонскій* и *Минаевъ*,—первый преимущественно какъ лирикъ, второй—частью какъ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ и какъ талантливый фельетонистъ, соперничавшій въ этой области съ *Буренинымъ*, самымъ яркимъ юмористомъ эпохи.

На поприщѣ беллетристики продолжала свою дѣятельность *Марья Ал. Марковичъ* („*Марко Вовчокъ*"), которая въ 50—60-хъ гг. привлекла къ себѣ вниманіе и сочувствіе очерками изъ народнаго быта, какъ малорусскаго („Оповідання", переведенныя съ украинскаго на общерусскій И. С. Тургеневымъ), такъ и великорусскаго („Разсказы изъ народнаго русскаго быта", вызвавшіе извѣстную сочувственную статью Добролюбова). Съ конца 60-хъ и въ 70-хъ гг. Марковичъ писала исключительно на общерусскомъ языкѣ—все въ томъ же духѣ и направленіи на темы изъ народнаго быта и изъ жизни круговъ, близкихъ къ народу („Записки причетника", „Теплое гнѣздышко", „Въ глуши" и др.—въ „Отечественныхъ Запискахъ"). Модной тогда темѣ—изображать „положительные" типы юныхъ „радикаловъ", противопоставляемые „отживающимъ отцамъ", какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго образа мыслей,—Марковичъ отдала дань въ повѣсти „*Живая душа*".

Въ этомъ направленіи писали попрежнему *А. К. Шеллеръ* („Михайловъ"), *Иннок. Вас. Ѳедоровъ* („Омулевскій"), *Н. Ф. Бажинъ*, *К. М. Станюковичъ* и др., сотрудники радикальнаго „Дѣла". Романы и повѣсти Шеллера („*Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ*") читались преимущественно зеленою молодежью и въ общемъ вліяли благотворно. Особеннымъ успѣхомъ пользовался романъ Ѳедорова (Омулевскаго) „*Шагъ за шагомъ*", печатавшійся въ „Дѣлѣ" (1870 — 1871 гг.) и потомъ изданный отдѣльно подъ заглавіемъ „*Свѣтловъ, его взгляды, его жизнь и дѣятельность*". Въ свое время это была одна изъ тѣхъ заподозрѣнныхъ начальствомъ книгъ, отъ которыхъ кружились мо-

лодыя головы — въ старшихъ классахъ гимназіи и на первомъ курсѣ университета. Къ этой же категоріи относится и запрещенный тогда романъ *Д. Л. Мордовцева „Знаменія времени*“.

На противоположномъ полюсѣ — преимущественно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова — выступали беллетристы-реакціонеры, аляповато изобличавшіе молодое поколѣніе въ безнравственности, въ крамолѣ, въ „польской интригѣ“ и т. д. Это были *Бол. Маркевичъ* (романъ „*Четверть вѣка назадъ*“ и др.), *Всев. Крестовскій*, нѣкогда радикалъ, писавшій въ „Русскомъ Словѣ“, а теперь — авторъ бойко написанныхъ, но грубо тенденціозныхъ романовъ „*Панургово стадо*“ и „*Двѣ силы*“, направленныхъ противъ передовой части общества, *Авенаріусъ*, *Авсѣенко* и, наконецъ, *Дьяковъ* (псевдонимъ „Незлобинъ“), писатель съ большимъ литературнымъ талантомъ и несомнѣнный художникъ, но человѣкъ озлобленный и морально неустойчивый.

Если прогрессивная беллетристика Шеллера, Омулевскаго и др. давала одностороннюю картину времени и страдала предвзятостью замысла и шаблонностью исполненія, то реакціонная представляла вещи въ совершенно превратномъ видѣ и, что всего хуже, лгала сознательно и злонамѣренно.

Къ группѣ беллетристовъ реакціоннаго направленія по недоразумѣнію, въ которомъ онъ самъ былъ виноватъ, причислялся и *Н. С. Лѣсковъ*, человѣкъ несомнѣнно прогрессивнаго образа мыслей, гуманный и просвѣщенный и при томъ выдающійся художникъ. Его имя ставилось рядомъ съ именами Б. Маркевича и другихъ, чему причиною были его неосторожныя выступленія (въ 60-хъ гг.) противъ „нигилистовъ“ (романъ „*Некуда*“ 1864 г.). Въ началѣ 70-хъ гг. Лѣсковъ повторилъ такой выпадъ романомъ „*На ножахъ*“ („Русскій Вѣстникъ“ 1870—1871). Но въ послѣдующихъ его произведеніяхъ это антинигилистическое направленіе быстро пошло на убыль. Лѣсковъ выступаетъ въ это время сперва какъ бытописатель духовенства („*Соборяне*“, 1872), гдѣ даетъ рядъ превосходныхъ типовъ, а потомъ — какъ своеобразный художникъ-виртуозъ въ области легенды и историческаго анекдота,—произведеній, проникнутыхъ и гуманной идеей, и протестомъ противъ темныхъ сторонъ жизни, и—иногда—паѳосомъ моралиста-проповѣдника. Эта — въ высокой степени замѣчательная—новая дѣятельность Лѣскова, начатая въ 70-хъ гг. („*Запечатлѣнный ангелъ*“, „*Очарованный странникъ*“, 1873 г., „*Мелочи архіерейской жизни*“, 1878) и въ эти годы едва замѣченная, развернулась шире въ 80-хъ и 90-хъ, когда она и явилась однимъ изъ яркихъ выраженій того протеста, который освѣжалъ спертую атмосферу этого реакціоннаго времени.

Къ 70-мъ годамъ относится и расцвѣтъ и упадокъ литературной дѣятельности *Е. Л. Маркова*—педагога, публициста, путешественника и беллетриста съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, но безъ устойчивости воззрѣній, которыя у него часто подчинялись случайному настроенію и вліянію его собственной звонкой фразы. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ сотрудничалъ въ радикальныхъ „Отечественныхъ Запискахъ“,

помѣщая тамъ очерки своихъ путешествій (по Крыму, по Швейцаріи),— родъ, въ которомъ онъ былъ несомнѣнный мастеръ. Блестяще написанные „Очерки Крыма" (1-е изданіе 1872 г.) доставили ему широкую извѣстность. Но вскорѣ ему пришлось уйти изъ „Отечественныхъ Записокъ" — и при томъ не безъ шума: собраніе его сочиненій вызвало рѣзкую критику Михайловскаго (въ остроумныхъ „Письмахъ Ивана Непомнящаго"), гдѣ Михайловскій показалъ всю шаткость убѣжденій Маркова, доходящую порою до вопіющихъ противорѣчій и полной безпринципности. Какъ беллетристъ, Марковъ не обнаружилъ художественнаго дарованія. Со стороны направленія и тутъ проявилось, какъ и въ его публицистикѣ, то шатаніе мысли и та неустойчивость воззрѣній, въ силу которыхъ онъ одновременно являлся и либераломъ, и консерваторомъ, народникомъ и чуть ли не крѣпостникомъ. Дѣятельность Маркова, начатая еще въ 60-хъ годахъ, плодовитая въ 70-хъ, продолжалась въ 80-хъ и 90-хъ, но въ эти годы она была уже на ущербѣ и ничего значительнаго не дала.

7.

Теперь обратимся къ другой группѣ писателей,—тѣхъ, которые въ 70-хъ годахъ не только продолжали свою дѣятельность, начатую раньше, но и произвели нѣчто новое, шли дальше, обнаруживая новыя стороны своего дарованія или прокладывая свою дорогу среди борющихся направленій и различныхъ теченій общественной мысли, или, наконецъ, идя впередъ вмѣстѣ съ общимъ движеніемъ, внесли въ литературу свой болѣе или менѣе значительный вкладъ.

Къ этой группѣ мы относимъ *Л. Н. Толстого*, который въ своемъ движеніи никогда не останавливался, *Ѳ. М. Достоевскаго*, который только въ 70-хъ годахъ вполнѣ обнаружился— какъ идеологъ-проповѣдникъ, *Н. Д. Хвощинскую*, создавшую въ 70-хъ годахъ свои лучшія произведенія, *П. Д. Боборыкина*, въ лицѣ котораго 70-е годы нашли одного изъ наиболѣе чуткихъ бытописателей и выразителей духа времени, *С. Терпигорева* (псевдонимъ „Атава"), сказавшаго свое вѣское слово въ концѣ 70-хъ гг., и *И. И. Салова*, давшаго въ 70-хъ гг. рядъ талантливыхъ очерковъ деревенской жизни.

Л. Н. Толстой создалъ въ 70-хъ гг. одно изъ величайшихъ своихъ твореній — романъ-эпопею „*Анна Каренина*".

Этотъ романъ во многихъ отношеніяхъ тѣсно связанъ съ эпохою, — именно конца 60-хъ гг. и первой половины 70-хъ, куда и пріурочена его фабула. Но—что важнѣе—эта связь обнаруживается не столько въ фабулѣ, сколько въ психологіи типовъ изъ великосвѣтскаго круга: Вронскій, Облонскій и другіе, отчасти и самъ Левинъ представляютъ намъ классовую великосвѣтскую психологію въ ея разложеніи, которое явилось слѣдствіемъ реформъ 60-хъ гг., положившихъ начало демократизаціи соціальнаго строя, „сліянію сословій", развитію новыхъ формъ хозяйства, переходу дворянскихъ имѣній въ другія руки и т. д. Этотъ процессъ, разныя стороны котораго изображали и освѣщали публицисты и беллетри-

сты того времени (въ томъ числѣ Салтыковъ и Гл. Успенскій), интересуетъ Толстого постольку, поскольку онъ повліялъ на строй жизни, нравы, понятія великосвѣтскаго помѣщичьяго круга,—нашей землевладѣльческой аристократіи. Въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ великій художникъ рисуетъ картину, не обнимающую всю эпоху и все русское общество, но зато раскрывающую намъ до мелочей жизнь и психологію господствующаго класса, затронутаго духомъ времени и, такъ сказать, сдвинутаго съ насиженнаго—историческаго—мѣста. Характерно здѣсь между прочимъ и то, что представители этого класса либо совсѣмъ не сопротивляются и такъ или иначе, вольно и невольно, идутъ за временемъ, либо оказываютъ лишь пассивное сопротивленіе. Облонскій, по происхожденію „рюриковичъ" и разорившійся потомокъ крупныхъ землевладѣльцевъ, сталъ чиновникомъ, водитъ компанію съ желѣзнодорожными тузами, не брезгаетъ обратиться за протекціей къ банкиру Болгаринову, милліонеру-еврею, придерживается либеральныхъ взглядовъ и уже растерялъ почти всѣ навыки и традиціи стараго барства. Вронскій бросаетъ военную карьеру и, поселившись въ деревнѣ, выступаетъ въ новой для него роли помѣщика—не какъ продолжатель традиціи предковъ, а какъ земскій дѣятель въ новомъ духѣ, заводитъ больницу, школу, участвуетъ въ выборахъ и числится въ рядахъ либеральной партіи. Вѣрнымъ адептомъ старой барской традиціи остается одинъ лишь Левинъ, но онъ не типъ, а образъ индивидуальный, воспроизводящій нѣкоторыя стороны натуры и тогдашняго умонастроенія Л. Н. Толстого. Самый протестъ Левина противъ дѣльцовъ, скупщиковъ дворянскихъ имѣній, разночинцевъ-выскочекъ, бюрократіи, городской жизни и т. д. носитъ отпечатокъ времени, когда завоеванія капитализма были еще новы у насъ, преданія крѣпостного права, стараго барства и натуральнаго хозяйства были еще свѣжи. Романъ „Анна Каренина" навсегда останется въ нашей литературѣ цѣннымъ и авторитетнымъ документомъ этой переходной эпохи.

Въ 70-хъ годахъ, какъ и раньше, Толстой соблюдалъ нейтралитетъ среди враждующихъ партій и литературныхъ направленій. Идя своей дорогой, живя своей—обособленною—духовною жизнью, Толстой въ романѣ „Анна Каренина" воспроизвелъ это въ фигурѣ Левина, человѣка просвѣщеннаго и мыслящаго, но своеобразнаго, не подходящаго ни подъ какой шаблонъ, ни либеральный, ни консервативный. Левинъ — индивидуалистъ. Интересуясь и очередными вопросами времени, и вѣчными проблемами религіознаго, моральнаго, философскаго порядка, онъ стремится выработать новую систему воззрѣній и идетъ къ тому, къ чему вскорѣ пришелъ самъ Л. Н. Толстой. Въ послѣднихъ главахъ романа изображены религіозныя исканія Левина, съ автобіографическою точностью воспроизводящія ту драму религіозныхъ исканій, которую пережилъ Л. Н. Толстой въ половинѣ 70-хъ годовъ. Результаты этого кризиса обнаружились, какъ извѣстно, только въ самомъ концѣ 70-хъ гг. („Исповѣдь") и вошли въ обиходъ

умственной жизни слѣдующихъ десятилѣтій.

Ѳ. М. Достоевскій далъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ два большихъ романа—„*Бѣсы*“ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“) и „*Подростокъ*“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“), а во второй половинѣ работалъ надъ третьимъ—„*Братья Карамазовы*“. Первый, написанный на сюжетъ революціонныхъ выступленій молодежи въ 60-хъ гг. (авторъ имѣлъ въ виду преимущественно кружокъ Нечаева), по своему характеру примыкаетъ къ реакціонной беллетристикѣ Писемскаго („Взбаломученное море“), Лѣскова („Некуда“) и другихъ, выступавшихъ съ обличеніемъ „революціонной гидры“, „польской интриги“ и т. д. Какъ извѣстно, въ воззрѣніяхъ Достоевскаго, какъ они сложились къ началу 70-хъ годовъ, элементы демократизма и народничества причудливо совмѣщались съ реакціонными, которые, въ его ослѣпленіи, казались ему „прогрессивными“, и съ узко націоналистическими, которые онъ принималъ за „всечеловѣческіе“. Но исключительный талантъ Достоевскаго, его несомнѣнная искренность, его болѣзненная геніальность обезвреживали эту отрицательную сторону его творчества и не позволяли его принципіальнымъ противникамъ приравнивать его къ другимъ обличителямъ-реакціонерамъ. Некрасовъ не затруднился дать мѣсто роману „Подростокъ“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ уже послѣ появленія „Бѣсовъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Михайловскій, столь рѣзкій въ своей полемикѣ съ реакціонными беллетристами и публицистами и язвительный въ отношеніи къ Тургеневу, ограничился—по адресу „Бѣсовъ“—сдержаннымъ упрекомъ въ нѣсколькихъ строкахъ. То самое, что не могли простить Лѣскову, прощалось Достоевскому. „Бѣсы“ не вызвали той бури негодованія, какую возбуждали аналогичныя произведенія другихъ, а между тѣмъ въ романѣ Достоевскаго были выходки весьма некрасивыя, въ томъ числѣ родъ пасквиля на Тургенева и глумленіе надъ свѣтлой памятью Грановскаго.—Положеніе Достоевскаго въ русской литературѣ было исключительное: въ его болѣзненномъ, горячечномъ творчествѣ проявлялась душа типичнаго русскаго интеллигента, болѣющая великими недугами невѣрія и исканія вѣры, страстной жажды идеала, самопожертвованія, культа народа,—и этимъ-то, въ глазахъ его почитателей, искупаются всѣ отрицательныя черты его личнаго характера и его литературной дѣятельности. Было несомнѣнное „избирательное сродство“ между душевнымъ укладомъ Достоевскаго и психологіею значительной части передовой русской интеллигенціи,—именно той части, въ которой замѣчались признаки психологической сантиментальности, нѣкоторой душевной неуравновѣшенности и того, что можно назвать „бредовыми умонастроеніями“. Для лицъ этого рода все то, что раскрывалъ Достоевскій своимъ изумительнымъ психопатологическимъ анализомъ, шло прямо отъ сердца къ сердцу,—и они, при всемъ разногласіи въ идеяхъ, не могли не видѣть въ Достоевскомъ своего брата, родственную душу.

Отчасти этимъ, отчасти нѣкоторыми сторонами идеологіи Достоевскаго объясняется его шумный успѣхъ въ

концѣ 70-хъ годовъ, еще больше усилившійся послѣ его смерти,—въ 80-хъ годахъ.

Романъ „*Подростокъ*", одно изъ слабѣйшихъ произведеній Достоевскаго, не способствовалъ успѣху и вліянію писателя, но зато его публицистическая дѣятельность, начатая въ „Гражданинѣ" кн. Мещерскаго, а потомъ столь ярко выразившаяся въ „*Дневникъ писателя*" (отъ 1876 г. до 1880, съ перерывомъ въ 1879 г.), поставила Достоевскаго въ ряды настоящихъ „властителей думъ" эпохи. Правда, передовая интеллигенція попрежнему не раздѣляла его міросозерцанія и политическаго направленія, но всѣ видѣли въ немъ горячаго, страстнаго, искренняго проповѣдника и великаго народолюбца—и зачитывались „Дневникомъ", чему, конечно, много способствовалъ огромный талантъ, съ потрясающею силою проявлявшійся на многихъ страницахъ „Дневника", въ особенности въ его беллетристическихъ частяхъ. Здѣсь между прочимъ былъ помѣщенъ одинъ изъ перловъ творчества Достоевскаго—разсказъ „*Кроткая*", о которомъ Салтыковъ (въ бесѣдѣ съ докторомъ Бѣлоголовымъ) отозвался какъ о произведеніи изумительной глубины и силы, которое нельзя читать безъ слезъ.

Съ духомъ 70-хъ годовъ, какъ онъ выражался въ передовой литературѣ, въ заграничныхъ изданіяхъ и въ соціалистическомъ движеніи („хожденіе въ народъ"), Достоевскій роднился беззавѣтнымъ народничествомъ, доходившимъ у него до крайней идеализаціи и обожанія русскаго народа, враждою къ буржуазіи вообще, къ буржуазной Европѣ въ частности, презрѣніемъ къ умѣренному либерализму и парламентаризму. Славянофильская тенденція и реакціонные элементы въ проповѣди Достоевскаго мѣшали передовой части общества принимать его идеологію цѣликомъ, но не препятствовали ему „ударять по сердцамъ съ невѣдомою силою". Несмотря на все это, Достоевскаго нельзя назвать „вождемъ" поколѣнія 70-хъ гг.,—онъ сталъ „вождемъ"—посмертнымъ—позже—въ 80-хъ годахъ. Въ 70-хъ гг. имъ увлекались, но не шли за нимъ.

Н. Д. Хвощинская („*Крестовскій-псевдонимъ*", по мужу *Зайончковская*), даровитая писательница, выступившая еще въ 50-хъ гг., привлекла къ себѣ сочувственное вниманіе читающей публики въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ гг. повѣстями („*Первая борьба*" и др.) въ „Отечественныхъ Запискахъ" и романомъ „*Большая Медвѣдица*" (въ „Вѣстникѣ Европы"), за которыми послѣдовалъ рядъ очень содержательныхъ и художественныхъ очерковъ (въ „Отечественныхъ Запискахъ") подъ общимъ заглавіемъ „*Альбомъ*". Это лучшее произведеніе Хвощинской; здѣсь ея талантъ обнаружился наиболѣе полно и ярко. Въ этихъ очеркахъ, составившихъ несомнѣнный вкладъ въ русскую литературу, живо отразились освободительныя стремленія времени и тотъ протестъ противъ эгоизма, безпринципности и пошлости, который былъ характерною чертою движенія умовъ и передовой литературы эпохи.

П. Д. Боборыкинъ въ 70-хъ гг. далъ рядъ живыхъ и документально точныхъ картинъ времени, въ которыхъ ярко выступали различныя на-

правленія общественной мысли и процессы общественнаго развитія, намѣтившіеся въ эпоху великаго перелома 60-хъ годовъ и продолжавшіеся въ 70-хъ гг. Въ романѣ „*Солидныя добродѣтели*“ („Отечественныя Записки“ 1871 г.) онъ выводитъ фигуры передовыхъ людей, воспитавшихся и уже дѣйствовавшихъ въ 60-хъ гг., а также и представителей новаго поколѣнія и намѣчаетъ идеологію и психологію тѣхъ и другихъ. Но въ особенности живо воспроизводитъ онъ здѣсь то, что можно назвать „соціальнымъ самочувствіемъ“ мыслящаго и передового человѣка среди условій русской дѣйствительности и въ виду надвигавшейся реакціи. Въ изображеніи этого „самочувствія“ П. Д. Боборыкинъ всегда былъ большой мастеръ, мѣтко подмѣчающій наши интеллигентскія настроенія in statu nascenti.—Въ большомъ романѣ „*Дѣльцы*“ онъ рисуетъ новыя тогда теченія и вѣянія въ сферѣ промышленныхъ и банковскихъ предпріятій, акціонерныхъ обществъ и т. д. и литературныхъ круговъ, отражавшихъ эти явленія. Въ романѣ затронуто и культурное движеніе и ростъ освободительныхъ идей.—Въ превосходной повѣсти „*Въ усадьбѣ и на порядкѣ*“ выведенъ модный тогда типъ „позитивиста“ и „дарвиниста“, руководящагося въ жизни и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самымъ сквернымъ эгоизмомъ, возведеннымъ въ якобы прогрессивный принципъ, подъ которымъ скрывается полная безпринципность и неразборчивость на средства въ „борьбѣ за существованіе“. Этотъ типъ „этическихъ матеріалистовъ“, выступавшихъ подъ прикрытіемъ своеобразной „идеологіи“, представлялъ тогда рѣзкую противоположность быстро развивавшемуся альтруистическому направленію умовъ.—Въ романѣ „*Докторъ Цыбулька*“ затронуты славянофильскія теченія и выведенъ несимпатичный типъ „братушки“-карьериста.—Въ большомъ „московскомъ“ романѣ «*Китай-городъ*» Боборыкинъ вывелъ рядъ любопытныхъ типовъ, живьемъ выхваченныхъ изъ среды московскаго купечества, переходившаго отъ старой „замоскворѣцкой“ темноты и дикости къ просвѣщенію и „европеизму“. Это было—для данной среды и эпохи—такое же „художественное открытіе“, какое въ свое время сдѣлалъ Островскій комедіями и драмами изъ стараго купеческаго быта. Психологія, умственный складъ и вся повадка представителей и представительницъ этого „неокупечества“, оригинальная помѣсь новыхъ стремленій съ старой закваской,—все это воспроизведено здѣсь съ тонкою наблюдательностью и художественною отчетливостью.—Кромѣ ряда разсказовъ и повѣстей на бытовыя и психологическія темы („*Посестріе*“, „*По-американски*“ и др.), Боборыкинъ писалъ въ 70-хъ гг. много публицистическихъ статей и корреспонденцій, живо отражавшихъ духъ времени и господствующее настроеніе передовыхъ круговъ.

С. Н. Терпигоревъ (псевдонимъ „*Сергѣй Атава*“), писавшій еще въ 60-хъ гг. („Сліяніе“), выдвинулся въ концѣ 70-хъ талантливыми очерками „*Оскудѣніе*“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“).—Это было одно изъ тѣхъ произведеній, которыя знаменуютъ эпоху, выставляя на видъ одну изъ ея наиболѣе характерныхъ и больныхъ

сторонъ. Терпигоревъ воспроизвелъ здѣсь и ярко иллюстрировалъ процессъ оскудѣнія дворянъ-помѣщиковъ,—тема, которой касались и другіе (между прочимъ Салтыковъ). Въ очеркахъ Терпигорева былъ собранъ огромный матеріалъ наблюденій, имѣющій значеніе „документа“,—и это произведеніе, прославившее автора, стало у насъ въ своемъ родѣ „классическимъ“.

8.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ писателями, воспитавшимися раньше 70-хъ годовъ и выступившими на литературное поприще въ различное время, но продолжавшими свою дѣятельность въ 70-хъ. Теперь мы переходимъ къ другой группѣ писателей, которые воспитались по преимуществу на идейномъ наслѣдіи 60-хъ годовъ и на литературѣ 70-хъ и появились на литературномъ поприщѣ въ предѣлахъ этой эпохи. Они были не только писателями 70-хъ годовъ, но и настоящими „*семидесятниками*“, въ произведеніяхъ которыхъ такъ или иначе отразилась характерная умственная складка эпохи.

Въ ряду этихъ дѣятелей первое мѣсто принадлежало *В. М. Гаршину*. Крупный художественный талантъ, чуткая, отзывчивая душа, страдальчески воспринимающая диссонансы жизни и противорѣчія мысли, Гаршинъ явился однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей поколѣнія, которое входило въ жизнь съ предчувствіемъ ея „сложности“ (выраженіе В. Г. Короленка), съ готовыми вопросами вмѣсто готовыхъ рѣшеній, съ душевной тревогой вмѣсто той ясности умонастроенія, какою характеризовались люди 60-хъ гг. Не у всѣхъ эти черты обнаруживались полностью, но въ извѣстной мѣрѣ онѣ были присущи всѣмъ. Жизнь осложнялась,—осложнялся и внутренній міръ человѣка.

Гаршинъ, выступившій въ литературѣ въ половинѣ 70-хъ годовъ, сразу привлекъ къ себѣ вниманіе читающей публики и живую симпатію молодого поколѣнія, настроеніе котораго онъ раздѣлялъ. Въ его разсказахъ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) чувствовалась глубокая искренность—не только писателя, но и человѣка. Видно было, что молодой беллетристъ относится къ жизни серьезно и вдумчиво, болѣетъ ея противорѣчіями, доступенъ чувству глубокой скорби и мукамъ сомнѣній. Его творчество было живымъ выраженіемъ прекрасной души поэта, въ которой основными чертами были гуманность, состраданіе и чувство долга. Это-то чувство долга и побудило его принять добровольное участіе въ русско-турецкой войнѣ, гдѣ онъ былъ раненъ. Оно же подвинуло его на эксцентрическій шагъ,—на знаменитую „аудіенцію“ у гр. Лорисъ-Меликова, котораго онъ хотѣлъ убѣдить въ необходимости отмѣны одного изъ смертныхъ приговоровъ.—Душевная болѣзнь Гаршина, періодически повторявшаяся, наложила скорбную тѣнь на его жизнь и творчество и помѣшала его таланту окрѣпнуть и развиться. Тѣмъ не менѣе его разсказы—„*Четыре дня*“, „*Трусъ*“, „*Происшествіе*“, „*Художники*“, „*Красный цвѣтокъ*“, сказка „*Attalea princeps*“ явились выдающимися произведеніями эпохи и образовали небольшой, но очень

цѣнный вкладъ въ русскую художественную литературу.

Любопытно отмѣтить, что, несмотря на душевную болѣзнь, Гаршинъ, по своему душевному строю и умственному складу, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, у которыхъ было нѣкоторое психологическое родство съ Достоевскимъ: его духовными предками были Пушкинъ и Тургеневъ. Извѣстно (изъ воспоминаній о немъ), что онъ былъ почитателемъ и цѣнителемъ поэзіи Пушкина,—явленіе въ то время, среди молодежи, крайне рѣдкое. По манерѣ письма, по изяществу художественнаго мышленія онъ напоминаетъ Тургенева. Но онъ отличается отъ послѣдняго рѣзкою субъективностью творчества, что, впрочемъ, могло зависѣть отъ его молодости: Гаршинъ не успѣлъ выйти изъ того возраста, когда творчество писателя питается по преимуществу личными переживаніями, когда поэтъ больше исповѣдуется, чѣмъ наблюдаетъ. Лучшія вещи Гаршина и были „исповѣдью“ лично пережитаго или переживаемаго. „Четыре дня“ воспроизводятъ съ художественною искренностью то, что перечувствовалъ и передумалъ Гаршинъ на войнѣ. „Красный цвѣтокъ“ — изображеніе психической болѣзни, которою страдалъ писатель, и вмѣстѣ отраженіе его мучительныхъ думъ о злѣ, царящемъ въ мірѣ. Въ „Художникахъ“ идетъ рѣчь на тему о внутреннемъ разладѣ, испытанномъ самимъ Гаршинымъ, разладѣ между призваніемъ художника и альтруистическими стремленіями человѣка, побуждающими жертвовать искусствомъ ради служенія благу ближняго.

Другой яркій представитель умонастроенія 70-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первостепенный художникъ — *В. Г. Короленко*—успѣлъ лишь выступить на литературную арену въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ, когда (въ „Словѣ“ 1879 г.) появился его первый опытъ *„Эпизоды изъ жизни искателя“*. Литературная дѣятельность Короленка развернулась въ 80-хъ гг., когда онъ написалъ такія вещи, какъ *„Сонъ Макара“*, *„Лѣсъ шумитъ“*, *„Въ дурномъ обществѣ“*, *„Слѣпой музыкантъ“* и др., сразу поставившія его въ первые ряды литературы.

Къ числу писателей, принадлежащихъ къ поколѣнію 70-хъ гг., но успѣвшихъ въ это десятилѣтіе только начать свою литературную дѣятельность, которой предстояло яснѣе опредѣлиться позже—въ 80-хъ и 90-хъ гг., принадлежали *А. И. Эртель*, *К. С. Баранцевичъ*, *М. Н. Альбовъ*, *Н. Е. Петропавловскій* (псевдонимъ *„Каронинъ“*), *Д. Н. Маминъ* (*„Маминъ-Сибирякъ“*), *І. І. Ясинскій* (псевдонимъ *„Максимъ Бѣлинскій“*), *Ольга Ал. Шапиръ*, *А. С. Толочинова* (*„Шабельская“*).

А. И. Эртель въ концѣ 70-хъ гг. былъ извѣстенъ, какъ авторъ *„Записокъ степняка“*, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“. Это—очерки изъ деревенской жизни, наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ, безъ ясно выраженныхъ народническихъ тенденцій, но проникнутыхъ тѣмъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ мужику, какимъ вообще характеризовалась передовая литература 70-хъ гг. Талантъ Эртеля обнаружился полнѣе въ 80-хъ и 90-хъ гг., когда сложилось и міросозерцаніе этого вы-

дающагося человѣка, сильный умъ и высокій душевный строй котораго такъ живо сказались въ его письмахъ, недавно изданныхъ.

К. С. Баранцевичъ дебютировалъ (не считая болѣе раннихъ опытовъ) повѣстью „*Порванныя струны*“ въ „Словѣ“ 1878 г., вслѣдъ за которою послѣдовали и другія его произведенія, печатавшіяся въ лучшихъ журналахъ того времени и доставившія ему прочную и заслуженную репутацію талантливаго изобразителя столичной бѣдноты. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ дѣятельность этого симпатичнаго писателя значительно углубилась и расширилась.

М. Н. Альбовъ еще въ 1873 г. напечаталъ (въ „Дѣлѣ“) романъ „*Пшеницыны*“, но только въ 1879 г. привлекъ къ себѣ вниманіе читающей публики—повѣстью „*День итога*“ (въ „Словѣ“) и романомъ „*До пристани*“ (въ „Словѣ“ 1879—1880 гг.), гдѣ ярко сказались и сильныя и слабыя стороны его несомнѣннаго дарованія. Альбовъ — въ ряду беллетристовъ той эпохи — занимаетъ особое мѣсто, —какъ единственный въ то время послѣдователь Достоевскаго, или, точнѣе, художникъ-психологъ, родственный по духу автору „Преступленія и наказанія“. Всего болѣе занимало его изображеніе неуравновѣшенной души озлобленныхъ неудачниковъ, людей съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, съ горделивымъ самочувствіемъ и воспаленной мыслью, склонной къ бреду и галлюцинаціямъ. Герой „Дня итога“, Глазковъ, кончающій самоубійствомъ,—любопытный психопатологическій типъ этого рода—сродни нѣкоторымъ героямъ Достоевскаго. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Альбова, относящихся къ 80-мъ и 90-мъ годамъ, кромѣ указанныхъ чертъ, обнаружилось большое мастерство въ изображеніи быта и психологіи столичной мелкоты и бѣдноты, обывателей городскихъ окраинъ („Конецъ невѣдомой улицы“ и др.), — и въ этомъ отношеніи тонъ и манера Альбова сближаются съ манерою и тономъ произведеній Баранцевича.

О *Петропавловскомъ* („Каронинѣ“) было упомянуто выше, какъ объ одномъ изъ представителей народничества. Онъ дебютировалъ въ 1879 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ очеркомъ „*Безгласный*“, за которымъ послѣдовали (тамъ же и въ „Словѣ“) разсказы, признаваемые его лучшими, въ смыслѣ техники письма, произведеніями. Но его дѣятельность полнѣе выразилась въ 80-хъ годахъ, когда яснѣе опредѣлилось его направленіе — въ духѣ народничества 80-хъ годовъ.

Расцвѣтъ художественной дѣятельности *Д. Н. Мамина*, начавшейся въ 1879 г. (повѣсть „*На рубежѣ Азіи*“ въ „Устояхъ“), относится къ 80-мъ годамъ, когда Маминъ далъ рядъ яркихъ картинъ изъ быта Уральскаго края („*Горное гнѣздо*“ и др.).

I. I. Ясинскій, выступившій еще въ началѣ 70-хъ гг.—какъ сотрудникъ провинціальныхъ газетъ, а позже какъ научный обозрѣватель (по естествознанію) въ журналѣ „*Слово*“, обратился къ беллетристикѣ лишь въ самомъ концѣ десятилѣтія разсказами въ „*Словѣ*“ и „*Отечественныхъ Запискахъ*“. Его талантъ былъ замѣченъ,—но вскорѣ обнаружилось, что Максимъ Бѣлинскій (какъ онъ подписывалъ свои беллетристическія

вещи) не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ.

Повѣсти и романы *Ольги Ал. Шапиръ* (*„Кандидатъ Куратовъ“*, *„Безъ любви“* и др.) были весьма замѣтнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ на переходѣ отъ 70-хъ годовъ къ 80-мъ, равно какъ и талантливые *„Очерки карандашомъ“ А. С. Толочиновой* („Шабельской“), вызвавшіе сочувственный отзывъ Тургенева (въ письмѣ къ Салтыкову). Обѣимъ писательницамъ, воодушевленнымъ лучшими идеями времени, предстояло развернуть свою дѣятельность въ 80-хъ гг.

Одною изъ лучшихъ надеждъ литературы 70-хъ годовъ былъ даровитый беллетристъ *А. О. Новодворскій* (псевдонимъ *„Осиповичъ“*), умершій отъ чахотки на 29-мъ году жизни въ 1882 г. Это былъ яркій талантъ, сильнѣйшими сторонами котораго былъ юморъ и художественное обобщеніе. Уже въ первомъ его произведеніи *„Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны“* („Отечественныя Записки“ 1877 г.) эти стороны проявились съ большою яркостью. Здѣсь остроумно и живо набросанъ эскизъ типа, которымъ Новодворскій хотѣлъ истолковать внутреннія противорѣчія, характерныя для извѣстной части передового поколѣнія 70-хъ гг.: отзывчивость къ вопросамъ времени, воспріимчивость къ властнымъ идеямъ его, стремленіе къ борьбѣ за идеалъ и рядомъ полную неприспособленность къ новымъ условіямъ, неспособность къ труду, недостатокъ выдержки и силы воли. Дѣло шло о той части передовой молодежи, которая еще сохраняла психологическіе навыки, унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ, процвѣтавшихъ на лонѣ крѣпостного права. Люди этого типа отъ одного берега поневолѣ отстали, а къ другому, при всемъ желаніи, пристать не могли. Попытка Новодворскаго любопытна какъ свидѣтельство о томъ, что молодой писатель выступалъ не съ готовыми рѣшеніями, а съ вопросами, требующими вдумчиваго анализа, — что онъ, подобно Гаршину и Короленкѣ, чувствовалъ „сложность жизни“. Очеркъ Новодворскаго, написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Нови“ Тургенева, имѣлъ видъ какъ бы отвѣта великому писателю,—отвѣта, даннаго представителемъ молодого поколѣнія, который старается самостоятельно разобраться въ смыслѣ явленій, изображенныхъ въ „Нови“. Въ послѣдующихъ разсказахъ Новодворскій частью разрабатывалъ тотъ же „неждановскій“—типъ „ни павы, ни вороны“ („Карьера“), частью пытался выводить и положительные типы „новыхъ людей“, которые, уже въ силу цензурныхъ условій, помимо трудностей по существу дѣла, не могли выйти ни достаточно ясными, ни художественно цѣнными.

9.

Принято рѣзко противополагать 70-е годы 80-мъ и проводить между этими двумя эпохами рѣзкую разграничительную черту. Во многихъ отношеніяхъ такъ оно и было въ дѣйствительности. Но не слѣдуетъ думать, что грань, раздѣляющая двѣ эпохи, была пропастью, что между ними не было ничего общаго. Правильнѣе будетъ сказать, что 70-е годы не составляли исключенія изъ общаго

правила, гласящаго, что всякая эпоха—„переходна“. Большинство тѣхъ чертъ и явленій, которыми такъ ярко характеризуется эпоха 80-хъ годовъ, имѣло свои прецеденты и отправныя точки въ 70-хъ. Реакція 80-хъ годовъ была лишь завершеніемъ реакціоннаго движенія, начавшагося еще въ половинѣ 60-хъ годовъ и не прерывавшагося въ 70-хъ*). Крайнее и узкое народничество, объявившееся въ 80-хъ годахъ и возведенное въ своего рода идеологическую систему *Юзовымъ-Каблицомъ* въ пресловутой книгѣ „*Основы народничества*“, представляло собою логически и исторически необходимое послѣдствіе той тяги къ народу, которая въ 70-хъ годахъ выражалась и въ исканіяхъ Гл. Успенскаго, и въ идеализаціи мужика Златовратскимъ и другими, и въ „хожденіи въ народъ“ и въ попыткахъ „опрощенія“. Поворотъ отъ позитивизма къ метафизикѣ, совершившійся въ 80-хъ годахъ, подготовлялся уже съ половины 70-хъ, когда выступилъ Вл. С. Соловьевъ съ диссертаціей, направленной противъ философіи Конта. Новая школа философовъ, соединявшихъ освободительныя идеи съ метафизическими предпосылками, формировалась въ концѣ 70-хъ годовъ (*А. А. Козловъ*, *Л. Лопатинъ*). Далѣе, религія и моральная доктрина Толстого вырабатывалась во второй половинѣ 70-хъ годовъ и имѣла свои прецеденты—въ проповѣди Маликова, Чайковскаго и другихъ. Наконецъ, увлеченіе идеями Достоевскаго, столь характерное для 80-хъ годовъ, зачиналось еще въ 70-хъ,—въ эпоху „Дневника писателя“.

*) Не считая мимолетнаго перерыва—при Лорисъ-Меликовѣ.

Но нигдѣ этотъ характеръ 70-хъ годовъ, какъ эпохи „переходной“, не обнаруживается такъ наглядно, какъ въ сферѣ литературной,—*въ художественномъ творчествѣ* и *въ выработкѣ литературныхъ формъ*.

Въ художественномъ творчествѣ господствовалъ *реализмъ*, установившійся у насъ со времени Пушкина и Гоголя. И всѣ беллетристы 70-хъ годовъ, — старшіе и младшіе, — были убѣжденными реалистами въ искусствѣ и хотѣли изображать жизнь, „какъ она есть“,—въ типичныхъ образахъ и даже въ фотографически точныхъ снимкахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были, въ большинствѣ, адептами передовыхъ идей, они исповѣдывали передовую идеологію въ той или иной формѣ и стремились дать ей выраженіе или, по крайней мѣрѣ, косвенно служить ей своими произведеніями. Задача—изображать жизнь—„какъ она есть“—осложнялась другою задачею — показать, *какою должна быть жизнь*, или, по меньшей мѣрѣ, если не „показать“, то хоть намекнуть. Оттуда—вольное и невольное уклоненіе отъ реалистическихъ образовъ въ сторону *художественныхъ схемъ и символовъ*. Ибо, съ этой точки зрѣнія, бытъ, психологія характеровъ, типы, обстановка и укладъ жизни теряли добрую долю своего непосредственнаго интереса, и являлась потребность *обобщить ихъ наскоро* въ какихъ-либо условныхъ образахъ, которые по необходимости выходили *схематическими* и скорѣе *символизировали* извѣстныя явленія, отношенія, понятія, чѣмъ художественно обобщали ихъ. Таковы всѣ

эти „Колупаевы“, „Разуваевы“, „мальчики въ штанахъ и безъ штановъ“, „ташкентцы“, „помпадуры“, „Глумовы“—у Салтыкова; сюда же нужно отнести и излюбленный пріемъ великаго сатирика пользоваться старыми литературными типами, какъ готовыми схемами - символами: Молчалинъ, Ноздревъ, Подхалимовъ у Щедрина—не типы, а символы. Символиченъ и знаменитый Өеденька, символиченъ и Сеничка съ его „Сеничкинымъ ядомъ“. Отъ художественныхъ схемъ и символовъ одинъ шагъ къ аллегоріи,—и подъ конецъ Щедринъ пишетъ сказки, гдѣ фигурируютъ волки, щуки, караси-идеалисты.—Что такое знаменитый „мужикъ“ въ литературѣ 70-хъ годовъ? Успенскій рисовалъ его реалистически, Златовратскій идеалистически,—и въ концѣ концовъ изъ того и другого изображенія въ умѣ читателя слагался какой-то общій, схематическій образъ мужика, противопоставляемаго другимъ смертнымъ,—образъ, имѣвшій символическое значеніе: онъ символизировалъ цѣлую систему идей и чувствъ.—Въ творчествѣ Успенскаго бросается въ глаза пріемъ иллюстраціи идей художественными образами: онъ пишетъ разсужденіе, трактатъ, поясняя его сценами, художественнымъ разсказомъ, образами. Сами по себѣ эти образы, разсказы, сцены строго реалистичны и зачастую высоко художественны, но въ отношеніи къ „трактату“, къ системѣ идей, излагаемыхъ Успенскимъ, они—либо аллегорія, либо символъ.

Символизмъ въ искусствѣ возникаетъ въ силу различныхъ импульсовъ, въ ряду которыхъ видное мѣсто принадлежитъ стремленію выразить завѣтную мысль или интимное чувство, не укладывающееся (въ данный моментъ у даннаго художника) въ форму реально-художественную. Когда Гаршинъ почувствовалъ, что свобода—не цѣль, а средство, что есть какое-то высшее благо, которое, быть можетъ, по достиженіи свободы, останется недостигнутымъ и невѣдомымъ,—онъ не нашелъ для выраженія этой догадки реалистическаго образа и—написалъ символическую сказку—„Attalea princeps“: заключенная въ темницу, Attalea растетъ и рвется на вольный воздухъ,—она уже пробила крышу и, повидимому, достигла цѣли; но, завоевавъ свободу, она спрашиваетъ: *„а дальше что?“*

Когда ставятся такого рода вопросы, показывающіе, что люди чувствуютъ „сложность жизни“ и что ихъ внутренній міръ осложняется и обогащается, тогда художественное творчество не удержится въ рамкахъ строгаго реализма и обнаружитъ нѣкоторое тяготѣніе въ сторону символики. Въ 80-хъ годахъ это тяготѣніе выразилось яснѣе,—и въ творчествѣ *Короленки и Чехова* мы находимъ образы и картины, взятые изъ подлинной жизни и отмѣченные всѣми качествами художественнаго реализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ обвѣянные легкой дымкою проникновенной символики, которая такъ непринужденна и художественно законна, что читателемъ овладѣваетъ иллюзія,—будто это—натуральная символика самой жизни.

Въ отношеніи *литературной формы* въ 70-хъ годахъ уже обозначился переходъ отъ большого, громоздкаго романа въ 4-хъ и болѣе частяхъ къ

небольшому, сжатому разсказу,— формѣ, которая въ послѣднія десятилѣтія стала господствующею. Большіе романы и повѣсти, конечно, были еще въ ходу,—въ этой старомодной формѣ писали и Толстой („Анна Каренина"), и Достоевскій („Бѣсы", „Подростокъ", „Братья Карамазовы"), и Боборыкинъ („Дѣльцы", „Китайгородъ"), и Смирнова („Огонекъ", „Попечитель учебнаго округа") и другіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ форма разсказа, очерка исподволь распространялась и вытѣсняла старую форму. Боборыкинъ далъ рядъ небольшихъ по объему, но законченныхъ, исчерпывающихъ сюжетъ повѣстей и разсказовъ. Гл. Успенскій иначе и не писалъ, какъ именно „очерками", эпизодическими разсказами. Гаршинъ, Новодворскій, Петропавловскій и др. разработали эту форму въ направленіи большей сжатости и экономіи художественныхъ пріемовъ.—Въ 80-хъ годахъ Короленко и Чеховъ доведутъ ее до высокой степени совершенства.

10.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о лирикѣ 70-хъ годовъ. Насъ интересуютъ тутъ не поэты старшихъ поколѣній, какъ Майковъ, Фетъ, Полонскій, А. Толстой, Минаевъ, либо только продолжавшіе въ 70-хъ гг. „пѣть" о томъ и такъ, о чемъ и какъ они „пѣли" раньше, либо совсѣмъ почти умолкшіе (напримѣръ, Плещеевъ). О Некрасовѣ была рѣчь выше. Мы имѣемъ въ виду поэтовъ „—*семидесятниковъ*", выразившихъ лирически часть тѣхъ думъ, чувствъ и настроеній, которыми по преимуществу характеризовалась психологія передового поколѣнія этой эпохи. Въ ряду такихъ поэтовъ-лириковъ на первый планъ выдвинулись два крупныхъ дарованія: *Минскій*, (*Н. М. Виленкинъ*) и *Надсонъ*.

Въ поэзіи Минскаго духовная складка людей 70-хъ гг. отразилась далеко не полно, но зато очень ярко. Нѣкоторые элементы умонастроенія эпохи нашли въ Минскомъ, выступившемъ въ половинѣ 70-хъ гг., пѣвца, давшаго имъ неподдѣльное лирическое выраженіе. Сюда относятся стихотворенія, сгруппированныя подъ общими заглавіями „*Бѣлыя ночи*" и „*Пѣсни о родинѣ*". Въ „некрасовскихъ" мотивахъ, встрѣчающихся у Минскаго, не слѣдуетъ видѣть подражанія или „перепѣвовъ": эти мотивы были въ духѣ времени, стали общимъ добромъ и вдохновляли многихъ. У Минскаго нашлись для нихъ свои вдохновенія. Въ нихъ отразились и помыслы о народѣ, и порывъ къ борьбѣ за идеалъ, и предчувствіе „зари", и скорбныя думы о „родинѣ", о Россіи— „странѣ могилъ, странѣ пеленокъ". На всемъ этомъ былъ накинутъ траурный флеръ поэтической грусти и безотраднаго раздумья, и по временамъ звучали ноты горькаго пессимизма, которыя въ ту эпоху беззавѣтнаго самопожертвованія и разбитыхъ иллюзій шли—для многихъ— отъ сердца къ сердцу. Понятна огромная популярность поэмы „Геѳсиманская ночь" (одно изъ лучшихъ произведеній Минскаго), въ то время запрещенной, но распространявшейся въ многочисленныхъ спискахъ.—Поэзія Минскаго 70-хъ годовъ и начала 80-хъ была поэтическимъ исповѣданіемъ извѣстныхъ чувствъ, думъ и

настроеній, характерныхъ для передового поколѣнія этой эпохи.

Эти настроенія, думы и чувства нашли болѣе полное выраженіе въ задушевной поэзіи *Надсона*, который въ началѣ 80-хъ годовъ былъ у насъ самымъ популярнымъ поэтомъ. Въ звучныхъ, мелодичныхъ стихахъ Надсона отразилась вся трагедія души человѣка 70-хъ годовъ: тутъ и беззавѣтное увлеченіе идеей, и обаяніе подвига, и скорбь, и негодованіе, и горькое чувство разочарованности, доходящее до отчаянія:

Я въ жизнь не вѣрую... Угрюмо и сурово
Смерть, только смерть одна, мнѣ грезится кругомъ...

Поэзія Надсона была въ своемъ родѣ лирическою панихидою по разбитымъ иллюзіямъ:

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди...
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...

Устами Надсона лучшая часть поколѣнія сказала о себѣ:

Какъ мало прожито — какъ много пережито!

Въ лирикѣ Минскаго 70-хъ годовъ и во всей поэзіи Надсона было что-то, навѣвавшее мысль о томъ, что эти пѣсни допѣты до конца, что ихъ повтореніе скоро станетъ дѣломъ поэтически невозможнымъ, — и поэтъ-лирикъ будетъ поставленъ въ трагическое положеніе—искателя новыхъ вдохновеній—въ эпоху, которая всего менѣе „вдохновляла".

ГЛАВА XVII.

Украинская литература 1862—1900 гг.

(С. Ѳ. Русовой).

1.

Вторая половина XIX в. не дала Украйнѣ поэта, равнаго по силѣ своего творчества Шевченку: геніи во всякой народной массѣ появляются рѣдко. Но великіе завѣты Шевченка нашли себѣ талантливаго истолкователя въ лицѣ одного изъ величайшихъ политическихъ дѣятелей XIX в. —Михаила Петровича Драгоманова (1841—95). Онъ явился тѣмъ практическимъ соціально-политическимъ агитаторомъ, въ какомъ Украйна больше всего нуждалась. Безсмертный пѣвецъ братолюбія, взаимнаго единенія народовъ и ихъ національнаго пробужденія далъ великій „заповіт" своему народу, но и лучшіе люди его времени не знали, какъ взяться, чтобы осуществить завѣты Шевченка, какъ сдѣлать ихъ лозунгами украинской общественной жизни? За нихъ приходилось бороться съ окружающей дѣйствительностью; ихъ нужно было конкретно воплотить въ новыя формы жизни, въ неясныя

еще политическія начала. Эту работу популяризаціи и научнаго обоснованія поэтическихъ образовъ, взлелѣянныхъ творческимъ синтезомъ Шевченка, выполнилъ Драгомановъ, и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ развилась вся украинская литература 2-й половины XIX в: и получило свое демократическое направленіе общественное движеніе въ Украйнѣ и въ Галиціи.

„Начало 60-хъ годовъ“, говоритъ извѣстная писательница Ефименко: *) „обѣщало пышный расцвѣтъ украинской культурѣ“. Дѣйствительно, въ русской печати и въ административныхъ сферахъ въ эти годы выражалось трогательное сочувствіе національнымъ нуждамъ украинскаго народа. Министерство народнаго просвѣщенія готовилось издавать учебники и школьныя пособія на украинскомъ языкѣ, кіевскій генералъ-губернаторъ въ районѣ Юго-западнаго края въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ прибѣгалъ къ украинскому языку. Въ журналѣ Каткова писалъ Кулишъ, и даже редакція „Русскаго Вѣстника“ сочувственно говорила „о нуждахъ малороссійскаго народа“. Духовенство произносило проповѣди на народномъ языкѣ; первыя воскресныя школы въ Россіи открылись въ Кіевѣ и подъ покровительствомъ Пирогова, бывшаго тогда попечителемъ учебнаго округа, развивались въ національномъ духѣ, согласно съ требованіями здравой педагогики. Лучшіе люди Украйны живо отзывались на охватившее всю Россію освободительное движеніе, стремились снять съ своего народа путы невѣжества, такъ сильно сдавливавшія его послѣ его юридическаго освобожденія.

Но этотъ подъемъ духа скоро былъ подавленъ. Открытіе воскресныхъ школъ испугало польскихъ помѣщиковъ: они подозрительно относились къ тому, что украинцы учились въ нихъ не только грамотѣ, а и начаткамъ родной исторіи; при одномъ упоминаніи объ украинской исторіи передъ ясновельможными панами вставали еще незабытые призраки Гайдамачины и Коліивщины. Чтобы отвести глаза русскаго правительства отъ ихъ собственныхъ подготовленій къ возстанію, помѣщики Юго-западнаго края обращали вниманіе администраціи на „хлопомановъ“, на ихъ сепаратизмъ и пугали правительство возможностью соціальной революціи въ томъ краѣ, гдѣ еще живы были образы Желѣзняка и Гонты. Только немногіе поляки Юго-западнаго края сознавали всю некорректность такого образа дѣйствія, понимали историческую неправду отношеній привилегированнаго польскаго дворянства и безправнаго коренного населенія Украйны. Изъ такихъ поляковъ выдвинулись два человѣка съ чуткой гражданской совѣстью. Владимиръ Антоновичъ, извѣстный историкъ Украйны, и писатель-экономистъ Ѳаддей Рыльскій. Они пошли работать для народной украинской массы, отказавшись отъ своей польской среды. Ихъ исповѣдь, напечатанная въ „Основѣ“, рѣзко и безповоротно вырвала ихъ изъ польскаго общества и указала искреннимъ польскимъ народникамъ въ украинскихъ

*) А. Я. Ефименко. Исторія Украйны и ея народа. СПб. 1907. Стр. 157.

земляхъ ихъ истинный гражданскій долгъ.

Но инсинуаціи землевладѣльцевъ уже достигли цѣли: все украинское національное культурное движеніе было осуждено, какъ сепаратистическое, и на него поднято было гоненіе: воскресныя школы закрыты, учебники запрещены. Это тревожное время въ Украйнѣ не выдвинуло ни одного вождя, который бы ясно понималъ, какимъ путемъ выйти изъ мрака къ свѣту; ни одного имени, вокругъ котораго объединялись бы молодыя пробуждающіяся общественныя силы. Правда, въ журналѣ „Основа" группировались еще украинскіе писатели —Кулишъ, Мордовцевъ, помѣстившій въ ней свои лучшіе украинскіе разсказы — „Солдатка" и „Дзвонарь", Ганна Барвинокъ (жена Кулиша), писавшая чистымъ народнымъ языкомъ свои этнографическіе съ окраской романтизма разсказы изъ семейнаго и крѣпостного быта. Начинали въ „Основѣ" писать и молодые тогдашніе украинскіе поэты Руданскій, Щеголевъ и беллетристъ А. Свидницкій, талантливый украинскій Помяловскій, авторъ романа „Хроника Люборадськи"—изъ жизни украинской бурсы. Но „Основа" своей этнографической беллетристикой уже не удовлетворяла повысившихся запросовъ украинскаго общества и въ 1862 г. закрылась, а въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, и гоненія на украинство выразились закономъ, воспрещавшимъ всякую популярную литературу и преподаваніе на украинскомъ языкѣ. Тщетно лучшіе педагоги того времени—Корфъ, Ушинскій, Вессель доказывали всю необходимость начальнаго обученія на родномъ языкѣ—правительство видѣло въ этомъ „сепаратизмъ", и законъ, наложившій запретъ на украинскую школу, остается въ силѣ до сихъ поръ. Украинскій народъ не имѣетъ своей національной школы; даже евангеліе запрещено было ему читать на родномъ языкѣ. Украинцы, спокойно занимавшіеся до сего времени изученіемъ своей родины, объявляются врагами отечества и ссылаются на далекій сѣверъ — Ефименко, Носъ, Чубинскій и др.; Антоновичъ и Рыльскій остаются подъ строгимъ наблюденіемъ мѣстной администраціи. Украинское движеніе временно замираетъ.

Драгомановъ переживалъ всѣмъ существомъ своимъ тотъ подъемъ духа, который охватилъ его родину въ 60-е годы. Вмѣстѣ съ лучшимъ кіевскимъ студенчествомъ онъ работаетъ въ воскресныхъ школахъ, участвуетъ въ редакторскихъ комиссіяхъ для изданія украинскихъ книгъ и учебниковъ для народа; его слово съ одушевленіемъ звучитъ и на похоронахъ Шевченка и на проводахъ Пирогова, смѣненнаго администраціей, какъ слишкомъ „краснаго" для роли попечителя учебнаго округа; въ 70-хъ годахъ его лекціи по римской исторіи привлекаютъ студентовъ; онъ же пишетъ свои первыя публицистическія статьи въ столичныхъ органахъ по славянскому и украинскому вопросу („С.-Петербургскія Вѣдомости", „Вѣстникъ Европы"): „Земство и мѣстный языкъ обученія", „О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка" и др. Во всемъ онъ заявляетъ себя оригинальнымъ, широкимъ мыслителемъ, смѣлымъ, сознательнымъ

гражданиномъ, — два качества, къ которымъ русское правительство всегда относилось съ особенной подозрительностью. Драгоманову воспретили заниматься въ воскресныхъ школахъ, его удалили изъ школьной комиссіи, а въ университетѣ Св. Владиміра талантливаго и знающаго лектора очень долго не утверждаютъ въ званіи приватъ-доцента. Но ничто не могло охладить энергіи Драгоманова, и преслѣдованія за украинство только укрѣпляли въ немъ увѣренность въ необходимости политической борьбы въ Украйнѣ. Около 70-хъ годовъ украинское общество проявило особенное оживленіе. Стѣсненные въ своей общественно-культурной дѣятельности, украинцы принялись за научное обоснованіе украинской идеи путемъ ученыхъ трудовъ по этнографіи, фольклору, по филологіи и исторіи. Возвратившійся изъ ссылки Чубинскій добивается учрежденія въ Кіевѣ Юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Въ немъ работаетъ цѣлая плеяда молодыхъ ученыхъ, впослѣдствіи прославившихся своими трудами; изъ послѣднихъ можно назвать: „Народныя пѣсни и думы"— подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова, „Что такое малорусскій языкъ?" Михальчука, „Чумацкія пѣсни" и „Народныя сказки", прекрасно собранныя и отредактированныя И. Рудченко, „Заклинанія", собранныя П. Ефименко, „Поговорки" Номиса, филологическія работы П. Житецкаго и мн. др. Окончившій тогда же лейпцигскую консерваторію музыкальный композиторъ Лысенко знакомитъ общество съ украинской народной музыкой цѣлымъ рядомъ сборниковъ народныхъ мелодій. Но всѣ эти цѣнныя работы прерываются новымъ усиленнымъ гоненіемъ со стороны русскаго правительства противъ все того же удручающаго его призрака украинскаго сепаратизма. Труды членовъ Юго-западнаго отдѣла кажутся ему такъ же опасны, какъ и воскресныя школы, и отдѣлъ Географическаго Общества закрывается черезъ 2 года по открытіи, а члены его — разгоняются подъ разными благовидными предлогами подальше отъ Кіева, отъ Украйны. Всякая дѣятельность для просвѣщенія народа, всякое научное изслѣдованіе края было парализовано; сама администрація ставила точку прежнему романтически невинному украинскому народничеству, и передъ всякимъ сознательнымъ украинцемъ теперь ясно вставалъ политическій вопросъ: быть или не быть Украйнѣ живой? За выясненіе органической связи національнаго вопроса съ политическими формами жизни взялся Драгомановъ. Отказавшись отъ лестнаго „предложенія" администраціи перейти изъ Кіевскаго университета въ Казанскій, Драгомановъ рѣшился эмигрировать за границу; въ 1876 году онъ оставилъ любимую каѳедру, оставилъ родину и съ женой и ребенкомъ уѣхалъ въ Женеву, чтобы за предѣлами родины издавать первый украинскій независимый политическій органъ „Громада". До сихъ поръ украинскіе кружки не имѣли ясно выраженной политической программы, у нихъ даже не было опредѣленнаго сознанія политическихъ правъ украинскаго народа; украинцы не гнушались обра-

щаться къ россійскому правительству съ разными просьбами и ходатайствами, все надѣялись подачками да „откровенными“ разговорами съ тѣмъ или другимъ администраторомъ склонить его на уступки, авось позволятъ имъ потѣшиться изданіемъ какого-нибудь сборника невинныхъ стишковъ или разсказовъ, соблаговолятъ разрѣшить украинскимъ дѣтямъ въ школахъ, содержимыхъ на кровныя деньги ихъ отцовъ, сказать два-три слова на родномъ языкѣ или вмѣсто великорусской непонятной пѣсни спѣть свою родную, знакомую. Драгомановъ понималъ всю унизительность такого положенія вещей и отвергалъ, какъ недостойное, всякое заигрыванье съ правительствомъ, когда дѣло шло о существенныхъ нуждахъ и правахъ цѣлаго народа; онъ доказывалъ своимъ товарищамъ всю необходимость общей государственной реформы, при которой только и возможно правильное удовлетвореніе національныхъ запросовъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Россіи.

Въ этомъ федералистически-національномъ демократическомъ направленіи М. П. и началъ свою публицистическую дѣятельность въ „Громадѣ“: онъ вскрылъ всю трагедію тогдашней жизни украинскаго народа, обреченнаго на безпросвѣтное невѣжество и на экономическое истощеніе; онъ ставилъ ясныя политическія требованія, онъ протягивалъ товарищескую руку всѣмъ активнымъ оппозиціоннымъ русскимъ партіямъ, но въ то же время вносилъ въ ихъ партійныя программы важныя поправки въ національно-демократическомъ направленіи, приглашалъ всѣхъ къ объединенію вокругъ начала федеративнаго съ широкой автономіей самыхъ мелкихъ областныхъ единицъ. М. П. упрекалъ русскихъ революціонеровъ въ неправильномъ пониманіи истинныхъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ въ Россіи, которыя по своей культурной и національной разнородности не могутъ всѣ участвовать въ освободительномъ движеніи по однообразной программѣ. Лучше всего политическіе взгляды Драгоманова высказаны имъ въ статьѣ „Вільна Спілка“, изданной имъ отдѣльной брошюрой въ 1884 г. Хотя всѣ эти федерально-политическія требованія составляютъ только прямое развитіе политическаго начала Кирилло-Меѳодіевскаго Общества, но прямая постановка національнаго украинскаго вопроса на политическую основу испугала украинцевъ; они оробѣли передъ начавшимися преслѣдованіями администраціи и утверждали, что они хотятъ одной исключительно культурной работы, какъ-будто не было для нихъ уже достаточно ясно, что для подавленной націи невозможна свободная культура безъ политической свободы. Скоро прежніе товарищи Драгоманова стали бояться всякой связи съ такимъ „крайнимъ“, „опаснымъ“ революціонеромъ, какъ Драгомановъ, и черезъ 10 лѣтъ онъ остался совершенно одинокимъ изгнанникомъ, лишился денежной поддержки съ родины для начатаго имъ дѣла и долженъ былъ пріостановить свою издательскую дѣятельность *).

*) Кромѣ „Громады“ Драгомановъ издавалъ пользовавшіяся большой популярностью народныя брошюры, готовилъ къ изданію сборники народныхъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа.

Горечь и безвыходное отчаяніе однако ненадолго охватили душу украинскаго писателя; правда, онъ глубоко страдалъ отъ тяжелаго положенія родины, гдѣ даже ея благожелатели были такъ трусливы, а молодежь была слишкомъ отвлечена общерусскимъ революціоннымъ движеніемъ, чтобы сразу разобраться въ національныхъ политическихъ нуждахъ своего края; Драгомановъ начиналъ даже думать, что его добровольное изгнаніе, его женевская неутомимая работа для созданія политическаго органа—все пропало даромъ. Но въ то же время Драгомановъ былъ глубоко убѣжденъ въ правильности своихъ взглядовъ и той дороги, какою онъ хотѣлъ вести Украйну къ освобожденію. Этотъ путь единственный: поставить украинскій вопросъ на европейскую почву и въ географическомъ отношеніи — соединяя движеніе въ Украйнѣ и въ Галичинѣ въ одно русло—и въ идейномъ,—объединяя его вокругъ передовыхъ соціально - политическихъ идеаловъ западной Европы. Драгоманова поддержала твердая увѣренность, что если современники и товарищи убоялись этого прямого пути къ опредѣленной цѣли, то уже слѣдующее поколѣніе украинцевъ пойметъ и приметъ его программу.

Но Драгоманова поняли еще раньше: въ Галиціи его женевскія изданія оказались той первой здоровой духовной пищей, которая совершила умственный переворотъ въ галицкой интеллигенціи и указала галицкимъ народникамъ ихъ настоящія обязанности передъ своимъ народомъ.

Національное движеніе въ Галиціи, какъ мы это видѣли выше, началось еще въ 30-хъ годахъ. Изъ поэтовъ періода возрожденія Галиціи нельзя не упомянуть Исидора Воробкевича, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ Данила Млака, съ его романтическими поэмами „Гостинець з Босніи" и еще историческими думами „Иван Підкова", „Гетман Наливайко" и др. Лирическій поэтъ Н. Устіановичъ также не мало поработалъ надъ развитіемъ народнаго литературнаго языка. Но только послѣ 1848 года національный вопросъ въ Галиціи органически сталъ связанъ съ политическимъ. Первый толчокъ къ дѣятельной національно-культурной работѣ далъ съѣздъ галицкихъ ученыхъ во Львовѣ въ концѣ 1848 г., созванный для объединенія галицкихъ ученыхъ, для выработки украинскаго правописанія и т. п. Послѣ него открылось „общество просвѣщенія народнаго", болѣе извѣстное подъ названіемъ „Галицко-русская Матица" а вслѣдъ за нею начали возникать разныя просвѣтительныя общества („Просвіта"), выходили газеты и журналы: „Мета", „Вечорниці", „Русалка". Въ нихъ печатались произведенія украинскихъ писателей, и, конечно, самое сильное впечатлѣніе на галицкое общество оказалъ Шевченко. Но рядомъ съ прогрессивнымъ демократическимъ движеніемъ въ сторону національно-украинскаго пробужденія въ Галиціи образовалась партія реакціонная—старорусская, или москвофильская, видѣвшая спасеніе галицкаго народа отъ ополяченія и онѣмеченія въ сліяніи съ 60-милліоннымъ великорусскимъ народомъ. Начало москвофильству положено было еще въ

30-хъ годахъ XIX в., когда Галицію посѣтилъ Погодинъ и старался убѣдить галичанъ, что они „русскіе" (т. е., по его понятіямъ, великороссы, ибо украинской націи не признавали наши „ученые" славянофилы), что они должны слиться съ „русскими", что Россіи стоитъ двинуть свои пушки,—и Австрія въ страхѣ отдастъ ей всю Галичину. Еще сильнѣе русскихъ пушекъ in spe привлекало многихъ галичанъ русское золото, попадавшее въ ихъ руки на дѣло расширенія русскаго вліянія въ Галиціи и на созданіе такой „макаронной" литературы изъ русскихъ и церковно-славянскихъ словъ, которой абсолютно никто не понималъ: ни сами авторы, ни читатели, ни „русскіе", ни украинцы. Въ этой литературѣ подвизались особенно энергично Добрянскій, Наумовичъ, а глава москвофильской партіи Зубрицкій, преклоняясь передъ Хомяковымъ и Аксаковымъ, презрительно обзывалъ украинскій языкъ „говоромъ пастуховъ". Когда въ руки кіевскаго ученаго Максимовича попался подобный сборникъ стиховъ, онъ писалъ о нихъ: „Желая автору и всѣмъ его товарищамъ всевозможныхъ успѣховъ на стихотворномъ поприщѣ, мы замѣтимъ одно: зачѣмъ на его произведеніи надписано, что оно изображено языкомъ малорусскимъ? Ни одинъ малороссіянинъ не назоветъ этого языка своимъ, да это и не великорусскій и не бѣлорусскій языкъ: это искусственное славяно-русское словосочиненіе, которымъ лѣтъ за 100 писали русскіе стихотворцы *).

Къ тому времени, когда Драгомановъ началъ свою заграничную дѣятельность, въ Галиціи боролись три національныя партіи: польская, московская и украинская; къ послѣдней принадлежали искренніе народники, стремившіеся при помощи работъ украинскихъ писателей поднять умственный уровень галицкаго народа и дать ему необходимую національную культуру. Но они были слабо организованы, сами не обладали широкимъ развитіемъ. Въ тогдашней Галичинѣ, по словамъ галицкаго публициста Павлика: „и въ политикѣ и въ частной жизни господствовалъ узкій клерикализмъ и презрѣніе къ „хлопу", къ черному труду, какъ къ чему-то подлому, полная безпринципность, сервилизмъ и деморализація, полное невѣжество и неразлучная съ нимъ нетерпимость ко всякой критикѣ, ко всему свѣжему, живому. Впереди шли попы да горсточка гимназическихъ учителей и юристовъ—все какіе-то допотопные типы съ огромными претензіями. Не мудрено, что когда Драгомановъ ударилъ своимъ горячимъ обличеніемъ и въ москвофиловъ и въ народниковъ и сталъ звать галицкую молодежь къ европейской наукѣ, къ гуманизму, къ передачѣ своихъ знаній рабочему люду, селянамъ, чтобы помочь имъ вырваться изъ темноты, бѣдности и неволи, хотя бы за это и пришлось сложить свои головы—то не мудрено, что на М. П. завопили и польскіе верховоды и москвофилы; даже и народники видѣли въ немъ чуть не „антихриста", „безбожника" и т. п." *).

*) См. „Повісті Федьковича". Предисловіе Драгоманова, стр. XVI.

*) См. брошюру М. Павлика: „Михайло Драгоманов і його роля в розвою України", Львів. 1907 р. Стр. 18.

Драгомановъ давно, еще во время своей первой поѣздки за границу, ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Галиціи; онъ побивалъ москвофиловъ еще въ 1865 году въ своихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ„С.-ПетербургскихъВѣдомостяхъ“; съ 1876 г. онъ дѣятельно сотрудничалъ въ галицкихъ органахъ и въ цѣломъ рядѣ писемъ въ газету „Другъ“ выяснялъ истинное политическое положеніе Галиціи и то безпочвенное недоразумѣніе, которое лежало въ основѣ галицкаго москвофильства. Скоро галицкіе народники усвоили его точку зрѣнія на истинное значеніе украинства, какъ истинно демократическаго общественнаго движенія, естественно стоящаго въ связи съ соціализмомъ и радикализмомъ. Вокругъ него объединилось небольшое, но преданное и талантливое ядро будущей партіи (Павликъ, Франко и др.), и побѣда украинства въ Галичинѣ была рѣшена. Послѣ долгой подготовительной работы въ самой средѣ народа (организація народныхъ „вѣчъ“) образовалась первая украинская политическая радикальная партія; минимальная программа партіи была провозглашена въ избирательныхъ воззваніяхъ на сеймъ 1891 г. Ея главная задача была—политическое развитіе крестьянъ, привлеченіе ихъ къ активной политической борьбѣ за свои права, за національное просвѣщеніе селянъ и выработка въ крестьянствѣ радикальнаго міровоззрѣнія, въ противность тому темному суевѣрію, въ какомъ его держали раньше невѣжественные учителя и священники. Въ этомъ отношеніи особенно полезны оказались популярныя брошюрки Драгоманова: „Рай і поступ“, „Заздрі боги“, „Іван Виклеф“ и др. Драгомановъ вообще оказался очень талантливымъ популяризаторомъ, и его книжки („Про те, як земля наша стала не нашою“, „500 літ Швайцарськоі Спілки“, „Парова машина“, „Про бідність“ и др.), недоступныя до послѣдняго времени для Украйны по строгости россійской цензуры, широко распространялись въ Галиціи; тутъ, хотя онѣ и вызывали административныя преслѣдованія радикальной партіи за ихъ распространеніе, но для развитія самосознанія галицкаго народа онѣ сдѣлали очень много.

Драгомановъ же явился и первымъ трезвымъ и образованнымъ критикомъ украинской литературы. Онъ строго высказывался противъ господствовавшаго въ ней до того времени слащаваго романтизма и узкаго шовинизма, разъяснялъ достоинства тогдашнихъ русскихъ писателей: Тургенева, Некрасова и др. Не боясь сыпавшихся на негоизъ Украйны обвиненій въ руссофильствѣ, онъ постоянно рекомендовалъ своимъ землякамъ и особенно молодежи вчитываться въ произведенія Бѣлинскаго, Добролюбова и др. корифеевъ русской литературы. Изъ его критическихъ изслѣдованій можно указать на „Шевченко, украинофилы и соціализмъ“, гдѣ онъ, оставаясь поклонникомъ высокаго поэтическаго творчества Шевченка, обличаетъ украинофиловъ въ слишкомъ шовинистическомъ отношеніи къ великому поэту, котораго они хотятъ сдѣлать пѣвцомъ прошлой славы Украйны и отворачиваются отъ его прогрессивныхъ соціальныхъ идеаловъ. Вообще въ „Громадѣ“ очень много прекрасныхъ основательныхъ ра-

ботъ Драгоманова, напримѣръ, „Народні школи на Украіні“, „Украіна і центри“ и др. Но „Громада“ перевозилась въ Украйну съ такими затрудненіями, имя ея редактора такъ пугало администрацію обоихъ сосѣднихъ государствъ, конфисковывавшихъ каждый попадавшійся имъ № этого журнала, что скоро пришлось отказаться отъ непроизводительной затраты силъ и денегъ на изданіе, которое было отдѣлено отъ своихъ читателей непроходимой пропастью. Только теперь одна за другою издаются отдѣльными брошюрками эти цѣнныя статьи, и Украйна знакомится съ лучшимъ своимъ политическимъ писателемъ черезъ 10 лѣтъ по его смерти. Послѣ закрытія „Громады“ Драгомановъ сталъ писать въ русскихъ революціонныхъ органахъ въ Женевѣ—„Вольное Слово“, „Свободная Россія“ и др. Въ концѣ 80-хъ годовъ послѣ долгаго бѣдствованія онъ получилъ каѳедру въ Болгаріи, въ Софійскомъ университетѣ. Тамъ онъ продолжалъ свои ученыя работы по фольклору и печаталъ въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворенія“ интересныя ученыя изслѣдованія по сравнительному изученію славянскихъ легендъ и вѣрованій. До конца своей многострадальной жизни онъ выяснялъ въ разныхъ галицкихъ органахъ волновавшіе его спорные украинско-національные вопросы: „Чудацьки думки“ и „Листи на наддніпрянську Украіну“ по своей талантливости особенно выдѣляются изъ этой литературы.

Драгомановъ былъ извѣстнымъ въ западной Европѣ ученымъ и талантливымъ политическимъ писателемъ, охватывавшимъ удивительно вѣрнымъ взглядомъ всѣ общественныя и политическія явленія жизни не въ одной Украйнѣ, а и во всей Россіи и въ Австріи. Для этого стоитъ прочитать его статьи: „Турки внутренніе и внѣшніе“, „Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ“ и др. Идеалистъ съ чистой отзывчивой душой, онъ старался во всѣ человѣческія отношенія внести правду и справедливость. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ“, часто писалъ и говорилъ М. П., и въ основѣ всякихъ партійныхъ программъ, прокламацій и т. п. никогда не допускалъ лжи и считалъ невыгоднымъ ни для какой партіи пользоваться какими-либо нечистыми способами для пропаганды своихъ убѣжденій. Убѣжденный позитивистъ, Драгомановъ до послѣдней минуты жизни работалъ и сохранялъ въ душѣ непоколебимую увѣренность въ силѣ знанія, научной истины и призывалъ украинскую молодежь именно въ нихъ искать вѣрнѣйшаго оружія для завоеванія себѣ и родинѣ своей освобожденія отъ духовнаго и матеріальнаго гнета. Въ 1906 г. русскія статьи М. П. Драгоманова были собраны изъ разныхъ заграничныхъ журналовъ и газетъ и были изданы въ Парижѣ *). Это изданіе даетъ возможность полнѣе ознакомиться съ широкими взглядами великаго украинскаго патріота. Несомнѣнно, когда будутъ изданы и его статьи, писанныя имъ по-украински, вліяніе Драгоманова отразится въ Украйнѣ самымъ плодотворнымъ подъемомъ

*) „Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“. Т. I и II. Изд. редакціи „Освобожденія“. Парижъ, 1905 г.

политическаго развитія ея населенія: вся его федеративная программа съ широкимъ развитіемъ мельчайшей областной ячейки явится тѣмъ демократическимъ идеаломъ, который всегда носился въ грезахъ лучшихъ украинскихъ героевъ-освободителей и составлялъ основу соціальнаго міросозерцанія Шевченка. Драгомановъ, дѣйствительно, самая крупная личность въ украинскомъ общественномъ движеніи 2-й половины XIX в. Литература вездѣ самый чуткій показатель общественнаго настроенія; въ Украйнѣ на ней ясно отразился тотъ поворотъ къ Европѣ, къ новымъ прогрессивнымъ идеаламъ, какой совершился въ украинствѣ подъ вліяніемъ Драгоманова. Отъ идеаловъ романтическаго хлопоманства украинскіе писатели переходятъ къ реальному народничеству, идутъ навстрѣчу соціализму, конституціонализму, федерализму. Та воля, о которой пѣлъ Шевченко, тѣ широкіе идеалы братолюбія и демократизма, какіе высказывались лучшими украинскими писателями, были наилучше истолкованы и популяризованы Драгомановымъ и поставлены имъ же на прочное научное основаніе. И Шевченко и Драгомановъ работали въ поискахъ вѣчныхъ началъ правды, истины и любви и поставили ихъ передъ своимъ народомъ, какъ незыблемые руководители для завоеванія народной воли и народнаго счастья. Оба звали свой народъ къ благородной борьбѣ за нихъ.

2.

Въ 1876 г. вышелъ особый правительственный указъ, болѣе извѣстный въ Украйнѣ подъ именемъ Юзефовичскаго закона — по имени главнаго доносителя о „сепаратистскихъ“ козняхъ украинофиловъ. Онъ осуждалъ на смерть всю украинскую литературу. Явился этотъ законъ какъ-то совершенно неожиданно и непослѣдовательно въ ходѣ исторической жизни Украйны: такъ, еще незадолго до него въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ печатались изслѣдованія, доказывавшія самостоятельность малорусскаго языка, а министръ народнаго просвѣщенія Головинъ находилъ неумѣстными уже и тѣ стѣснительныя условія, въ какія ставилъ украинскую литературу законъ 1863 г., и писалъ: „Если украинскія книги, дѣйствительно, вреднаго содержанія въ политическомъ или религіозномъ отношеніи, то цензура должна ихъ запретить, но запретить именно за заключающіяся въ нихъ мысли, а не за тотъ языкъ, какимъ онѣ написаны...“

Однако сыпавшіеся на украинцевъ доносы въ сепаратизмѣ оказали больше вліянія, чѣмъ ясная логика фактовъ. Тотъ же Катковъ, печатавшій въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статьи Кулиша—„Взглядъ на малороссійскую словесность“—теперь вдругъ забилъ тревогу. Въ началѣ 70-хъ годовъ Императорская Академія Наукъ выдала премію за трудъ Антоновича и Драгоманова—„Историческія пѣсни малороссійскаго народа“, а въ 1876 г. былъ уже закрытъ Юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества въ Кіевѣ и рѣшительно воспрещено всякое проявленіе украинской національности въ словѣ, въ пѣніи, въ драматическихъ представленіяхъ, въ устномъ и письменномъ языкѣ. Насколь-

В. И. Якоби. Привалъ арестантовъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

7

ко законъ 1876 г. билъ по самому больному мѣсту многомилліоннаго народа, видно изъ критики его самою администраціею: уже въ 1881 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Чертковъ подалъ по поводу этого указа новую докладную записку, гдѣ прямо говоритъ: „Установленныя по отношенію къ малороссійскому нарѣчію и музыкѣ ограниченія, имѣющія видъ недовѣрія къ народу, который ни своимъ прошлымъ, ни настоящимъ не подалъ къ тому никакого повода, не оправдываются, по моему мнѣнію, дѣйствительной необходимостью и служатъ только къ нежелательному раздраженію въ средѣ не только уроженцевъ и поклонниковъ мѣстной народности, но и вообще людей, не сочувствующихъ принципу безосновательныхъ стѣсненій, особенно при запрещеніи исполненія на малороссійскомъ нарѣчіи сценическихъ представленій и музыки“ *).

Продолжая по отношенію къ Украйнѣ свою политику личнаго каприза и произвола, русское правительство къ 80-мъ годамъ какъ-будто поопустило немного вожжи: по докладу министра народнаго просвѣщенія государемъ дозволено было Академіи Наукъ принять отъ Н. И. Костомарова 4.000 руб., какъ премію его имени за наилучшій украинскій словарь. Выходило непонятное противорѣчіе: украинскаго языка нѣтъ, въ указѣ 1863 г. даже было прямо сказано, что „никакого малороссійскаго языка *не было, нѣтъ и быть не можетъ*“ и что нарѣчіе (сіе), употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши *); права на существованіе этого „нарѣчія“ не признавались, но почему-то Императорская Академія озабочена изданіемъ словаря этого „языка“, и изданіе разрѣшается государемъ. Въ 1881 г. украинцамъ оказаны были и еще кое-какія милости: 1) разрѣшались къ печати беллетристическія произведенія, историческіе памятники, словари, сказки, народныя пѣсни; 2) пѣніе въ театрѣ, сценическія представленія,—хотя не иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія мѣстнаго генералъ-губернатора; отдѣльной труппы украинской еще содержать не разрѣшалось. Всѣ рукописи на украинскомъ языкѣ разсматривались только въ Петербургѣ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Два года продолжалось это лицемѣрное смягченіе строгости закона 1876 г., но секретный законъ оставался во всей силѣ и въ 1883 г. опять свирѣпѣетъ безъ всякой очевидной причины и задерживаетъ всякія украинскія, даже беллетристическія, рукописи, требуетъ въ нихъ русскаго правописанія, вычеркиваетъ изъ нихъ такія слова, какъ „украинскій“, „Украйна“ и т. п. невинныя выраженія.

Всѣ эти притѣсненія и издѣвательства, продолжавшіяся до самыхъ

---

*) См. журналъ „Украіна“, кн. 6, 1907 г., стр. 252: „Найближчі відгуки указа 1876 р.“ На конгрессѣ литераторовъ въ Парижѣ Драгомановъ представилъ докладъ объ этомъ указѣ и о всѣхъ преслѣдованіяхъ украинской литературы: „La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe“.

*) См. „Литер.-Наук. Вістник“. Львовъ, 1904 г. Статья Івана Кревецького: „Не было, нѣтъ и быть не можетъ!“ Стр. 129.

6⁷

послѣднихъ дней, *) не убили украинскаго творчества. Правда, были тяжелые годы, когда въ Украйнѣ все молчало, ни одной книги не появлялось на мелодичномъ языкѣ ея населенія; но подъ этимъ молчаніемъ жизнь не умирала, а подъ рукой была родная страна, поставленная въ болѣе счастливыя политическія условія—Галичина; она не отказалась сыграть для Украйны ту же роль, какую игралъ Пьемонтъ для Италіи, страдавшей до своего объединенія подъ гнетомъ иноземнаго правительства. Въ 1876 г. во Львовѣ на общія деньги украинцевъ и галичанъ сталъ выходить небольшой журналъ „Правда", гдѣ и стали печатать свои произведенія украинскіе писатели; но она по своему неопредѣленному направленію не удовлетворяла передовую украинскую интеллигенцію; вмѣсто нея стала выходить „Зоря" съ иллюстраціями, затѣмъ „Зорю" съ успѣхомъ замѣнилъ „Литературно-Науковый Вістник", издававшійся до 1907 г. во Львовѣ, а затѣмъ въ силу измѣнившихся въ Россіи цензурныхъ условій онъ перенесъ свое издательство и въ Кіевъ. Въ этихъ трехъ галицкихъ органахъ преимущественно появлялись художественныя произведенія украинскихъ писателей. Мало-по-малу, кромѣ чисто литературныхъ изданій, пробуждавшееся политическое самосознаніе украинцевъ затребовало и политическихъ печатныхъ органовъ. Такими были за послѣднія 25—30 лѣтъ украинскія радикальныя газеты: „Дѣло", „Батьківщина", „Буковина", „Свѣт", „Житте й Слово", „Хлібороб", „Народ", „Селянин" и др., явившіяся уже органами разныхъ соціалистическихъ партій, на какія дифференцировалась первая украинская радикальная партія. На мѣсто прежнихъ „украинофиловъ" — культурниковъ-націоналистовъ теперь выступаютъ украинцы разныхъ направленій—отъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ—между которыми все болѣе и болѣе теряется всякое объединяющее начало, какимъ раньше служила общая любовь къ Украйнѣ. Одной изъ наиболѣе близкихъ къ народной средѣ партіей въ концѣ 90-хъ годовъ въ Украйнѣ была такъ называемая Революціонная Украинская Партія. Она соединяла національныя стремленія съ соціалистическими и проводила свои принципы въ „Селянинѣ" и въ популярныхъ брошюрахъ, очень хорошо составленныхъ. Но дѣятельность этой партіи продолжалась недолго, и сама партія въ XX в. уже стала называть себя отдѣломъ соціал-демократической русской партіи.

Радикальные журналы и газеты однако съ большимъ трудомъ проникали изъ Галиціи въ Украйну, и даже самые невинные сборники сказокъ и стиховъ, какой-нибудь дѣтскій журналъ „Дзвінок", переводъ „Донъ Кихота"—все это становилось контрабандой согласно § 3 указа 1876 года. По временамъ украинцамъ удавалось выхлопотать у русской администраціи разрѣшеніе на полученіе изъ Галиціи той или другой газеты: „Дѣла", „Зорі", „Літературно-Наукового Вістника"—но такія милости всегда неожиданно отнимались при перемѣнѣ настроенія мѣстной русской администраціи. А внутри Украйны, конечно,

*) Секретный указъ 1876 г. былъ отмѣненъ только въ 1905 г.

не разрѣшалось никакихъ повременныхъ изданій, и только съ большимъ трудомъ въ 1882 году украинцы выхлопотали разрѣшеніе на изданіе на русскомъ языкѣ въ Кіевѣ историческаго журнала „Кіевская Старина". Этотъ журналъ далъ за 25 лѣтъ своей литературной жизни массу цѣннаго матеріала, и сырого и обработаннаго, по исторіи, этнографіи и литературѣ Украйны. Въ 90-хъ годахъ въ „Кіевской Старинѣ" разрѣшено было помѣщать беллетристику на украинскомъ языкѣ, а въ 900-хъ годахъ позволялось помѣщать критическіе и публицистическіе очерки, но на русскомъ языкѣ. Много выдающихся украинскихъ писателей начали свою дѣятельность на страницахъ „Кіевской Старины"; между прочимъ первое мѣсто среди критиковъ украинской литературы занялъ С. Ефремовъ своими критическими статьями: „На мертвой точкѣ", „Пѣвецъ борьбы и контрастовъ", „Поэтъ-гражданинъ" и др. Вокругъ „Кіевской Старины" долгое время объединялись украинскіе писатели и организовали большой и почти единственный книжный складъ украинскихъ книгъ, обслуживающій и теперь духовныя потребности Украйны на родную книгу. Профессоръ Грушевскій такъ характеризуетъ кружокъ „Кіевской Старины": онъ предоставилъ „политическую и общественную работу общеимперскимъ элементамъ, считая для украинцевъ обязательнымъ производить надстройку надъ этой работой въ видѣ изученія Украйны, сохраненія традицій украинскаго языка и литературы, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ (для „домашняго употребленія", какъ говорилось), которые бы не вызвали упрековъ въ сепаратизмѣ" *). Эта характеристика указываетъ, въ какихъ скромныхъ размѣрахъ только и возможна была даже культурная работа въ Украйнѣ того времени. Но литературная иниціатива не замерла окончательно: на частныя средства въ разныхъ городахъ Украйны время отъ времени выходили альманахи художественныхъ произведеній: „Рада" въ Кіевѣ, „Луна" въ Одессѣ, „Складка" въ Харьковѣ**), „Степ" въ Херсонѣ и др. Въ нихъ помѣщались украинскіе и русскіе разсказы, повѣсти, статьи. Какъ ни были бѣдны эти сборники, какъ ни рѣдко появлялись они на свѣтъ Божій, въ нихъ часто билъ живой источникъ творчества, выступали богатыя дарованья угнетенной, но не умирающей украинской литературы. То были яркія блестки на темномъ фонѣ безпросвѣтнаго страданья, и онѣ вливали живительную струю въ украинское общество, поддерживали вѣру въ свои національныя силы. Еще болѣе могучій подъемъ общественнаго настроенія совершила украинская сцена съ ея выдающимися артистами—М. К. Заньковецкой, г-жей Затыркевичъ, А. К. Саксаганскимъ, М. К. Садовскимъ, М. К. Кропивницкимъ и недавно помершимъ И. К. Карпенко-Карымъ. Яркимъ метеоромъ появлялась эта блестящая та-

---

*) См. ст. Грушевскаго: „Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX столѣтіи". „Украинскій Вѣстникъ", № 9, 1906 г. СПб.

**) „Складка" была издана и составлена главнымъ образомъ В. Александровымъ, авторомъ очень поэтичныхъ переводовъ на украинскій языкъ псалмовъ Давида—„Тихомовні співи на святі мотіви".

лантами труппа въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Украйны и вносила въ замиравшее общество горячую струю національнаго искусства, народной жизни съ ея героями, ея страданіями и радостями. Населеніе, терявшее свое самосознаніе, оживало, слушая свою родную рѣчь, свое духовное „я“, такъ художественно воплощенное въ образы прекрасной игрой даровитыхъ артистовъ. Съ подмостковъ наскоро устраиваемыхъ украинскихъ театровъ въ могучихъ и нѣжныхъ переливахъ звучала родная рѣчь, та самая, которой,по мнѣнію администраторовъ края, „нѣтъ, не было и не будетъ!“ Изъ глубины того самаго народа, на уста котораго русское правительство надѣло цѣпь, выходили великіе властители слова, и ихъ могучая страстная игра покорила самыхъ строгихъ цѣнителей искусства въ обѣихъ избалованныхъ столицахъ Россіи. Велико было значеніе первыхъ корифеевъ украинскаго театра: своимъ чарующимъ голосомъ М. К. Заньковецкая нарушила сонъ, въ какомъ ужъ 10 лѣтъ спала ея родина; въ игрѣ Садовскаго и Саксаганскаго ожили народные герои, борцы за волю, всталъ во весь ростъ многострадальный украинскій пахарь, вспомнилась вся тяжкая многовѣковая неправда, въ какой жизнь для украинскаго народа становилась все мучительнѣе, а народный юморъ ярко отразился въ мастерской игрѣ Кропивницкаго, главнаго организатора украинской сцены.

Правительство поняло всю опасность для его политики „искорененія“ отъ украинскаго театра и всѣми силами стало его преслѣдовать: оно воспрещало драматическія украинскія представленія на всей территоріи коренного украинскаго населенія въ Юго-западномъ краѣ; отъ антрепренеровъ требовалось содержаніе двойныхъ труппъ — русской и украинской, и украинскія пьесы допускались только во хвостѣ русскихъ спектаклей; драматическая цензура запрещала всѣ лучшія драматическія произведенія, какія ей посылались, а умышленно разрѣшала самыя бездарныя вещи, какія могли только дискредитировать украинскую сцену. Но безсильны оказались всѣ бюрократическіе происки передъ силой таланта, и на ряду съ поднявшимся общественнымъ движеніемъ украинская труппа завоевала Петербургъ и расширяла годъ отъ году свою территорію; бездарныя пьесы смѣняются сильными художественными произведеніями; въ Украйнѣ создался такой истинно народный и высоко художественный театръ, какому можетъ позавидовать и великорусскій народъ.

Разъ начавшееся пробужденіе украинскаго общества все усиливается въ теченіе всего конца XIX в. Литература развивается и крѣпнетъ, пользуясь всякими попустительствами цензуры; новые сильные поэты и повѣствователи даютъ ей разнообразные оттѣнки. Многія земства (конечно, стараго типа) возобновляютъ ходатайства о допущеніи украинскаго языка въ школу: черниговское, полтавское, херсонское. Начинаетъ снова создаваться украинская популярная литература, организуются народныя книгоиздательства: въ Черниговѣ (изданія Гринченка), въ Петербургѣ (Благотворительное Общество для изданія полезныхъ книгъ на украин-

скомъ языкѣ), въ Харьковѣ. Но администрація продолжала не признавать украинства, украинскаго языка: на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ она оскорбила пріѣхавшихъ галицкихъ ученыхъ, запретивъ имъ читать свои доклады на украинскомъ языкѣ; такимъ образомъ работы извѣстныхъ въ Европѣ ученыхъ не имѣли для русской администраціи никакой цѣнности, разъ онѣ были написаны на украинскомъ языкѣ, хотя имъ говорятъ милліоны русскихъ гражданъ. Но на праздникѣ Котляревскаго въ Полтавѣ, на юбилеѣ Лысенко въ Кіевѣ украинская рѣчь уже завоевала себѣ (въ первые годы XX вѣка) право гражданства, и даже сенатъ послѣ скандала, происшедшаго отъ запрещенія украинскихъ рѣчей на праздникѣ Котляревскаго, призналъ право украинцевъ говорить публично на своемъ языкѣ. Украйна возрождалась; если въ 60-хъ годахъ украинскіе издатели рѣшались издавать украинскія книги въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что даже первый „Кобзарь“ Шевченка, изданный въ 3.000 экземплярахъ, расходился въ теченіе 10 лѣтъ, то въ концѣ XIX в. 10.000 того же „Кобзаря“, изданнаго въ Кіевѣ, раскупились уже за три года, а послѣднее петербургское—первое полное изданіе „Кобзаря“—разошлось въ полгода (1907 г.) въ томъ же количествѣ (10.000). Новое литературное изданіе „Вік“ — въ трехъ томахъ, несмотря на высокую цѣну, было распродано по подпискѣ еще до выхода въ свѣтъ—3.000 экземпляровъ. Нѣкоторыя популярныя книжечки, издаваемыя Петербургскимъ Украинскимъ Обществомъ, печатаются уже въ числѣ 25 тысячъ экземпляровъ. Создался украинскій читатель и въ городахъ и въ селахъ, и, несмотря на продолжающіяся преслѣдованія, украинская книга проникаетъ въ село.

Общественное и научное оживленіе охватило и Галицію въ концѣ XIX в. Существовавшее во Львовѣ съ 70-хъ годовъ „Наукове Товариство имени Т. Г. Шевченка“ преобразовывается въ 1892 г. и подъ руководствомъ профессора исторіи при Львовскомъ университетѣ — украинца М. Грушевскаго, издаетъ рядъ очень интересныхъ и цѣнныхъ трудовъ по исторіи, этнографіи Галиціи и ея старой письменности. Выходятъ въ свѣтъ одинъ за другимъ выпуски „Исторіи Украіни-Руси“ Грушевскаго; во Львовскомъ университетѣ образуется 8 каѳедръ съ украинскимъ языкомъ преподаванія, открываются 4 украинскія гимназіи и до 20 газетъ и журналовъ выходитъ на украинскомъ языкѣ во Львовѣ, Черновцяхъ, Вашківцяхъ, Коломыѣ и др. городахъ. Въ „Літературно-Науковомъ Вістникѣ“, подъ редакціею Франко принимаютъ участіе лучшія силы австрійской и русской Украйны. Возникаетъ движеніе среди галицкихъ женщинъ; на женское образованіе австрійское правительство давало очень мало средствъ, и талантливая галицкая писательница Кобринськая ходатайствуетъ передъ вѣнскимъ правительствомъ о допущеніи украинокъ къ среднему и высшему образованію. Кружки женщинъ-писательницъ издаютъ свои альманахи и т. п.

Таковы въ общихъ чертахъ главные моменты общественнаго національно-культурнаго и политическаго

движенія въ Украйнѣ во 2-й половинѣ XIX в. Подавляемое общественное сознаніе послѣ каждой правительственной репрессіи поднималось со все болѣе и болѣе уяснявшеюся и опредѣлявшеюся программой національной работы. Романтическое хлопоманство мало-по-малу переходитъ сначала въ украинофильство, сторонившееся активной политической дѣятельности и державшееся одной культурной задачи—изученія своей народности и сохраненія народнаго языка; затѣмъ, подъ вліяніемъ Драгоманова украинство принимаетъ болѣе опредѣленную политическую и соціальную программу и сближается со всѣми борющимися за свободу партіями Россіи. Это драгомановское направленіе М. Грушевскій характеризуетъ въ общественной сферѣ, какъ „эволюціонный соціализмъ съ сильнымъ народническимъ оттѣнкомъ", а въ сферѣ политической—какъ демократическій федерализмъ: „перестройка на федеративныхъ началахъ современной Россіи съ областной національной автономіей во главѣ угла". Подойдя къ необходимости національно-политической борьбы, украинство неизбѣжно разбилось на разныя соціально-политическія партіи, идущія рука объ руку съ однородными русскими партіями; къ сожалѣнію, подъ давленіемъ послѣднихъ слишкомъ часто затемняются національныя задачи, безъ разрѣшенія которыхъ украинскій народъ не можетъ свободно итти къ соціально-политическому переустройству своей жизни.

Всѣ эти общественныя теченія ярко отразились на новѣйшей украинской литературѣ, и разные писатели выступили выразителями послѣдовательныхъ моментовъ духовнаго возрожденія Украйны.

3.

Во второй половинѣ XIX в. въ украинской литературѣ обозначилось нѣсколько направленій, отразившихся какъ на ея прозѣ, такъ и на поэзіи: рядомъ съ бытописателями-народниками выступили талантливые импрессіонисты и символисты, а среди бытописателей выдѣлились, съ одной стороны, реалисты съ романтическимъ оттѣнкомъ изображенія народной жизни, съ другой—реалисты съ рѣзкимъ соціально-обличительнымъ направленіемъ. Одни художники дали цѣльныя большія картины народной жизни, другіе рисовали отдѣльные яркіе образы, знаменательные моменты и эпизоды изъ этой жизни. Всѣ эти направленія распредѣлялись главнымъ образомъ среди трехъ послѣдовательныхъ поколѣній украинскихъ писателей 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ. Къ первой группѣ относятся такіе крупные таланты, какъ И. Левицкій, А. Мирний, А. Свидницкій, поэты Щеголевъ и Руданскій, писатель Буковины Федьковичъ. Ко второму поколѣнію принадлежатъ не менѣе яркія дарованія Коцюбинскаго, Франка, Марковича, Бурдуляка, Яновской, Гринченко и др. поэтовъ и писателей и, наконецъ, самые молодые писатели, выступившіе въ концѣ XIX в.: Стефаникъ, Грегоренко, Крымскій, Винниченко и др. Въ сторонѣ отъ этихъ реалистовъ стоятъ символисты—Днипрова Чайка, Хоткевичъ, Кобилянская—и драматическіе писатели: недавно скончавшійся въ Берлинѣ Карпенко-Карый,

Тобилевичъ и др. Многіе изъ этихъ именъ по своимъ талантамъ и высотѣ художественнаго развитія могли бы украсить любую европейскую литературу.

Среди народниковъ-реалистовъ особенно выдается талантливый романистъ и разсказчикъ переходной эпохи А. Мирный, извѣстный авторъ перваго соціальнаго украинскаго романа—написаннаго подъ сильнымъ вліяніемъ Драгоманова—„Хиба ревуть воли як ясла повні?“ Эта талантливая эпопея изъ жизни украинскаго села въ эпоху освобожденія крестьянъ была сначала напечатана въ Женевѣ (въ 1879 г.) и долгое время была въ Украйнѣ запретной контрабандой. За свою яркую окраску соціальныхъ условій жизни крестьянства романъ и въ Австріи подвергался преслѣдованію и только въ самое послѣднее время появился на страницахъ „Кіевской Старины“ уже подъ другимъ заглавіемъ „Пропащі сили“. Эта повѣсть занимаетъ совершенно особое мѣсто въ украинской литературѣ. Задумана она въ стилѣ эпопеи, выясняющей характеръ главнаго героя цѣлой совокупностью соціальныхъ условій, наслѣдственной передачею цѣлаго комплекса національно-родовыхъ душевныхъ свойствъ. Чипко—это борецъ, не разбирающій средствъ борьбы, затаившій въ своей сильной отзывчивой душѣ все наслѣдіе вѣковой ненависти къ панству, къ неволѣ, къ несправедливости; это украинскій гайдамака. Онъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ жалкимъ существованіемъ, какое считается нормальной жизнью крестьянина, жизнью безъ вѣрнаго куска хлѣба, безъ правъ, ограждающихъ личное достоинство труженика. Чипко хочетъ большаго, онъ считаетъ себя вправѣ желать болѣе обезпеченной, болѣе яркой жизни, но онъ не знаетъ другихъ способовъ для ея завоеванія, кромѣ грабежа, убійства, удалого воровства. Онъ жаждетъ сильныхъ ощущеній, удачи, легкой наживы — и погибаетъ. Рядомъ съ нимъ проходитъ жизнь, полная страданія и самоотреченія его матери Мотри, жизнь полная страха, тревоги его красавицы жены, и всѣ эти характеры такъ же, какъ и типы другихъ болѣе уравновѣшенныхъ крестьянъ-хозяевъ, проходятъ такъ ярко передъ читателемъ среди художественныхъ картинъ мѣстной природы. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ этого романа особенно хороши дѣтскіе годы Чипко, его встрѣча съ любимой дѣвушкой (Полева царівна), картинка пастбища и маленькихъ сельскихъ пастушковъ и эпизоды изъ жизни села и угрожающей ему разбойнической шайки. Разбой является и до сихъ поръ выходомъ для наиболѣе одаренныхъ, непокорныхъ натуръ среди съ каждымъ годомъ все болѣе бѣднѣющаго украинскаго населенія.

Въ основѣ творчества Мирного лежитъ глубокая вдумчивость и пониманіе народныхъ характеровъ. Особенно тонкимъ психологическимъ анализомъ отличается его разсказъ „Пьяниця“, гдѣ выведенъ юноша слабый, болѣзненный, по окончаніи гимназіи страстно стремившійся къ наукѣ, къ университету, но по волѣ родителей попадающій на службу въ мелкіе чиновники. Тоска и неудовлетворенность жизнью приводятъ къ трагическому концу: юноша спи-

вается. Хорошо обрисованы у Мирного типы крестьянъ—протестантовъ, борющихся противъ крѣпостного права, противъ своего безправія уходомъ въ разбойники,—Чипко и его друзья. Прекрасны у Мирного любящіе образы женщинъ, самоотверженныхъ труженицъ, своею ласкою обогрѣвающихъ семью; лучшими произведеніями, кромѣ вышеуказанныхъ, считаются „Морозко" — рождественская сказка, описывающая трагическую судьбу мальчика, замерзающаго въ лѣсу въ чудную лунную зимнюю ночь,—„Лихо давне і сёгочасне", гдѣ деморализованная на панскомъ дворѣ Марина, оставшись безъ родного угла и безъ куска хлѣба, находитъ трогательнаго покровителя въ суровомъ старикѣ-чабанѣ. Мирному особенно удаются типы борцовъ и типы одинокихъ, среди природы выросшихъ пастуховъ. Владѣя прекрасно народнымъ языкомъ, Мирный очень красиво перевелъ на украинскій языкъ поэму Лонгфелло „Гайавата", но пока напечатано только нѣсколько ея пѣсенъ *). Мирный и Левицкій въ своихъ произведеніяхъ дали цѣльную картину жизни Украйны передъ освобожденіемъ и непосредственно послѣ него. Но между тѣмъ какъ образы Мирного какъ бы выведены глубокимъ рѣзцомъ скульптора, и выпуклыми фигурами выступаютъ на темномъ фонѣ окружающей ихъ дѣйствительности, произведенія Левицкаго скорѣе напоминаютъ эскизы живописца, художника. Въ нихъ часто слишкомъ много подробностей, повѣсти растянуты, темы повторяются. Правда, Левицкій написалъ очень много и писалъ въ самое трудное время для украинской литературы (были такіе годы, когда одни его произведенія напоминали украинскому обществу о его родной литературѣ). Мирный вездѣ вскрываетъ глубокія нѣдра народнаго горя, онъ проникаетъ въ его соціальныя причины, онъ страдаетъ отъ тѣхъ условій жизни, какія гонятъ Чипка на грабежъ, разрушаютъ счастье Варки (въ повѣсти „Лихий попутав"). Онъ является выразителемъ очень цѣльнаго народническаго міросозерцанія, въ основѣ котораго лежитъ прежде всего трудовое начало жизни и удовлетвореніе трудящихся массъ. Это направленіе является предтечей соціализма. Левицкій ограничивается объективнымъ реализмомъ: онъ прекрасно знаетъ народную жизнь и пишетъ то, что въ ней видѣлъ; ему одинаково дорога и ссорящаяся со всѣмъ селомъ баба Параска, и типъ бѣглаго, уходящаго отъ крѣпостной неволи, Миколы Джери, и малышъ мальчикъ Вѣтрогонъ, заночевавшій въ канавѣ подъ мостомъ. Онъ силенъ въ своемъ реализмѣ, въ своемъ вѣрномъ знаніи природы и людей Украйны, но въ его произведеніяхъ нѣтъ опредѣленнаго взгляда на соціальные вопросы. Онъ больше національный реалистъ, чѣмъ соціальный художникъ. Ефремовъ, являющійся самымъ серьезнымъ критикомъ украинской литературы, отводитъ И. Левицкому особое мѣсто среди украинскихъ писателей: „Натура въ высшей степени спокойная", говоритъ о немъ Ефремовъ: „уравновѣшенная, Левицкій былъ свободенъ въ своей дѣятельности отъ той неровности и

*) См. Сборникъ на память Котляревскому. Кіевъ. 1904.

нервности, какою отличались почти всѣ наши выдающіеся писатели". Онъ не кидался изъ стороны въ сторону, не размѣнивался на мелочи, а творилъ регулярно, систематически, выпуская въ свѣтъ одну повѣсть за другою, почти не дѣлая антрактовъ, не считаясь ни съ какими внѣшними давленіями. Вся правобережная Украйна ярко рисуется имъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ и повѣстей изъ народной жизни: „Рибалка Панас Круть", „Бурлачка", „Микола Джеря", „Кайдашева сімья", „Дві московки" и др. Его большая хроника-романъ „Старосвітськи батюшки і матушки" и небольшая повѣсть „Поміж ворогами" (Среди враговъ) даютъ очень полную картину нравовъ украинскаго духовенства въ ту переходную эпоху, когда священники, назначаемые архіереями, по своему произволу смѣнили прежнихъ „батюшекъ", избираемыхъ въ Украйнѣ всѣмъ приходомъ. Конечно, эта реформа, нарушивъ прежнія патріархальныя отношенія между клиромъ и прихожанами, внесла много разлада и розни, сдѣлавъ назначенныхъ часто совершенно чужими населенію, священниковъ больше чиновниками, отбывающими съ наибольшей прибылью требы, чѣмъ духовными пастырями селянъ. Въ двухъ повѣстяхъ —„Хмари" и „Причепа", обрисованы нравы украинской правобережной интеллигенціи и ея отношенія къ великорусскимъ слоямъ общества (въ „Хмарахъ") и къ польскимъ (въ „Причепѣ"). Въ „Бурлачкѣ" впервые на украинскомъ языкѣ дана картинка жизни рабочихъ на украинскихъ сахарныхъ заводахъ. Многія вещи И. Левицкаго могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія своей образностью, красотой описаній природы и прекраснымъ чисто народнымъ языкомъ. И. Левицкій явился однимъ изъ первыхъ популярныхъ писателей для народа, и надолго сохранятъ свою цѣнность его историческія брошюрки „Перші киівськи князі", „Унія і Петро Могила" и др. Большинство произведеній И. Левицкаго, несмотря на ихъ вполнѣ уравновѣшенный тонъ, казались подозрительными россійской цензурѣ и печатались въ Галиціи; только въ 1899 г. авторъ получилъ возможность издать въ Кіевѣ полное собраніе своихъ сочиненій въ трехъ большихъ томахъ.

Первымъ художникомъ-реалистомъ въ Галиціи явился буковинскій писатель О. Федьковичъ. Съ нимъ познакомилъ украинцевъ Драгомановъ, издавшій его повѣсти въ Кіевѣ какъ разъ передъ указомъ 1876 г. Въ историко-литературномъ предисловіи къ этимъ повѣстямъ Драгомановъ разъясняетъ тогдашнее положеніе украинства въ Галиціи и истинныя заслуги Федьковича, рѣшившагося писать на простомъ народномъ языкѣ, вмѣсто того „макароннаго", несуразнаго языка, какой считали литературнымъ москвофилы. „Сынъ простого гуцула, Федьковичъ захотѣлъ писать тѣмъ языкомъ, какой слышалъ въ дѣтствѣ. Казарма, гдѣ онъ отбывалъ долгіе годы военной службы, не извратила чистыхъ дѣтскихъ воспоминаній и, выйдя изъ нея, онъ сталъ писать,—говоритъ Драгомановъ,—на томъ самомъ языкѣ, на какомъ ему пѣла пѣсни его мать, и такъ, какъ говорили кругомъ него". Его разсказы, это—простыя воспоми-

нанія о матери, о сестрахъ, о сосѣдяхъ. Въ нихъ много задушевности, художественной простоты и непосредственной прелести. Они украсили истинными перлами прозябавшую въ искусственности тогдашнюю галицкую литературу и вывели ее на путь того реальнаго демократизма, который характеризуетъ украинское творчество. Лучшими разсказами Федьковича можно считать: „Хто винен?“ (переводился много разъ на русскій языкъ) „Сафат Зінич“, „Побратим“, „Три, як рідні брати“. Особенно талантливо рисуетъ Федьковичъ долю „жовніра“-солдата, горе оставленныхъ имъ одинокихъ стариковъ, отца и матери, остающихся безъ сына-работника. Подъ конецъ жизни Федьковичъ однако сошелъ съ пути реализма и впалъ въ романтизмъ, сталъ писать много стиховъ,—балладъ, фантазій, лишенныхъ искренней задушевности его разсказовъ. Подражая Шевченко, но не обладая въ такой же степени поэтическимъ даромъ, Федьковичъ однако считалъ себя буковинскимъ Шевченкомъ. Лучше другихъ написаны патріотическія, посвященныя его любимой родинѣ и написанныя въ стилѣ народныхъ пѣсенъ. Остальныя стихотворенія мало прибавятъ къ славѣ буковинскаго разсказчика *).

Къ писателямъ 70-хъ годовъ слѣдуетъ отнести и Анатолія Свидницкаго, о которомъ уже упомянуто было въ предыдущей главѣ. Онъ умеръ молодымъ въ самый лютый періодъ преслѣдованій украинской литературы и не имѣлъ счастья видѣть свои произведенія въ печати. Въ „Основѣ“ были напечатаны только его стихи „Горлица“, бывшіе весьма популярными въ его время, и прекрасный этнографическій очеркъ „Велик день у Подолян“. Большой же его бытовой романъ „Люборацьки“ такъ и остался у него въ рукописи. Онъ умеръ никому неизвѣстный въ 1871 г., а въ 1885 г. всѣ зачитывались его „Люборацькими“, напечатанными въ галицкой „Зорі“; но въ Украйнѣ этотъ романъ впервые былъ напечатанъ отдѣльной книгой книгоиздательствомъ „Вік“ въ Кіевѣ уже въ 1901 году *).

Въ такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ пришлось работать и одному изъ лучшихъ украинскихъ поэтовъ того времени — Руданскому. Большинство его произведеній было напечатано уже послѣ его смерти, а полнаго собранія его лирическихъ стихотвореній до сихъ поръ не вышло въ свѣтъ. Руданскій особенно любилъ высказываться короткими пѣснями-стихами, такъ называемыми „співомовками“, проникнутыми глубокимъ чувствомъ. Эти „Співомовки“ были изданы Оленой Пчілкой **). Многія изъ стихотвореній Руданского проникнуты этическимъ содержаніемъ въ чисто народномъ духѣ и пользуются большой популярностью, какъ напримѣръ „Наука“, гдѣ юношѣ, уходящему изъ родного села,

*) О Федьковичѣ см. Барвинскій. Огляд життя і творів Федьковича. Ватра. Заклинській.—Спомини про Федьковича. „Литературно-Науковый Вістник“, 1901, кн. I и II.

*) См. Петровъ.—А. П. Свидницкій. „Историческій Вѣстникъ“, годъ III, т. IX.

**) Изданіе Олены Пчілки въ Кіевѣ въ 1880 г. Поданныя же самимъ авторомъ въ 1860 г., эти „Співомовки“ пролежали безплодно въ русской цензурѣ до самой смерти поэта.

отецъ и мать даютъ совѣты для руководства въ открывающейся передъ нимъ новой жизни: мать учитъ сына смиренію передъ старшими, передъ начальствомъ, чтобы оно наградило его матеріальнымъ довольствомъ. Отецъ, наоборотъ, строго приказываетъ сыну сохранять свое достоинство отъ униженія, всю жизнь служить одной правдѣ и жить не чужой милостью, а трудомъ рукъ своихъ. Кромѣ „Науки“ очень популярны въ Украйнѣ и другія стихотворенія Руданского— сатирическаго характера „Студентъ“ и народно-лирическія: „Гей, бики“, „Повій, вітре, на Вкраїну“ и др. Еще бо̀льшее литературное значеніе будетъ имѣть изданіе его перевода „Иліады“ Гомера, изъ котораго теперь только отдѣльныя пѣсни были напечатаны въ галицкомъ журналѣ „Правда“. Стихи перевода очень звучны и красивы.

Въ „Основѣ“ начиналъ писать другой поэтъ того же времени—Щеголевъ, оставившій послѣ себя два цѣнные сборника лирическихъ произведеній „Ворскло“ и „Слобожанщина“. Щеголевъ принадлежалъ къ школѣ поэтовъ-этнографовъ 60-хъ годовъ. Прекрасно знакомый съ народнымъ бытомъ Харьковской губерніи, народникъ по настроенію скорѣе, чѣмъ по убѣжденіямъ, онъ очень художественно и вѣрно изображаетъ самыя мелкія подробности жизненной обстановки украинскаго крестьянина, его горькую долю, его славное прошлое. Прекрасны его стихотворенія: „Ткач“, „Шинок“, „Косарь“, „Пожега“ и др. Первое его лирическое стихотвореніе „Гей у мене був коняка!“, напечатанное въ „Хатѣ“ (сборникѣ, изданномъ Кулишомъ), было положено на музыку и въ свое время пользовалось бо̀льшой популярностью. Кромѣ бытовыхъ картинокъ, съ большимъ чувствомъ написаны у Щеголева стихотворенія, посвященныя печальной судьбѣ крестьянскихъ дѣтей, напримѣръ, „Баю-баю“, „Вівчарик“ (пастушокъ) „На могилі“, и др. Вообще первый сборникъ стихотвореній Щеголева — „Ворскло“ въ художественномъ отношеніи выше второго „Слобожанщина“, изданнаго уже на склонѣ лѣтъ поэта. Но вездѣ цѣнится въ стихотвореніяхъ Щеголева*) его прекрасный, чистый украинскій языкъ. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ его стихотвореніями можно поставить только басни извѣстнаго украинскаго баснописца Леонида Глѣбова. Самъ родомъ изъ Полтавщины, Глѣбовъ почти всю свою жизнь до самой смерти прожилъ въ Черниговѣ, гдѣ недолгое время редактировалъ „Черниговскій Листокъ“, выходившій въ 1861—1863 гг. на двухъ языкахъ—на русскомъ и на украинскомъ. Кромѣ Глѣбова, въ этой мѣстной газетѣ принимали дѣятельное участіе А. Конисскій, Кулишъ и Номисъ (извѣстный этнографъ). Хотя газета была самаго невиннаго содержанія— записи мѣстнаго фольклора, басни, разсказы, мѣстная хроника, — но она показалась начальству подозрительной; Глѣбова за его „украинофильство“ прогнали съ должности въ черниговской гимназіи, гдѣ онъ былъ учителемъ. Только земская служба (въ земской типографіи) до конца жизни давала очень скромный зара-

*) О Щеголевѣ см. статьи Г. Хоткевича въ „Литературно-Науковомъ Вістникѣ“. 1898 г., кн. VIII и IX.

ботокъ, едва хватавшій для прокормленія семьи поэта. Къ концу жизни его постигло большое несчастіе—онъ потерялъ зрѣніе и хотя продолжалъ работать, но свои басни, стихи и короткіе разсказы долженъ былъ диктовать сыну, не имѣя возможности самому записывать то, что вставало въ свѣтлой фантазіи слѣпца. Его басни являются такими художественными переводами басенъ Крылова, Эзопа, Лафонтена и другихъ баснописцевъ, что онѣ являются у Глѣбова совершенно національзированными передѣлками, а не рабскими переводами. Въ нихъ очень много колорита, яркости пейзажа, движенія. Кромѣ переводовъ у него есть и оригинальныя басни, напримѣръ, „Малеваний Стовп". Если этическое міровоззрѣніе у Глѣбова и уже, чѣмъ у Гребенки, то языкъ Глѣбова такъ хорошъ во всей своей образности и простотѣ, что сельскіе читатели цѣнятъ его „байки" очень высоко и говорятъ о немъ тоже очень образно: „так пише, мов тобі ріпу жуйе!" Кромѣ басенъ, Глѣбовъ писалъ много дѣтскихъ загадокъ и поэтически разработанныхъ поговорокъ, стиховъ, прибаутокъ, которые печатались въ галицкомъ дѣтскомъ журналѣ „Дзвінок". Лучшими баснями Глѣбова можно назвать: „Кіт и Щука", „Вареники", „Вовк та ягня", „Билина" и др. Басни его печатались въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", а потомъ выходили нѣсколько разъ отдѣльными изданіями въ 1863, 1872, 1882 и 1895 гг. Послѣднее самое полное изданіе вышло уже послѣ смерти украинскаго очень популярнаго на своей родинѣ баснописца *).

Переходя къ литературѣ 80-хъ годовъ, необходимо отмѣтить, что эти годы были одной изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ для украинской общественности и ея литературы, когда вся сознательная Украйна стремилась выйти изъ своего унизительнаго положенія глухонѣмой націи, какою насильно дѣлалъ ее законъ 1876 г. Въ такое время ея писателямъ приходилось быть не только художниками слова, а и гражданами, борцами за его свободу, вождями общественной мысли Украйны. Благодаря такому положенію литературнаго дѣла лучшіе писатели Украйны не могли отдаваться исключительно своему художественному творчеству, а должны были браться и за публицистику, и за популяризацію науки, работать спѣшно, одному за десятерыхъ, направляя свои главныя усилія на организаціонную работу. Конечно, литературныя достоинства ихъ творчества отъ этихъ условій жизни страдали, но украинская общественная жизнь и ея національное самосознаніе много обязаны этимъ разностороннимъ писателямъ, среди которыхъ первыя мѣста принадлежатъ Франко, Старицкому, Гринченко и Конисскому.

Иванъ Франко безспорно является одной изъ выдающихся фигуръ всего славянскаго міра этого времени: въ немъ соединились и сильное художественное дарованіе, и выдающійся талантъ публициста, соединенные съ неуклонной настойчивостью и энер-

*) О Глѣбовѣ см. брошюрку М. Загорной и Б. Гринченко—„Л. И. Глѣбовъ". Черниговъ. 1900 г. Лукичъ. — Л. Глѣбовъ. „Зоря". 1891 г. № 7. Львовъ, а также у Огоновскаго, т. II. 1, стр. 292.

гіей, всецѣло направленными на служеніе родному народу для его просвѣщенія, для развитія его національнаго и политическаго сознанія. Сынъ бѣднаго галицкаго кузнеца, Франко въ теченіе всей своей жизни прошелъ тяжелую школу нужды, бѣдности, безправности. Но всегда, въ самыя мрачныя минуты жизни, онъ оставался вѣренъ своей главной цѣли—народному благу, народному возрожденію, и всегда орудіемъ для достиженія этой цѣли Франко признавалъ прежде всего науку. Народникъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ понималъ, что задача каждаго искренняго народника — работать совмѣстно съ народомъ: „плугъ—вотъ наша сила, просвѣщеніе—въ немъ наша будущность", говоритъ Франко. Онъ очень характерно самъ говоритъ о своемъ патріотизмѣ: „Какъ сынъ украинскаго мужика, вскормленный чернымъ мужицкимъ хлѣбомъ и трудомъ грубыхъ мужицкихъ рукъ, я обязанъ собственнымъ трудомъ цѣлой жизни выплатить тѣ гроши, которые истратила мужицкая рука, чтобы я могъ достигнуть вершины, гдѣ свѣтло, гдѣ благоухаетъ свобода и сіяютъ общечеловѣческіе идеалы. Мой украинскій патріотизмъ—это не одно лишь чувство и поэзія, а тяжелое бремя, возложенное на мои плечи судьбою. Я могу сгибаться подъ его тяжестью, могу исподтишка проклинать судьбу за то, что она возложила на мои плечи это бремя, но скинуть его и искать другой родины я не могу, потому что это было бы подлостью передъ собственной моей совѣстью. И если что облегчаетъ мнѣ ношеніе этого бремени, такъ это видъ украинскаго народа, который, въ теченіе долгихъ столѣтій испытывая лишь гнетъ, темноту и деморализацію и въ настоящемъ убогій, слабый и безпомощный, начинаетъ тѣмъ не менѣе понемногу возрождаться, ощущать все въ сильнѣйшей степени жажду свѣта, правды и справедливости и искать путей къ нимъ. Конечно, слѣдуетъ работать на пользу этого народа, и никакой искренній трудъ для него не пойдетъ прахомъ". Въ этихъ словахъ,—столь же простыхъ, сколько и глубокихъ, — весь Франко. Роль его въ возрожденіи Галиціи*) велика: ни тюрьма, ни самыя ожесточенныя преслѣдованія администраціи, ни горькая нужда и одиночество—ничто не останавливаетъ его: онъ идетъ своимъ путемъ и работаетъ надъ воспитаніемъ всѣхъ слоевъ общества своего родного края; онъ всѣхъ зоветъ къ борьбѣ за лучшіе идеалы человѣчества: „житте, боротьба вічна, безупинна", говоритъ онъ, и твердо вѣритъ, что трудомъ, борьбой, люди, идущіе къ добру, „разобьютъ скалу, раздробятъ гранитъ и своей кровью, своими костями построятъ новый міръ, и за ними во слѣдъ придетъ на свѣтъ новая жизнь, новое добро" **). Франко вѣрилъ въ это добро, потому что никакія самыя отрицательныя впечатлѣнія общественной и личной жизни не могли поколебать въ его чуткой

*) См. Юбилей 25-літней діяльности І. Франка. „Литературно-Науковый Вістник", 1898, кн. XI. О Франко еще см. Дегенъ: И. Франко. („Новое Слово" 1897, кн. III). Кримскій. І. Франко. — Павликъ. Списокъ произведеній И. Франко за первое 25-лѣтіе его литературной дѣятельности. Львовъ.

**) См. его стих. „З вершин і низин".

душѣ глубокой любви къ человѣку, и рядомъ съ трудомъ, наукой онъ ставитъ любовь, какъ одно изъ могучихъ средствъ обновленія.

„Одно лиш нам
Лишилося—те, чого ніяка сила,
Ніяка намъ пригода взять не може:
Се чиста роскіш братньоі любови“!

Братская любовь, по мнѣнію поэта, безгранично расширяетъ человѣческую жизнь, поднимаетъ душу выше всѣхъ будничныхъ хлопотъ. А идеалъ, къ какому приводитъ и любовь, и борьба и наука,—объединеніе свободнаго, просвѣщеннаго человѣчества въ дружныя „товариськія, братерськія громади“. Развивался Франко подъ сильнымъ вліяніемъ Драгоманова; ему обязанъ онъ широтой своихъ національныхъ и политическихъ взглядовъ. Но еще болѣе обязанъ онъ самому себѣ и неутомимому труду: приходится прямо изумляться, когда онъ успѣлъ среди постоянной тяжелой работы изъ-за куска хлѣба, среди горячей, вѣчно спѣшной, срочной общественной дѣятельности въ качествѣ редактора разныхъ галицкихъ радикальныхъ органовъ и постояннаго сотрудничества во многихъ изъ нихъ единовременно, когда находилъ онъ время изучить такъ много иностранныхъ языковъ, исторію, литературу и всеобщую и свою старинную украинскую. Критическія его изслѣдованія имѣютъ большое научное значеніе, а его экономическія статьи въ „Зорі“ и „Ділі“ обратили на себя общее вниманіе, и даже польская печать, такъ враждебно къ нему всегда относившаяся, отмѣтила ихъ правильность. „Изъ-подъ пера Франко, —говоритъ Ефремовъ въ своемъ прекрасномъ обстоятельномъ очеркѣ, посвященномъ творчеству и дѣятельности Франко, *)—въ періодъ возникновенія радикальной партіи и расцвѣта ея дѣятельности вышло много блестящихъ публицистическихъ работъ, программныхъ статей, ѣдкихъ и рѣзкихъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ безпощадно разоблачалъ и бичевалъ „неполітичну політику“ своихъ противниковъ, ихъ оппортунизмъ, ограниченность кругозора, отсутствіе политическаго такта и яснаго пониманія дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ“.

Среди художественныхъ произведеній Франко особенной талантливостью отличаются его разсказы, и сборникъ ихъ, извѣстный подъ общимъ заглавіемъ „В поті чола“, принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ твореній такого характера во всей міровой литературѣ. Чувство мѣры, яркость образовъ и искренняя задушевность рисунка выдѣляютъ эти разсказы отъ множества подобныхъ имъ на украинскомъ языкѣ. Эти разсказы взяты всѣ изъ жизни бѣднаго темнаго рабочаго люда Галиціи; они всѣ построены на одномъ общемъ глубокомъ мраморномъ цоколѣ, въ которомъ воплотилось чувство художника, пониманіе души этого забытаго люда и тѣхъ страшныхъ соціальныхъ условій, какія породили эту лишенную всякихъ радостей жизнь. А рядомъ съ этими жертвами соціальной неправды у Франко выступаетъ цѣлая галлерея торжествующихъ типовъ, умывающихъ руки въ крови этихъ труже-

*) См. ст. Ефремова „Поэтъ борьбы и контрастовъ“ въ „Кіевской Старинѣ“. X, XI, 1903 г.

никовъ. Это—герои цѣлаго ряда повѣстей Франка: „Боа Констриктор“, „Перехрестні стежки“, „Беріслав сміється“ и др. Эти контрасты выступаютъ у Франка не грубо и не тенденціозно, а совершенно естественно, какъ свѣтъ и тѣни одной и той же картины, и въ душѣ совершенно падшаго человѣка Франко находитъ часто искры добраго, чистаго чувства. Особенно талантливо написаны имъ разсказы: „На Дні“, „Вівчар“, „До світла“, „Лесишина челядь“ и др. Особенной теплотой отличаются его разсказы изъ дѣтской жизни: „Грицева шкільна наука“, „Олівець“, „Малий Мірон“, въ которыхъ очень много автобіографическихъ подробностей. Изъ поэмъ особенной художественной красотой и глубиной замысла полна поэма „Моисей“, легенда „Смерть Каіна“, „Каменяри“, а изъ лирическихъ произведеній лучшія вошли въ сборникъ „Зівьяле листе“. Вообще стихи Франка слабѣе его прозы, стихъ часто тяжелъ, слова выкованы искусственно и въ содержаніи больше разсудочнаго матеріала, чѣмъ непосредственнаго чувства. Но надо помнить, что Франко писалъ въ то время, когда еще литературный украинскій языкъ въ Галиціи только начиналъ развиваться. Нѣкоторые его стихи очень сильны и дѣйствительно звучатъ, какъ громкій призывъ къ борьбѣ, къ труду. Стихи его изданы въ четырехъ сборникахъ: „З вершин і низин“, „Мій Ізмарагд“ (преимущественно состоящій изъ переводовъ), „Зівьяле листе“ и „З днів журби“, и много еще разбросано по разнымъ журналамъ и альманахамъ. Разсказы его изданы въ Кіевѣ въ трехъ томахъ книгоиздательствомъ „Вік“ въ началѣ XX вѣка. Большія его повѣсти: „Перехрестні стежки“, „Боа Констриктор“, „За для домашняго огнища“, и недоконченная „Берислав сміється“ изданы только во Львовѣ. Полное собраніе сочиненій Франка очень желательно, такъ какъ все его творчество имѣетъ громадное воспитательное значеніе. Въ 1898 г. Украйна и Галиція привѣтствовали 25-лѣтіе литературной дѣятельности Ивана Франка и рядомъ овацій старались доказать, какъ обѣ его родины цѣнятъ работу этого самоотверженнаго и много выстрадавшаго за свои прогрессивныя національныя убѣжденія писателя, гражданина и художника. Можно смѣло сказать, что въ украинской литературѣ и въ общественной жизни Галиціи Франко занимаетъ въ теченіе болѣе чѣмъ $^1/_4$ столѣтія одно изъ славныхъ мѣстъ.

Кониссkій и Гринченко, уступая значительно Франку въ художественномъ дарованіи, въ общественной жизни и въ литературѣ Украйны играли однако очень замѣтную роль. Ихъ энергія и настойчивая защита національныхъ нуждъ украинскаго народа много способствовали пробужденію Украйны въ концѣ XIX в. Сосланный въ началѣ 70-хъ годовъ въ сѣверныя губерніи за украинофильство, Кониссkій *) и по возвращеніи въ Кіевъ продолжалъ свою національно-политическую дѣятельность и много поработалъ для установленія правильныхъ сношеній между Украйной и Галиціей. Литературное его творчество очень обильно, но слабо въ художественномъ отношеніи;

*) А. Я. Кониссkій. „Кіевская Старина“. 1901, 1.

имъ написано свыше 70 романовъ, повѣстей и разсказовъ. Лучшіе изъ нихъ — романъ „Семен Жук и ёго родичи“, съ автобіографическимъ характеромъ содержанія, а изъ разсказовъ „Павло Драитус“ и „Дід Эвмен“. Кониссkій написалъ нѣсколько учебниковъ, а самымъ цѣннымъ его трудомъ является обстоятельная біографія Шевченка на украинскомъ (изданная во Львовѣ) и на русскомъ языкѣ (издана въ Кіевѣ).

Гринченко извѣстенъ больше всего, какъ составитель и издатель народныхъ украинскихъ популярно-научныхъ книжекъ. Онъ выпустилъ ихъ въ свѣтъ болѣе 50, цифра почтенная, если помнить всѣ препятствія, через какія проходила каждая. Много писалъ онъ и въ періодической украинской прессѣ, какъ галицкой, такъ и здѣшней. Теперь его художественныя произведенія вышли въ Кіевѣ въ трехъ томахъ: стихотворенія, драмы, повѣсти и разсказы. Гринченко не художникъ украинскаго слова, но онъ владѣетъ перомъ, наблюдательностью и одаренъ эстетическимъ чувствомъ. Драмы его не пользуются особеннымъ вниманіемъ ни у читателей, ни у артистовъ украинскихъ труппъ; ихъ трудно играть по очень часто встрѣчающейся неестественности психическихъ коллизій. Въ стихахъ Гринченка попадаются очень изящныя стихотворенія и много искренно патріотическихъ, напримѣръ, „Друзьям“, „Квитчани слёзи“, „Свято“, „Смутні картини“ и др. Изъ прозы лучше всего удались Гринченку небольшіе разсказы изъ народной жизни: „Галя“, „Украла“, „Каторжна“. Изъ повѣстей лучше другихъ „Сонящний промінь“ и „На роспутті“. Кромѣ того, Гринченко извѣстенъ какъ собиратель украинскаго фольклора; собранныя имъ сказки и др. изданы въ трехъ томахъ черниговскимъ земствомъ въ 1899 г. Тяжелыя условія творчества сильно отразились на произведеніяхъ его, въ нихъ не звучитъ вдохновеніе, но велики заслуги Гринченка *), какъ общественнаго дѣятеля и работника.

Рядомъ съ извѣстными публицистами Украйны нельзя не вспомнить талантливаго, но мало популярнаго писателя Т. Зинківского; собранныя Гринченкомъ сочиненія его изданы во Львовѣ въ 1896 г. въ 2 томахъ. Въ одномъ его беллетристическія вещи — разсказы, стихи, басни, въ другомъ публицистическія. Если короткіе разсказы и басни Тр. Зиньківского не отличаются художественностью, то публицистическія статьи заслуживаютъ вниманія своей широтой взглядовъ. Зиньківскій—сынъ крестьянина, родомъ изъ Таврической губ., онъ талантливый самоучка, собственными усиліями, цѣлымъ рядомъ экзаменовъ дошелъ до высшаго учебнаго заведенія—военной юридической академіи. Но тяжелая жизнь, полная лишеній и униженій на военной службѣ — рано свела украинскаго офицера-писателя въ могилу. Большинство произведеній его не были напечатаны при его жизни: въ то время, когда Зиньківскій жилъ и остро страдалъ отъ печальнаго положенія своей родины, на украинскомъ

---

*) Южаковъ.—Дневникъ журналиста. „Русское Богатство“. 1895 г. X. „Большая энциклопедія“. Т. VII. „Этнографическое обозрѣніе“. 1898. 1.

В. Г. Перовъ. Похороны крестьянина.

(Румянцевскій музей въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

8

языкѣ въ предѣлахъ Россіи не позволялась никакая публицистика, и высказывать свои мысли украинцы могли только въ словесныхъ бесѣдахъ въ немногочисленныхъ кружкахъ, и такими рефератами и были напечатанныя во Львовѣ статьи Зиньківского: „Молода Украіна“, „Національный вопросъ въ Россіи“, „Шевченко въ освѣщеніи европейской критики“, недоконченная посмертная работа о штундѣ и др. Въ „Молодой Украінѣ“ и въ „Національномъ вопросѣ въ Россіи“ высказываются совершенно опредѣленные взгляды на необходимость освобожденія всѣхъ народностей Россіи, на разрѣшеніе сложнаго національнаго вопроса въ смыслѣ автономно-федеративномъ, а самое чувство національное ставится авторомъ на широкую гуманную основу, не дающую ему противорѣчить космополитизму. Зиньківскій является послѣдователемъ Драгоманова, и если принять во вниманіе, какъ до послѣдняго времени неясно были поставлены національный и федеративный вопросы въ русской литературѣ, то нельзя не отнестись съ большимъ интересомъ къ статьямъ украинскаго публициста, съ такимъ трудомъ достигшаго высшаго образованія и такъ рано умершаго. Изъ литературныхъ вещей Зиньківского лучше всего написаны реалистическая картинка изъ жизни солдатъ и офицеровъ „Сидір Макарович Притика“, очень прочувствованный „Сон“ и юмористическій разсказъ „Моншер-Казаче“. Умеръ Зиньківскій въ своемъ родномъ селѣ Бердянкѣ въ 1891 г. При жизни ему удалось напечатать въ Россіи только одну литературную вещь: „Малюнки справжняго життя“ (въ Петербургѣ), всѣ же его сочиненія съ его біографіей, написанной Гринченко, вышли во Львовѣ въ 1896 г.

Произведенія Старицкаго *) еще не вышли полнымъ изданіемъ, а потому и трудно дать цѣльную ихъ характеристику. Въ свое время на Старицкаго много нападали за искусственность его печатной рѣчи, но таковы условія выработки литературнаго языка: геній творитъ языкъ свойственнымъ ему одному пониманіемъ народнаго духа языка. Писатели же, только одаренные поэтическимъ талантомъ, иногда съ большимъ трудомъ приспособляютъ крестьянскую рѣчь къ сложнымъ интеллигентнымъ понятіямъ; но ихъ работа тоже ускоряетъ ростъ языка и облегчаетъ творчество послѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ. У Старицкаго много выдуманныхъ словъ, которыя такъ и не вошли въ употребленіе, но много такихъ, которыя восприняты и народомъ и писателями. Въ переводахъ Старицкаго эти тяжелыя новыя слова особенно часты, но во многихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ автора рѣчь льется легко и красиво. Прекрасно переведены имъ народныя сербскія думы на украинскій языкъ. Всегда останутся дороги украинцамъ такія прочувствованныя стихотворенія, какъ „Потайні ученики“, „Поклик до братів славян“ и нѣкоторыя другія. О драмахъ Старицкаго рѣчь будетъ впереди. Старицкій горячо любилъ украинскую литературу и много работалъ для ея подъема. На его средства были изданы нѣсколько

*) Корифеи украинской сцены. Кіевъ. 1901 г. Франко. М. Старицкій. „Лит.-Наук. Вістник“ 1902. V.

украинскихъ альманаховъ, на его же деньги содержалась одна изъ первыхъ наилучше обставленныхъ украинскихъ труппъ. Преданный дѣлу національнаго пробужденія родины, Старицкій не жалѣлъ на него ни своихъ силъ, ни денегъ. Онъ, Кониссвій и Гринченко были тѣми политическими писателями, которые воплощали свои идеи, свои національныя убѣжденія въ разныя формы литературнаго творчества и своей энергіей поддержали національное дѣло Украйны, ея національную литуратуру въ годы самаго сильнаго ея преслѣдованія.

Къ началу 80-хъ годовъ относится и дѣятельность талантливой галицкой писательницы Натали Кобринськой*). Оставшись очень молодою вдовою священника, Кобринська всей душой отозвалась на національно-освободительное движеніе, происходившее въ Галиціи подъ вліяніемъ Драгоманова. Она стала писать, и въ разсказахъ и повѣстяхъ ея проявился недюжинный талантъ; особенно удавались ей повѣсти изъ быта такъ хорошо знакомаго ей духовенства — „Дух часу", „За для кусника хліба", а разсказъ изъ жизни галицкихъ крестьянъ, пробужденныхъ къ политическому сознанію реформой избирательныхъ правъ въ Австріи, — „Виборець" — принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ малорусской литературы; избирателя, наслушавшагося уже разныхъ агитаторовъ, поражаетъ безсознательный способъ предварительныхъ выборовъ —по жребію („на сірнички"), но выбранный хотя и такъ неожиданно „выборець" разбирается въ окружающей его выборной суетѣ, бросаетъ предложенную ему „десятку" (10 гульденовъ) отъ польской партіи и смѣло идетъ за русинами. Этотъ выхваченный изъ жизни эпизодъ написанъ Кобринськой очень просто и художественно. Наталю Кобринську манила не только литературная, а и публицистическая работа: ее всегда возмущало положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ Галиціи: лишенная высшаго и даже средняго образованія, галицкая женщина того времени была совершенно безпомощна и безправна. Кобринська организовала женское общество, ставившее себѣ цѣлью и задачей—поднятіе умственнаго развитія женщины. Въ 1887 г. Кобринська вмѣстѣ съ украинкою Косичъ издаетъ первый литературный сборникъ изъ однихъ женскихъ сочиненій „Перший вінок", а за нимъ цѣлый рядъ такихъ же альманаховъ въ 90-хъ годахъ. Сама она писала много публицистическихъ статей о женскомъ движеніи, читала рефераты, писала воззванія и, наконецъ, въ 1891 г. созвала „женское вѣче", которое и составило петицію о допущеніи женщинъ въ университеты и объ основаніи женской гимназіи въ Галиціи. Кобринська является выдающейся дѣятельницей, много сдѣлавшей своими литературными и публицистическими работами для пробужденія въ галицкихъ женщинахъ національнаго самосознанія и стремленія къ знанію, къ самостоятельности. Талантливымъ художникомъ того же періода является Д. В. Маркевичъ, съ опредѣленнымъ демократическимъ

*) См. статью М. Грушевскаго въ „Литературно-Науковом Вістникѣ". 1900. 1: Наталя Кобринська.

міросозерцаніемъ и сердцемъ, полнымъ искренняго сочувствія къ страданію обездоленнаго человѣчества. Онъ пишетъ сжато, красивымъ образнымъ языкомъ и передаетъ ярко самые патетическіе моменты жизни своихъ героевъ. Выступилъ онъ на литературное поприще прекраснымъ разсказомъ на русскомъ языкѣ изъ жизни бессарабскихъ пастуховъ „Иванъ изъ Буджакъ". Будучи слѣдователемъ, онъ могъ наблюдать психику многихъ отверженныхъ страдальцевъ — такимъ плодомъ его наблюденій явилось неподражаемая вещь „Омелько каторжный", уже написанная Маркевичемъ по-украински и гдѣ глубоко проанализировано душевное состояніе бѣглаго каторжника, прибѣжавшаго провѣдать жену и дѣтей и въ своей же хатѣ вторично пойманнаго. Всѣ разсказы Маркевича по формѣ и по содержанію, по цѣльному настроенію являются жемчужинами украинскаго творчества и большинство ихъ переведено на русскій языкъ. Всѣ они собраны авторомъ подъ общимъ названіемъ „По степам и хуторам" (изд. въ Кіевѣ) и представляютъ яркую картину соціальныхъ условій, среди которыхъ гибнетъ украинскій рабочій людъ. Кромѣ разсказовъ, Маркевичъ написалъ драму „На різних мовах" изъ быта сельской интеллигенціи, но она гораздо ниже его разсказовъ.

Къ 90-мъ годамъ горизонты Украйны какъ-будто просвѣтлѣли и въ ея литературѣ зазвучали новые мотивы, выступили новые сильные таланты. Между ними заслуженной извѣстностью пользуется М. Коцюбинскій *) въ Украйнѣ и Стефаникъ въ Галиціи. Талантъ Коцюбинскаго очень своебразный и многосторонній по сферѣ своихъ наблюденій; его богатое творческое воображеніе воспроизводитъ все, что затронуло воспріимчивую душу автора, что покорило его чувство красоты. Его анализу одинаково доступна и душа украинца, и психологія молдаванина и жгучіе запросы жизни татарина. Больная душа современной украинской интеллигенціи, полная раздвоенности и мучительной борьбы, самоистязанія и жажды жизни понята Коцюбинскимъ и представлена въ цѣломъ рядѣ образовъ. Таковы его художественные разсказы: „Цвіт яблуні" (переведенъ на русскій языкъ) „Хо", „Посол чорного царя" и прекрасная повѣсть „За для загального добра". Яркостью рисунка дышитъ картинка изъ татарской жизни „На камені" и широкимъ гуманизмомъ проникнуты его повѣсти и разсказы изъ народной жизни, каковы классическій по своей простотѣ и задушевности „Пьятизлотник", или повѣсть изъ жизни бѣглыхъ —„Дорогою ціною". Языкъ у Коцюбинскаго блещетъ красками, модулируетъ, смотря по содержанію: то пѣвучій и спокойный въ описаніи степей въ „Дорогою ціною" или жаркихъ дней на молдаванскомъ виноградникѣ („За для загального добра"), то сжатый, отрывистый въ трагическіе моменты и всегда красивый, звучный, какъ полный музыкальный аккордъ, въ

*) О Коцюбинскомъ см. статью Л. Старицкой: М. Коцюбинскій. „Кіевская Старина" 1903 г., кн. IX и X, и еще статьи въ „Литературно-Науковом Вістникѣ" 1900 г., кн. III и въ „Зорі" 1895 г. № 10.

которомъ поэтическое вдохновеніе сливается съ анализомъ глубокаго, тонкаго наблюдателя. Пока вышелъ только первый томъ сочиненій Коцюбинскаго въ Кіевѣ; послѣдніе его разсказы разсѣяны въ „Кіевской Старинѣ" въ „Литературно-Науковом Вістникѣ" и многихъ альманахахъ; среди нихъ нѣсколько посвящены психологіи народныхъ массъ въ разные моменты освободительнаго движенія. Въ творчествѣ Коцюбинскаго украинская литература какъ бы вынесена въ болѣе широкіе круги. Многіе считали (а нѣкоторые критики и теперь еще это признаютъ) украинскую литературу призванной къ исключительно народническому служенію—къ изображенію типовъ и условій жизни только народной массы и соприкасающейся съ нею интеллигенціи. Но украинская литература есть частица міроваго литературнаго творчества и, какъ таковая, не можетъ быть ограничена никакой исключительностью: все въ жизни ей доступно, и новые художники ея смѣло идутъ на встрѣчу новымъ образамъ, новымъ явленіямъ жизни и воплощаютъ ихъ въ художественныя формы. Такъ своеобразное вдохновеніе поэтессы Днипровой Чайки проявилось въ красивомъ символизмѣ еще раньше, чѣмъ это направленіе стало такимъ моднымъ въ русской поэзіи. Днипрова Чайка пишетъ короткія поэтическія сказки. Разсказы ея слабы, но вся сила ея въ сказкахъ, символическихъ красивыхъ фантазіяхъ, написанныхъ совершенно своеобразнымъ яркимъ языкомъ, бѣлыми стихами, свободно льющимися стариннымъ размѣромъ—амфибрахіемъ съ короткими, иногда ямбическими окончаніями. Впечатлѣніе получается удивительно музыкальное и соотвѣтствующее тѣмъ морскимъ картинамъ, которыя Днипрова Чайка преимущественно любитъ рисовать въ „Морські малюнки", или, напримѣръ, въ художественной картинкѣ „Плавни горять". Болѣе позднія произведенія захватываютъ болѣе глубокія струны души и отличаются еще болѣе ясными символами: „Шпаки", „Мыша", „Собака", „За душу", „Певний притулок"; въ нихъ хотя уже не такъ выдержанъ стихотворный размѣръ прозы, но рѣчь льется такая же красивая, образная и музыкальная. Прекрасны и по формѣ, и по глубоко задушевному содержанію ея лирическія стихотворенія „На лимані", „До портрета Шевченко" и др.

Остается пожалѣть, что произведенія такого оригинальнаго поэта, какъ Днипрова Чайка, до сихъ поръ не собраны въ одно изданіе, а разбросаны по разнымъ изданіямъ и альманахамъ въ Украйнѣ и въ Галиціи („Степ", „Вінок", „Вік", „На памьять Котляревському" и др.).

Гораздо больше искусственности въ творчествѣ галицкой символистки госпожи Кобилянской, но и у ней есть художественно написанныя вещи, напримѣръ, „Бітва", разсказъ о рубкѣ лѣса. Недуренъ и ея несимволическій разсказъ „Він і вона", написанный, очевидно, подъ вліяніемъ Шницлера. Ей однако сильно недостаетъ простоты и глубины содержанія, и часто читаешь въ ея произведеніяхъ слова, слова и слова, изъза которыхъ не выступаетъ какое-либо реальное содержаніе.

Совершенно отдѣльно отъ осталь-

ныхъ украинскихъ поэтовъ стоитъ Владимиръ Самійленко, болѣе извѣстный подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ Сивенького. До сихъ поръ только небольшая часть его стихотвореній вышла отдѣльнымъ изданіемъ: „З поэзій В. Самійленко“. Ч. 1. Київ, 1891 г. Самійленко прекрасно владѣетъ украинскимъ языкомъ, приспособляя его къ философскимъ темамъ. Талантъ Самійленко главнымъ образомъ сатирическій, и его стихотворенія часто проникнуты тѣмъ глубокимъ юморомъ, который лежитъ въ основѣ характера украинца и который впервые прозвучалъ въ русской литературѣ подъ перомъ украинца Гоголя. Самійленко бичуетъ своимъ юморомъ украинскихъ патріотовъ, предпочитающихъ лежать на печкѣ, чѣмъ хлопотать о какихъ-либо общественныхъ дѣлахъ. Многіе стихи Самійленко *) за свой обличительный характеръ могли циркулировать на Украйнѣ только въ рукописныхъ спискахъ. Къ лучшимъ его произведеніямъ относятся „На печі“, „Горе поэта“, „Герострат“ и др. Лирическія стихотворенія очень сдержаны и проникнуты скорбью. Самійленко пробовалъ свои силы очень удачно на переводахъ (особенно изъ Данте) и написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній „Химерний батько“, „Дядькова хвороба“ (передѣлка „Le malade imaginaire“ Мольера) и шутку-водевиль „Драма без горілки“. Неблагопріятныя условія жизни, одиночество вліяли и на здоровье и на настроеніе поэта, который при лучшихъ обстоятельствахъ далъ бы гораздо болѣе, такъ какъ его крупный и оригинальный талантъ несомнѣненъ. Вообще въ 90-е годы въ украинской литературѣ было много лирическихъ поэтовъ, но изъ нихъ отличаются талантомъ лишь немногіе; такъ напримѣръ, Леся Украинка, конечно, выдающаяся украинская поэтесса по изяществу формы своихъ стиховъ и по широтѣ своего міросозерцанія. Это украинскій Надсонъ; ея скорбныя пѣсни очень характерны для Украйны того времени. Но въ силу цензурныхъ запрещеній произведенія Леси Украинки оставались долго неизвѣстны на ея родинѣ, такъ какъ могли появляться въ печати только въ галицкихъ изданіяхъ, и только уже въ началѣ XX в. могъ выйти въ свѣтъ въ Украйнѣ первый сборникъ стиховъ Леси Украинки „На крилах пісень“, далеко не полный. Въ Галиціи вышло три небольшихъ томика ея стиховъ, о которыхъ съ большой похвалой отозвался Франко. Какъ на лучшія ея оригинальныя стихотворенія можно указать „До світні огні“, „Ворогам“ „То була тиха ніч чарівна“, „Зимова ніч на чужині“ и др. Леся Украинка очень много и удачно переводила Гейне, Аду Негри и др. поэтовъ. Позднѣйшія ея стихотворенія, къ сожалѣнію, отличаются какой-то сухостью и тенденціозностью, которыя ослабляютъ ихъ въ художественномъ отношеніи. Но зато она дала нѣсколько прекрасныхъ новыхъ поэмъ-драмъ, въ которыхъ ея талантъ проявился вполнѣ оригинально, какъ напримѣръ, „Кассандра“.

Поэтомъ совершенно иного на-

*) О Самійленко см. статьи въ „Литературно-Науковом Вістникѣ“ за 1901 г. кн. IX и за 1907 г. кн. VIII.

правленія является А. Крымскій *), ученый филологъ съ поэтическимъ вдохновеніемъ. Онъ обогатилъ украинскую поэзію своеобразными мотивами восточныхъ мелодій. Основательно знакомый съ восточными языками, онъ выступилъ съ переводами изъ персидскихъ и арабскихъ поэтовъ— Фирдуси, Абуль-Аля, съ испанскаго и др. языковъ и между прочимъ съ прекрасными переводами Гейне (Вицли-Пупли, изъ „Книги Пѣсенъ" и др.). Изъ оригинальныхъ стихотвореній Крымскаго блещутъ яркостью красокъ и чисто восточнымъ настроеніемъ его описанія природы Малой Азіи—Бейрута, Ливана, Кавказа. Въ своихъ далекихъ странствованіяхъ Крымскій никогда не забывалъ своей родной Украйны и выразилъ это въ прочувствованныхъ художественныхъ стихахъ — „Тарасове святе", „Горді пальми", „Думні лаври". Оба стихотворенія передаютъ чувства поэта очень художественно. Что же касается до любовныхъ стихотвореній Крымскаго, о нихъ приходится сказать то же, что и о многихъ произведеніяхъ русскихъ современныхъ писателей: они слишкомъ откровенно эротическія и, какъ лишенныя поэтической мѣры— не художественны. Въ Украйнѣ изданъ одинъ сборникъ стиховъ Крымскаго подъ заглавіемъ „Пальмове листя" и одинъ томъ его разсказовъ и повѣстей; въ нихъ авторъ больше всего рисуетъ больную душу современныхъ интеллигентныхъ „дегенератовъ" и „истериковъ".

*) Про А. Крымскаго см. „Литературно-Науковый Вістник" за 1898 г. № 11 и за 1901 г. № IX, а также статью Гринченко: А. Крымскій. „Кіевская Старина" 1903 г.

Глубокая гражданская скорбь звучитъ въ лирическомъ творчествѣ многострадальнаго украинскаго поэта П. Грабовскаго *), умершаго очень рано въ далекой ссылкѣ въ Сибири. Молодое художественное дарованіе погибло въ жестокихъ условіяхъ; послѣ него осталось нѣсколько печатавшихся въ Галиціи сборниковъ—„Пролісок" (1894 г.), „З півночи" (1896 г.), „Доля" (1897 г.). Нѣсколько стихотвореній были изданы въ 1898 г. въ Черниговѣ подъ общимъ заглавіемъ „Кобза". „Произведенія Грабовскаго", говоритъ Ефремовъ: „это восторженный гимнъ добру, справедливости и борцамъ за нихъ, и безпощадное осужденіе злу" **). Въ мертвомъ одиночествѣ многолѣтняго изгнанія одно не умиравшее поэтическое вдохновеніе только и поддерживало и согрѣвало душу молодого поэта, давало силу до конца остаться вѣрнымъ высокимъ идеаламъ: сколько любви къ родинѣ, къ людямъ звучитъ въ его искреннихъ художественныхъ стихахъ. Изъ всѣхъ гражданскихъ пѣвцовъ Украйны 2-й половины XIX в. Грабовскій пишетъ наилучшимъ, простымъ, задушевнымъ языкомъ истинной поэзіи, скорби и любви.

У молодого поэта Чернявскаго прекрасно звучатъ въ стихахъ описанія природы Украйны. Вообще, чѣмъ ближе къ концу XIX в., тѣмъ болѣе крѣпнетъ и развивается поэтическій литературный украинскій языкъ. Этотъ языкъ сложнѣе, богаче простонароднаго языка Щеголева, Глѣ-

*) Маковей. П. Грабовскій. „Литературно-Науковый Вістник" 1899 г., IV.

**) С. Ефремовъ. Поэтъ-гражданинъ. „Кіевская Старина".

бова; онъ передаетъ больше психическихъ тонкихъ оттѣнковъ, звучитъ болѣе разнообразными тонами, ложится яркими красками самыхъ разнородныхъ образовъ и пейзажей. Но въ то же время онъ простъ и далеко шагнулъ впередъ отъ искусственныхъ стихотворныхъ оборотовъ Гринченка, Старицкаго и др. Онъ обнаруживаетъ все богатство, музыкальность и красоту народнаго языка, когда имъ владѣютъ художники съ непосредственнымъ поэтическимъ дарованіемъ.

Чернявскій, впрочемъ, не столько лирикъ, сколько талантливый разсказчикъ. Правда, въ его сборникѣ стиховъ—„Зорі" (Кіевъ, 1903 г.) есть много хорошихъ вещей, какъ напримѣръ„„Журавли", „Зимова ніч", „Веснянка"; но гораздо больше глубокаго содержанія въ его разсказахъ, появлявшихся съ начала уже XX в. въ „Кіевской Старинѣ", въ „Громадѣ" и въ „Литературно-Науковом Вістникѣ": „Смерть Зораба", „Осліплення Париса", „Наши повернулись".

Прекраснымъ, сильнымъ талантомъ украсилась украинская лирика въ самомъ концѣ XIX в. въ лицѣ поэта Олеся, поэта-символиста, съ яркимъ вдохновеніемъ и глубокой мечтательностью. Онъ издалъ первый сборникъ своихъ стиховъ уже въ XX вѣкѣ подъ заглавіемъ „З журбою радість обнялась" (Петербургъ. 1907 г.). Литература разсказовъ и повѣстей конца XIX в. обогатилась цѣлымъ рядомъ писателей:—г-жей Григоренко (псевдонимъ) и Яновской, Винниченко и М. Левицкимъ въ Украйнѣ, Стефаникомъ, Бордулякомъ въ Галиціи. Григоренко пишетъ сильно, сжато; въ его разсказахъ много мрачнаго настроенія, онъ не беретъ исключительныхъ типовъ и положеній, а рисуетъ самую обыденную жизнь села, самые заурядные типы, но пишетъ ихъ такъ художественно и правдиво, что они встаютъ яркими образами въ душѣ читателя. Ея первые разсказы изданы отдѣльной книжкой и совершенно вѣрно озаглавлены: „Наши люде на селі"; это, дѣйствительно, обычные люди села, съ ихъ недостатками, нуждами и стремленіями. Во всѣхъ герояхъ Григоренка, справедливо замѣчается однимъ изъ ея рецензентовъ, одна общая черта,—это ихъ „стихійность, непосредственность чувствъ и стремленій. Постоянно отмѣчая ее, г-жа Григоренко какъ бы подчеркиваетъ, что именно эта стихійность и дѣлаетъ нашихъ крестьянъ столь неустойчивыми нравственно и создаетъ то, что... они идутъ туда, куда ихъ толкаетъ первое побужденіе, вызванное окружающей обстановкой: ничто не сдерживаетъ ихъ, нѣтъ у нихъ ни твердо выработанныхъ нравственныхъ правилъ, ни сознательнаго пониманія общественныхъ отношеній" *). Но такое пессимистическое изображеніе народа вовсе не лишаетъ Григоренко пониманія самыхъ глубокихъ зарождающихся въ его средѣ запросовъ правды и общественной, и семейной и индивидуальной въ разсказахъ „Батько", „Так краще" и особенно въ одномъ изъ послѣднихъ разсказовъ „Де правда"?

Л. А. Яновская по своему творчеству близка и къ старой этнографической

*) См. ст. В. Леонтовича: Грицко Григоренко. „Кіевская Старина" 1903 г., 6, стр. 498.

школѣ великихъ украинскихъ писателей — Левицкаго, Марко Вовчокъ и др., и къ новой плеядѣ молодыхъ писателей. Талантъ у нея спокойный, выдержанный и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ — „Смерть Макарихи“, „За високим тином“, „Идеальный батько“, „Злодійка Оксана“—эпически прекрасный. Въ этихъ очеркахъ герои захвачены въ драматическіе моменты, вызванные безысходной нуждой и одиночествомъ: старый рыбакъ Максимъ съ отчаянія, не видя около себя ни друзей, ни добрыхъ людей, топитъ свою внучку, чтобъ избавить ее отъ предстоящихъ и ей въ жизни такихъ же страданій („За високим тином“). Въ разсказѣ „Идеальный батько“ очень умѣло обработана сложная тема: положеніе въ селѣ незаконнаго сына помѣщика, непризнаннаго отцомъ и неспособнаго къ тяжелому крестьянскому труду. Въ разсказахъ изъ жизни интеллигенціи меньше художественности такъ же, какъ и въ ея драматическихъ произведеніяхъ. Разсказы г-жи Яновской въ концѣ 90-хъ годовъ печатались въ „Кіевской Старинѣ“ и теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ *) въ Кіевѣ.

Особенной извѣстностью разсказчика-реалиста пользуется галицкій писатель Стефаникъ, многіе разсказы котораго переведены на русскій языкъ и въ послѣднее время даже изданы отдѣльнымъ сборникомъ на русскомъ языкѣ съ предисловіемъ Алексѣенка **). Стефаникъ пишетъ кровью своего сердца, и разсказы его трагическими картинами рисуютъ то страшное вырожденіе, до котораго доведено населеніе Галиціи экономическими и соціальными условіями. Нужда и безправіе довели его до безысходнаго горя: голодъ царствуетъ въ селахъ и гонитъ обездоленное населеніе и на преступленіе и въ далекую эмиграцію въ Америку. Стефаникъ пишетъ совершенно своеобразнымъ сжатымъ, отрывистымъ языкомъ, часто прибѣгая къ мѣстному нарѣчію своей родины (Снятынъ, въ Галиціи); каждый разсказъ его производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Всѣ произведенія Стефаника проникнуты пессимизмомъ: нѣтъ выхода изъ ужасныхъ условій жизни: одна смерть избавляетъ отъ страданій. При этомъ мрачномъ взглядѣ Стефаникъ никого не бичуетъ; онъ только смѣло вскрываетъ народное горе и какъ бы говоритъ: вотъ до какого ужаса доведено вѣками безправія населеніе когда-то цвѣтущей земли! Сочиненія его выходили въ Галиціи нѣсколькими сборниками: „Синя книжечка“ (1899 г.), „Каминний хрест“ (1900 г.) и „Дорога“ (въ 1901 г.). Въ Кіевѣ изданы они въ 1905 г. *). Лучшими разсказами Стефаника можно назвать „Кленові листки“, „Новина“, Басараби“, „Стратився“ и многіе другіе. Національно-соціальная реалистическая литературная школа Франка имѣетъ въ Стефаникѣ самаго выдающагося представителя. Очень талантливы и другіе писатели Галиціи, принадлежащіе къ болѣе старшему поколѣнію 90-хъ годовъ,

*) Книгоиздательство „Вік“.

**) О Стефаникѣ см. Леся Украинка. Малорусскіе писатели въ Буковинѣ. „Жизнь“. 1900 г. IX.

*) Книгоиздательство „Вік.“. В. Стефаник. Оповидання.

какъ напримѣръ, Бордулякъ. Въ разсказахъ Бордуляка *), если и нѣтъ такого безысходнаго трагизма, какъ у Стефаника, то все же и нужда и горе галицкаго крестьянства обрисованы очень ярко: въ его произведеніяхъ больше добродушія, жизнь крестьянская раскрывается передъ нами со всѣмъ своимъ горемъ, но и съ маленькими радостями. Особенно художественно написаны у Бордуляка „Дай Боже здоровья корови", „Бузьки", „Ось куди ми пійдемо небого!" „Михалкові радощі", „Бідний жидок Рашиця" и др. Разсказы Бордуляка уже вышли въ Кіевѣ отдѣльнымъ сборникомъ и даютъ очень много интереснаго матеріала для психологіи украинскаго народа.

Къ послѣднимъ годамъ XIX в. относится литературная дѣятельность даровитаго художника Модеста Левицкаго; это реалистъ художникъ, отражающій въ своихъ короткихъ разсказахъ разнообразныя явленія современной дѣйствительности по селамъ и градамъ Украйны. Эти маленькіе художественные разсказы отличаются большой оригинальностью, юморомъ и образностью. Они уже вышли небольшимъ сборникомъ въ Кіевѣ (Оповидання М. Левицкого. 1907 р.).

Яркій молодой талантъ Винниченко озарилъ украинскую литературу послѣднихъ годовъ XIX в. и больше принадлежитъ уже къ XX вѣку, но, заканчивая обзоръ возрожденія украинскаго слова, нельзя не остановиться на этомъ выдающемся писателѣ нашихъ дней. Пишетъ ли онъ изъ народнаго быта—„Голота", „Краса и сила" и др.—или изъ интеллигентной среды—„Контрасты", „Мое останне слово"—во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Винниченко захватываетъ читателя своимъ страстнымъ языкомъ, яркимъ изложеніемъ самыхъ жгучихъ, мучительныхъ общественныхъ явленій и вопросовъ. Образы у него какъ живые, они живутъ на глазахъ вашихъ, живутъ и страдаютъ и борются за жизнь. „Винниченко", совершенно вѣрно говоритъ Ефремовъ: *) „не только интересный и оригинальный разсказчикъ, онъ въ то же время и колоколъ, сзывающій живыхъ людей къ живому дѣлу, онъ борецъ. Онъ смѣло и властно скликаетъ насъ: „Жизнь должна быть прекрасна; смѣлѣе, отважнѣе же, товарищи, идемъ бороться за прекрасную жизнь!" Винниченко поэтъ уже новой, пробужденной Украйны, и всѣ его талантливыя вещи принадлежатъ новому XX вѣку, вѣку борьбы, горячихъ запросовъ, молодого задора и художественнаго реализма, и разборъ ихъ уже не входитъ въ рамки этого очерка.

За послѣднія 25 лѣтъ развилась украинская драматическая литература и достигла высокаго художественнаго развитія; росла она, конечно, вмѣстѣ съ украинской сценой и терпѣла тѣ же преслѣдованія отъ русскихъ цензоровъ. Къ выдающимся драматическимъ писателямъ Украйны принадлежатъ прежде всего недавно скончавшійся въ Берлинѣ И. К. Тобилевичъ, из-

---

*) См. Маковей. Т. Бордуляк. „Литературно-Науковый Вістник". 1898 г. VIII и IX. Т. Бордулякъ. „Кіевская Старина".

*) См. газету „Рада". № 196. 1907 г. Кіевъ.

вѣстный подъ псевдонимомъ Карпенко-Карого, Крапивницкій, Мирный и Старицкій. Когда знаменитая труппа украинскихъ артистовъ начала играть въ 80-хъ годахъ, у нея въ репертуарѣ было нѣсколько водевилей Квитки и Котляревскаго и ни одной современной серьезной драмы или комедіи, на какихъ она могла бы проявить свои артистическія дарованія; приходилось спѣшно „составлять" новыя пьесы. Переводы были запрещены знаменитымъ „секретнымъ" закономъ 1876 г.; оставалось взяться за передѣлки, и Старицкій въ такихъ издѣліяхъ обнаружилъ несомнѣнное литературное дарованіе и большое пониманіе сценическихъ эффектовъ. Онъ передѣлалъ „Сорочинскій ярмарок", изъ „Ночи на Рождество" и „Майской ночи" сдѣлалъ либретто, на которыя Н. В. Лысенко написалъ оперную музыку; разработалъ въ драму народную пѣсню „Ой, не ходи, Грицю, тай на вечорниці" и, наконецъ, написалъ нѣсколько оригинальныхъ драмъ. Изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ до сихъ поръ пользуется бытовая драма изъ романтическихъ отношеній сына помѣщика къ красивой сельской дѣвушкѣ—„Не судилося"—и историческая драма „Богдан Хмельницкій", которая навсегда обезсмертила имя Старицкаго въ исторіи украинской драмы. Великая тема широко и ярко разработана Старицкимъ и на сценѣ производитъ сильное впечатлѣніе: передъ зрителями не только проходятъ величавыя фигуры народныхъ вождей возстанія, но и встаетъ вся знаменательная для Украйны эпоха Хмельницкаго.

На ту же тему, что и драма „Не судилося", написана и одна изъ первыхъ драмъ Крапивницкаго, тоже немало потрудившагося для увеличенія репертуара первыхъ украинскихъ спектаклей, — „Доки сонце зійде, роса очи виїсть". Передѣлки ему не удавались („Невольник" Шевченка и др.), но его собственныя драмы и комедіи, хотя и не облацаютъ драматическими достоинствами, часто лишены настоящей драматической коллизіи, но представляютъ интересныя бытовыя картины, преимущественно изъ семейной жизни украинскаго села. Масса вѣрно схваченныхъ этнографическихъ подробностей, затѣмъ пѣсни составляютъ ихъ главное украшеніе. Лучшими изъ нихъ надо назвать: „Дай сердцю волю—заведе в неволю", „Дві сім'ї", „Доки сонце зійде, роса очи виїсть", а наибольшею популярностью пользуется его водевиль—„По ревизії", гдѣ такъ удачно выставлены административно-волостные порядки въ селѣ и типы его представителей.

Мирный тоже далъ прекрасную драму, разработавъ въ своей „Лемеривнѣ" народную пѣсню, во многихъ варіантахъ извѣстную въ Украйнѣ—какъ мать-вдова продаетъ подъ пьяную руку свою дочку. Драма „Лемеривна" написана превосходно, съ глубокимъ чувствомъ и знаніемъ народной жизни. Г-жа Яновская написала нѣсколько этнографическихъ драматическмхъ картинокъ — „Меланки", „На сіножати", и комедію „Дзвін до церкви скликайе, а сам в ней не бувайе", изъ жизни украинской интеллигенціи; пьеса не лишена интересныхъ моментовъ, но особыхъ драматическихъ достоинствъ не имѣетъ. Гринченко написалъ нѣсколько бытовыхъ и историческихъ

драмъ, но въ нихъ такъ много искусственныхъ положеній, чувства непосредственнаго такъ мало, что онѣ не пользуются большимъ успѣхомъ на украинской сценѣ. Можно смѣло сказать, что лучшимъ украинскимъ драматическимъ писателемъ былъ Карпенко-Карый (Тобилевичъ). Его драмы художественны, дышатъ правдой, естественно развивающейся драматической коллизіею. Талантъ Тобилевича могучій и многосторонній: начавъ писать драмы, онъ сначала держался нѣсколько романтическаго направленія; но онъ постепенно отъ него освобождался и выработалъ изъ себя сильнаго реалиста, прекраснаго знатока и жизни и души родного народа и художника-истолкователя разныхъ явленій этой жизни. Типы народныхъ героевъ—Савва Чалый, Гнатъ, Чабанъ—проходятъ передъ зрителями въ такихъ же жизненныхъ образахъ, какъ темные гречкосѣи со всѣмъ своимъ горемъ и страданіемъ; рядомъ съ ними и люди, поднявшіеся уже выше простыхъ тружениковъ и высасывающіе изъ нихъ сокъ, а также и люди, стремящіеся выйти изъ путъ нужды къ лучшей долѣ: „Мартын Буруля", „Хозяин", „Калитка" и др. Прекрасны эти образы по своему реализму и прекрасно разработаны Тобилевичемъ картины создавшихъ ихъ соціальныхъ условій жизни современнаго украинскаго села. А рядомъ съ этими уже исковерканными жизнью типами встаютъ чистые, полные любви и величія души женскіе образы, такіе обаятельные и такіе національно типичные. Творчество И. К. Тобилевича вывело украинскую драму на истинную, реальную почву, оно отзывалось на самыя разнообразныя явленія украинской жизни; вездѣ творческая фантазія автора подчинялась его психологическому глубокому анализу и точному знанію украинскаго села.

Говоря объ украинской драмѣ, нельзя не отмѣтить, что народная музыка, хоровыя пѣсни много способствовали ея успѣху, особливо за предѣлами Украйны. Кромѣ народной пѣсни, музыка въ Украйнѣ за послѣднее столѣтіе получила и научную обработку: Н. В. Лысенко не только издалъ цѣлую серію сборниковъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ, прекрасно имъ отредактированныхъ съ фортепьяннымъ аккомпанементомъ, но и написалъ много оригинальныхъ вещей. Имъ написана музыка ко многимъ стихотвореніямъ Шевченка, къ либретто „Майской ночи", „Рiздвяной ночи" и „Тараса Бульбы" Гоголя. Первыя двѣ оперы много разъ уже исполнялись на разныхъ сценахъ, но „Тарасъ Бульба"—большая и сложная опера, еще ни разу не ставилась, за недостаткомъ голосовыхъ средствъ у существующихъ украинскихъ труппъ. Народныя украинскія пѣсни были разработаны и симфонически и имѣли въ Полтавѣ въ концертахъ Императорскаго Музыкальнаго Общества большой успѣхъ. Кромѣ оперъ Н. В. Лысенка, ставится еще на украинской сценѣ опера г. Аркаса—„Катерина" (поэма Шевченка). Такимъ образомъ богатая народная украинская пѣсня получаетъ обработку, и нарождается новая талантливая школа украинскихъ композиторовъ, черпающихъ въ ней свое вдохновеніе и пользующихся ею для разныхъ формъ музыкальнаго творчества. А было время, когда по

запрету кіевскаго генералъ-губернатора невинную украинскую пѣсню, „Дождик, дождик капает дрибненько“ приходилось пѣть на французскомъ языкѣ (въ 1879 г.). Но украинская музыка не умерла отъ гнета, а развилась и разрабатывается теперь открыто въ музыкальной школѣ, созданной въ Кіевѣ трудами преданнаго ей Н. В. Лысенка.

Такъ, несмотря ни на какія преслѣдованія въ теченіе всего XIX в., украинская культура, украинская поэзія, общественная жизнь Украйны продолжали расти и укрѣпляться. Украйна встрѣтила XX вѣкъ уже вполнѣ возрожденная, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ литературныхъ силъ. Слово—великая вещь и не даромъ Шевченко сказалъ:

„Возвеличу
Малих отих рабів німих,
Я на сторожі коло іх
Поставлю *слово*...“

Теперь Украйна имѣетъ литературу, въ которой можно смѣло назвать на протяженіи всего XIX в. болѣе сотни талантливыхъ писателей, которые своимъ художественнымъ *словомъ* оберегли національное сознаніе народа и, несмотря на сыпавшіяся на ихъ голову кары и взысканія и запрещенія, дали этому слову блестящее развитіе. Въ нашемъ сжатомъ, краткомъ очеркѣ можно было остановиться лишь на самыхъ выдающихся. Приходится изумляться жизненности украинскихъ литературныхъ силъ: сколько писателей оставалось всю свою жизнь совершенно одинокими; многимъ не довелось и видѣть въ печати свои сочиненія; никто изъ нихъ не получалъ никакого матеріальнаго вознагражденія за свои труды, а часто самъ еще писатель изъ заработанныхъ другимъ трудомъ денегъ давалъ средства на изданіе и своихъ и чужихъ произведеній. На копейки издавались украинскія книжки, но потребность въ нихъ росла изъ года въ годъ. Переводы на украинскій языкъ были „строго воспрещены“, но переводы дѣлались, и теперь благодаря трудамъ Нищенскаго и Руданскаго на украинскомъ языкѣ есть прекрасные переводы классическихъ вещей: Одиссеи, Иліады, Антигоны, Овидіевыхъ метаморфозъ (переведены Стешенко). Другіе поэты, особливо Грабовскій, Старицкій, Леся Украинка, М. Славинскій, перевели много стихотвореній лучшихъ современныхъ поэтовъ России и западной Европы. По приказу администраціи, украинскаго языка „не было, нѣтъ и не будетъ“, а украинцы составили полный научно-обработанный словарь своего языка, одобренный Императорской Академіей Наукъ; онъ уже печатается въ Кіевѣ. Этнографическіе труды для изученія украинскаго быта и по украинскому фольклору богаче въ Украйнѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, гдѣ такія работы не преслѣдовались такъ непонятно строго, какъ въ Украйнѣ. Въ общей исторіи русской культуры и общественности, борьба Украйны за свою національную обособленность, за свое родное слово составляетъ одну изъ наиболѣе яркихъ страницъ. Въ этой борьбѣ небольшой кучки національныхъ литераторовъ за свободу своего народа съ насиліемъ и произволомъ безгранично властной администраціи побѣда осталась на сторонѣ физически слабой, но сильной духомъ украинской интеллигенціи. Украйна всту-

пила въ XX вѣкъ съ ясно сознаваемой національной задачей и выработаннымъ ея поэтами и ея политическими дѣятелями идеаломъ федеративнаго объединенія народовъ и независимой автономіей мельчайшихъ областныхъ единицъ; украинскіе поэты вѣрятъ, что

„Великій прійде день колись,
Великій день святой воли,
З народом зійдеться народ,
Зъедна братерство цілий світ...“
(Гринченко)

Подготовкѣ этого великаго дня честно и самоотверженно служила демократическая украинская литература въ теченіе всего XIX вѣка.

ГЛАВА XVIII.

Начальное образованіе во второй половинѣ XIX столѣтія.

(В. И. Чарнолускаго).

1.

Общественное движеніе 50—60-хъ гг. въ области народнаго образованія.

Широкое общественное движеніе, охватившее Россію послѣ полнаго крушенія господствовавшаго крѣпостническаго бюрократическо-самодержавнаго строя во время Крымской войны, не могло, конечно, не отразиться также и въ области народнаго образованія. „Вся Россія говорила тогда объ образованіи“, читаемъ, напримѣръ, въ запискахъ одного изъ самыхъ выдающихся людей той эпохи. „Послѣ того, какъ заключили миръ въ Парижѣ, и цензурныя строгости нѣсколько ослабѣли, стали съ жаромъ обсуждать вопросъ о воспитаніи. Любимыми темами для обсужденія въ прессѣ, въ кружкахъ просвѣщенныхъ людей и даже великосвѣтскихъ гостиныхъ стало невѣжество народа, препятствія, которыя ставились до сихъ поръ желающимъ учиться, отсутствіе школъ въ деревняхъ, устарѣлые методы преподаванія, и какъ помочь всему этому“ *). Въ литературѣ того времени и въ различныхъ появившихся позднѣе мемуарахъ заключается богатый матеріалъ, характеризующій тотъ глубокій и чистый интересъ къ вопросамъ образованія, который съ небывалой силой пробудился въ передовыхъ слояхъ общества. Понятно, что это движеніе должно было сыграть, и дѣйствительно сыграло, огромную творческую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ народнаго образованія. Однако было бы какъ нельзя болѣе ошибочнымъ полагать, что оно охватило все такъ называемое общество того времени. Характеризуя современ-

*) П. Кропоткинъ. Записки революціонера. СПб. 1906 г. Стр. 75.

ныя общественныя направленія въ вопросахъ народнаго образованія, А. Забѣлинъ писалъ въ 1859 г., что въ обществѣ, „къ несчастію, и до сихъ поръ есть очень много людей самыхъ вліятельныхъ, которые весьма сильно спорятъ не только о томъ, какое образованіе нужно народу, но сомнѣваются въ самой необходимости и пользѣ для него даже и простой грамотности... Одни хотятъ, чтобы народъ былъ грамотенъ и просвѣщаемъ, другіе находятъ то и другое для него вреднымъ, или если безвреднымъ, то съ большими только ограниченіями. Которое изъ двухъ мнѣній имѣетъ болѣе послѣдователей, не беремся рѣшать положительно; но предполагаемъ, что, къ стыду нашему, едва ли не преобладаетъ партія обскурантовъ“ *).

Но несмотря на обскурантизмъ значительной части общества, бывшій прямымъ выраженіемъ гнетущей дореформенной атмосферы, новыя живыя начала въ области народнаго образованія неудержимо развивались. Выраженіе ихъ мы находимъ прежде всего въ произведеніяхъ цѣлаго ряда писателей по вопросамъ образованія, ярко и горячо проводившихъ мысли, являвшіяся полнымъ отрицаніемъ мрачнаго прошлаго русской школы. Въ 1856 г. въ „Морскомъ Сборникѣ“ появилась блестящая, глубоко прочувствованная статья Н. Пирогова *), которая произвела огромное впечатлѣніе. Въ ней онъ выдвигаетъ на первый планъ громадное значеніе общаго для всѣхъ „нравственно-научнаго образованія“, имѣющаго въ виду воспитаніе людей и гражданъ и долженствующаго предшествовать какой бы то ни было прикладной или практической подготовкѣ. Далѣе онъ отстаиваетъ предоставленіе школѣ на всѣхъ ея ступеняхъ широкой автономіи, права на самоопредѣленіе и свободы преподаванія и считаетъ основнымъ принципомъ школы уваженіе личности воспитываемыхъ дѣтей и содѣйствіе ихъ самостоятельному умственному росту. Въ 1861 г. Л. Толстой, поселившись въ Ясной Полянѣ, основалъ школу и журналъ, сразу же получившіе огромное вліяніе: „это была первая вполнѣ свободная школа. Ученики приходили и уходили, когда хотѣли, дѣлали, что имъ угодно, учились только тѣмъ предметамъ и въ томъ видѣ, въ какомъ они имъ нравились, безъ всякаго принужденія, безъ малѣйшей дисциплины, кромѣ той, которую они вводили сами... Задача учителей заключалась въ томъ, чтобы интересомъ самого преподаванія умѣть завладѣть вниманіемъ учениковъ и заставить ихъ водворить порядокъ“ *). Позднѣе (1874 г.) Л. Толстой опубликовалъ свое credo въ обширной статьѣ „О народномъ образованіи“**), въ которой писалъ, что „единственный критеріумъ педагогіи есть свобода, единственный методъ есть опытъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ рѣзко нападалъ на новую прогрессивную педагогику и развивавшуюся земскую дѣятельность, находя, что необхо-

*) А. Забѣлинъ. Разногласія по вопросу о народномъ образованіи. М. 1859 г. Стр. 7 и 60.

**) Вопросы жизни. „Морской Сборникъ“. 1856 г., 9.

*) Е. Соловьевъ. Л. Н. Толстой. Изд. 3. СПб. 1902. Ст. 73.

**) „Отечественныя Записки“. 1874 г., 9. Вошла въ полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого.

димо предоставить народу „свободу устраивать свои школы, какъ онъ хочетъ, и вмѣшиваться въ самое дѣло устройства школъ какъ можно меньше“. Статья эта заключаетъ не мало совершенно ошибочныхъ взглядовъ и вызвала большую полемику, но общее значенiе ея лучше всего видно изъ слѣдующаго отзыва о ней одного изъ педагоговъ, на котораго она, между прочимъ, нападала: „Эта статья, несмотря на произведенный ею шумъ, конечно, не упразднила ни звукового способа обученiя грамотѣ, ни вообще новой школы, замѣнившей русскую дореформенную школу... напротивъ, она подѣйствовала, такъ сказать, „отрезвляющимъ“ образомъ на педагоговъ, увлекшихся нѣмецкой методикой, забывшихъ въ своемъ увлеченiи требованiя народной жизни и невольно впадавшихъ въ крайности и преувеличенiя“ *). Выдвинувшiйся въ ту же эпоху К. Д. Ушинскiй развивалъ мысль, что „общественное воспитанiе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго. Система общественнаго воспитанiя, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденiя, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготовлять техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, а если они будутъ появляться, то независимо отъ воспитанiя. Возбужденiе общественнаго мнѣнiя въ дѣлѣ воспитанiя есть единственно прочная основа всякихъ улучшенiй по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнiя о воспитанiи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанiя, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведенiй“ *).

Таковы были главнѣйшiя общественныя идеи въ дѣлѣ народнаго образованiя, выдвинутыя новыми людьми въ началѣ второй половины XIX вѣка. Породившiй ихъ общественный подъемъ проявился однако не въ одной литературѣ, а и въ живой общественной просвѣтительной работѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ началось массовое движенiе интеллигентной молодежи „въ народъ“ — движенiе, у участниковъ котораго „не было еще никакой мысли о революцiи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты, и въ то же время узнать у самого народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соцiальной жизни“ **). Въ 1859 г. въ Кiевѣ и Петербургѣ возникли первыя воскресныя школы, явившiяся у насъ и первыми общественными учебными заведенiями. Въ основу ихъ организацiи сразу же были положены тѣ начала, которыя, въ общемъ, сохранились и во все послѣдующее время: „даровое обученiе, безвозмездный трудъ учащихъ, серьезное, созна-

*) Н. Ѳ. Бунаковъ. Моя жизнь. „Педагогическiй листокъ“. 1908, 1, стр. 12.

*) „О народности въ общественномъ воспитанiи“. (Напечатана въ „Собранiи педагогическихъ сочиненiй К. Д. Ушинскаго“. 2 изд. СПб. 1905. Стр. 70).

**) Кропоткинъ, стр. 272.

тельное отношеніе къ дѣлу преподаванія, идейная работа, чисто товарищескія отношенія между учащими и учащимися *). На фонѣ дореформенныхъ казенныхъ школъ новыя школы представлялись особенно яркими, свѣтлыми точками, быстро завоевавшими себѣ симпатіи населенія и привлекавшими множество безкорыстныхъ общественныхъ работниковъ. Тогда еще повсюду господствовалъ буквослагательный методъ, и воскресныя школы первыя примѣнили съ блестящимъ успѣхомъ новый звуковой способъ - Золотова. Авангардомъ въ движеніи по открытію воскресныхъ школъ было студенчество, по иниціативѣ котораго возникли кіевскія воскресныя школы, учрежденныя при попечительствѣ Пирогова и близкомъ участіи проф. Павлова.

Въ широкихъ общественныхъ кругахъ отношеніе къ воскреснымъ школамъ было двоякое: вся прогрессивная часть общества искренно имъ сочувствовала и горячо ихъ пропагандировала, видя въ нихъ лучшій разсадникъ просвѣщенія; темная же, крѣпостническая часть общества относилась къ нимъ съ нескрываемой враждебностью. Насколько широко захватилъ общество интересъ къ воскреснымъ школамъ, видно изъ того, что къ 1862 г. общее число ихъ достигло уже 331, при чемъ онѣ существовали въ 178 городахъ 53 губерній.

*) Д. Вольфсонъ. Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 1903. См. также В. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. М. 1896.

Оживленіе общественнаго интереса къ народному образованію, естественно, вызвало стремленіе къ объединенію работающихъ на этомъ поприщѣ въ просвѣтительныя общества. Однако практическое осуществленіе общественныхъ начинаній по организаціи просвѣтительныхъ обществъ сопровождалось такими внѣшними затрудненіями, что только очень немногія изъ нихъ имѣли успѣхъ. Въ 1857 г. былъ возбужденъ вопросъ объ организаціи Петербургскаго Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, но открыть свои дѣйствія Комитетъ могъ только въ 1861 г., несмотря на то, что иниціаторомъ его былъ С. С. Лошкаревъ— „типичный тогдашній чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ", признававшій даже крѣпостное право *). Въ 1857 г. возникло въ Петербургѣ Педагогическое Общество, дѣятельными членами котораго стали многіе выдающіеся педагоги. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о числѣ неудачныхъ общественныхъ попытокъ этого рода пока не имѣется, но оно, несомнѣнно, было значительно. Историкъ Петербургскаго Комитета Грамотности отмѣчаетъ, что въ перепискѣ начала 60-хъ годовъ встрѣчаются частыя сообщенія о неудачныхъ попыткахъ учрежденія въ провинціи обществъ народнаго образованія.

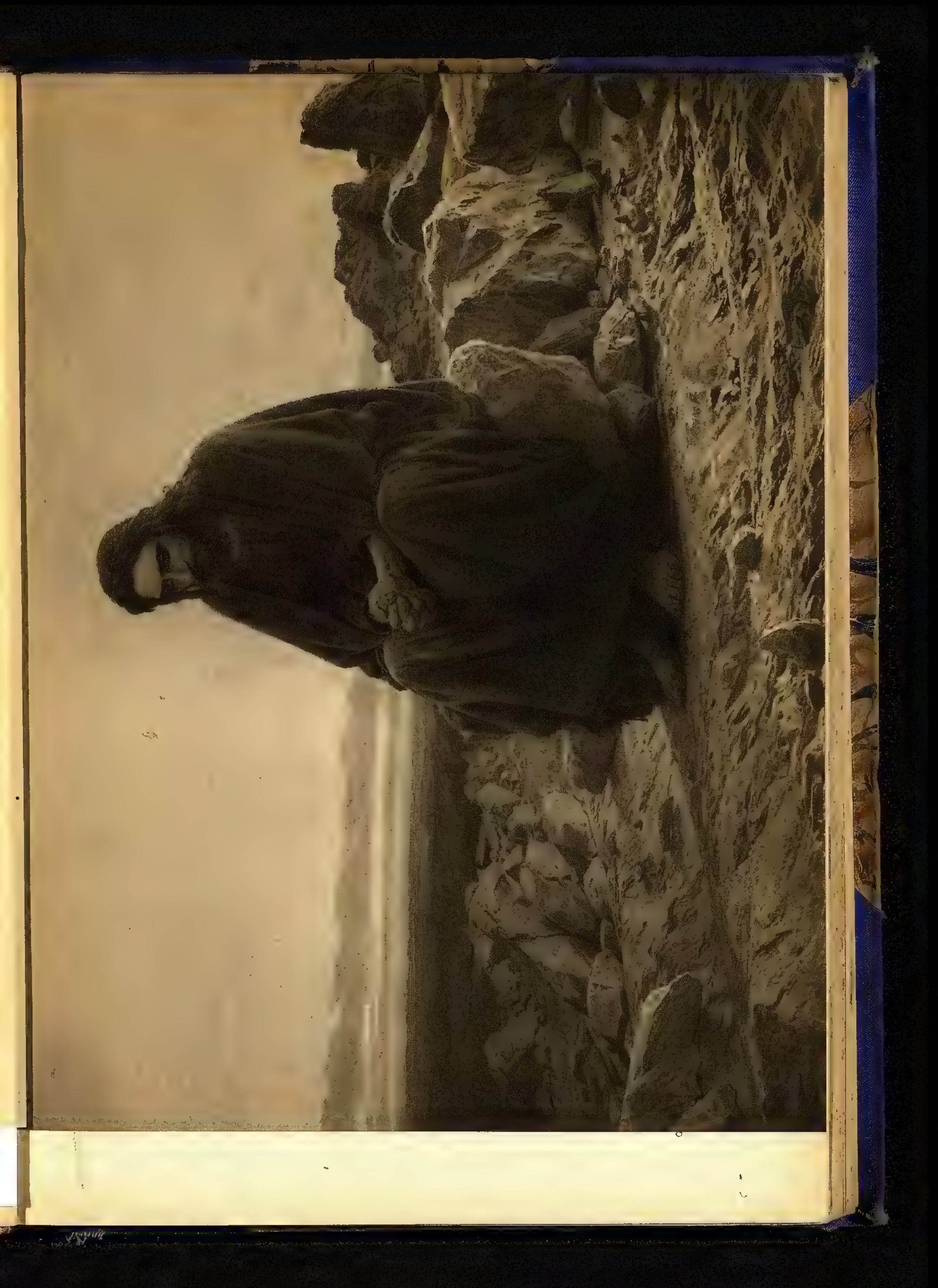
*) Д. Протопоповъ. Исторія СПб. Комитета Грамотности. СПб. 1898.

И. Н. Крамской. Христосъ въ пустынѣ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

9

2.

Школьное законодательство и правительственная дѣятельность 60—70 гг. *)

Крахъ николаевскаго режима и общественное пробужденіе сдѣлали неизбѣжной общую реформу школьнаго дѣла. „Преддверіемъ“ ея явился всеподданнѣйшій докладъ назначеннаго еще Николаемъ I министра народнаго просвѣщенія Норова 5 марта 1856 г. „Кореннымъ основаніемъ всего воспитанія и образованія отечественнаго“ докладъ признаетъ „святыя истины православной церкви“, преподаваніе которыхъ должно „принять свойство нравственно-назидательнаго, одушевляющаго ученія“; важнѣйшей задачей министерства признается „сосредоточеніе разнородныхъ стихій и частей государства въ одинъ плотный, крѣпкій составъ“ сліяніемъ „всѣхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ патріотизмовъ и влеченій“. Въ годовомъ своемъ отчетѣ министръ писалъ, что „господствующее направленіе образованія“ не только въ среднихъ, но даже и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ „должно быть классическое, общее для того, чтобы, развивая еще юныя впечатлительныя умственныя способности, предохранить ихъ отъ вліянія матеріализма, убивающаго въ самомъ началѣ всякое благородное побужденіе, раздражающаго себялюбіе и корысть... Классическое образованіе пріучаетъ умы къ высокому и изящному, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаетъ отъ суетнаго чтенія безполезныхъ и вредныхъ книгъ“. Разработка проектовъ новыхъ уставовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній была поручена ученому комитету министерства, который въ началѣ 1860 г. изготовилъ „Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія“. Затѣмъ онъ былъ переработанъ на основаніи полученныхъ отзывовъ и вылился въ „Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“. Однако уже въ 1860 г. вопросъ объ устройствѣ начальнаго образованія былъ выдѣленъ изъ общаго плана и разработка его поручена особому комитету изъ представителей министерствъ народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а также православнаго духовнаго вѣдомства. Результатомъ работъ этого комитета явился „Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“. Оба эти проекта были подвергнуты министерствомъ широкому обсужденію и затѣмъ изданы со всѣми полученными замѣчаніями въ шести объемистыхъ томахъ *), являющихся

*) См. главнымъ образомъ: С. В. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. СПб. 1902; Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія и Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Ссылки на нихъ въ текстѣ опущены.

*) Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. Томы I—VI. СПб. 1862.

важнымъ историческимъ памятникомъ той эпохи.

Министерскій „Проектъ устава" явно отражаетъ господствовавшее во время его составленія общественное настроеніе. „Существенною цѣлью" училищъ онъ ставитъ *„воспитаніе человѣка*, т. е. такое всестороннее и равномѣрное развитіе въ обучающемся юношествѣ всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, при которомъ только возможны разумное, согласное съ человѣческимъ достоинствомъ воззрѣніе на жизнь и вытекающее изъ него умѣнье пользоваться жизнью". Для достиженія этой цѣли проектъ считаетъ необходимымъ „дать низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ характеръ общеобразовательный", „сосредоточить всѣ общеобразовательныя учебныя заведенія въ одномъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія", „обратить особенное вниманіе на приготовленіе способныхъ воспитателей и учителей, съ предоставленіемъ имъ правъ, соразмѣрныхъ съ важностью ихъ обязанностей", „доставить каждому учебному заведенію возможность самодѣятельнаго совершенствованія" и „облегчить способы къ распространенію образованія". Всѣ учебныя заведенія имѣютъ учебный курсъ, представляющій „въ извѣстной степени законченность, и находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсной связи между собою". Народныя училища учреждаются мѣстными обществами безъ предварительнаго разрѣшенія и содержатся на ихъ счетъ, правительственное пособіе „назначается только въ такихъ случаяхъ, когда, по числу жителей, признано будетъ необходимымъ учрежденіе училища въ какомъ-либо мѣстѣ, а мѣстное общество окажется дѣйствительно не имѣющимъ достаточныхъ къ тому средствъ". Частныя учебныя заведенія имѣютъ „курсы согласно съ желаніемъ учредителей", а „право обучать въ частныхъ домахъ имѣютъ всѣ лица безъ различія званія и подданства, пользующіяся, въ этомъ отношеніи, довѣріемъ родителей". Проектъ устанавливалъ минимальное жалованье учителей и учительницъ (200 р. для сельскихъ, 250 р. — городскихъ) и вводилъ выборныхъ обществами школьныхъ попечителей, которымъ, между прочимъ, предоставлялъ пріисканіе учителей и представленіе ихъ на утвержденіе директора народныхъ училищъ, „вѣдомству" котораго подлежатъ всѣ училища, домашніе наставники и учителя. „Для доставленія возможности лицамъ, посвятившимъ себя образованію юношества, мѣняться своими наблюденіями и опытами, для взаимнаго между собою сближенія начальниковъ и преподавателей и достиженія чрезъ то единства въ ихъ дѣйствіяхъ, равно какъ и обобщенія педагогическихъ началъ" учреждаются губернскіе училищные совѣты въ составѣ директора училищъ, начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній и выборныхъ представителей отъ ихъ педагогическаго персонала; съ вѣдома предсѣдателя, въ засѣданіяхъ совѣтовъ предоставлено участвовать не только всѣмъ преподавателямъ и воспитателямъ, но даже и постороннимъ лицамъ; предсѣдатель совѣта избирается членами на 2 года. Та-

кимъ образомъ, по проекту, губернскіе совѣты не имѣли никакой принудительной власти.

Междувѣдомственный „Проектъ общаго плана“ рѣзко отличается отъ проекта устава, сущность котораго только что изложена, и носитъ уже чисто бюрократическій характеръ. По „Плану“ училища учреждаются „для утвержденія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и для доставленія всему сельскому сословію и нижнимъ классамъ городского населенія первоначальныхъ, общихъ и каждому необходимыхъ свѣдѣній“. Всѣ училища „въ учебномъ отношеніи подлежатъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и управляются“ черезъ директоровъ училищъ. Открытіе училищъ „въ потребномъ, соразмѣрно населенію, числѣ“, признано обязанностью городовъ и сельскихъ приходовъ, при чемъ, кромѣ обязательныхъ для обывателей взносовъ на содержаніе мѣстныхъ училищъ, каждый городъ и приходъ долженъ вносить еще 10%-ый сборъ въ запасный губернскій училищный капиталъ, изъ котораго министръ можетъ назначать пособія на содержаніе училищъ въ бѣдныхъ и малолюдныхъ городахъ и приходахъ. Что касается финансоваго участія государства, то проектъ сводилъ его къ нулю, ограничиваясь опредѣленіемъ, что „для облегченія содержанія народныхъ училищъ министерство народнаго просвѣщенія принимаетъ мѣры къ удешевленію учебниковъ и книгъ“. Учащіе опредѣляются и увольняются директорами; минимальное жалованье установлено только для учителей, учительницы же „получаютъ содержаніе по добровольному соглашенію съ обществомъ“. Относительно приготовленія учащихъ проектъ ограничивался неопредѣленной статьей о томъ, что министерство „принимаетъ мѣры къ постепенному приготовленію, для занятія учительскихъ вакансій въ народныхъ училищахъ, лицъ, спеціально для сего назначенія приготовленныхъ“.

Кромѣ ученаго комитета и междувѣдомственнаго комитета, вопросъ о народномъ образованіи разрабатывается еще въ связи съ крестьянской реформой. Уже въ секретномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ виленскому генералъ-губернатору Назимову въ 1857 г. говорилось, что въ составляемыхъ губернскими комитетами проектахъ должны быть указаны „мѣры, необходимыя для распространенія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ“, а при образованіи „особой комиссіи о нѣкоторыхъ дополнительныхъ предположеніяхъ, имѣющихъ связь съ крестьянскимъ дѣломъ“, ей также былъ, между прочимъ, указанъ вопросъ о „мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для поощренія крестьянскихъ обществъ къ учрежденію на собственный счетъ училищъ *). Изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ только въ 8 находились „нѣкоторыя указанія о средствахъ содержанія сельскихъ училищъ“. Особая же комиссія въ своемъ докладѣ доказываетъ „настоятельную необходимость въ сельскихъ училищахъ“ двумя соображе-

*) Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій для составленія Положеній о крестьянахъ. Третій періодъ. Ч. XVII. СПб. 1860. Доклады особой комиссіи. Отд. III. О сельскихъ училищахъ (стр. 1—22).

ніями: съ одной стороны, „большая часть начертываемыхъ нами постановленій тогда только достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, усвояемыя ему новымъ Положеніемъ", съ другой стороны, „распространеніе грамотности, какъ единственный способъ ознакомленія крестьянъ съ распоряженіями правительства, дѣйствительнѣе всякихъ другихъ мѣръ предупредитъ безотчетное увлеченіе несбыточными ожиданіями и слѣпую вѣру, съ которой принимаются часто самые неосновательные слухи". Въ своихъ „соображеніяхъ" комиссія находитъ, что первоначально „учрежденіе сельскихъ училищъ необходимо предоставить собственному желанію крестьянскихъ обществъ", и вычисляетъ, что потребуется всего 5.000 училищъ. Полагая, что правительство приметъ на себя половину расходовъ по ихъ содержанію, общая цифра правительственнаго пособія не превыситъ 625.000 руб. въ годъ—сумма, на которую „надобно смотрѣть, какъ на крайній предѣлъ, до котораго можетъ со временемъ достигнуть пожертвованіе правительства на дѣло народнаго просвѣщенія". Когда число сельскихъ училищъ достигнетъ 5.000, то, по мнѣнію комиссіи, это будетъ служить „вѣрнымъ указаніемъ какъ увеличившагося благосостоянія народа, такъ и пробудившагося въ немъ стремленія къ образованію" и тогда можно приступить къ постепенному введенію системы обязательнаго учрежденія училищъ безъ пособія отъ правительства. Комиссія высказалась далѣе за предоставленіе всѣмъ желающимъ права обучать въ селеніяхъ грамотѣ, письму и ариѳметикѣ и открывать для этого частныя школы грамотности безъ требованія для этого какого-либо испытанія; „частное обученіе грамотности существуетъ у насъ и нынѣ повсюду, наперекоръ закону, запрещающему обученіе лицамъ, не получившимъ на то права, и вредныхъ послѣдствій отъ такого частнаго обученія не замѣчено", прибавляетъ комиссія. „Чтобы участіе сельскихъ обществъ въ завѣдываніи училищами могло совершаться черезъ посредство лицъ просвѣщенныхъ" и „чтобы привлечь дворянство къ содѣйствію народному образованію", комиссія предложила „предоставить сельскимъ обществамъ избирать изъ среды помѣщиковъ попечителей учреждаемыхъ обществами училищъ". По ея мнѣнію, „участіе дворянства въ этомъ дѣлѣ и потому еще важно, что матеріальныхъ пожертвованій на народное образованіе вѣроятнѣе всего ожидать отъ этого сословія".

Всѣ отдѣльные проекты и матеріалы по школьной реформѣ, послѣ довольно длинныхъ и запутанныхъ бюрократическихъ перипетій, были переработаны ученымъ комитетомъ въ законопроектъ, представленный въ 1864 г. въ государственный совѣтъ и получившій силу закона подъ названіемъ „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года". Передъ окончательнымъ внесеніемъ законопроекта въ совѣтъ, а также и при обсужденіи его въ совѣтѣ возникли въ высшей степени характерныя разногласія по вопросу о роли учреждавшагося въ то время земства и бюрократіи въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ. Получивъ про-

ектъ, главноуправляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи бар. Корфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что нѣкоторыя губернскія дворянскія собранія, разсуждая о земскихъ учрежденіяхъ, выразили мысль, что „народныя школы должны быть подчинены этимъ учрежденіямъ". Бар. Корфъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ этой мысли и писалъ, что „какъ ни обдуманно и осторожно составлены правила объ училищныхъ совѣтахъ, все же они будутъ совершеннымъ подобіемъ и повтореніемъ существующихъ у насъ многочисленныхъ и разнородныхъ мѣстныхъ комитетовъ и комиссій, общій характеръ коихъ составляетъ бюрократическое направленіе, т. е. форма, лишенная въ большей части случаевъ жизни". Земскія учрежденія представляются, по его мнѣнію, болѣе подходящими для завѣдыванія училищами, чѣмъ эти совѣты. Въ самомъ государственномъ совѣтѣ мысль о привлеченіи земства къ дѣлу народнаго образованія была поддержана многими членами и, между прочимъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Ковалевскимъ, который находилъ, что до сихъ поръ у насъ обращали все вниманіе на высшія и отчасти среднія учебныя заведенія, „собственно же народныя школы всегда оставались въ пренебреженіи. Отъ этого нашъ храмъ просвѣщенія, если смотрѣть на него прямо, представляетъ позолоченную крышу, довольно красивыя стѣны, но самый зыбкій фундаментъ; конечно, такія зданія не могутъ быть прочны". „Необходимо", говоритъ онъ далѣе, чтобы общество „приняло дѣятельное въ этомъ участіе, сколько для воспособленія правительству въ финансовомъ отношеніи, столько же и потому, чтобы развить въ самомъ себѣ начала предполагаемаго самоуправленія въ хозяйственномъ смыслѣ и возбудить въ немъ энергію къ общественнымъ дѣламъ, уснувшую отъ безпрерывно и вездѣ продолжавшейся надъ нимъ опеки". Въ результатѣ дѣло свелось къ предоставленію земскимъ представителямъ двухъ мѣстъ въ училищныхъ совѣтахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ внесъ въ обсуждавшійся проектъ цѣлый рядъ очень существенныхъ измѣненій реакціоннаго характера. Самымъ важнымъ было исключеніе статьи, допускавшей мѣстныя нарѣчія при первомъ обученіи, „такъ какъ правительство должно озабочиваться развитіемъ общей русской грамотности, а не мѣстныхъ нарѣчій". Была также исключена статья проекта, запрещавшая въ школахъ тѣлесныя наказанія, и вопросъ этотъ обойденъ въ законѣ молчаніемъ. Учебный курсъ народной школы, по сравненію съ проектомъ, былъ урѣзанъ и исключено предположеніе министра о содержаніи на правительственный счетъ нормальныхъ образцовыхъ училищъ. Наконецъ, не прошло въ совѣтѣ учрежденіе проектировавшихся министерскимъ проектомъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, при чемъ играли роль интересы „экономіи".

Въ окончательномъ своемъ видѣ школьная реформа 1864 г. свелась къ слѣдующимъ основнымъ чертамъ. Опредѣляя цѣль начальныхъ народныхъ училищъ, законъ выдвигаетъ на первое мѣсто „утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій", отодвигая на второй планъ

„распространеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній“. Все преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ. Учебный курсъ народной школы ограниченъ закономъ Божіимъ, чтеніемъ по книгамъ гражданской и церковной печати, письмомъ, первыми 4 дѣйствіями ариѳметики и церковнымъ пѣніемъ „тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно“. Констатируя, что при прежней системѣ „въ частныхъ лицахъ и даже обществахъ возникло и укоренилось недовѣріе къ общественному ученію и сочувствіе къ частному, домашнему, хотя бы и худшему“, министръ, въ своихъ „соображеніяхъ“ къ законопроекту, признавалъ, что для развитія народныхъ школъ „необходима совокупная и, по возможности, свободная дѣятельность правительства, духовенства, общинъ и частныхъ лицъ“. Однако это признаніе не помѣшало введенію разрѣшительной системы открытія училищъ и предоставленію учредителямъ лишь установленія „размѣра содержанія и порядка отчетности о начальныхъ народныхъ училищахъ“, а „наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ“ во всѣхъ училищахъ возложено закономъ на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Управленіе, надзоръ и руководство школами возложены на училищные совѣты: уѣздные, въ составѣ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, духовнаго вѣдомства, двухъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и по одному отъ города и вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя училища, а также попечителей народныхъ училищъ, по назначенію губернскаго совѣта; губернскіе, въ составѣ архіерея, какъ „первенствующаго члена“, начальника губерніи, директора училищъ и 2 членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Предсѣдатель уѣзднаго совѣта избирается совѣтомъ изъ своей среды и утверждается губернскимъ совѣтомъ. Въ „соображеніяхъ“ проводилась мысль, что министерство внутреннихъ дѣлъ могло бы приглашать въ члены уѣзднаго совѣта, въ качествѣ своего представителя, „одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, чрезъ что дворянство, какъ самое образованное сословіе, получило бы вліяніе на дѣла народнаго образованія“. На то же министерство „соображенія“ возлагали обязанность „наблюдать за тѣмъ, чтобы въ числѣ наставниковъ, учителей и содержателей школъ не являлись лица неблагонадежныя, которыя могли бы употребить школу орудіемъ вредныхъ замысловъ“. Назначеніе министерства народнаго просвѣщенія въ отношеніи къ народнымъ училищамъ „соображенія“ видѣли, „кромѣ наблюденія за ходомъ въ нихъ учебной части, въ составленіи хорошихъ учебниковъ и въ учрежденіи нѣкотораго числа народныхъ училищъ, гдѣ ученіе должно совершаться согласно со всѣми требованіями педагогики, и въ развитіи посредствомъ такихъ училищъ соревнованія между частными школами“, но это послѣднее предположеніе государственнымъ совѣтомъ было, какъ мы уже говорили, исключено. Въ „финансовыхъ соображеніяхъ“ къ законопроекту говорится, что „въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго ученія“ министерство приняло „систему поощренія и пособія“ и предположило въ ближайшіе 3 года дойти съ этой цѣлью до суммы въ 300.000 р.

Въ качествѣ „преимущества“ избранной системы выдвинуто то соображеніе, что „часть суммы, которая будетъ ассигнована на сей предметъ, поступитъ въ пользу православнаго сельскаго духовенства, въ возмездіе за полезные труды его по обученію народа. Такимъ образомъ расходъ этотъ достигнетъ двухъ цѣлей: обученія народа и улучшенія быта нѣкоторой части православнаго духовенства, при обезпеченіи ему прямого участія въ дѣлѣ народнаго образованія“.

Сопоставленіе „Положенія“ 1864 года не только съ тѣми общественными требованіями, которыя были выдвинуты въ предшествующіе годы, но и съ первоначальнымъ проектомъ самого министерства показываетъ, какъ не соотвѣтствовала эта реформа дѣйствительнымъ потребностямъ страны и съ какой боязнью относилось правительство къ широкому развитію народнаго образованія даже въ самый разгаръ „великихъ реформъ“. На немъ явственно уже отразилась общая реакція, наступившая въ правительственныхъ сферахъ вскорѣ же послѣ начала этихъ реформъ и сказавшаяся на вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія всего раньше и рѣзче. Началомъ ея можно считать уже 1862 годъ, когда были насильственно закрыты всѣ воскресныя школы. Дѣятельность ихъ вызвала подозрѣнія шефа жандармовъ Долгорукова еще въ 1860 г. и онъ представилъ государю записку, въ которой развивалъ слѣдующую замѣчательную программу отношенія правительства къ народному образованію *): „Правительство должно необходимо принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, дабы стать во главѣ сего движенія, обратить на пользу безсознательное увлеченіе праздныхъ и бродящихъ умовъ, дабы правильнымъ, зрѣло обдуманнымъ руководствомъ предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присущность очевидна“. Далѣе шефъ жандармовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Препятствовать распространенію школъ вредно и едва ли возможно; не должно оставлять ихъ въ тѣхъ рукахъ, которыя произвольно приняли ихъ на свое попеченіе; исподволь и осторожно слѣдуетъ обратить всѣ народныя школы въ учрежденіе государственное, принять безотложныя мѣры къ улучшенію ихъ и дать видъ поощренія быстрому распространенію ихъ; какъ выраженіе сочувствія правительства, устроить при церквахъ особыя на сей предметъ кружки, хотя и нельзя ожидать отъ сей мѣры успѣшнаго воспособленія“; сборы въ пользу школъ „предоставить непосредственно вѣдѣнію попечителя учебнаго округа“ и „при нынѣшнемъ положеніи воскресныхъ школъ можно ожидать, что по прошествіи нѣкотораго времени ослабнетъ стремленіе, возбужденное модою и сверхъестественнымъ порывомъ, и тогда за недостаткомъ средствъ школы будутъ послѣдовательно закрываемы, что неминуемо приписано будетъ противодѣйствующей инерціи“; дабы школы не усвоили безпорядка „надлежало бы привлечь неощутительно къ участію лицъ

*) М. Лемке. Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ“. Изд. 2. СПб. 1908. Дѣло воскресниковъ. Стр. 401—438.

высшаго сословія, благонамѣренность коихъ не подлежитъ сомнѣнію", ибо „ни министерство народнаго просвѣщенія, ни полиція не могутъ имѣть средствъ къ достаточному надзору"; „осторожно и спокойно отстранить всякое покушеніе къ расширенію учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаваніемъ правилъ вѣры (разумѣется, духовнымъ лицомъ), грамоты, письма и счета, не допуская чтенія книгъ, не назначенныхъ къ тому спеціально учебнымъ вѣдомствомъ, и воспретивъ объясненія отвлеченныхъ предметовъ"; „немедленно приступить къ изданію книгъ для народнаго чтенія", при чемъ составленіе ихъ „отнюдь не можетъ предоставляемо быть отдѣльнымъ лицамъ, а, съ допущеніемъ участія сочувствующихъ сему дѣлу, должно быть поручено отвѣтственной редакціи". Александръ II нашелъ въ запискѣ шефа жандармовъ „много справедливаго" и передалъ ее министру народнаго просвѣщенія, который поспѣшилъ издать циркуляръ, осуществлявшій значительное число предложеній Долгорукова; въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету, Ковалевскій между прочимъ говорилъ, что „воскресныя школы всегда открыты для лицъ, коимъ порученъ негласный надзоръ за общественнымъ благоустройствомъ". Во время петербургскихъ пожаровъ 1862 г. поступили доносы 4 рабочихъ на воскресныя школы, и министръ внутреннихъ дѣлъ доложилъ государю, что въ двухъ изъ нихъ „преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства". Для дознанія по этому дѣлу была назначена чрезвычайная комиссія изъ членовъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, управленія шефа жандармовъ и петербургскаго генералъ-губернатора, при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Но еще до окончанія дознанія послѣдовало высочайшее повелѣніе о закрытіи всѣхъ существующихъ воскресныхъ школъ и читаленъ „впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ". Уже послѣ этого закрытія предсѣдатель комиссіи представилъ подробную записку о результатахъ слѣдствія, въ которой между прочимъ говорилось, что „официальные отвѣты начальниковъ губерній на сдѣланные запросы, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ ничего противозаконнаго и предосудительнаго не обнаружено, свидѣтельствуютъ только о томъ, что губернаторы, въ свое время не смотрѣвшіе на дѣло, могли и нынѣ въ него не всмотрѣться". По приговору, постановленному сенатомъ, разсматривавшемуся государственнымъ совѣтомъ и затѣмъ высочайше утвержденному, были назначены жестокія наказанія: студенту Хохрякову 5 л. каторги, студенту Беневоленскому ссылка на поселеніе, 3 ученикамъ наказаніе розгами и 1— арестъ, студентъ Крапивинъ во время слѣдствія сошелъ съ ума, а 1 ученикъ умеръ. Наконецъ, одному ученику постановлено „строго внушить, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду ихъ, не останавливался собираніемъ доказательствъ".

Таковъ былъ финалъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ общественныхъ просвѣтительныхъ движеній, которое не могло не отразиться на дальнѣйшихъ судьбахъ народнаго образованія. Съ одной стороны, начавшаяся среди демократической интеллигенціи тяга „въ народъ", имѣвшая сначала открытый и главнымъ образомъ культурно-просвѣтительный характеръ, стала все болѣе и болѣе принимать чисто революціонный, конспиративный характеръ. Съ другой стороны, по мѣрѣ усиленія правительственной реакціи, широкая легальная просвѣтительная общественная дѣятельность все болѣе угнеталась. Изслѣдователь общественнаго движенія въ ту эпоху констатируетъ, что „къ началу 70-хъ годовъ, несмотря на продолжавшіяся по инерціи преобразованія, всякое либеральное движеніе въ обществѣ было совершенно задавлено. Люди, воодушевленные когда-то освободительными идеями начала царствованія, мечтавшіе о свѣтломъ будущемъ своего отечества и о свободной, широкой общественной дѣятельности, теперь на все махнули рукой, ушли въ частную, домашнюю жизнь... Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ застой и рѣзкій упадокъ дѣятельности замѣчается не только въ земствахъ, но и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ съ культурно-просвѣтительными задачами" *). Въ частности, хотя Положеніемъ 1864 г. воскресныя школы были узаконены, а процедура ихъ открытія даже упрощена, но вызвавшее ихъ движеніе замерло надолго. Только въ 1866 г. открылись воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ, первыя же послѣ закрытія общественныя воскресныя школы возникли лишь въ 1867—1870 гг. (въ Вологдѣ, 2 въ Петербургѣ и въ Харьковѣ).

Послѣ каракозовскаго покушенія и назначенія министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. Толстого, даже только что изданное Положеніе о народныхъ училищахъ показалось слишкомъ либеральнымъ и снова былъ поставленъ на очередь общій пересмотръ системы народнаго образованія. Въ рескриптѣ 13 мая 1866 г. на имя предсѣдателя комитета министровъ говорилось, что „Провидѣнію угодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все, что для нея искони священно, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ". Въ виду этого даются указанія, чтобы воспитаніе юношества „было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка", причемъ „видамъ по этому важному предмету" должно быть „оказано ревностное содѣйствіе" и „въ кругу домашняго воспитанія". Въ тѣсной связи съ этимъ рескриптомъ стоитъ рядъ важныхъ мѣръ по народному образованію, составившихъ въ совокупности систему, дѣйствовавшую до самаго конца столѣтія и подвергавшуюся въ послѣдующіе годы лишь

---

*) А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. („Минувшіе Годы" 1908, 9, 10).

частичнымъ дополненіямъ и измѣненіямъ.

„Когда противоправительственной и антирелигіозной пропагандѣ посредствомъ воскресныхъ школъ былъ положенъ конецъ“, читаемъ въ офиціальной исторіи ученаго комитета *), „злонамѣренные люди, не отчаяваясь въ успѣхѣ своихъ замысловъ, рѣшились прибѣгнуть къ другому средству: они взялись именно за изданіе книгъ, предназначенныхъ исключительно для распространенія въ народѣ, или же среди учащихся“, и хотя книжки эти „выходили съ разрѣшенія цензуры, но направлены были всецѣло противъ всякаго рода религіозныхъ вѣрованій, монархическаго образа правленія и основъ современнаго государственнаго и общественнаго строя“. Въ томъ же 1866 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе „сообразить“ „мѣры“, которыя могли бы быть приняты къ прекращенію изданія и изъятію изъ употребленія вредныхъ для молодого поколѣнія учебниковъ“. Почти одновременно министръ представилъ получившій одобреніе государя докладъ о необходимости учредить особаго рода цензурный надзоръ за книгами, издаваемыми для „простонароднаго чтенія“. Повидимому, основная мысль доклада была заимствована изъ записки поэта Н. Ф. Щербины (1866 г.), который, „во избѣжаніе парализированія направленія и дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія со стороны литературы и публицистики“, считалъ необходимымъ спеціальный цензурный надзоръ не только за книгами для народнаго и дѣтскаго чтенія, но также за „педагогическими“ и „дидактическими“ книгами, а также за всѣми статьями педагогическаго содержанія въ русскихъ газетахъ и журналахъ. Однако правительство не рѣшилось пойти за поэтомъ до конца, и дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ продолжительной переписки между вѣдомствами объ особой цензурѣ и другихъ мѣрахъ противъ народной, дѣтской и учебной литературы, въ 1869 г. при ученомъ комитетѣ былъ учрежденъ „особый отдѣлъ“ спеціально для разсмотрѣнія книгъ, издаваемыхъ для народныхъ училищъ и народнаго чтенія. Самъ ученый комитетъ былъ учрежденъ въ 1856 г., а въ 1864 г. была отмѣнена „книжная операція“ департамента народнаго просвѣщенія, черезъ который проходили до этого времени всѣ учебники для учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ къ 1869 г. окончательно сложилась у насъ система спеціальной правительственной цензуры для всѣхъ книгъ, употребляемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Цензура эта была фактически централизована въ министерствѣ; изданныя же въ 1865 г. правила, предоставляющія право разсмотрѣнія учебныхъ книгъ наряду съ ученымъ комитетомъ также и попечительскимъ совѣтамъ, остались мертвой буквой.

Въ началѣ періода реформъ (1857, 1858 гг.) министерство, по выраженію его офиціальнаго историка, отказалось „отъ давнишняго недоброжелательнаго взгляда на частныя учебныя заведенія“, запрещеніе открывать ихъ было отмѣнено и право разрѣшать ихъ было предоставлено

*) А. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. СПб. 1902.

попечителямъ учебныхъ округовъ. Однако „такъ какъ оставалось во всей силѣ требованіе, чтобы учебный курсъ частныхъ училищъ по возможности соотвѣтствовалъ курсу казенныхъ учебныхъ заведеній, то частныя школы не успѣли сложиться въ особые оригинальные типы“. Приступая къ „согласованію съ новымъ учебнымъ строемъ“ законоположенія о частныхъ училищахъ, гр. Толстой признавалъ, что „требованіе, чтобы частныя училища по учебному курсу непремѣнно походили на казенныя“— „односторонне“. Задача правительства въ этомъ дѣлѣ заключается, по его мнѣнію, „въ предоставленіи полной свободы частнымъ училищамъ избирать тотъ или другой учебный курсъ съ тѣмъ однако, чтобы этотъ курсъ всякій разъ былъ утверждаемъ учебнымъ начальствомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ не дѣлалъ никакихъ различій между частными учебными заведеніями, содержимыми частными лицами, городскими и сельскими обществами и земствами *). Новый законъ о частныхъ училищахъ, изданный въ 1868 г., былъ однако очень далекъ отъ той „полной свободы“, за которую теоретически высказался въ этой области его творецъ. По закону, не только требуется, чтобы учебный планъ каждаго училища былъ утвержденъ попечителемъ округа, но было также постановлено, что въ числѣ учебныхъ предметовъ обязательно должны находиться законъ Божій и русскій языкъ, а тамъ, гдѣ преподается исторія и географія, въ курсъ обязательно входятъ русская исторія и русская географія. При осмотрѣ училищъ, учебному начальству прежде всего рекомендуется „узнавать образъ мыслей и нравственныя качества содержателей“. Частныя училища назначаются „для содѣйствія видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія“. Законъ, далѣе, признаетъ желательнымъ, чтобы въ училищахъ „употреблялись лишь тѣ же учебныя книги и пособія, кои назначаются для училищъ казенныхъ“; употреблять другіе учебники, хотя и „не воспрещается, въ случаѣ надобности“, но лишь съ одобренія училищнаго начальства. Въ томъ же 1868 г. изданъ законъ о домашнемъ обученіи. Въ немъ также говорится, что званія домашнихъ наставниковъ и учителей учреждены „для содѣйствія общимъ видамъ правительства въ отношеніи къ народному просвѣщенію“. Отъ нихъ законъ прежде всего требуетъ „христіанскаго исповѣданія“ и „достаточной извѣстности со стороны нравственныхъ качествъ“; „науки и знанія“ и здѣсь стоятъ на второмъ планѣ. Даже для обученія въ частныхъ домахъ чтенію, письму и ариѳметикѣ установлены соотвѣтствующія испытанія.

Въ 1869 г. гр. Толстой провелъ двѣ мѣры, въ свое время отвергнутыя государственнымъ совѣтомъ при обсужденіи проекта Положенія 1864 г. Учреждены были министерскія училища, долженствовавшія явиться „образцами для подражанія“ въ качествѣ „лучшихъ разсадниковъ начальнаго образованія“, изъятыя изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ и непосредственно подчиненныя правительственной учебной администраціи. Во-вторыхъ, учреждены были должно-

*) См. записку министра отъ 27 марта 1870 г. Сборникъ распоряженій, т. IV, стр. 870.

сти правительственныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ—мѣра, которая, по выраженію историка министерства, была „первымъ шагомъ къ важной реформѣ, имѣвшей цѣлью подчинить управленіе дѣломъ начальнаго образованія болѣе дѣйствительному вліянію и контролю министерства“. Наблюденію инспекторовъ были подчинены личный составъ училищъ, учебная и нравственная часть, руководства и пособія, внѣшнее и внутреннее благоустройство и матеріальное обезпеченіе, открытіе новыхъ училищъ, перемѣщеніе и распространеніе существующихъ. Вскорѣ же послѣ утвержденія инструкціи для этихъ новыхъ органовъ министерства, бар. Корфъ писалъ, что они поставлены „въ такое отношеніе къ учредителямъ школъ, мѣстнымъ органамъ вообще и къ народнымъ учителямъ, что самая постановка его по закону можетъ помѣшать той нравственной связи между народными и правительственными элементами, которая желательна“ *). Дѣйствительность не замедлила оправдать это мнѣніе.

Инспекторы народныхъ училищъ скоро „доставили министерству обильный матеріалъ для общей реформы управленія народнымъ образованіемъ“, о необходимости которой гр. Толстой говорилъ еще въ отчетѣ за 1869 г., а въ 1872 г. вопросъ о ней уже былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Сущность реформы состояла въ предположеніи подчинить училищные совѣты попечителямъ учебныхъ округовъ, назначить предсѣдателями совѣтовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, измѣнить самый составъ совѣтовъ и широко развить институтъ инспекціи. Прежде однако чѣмъ окончилось разсмотрѣніе этого дѣла государственнымъ совѣтомъ, послѣдовалъ рескриптъ 1873 г., призывавшій „вѣрное дворянство стать на стражѣ народной школы“ и помочь правительству „бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній“. Въ виду этого проектъ реформы былъ передѣланъ „по совѣщаніи со многими предводителями дворянства“. Въ представленіи, при которомъ онъ былъ снова внесенъ въ государственный совѣтъ, наибольшее вниманіе удѣлено доказательствамъ о необходимости усиленія инспекціи. Въ немъ говорится, что при прежней организаціи училищныхъ совѣтовъ „дѣйствительнаго управленія“ народными училищами и „надлежащаго надзора за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ нихъ“ „почти не существуетъ“; что губернскіе училищные совѣты „большею частью не собираются, а уѣздные—нерѣдко также съ равнодушіемъ относятся“ къ дѣлу и нѣкоторые изъ нихъ „еще ни разу не собирались со времени учрежденія и даже не выбирали предсѣдателей“; что необходимо дать министерству „должное вліяніе въ направленіи такого важнаго дѣла, какъ народное образованіе“. Новое „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“ было утверждено въ 1874 г. и сохранило, какъ прежнюю группировку народныхъ училищъ, такъ и прежній порядокъ преподаванія, но существенно измѣнило систему управленія ими. Губернскіе и

*) Н. А. Корфъ. Наше школьное дѣло. Москва. 1873. Стр. 19.

уѣздные училищные совѣты поставлены подъ предсѣдательство предводителей дворянства, и уничтожено пополненіе уѣздныхъ совѣтовъ попечителями училищъ. Кругъ обязанностей училищныхъ совѣтовъ ограниченъ вопросами хозяйственными и административными, управленіе же собственно учебной частью поручено непосредственнымъ органамъ министерства — вновь учрежденнымъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Кромѣ того, на губернатора возложено „общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи". Учредителямъ или содержателямъ училищъ предоставлено только пріисканіе кандидатовъ на учительскія мѣста въ своихъ училищахъ, къ исполненію своихъ обязанностей они допускаются инспекторами, а утверждаются въ должностяхъ уѣздными училищными совѣтами.

За два года до изданія Положенія 1874 г. были реформированы уѣздныя училища и издано Положеніе (1872 г.) о городскихъ училищахъ, назначенныхъ для „доставленія дѣтямъ всѣхъ сословій начальнаго умственнаго и религіозно-нравственнаго образованія" и поставленныхъ въ завѣдываніе попечителей и директоровъ народныхъ училищъ. Учебный курсъ этихъ училищъ довольно обширенъ и продолжается 6 лѣтъ. Въ сущности они могли бы играть роль высшаго начальнаго общеобразовательнаго учебнаго заведенія, занимающаго переходное мѣсто между начальной и средней школой. Однако общая правительственная политика шла прямо въ разрѣзъ съ подобной системой единства и прямой связи всѣхъ общеобразовательныхъ школъ страны, и городскія училища были поставлены закономъ въ обособленное отъ среднихъ школъ положеніе: для поступленія въ первый классъ гимназій и реальныхъ училищъ поставлено условіемъ „успѣшное прохожденіе" курса цѣлыхъ четырехъ лѣтъ городского училища.

Не касаясь пока другихъ сторонъ пореформеннаго школьнаго законодательства, мы видимъ такимъ образомъ, что школьная реформа, въ ея основахъ и въ окончательномъ своемъ видѣ, закончилась только къ половинѣ 70-хъ годовъ. Сравнивая ее съ другими реформами той эпохи, одинъ изъ писателей совершенно справедливо замѣчаетъ, что „подозрительно-враждебное отношеніе къ гласности и просвѣщенію обнаружилось и въ той медлительности, въ тѣхъ проволочкахъ, съ какими совершались реформы печати и народнаго образованія. Эти реформы тянулись дольше и завершились хуже" *).

3.

Объединеніе завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и вѣдомство св. синода въ 60—70 годахъ.

Крайняя сложность завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ дореформенное время, когда оно было разбросано чуть не по всѣмъ министерствамъ, конечно, не могла не обратить на себя

*) Ершовъ. Народное просвѣщеніе и бюрократія послѣ 1861 г. „Образованіе". 1908, IV, стр. 2.

вниманія при общей школьной реформѣ. И дѣйствительно, уже первые ея проекты исходятъ изъ мысли о необходимости сосредоточить завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ одномъ центральномъ правительственномъ органѣ—министерствѣ народнаго просвѣщенія. По отношенію ко всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ св. синода, такое объединеніе и было, дѣйствительно, достигнуто, но все же растянулось на очень продолжительное время: первыми перешли въ вѣдѣніе министерства удѣльныя школы (1865 г.), а затѣмъ къ новому порядку школьнаго дѣла послѣдовадовательно перешли школы министерства государственныхъ имуществъ (1867 г.), башкирскія, киргизскія и татарскія школы (1874 г.), болгарскія школы (1877 г.), училища горнаго вѣдомства (1879 г.).

Что касается св. синода, то онъ съ самаго же начала не только возсталъ противъ передачи церковныхъ школъ въ вѣдомство министерства, но сталъ даже оспаривать у него первенство въ дѣлѣ завѣдыванія народнымъ образованіемъ, а со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей нерѣдко проявлялось рѣзко враждебное отношеніе и даже прямое противодѣйствіе развитію свѣтскихъ народныхъ школъ. Уже въ 1861 г., разсмотрѣвъ проектъ общаго плана сельскихъ училищъ, синодъ протестовалъ противъ сосредоточенія народнаго образованія въ рукахъ министерства, находя, что „духовенству должно предоставить въ первоначальной народной школѣ естественное законное первенство“, и министръ гр. Путятинъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ поспѣшилъ заявить свое согласіе съ мнѣніемъ синода. Вообще, въ высшей бюрократіи 60-хъ годовъ „всѣ признавали, что духовенство должно было имѣть участіе въ народныхъ школахъ, но въ то время, какъ одни государственные дѣятели склонны были раздѣлять первоначальное обученіе между духовенствомъ и свѣтскими учителями и учительницами, другія лица желали отдать все дѣло исключительно въ руки духовенства“ *). Направленіе это съ самаго начала обусловливалось главнымъ образомъ политическими соображеніями: въ духовенствѣ и въ церковной школѣ сторонники его видѣли лучшее средство обезпечить „благонадежность“ во всемъ дѣлѣ народнаго образованія. Въ самомъ духовенствѣ направленіе это поддерживалось преимущественно высшимъ его слоемъ, стоявшимъ въ непосредственной близости къ власть имущимъ, и было несравненно слабѣе, а нерѣдко и вовсе отсутствовало, въ массѣ рядового низшаго духовенства.

Смѣнившій гр. Путятина министръ Головнинъ ограничился заявленіемъ, что протестъ св. синода „основанъ на недоразумѣніи“, такъ какъ ни „министерство никогда не отрицало пользы училищъ, заводимыхъ духовенствомъ“, ни, съ другой стороны, „нельзя предполагать“, чтобы синодъ „слагалъ бы съ министерства обязанность учреждать на свои средства училища разныхъ разрядовъ, не передавая оныхъ духовному вѣдомству“. Въ этомъ смыслѣ и состоялось въ 1862 г. высочайшее повелѣніе: „Учреждаемыя духовенствомъ народныя училища

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. III, ч. II, стр. 190.

оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности; оставить на обязанности министерства учреждать по всей имперіи... народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего министерства, при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ это нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе". Черезъ 3 года тотъ же вопросъ снова былъ поднятъ гр. Толстымъ. Въ качествѣ оберъ-прокурора синода, при обсужденіи въ комитетѣ министровъ правилъ для народныхъ училищъ Юго-западнаго края, онъ высказался противъ передачи церковныхъ школъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ и развилъ по этому поводу цѣлую государственную программу: „Коренныя начала, содержимыя нашею церковью, неизмѣнны", писалъ онъ, „и ея служители посему всегда будутъ имѣть неоспоримое преимущество передъ всякими другими учителями народа, которые иногда могутъ увлекаться собственными воззрѣніями, не всегда полезными для правительства и государства". Однако и онъ не довелъ своей мысли до ея логическаго конца, заявивъ, что „единство *управленія* не составляетъ еще единства *направленія*, а этого-то послѣдняго и слѣдуетъ достигнуть; оно можетъ послѣдовать и безъ предполагаемаго сліянія въ управленіи, если лица учебнаго вѣдомства будутъ вести обученіе народа въ строго православномъ духѣ". Это мнѣніе сдѣлало гр. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія, и въ его лицѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ министерство народнаго просвѣщенія было соединено личной уніей съ вѣдомствомъ св. синода.

Чрезвычайно любопытную картину представляютъ офиціальныя синодскія данныя о положеніи церковно-школьнаго дѣла. Максимальное отчетное число ихъ въ дореформенное время приходится на 1853 г. (4.820), затѣмъ оно сокращается болѣе чѣмъ вдвое и достигаетъ минимума въ 1857 г. (2.270), послѣ чего начинается снова быстрый ростъ, достигающій максимума въ 1865 г. (21.420); къ 1871 г. число ихъ опять падаетъ болѣе чѣмъ вдвое, а къ 1880 г. ихъ уже показывается впятеро меньше (4.348). Однѣ эти цифры ясно обнаруживаютъ, что, во-первыхъ, здѣсь приходится считаться не столько съ реальными школами, сколько съ бумажными, и во-вторыхъ, что характеризуемое подобными цифрами дѣло лишено нормальнаго развитія, а подвержено постороннимъ, колеблющимся вліяніямъ. Многочисленные и совершенно достовѣрные источники не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вѣрности обоихъ этихъ выводовъ изъ языка нѣмыхъ цифръ. Что касается постороннихъ вліяній, то онѣ заключались въ господствующей политикѣ правительства вообще и св. синода въ частности. Не дурной образецъ такого вліянія даетъ, напримѣръ, лучшій историкъ церковныхъ школъ того времени *). На отчетѣ оберъ-прокурора за 1866 г., въ которомъ констатировалось сокращеніе числа церковныхъ школъ вслѣдствіе перехода въ вѣдѣніе министерства или зем-

*) Благовидовъ, стр. 107.

ства и вслѣдствіе закрытія, „какъ ненужныхъ“, послѣдовала высочайшая помѣтка: „Результатъ не весьма утѣшительный“. Синодъ немедленно же увѣдомилъ объ этомъ епархіальныхъ преосвященныхъ и „предписалъ нѣкоторымъ изъ нихъ обратить особенное архипастырское вниманіе на церковно-приходскія школы“. Послѣ этого нѣкоторые преосвященные „нашли нужнымъ сдѣлать распоряженія объ обязательномъ открытіи школъ во всѣхъ приходахъ своихъ епархій“. Вологодскій преосвященный прямо угрожалъ, что за ослушаніе священники лучшихъ приходовъ будутъ переводимы на худшіе, а состоящіе въ бѣдныхъ приходахъ—и совсѣмъ оставляемы за штатомъ. Однако даже и такія мѣры, прибавляетъ историкъ, „не могли остановить постепеннаго сокращенія числа церковно-приходскихъ школъ“.

Не удивительно, что, при подобныхъ методахъ дѣйствія для увеличенія числа церковныхъ школъ, огромное большинство ихъ существовало только на страницахъ официальныхъ отчетовъ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ и министерство народнаго просвѣщенія, по даннымъ котораго „многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени“ *), и членъ синодскаго училищнаго совѣта С. И. Миропольскій **), признающій, что „сомнительность существованія церковно-приходскихъ школъ въ значительномъ числѣ болѣе чѣмъ вѣроятна“, и историкъ школъ Юго-западнаго края, который приводитъ отзывъ Барсова, лично посѣтившаго этотъ край въ началѣ 60-хъ годовъ и нашедшаго, что „если гдѣ и существовала, страха ради, церковно-приходская школа, то ее помѣщали, гдѣ только хотѣли“, при чемъ „въ этихъ школахъ не было постоянныхъ какъ учителей, такъ и учениковъ“ *), и множество другихъ источниковъ.

*) Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1862—1864 гг. Стр. 205.

**) Школа и государство. Стр. 104.

Наиболѣе яркій фактъ воинствующаго и враждебнаго отношенія мѣстныхъ органовъ синода къ свѣтской школѣ дала кіевская епархія **).

Когда въ 60-хъ годахъ здѣсь стали открываться первыя школы вѣдомства министерства, то митрополитъ Арсеній не желалъ назначать въ нихъ мѣстныхъ священниковъ законоучителями и требовалъ назначенія для этого специальныхъ законоучителей, не имѣющихъ прихода. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые священники выразили „недружелюбное отношеніе къ народной школѣ, какъ будто бы видѣли въ ней врага“. Подъ ихъ вліяніемъ „были села, гдѣ сельскіе старосты буквально перехватывали учениковъ, шедшихъ въ министерскую школу, и тащили ихъ въ церковно-приходскую; случалось, что староста билъ мальчика за то, что тотъ не хотѣлъ итти въ церковно-приходскую школу“. Сообщенія объ отдѣльныхъ случаяхъ явно враждебнаго отношенія духовенства къ свѣтской народной школѣ попадаются и въ другихъ губерніяхъ.

Что касается постановки самой церковной школы того времени, то

*) Н. Мукалова. Народная школа въ Юго-западномъ краѣ. Кіевъ. 1892. Стр. 23.

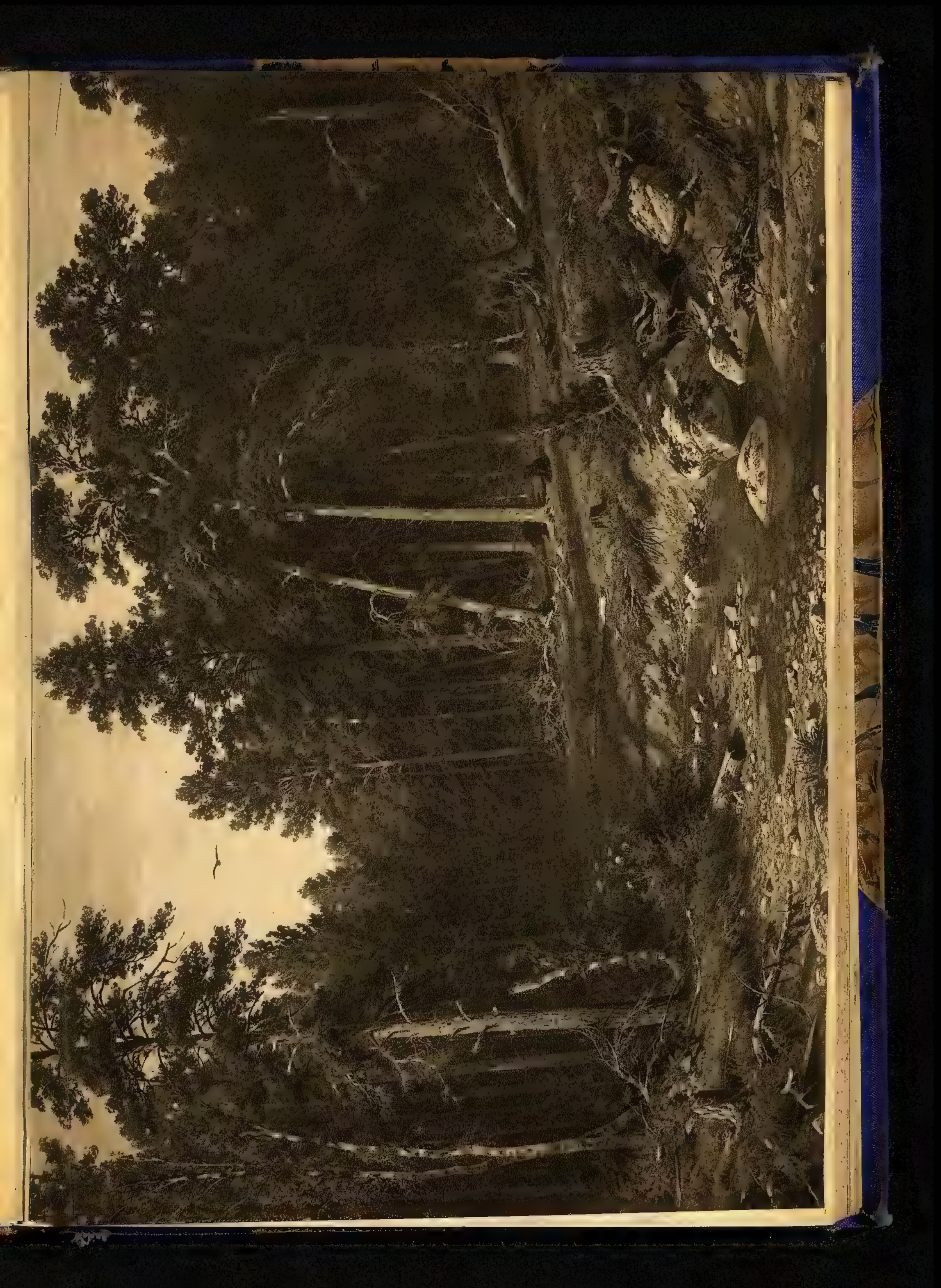
**) Тамъ же, стр. 31.

И. И. Шишкинъ. Сосновый боръ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

"ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

10

достаточно привести здѣсь отзывъ ея историка, котораго, если и можно въ чемъ упрекнуть, то отнюдь не въ сгущеніи неблагопріятныхъ для церковной школы красокъ *). Въ первое время послѣ изданія Положенія 1864 г. училищные совѣты наблюдали и за церковно-приходскими школами, и „громадное большинство училищныхъ совѣтовъ изъ знакомства съ состояніемъ церковно-приходскихъ школъ выносило убѣжденіе, что духовенство, занятое исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по службѣ и обремененное занятіями по хозяйству, не имѣетъ возможности съ успѣхомъ исполнять трудныя обязанности учителей, слѣдствіемъ чего является въ высшей степени нежелательная постановка учебнаго дѣла въ школахъ". „Мысль о неудовлетворительномъ состояніи обученія въ церковно-приходскихъ школахъ, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи невозможности для духовенства соединять школьныя занятія съ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей", раздѣлялась не только училищными совѣтами и земскими собраніями, „по временамъ она высказывалась и лицами изъ духовнаго званія", констатируетъ авторъ.

Идеологомъ и выдающимся дѣятелемъ церковной школы эпохи реформъ явился Н. И. Ильминскій **). Къ современной педагогикѣ, со всѣми ея теоріями о воспитаніи, онъ относился безусловно отрицательно и считалъ, что „религіозность должна составлять душу образованія, основаніе всего". Задача русской народной школы опредѣляется имъ такъ: „Она должна воспитывать нравственныхъ и религіозныхъ людей по началамъ и въ формахъ православной церкви и русской народности".

*) Благовидовъ, стр. 125, 129.

**) См.: А. Рождествина. Н. И. Ильминскій; Н. Ильминскій. Бесѣды о народной школѣ.

Имѣя въ виду все сказанное о церковныхъ школахъ эпохи реформъ, вполнѣ понятно, что „дѣятельность духовенства въ отношеніи къ начальному народному образованію въ началѣ 60-хъ годовъ не встрѣтила сочувствія со стороны громаднаго большинства представителей свѣтской прессы своего времени. Почти всѣ журналы, считая своимъ долгомъ разрѣшить такъ или иначе вопросъ о народныхъ школахъ, о характерѣ преподаванія, объ учителяхъ для школъ, предлагали собственные, отличные другъ отъ друга проекты, но при этомъ всѣ они высказывались не въ пользу духовенства и церковно-приходскихъ школъ" *). Совершенно одиноко въ этомъ отношеніи стояли только „День" и „Русскій Вѣстникъ".

Необходимо однако сказать, что воинствующее положеніе, занятое вѣдомствомъ синода, далеко не встрѣчало сочувствія во всей массѣ низшаго духовенства, которое, въ качествѣ болѣе образованнаго класса, внесло свою лепту въ здоровую общественную созидательную работу по народному образованію, начавшуюся въ эпоху реформъ. Изъ его среды вышло не мало преданныхъ дѣлу учителей и учительницъ, а также земскихъ гласныхъ, а многія изъ церковныхъ школъ послужили ячейками для образованія правильно организованныхъ министерскихъ и земскихъ школъ.

*) Благовидовъ, стр. 265.

9⁷

4.

Вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала въ 60—70 гг.

Къ началу эпохи реформъ въ Россіи существовало только два спеціальныя учебныя заведенія для подготовки народныхъ учителей — учительскія семинаріи въ Дерптѣ и С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Первый проектъ такихъ семинарій былъ составленъ министерствомъ въ 1860 г. и подвергнутъ широкому общественному обсужденію. Официіальная записка, резюмировавшая высказанныя мнѣнія, пришла къ выводу, что лишь „незначительное число лицъ признавало излишнимъ приготовленіе особыхъ учителей для народныхъ училищъ и полагало, что дѣло народнаго обученія, особенно въ селахъ, должно быть всецѣло ввѣрено духовенству; огромное же большинство лицъ, напротивъ, считало приготовленіе такихъ учителей дѣломъ, рѣшительно необходимымъ", при чемъ одни стояли за особые открытые учительскіе институты, другіе за педагогическіе курсы при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, третьи за практическую подготовку при лучшихъ народныхъ училищахъ. Мнѣніе объ излишествѣ и даже большой опасности приготовленія особыхъ учителей для народныхъ школъ съ наибольшей яркостью было выражено органомъ московской духовной академіи: „Если хотите создать среди самого народа новый классъ людей, презирающихъ народъ и ненавидимыхъ народомъ, классъ людей, озлобленныхъ и завистливыхъ; если хотите имѣть новый элементъ государственнаго безпорядка,—создайте особый классъ сельскихъ учителей" *), писалось здѣсь. Но даже и въ самыхъ передовыхъ кругахъ либеральнаго общества того времени вопросъ о подготовкѣ учителей представлялся неяснымъ, а отчасти и вызывающимъ опасенія, подобныя тѣмъ, которыя обуревали духовный органъ. Еще въ 1872 г. бар. Корфъ писалъ, что „лѣтъ 5 тому назадъ еще очень немногіе у насъ понимали, что подготовку учителей слѣдуетъ считать краеугольнымъ камнемъ всего народнаго образованія" **). Даже такой умъ, какъ Ушинскій, въ своемъ проектѣ учительскихъ семинарій писалъ ***), что для учителя народной школы „нѣтъ надобности въ обширныхъ познаніяхъ, которыя скорѣе вредно могутъ подѣйствовать на его дѣятельность", что „убѣжденія всякаго народнаго учителя христіанскаго народа должны быть проникнуты идеей христіанства" и „вредно возводить" ихъ „на ту среднюю ступень образованія, или, лучше сказать, сообщать имъ то поверхностное, самонадѣянное полуобразованіе, которое скорѣе всего ведетъ къ сомнѣнію въ религіи, а потомъ къ безвѣрію", что поэтому „слѣдуетъ зорко наблюдать не только за тѣмъ, что учатъ будущіе учителя, но и за тѣмъ,

---

*) Благовидовъ, стр. 277.

**) Н. Л. Корфъ. Наше школьное дѣло. Стр. 193.

***) Собраніе педагогическихъ сочиненій, 2 изд., стр. 178—180.

что они читаютъ", что учительскія семинаріи не должны быть основываемы въ большихъ городахъ и должны быть закрытыми учебными заведеніями, при чемъ необходимо ихъ учредить „сначала въ скромныхъ размѣрахъ, такъ чтобы можно было надѣяться совладать съ направленіемъ первыхъ воспитанниковъ и, убѣдившись вполнѣ въ ихъ направленіи, осторожно и понемногу добавлять къ нимъ новыя личности"... Другой выдающійся писатель и дѣятель той эпохи, кн. Васильчиковъ*), предлагалъ „дать учительскимъ семинаріямъ не столько спеціально педагогическій характеръ, сколько общеобразовательный, упростить по возможности программу обученія, излагать физическія и естественныя науки въ формѣ прикладныхъ ученій, приспособленныхъ къ спеціальнымъ климатическимъ условіямъ данной мѣстности", и всѣмъ семинаристамъ „давать начальныя познанія о фельдшерскомъ и ветеринарномъ лѣченіи, оспопрививаніи, кровопусканіи, перевязкѣ ранъ"... При такихъ взглядахъ выдающихся умовъ, не приходится удивляться, что, напримѣръ, въ средѣ гласныхъ новгородскаго земства еще въ 1866 г. „не мало лицъ" раздѣляли мнѣніе, что недостатокъ учителей могъ бы быть пополненъ приглашеніемъ унтеръ-офицеровъ изъ гвардейскихъ полковъ **), а въ своемъ первомъ проектѣ школы для образованія сельскихъ учителей губернская управа допускала въ нихъ неграмотныхъ крестьянъ и предполагала, что за 3 года эти будущіе учителя должны обучиться чтенію, письму, закону Божію и счету, а кромѣ того, пройти краткій курсъ законодательства гражданскаго и уголовнаго, фельдшерское, больничное и ветеринарное искусства, практическое земледѣліе, садоводство, огородничество и ремесла: сапожное, портняжное, телѣжное, колесное, столярное и кузнечное!!!

*) О самоуправленіи. Т. II, стр. 158.

**) Корфъ. Наше школьное дѣло. Стр. 195.

Пока въ обществѣ обсуждался вопросъ объ образованіи учителей и происходила его разработка въ министерствѣ, тотъ же слой передовыхъ работниковъ народнаго образованія, который сразу же двинулъ впередъ воскресныя школы, положилъ начало и дѣлу образованія народныхъ учителей. Въ 1862 г. въ Кіевѣ возникла педагогическая школа съ 6-тимѣсячнымъ курсомъ, просуществовавшая до 1864 г. Въ 1863 г. возникаетъ школа для подготовленія сельскихъ учительницъ Петербургскаго Комитета Грамотности, поставленная, по тому времени, очень хорошо, но уже въ 1866 г. министерство народнаго просвѣщенія „признало, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, нужнымъ прекратить дальнѣйшее существованіе" этой школы *).

Обсужденіе вопроса министерствомъ окончилось въ 1864 г. заключеніемъ ученаго комитета въ пользу учительскихъ институтовъ и семинарій, но на такую смѣлую и „дорогую" мѣру министерство не рѣшилось. „Въ виду невозможности возложить на государственное казначейство отпускъ суммы, необходимой на учрежденіе учительскихъ семинарій", оно остановилось на педагогическихъ курсахъ при уѣздныхъ

*) Д. Протопоповъ. Исторія СПб. Комитета Грамотности. Стр. 272.

училищахъ, какъ „на мѣрѣ переходной, дополнительной и при томъ стоющей несравненно дешевле“, которые и были открыты въ 1865 г. въ числѣ 5, по одному на округъ. Даже еще въ 1866 г. получили помѣтки „справедливо“ и „сообразить“ заключенія комиссіи по отчету *), что „обязанности народныхъ учителей во многихъ мѣстахъ могли бы безъ затрудненія исполнять, если не священники, то причетники и дьякона“ и что учрежденіе училищъ для подготовки преподавателей „возможно допускать лишь тамъ, гдѣ невозможно находить преподавателей изъ духовнаго званія, при условіи, чтобы выпускаемые изъ такихъ училищъ учителя преподавали подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстныхъ священниковъ“. Тѣмъ временемъ стали учреждаться земскія учительскія семинаріи (Рязанская и Новгородская —1869г., Московская—1876г.), и только въ 1870 г. министръ Толстой рѣшился признать казенные педагогическіе курсы „неудовлетворительными“, и вмѣсто нихъ въ 1871 г. коренная Россія получила наконецъ первыя 5 правительственныхъ учительскихъ семинарій, число которыхъ вскорѣ же пришлось увеличить. По „Положенію“ объ учительскихъ семинаріяхъ, изданному въ 1870 г. и съ несущественными измѣненіями дѣйствовавшему до конца вѣка, онѣ считаются „открытыми“ учебными заведеніями, но фактически всѣ онѣ представляются заведеніями закрытыми съ строго бюрократическимъ строемъ. Учебный курсъ ихъ трехлѣтній, при чемъ общеобразовательная сторона обученія совершенно отодвинута, а на первомъ планѣ стоитъ чисто техническая выучка учительскому ремеслу. Подробный анализъ правительственныхъ программъ, изданныхъ для учительскихъ семинарій, привелъ одного изъ лучшихъ изслѣдователей этого вопроса къ слѣдующей, вполнѣ вѣрной, общей ихъ характеристикѣ: „При обученіи почти каждому предмету преслѣдуются цѣли посторонніія, суживающія научный интересъ предмета. На первый планъ ставится не общая образовательная подготовка будущихъ дѣятелей по просвѣщенію народа, а выработка изъ нихъ лицъ съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, замкнутымъ въ строго очерченномъ, до мельчайшихъ подробностей предопредѣленномъ кругу“ *).

Такой же, въ общемъ, характеръ имѣютъ и учрежденные по закону 1872 г. учительскіе институты, назначенные для подготовки учителей городскихъ училищъ.

Несравненно шире и лучше были организованы земскія учительскія семинаріи, но почти всѣ онѣ были поставлены въ крайне тяжелыя внѣшнія условія, вынудившія земства или закрыть свои семинаріи, или передать ихъ министерству. Въ рукахъ земства уцѣлѣло лишь очень немного этихъ учебныхъ заведеній.

---

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. III, ч. II, стр. 190.

*) Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборникъ. Вып. I. Статья Л. Блинова, стр. 70.

5.

Земская и городская дѣятельность по народному образованію.

Въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ о земскихъ учрежденіяхъ (1863 г.) совершенно не упоминалось объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, а изъ обсуждавшихъ вопросъ о земствѣ губернскихъ дворянскихъ собраній только два высказались за включеніе этого дѣла въ кругъ земскаго хозяйства. Лишь при обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ было признано полезнымъ привлечь земства „къ добровольному участію въ доставленіи средствъ къ устройству необходимыхъ для распространенія первоначальнаго образованія учебныхъ заведеній и къ наблюденію за ними на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ", вслѣдствіе чего Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. земству и было предоставлено „участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи" *). Такимъ образомъ права земства въ дѣлѣ народнаго образованія были сформулированы крайне неопредѣленно и, въ сущности, сводились къ праву ассигновывать средства на школы, учреждать школы съ разрѣшенія учебныхъ властей, вѣдать хозяйственную сторону школьнаго дѣла, представлять своихъ кандидатовъ на учительскія мѣста и выбирать двухъ членовъ училищнаго совѣта. Въ наиболѣе важной, учебной сторонѣ школьнаго дѣла земству никакихъ прямыхъ правъ предоставлено не было и вліяніе его въ этомъ направленіи могло быть только косвенное, размѣры и дѣйствительное значеніе котораго, конечно, при началѣ земской дѣятельности, совершенно не могли быть болѣе или менѣе полно учтены. Общее положеніе, въ которое земство было съ самаго начала поставлено бюрократіей, несомнѣнно, способствовало тому, что изъ всѣхъ реформъ эпохи „на земскую реформу русское общество возлагало самыя скромныя, самыя ограниченныя надежды. Съ своей стороны, литература относилась къ этому совершавшемуся на ея глазахъ историческому акту болѣе чѣмъ сдержанно, по крайней мѣрѣ, реформу эту ни литература, ни общество не считали ни починнымъ до извѣстной степени, ни до извѣстной степени рубежнымъ актомъ русской исторіи, гдѣ, какъ въ крестьянской реформѣ, ставился конечный рубежъ одной формѣ нашей исторической жизни и полагался починный пунктъ другой формѣ этой жизни" *). Въ годы, послѣдовавшіе за открытіемъ земскихъ учрежденій, отношеніе къ нимъ правительства не только не улучшилось, но становилось все болѣе недовѣрчивымъ, всякая живая земская дѣятельность встрѣчалась съ массой внѣшнихъ препятствій и осложненій, огромное большинство земскихъ ходатайствъ оставлялись безъ внима-

*) Матеріалы по земскому общественному устройству. Т. II, стр. 496.

*) Д. Мордовцевъ. Десятилѣтіе русскаго земства 1864—1875 гг. Стр. 1. То же явленіе констатируетъ и Корниловъ въ своей книгѣ „Общественное движеніе при Александрѣ II".

нія, земскія права систематически урѣзывались, при чемъ административныя распоряженія и мѣры нерѣдко болѣе или менѣе явно противорѣчили даже дѣйствующему закону. Всѣ эти общія условія земской жизни въ области народнаго образованія давали себя знать едва ли даже не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства, и для правильной оцѣнки земской дѣятельности по народному образованію ихъ необходимо серьезно учитывать. Характеризуя эти общія условія земской просвѣтительной работы, одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ земскаго дѣла пишетъ *): „Министерство народнаго просвѣщенія, взгляды котораго раздѣлялись и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, всѣми мѣрами старалось устранить всякое вліяніе земства на учебную сторону школы и ограничить участіе его въ дѣлѣ народнаго образованія одной хозяйственной частью; во всякомъ шагѣ земскихъ учрежденій оно готово было видѣть вторженіе въ его права и противозаконное дѣйствіе... Недовѣріе къ обществу заявлялось на каждомъ шагу, порою принимая даже оскорбительную форму". Такъ, въ концѣ 70-хъ годовъ земства, наравнѣ съ частными лицами, лишены были даже права снабжать училища книгами, обязываясь передавать ихъ въ школы не иначе, какъ черезъ училищные совѣты. Призваніемъ дворянства „на стражу" народной школы земству было выражено прямое недовѣріе, и новое Положеніе о народныхъ училищахъ 1874 г. существенно умалило его значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.

Изъ очерка о народномъ образованіи въ первой половинѣ вѣка уже можно заключить, какое школьное наслѣдство досталось земству отъ дореформенной, крѣпостной Россіи. Въ безчисленныхъ источникахъ—въ земскихъ изданіяхъ, въ разныхъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ періодической печати—картина этого наслѣдства живописуется одними и тѣми же печальными красками, лишь слегка варіирующими въ различныхъ мѣстностяхъ. Изъ подавляющей массы этихъ источниковъ мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими строками, взятыми почти наугадъ, но предварительно не можемъ не привести слѣдующей небольшой выдержки изъ цѣннаго, единственнаго въ своемъ родѣ, изслѣдованія М. Семевскаго, въ которой онъ даетъ общую характеристику того состоянія дѣла образованія, въ которомъ оно находилось среди крѣпостныхъ крестьянъ въ моментъ ихъ освобожденія и въ годы непосредственно за освобожденіемъ слѣдовавшіе *): „Потребность грамотности явилась среди бывшихъ крѣпостныхъ во всѣхъ губерніяхъ, но, разумѣется, явилась въ различной степени. Степень эта въ прямой зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ: въ мѣстностяхъ, отличающихся большимъ населеніемъ, большими деревнями, лучшими качествами земли, присутствіемъ того или другого промысла, наконецъ, меньшею изнуренностью крестьянъ отъ прежнихъ владѣльцевъ, въ такихъ мѣстностяхъ потребность грамотности обнаружилась скорѣе и сильнѣе вслѣдъ за обнародованіемъ Положе-

*) В. Скалонъ. Земскіе вопросы. Стр. 142.

*) М. Семевскій. Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г. Печатано по распоряженію м-а народнаго просвѣщенія. Стр. 1.

нія; несравненно слабѣе обнаружилась эта потребность тамъ, гдѣ населеніе незначительно, деревни малы, и далеко раскиданы другъ отъ друга, земля нехороша, промысловъ нѣтъ, тяготы же отъ владѣльцевъ, большею частью мелкопомѣстныхъ, были велики".

„Принятое земскими учрежденіями на свое попеченіе начальное народное образованіе... въ моментъ открытія этихъ учрежденій было дѣломъ настолько не устроеннымъ, что изъ предшествовавшаго періода нельзя было извлечь ровно никакихъ указаній, которыя могли бы послужить руководствомъ для земскихъ дѣятелей" *). „Строго говоря, до открытія земскихъ училищъ не было ни постоянныхъ школъ, ни опредѣленнаго класса учителей. Учителемъ былъ всякій грамотный, и школа возникала на всякомъ мѣстѣ, гдѣ оказывались охотники учиться" **). „Было бы утомительно и даже невозможно перечислить все, что должно было земство (чердынское), которое принимало въ свое вѣдѣніе уѣздъ въ такомъ неисповѣдимомъ состояніи, что оно должно было дѣлать, чтобы по возможности исправить всѣ историческія прорухи, въ которыхъ очутилась жизнь всего уѣзда, все то экономическое и общественное безобразіе, которое бросалось въ глаза на каждомъ шагу. Каждая сторона жизни требовала приложенія къ ней особыхъ мѣръ, особыхъ распоряженій, а когда, при приведеніи въ исполненіе этихъ мѣръ, приходится натыкаться на нищенство, да на повальное пьянство, тогда поневолѣ руки опустятся. Но земство этого не дѣлало—за малыми, впрочемъ, исключеніями... Надо было сначала церковныя сторожки и арестантскія превращать въ школы, а потомъ сколачиваться и на постройку школъ; надо было въ то же время научать народъ не бояться школы, потому что безталанная исторія научила его бояться старой казенной школы, какъ казенной больницы и казеннаго острога, а казнокрадствующая, лихоимствующая и мздоимствующая власть поддерживала въ немъ этотъ страхъ" *). Въ Тамбовской губерніи **) „не только губернская управа, но и большинство уѣздныхъ въ первые годы существованія земства не располагали свѣдѣніями о числѣ и объ организаціи существовавшихъ въ то время школъ... Народное образованіе сводилось къ обученію грамотѣ, при чемъ только небольшое меньшинство учащихся выучивалось читать, но даже изъ этого меньшинства немногіе читали, понимая читаемое, а обучавшіеся письму составляли исключеніе: способъ обученія былъ старинный буквослагательный съ церковно-славянскими названіями буквъ". Занятія въ школахъ „велись безъ всякой программы, плана и системы. Не было въ школахъ ни опредѣленныхъ учебниковъ, ни учебныхъ пособій. Не было установлено опредѣленнаго времени ни для начала школьныхъ занятій, ни

*) Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства. Вып. III, стр. 1.

**) Народное образованіе въ воронежскомъ уѣздѣ. Стр. 1.

*) Мордовцевъ. Десятилѣтіе русскаго земства. Стр. 129.

**) Сборникъ матеріаловъ и статистическихъ свѣдѣній по народному образованію въ Тамбовской губ. Стр. 2.

для окончанія таковыхъ. Каждый учитель занимался въ своей школѣ, какъ Богъ на душу положитъ" *). „Огромнѣйшее большинство дореформенныхъ школъ, равно какъ и учащихся, числилось лишь номинально, на бумагѣ, для представленія отчетовъ по начальству, совершенно не существуя въ дѣйствительности" **).

По вопросу о задачахъ земства въ школьномъ дѣлѣ въ 60-хъ годахъ было выставлено двѣ типичныхъ и принципіально различныхъ точки зрѣнія, подробное развитіе которыхъ, впрочемъ, приводило ихъ авторовъ почти къ одинаковымъ конкретнымъ предложеніямъ. Кошелевъ ***) находилъ, что „пока открытіе и содержаніе школъ мы оставимъ на попеченіи сельскихъ обществъ, по тѣхъ поръ у насъ школъ не будетъ", и предлагалъ половину расходовъ по содержанію школъ „отнести прямо на крестьянство, для котораго эти школы устраиваются, а другую половину на земство и казну", при чемъ „первое необходимо сдѣлать обязательнымъ", а „второе, т. е. пособіе отъ земства сельскимъ школамъ, должно оставить расходомъ для него не обязательнымъ". Кн. Васильчиковъ, напротивъ, предлагалъ ****) „всю иниціативу открытія школъ и установленія сборовъ на ихъ содержаніе" оставить обществамъ или волостямъ, которыя „непосредственно завѣдываютъ школой и содержатъ ее изъ общественныхъ сборовъ", земство же, „какъ вспомогательная инстанція, ассигнуетъ пособія тѣмъ изъ обществъ или волостей, которыя собственными средствами не въ состояніи содержать школу въ должной исправности", а министерство народнаго просвѣщенія, какъ „контрольная инстанція начальныхъ школъ, присуждаетъ награды и преміи лучшимъ училищамъ и ученикамъ". Однороднаго, въ общемъ, съ кн. Васильчиковымъ взгляда держался и бар. Корфъ *).

Среди практическихъ земскихъ дѣятелей первыхъ лѣтъ почти совершенно отсутствовало сколько-нибудь систематическое представленіе о сущности и задачахъ земства въ школьномъ дѣлѣ, и развитіе этой отрасли земскаго хозяйства долго шло ощупью. Началось оно, въ общемъ, принятіемъ различныхъ мѣръ въ духѣ той „поощрительной системы", выразителемъ которой явился кн. Васильчиковъ, а затѣмъ шло въ направленіи все большаго и большаго систематическаго сосредоточенія въ рукахъ земства всего школьнаго хозяйства. Въ общихъ чертахъ, постепенная эволюція земской дѣятельности по народному образованію была такова **).

Заботы о начальномъ образованіи всюду были отнесены къ предметамъ вѣдомства уѣздныхъ земствъ, губернскія же земства оставили за собой лишь среднее образованіе и заботы

---

*) Отчетъ бердянской уѣздной земской управы о народномъ образованіи за 1898—9 учебный годъ. Стр. 3.

**) Я. Абрамовъ. Что сдѣлало земство? Стр. 81.

***) Голосъ изъ земства.. Стр. 140.

****) О самоуправленіи. Т. II, стр. 150.

*) Русская начальная школа. Стр. 11—14.

**) См. главнымъ образомъ Б. Веселовскій. Исторія земства за 40 лѣтъ. Т. I, стр. 447—592, и Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. 1. 1898.

о подготовкѣ учительскаго персонала. Уѣздныя земства стали на точку зрѣнія „поощренія“ сельскихъ обществъ въ школьномъ дѣлѣ и, оставивъ на нихъ почти всѣ расходы по содержанію школъ и учителей, стали выдавать имъ пособія, имѣвшія, въ общемъ, ничтожный размѣръ, часто не имѣвшія опредѣленнаго назначенія и нерѣдко остававшіяся неизрасходованными. Лишь съ 70-хъ годовъ начинаетъ вырабатываться система въ земско-школьномъ хозяйствѣ. Прежде всего земства стали принимать на себя часть расходовъ по содержанію учителей: „награды“ учителямъ превращаются въ постоянныя „приплаты“ къ ихъ содержанію отъ сельскихъ обществъ; къ концу 70-хъ годовъ эти приплаты становятся уже основнымъ жалованьемъ, лишь дополняемымъ сельскими обществами; жалованье учащихъ значительно повышается, а съ 90-хъ годовъ земства начинаютъ принимать его исключительно на себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, земства снимали съ сельскихъ обществъ обязанность доставленія школамъ учебныхъ принадлежностей. Хозяйственные расходы по содержанію школъ очень долго полностью лежали на обществахъ и стали приниматься земствами лишь съ 90-хъ годовъ. Въ первое время земскія школы не отличались значительной устойчивостью и легко закрывались; положеніе ихъ становится прочнымъ, а развитіе закономѣрнымъ лишь постепенно. Мало-по-малу выработался особый типъ „земской“ трехгодичной школы съ правильной постановкой всей учебной части, обезпеченной подготовленнымъ учительскимъ персоналомъ (видное мѣсто среди котораго быстро завоевали себѣ учительницы), снабженной хорошими учебниками и поставленной въ уровень съ требованіями современной педагогики. Не мало времени и силъ пришлось затратить и лучшимъ земскимъ дѣятелямъ и земскимъ учителямъ, чтобы заставить населеніе забыть старую, ненавистную казенную школу и почувствовать любовь и довѣріе къ новой общественной школѣ. Резюмируя итоги земской дѣятельности по школьному дѣлу за первое десятилѣтіе, бар. Корфъ съ полнымъ правомъ могъ уже сказать, что „русскіе общественные дѣятели, унаслѣдовавъ пустыню, передаютъ по наслѣдству пустыню со многими оазисами, первая организація которыхъ стоила огромнаго труда и выяснила, какъ дѣйствовать дальше“ *).

Дѣятельность губернскихъ земствъ также далеко не сразу вылилась въ опредѣленную, болѣе или менѣе стройную, систему. Огромное значеніе имѣла ихъ иниціатива въ организаціи спеціальныхъ учительскихъ семинарій, проявленная еще въ 60-хъ годахъ, когда въ бюрократическихъ сферахъ самая необходимость ихъ или оспаривалась, или вызывала опасенія. Кромѣ того, заботы губернскихъ земствъ объ учительскомъ персоналѣ выразились въ пособіяхъ казеннымъ учительскимъ школамъ, въ учрежденіи стипендій для подготовки учителей, въ устройствѣ съѣздовъ и курсовъ для учителей, имѣвшихъ крупное общественное и педагогическое значеніе, и, наконецъ, въ устройствѣ пенсіонныхъ и эмеритальныхъ кассъ. Но далеко не всѣ губернскія земства развивали всѣ эти мѣропріятія; ихъ

*) „Вѣстникъ Европы“ 1876, VI, стр. 216.

дѣятельность не имѣла въ общемъ опредѣленной выдержки и системы. Принятый первоначально принципъ устраненія губернскихъ земствъ отъ попеченія о начальныхъ школахъ также уже съ самаго начала не чуждъ былъ исключеній и не удержался: губернскія земства, хотя разрозненно и случайно, начали приходить на помощь уѣзднымъ, и московское земство уже съ конца 70-хъ годовъ приняло въ этомъ отношеніи опредѣленную систему. Однако признаніе необходимости активнаго и планомѣрнаго участія губернскихъ земствъ въ организаціи народной школы и ея содержаніи получило широкое распространеніе только въ 90-хъ годахъ, когда въ земствѣ назрѣлъ уже вопросъ объ осуществленіи всеобщаго обученія. Главныя формы, въ какія постепенно вылилось участіе губернскихъ земствъ въ развитіи начальнаго образованія, сводятся къ слѣдующимъ: выдача ссудъ и пособій на постройку школъ, выдача пособій на ночлежные пріюты при школахъ, приплата къ жалованью учителей, субсидіи на устройство школьныхъ библіотекъ.

Огромное значеніе имѣло то отношеніе къ земскимъ учителямъ, которое мало-по-малу установилось въ земской средѣ, хотя и не могло получить полнаго развитія, главнымъ образомъ вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій: это стремленіе привлечь учителей къ живому, активному участію въ организаціи того школьнаго дѣла, которому они служатъ. Благодаря этому у насъ народился небывалый прежде типъ учителя—не безотвѣтственнаго чиновника, а отвѣтственнаго общественнаго работника. Благодаря тѣмъ же внѣшнимъ условіямъ, земство не имѣло возможности развить въ полной мѣрѣ уже очень рано проявившіяся въ немъ стремленія, съ одной стороны, поднять образовательный уровень народной школы вообще, съ другой, рядомъ съ начальной школой создавшагося типа создать высшую народную общеобразовательную школу. Что касается перваго, то учебная администрація систематически стремилась ограничить курсъ земской школы одной простой грамотой, а уже довольно раннія попытки земствъ (новгородскаго, елисаветградскаго, новоузенскаго) создать высшую школу были задушены явно противорѣчащимъ истинному смыслу закона административнымъ его истолкованіемъ *). Очень рано проявилось въ земствахъ сознаніе необходимости создать собственные спеціальные органы по завѣдыванію народнымъ образованіемъ. Въ Московской губерніи уже въ 1872 г. была учреждена должность земскаго педагога, но земству удалось сохранить ее только четыре года. Многочисленныя земскія ходатайства о разрѣшеніи имѣть собственныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ привели только къ изданію закона (1875), предоставлявшаго земствамъ единственное право—давать деньги на лишнія должности правительственныхъ инспекторовъ, безъ возможности вліять на ихъ выборъ и ихъ дѣятельность. Въ 80-хъ и особенно 90-хъ годахъ стали получать все большее и большее распространеніе коллегіальные земскіе органы по завѣдыванію народнымъ

*) См. статью Ф. Ч. О высшей земской народной школѣ. „Вѣстникъ Воспитанія“ 1902 г. IX.

образованіемъ—совѣты, комитеты, комиссіи и т. д., открывшіе возможность вліянія на школьное дѣло служащей въ земствѣ и мѣстной интеллигенціи, а также народнымъ учителямъ. Однако учрежденіе этихъ органовъ неизмѣнно почти встрѣчало административныя препятствія, благодаря которымъ ни ихъ число, ни организація, ни дѣятельность не могли получить свободнаго развитія. Огромное значеніе имѣла земская работа для освѣщенія и изученія различныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Не мало цѣнныхъ матеріаловъ по этому вопросу заключается уже въ обыкновенныхъ дѣловыхъ земскихъ изданіяхъ (отчетахъ, докладахъ, журналахъ собраній), съ 80-хъ же годовъ земствами стали производиться спеціальныя статистическія обслѣдованія, многія изъ которыхъ представляютъ крупное научное значеніе.

Острый вопросъ о роли духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, конечно, не могъ не затронуть и земства. Уже на самой зарѣ земской дѣятельности, въ 1866 г., оберъ-прокуроръ синода гр. Толстой обратился ко всѣмъ земствамъ съ просьбой о помощи церковно-приходскимъ школамъ, но его надежды „не оправдались на дѣлѣ", пишетъ историкъ этихъ школъ: *) „нѣкоторыя земства сочувственно отнеслись", но ассигновали „очень незначительныя" пособія, „многія не сочли себя обязанными оказать какую-либо поддержку церковно-приходскимъ школамъ", при чемъ нѣкоторыя „сдѣлали довольно неожиданныя заявленія, что церковно-приходскія школы не нуждаются въ пособіи по той простой причинѣ, что ихъ почти вовсе не существуетъ"; были и такія собранія, которыя „довольно странно поняли" предложеніе оберъ-прокурора, увидѣвъ въ немъ „стремленіе духовнаго вѣдомства устранить земство отъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія". Особенно скандальный для синода оборотъ получило это дѣло въ Екатеринославской губерніи, губернское земство которой „поставило дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы оно въ первый разъ только и услыхало о существованіи церковно-приходскихъ школъ въ губерніи изъ оберъ-прокурорскаго предложенія". Начались тщательные „розыски" этихъ школъ через уѣздныя земскія управы и благочинныхъ, и „тѣ же самые благочинные, которые доставляли духовному начальству свѣдѣнія о существованіи громаднаго количества церковно-приходскихъ школъ, увѣдомили земство, что такихъ школъ нѣтъ и никогда не существовало". Въ результатѣ губернское собраніе поручило управѣ отвѣтить оберъ-прокурору, что „церковно-приходскія школы существуютъ только на бумагѣ, а въ сущности ихъ вовсе нѣтъ". Давая общую характеристику отношенія земства къ духовенству въ 60—70 гг., тотъ же авторъ пишетъ *): „громадное большинство" земствъ „относилось къ духовенству въ высшей степени недовѣрчиво и считало его мало способнымъ къ разумной учительской дѣятельности, а если въ первое время и пользовалось во многихъ школахъ учительскими трудами духовенства, то главнымъ образомъ

*) Благовидовъ, стр. 72 и слѣд.

*) Стр. 102.

потому, что не имѣло возможности замѣнить ихъ такими учителями, которыхъ, даже по сознанію самихъ земцевъ, можно было бы предпочесть духовенству".

Введеніе Городового Положенія имѣло для развитія образованія среди городского населенія, въ общемъ, такое же важное значеніе, какъ введеніе земства для всего населенія земскихъ губерній. Къ сожалѣнію, общаго изслѣдованія по этому вопросу до сихъ поръ не имѣется, хотя по цѣлому ряду городовъ уже изданы въ высшей степени цѣнныя монографіи. Насколько можно судить, какъ по этимъ монографіямъ, такъ и по различнымъ другимъ источникамъ, просвѣтительная дѣятельность городскихъ самоуправленій, по сравненію съ дѣятельностью земствъ, отличалась слѣдующими существенными особенностями. Прежде всего на ней неблагопріятно отразился самый характеръ городского представительства, въ которомъ всецѣло господствовала буржуазія, а масса трудового населенія и интеллигенція была почти совершенно устранена. Земское представительство, также очень далекое отъ требованій соціальной справедливости, въ этомъ отношеніи все же было лучше, чѣмъ городское. Затѣмъ, на городское хозяйство въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно въ массѣ мелкихъ городовъ, оказывала существенное вліяніе правительственная дѣятельность по учрежденію городскихъ и приходскихъ училищъ. Въ общемъ, городская дѣятельность по народному образованію шла въ одинаковомъ направленіи и по одному типу съ земской, но слабѣе, медленнѣе, менѣе планомѣрно и отличалась несравненно меньшей интеллигентностью. Очень существенно отличалась она отъ земской, между прочимъ, въ вопросѣ о платности обученія: въ земствахъ принципъ безплатности почти сразу сдѣлался господствующимъ, въ городахъ онъ далеко не былъ осуществленъ еще и къ концу столѣтія.

Несмотря на то, что правительственная дѣятельность по народному образованію въ дореформенное время сосредоточивалась почти исключительно на городахъ и носила здѣсь болѣе реальный характеръ, то наслѣдство, съ котораго приходилось городамъ начинать свою работу, все же оказалось очень жалкимъ. По даннымъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1863 г. въ 43 лучшихъ городахъ Россіи съ 2,3 мил. жителей и свыше 10 мил. р. городскихъ расходовъ, на учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія было израсходовано менѣе 160.000 р.—т. е. около 0,02% и всего 6,9 коп. на 1 жителя. Лучшей иллюстраціей можетъ служить положеніе дѣла въ обѣихъ столицахъ *). Въ Москвѣ, передъ открытіемъ въ 1863 г. Общей Думы, было лишь 13 казенныхъ училищъ съ 828 учащимися, на которыя изъ городскихъ средствъ отпускалось менѣе 11.000 р. Задаваясь вопросомъ, чѣмъ объяснялся недостатокъ учащихся въ этихъ училищахъ, малою ли охотой къ ученію въ средѣ населенія, или тѣмъ, что казенныя училища не удовлетворяли потребностямъ въ обученіи, осторожный, но безусловно

*) М. Щепкинъ. Общественное хозяйство г. Москвы. Народное образованіе. Ч. IV. Вып. I.—Двадцатипятилѣтіе начальныхъ училищъ г. С.-Петербурга.

компетентный изслѣдователь школьнаго дѣла въ Москвѣ пишетъ: „скорѣе послѣднимъ, чѣмъ первою, въ особенности въ виду того знаменательнаго факта, что открывавшіяся вслѣдъ затѣмъ городскія училища обыкновенно такъ быстро наполнялись желающими учиться, что приходилось отказывать многимъ въ пріемѣ“. Очень характерна исторія школьнаго дѣла въ Петербургѣ: городская дума возбудила вопросъ о передачѣ дѣла народнаго образованія въ вѣдѣніе города еще въ 1864 г. но министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ затянули это дѣло вплоть до 1877 г., когда, наконецъ, городу и были переданы находившіяся въ немъ приходскія училища. Ихъ оказалось всего 16, на которыя думой отпускалось около 15.000 руб. Къ концу перваго же пятилѣтія, число городскихъ начальныхъ училищъ достигло 128, а число учащихся съ 362 поднялось до 5.900.

6.

Народное образованіе среди не-русскихъ національностей и на окраинахъ въ 60—70 гг.

Выше мы уже упоминали, что однимъ изъ самыхъ важныхъ измѣненій, внесенныхъ при окончательномъ утвержденіи Положенія о народныхъ училищахъ 1864 г., было полное исключеніе изъ школы преподаванія на мѣстныхъ языкахъ. Такимъ образомъ уже этимъ основнымъ закономъ правительство ясно опредѣлило курсъ, котораго оно намѣрено держаться въ школьно-національномъ вопросѣ. Курсъ этотъ ярко сказался и въ рядѣ спеціальныхъ правительственныхъ мѣръ по народному образованію на окраинахъ и среди не-русскихъ національностей.

Въ Царствѣ Польскомъ, по уставу объ общественномъ воспитаніи 1862 г., преподаваніе во всѣхъ училищахъ происходило на польскомъ языкѣ, но возстаніе 1863 г. повело за собой „преобразованіе всѣхъ учрежденій Царства, направленное къ полному объединенію его съ имперіей“. Однако еще въ рескриптѣ намѣстнику, сопровождавшемъ указъ 1864 г. о начальныхъ училищахъ въ этомъ краѣ, говорилось о необходимости озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой населяющей край народности училищъ и введенія въ школахъ общихъ обученія на природномъ языкѣ большинства населенія. Первымъ шагомъ къ измѣненію этой системы было постановленіе 1869 г. о введеніи въ начальныхъ училищахъ обязательнаго обученія чтенію и письму по-русски. Въ 1871 г., по словесному высочайшему повелѣнію, министръ словесно же сдѣлалъ распоряженіе о постепенномъ введеніи въ начальныхъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ всѣ правительственныя школьныя мѣропріятія также „продолжали клониться къ сближенію его порядковъ съ общегосударственными“, но сопряжены они были съ большими трудностями, и еще въ 1867 г. комитетъ министровъ, разсматривая вопросъ объ усиленіи преподаванія русскаго языка, долженъ былъ признать, что

„всѣ мѣропріятія правительства и его постановленія по этому вопросу до сихъ поръ оставались мертвою буквою“ *). При самомъ вступленіи въ должность гр. Толстой высказалъ мысль, что „корень вопроса лежитъ въ народныхъ училищахъ“, которыя послѣ 1820 г. постепенно отходили изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія. Евангелическо-лютеранскія школы находились въ вѣдѣніи духовенства и дворянства, и отъ мысли о ихъ подчиненіи себѣ министерство должно было отказаться въ виду единогласнаго заявленія дворянства, что въ такомъ случаѣ оно откажется отъ ихъ содержанія. „Начало распространенію общегосударственной системы управленія начальнымъ образованіемъ“ этого края было положено законами 1870 и 1873 гг. о подчиненіи вѣдомству министерства православныхъ сельскихъ училищъ, училищъ, устраиваемыхъ на счетъ правительства, и обученія въ домахъ православныхъ жителей.

Обсуждая въ 1857 г. положеніе образованія въ Сѣверо-западномъ краѣ, комитетъ министровъ также констатировалъ, что „въ предыдущее царствованіе достигнуто было сравнительно очень немного для руссификаціи этого края“ и что „новому Государю пришлось бы начать дѣло сызнова“ **). Когда польское возстаніе затронуло и этотъ край, постановленіемъ Западнаго комитета было признано, что „православное духовенство и русская школа являются надежнѣйшей опорой правительства въ борьбѣ съ польской революціонной пропагандой“. Съ появленіемъ въ краѣ ген.-губ. Муравьева началось ни передъ чѣмъ не останавливавшееся обрусеніе края и изгнаніе изъ школы всего польскаго. Особенное вниманіе рѣшено было сосредоточить на размноженіи въ краѣ русскихъ начальныхъ школъ, и въ 1863 г. для нихъ были изданы временныя правила и введены директоры и инспекторы народныхъ училищъ *). Въ ближайшіе годы послѣдовали дополнительныя постановленія, направленныя къ усиленію правительственнаго контроля надъ училищами. Циркуляромъ 1864 г. введены жестокія кары за преподаваніе польскаго языка и распространеніе польскихъ букварей и другихъ учебныхъ книгъ. Достойнымъ сподвижникомъ Муравьева былъ мѣстный учебный округъ съ попечителемъ И. П. Корниловымъ во главѣ. Чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи его настойчивыя стремленія запретить допущеніе уроженцевъ края римско-католическаго исповѣданія къ испытаніямъ на учительскія званія. Въ виду незаконности этой мѣры, даже гр. Муравьевъ призналъ ее „неудобной“, но послѣ новаго настоянія попечителя отвѣтилъ, что „впредь до разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, учебное вѣдомство можетъ всегда и безъ затрудненія изыскать способъ отклонять полученіе этими лицами свидѣтельствъ на право домашняго обученія“ **).

Правительственный курсъ по отношенію къ народному образованію въ

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. III., ч. II, стр. 84.
**) Тамъ же, стр. 106.

*) А. Б. Распоряженія гр. М. Н. Муравьева по дѣлу народнаго образованія.
**) И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 158.

Юго-западномъ краѣ ярко проявился въ запискѣ ген.-губ. Безака, представленной имъ государю при отправленіи на мѣсто службы *). Одной изъ предстоящихъ ему задачъ онъ считалъ: „при первой возможности закрыть польскія школы, открыть вмѣсто нихъ русскія, запретивъ католикамъ содержаніе какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній". Въ 1869 г. въ краѣ была введена инспекція народныхъ училищъ и издано Положеніе о мѣстныхъ народныхъ училищахъ съ русскимъ языкомъ преподаванія; надзоръ инспекціи распространенъ на всѣ начальныя училища.

Въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а также въ Сибири и Туркестанѣ „самой важной заботой министерства было созданіе особой системы школъ для инородцевъ, которая, по мысли гр. Толстого, должна имѣть цѣлью „болѣе прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ постепеннаго распространенія между ними знанія русскаго языка". Въ 1869 г. по этому вопросу министерствомъ былъ изданъ обширный и крайне любопытный сборникъ, въ которомъ собраны статьи различныхъ направленій. Изъ него видно, что министерство съ крайней опаской относилось даже къ системѣ Ильминскаго, ставившаго конечной цѣлью школы и обрусеніе, и распространеніе православія, но горячо отстаивавшаго въ этихъ видахъ важность родного языка на первой ступени обученія. Еще въ 1867 г. министерство задавалось вопросомъ: „инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго, будутъ ли въ состояніи содѣйствовать обрусѣнію инородцевъ, или же, наоборотъ, не послужатъ ли онѣ къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, могущихъ, если не воспрепятствовать, то затруднить сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ" *). Въ 1870 г. были изданы „Правила о мѣрахъ къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ". Для инородцевъ, мало обрусѣлыхъ и почти не знающихъ русскаго языка, установлены особыя школы съ преподаваніемъ вначалѣ на мѣстномъ нарѣчіи, но по книгамъ, печатаннымъ русскими буквами и съ переводомъ на русскій языкъ. Для инородцевъ, достаточно обрусѣлыхъ, школы учреждаются на общихъ основаніяхъ, съ преподаваніемъ по-русски. По отношенію къ татарамъ-магометанамъ признана необходимой „особая осторожность"; признано, что „вести обрусеніе этого племени, фанатизируемаго многочисленнымъ духовенствомъ, слѣдуетъ лишь путемъ распространенія русскаго языка и образованія, съ устраненіемъ всѣхъ такихъ мѣръ, которыя могли бы породить въ этомъ, по природѣ подозрительномъ, племени опасеніе въ посягательствѣ правительства на отклоненіе дѣтей отъ ихъ вѣры.

Въ дѣлѣ образованія евреевъ „главное затрудненіе, съ которымъ приходилось бороться правительству, заключалось въ томъ, чтобы преодолѣть недовѣріе евреевъ къ казеннымъ училищамъ (1844 г.) и уста-

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Стр. 225.

*) Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ. Стр. 16.

новить надъ этими училищами правительственный контроль, не затрагивающій религіозной и племенной щепетильности евреевъ". Въ 1873 г. издано Положеніе о еврейскихъ начальныхъ училищахъ, которыя открываются въ мѣстностяхъ, гдѣ при многочисленномъ еврейскомъ населеніи число общихъ училищъ недостаточно; все преподаваніе въ нихъ ведется на русскомъ языкѣ. Особый интересъ представляетъ длинная исторія борьбы министерства съ національными еврейскими домашними школами-хедерами *). Въ виду невѣжества и фанатизма большей части меламдовъ, правительствомъ принимаемы были различныя мѣры къ предоставленію преподаванія еврейской вѣры преимущественно лицамъ болѣе образованнымъ, и даже къ побужденію евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія", но всѣ эти старанія „не имѣли желаемаго успѣха", и въ 1859 г. было, наконецъ, „признано нужнымъ какъ можно менѣе вмѣшиваться въ религіозное ученіе еврейскихъ дѣтей, не стѣсняя оное никакими ограниченіями и руководствами со стороны правительства". Однако тутъ же было постановлено, что черезъ 10 лѣтъ меламдами (новыми) могутъ быть лишь окончившіе раввинскія училища или общія учебныя заведенія. Но и послѣ этого „ни старые, ни новые меламды ни о какомъ опредѣленіи и ни о какихъ дозволительныхъ свидѣтельствахъ не заботились", издаваемыя относительно ихъ постановленія оставались мертвой буквой, назначаемые для ихъ примѣненія сроки правительство должно было нѣсколько разъ отодвигать, и въ 1879 г. дѣло было, наконецъ, оставлено въ прежнемъ положеніи уже безъ назначенія срока, впредь до изданія новаго закона о евреяхъ. Въ результатѣ всей этой борьбы министерство признало, что „трудность разрушенія стараго зданія еврейскаго національнаго образованія постоянно возрастала по мѣрѣ возрастанія усилій къ его разрушенію принимавшимися правительствомъ мѣрами". Разгадку этого явленія даютъ представители еврейства. „Борьба съ еврейскимъ населеніемъ въ области образованія", пишутъ они *), „велась подъ офиціальнымъ лозунгомъ распространенія русской грамоты. Можно было бы думать, что евреи дѣйствительно избѣгаютъ просвѣщенія. А между тѣмъ, въ то самое время, когда учебное начальство принудительно и безъ успѣха навязывало свои способы изученія русскаго языка, молодое поколѣніе безъ всякаго принужденія добровольно посѣщало общія учебныя заведенія, а внѣ этихъ заведеній самообученіе и частное обученіе приняли самые широкіе размѣры. И, сопоставляя эти два, взаимно исключающія другъ друга, явленія, мы поневолѣ придемъ къ слѣдующему выводу: не съ русской грамотой боролось еврейское населеніе, а съ пріемами ея насажденія, грубо вторгавшимися въ область конфессіональнаго образованія".

*) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. XII, стр. 1327—1373.

*) Пережитое. Т. I, стр. 143.

В. Г. Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы на богомолье.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

II

7.
Главныя измѣненія въ организаціи народнаго образованія въ 80—90-хъ годахъ.

Борьба правительства съ усилившимися въ концѣ 70-хъ гг. революціонной пропагандой и оппозиціоннымъ общественнымъ движеніемъ не замедлила сказаться на его отношеніи къ народному образованію. При разсмотрѣніи въ 1879 г. комитетомъ министровъ плана борьбы съ революціонерами *), даже гр. Толстому пришлось возражать противъ требованій передать народную школу духовенству, совершенно устранить земство отъ народнаго образованія и закрыть всѣ учительскія семинаріи. Тѣмъ не менѣе комитетъ „единогласно призналъ, что духовенству слѣдуетъ предоставить преобладающее вліяніе въ народной школѣ, ибо никакое просвѣщеніе, а тѣмъ болѣе первоначальное, не можетъ дать благодѣтельныхъ плодовъ, не будучи освѣщено свѣтомъ вѣры"; относительно семинарій признано, что воспитанники ихъ должны браться изъ „сооотвѣтственной общественной среды". Однако вскорѣ реакціонный гнетъ надъ школой, хотя и на очень короткое время, пріостановился. Предсѣдатель Верховной распорядительной комиссіи, гр. Лорисъ-Меликовъ, начертывая въ 1880 г. картину внутренняго состоянія Россіи, въ числѣ основныхъ мѣръ для водворенія спокойствія въ государствѣ, считалъ необходимымъ „возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы, и произвести измѣненія въ личномъ составѣ управленія учебнымъ вѣдомствомъ". На мѣсто гр. Толстого былъ назначенъ министромъ сначала Сабуровъ (1880—1881 г.), а затѣмъ Николаи (1881—1882 г.), пробывшіе на этомъ посту каждый менѣе года. Однакоже этотъ короткій промежутокъ въ исторіи народной школы былъ въ высшей степени интересенъ. Общественный протестъ противъ толстовскаго режима получилъ въ это время возможность легальнаго и сравнительно широкаго внѣшняго проявленія. Общественныя требованія въ области образованія съ наибольшей полнотой выразились въ многочисленныхъ земскихъ постановленіяхъ и заявленіяхъ, и новый министръ обѣщалъ „немедленно удовлетворить всѣ разумныя и справедливыя желанія земства". Сущность этихъ заявленій сводилась къ усиленію вліянія земства на завѣдываніе народной школой, освобожденію народнаго образованія отъ опеки дворянства, расширенію курса народной школы, разрѣшенію учительскихъ съѣздовъ, допущенію свѣтскихъ учителей къ преподаванію закона Божія, отмѣнѣ правилъ снабженія училищъ книгами *). Въ разсматривавшихся въ эту же эпоху земскими собраніями проектахъ

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. III, ч. II, стр. 192.

*) В. Скалонъ. Земскіе вопросы. Стр. 157. См. также замѣчательную записку „О нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губерніи", въ протоколахъ засѣданій тверского губернскаго земскаго собранія 1880 г., стр. 1—40.

общей реформы мѣстнаго управленія вопросы организаціи народнаго образованія ставились еще шире. Выдвинута на очередь необходимость дополненія земскихъ учрежденій самоуправляющеюся волостью. Въ рядѣ проектовъ уѣзднаго управленія проводится мысль о передачѣ всего вообще уѣзднаго управленія въ вѣдѣніе выборныхъ властей, дѣйствующихъ лишь подъ надзоромъ правительства *).

Какъ извѣстно, на очереди стоялъ вопросъ о введеніи конституціи, и въ перепискѣ по этому поводу нельзя не отмѣтить замѣчательно характерной частности. Въ своемъ письмѣ къ Александру III германскій императоръ, не отрицая пользы созыва народныхъ представителей, предостерегалъ его отъ главныхъ „подводныхъ камней, которыхъ необходимо избѣгать при дарованіи конституціи"; между прочимъ, рекомендуется „не допускать неограниченной свободы преподаванія" **).

„Свѣтлый промежутокъ" въ правительственномъ отношеніи къ народной школѣ былъ однако такъ кратокъ, что оставилъ послѣ себя лишь очень немного практическихъ слѣдовъ. Въ 1881 г., съ высочайшаго соизволенія, былъ разосланъ платоническій циркуляръ, въ которомъ говорилось, что директоры и инспекторы народныхъ училищъ „должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самодѣятельности общественной". Въ 1882 г. разрѣшено отъ лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ среди крестьянъ, не требовать свидѣтельствъ о правѣ на учительское званіе, предоставляя однакоже полиціи и приходскимъ священникамъ наблюдать, чтобы этимъ обученіемъ не занимались лица, „неблагонадежныя въ политическомъ, либо въ нравственномъ отношеніи". Это открывало земствамъ возможность оказывать помощь домашнимъ крестьянскимъ школамъ грамотности—почти единственный практическій результатъ; доставшійся на долю народнаго образованія отъ эпохи „диктатуры сердца".

Какъ извѣстно, эпоха эта быстро смѣнилась долгимъ періодомъ систематической реакціи. Вѣрнымъ слугой ея на посту министра народнаго просвѣщенія былъ И. Д. Деляновъ (1882—1897 гг.), который онъ занималъ почти до конца столѣтія. Подъ его управленіемъ министерство повело свою прежнюю линію непосредственно съ того мѣста, на которомъ она оборвалась незадолго до того—линію, которая такъ ярко фиксирована была упомянутымъ уже совѣщаніемъ 1879 г. Вся законодательная дѣятельность по школьному дѣлу за оставшійся послѣдній періодъ столѣтія сводится главнымъ образомъ къ дальнѣйшему развитію началъ, уже вполнѣ ясно опредѣлившихся въ 60—70-хъ гг. Главнѣйшими ея проявленіями были слѣдующія. Руководствуясь убѣжденіемъ, что попеченіе о народной школѣ „не можетъ быть безопасно ввѣрено лицамъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій", министерство провело въ 1888 г. законъ, по которому участіе въ училищныхъ совѣтахъ предоставлено только лицамъ хри-

*) В. Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія.

**) Конституція гр. Лорисъ-Меликова. Изд. „Свободная Мысль", стр. 47.

стіанскаго исповѣданія. Несмотря на крайнюю недостаточность образовательнаго уровня народной школы, министерство очень сочувствовало возникшей въ 80-хъ гг. мысли сдѣлать ее „проводникомъ не только начатковъ общаго образованія, но и практическихъ знаній“, преимущественно сельско-хозяйственныхъ. Этимъ были вызваны послѣдовавшія въ 90-хъ гг. введеніе въ учительскія семинаріи обученія сельскому хозяйству и устройство для народныхъ учителей, рвавшихся къ расширенію своего общаго образованія, безплатныхъ курсовъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ концѣ 90-хъ годовъ для преподаванія въ народныхъ школахъ изданы „примѣрныя“ программы, явно направленныя къ ограниченію общеобразовательнаго значенія школы. По этимъ программамъ, между прочимъ, расширеніе курса допускается лишь „по предметамъ, преподаваемымъ въ народныхъ училищахъ“ и съ отдѣльнаго разрѣшенія директора для каждой школы; при церковно-славянскомъ чтеніи „не требуется объясненія всего содержанія читаемаго“; при объяснительномъ чтеніи по русскому языку, учителю „не слѣдуетъ увлекаться желаніемъ дѣлиться съ дѣтьми всѣми свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ“, ему рекомендуется „избѣгать многословія“ и „не удаляться отъ читаемаго текста“. Какъ самыя программы, такъ въ особенности примѣненіе ихъ инспекціей на мѣстахъ шли въ разрѣзъ даже съ дѣйствующимъ Положеніемъ 1874 г., изъ текста котораго вовсе не вытекаютъ тѣ ограниченія учебнаго курса школы, какія проводило министерство. Система обрусенія всѣхъ не-русскихъ народностей и подавленія въ назначенной для нихъ народной школѣ національнаго языка получила въ 80-хъ и 90-хъ гг. свое полное завершеніе. Законъ 1885 г. утвердилъ въ народныхъ школахъ Царства Польскаго преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ закона Божія и природнаго языка учащихся. Въ Прибалтійскомъ краѣ преподаваніе на русскомъ языкѣ въ 1889 г. было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній; въ 1887 г. здѣсь введена дирекція и инспекція училищъ съ подчиненіемъ имъ всѣхъ начальныхъ училищъ; закономъ 1887 г. русскій языкъ сдѣланъ языкомъ преподаванія, кромѣ закона Божія, а мѣстный языкъ допущенъ лишь какъ вспомогательное средство, на первыхъ порахъ обученія. Въ 1892 г. въ народныхъ школахъ Сѣверо-западнаго края введено преподаваніе на русскомъ языкѣ даже закона Божія римско-католическаго исповѣданія; въ томъ же году, въ виду „совершеннаго безсилія общаго надзора въ борьбѣ съ нѣкоторыми тайными происками польско-католической пропаганды, именно съ тайнымъ обученіемъ“, введены жестокія „временныя правила о взысканіяхъ за тайное обученіе въ сѣверо-и юго-западныхъ губерніяхъ“. По отношенію къ высшимъ магометанскимъ школамъ министерство народнаго просвѣщенія составило въ 1887 г. проектъ введенія въ нихъ обязательнаго обученія русскому языку, но министерство внутреннихъ дѣлъ возражало противъ этого по соображеніямъ необходимости „осторожности и посте-

пенности“ въ дѣлѣ образованія магометанъ „въ виду противодѣйствія мусульманскаго духовенства“. Эти опасенія заставили ограничиться лишь изданіемъ правилъ (1890 г.) объ образовательномъ цензѣ для духовныхъ лицъ магометанскаго исповѣданія, по которымъ для нихъ обязательно знаніе русскаго языка. Въ 1897 г. въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія переданы армяно-грегоріанскія школы на Кавказѣ, представлявшія цѣлую стройную систему армянскаго національнаго образованія; передъ самой передачей армянскія школы были администраціей закрыты. Всѣ эти мѣры были направлены къ тому же бюрократическо-централистическому объединенію дѣла народнаго образованія во всей странѣ въ вѣдомствѣ министерства, начало которому было положено уже въ 60—70-хъ годахъ; въ 80—90-хъ годахъ въ вѣдѣніе министерства перешелъ еще рядъ школъ, имѣвшихъ ранѣе болѣе или менѣе самостоятельную организацію: школы министерства финансовъ, нѣмецкія колонистскія, въ еврейскихъ колоніяхъ, евангелическія и протестантскія, при римско-католическихъ церквахъ (законы 1881, 1890, 1893 гг.).

Въ тѣсной связи съ усиленіемъ реакціи въ началѣ 80-хъ годовъ, на очередь снова сталъ острый вопросъ о роли духовенства въ народномъ образованіи и о взаимоотношеніяхъ въ этомъ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ одной стороны, св. синода, съ другой. Въ 1887, а затѣмъ въ 1893 г. министру и оберъ-прокурору были даны порученія разработать коренной вопросъ о томъ, „не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ“, но тѣмъ не менѣе онъ остался не разрѣшеннымъ. Въ то же время рядомъ съ министерствомъ фактически создалась почти равносильная съ нимъ по значенію церковно-школьная организація св. синода, сразу же получившая крупныя сравнительно государственныя средства. Законами 1884, 1885, 1888, 1891 и 1896 гг. о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, состоящихъ въ вѣдѣніи св. синода, созданъ центральный училищный совѣтъ при св. синодѣ, епархіальные училищные совѣты съ уѣздными отдѣленіями и обширная спеціальная инспекція за церковными школами. Созданіе этой новой, по существу правительственной же, школьной организаціи немедленно повлекло за собой очень существенныя ограниченія для системы народныхъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и прежде всего для просвѣтительной дѣятельности земства. Циркулярнымъ путемъ были установлены предварительныя сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ при открытіи подвѣдомственныхъ министерству народныхъ училищъ и на практикѣ эти „сношенія“ сплошь и рядомъ чрезвычайно тормозили открытіе новыхъ земскихъ училищъ. Далѣе, съ изданіемъ законовъ о церковныхъ школахъ, было признано, что школы грамотности и воскресныя школы, учреждаемыя въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній должны находиться исключительно въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ то же время начались усиленныя административныя давленія на земства въ цѣляхъ содержанія цер-

ковныхъ школъ на земскія средства; въ 1893 г. всѣмъ земскимъ собраніямъ было разослано по этому вопросу циркулярное письмо оберъ-прокурора св. синода. Въ результатѣ усиленнаго культивированія церковныхъ школъ снова начинается ихъ быстрый количественный ростъ: съ $4^1/_2$ тысячъ въ 1882 г. оно уже черезъ 2 года достигаетъ 12 тысячъ, а къ 1894 г. почти 32 тысячъ. Однако и на этотъ разъ, несмотря на рѣзко измѣнившуюся обстановку всего жизненнаго уклада страны, этотъ быстрый ростъ объяснялся не только ростомъ школъ реальныхъ, но и усердіемъ церковной „статистики". Даже въ 1896 г., въ экспонатахъ вѣдомства православнаго исповѣданія на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ были обнаружены совершенно скандальныя статистическія „неточности", заключавшіяся въ систематическомъ преуменьшеніи числа школъ вѣдомства министерства и такомъ же преувеличеніи числа школъ церковныхъ. Вся организація, созданная законами о церковныхъ школахъ, построена на чисто бюрократическихъ началахъ, съ полнымъ устраненіемъ всякаго, сколько-нибудь дѣйствительнаго, общественнаго вліянія на ихъ строй и управленіе ими. Въ 1894 г. въ составъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ тѣхъ епархій, гдѣ церковныя школы получаютъ пособія губернскаго земства, были введены 2 члена отъ земства, но уже черезъ 2 года это было уничтожено: мѣстнымъ архіереямъ было лишь *предоставлено приглашать* въ составъ уѣздныхъ отдѣленій по одному члену отъ уѣзднаго земства и города. Установленныя закономъ 1896 г. чрезвычайныя собранія синодскаго училищнаго совѣта съ участіемъ мѣстныхъ дѣятелей послѣ первой же сессіи (1898 г.) прекратились. Что касается отношенія духовнаго вѣдомства къ частной иниціативѣ, то яркой иллюстраціей его явилась исторія дѣятельности А. Штевенъ въ 90-хъ годахъ по открытію школъ грамотности въ Нижегородской губерніи *). Будучи сначала принципіальной сторонницей этихъ школъ, она горячо принялась за ихъ открытіе, но въ виду или полной индифферентности или даже прямого противодѣйствія мѣстныхъ священниковъ, она уже очень скоро пришла къ убѣжденію въ необходимости передачи школъ грамоты земству и должна была совершенно прекратить свою дѣятельность.

Внутренняя постановка церковной школы явно шла въ разрѣзъ не только съ требованіями научной педагогики, но и со всѣмъ лучшимъ изъ того, что уже было достигнуто русской общественной школой. Въ отчетѣ оберъ-прокурора за 1884 г. прямо говорится, что „церковный и всенародный идеалъ обученія" за минувшее 25-лѣтіе „искаженъ былъ невѣрнымъ и мечтательнымъ представленіемъ о народной школѣ, какъ о средствѣ распространять въ народѣ реальныя знанія посредствомъ искусственныхъ методовъ обученія, заимствованныхъ изъ чужеземной практики"**). А изданныя для церковныхъ школъ программы достигли крайняго предѣла въ стремленіи вытравить изъ школы всякое живое образовательное ея значеніе: онѣ прямо признаютъ желательнымъ начинать обученіе съ цер-

*) См. „Вѣстникъ Европы" 1895 г. III.
**) Стр. 108.

ковно-славянской азбуки и лишь въ видѣ уступки учащимъ предоставляется начинать съ русской грамоты; при преподаваніи русскаго языка предписывается „обращать исключительное вниманіе на изученіе языка и не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра“. Помимо всего этого церковной школѣ явно ставились часто миссіонерскія цѣли и задачи. Однимъ изъ преимуществъ церковной школы была провозглашена ея дешевизна и ея двухлѣтній курсъ. Однако въ дѣйствительности продолжительность учебнаго курса церковной школы, какъ это обнаружили статистическія изслѣдованія, была лишь немного короче курса земскихъ, и въ 1898 г. она и офиціально была опредѣлена въ 3—4 года. Что касается „дешевизны“ обученія въ церковныхъ школахъ, то она также оказалась по меньшей мѣрѣ сомнительной. Уровень учащаго персонала церковныхъ школъ былъ крайне низокъ, а положеніе его въ высшей степени печально и ненормально. Достаточно сказать, что (въ 1885 и 1892 г.) учительство въ церковныхъ школахъ было вмѣнено діаконамъ въ обязанность, а съ тѣхъ діаконовъ, которые не занимаются въ мѣстныхъ школахъ по небрежности или неспособности, введены вычеты изъ ихъ доходовъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ и энергичныхъ дѣятелей церковныхъ школъ конца столѣтія, В. Шемякинъ, въ концѣ концовъ далъ имъ слѣдующую безусловно вѣрную и безпощадную характеристику *): „Главное зло церковно-школьнаго управленія— бездушный формализмъ, неразрывно соединенный съ консисторско-канцелярскимъ бумагописаніемъ“; училищный совѣтъ при синодѣ сталъ „исключительно присутственнымъ мѣстомъ, состоящимъ изъ совѣтской канцеляріи“, и „неуклонно идетъ попятнымъ шагомъ отъ духа жизни и общественности къ мертвой канцелярщинѣ“; но едва ли не самымъ интереснымъ въ устахъ этого компетентнаго автора является утвержденіе, что „самымъ слабымъ пунктомъ церковныхъ школъ было въ большинствѣ ихъ преподаваніе закона Божія по сухимъ и плохимъ учебникамъ, часто въ зубрежку“.

*) В. Шемякинъ. Церковная школа и духовная бюрократія. Стр. 13, 15, 23.

Выдающимся дѣятелемъ церковныхъ школъ въ послѣдній періодъ ихъ развитія былъ С. А. Рачинскій, признававшій, что изъ всѣхъ силъ, работающихъ въ дѣлѣ народнаго образованія, „единственная, способная дѣйствовать повсемѣстно, въ духѣ единомъ и желательномъ, въ предѣлахъ точно очерченныхъ и естественныхъ, въ связи съ прошлымъ, съ благотворнымъ вліяніемъ на будущее —есть сельское духовенство“ и что земскимъ учрежденіямъ въ дѣлѣ народнаго образованія „была предоставлена дѣятельность, имъ совершенно непосильная и несвойственная“ *).

Внѣшнія условія просвѣтительной дѣятельности земскихъ учрежденій къ концу столѣтія не только не улучшились, но даже ухудшились. Не могли не отражаться на этой дѣятельности серьезныя и неоднократно возникавшія опасенія полной передачи

*) С. Рачинскій. Сельская школа. Стр. 253, 254.

всѣхъ народныхъ школъ духовенству. Значительныя осложненія и затрудненія этой дѣятельности повлекло за собой изданіе новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (1890 г.), основаннаго на началахъ сословности и усиленія административной опеки. Въ дополненіе къ нему въ 1900 г. введена фиксація земскихъ расходовъ, направленная главнымъ образомъ противъ значительнаго въ 90-хъ годахъ роста земскихъ расходовъ на народное образованіе. Въ предшествовавшіе этой мѣрѣ годы высочайшія отмѣтки нѣсколько разъ указывали „на нежелательность чрезмѣрнаго увлеченія земствами дѣломъ народнаго просвѣщенія, въ ущербъ удовлетворенію другихъ, не менѣе важныхъ, потребностей“ *). Въ административномъ отношеніи земская дѣятельность послѣдняго двадцатилѣтія также продолжала испытывать постоянное административное воздѣйствіе, направленное къ умаленію земскихъ правъ и стѣсненію свободнаго развитія земскаго хозяйства, а наиболѣе существенными проявленіями его были препятствія попыткамъ земства повысить уровень своей народно-образовательной дѣятельности и упрочить ее созданіемъ правильно функціонирующихъ спеціальныхъ земскихъ органовъ по завѣдыванію народнымъ образованіемъ. Главными бюрократическими органами, съ которыми чаще всего приходилось сталкиваться земствамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, были директора и инспектора народныхъ училищъ. Дѣятельность этихъ чиновниковъ, въ огромномъ большинствѣ, носила сравненно болѣе охранительно-полицейскій, чѣмъ педагогическій характеръ; въ общемъ она шла прямо въ разрѣзъ съ земской работой и нерѣдко переходила въ болѣе или менѣе острые и длительные конфликты съ земскими учрежденіями. Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей господствующаго типа директоровъ въ своемъ „наставленіи“ требуетъ отъ учителей „особаго уваженія“ къ директору и инспекторамъ, доходящаго до прямого запрещенія „обсуждать ихъ указанія и дѣйствія, а также осуждать ихъ дѣятельность“; рядомъ съ этимъ въ „наставленіи“, детально перечисляющемъ всѣ формы и виды начальства, съ которыми учителю приходится имѣть дѣло, о земствѣ и земской управѣ даже не упоминается *). Исторія отношеній многихъ земствъ къ мѣстнымъ инспекторамъ представляется сплошнымъ мартирологомъ земской школы. Такова, напримѣръ, исторія одного изъ самыхъ выдающихся по своей образовательной дѣятельности бердянскаго земства, подробно разсказанная Корфомъ, при чемъ причину конфликта онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ, за которыми смѣло можно признать общее значеніе **): „Пререканія происходили изъ-за того, что управа, завѣдуя хозяйственною частью школы и желая производительности расхода, смотрѣла на школу съ точки зрѣнія педагогической, инспекторъ же, котораго управа вызывала къ себѣ въ уѣздъ, какъ педагога, относился къ школамъ исклю-

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. СПб. 1902 г. Стр. 14.

*) М. Яблочковъ. Русская школа. Тула, 1894.

**) Корфъ. Наши педагогическіе вопросы. Москва. 1882 г. Стр. 73.

чительно съ точки зрѣнія полицейской и бюрократической".

Новый расцвѣтъ церковныхъ школъ въ 80-хъ гг. поставилъ передъ земствами вопросъ объ отношеніи къ нимъ. Хотя истинный характеръ этого отношенія былъ въ значительной степени затемненъ и осложненъ административнымъ давленіемъ на земства съ цѣлью поддержанія ими церковныхъ школъ, однакоже можно констатировать, что въ этомъ дѣлѣ земства, въ общемъ, проявили недостаточное принципіальное пониманіе основъ правильной организаціи общественнаго образованія. Въ большинствѣ случаевъ земства смотрѣли на церковныя школы, какъ на новый источникъ образованія, и хотя видѣли ихъ недостатки, но оказывали имъ матеріальную поддержку и во всякомъ случаѣ не занимали къ нимъ воинственнаго положенія, хотя организаторы церковныхъ школъ на первыхъ же шагахъ именно такую позицію и заняли по отношенію къ земскимъ школамъ. Принципіальныхъ сторонниковъ церковной школы въ земской средѣ или вовсе не находилось, или они оказывались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Исключеніемъ было лишь нѣсколько единичныхъ реакціонныхъ уѣздныхъ земствъ, постановившихъ передать свои школы церковному вѣдомству,— такихъ земствъ оказалось однако лишь очень немного (около 13); результаты такой передачи были настолько плачевными, что часть ихъ довольно скоро снова принуждена была приниматься за самостоятельную дѣятельность по народному образованію. Что касается общей картины земскаго отношенія къ церковнымъ школамъ, то по даннымъ спеціальной анкеты саратовскаго земства, относящейся къ самому концу столѣтія *), изъ губернскихъ земствъ пособія церковнымъ школамъ оказывали лишь 7, а изъ уѣздныхъ—22% никогда не субсидировали ихъ; число же земствъ субсидировавшихъ было вначалѣ незначительнымъ, затѣмъ стало увеличиваться, но къ концу столѣтія этотъ ростъ прекратился и начался обратный процессъ. По отношенію къ земскимъ расходамъ на земскія и министерскія школы, субсидіи церковнымъ школамъ не превышали 4%. Та же анкета констатировала „почти повсемѣстныя" „недоразумѣнія" между земствами и церковно-школьными властями и показала, что „мирнаго единенія между земствами и духовнымъ начальствомъ на почвѣ школьнаго дѣла нѣтъ". „Недоразумѣнія" возникали обыкновенно или на почвѣ нетерпимости и отрицанія просвѣтительно-нравственной дѣятельности земской школы, или же вслѣдствіе „мелочной придирчивости" со стороны мѣстныхъ дѣятелей церковной школы.

Самымъ выдающимся явленіемъ въ земской дѣятельности по народному образованію за послѣднее двадцатилѣтіе была постановка на очередь вопроса объ осуществленіи всеобщности начальнаго образованія и тѣсно съ этамъ связанное вступленіе губернскихъ земствъ на путь активной работы въ этой области, въ качествѣ органа, объединяющаго и систематизирующаго работу

*) См. спеціальную анкету въ „Саратовской Земской Недѣлѣ" 1902 г., 11—12, для которой свѣдѣнія доставлены 63,5% уѣздныхъ и 65% губернскихъ земствъ.

земствъ уѣздныхъ. Движеніе это съ особенной интенсивностью стало развиваться лишь въ 90-хъ годахъ, хотя до самаго конца столѣтія оно далеко не охватило еще всѣхъ земствъ, и даже въ тѣхъ земствахъ, которые приступили къ практическому осуществленію всеобщности образованія, принятыя для этой цѣли земствами школьныя сѣти на самомъ дѣлѣ не достигали еще дѣйствительной всеобщности обученія. По даннымъ труда Веселовскаго, въ 1894 — 1897 гг. вопросъ о всеобщемъ обученіи разсматривался 24 губернскими земствами, при чемъ въ 17 были предприняты статистическія изслѣдованія вопроса, а въ 20 образованы спеціальные фонды для ссудъ и пособій на постройку школъ.

Кромѣ непосредственной практической просвѣтительной работы, земская дѣятельность выражалась еще въ освѣщеніи нуждъ народнаго образованія и безчисленныхъ попыткахъ добиться ихъ удовлетворенія путемъ ходатайствъ. Общей и полной разработки въ высшей степени интереснаго матеріала, который представляютъ собой земскія ходатайства по народному образованію, пока еще не сдѣлано, но вполнѣ достаточное представленіе о нихъ могутъ дать слѣдующіе любопытные итоги земскихъ ходатайствъ пермскаго губернскаго земства за послѣднее тридцатилѣтіе *). Изъ общаго числа ходатайствъ удостоились какого-либо отвѣта лишь 71,4%, при чемъ удовлетворено лишь 28,6%. Большинство ходатайствъ стремится увеличить участіе общественнаго элемента въ народномъ образованіи, и всѣ они или отклонялись, или оставались безъ отвѣта. Удовлетворялись же лишь ходатайства, касающіяся узко хозяйственной стороны дѣла.

Земская дѣятельность по народному образованію, во всей ея совокупности, какъ она сложилась къ концу столѣтія, имѣетъ, несомнѣнно, много общности и единства, какъ въ ея организаціи, такъ и въ ея результатахъ. И съ этой стороны она представляется плодомъ работы не только „земства" въ узкомъ смыслѣ этого слова, но и всѣхъ живыхъ силъ страны, получившихъ возможность, хотя и далеко не полную, такъ или иначе выражать при посредствѣ земства истинныя потребности народныхъ массъ, добиваться удовлетворенія этихъ потребностей и проявлять общественное творчество въ способахъ и методахъ ихъ освѣщенія и удовлетворенія. Но эта общность, разумѣется, далеко не устраняетъ очень крупныхъ особенностей и различій въ просвѣтительной дѣятельности отдѣльныхъ земствъ. Такія различія обусловливались цѣлою сложною сѣтью различныхъ условій, вдаваться въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь не мѣсто. Однако среди нихъ есть одно, которое необходимо отмѣтить. Благодаря существеннымъ соціальнымъ особенностямъ населенія различныхъ мѣстностей, ихъ земское представительство, по своему соціальному составу, также оказалось въ значительной степени неодинаковымъ, и это не замедлило сказаться на результатахъ работы различныхъ земствъ по народному образованію. Разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ циф-

*) Пермскій сборникъ. 1903.

ровыхъ данныхъ *) обнаруживаетъ, что демократическія земства (съ преобладаніемъ гласныхъ крестьянъ), съ одной стороны, болѣе чутко прислушивались къ потребностямъ массы населенія въ образованіи и развивали болѣе крупные расходы для ихъ удовлетворенія, а, съ другой стороны, пользовались большимъ довѣріемъ со стороны населенія.

Что касается развитія народнаго образованія за послѣднее двадцатилѣтіе въ городахъ, то, по сравненію съ прежнимъ, оно сдѣлало довольно крупные шаги впередъ. Однакоже, въ общемъ, городскія самоуправленія до самаго конца столѣтія развивали это дѣло и менѣе быстро и менѣе систематично, чѣмъ земства. По анкетѣ, произведенной Московскимъ Комитетомъ Грамотности въ 1894 г., на которую, впрочемъ, откликнулось всего 82 города изъ 37 губерній, оказалось, что вопросъ о доставленіи возможности учиться всему населенію школьнаго возраста до этого времени ни въ одной городской думѣ еще не обсуждался **).

Въ заключеніе необходимо упомянуть еще о нѣсколькихъ важныхъ мѣропріятіяхъ по народному образованію, относящихся къ послѣднему двадцатилѣтію. Фабричнымъ законодательствомъ положено начало обученію малолѣтнихъ рабочихъ и ограниченію продолжительности ихъ работы. Въ задачи министерства народнаго просвѣщенія включены также заботы о техническомъ и ремесленномъ образованіи (Основныя положенія 1888 г.). На самомъ порогѣ новаго столѣтія изданъ законъ (1900 г.) о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей, организація которой, впрочемъ, вызвала совершенно справедливую неудовлетворенность со стороны самихъ учителей. Наконецъ, лишь въ 1899 г. министерство рѣшилось вновь допустить прекращенные еще въ 1883 г. съѣзды учителей народныхъ училищъ. Однако правила съѣздовъ были таковы, что лишали ихъ всякаго живого общественнаго значенія; съѣзды были поставлены въ полную зависимость отъ инспекторовъ, и на нихъ даже не допускалось ни голосованія, ни какихъ бы то ни было постановленій.

*) См. напримѣръ, статью Зака „Крестьянинъ и земство“ въ „Вѣстникѣ Таврическаго Земства“ 1904, 21.

**) Н. Бычковъ. Къ вопросу о всеобщемъ обученіи въ городахъ. „Вѣстникъ Воспитанія“ 1896 г., 4.

8.

Внутреннее состояніе народной школы и положеніе народныхъ учителей.

Литература второй половины столѣтія, особенно 80-хъ и 90-хъ годовъ, заключаетъ обильные матеріалы для освѣщенія внутренняго состоянія народной школы и положенія ея учителя, представляющіе широкій общественный интересъ. Но изъ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ мы можемъ слегка коснуться лишь очень немногихъ, наиболѣе существенныхъ.

Цѣлымъ рядомъ изслѣдованій *),

*) Между прочимъ: Борисова по александрійскому уѣзду, Петрова и Боголѣ-

твердо установленъ фактъ глубокой связи, существующей между школой и соціальными условіями населенія, нужды котораго она должна удовлетворять. Современная сельская школа „служитъ интересамъ, главнымъ образомъ, среднихъ и богатыхъ слоевъ крестьянскаго міра; бѣдняки пользуются ея услугами въ весьма слабой степени". Бѣдность является главной причиной пропуска учащимися уроковъ, она же обусловливаетъ и меньшій процентъ оканчивающихъ полный курсъ школы. „Неграмотность среди дѣтей школьнаго возраста обусловливается преимущественно экономическими условіями—бѣдностью во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ"—таковъ голосъ нѣмыхъ безпристрастныхъ цифръ, обнаруживающихъ (по даннымъ Московской губ.) и еще одно, пожалуй, даже болѣе замѣчательное, явленіе. „Тѣ же экономическія и промысловыя условія жизни крестьянскаго населенія, обусловливая практическую полезность грамотности и этимъ вызывая ее, нерѣдко не даютъ средствъ, необходимыхъ для достаточно полнаго удовлетворенія этой потребности": масса населенія въ матеріальномъ отношеніи обезпечена настолько мало, что въ годы процвѣтанія промысловъ „оно съ жадностью бросается на открывшіеся заработки, отрываетъ отъ школы дѣтей, чтобы посадить ихъ за работу, и не отпускаетъ въ школу безграмотныхъ". Установленіе тѣсной зависимости школы отъ соціальныхъ условій, естественно, заставило признать важной очередной задачей школьной политики, во-первыхъ, мѣры для обезпеченія бѣдной части населенія дѣйствительной возможности пользоваться школой и, во-вторыхъ, мѣры для охраны свободы школьнаго возраста. Въ XIX столѣтіи эти важные вопросы однако были только поставлены, для практическаго же разрѣшенія ихъ были сдѣланы лишь единичныя робкія попытки (главнымъ образомъ земствами).

Характеризуя положеніе сельскаго народнаго учителя въ первое время земской дѣятельности, Мордовцевъ приводитъ въ своемъ трудѣ *) слѣдующую выдержку изъ отчета по нижегородскому уѣзду, которая одинаково можетъ служить для характеристики и большинства другихъ мѣстностей: „Хотя бы наши учителя были не совсѣмъ удовлетворительны, но они, при настоящей обстановкѣ, еще черезчуръ хороши, потому что учительство въ сельской и даже городской школѣ въ концѣ концовъ есть подвигъ, которому нужно удивляться... Это какіе-то самоотверженные подвижники, только взявшіеся за подвижничество не по принципу, а подъ давленіемъ безысходной нужды, вынужденные на незавидную роль сельскаго учителя горькой необходимостью"... Въ концѣ столѣтія **) среднее вознагражденіе учителей равнялось всего 252—270 руб., а помощниковъ 149—176 р.; сравненіе его съ данными о заработной платѣ

пова по Московской губ., статистическими изслѣдованіями по Воронежской, Петербургской, Вятской и другимъ губерніямъ.

*) Десятилѣтіе русскаго земства. Стр. 122.

**) Всеобщее образованіе въ Россіи. Вып. I. Статья Л. Блинова, гдѣ приведены данныя анкеты Московскаго Комитета Грамотности по 33 губерніямъ Европейской Россіи, стр. 75, 79.

фабричныхъ рабочихъ въ 74 важнѣйшихъ отрасляхъ русской промышленности обнаружило, что въ 22 отрасляхъ средняя плата рабочихъ выше жалованья учителей, въ 52 выше жалованья помощниковъ и только въ 15 отрасляхъ средняя плата рабочимъ ниже средняго жалованья наиболѣе плохо оплачиваемой категоріи учащихъ. Правовое положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ было еще хуже, чѣмъ матеріальное. Во всей своей служебной дѣятельности они были поставлены въ полную зависимость отъ произвола учебной администраціи. Не довольствуясь этимъ, министерство до самаго конца столѣтія простирало свою опеку надъ учителями даже въ формѣ лишенія ихъ права на свободное чтеніе всѣхъ дозволенныхъ общей цензурой книгъ: въ учительскія библіотеки допускались только одобренныя для этого ученымъ комитетомъ книги; такую же спеціальную цензуру учебная администрація стремилась распространить и на все вообще чтеніе учителей, хотя это притязаніе и не имѣло подъ собой законной почвы.

Учебная постановка пореформенной народной школы развивалась подъ двумя главными вліяніями. Широкіе общественные круги, органы самоуправленія, литература и вся лучшая часть учительства стремились всячески поднять образовательный уровень школы. Учебная же администрація дѣйствовала какъ разъ въ обратномъ направленіи. Съ одной стороны, она видѣла въ народной школѣ одно изъ важныхъ средствъ политическаго вліянія и въ большей или меньшей степени стремилась поэтому осуществить задачу, открыто формулированную однимъ изъ директоровъ—что „школа должна развить и укрѣпить въ народѣ вѣрноподданническія чувства“, что „при всякомъ удобномъ случаѣ... даваемыя ученикамъ наставленія должны клониться къ тому, что власть установлена отъ Бога, что нужно повиноваться Царю и поставленнымъ отъ него начальникамъ“ *). Съ другой стороны, она стремилась свести все обученіе на простую грамоту, поддерживала формальные и механическіе элементы обученія и ограничивала элементы развивающіе. Въ этомъ же направленіи дѣйствовала администрація при подборѣ школьныхъ учебниковъ, допущеніе которыхъ находилось въ рукахъ ученаго комитета, а на выборъ того или другого учебника даже изъ числа допущенныхъ нерѣдко оказывали давленіе директора и инспектора. Министерство усиленно проводило въ народныя школы бездарные и тенденціозные учебники Баранова, нерѣдко внушавшіе и ученикамъ и учителямъ прямое отвращеніе; прекрасные же учебники Ушинскаго, составившіе эпоху въ нашемъ школьномъ дѣлѣ, съ усиленіемъ реакціи, были вовсе изъяты изъ школьнаго употребленія. При такой постановкѣ школьнаго обученія, не удивительно, что по выходѣ изъ школы очень многое быстро забывалось, что и обнаружили неоднократно производившіяся въ различныхъ мѣстахъ повторительныя испытанія бывшихъ учениковъ народныхъ школъ **).

*) Яблочковъ. Русская начальная школа. 2 изд., стр. 4.

**) См. Красевъ. Что даетъ крестьянину

Однако тѣ же испытанія, а также спеціальныя земскія статистическія изслѣдованія по вопросу о значеніи школы въ жизни населенія, установили, что, несмотря на всѣ свои дефекты, народная школа имѣетъ огромное культурное значеніе. Одна уже простая, сообщаемая ею, грамота даетъ населенію важное орудіе дальнѣйшаго самостоятельнаго чтенія и образованія.

Чрезвычайно крупнымъ дефектомъ школьнаго дѣла до самаго конца столѣтія была неудовлетворительность очень большого числа школьныхъ зданій, не отвѣчающихъ даже самымъ минимальнымъ гигіеническимъ требованіямъ, что, разумѣется, вліяло и на успѣшность школьнаго преподаванія *), а также неудовлетворительность школьной мебели. По мѣрѣ развитія земской дѣятельности, эта сторона школьнаго дѣла начала обращать на себя все болѣе серьезное вниманіе.

*) Лемке. Санитарно-гигіеническое устройство и оборудованіе сельскихъ школъ. СПб. 1901.

9.

Народная самодѣятельность въ народномъ дѣлѣ. Частная иниціатива.

Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка такъ же, какъ и въ его началѣ, несмотря на значительное развитіе правильно организованныхъ общественныхъ школъ, продолжали существовать и вольныя домашнія школки грамотности, обязанныя своимъ возникновеніемъ иниціативѣ самихъ крестьянъ. Фактъ этотъ констатируется и мѣстными статистическими изслѣдованіями и всѣми лицами, спеціально занимавшимися изученіемъ этого вопроса *). Насколько позволяютъ судить имѣющіеся матеріалы, распространенность вольныхъ школъ стоитъ въ прямой связи съ развитіемъ школъ общественныхъ. Съ одной стороны, онѣ были сильно распространены въ слояхъ населенія, не довѣрявшихъ существующей общественной школѣ (напримѣръ, у старообрядцевъ въ Уральской области), съ другой—прямо служили показателемъ крайней недостаточности общественныхъ школъ. Насколько существенное значеніе имѣли онѣ въ такихъ случаяхъ показываютъ, напримѣръ, хотя бы слѣдующіе факты: въ можайскомъ уѣздѣ еще въ 1893 г. изъ общаго числа грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей на долю школъ грамотности приходилось 30%; въ путивльскомъ уѣздѣ оказалось 5 волостей, почти лишенныхъ школъ, но съ болѣе высокой грамотностью, чѣмъ въ остальномъ уѣз-

начальная народная школа? „Русская Школа“. 1887. 1, 2. Абрамовъ. Что сдѣлало земство? Стр. 136. „Саратовская Земская Недѣля“. 1904, 11, 12.

*) А. Пругавинъ. Вольныя крестьянскія школы. „Русская Мысль“. 1889, 1. Его же. Школы грамотности и вольные учителя. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891, 9. Н. Кисляковъ. Странствующіе учителя и подвижныя школы въ Курской губ. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1888, 3. См. также: Вороновъ. Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губ. Стр. 149. Народное образованіе въ острогожскомъ уѣздѣ. Стр. 88, 137; Боголѣповъ. Грамотность. Стр. 41, 46.

дѣ; въ острогожскомъ уѣздѣ (1887 г.) въ 45 селеніяхъ оказалось 50 вольныхъ школъ съ 600 учащимися, земскихъ же школъ было въ это время 55 съ 4.500 учащимися. Быстрое развитіе числа церковныхъ школъ въ началѣ 80-хъ годовъ также объясняется тѣмъ, что давно уже существовавшія вольныя школы духовенство „преобразовало", или, точнѣе говоря, переименовало въ школы церковныя. Относительно эволюціи вольныхъ крестьянскихъ школъ наблюденія расходятся: одни констатируютъ ихъ постепенный упадокъ, другіе, напротивъ, не только количественное ихъ увеличеніе, но и улучшеніе качественнаго состава учителей.

Организованная свободная общественная дѣятельность по народному образованію не могла получить въ XIX столѣтіи значительнаго развитія. Профессіональныя и другія массовыя организаціи не допускались вовсе; могли возникать лишь общества взаимопомощи, многія изъ которыхъ такъ или иначе удовлетворяли и просвѣтительныя потребности своихъ членовъ, главнымъ образомъ въ формѣ учрежденія библіотекъ и школъ. Спеціально просвѣтительныя общества допускались съ огромными препятствіями и дѣятельность ихъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ ограниченія, подозрительность начальства и всяческіе тормозы. Насколько угнетающе дѣйствовала на нихъ общая атмосфера, показываетъ, напримѣръ, долгій 20-лѣтній промежутокъ въ жизни Петербургскаго Комитета Грамотности съ середины 60-хъ годовъ до 80-хъ гг. *), когда его жизнь „глохнетъ, особенно внѣшнее проявленіе ея", подъ вліяніемъ глубокаго убѣжденія членовъ въ томъ, что „стоитъ Комитету громко заявить о своемъ существованіи, какъ дѣятельность его можетъ быть неожиданно прекращена". Такой же въ общемъ характеръ носила и дѣятельность другого центральнаго просвѣтительнаго общества—Московскаго Комитета Грамотности. Изъ провинціальныхъ просвѣтительныхъ обществъ наиболѣе дѣятельными были харьковское и сибирскія; характерной чертой въ дѣятельности послѣднихъ было открытіе ими собственныхъ начальныхъ училищъ. Въ этомъ отношеніи они прямо восполняли слабую дѣятельность мѣстныхъ городскихъ самоуправленій. Оживленіе въ дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ начинается лишь съ половины 80-хъ гг. Во главѣ этой дѣятельности стояли Петербургскій и Московскій Комитеты Грамотности, развившіе къ половинѣ 90-хъ годовъ небывалую по принципіальности, дѣловитости, энергіи и ширинѣ захвата просвѣтительную работу. Въ самый разгаръ этой дѣятельности она была сразу насильственно прекращена передачей обоихъ комитетовъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (1895 г.), что на самомъ дѣлѣ равносильно было ихъ закрытію. Вслѣдъ затѣмъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе министерства всѣхъ вообще обществъ по народному образованію, съ цѣлью подчинить ихъ болѣе строгому административному контролю и надзору; но мѣра эта была осуществлена лишь въ 1902 г.

По собраннымъ министерствомъ

*) Протопоповъ. Исторія СПб. Комитета Грамотности. Стр. 24.

внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, къ концу XIX в. въ его вѣдѣніи состояло всего *) 596 обществъ вспомоществованія нуждающимся учащимся и 41 общество попеченія о народномъ образованіи.

10.

Главнѣйшія общественныя теченія въ области народнаго образованія во второй половинѣ вѣка.

Однимъ изъ характернѣйшихъ общественныхъ явленій была у насъ судьба вопроса объ обязательности начальнаго обученія. Возникъ онъ еще въ эпоху реформъ, когда организація общественнаго образованія, собственно говоря, еще вовсе не существовала и когда, во всякомъ случаѣ, имѣвшіяся школы въ состояніи были вмѣстить лишь ничтожную часть дѣтей школьнаго возраста. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ такой обстановкѣ, разсужденія объ обязательности образованія стояли въ тѣсной связи не столько съ новыми потребностями народнаго образованія, сколько со старыми, крѣпостническими его традиціями, со школой, ненавистной народу, въ которую насильно приходилось загонять дѣтей. Въ близкомъ родствѣ съ такой постановкой вопроса стоитъ отношеніе къ нему министерства, которое поднимало его неоднократно. Объ обязательности обученія и его необходимости говорилось, между прочимъ, въ отчетахъ министерства и за 1875, и за 1876 и за 1884 гг., но въ послѣднемъ разсужденія на эту тему довольно неожиданно заканчивались мнѣніемъ, что осуществленіе этой мѣры было бы „крайне отяготительно“ и что „до времени“ необходимо прибѣгать къ другимъ способамъ распространенія грамотности и прежде всего... къ крестьянскимъ домашнимъ школамъ. По предложенію министра, ученый комитетъ составилъ даже проектъ введенія обязательнаго обученія, не получившій однакоже дальнѣйшаго движенія; изданъ только цѣлый томъ мнѣній по этому вопросу директоровъ и инспекторовъ *). Въ земской средѣ вопросъ объ обязательности обученія поднимался только на первыхъ порахъ земской дѣятельности, пока земская школа не стала на ноги и не завоевала симпатій населенія безъ всякой обязательности **). Обсуждая этотъ вопросъ, бар. Корфъ уже въ 1873 г. рѣшалъ его только въ смыслѣ необходимости предоставленія уѣзднымъ земствамъ *права* введенія обязательности при наличности необходимыхъ для этого условій ***). Съ болѣе широкимъ развитіемъ земской просвѣтительной работы и выясненіемъ огромности невыполненныхъ еще земствомъ задачъ въ дѣлѣ начальнаго образованія, вопросъ объ обязательности обученія или вовсе пересталъ занимать обще-

*) Матеріалы по общественному призрѣнію. Сводъ свѣдѣній о подвѣдомственныхъ м-у вн. дѣлъ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по общественному призрѣнію и благотворительности за 1897 г.

*) Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи. Т. I.

**) Начальное образованіе въ Вологодской губ. по свѣдѣніямъ 1898 — 99 гг. Стр. 18.

***) Наше школьное дѣло.

ственныхъ дѣятелей, или трактовался чисто академически. На его мѣсто сама жизнь выдвинула другой вопросъ, который логически долженъ ему предшествовать и имѣетъ дѣйствительно громадное практическое значеніе—вопросъ о всеобщности и общедоступности начальнаго образованія. Въ такомъ именно смыслѣ высказалось въ концѣ столѣтія огромное большинство (87%) отвѣчавшихъ на анкету по этому вопросу Московскаго Комитета Грамотности *), а одинъ изъ писателей далъ ему такую мѣткую характеристику: **) разсуждающіе объ обязательности обученія похожи теперь на присутствующихъ при тяжко больномъ человѣкѣ, которому врачъ прописалъ немедленное, энергичное лѣченіе, а близкіе ему люди, вмѣсто лѣченія, оставляютъ его безпомощнымъ, а сами разсуждаютъ о томъ, какія бы принудительныя мѣры слѣдовало употребить, если бы больной не захотѣлъ подчиниться лѣченію. „Лѣчите, господа, лѣчите", пишетъ авторъ, „а не разсуждайте о томъ, какъ бы заставить тяжко больного лѣчиться. Ему нужны не разговоры ваши, а дѣла. Стройте школы, школы и школы! Какъ можно больше школъ! Только въ этомъ теперь все дѣло!"

Вторымъ важнымъ вопросомъ народнаго образованія, вызывавшимъ къ себѣ очень различное и чрезвычайно характерное общественное отношеніе, является вопросъ объ основныхъ задачахъ народной школы и возможности преслѣдованія ею не только общеобразовательныхъ, но и практическихъ, профессіональныхъ цѣлей. Въ 70-хъ годахъ вопросъ этотъ обсуждался и въ правительственныхъ и въ общественныхъ кругахъ. Комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности признала желательнымъ введеніе сельско-хозяйственныхъ предметовъ обученія въ программу народныхъ училищъ *). Позднѣе комиссія Вольнаго Экономическаго Общества подняла вопросъ о введеніи въ народную школу обученія ремесламъ. Эти проекты бар. Корфъ справедливо трактовалъ, какъ прямую „опасность" для народной школы. При окончательномъ обсужденіи вопроса въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, онъ хотя и рѣшенъ былъ отрицательно, но все же признано желательнымъ „сообщать въ народной школѣ необходимыя свѣдѣнія по сельскому хозяйству" „попутно", при преподаваніи другихъ предметовъ **). Во время реакціи 80-хъ годовъ и въ 90-хъ гг. тотъ же вопросъ не только пользуется полнымъ сочувствіемъ правительства, но находитъ себѣ многихъ горячихъ сторонниковъ и въ общественной средѣ. Появляется цѣлый рядъ спеціальныхъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ его пропагандѣ ***).

*) А. Гартвигъ. Сводъ отзывовъ. „Русская Школа", 1896, 3.

**) А. Страннолюбскій. Обязательность и всеобщность начальнаго образованія. „Образованіе", 1895, 1, 2, 4, (стр. 373).

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, Т. III, Ч. II, стр. 294.

**) Корфъ. Наши педагогическіе вопросы. Стр. 6, 20.

***) И. Мещерскій. Народная школа и сельское хозяйство.—Е. Ковалевскій. Сельско-хозяйственныя занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ, и др.

Николай Ивановичъ Лобачевскій.

Съ портрета, писаннаго неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ.
(Съ любезнаго разрѣшенія проф. А. В. Васильева въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

12

Вопросъ оживленно дебатируется въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ Грамотности (1893 г.), большинство котораго хотя и высказалось противъ того, чтобы народная школа была профессіональной и въ пользу ея общеобразовательнаго характера, но въ то же время признало полезнымъ участіе ея въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Это компромиссное рѣшеніе вызвало рѣзко формулированное особое мнѣніе меньшинства, въ которомъ выражено, что народная школа должна быть только общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, что всякая специализація начальнаго образованія противорѣчитъ этому требованію и потому нежелательна *). Къ концу столѣтія эта точка зрѣнія стала получать все большее и большее распространеніе въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Вполнѣ опредѣленно сталъ на нее и шестой всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ 1895 г.

Третьимъ вопросомъ, ярко характеризующимъ общественный уровень XIX в., было общее представленіе о той задачѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, которая лежала передъ государствомъ и органами общественнаго самоуправленія. Ни въ 60-хъ, ни въ 70-хъ годахъ, ни въ правительственныхъ, ни въ земскихъ, ни въ общественныхъ кругахъ не было даже попытокъ опредѣлить эту задачу въ ея дѣйствительныхъ грандіозныхъ размѣрахъ; немногія дѣлавшіяся въ то время исчисленія общаго количества необходимыхъ странѣ школъ и нужныхъ для ихъ содержанія расходовъ отличаются завѣдомымъ преуменьшеніемъ и носятъ на себѣ общую печать боязни прямо посмотрѣть на дѣло. Зато не было недостатка въ различныхъ измышленіяхъ, направленныхъ къ обходу стоявшей передъ обществомъ задачи, путемъ разнаго рода палліативовъ. Довольно широко распространенной тенденціей къ „удешевленію“ организаціи народнаго образованія воспользовались въ 80-хъ гг. дѣятели „дешевой“ церковной школы. Даже позднѣе, въ концѣ 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда уже въ обществѣ былъ поставленъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, почти всѣ писавшіе по этому вопросу все еще очень заботились, какъ бы свести его къ возможно меньшимъ, не „утопическимъ“ размѣрамъ. Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ средствъ къ такому уменьшенію было включеніе въ расчеты не всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста, а лишь „вѣроятное“ число ихъ среди учащихся *). Съ чрезвычайной опаской встрѣчались также указанія на крайне низкій уровень начальной школы и на необходимость его поднятія, что, конечно, сопряжено было съ новыми крупными расходами. Появился даже проектъ достигнуть поголовной грамотности подростающаго поколѣнія не путемъ организаціи нужныхъ для этого правильно устроенныхъ школъ, а при посредствѣ „переходящихъ учителей“ **), благодаря чему вмѣсто 150 милліоновъ р. на осуще-

*) Протопоповъ. Исторія СПб. Комитета Грамотности. Стр. 119.

*) См., напримѣръ, В. Вахтеровъ. Всеобщее обученіе. Москва. 1897.

**) М. Песковскій. Обязательный минимумъ образованія. СПб. 1895.

ствленіе всеобщаго обученія потребовалось бы, по исчисленію автора, всего 35 милліоновъ р. Только къ самому концу столѣтія передовыя силы либеральнаго общества начали смотрѣть на дѣло народнаго образованія безъ прежняго, привычнаго, трусливаго преуменьшенія его дѣйствительныхъ размѣровъ.

Въ чисто организаціонныхъ вопросахъ общественная мысль гораздо раньше пріобрѣла большую послѣдовательность и принципіальность. Такъ, уже въ 80-хъ годахъ были сформулированы требованія свободы педагогической дѣятельности народныхъ учителей и освобожденія ихъ отъ бюрократической опеки *). Все настойчивѣе стали раздаваться голоса противъ господствовавшей системы руссификаціи, отстаивавшіе права національностей на родную имъ школу. Изъ другихъ требованій, выставленныхъ къ концу столѣтія земскими и общественными кругами, главными были: расширеніе компетенціи земствъ и городовъ въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ; освобожденіе его отъ бюрократической опеки; подъемъ образовательнаго уровня народной школы; расширеніе финансовыхъ источниковъ для организаціи народнаго образованія. Все болѣе и болѣе очевидной становилась необходимость крупныхъ реформъ, обусловливаемая огромнымъ значеніемъ подъема народнаго образованія для всѣхъ безъ исключенія сторонъ государственной и народной жизни. Послѣ ужаснаго голода 1891—92 гг. вопросъ народнаго образованія сталъ злободневнымъ. Однимъ изъ характерныхъ явленій въ жизни 90-хъ годовъ было то, что и на собиравшихся въ эти годы съѣздахъ, даже самыхъ спеціальныхъ, и при обсужденіи самыхъ различнѣйшихъ очередныхъ вопросовъ—развитіе народнаго образованія являлось тѣмъ непремѣннымъ и необходимымъ общимъ выводомъ, на которомъ сходились всѣ. Уже въ серединѣ 90-хъ гг., при обсужденіи вопроса о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, почти всѣ земства признали народное образованіе краеугольнымъ камнемъ мѣропріятій для подъема народнаго благосостоянія *). И этотъ взглядъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ общепризнанныхъ и популярныхъ среди очень широкихъ круговъ и образованнаго общества и народныхъ массъ.

*) В. Стоюнинъ. Замѣтки о русской школѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1881. 3, 5. 1882. 1.— А. Сельская школа и сельскій учитель. „Отечественныя Записки“. 1884. 4.

*) Нужды сельскаго хозяйства и мѣры ихъ удовлетворенія по отзывамъ земскихъ собраній. СПб. 1899.

11.

Внѣшкольное образованіе народа.

Во второй половинѣ XIX в., вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ народной школы и ростомъ общей культуры, въ общественномъ хозяйствѣ страны сдѣланы первые шаги въ главнѣйшихъ отрасляхъ общественной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію образовательныхъ потребностей взрослаго населенія. Развитіе этой дѣятельности однако встрѣчало еще большія внѣшнія препятствія и ограни-

ченія, чѣмъ организація общественной школы. Въ основу всей своей политики по этому вопросу правительство положило рѣзкое различіе между состоятельными и образованными господствующими классами, съ одной стороны, и трудовыми народными массами, съ другой. Для послѣднихъ оно установило особыя цензурныя строгости, послѣдовательно распространяя этотъ принципъ по мѣрѣ ихъ развитія, на всѣ отрасли внѣшкольнаго образованія. Драгоцѣннымъ, по своей неприкрытой откровенности, памятникомъ, характеризующимъ общее отношеніе правительства къ умственнымъ запросамъ народныхъ массъ, является изданный въ 1881 г. циркуляръ, который вводилъ облегченный порядокъ для торговли офеней и мотивировалъ эту мѣру тѣмъ, что „продаваемыя сими торговцами произведенія печати московскихъ фирмъ Манухина, Абрамова, Морозова и др. дѣйствительно составляютъ, такъ сказать, исконное историческое достояніе народа и не могутъ, по существу ихъ, внушать опасеній, одинаковыхъ съ нѣкоторыми другими произведеніями печати, потому что распространеніе ихъ въ народѣ не производило и не производитъ никакихъ вредныхъ послѣдствій“ *).

Главнѣйшіе этапы въ развитіи внѣшкольнаго образованія были таковы**). Чрезвычайно важныя при огромной безграмотности народа воскресныя школы для взрослыхъ, возникшія уже на зарѣ эпохи реформъ и вскорѣ закрытыя, на очень долгое время почти заглохли и стали вновь развиваться лишь въ 80-хъ и особенно въ 90-хъ гг. Однако до самаго конца столѣтія онѣ чрезвычайно страдали отъ стремленія учебныхъ властей свести учебный курсъ до уровня простой грамотности.

Первыя народныя чтенія возникли въ Петербургѣ по иниціативѣ оберъ-полицеймейстера Трепова въ 1871 г., а въ 1876 г. изданы правила о народныхъ чтеніяхъ въ губернскихъ городахъ; чтенія были подчинены очень строгому надзору и допускались на нихъ лишь спеціально одобренныя для этого произведенія. Только въ 1894 г. народныя чтенія допущены въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. Даже въ 90-хъ годахъ для народнаго чтенія допущены были всего 141 тощенькая брошюрка. Никакихъ комментаріевъ и отступленій отъ текста при чтеніяхъ не допускалось.

Въ 80-хъ гг., эпически повѣствуетъ историкъ министерства внутреннихъ дѣлъ *), въ городахъ и нѣкоторыхъ селеніяхъ, „стали открываться частными лицами и общественными управленіями безплатныя библіотеки и читальни, которыя посѣщаются преимущественно лицами низшихъ сословій и воспитанниками учебныхъ заведеній“. Такъ какъ на нихъ распространялись лишь общія цензурныя правила, то „въ нихъ могли обращаться и такія сочиненія, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ уровню умственнаго развитія и пониманія

*) Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати 12 іюля 1881 г. № 2783.

**) См. главнымъ образомъ Ф. Ч. Внѣшкольное образованіе народа. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1894, 8, 9.

*) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ (1802-1902).

преимущественныхъ посѣтителей безплатныхъ библіотекъ". Въ виду этого, на ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія возложенъ „пересмотръ каталоговъ" безплатныхъ читаленъ (1888 г.), а въ 1890 г. изданы спеціальныя правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ, дѣйствовавшія до самаго конца столѣтія. Правила ввели для этихъ читаленъ сугубо строгій надзоръ и допускали въ нихъ лишь произведенія, спеціально для этой цѣли одобренныя ученымъ комитетомъ. По подсчету Пругавина *), относящемуся къ началу 90-хъ годовъ, изъ существовавшихъ на общемъ книжномъ рынкѣ до 12 тысячъ книгъ (безъ учебниковъ), въ народныя библіотеки было допущено лишь 1.600, въ томъ числѣ 450 учебниковъ. Само собой разумѣется, что подборъ этихъ немногихъ книгъ былъ вполнѣ опредѣленный; огромное количество лучшихъ произведеній было изъ него изъято. Однако самому комитету и этотъ жалкій каталогъ казался „слишкомъ обширнымъ и далеко превышающимъ не только умственныя потребности, но и мѣру разумѣнія тѣхъ читателей, для коихъ главнѣйше предназначены безплатныя народныя читальни" **). Возникъ поэтому вопросъ о раздѣленіи народныхъ библіотекъ на двѣ категоріи и объ изданіи двухъ каталоговъ— „полнаго" и „сокращеннаго". По этому поводу велась очень продолжительная и крайне характерная переписка, но въ 1900 г. вопросъ былъ „оставленъ безъ послѣдствій".

После школы библіотека является важнѣйшимъ образовательнымъ учрежденіемъ. Поэтому, несмотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя условія, народно-библіотечное дѣло получило наибольшее, по сравненію съ другими отраслями внѣшкольнаго образованія, развитіе. Особенно важную роль сыграла въ этомъ дѣлѣ иниціатива С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, собравшаго въ 1895 г. средства на открытіе свыше сотни хорошо по тому времени оборудованныхъ библіотекъ и обратившагося къ земствамъ съ разработаннымъ планомъ правильной и широкой организаціи народныхъ библіотекъ. Дѣятельное участіе приняли въ библіотечномъ дѣлѣ губернскія земства, изъ которыхъ къ концу столѣтія лишь 10 не участвовали въ расходахъ по устройству и содержанію безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ. Къ концу столѣтія, по приблизительнымъ даннымъ, при участіи земства въ 34 губерніяхъ содержалось уже около 3.000 болѣе или менѣе правильно организованныхъ библіотекъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одной отрасли внѣшкольнаго образованія, ограничившись лишь воспроизведеніемъ эпическаго повѣствованія историка министерства внутреннихъ дѣлъ. „Параллельно съ развитіемъ грамотности и потребности въ чтеніи, въ народѣ проявилось стремленіе къ посѣщенію театровъ. Нѣкоторыя частныя лица и общества въ 80-хъ годахъ стали открывать театры, предназначенные исключительно для народной массы. Первоначально на сценахъ такихъ театровъ могли ставиться всѣ пьесы,

*) Запросы народа.

**) А. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета. Стр. 167.

дозволенныя драматическою цензурою для театровъ, посѣщаемыхъ преимущественно образованною публикою. Многія однако изъ этихъ пьесъ по своему содержанію не соотвѣтствуютъ уровню умственнаго развитія и пониманія простолюдиновъ". Послѣдовалъ законъ (1888 г.) о томъ, что на сценахъ народныхъ театровъ могутъ исполняться лишь пьесы, особо одобренныя для этого главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати.

12.

Статистика народнаго образованія во второй половинѣ XIX столѣтія.

Первый сводъ данныхъ о положеніи народнаго образованія въ Россіи во второй половинѣ столѣтія принадлежитъ Центральному Статистическому Комитету и относится къ 1863 г. *). Во всей Имперіи безъ Царства Польскаго числилось въ это время 35.660 училищъ съ нѣсколько болѣе 1 милліона учащихся, въ томъ числѣ около 18% дѣвочекъ. Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста (7—14 л.) въ народныхъ училищахъ обучалось всего около 14% мальчиковъ и едва 3,3% дѣвочекъ. Въ одной Европейской Россіи по этимъ даннымъ значилось 34.652 училища съ 882.600 учащимися. Черезъ 10 лѣтъ тотъ же комитетъ далъ второй подсчетъ о положеніи народнаго образованія (въ 1872—74 гг.) но уже по одной только Европейской Россіи **). По этимъ даннымъ училищъ въ Европейской Россіи числилось уже только 23.129, но съ большимъ числомъ учащихся—1,1 милліона, въ томъ числѣ около 21% дѣвочекъ. Оба эти первые свода далеко не отвѣчаютъ требованіямъ научной точности, но все же, въ общемъ, даютъ достаточно вѣрную общую картину. Несравненно большею цѣнностью отличаются данныя перваго статистическаго обслѣдованія народнаго образованія, произведеннаго Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1880 г., но оставшагося не законченнымъ *). Въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи оказалось къ этому времени 22.770 сельскихъ начальныхъ школъ съ 1.140.915 учащимися (въ томъ числѣ 20,6% дѣвочекъ) и 24.389 учащими. Расходы по содержанію всѣхъ этихъ школъ опредѣлились въ 6,2 милліоновъ р., изъ которыхъ 44,1% дали уѣздныя земства, 33,7%—сельскія общества, 12,1%—казна, 6,4%—частныя лица, 1,9%—плата за ученіе, 1,2%—церкви и благотворительныя общества. Такимъ образомъ, 86,1% школьнаго бюджета лежали на общественныхъ учрежденіяхъ и сельскихъ обществахъ. Всѣ расходы на народное образованіе составляли едва 9,16 к. на жителя. Характерно, что расходы казны были совершенно незначительны въ земскихъ губерніяхъ и падали

*) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Вып. I. СПб. 1866.

**) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Серія II, вып. 16. СПб. 1879.

*) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Серія III. Вып. I. Сельскія училища въ Европейской Россіи и привислинскихъ губерніяхъ.

главнымъ образомъ на окраины. Земствами содержалось въ это время 40% всѣхъ училищъ, сельскими обществами—38%, церковными учрежденіями—5%, частными лицами—3% и правительствомъ—14%.

Единственное за все время статистическое изслѣдованіе, охватившее всю безъ исключенія Имперію и выполненное по очень широкой программѣ, принадлежитъ частной инициативѣ. Оно начато С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности, продолжалось Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ и выполнялось на частныя пожертвованія и массу безвозмезднаго труда, но осталось неконченнымъ. Относится оно къ 1893 г. *). По этому изслѣдованію, число низшихъ и начальныхъ правильно организованныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ оказалось равнымъ 44.545, въ томъ числѣ многоклассныхъ и двухклассныхъ лишь 2.395, одноклассныхъ 40.890 и частныхъ училищъ III разряда 1.260. Изъ всѣхъ этихъ училищъ уцѣлѣло отъ дореформеннаго времени (1860 г.) лишь 5.249. За исключеніемъ 89 училищъ, по которымъ не доставлены болѣе подробныя данныя, и 220, въ которыхъ во время обслѣдованія не производилось учебныхъ занятій, въ остальныхъ 44.236 училищахъ оказалось 61.446 учащихъ (22.386 учительницъ), 2,7 милліона учащихся (654 тысячи дѣвочекъ) и 268 тысячъ окончившихъ курсъ (60 тысячъ дѣвочекъ). Кромѣ того, въ Россіи было 43.844 неорганизованныхъ училищъ (17.207 школъ грамоты, 13.683 хедера и 12.954 магометанскія школы) съ 46.259 учащими и 875 тысячами учащихся (127 тысячъ дѣвочекъ). Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста оставалось безъ обученія огромное число около 7,8 милліоновъ, въ томъ числѣ 4½ милліона дѣвочекъ. Изъ одноклассныхъ правильно организованныхъ училищъ, правительственныхъ было всего 1.205 съ 68 тысячами учащихся, общественныхъ 24.383 съ 1,6 милліона учащихся и св. синода 11.968 съ 494 тысячами учащихся. Изъ одноклассныхъ училищъ оказалось содержимыхъ исключительно земствомъ 1.554, казной—5, сельскими обществами—2.916, духовнымъ вѣдомствомъ и церквами—808, городами—746; всѣ остальныя содержались на смѣшанныя средства. Въ среднемъ за 1856—1893 гг. въ селеніяхъ по всей Имперіи открывалось ежегодно по 908 училищъ, что составляетъ едва по 1,23 училища на каждый уѣздъ, а въ городахъ по 149 училищъ—0,35 училищъ на городъ. Общая сумма земскихъ расходовъ на всѣ нужды образованія опредѣлилась въ 8.953 тысячи р., въ томъ числѣ на низшія общеобразовательныя учебныя заведенія 6.559 тысячъ р., а тѣ же расходы городовъ въ 7.614 тысячъ р. и 4.622 тысячи р. Расходы министерства народнаго просвѣщенія на многоклассныя низшія училища равнялись 1.850 тысячамъ р., а на начальныя 1.483 тысячамъ р. Всѣ расходы на нужды образованія составляли на 1 душу населенія въ земствахъ 16,3 коп., въ городахъ 0,5 коп. Средній расходъ на земское училище равняется 420 р., на одно церковно-приходское—185 р., а сред-

*) Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго, изд. И. В. Э. Общества. Т. I—IV. СПб. 1900—1901.

ній расходъ на 1 учащагося въ нихъ—6,2 к. и 4,4 коп.

Въ 1897 году была произведена первая въ Россіи всеобщая перепись населенія, обнаружившая такую общую картину состоянія образованности *). Въ почти 126-тимилліонномъ населеніи грамотныхъ (умѣющихъ читать) оказалось 21,1%: мужчинъ 29,3%, женщинъ 13,1%. Съ образованіемъ выше начальнаго зарегистрировано всего 1.364 тысячи душъ т. е. 1,1% всего населенія (1,4% мужчинъ, 0,8% среди женщинъ). Наиболѣе грамотными оказались протестанты (70,4%), за которыми въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ: іудеи (39%), католики (32,1%), старообрядцы (20,2%) и православные (19%), занимающіе такимъ образомъ лишь пятое мѣсто. Лицъ, занятыхъ педагогическимъ трудомъ, зарегистрировано переписью всего 170.897, ученыхъ и литераторовъ—3.296, художниковъ и артистовъ—18.254, занятыхъ библіотечнымъ трудомъ — 934, занятыхъ книжной торговлей—5.008. Въ то же время духовенства оказалось 250.374, жандармовъ и полиціи—104.575, занимающихся питейной торговлей—84.287.

По даннымъ министерства народнаго просвѣщенія **), въ самомъ концѣ столѣтія въ Имперіи было 1.785 начальныхъ общеобразовательныхъ училищъ для взрослаго населенія и 76.914 училищъ для дѣтей школьнаго возраста, съ 150.660 учащими и 4,1 милліонами учащихся, среди которыхъ дѣвочекъ было 25%. Каждое училище приходилось на 243 кв. версты и на 1.676 душъ населенія. Оставалось безъ обученія около 7½ милліоновъ душъ дѣтей школьнаго возраста. На содержаніе училищъ было израсходовано за годъ 40.613 тысячъ р., въ томъ числѣ: казной 8.682 тысячи р. (21,4%), земствами и изъ земскихъ сборовъ—8.940 тысячъ р. (22%), сельскими обществами—7.290 тысячъ р. (17,9%), городами—5.446 тысячъ р. (13,4%), пожертвованій—5.063 тысячи р. (12,5%), платы за ученіе—2.765 тысячъ р. (6,8%) и изъ прочихъ источниковъ—2.420 тысячъ р. (6%). Средній расходъ на одноклассное сельское училище опредѣлился въ 553 р., а на городское—1.378 р.

По отчету государственнаго контроля за 1900 г., изъ общаго государственнаго бюджета въ 1.735.899 тысячъ р., на всѣ расходы министерства народнаго просвѣщенія приходилось 30.951 тысяча р., а на низшія учебныя заведенія 11.401 тысяча р., въ томъ числѣ на училища вѣдомства народнаго просвѣщенія 5.475 тысячъ р., а на училища вѣдомства св. синода 5.926 тысячъ р. Всѣ расходы по министерству составляли лишь 2,1% обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, а расходы на низшія учебныя заведенія обоихъ вѣдомствъ — 0,8%. Въ 1866 г. соотвѣтствующія данныя были очень близки къ этимъ и равнялись 1,6% и 0,3% *).

*) Общій сводъ по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія. Т. I. и II. Обработку данныхъ переписи по образованію см. въ „Ежегодникѣ внѣшкольнаго образованія". Вып. I, стр. 230—251 (таблицы) и въ статьяхъ В. Ивановича. „Вѣстникъ Воспитанія", 1906, 1, 3.

**) Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи. Вып. III. СПб. 1902.

*) „Ежегодн. народн. школы". Вып. I. стр. 400.

Весь земскій бюджетъ составлялъ въ 1868 г. около 15 милліоновъ р., и изъ этой суммы на народное образованіе было израсходовано 738 тысячъ р. (5%); въ 1898 г. общій земскій бюджетъ превысилъ 77 милліоновъ р. и на народное образованіе изъ него было израсходовано около $12^1/_2$ милліоновъ р., (16,1%) *). Весь городской бюджетъ (безъ Кавказа и Царства Польскаго) составлялъ въ 1871 г. около 19 милліоновъ р., и на народное образованіе было изъ нихъ израсходовано 581 тысяча р. (3%); въ 1900 г. городской бюджетъ достигъ 91 милліона р. и на народное образованіе изъ него израсходовано около 9 милліоновъ р. (9,6%) *). Всѣ расходы сельскихъ и волостныхъ мірскихъ суммъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи составляли въ 1894 г. (не считая сельскохозяйственныхъ) около 49 милліоновъ р., а на народное образованіе изъ нихъ израсходовано 5,2 милліона р. (10,7%) **).

Грамотность новобранцевъ въ Россіи въ 1874 г. выражалась всего 21,34%, а въ 1896 г. достигла 40,15% ***).

Заключеніе.

Окидывая общимъ взглядомъ судьбы народнаго образованія въ Россіи XIX столѣтія, можно охарактеризовать ихъ слѣдующими немногими чертами:

1) Отношеніе правительства къ широкому развитію народнаго образованія было почти все время недовѣрчивое, а нерѣдко даже прямо враждебное. И въ школьномъ законодательствѣ, и въ административной практикѣ, на первомъ, господствующемъ планѣ стояли у него не интересы и требованія науки, не интересы молодого поколѣнія и не естественныя права національностей на свободное культурное самоопредѣленіе, а чисто политическія соображенія укрѣпленія самодержавно-бюрократическаго строя и насильственной руссификаціи всѣхъ инoплеменныхъ народностей Россіи. По совершенно вѣрному и мѣткому опредѣленію Щедрина, на взглядъ правительства, „наука есть оружіе обоюдоострое, съ которымъ необходимо обращаться, по возможности, осторожно; посему, ежели господа частные пристава не надѣются отъ распространенія наукъ достигнуть благонадежныхъ результатовъ, то лучше совсѣмъ оныя истребить, нежели допустить превратныя толкованія". Немногое, что сдѣлано правительствомъ положительнаго въ дѣлѣ народнаго образованія — дѣлалось имъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ требованій общей культуры и международной конкуренціи. Эта основная сущность правительственной школьной политики оставалась неизмѣнной во все продолженіе столѣтія, хотя значительно измѣнялись ея внѣшнія формы и бывали моменты,

*) Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи. Стр. 194. Обзоръ дѣятельности земствъ. 1904.

*) Народное образованіе въ Россіи. Стр. 195. В. Чарнолускій. Спутники народнаго образованія. Стр. 356.

**) Народное образованіе въ Россіи. Стр. 198.

***) Тамъ же, стр. 207.

когда *слова* правительства прямо ей противорѣчили.

2) То прочное и здоровое, что достигнуто въ дѣлѣ общественной организаціи народнаго образованія къ концу столѣтія, представляетъ главнымъ образомъ результатъ дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія. Но и эти органы не могли развить свою просвѣтительную дѣятельность до возможно полнаго удовлетворенія потребностей народныхъ массъ въ образованіи, вопервыхъ, вслѣдствіе тяготѣвшей надъ ними бюрократической опеки и, вовторыхъ, вслѣдствіе положеннаго въ ихъ основу сословно-классоваго представительства, при которомъ народныя массы или вовсе не были въ нихъ представлены, или были представлены крайне слабо. Тѣмъ не менѣе, къ концу столѣтія, главнымъ образомъ благодаря земству и работавшей въ немъ интеллигенціи, въ установившейся системѣ общественнаго образованія получили достаточно опредѣленное выраженіе слѣдующіе основные принципы: безплатность обученія, признаніе обязанности со стороны органовъ общественнаго самоуправленія взять на себя удовлетвореніе всѣхъ образовательныхъ потребностей населенія; предоставленіе учащему персоналу активной роли въ дѣлѣ народнаго образованія.

3) Въ XIX столѣтіи Россія не знала народной школы, свободной отъ политическаго гнета правительства, построенной въ соотвѣтствіи съ требованіями науки и соціальной справедливости, находившейся въ органической связи со всей системой общественныхъ учебныхъ заведеній и назначенной для доставленія элементарнаго образованія всѣмъ безъ исключенія слоямъ населенія. Народная школа XIX вѣка искусственно оторвана отъ системы среднихъ и высшихъ школъ; она назначена главнымъ образомъ для низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ народа. Съ матеріальной стороны она была обезпечена крайне неудовлетворительно и пользовалась лишь очень ничтожными финансовыми средствами.

4) Положеніе учащаго персонала народныхъ школъ было крайне безправное, его матеріальное обезпеченіе совершенно недостаточно, а постановка учебныхъ заведеній для подготовки этого персонала совершенно не соотвѣтствовала его важной соціальной роли.

5) Исторія народнаго образованія въ XIX столѣтіи обнаружила, что нормальная организація общественнаго образованія можетъ быть осуществлена въ Россіи только органами общественнаго самоуправленія, свободными отъ бюрократической опеки, совмѣстно со свободнымъ въ своей профессіональной дѣятельности учительствомъ страны.

ГЛАВА XIX.

Средняя школа.

(М. Н. Коваленскаго).

1.

Толстовская школа.

1.

Мы видѣли *), какъ мало отразились шестидесятые годы на судьбѣ нашей средней школы, какъ мало измѣнился ея характеръ, ея устройство, программа и порядки. Но и то, что было сдѣлано, было не прочно; реакція, чувствительная и раньше, пошла полнымъ ходомъ съ 1866 года. Либеральный министръ, на котораго была возложена школьная реформа, получилъ отставку; и Александръ II, давая ему эту отставку, мотивировалъ ее тѣмъ, что „нынѣшнее время требуетъ другой системы управленія министерствомъ, другихъ началъ и большей энергіи". (Никитенко).

На постъ министра народнаго просвѣщенія былъ призванъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Новый глава просвѣтительнаго вѣдомства былъ въ то же время оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода; позднѣе, при Александрѣ III, онъ же былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ и оставался имъ до самой смерти. Министромъ народнаго просвѣщенія онъ былъ въ теченіе 14 лѣтъ (съ 1866 по 1880 г.).

Толстой былъ назначенъ министромъ 14 апрѣля, черезъ 10 дней послѣ выстрѣла Каракозова. 13 мая былъ изданъ высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, князя Гагарина. „Провидѣнію угодно было", читаемъ въ этомъ документѣ, „раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и *умствованій*, дерзновенно посягающихъ на все, что для нея искони священно, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ". „Мое вниманіе"—заявлялъ Александръ II—„уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа". „Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной, семейной жизни проводились ученія,

*) Т. IV, гл. X.

несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему Я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія".

Семья и школа были призваны бороться съ „разрушительными понятіями", грозившими религіи, собственности и общественному порядку. Министры должны были принять рескриптъ 13 мая къ руководству, каждый по своему вѣдомству. Новый министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, въ циркулярѣ по учебнымъ округамъ потребовалъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ „точнаго, неослабнаго и неукоснительнаго исполненія ихъ обязанностей", а отъ начальниковъ учебныхъ заведеній—„постояннаго наблюденія за преподаваніемъ" и „неуклоннаго, но справедливаго взысканія за проступки учащихся". Директора и инспектора должны были слѣдить за книгами, по какимъ ведется преподаваніе и какими пользуются ученики при домашнихъ упражненіяхъ, за темами, данными для сочиненій, за статьями, читаемыми въ классѣ или данными на домъ для прочтенія или для выученія на память. Всѣми такими мѣрами министерство надѣялось „водворить въ заведеніяхъ науку здравую и основательную" и „заслужить довѣріе монарха и страны и благодарность будущаго поколѣнія". Въ то же время на экзаменахъ не должно было быть „послабленій при оцѣнкѣ знаній учениковъ", такъ какъ „снисходительность въ ихъ оцѣнкѣ развиваетъ поверхностность и кичливость". Въ слѣдующемъ 1867 году были возстановлены отмѣненные при Головнинѣ переходные экзамены.

Такъ началась знаменательная въ жизни русской средней школы толстовская эпоха. Плодами этой эпохи были новый уставъ мужскихъ гимназій и прогимназій, изданный въ 1871 г., и уставъ новыхъ реальныхъ училищъ, 1872 г. Нѣсколько раньше, въ 1870 г., получили новый уставъ и женскія гимназіи.

2.

Вдохновителями Толстого въ его школьномъ строительствѣ были Катковъ и Леонтьевъ съ ихъ органомъ „Московскими Вѣдомостями". Московскіе публицисты выступили въ походъ еще при Головнинѣ. Они рѣзко напали на „либеральный" уставъ 1864 года. Всего вреднѣе въ этомъ уставѣ казались имъ „лишніе часы", отведенные на исторію и на русскую словесность. Эти лишніе часы представляютъ собой, писалъ Катковъ, „сущее зло": благодаря имъ „ученики пріучаются къ толченію воды, къ праздномыслію и празднословію", а по исторіи „бѣдные мальчики" узнаютъ, напримѣръ, о томъ, „какъ человѣкъ находился въ первобытномъ состояніи". „Не жалуйтесь же на недостатокъ людей серьезныхъ и дѣльныхъ въ нашемъ обществѣ", писалъ Катковъ, „не жалуйтесь на ничтожество нашей науки, на наше скудоуміе, на нашу несостоятельность, на нашъ нигилизмъ. Что иное можетъ выходить изъ школы, построенной на такихъ основаніяхъ?" Нужно измѣнить это основаніе. „Предметы, вводимые въ школѣ, должны быть таковы, чтобы сущность преподаванія какъ можно менѣе зависѣла отъ произвола или

личности преподавателя". Такими предметами оказывались больше всего древнiе языки и математика.

Когда министромъ сдѣлался Толстой, дѣятельность московскихъ публицистовъ еще усилилась. Статьи Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" давали чертежъ той школы, которую строилъ затѣмъ Толстой.

По этому чертежу средняя школа должна быть ученая, а не общеобразовательная. Гимназiя должна быть „школой грамотности" для высшаго научнаго образованiя. Но такая школа нужна не для всѣхъ. Въ № 86 своей газеты (за 1871 г.) Катковъ писалъ: „Образованiе имѣетъ разныя степени. Самое общее образованiе даетъ народная первоначальная школа (до 12—13 лѣтъ). Черезъ нее должны проходить всѣ; но ею могутъ ограничиваться *только низшiе промышленные классы*. Дальнѣйшая степень образованiя доступна для дѣтей, могущихъ учиться до 15—17 лѣтъ; ея долженъ достигать *высшiй промышленный классъ* (реальное училище). Наконецъ, высшее образованiе, до 21—25 лѣтъ, ученое. Оно есть потребность *высшаго класса*, *руководящаго* судьбами своего народа и создающаго ему его будущее".

Университетъ и подготовительную къ нему гимназiю Катковъ отводилъ единственно для высшаго, руководящаго класса. Сдѣлать эту школу *не для всѣхъ доступной* должны были какъ разъ древнiе языки. Въ 1849 г., когда были сокращены древнiе языки, „доступъ къ высшей школѣ", писалъ Катковъ, „сталъ дѣломъ самымъ легкимъ; ее выбросили на улицу; ее затоптали въ грязь. Университетскiя аудиторiи наполнились массами полудикихъ, полуграмотныхъ мальчишекъ, неспособныхъ продержать 2 минуты одну и ту же мысль въ своей головѣ. Можно вообразить, какой чертополохъ долженъ былъ разростаться, при слушанiи университетскихъ лекцiй, на дикой почвѣ этихъ головъ!— Все это не могло не породить нигилизма; и онъ быстро развился въ 50-хъ годахъ, послѣ окончательнаго упадка нашей предъ-университетской школы". Реформа 1864 г. не улучшила нашей школы, и теперь предстоялъ полный пересмотръ всего сдѣланнаго при Головнинѣ.

Въ исторiи этого пересмотра Катковъ и Леонтьевъ играли дѣятельную роль. Гр. Толстой, по свидѣтельству Никитенка, былъ всецѣло подъ ихъ влiянiемъ; онъ „благоговѣлъ передъ „Московскими Вѣдомостями", и „не обинуясь, высказывалъ передъ ними родъ сыновней почтительности и готовности во всякомъ случаѣ руководствоваться ихъ авторитетомъ; не вдаваясь въ дальнѣйшiя разсужденiя, онъ говорилъ: *учитель такъ сказалъ*". Въ московскомъ округѣ попечитель обо всемъ совѣтовался съ Катковымъ. Самъ Александръ II говорилъ на аудiенцiи Каткову, что считаетъ его „своимъ". И толстовская классическая гимназiя и его реальное училище были созданы по внушенiю Каткова и Леонтьева и при ихъ содѣйствiи. Еще прежде, чѣмъ могла возникнуть новая толстовская школа,—въ Москвѣ открылъ свои дѣйствiя Катковскiй Лицей. По признанiю самого министерства, онъ давалъ образцы для казенной гимназiи; здѣсь вырабатывалась школьная регламентацiя. Но и реальныя училища были дѣти-

шемъ московскихъ публицистовъ. Общая схема ихъ,—говоритъ Никитенко, была также сперва начертана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"; Толстой раздѣлялъ мнѣніе Каткова и Леонтьева; ихъ-то проектъ онъ и внесъ въ государственный совѣтъ. И въ государственномъ совѣтѣ Катковъ не оставилъ своего дѣтища на произволъ судьбы: онъ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, „чтобы воодушевлять и начинять аргументами—къ борьбѣ въ государственномъ совѣтѣ", а во время самыхъ обсужденій—онъ „почти безвыѣздно сидѣлъ у Толстого и дѣйствовалъ въ пользу своего проекта".

3.

Вопросъ о пересмотрѣ гимназическаго устава былъ поставленъ на очередь, какъ только Толстой сдѣлался министромъ. Уже въ 1866 г. попечители округовъ были запрошены изъ Петербурга о „неудобствахъ", оказавшихся на практикѣ въ этомъ уставѣ. Затѣмъ началась работа въ ученомъ комитетѣ, въ совѣтѣ министра; выработанный тамъ проектъ разсматривался въ особомъ совѣщаніи и наконецъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. 19 іюня 1871 г. Александръ II утвердилъ рядъ дополненій и измѣненій къ уставу 1864 г.; 30-го іюля того же года былъ подписанъ и новый гимназическій уставъ.

Этотъ уставъ признавалъ только классическія гимназіи; реальныя гимназіи упразднялись; взамѣнъ ихъ должны были явиться новыя реальныя училища съ отдѣльнымъ уставомъ. Классицизмъ торжествовалъ по всей линіи. Для классиковъ былъ открытъ доступъ и въ университеты и въ спеціальныя высшія училища; университеты были открыты для нихъ однихъ.

Классицизмъ побѣдилъ, но побѣда досталась ему не безъ борьбы. У реальной школы было много приверженцевъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса въ пользу открытія реалистамъ доступа въ университетъ, хотя бы на нѣкоторые факультеты. Объ этомъ заявляли 4 русскихъ университета (Петербургскій, Кіевскій, Казанскій и Одесскій), медицинская академія, цѣлый рядъ земствъ и большинство печати.

За реальную школу высказывались „Голосъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Вѣстникъ Европы". Орестъ Миллеръ, А. Бекетовъ, М. Стасюлевичъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ печатали статьи въ этомъ направленіи. „Древніе языки", писала газета „Голосъ", „превосходное средство для роскошнаго умственнаго развитія", но такая роскошь хороша въ спеціальной ученой школѣ; для большинства она недоступна. *Кромѣ ученой школы, нужна еще общеобразовательная; а общеобразовательная должна быть реальная.* „Общеобразовательная школа, построенная на реальныхъ началахъ, должна преобладать въ нашемъ отечествѣ", —писалъ А. Бекетовъ,—„если мы не хотимъ черезъ 25 лѣтъ вновь отстать далеко отъ европейской образованности".

Министерство въ защиту классическихъ монополій ссылалось на примѣръ западной Европы, на Англію и Пруссію; печать указывала туда же и напоминала, что въ Пруссіи только что открыли доступъ въ

университетъ тамошнимъ реалистамъ, а въ Англіи Оксфордскій университетъ принимаетъ слушателей безъ греческаго и латинскаго языковъ. Поворотъ къ реализму наблюдается вездѣ въ Европѣ. Предъ Россіей становится дилемма: „Пойдетъ ли она туда, *куда* идетъ Европа, или туда, *откуда* она идетъ?“ („Вѣстникъ Европы“). Въ сторонѣ отъ всей этой полемики стояли, возбуждая негодованіе другихъ газетъ, „Отечественныя Записки“. Но ихъ точка зрѣнія была совсѣмъ особая. Онѣ считали единственно важнымъ, чтобы министерство „половину, по крайней мѣрѣ, своего бюджета отдѣлило на образованіе крестьянъ“; „а затѣмъ, чѣмъ ему заблагоразсудится начинять головы учащихся барчатъ и полубарчатъ—латинскими и греческими вокабулами, или классификаціей Линнея и химическими формулами, это почти что все равно“; пусть даже въ гимназіяхъ для дворянскихъ дѣтей введутъ не греческій, а китайскій языкъ.

Такова была оппозиція въ общественныхъ кругахъ. Но реформаторы открыто заявляли, что голосъ общественнаго мнѣнія для нихъ не нуженъ, что „большинство общества —и не только у насъ, но едва ли не вездѣ—не въ состояніи вникать въ подобные вопросы.“

И полемика, возгорѣвшаяся въ печати, скоро была прекращена радикальной мѣрой: весной 1871 г., передъ внесеніемъ проекта въ государственный совѣтъ, было высочайше воспрещено печатать въ повременныхъ изданіяхъ коллективныя обсужденія, заявленія и порицанія —законовъ *и правительственныхъ предположеній*. Это высочайшее повелѣніе было испрошено министромъ внутреннихъ дѣлъ по настоянію гр. Д. Толстого.

Зажавъ ротъ журналистамъ и газетчикамъ, Толстой справился съ оппозиціей въ печати. Не такъ легко было справиться съ оппозиціей въ государственномъ совѣтѣ. Здѣсь было много сторонниковъ реальной школы. Уже въ особомъ присутствіи совѣта, куда сначала поступилъ проектъ, нашлись противники школьнаго классицизма. Эти „ораторы оппозиціи“, среди которыхъ были Головнинъ и Д. Милютинъ, сами отнюдь не были ни нигилистами, ни матеріалистами, ни тѣмъ болѣе революціонерами; но они указывали Толстому, что революціи бываютъ чаще всего какъ разъ въ странахъ съ классической школой—во Франціи, Италіи, Испаніи; а ненавистный матеріализмъ былъ, по ихъ мнѣнію, не плодомъ естественно-научнаго образованія, но „естественно-научной безграмотностью“. Но и этихъ сторонниковъ реальной школы оказалось меньшинство, всего 6 человѣкъ; за толстовскую классическую школу было подано 9 голосовъ, и среди нихъ такими лицами, какъ принцъ Ольденбургскій, великій князь Константинъ и будущій императоръ Александръ III.

Но это была только репетиція, только предварительная проба силъ. Главный бой долженъ былъ разыграться въ общемъ собраніи совѣта. Министръ выложилъ здѣсь всѣ свои аргументы. Въ своемъ докладѣ онъ говорилъ о необходимости дать юношеству, въ древнихъ языкахъ, „въ высшей степени благотворное противоядіе все возрастающему матеріа-

лизму“; ссылался на примѣръ Европы, на мнѣніе митрополита Евгенія, полагавшаго, что греческій языкъ очиститъ русскую литературу, „пресмыкающуюся по стопамъ французской словесности“, ссылался и на восточныхъ патріарховъ, пріѣзжавшихъ на Русь при Никонѣ и говорившихъ съ укоромъ московскимъ людямъ, — что у нихъ въ Москвѣ „греческій языкъ лѣности ради обезцѣнился“. Наконецъ, „и простолюдины наши“, говорилъ Толстой, „не могутъ быть равнодушны къ тому, что учащіеся будутъ читать въ подлинникѣ евангеліе, поученія великихъ святителей церкви, богослужебные каноны и другія церковныя пѣснопѣнія“; а „вслѣдствіе сего“, заключалъ министръ, „и сама наша ученая школа съ теченіемъ времени станетъ дорога для народа“.

Но несмотря на всѣ эти блестящіе аргументы, толстовскій проектъ потерпѣлъ крушеніе. Съ министромъ согласились всего 18 человѣкъ (самъ Толстой былъ 19-мъ); 29 высказались противъ. Тѣмъ не менѣе, проектъ, отвергнутый государственнымъ совѣтомъ, сталъ закономъ: Александръ II согласился съ меньшинствомъ и приказалъ „исполнить по мнѣнію 19 членовъ“.

Творцы новаго устава могли теперь торжествовать побѣду.

Новый уставъ—говорилъ Толстой— „ставитъ наши гимназіи въ такія благопріятныя условія, какими онѣ еще никогда не пользовались“; государемъ, когда онъ подписывалъ уставъ, руководилъ Промыслъ Божій, „явно благодѣющій Россіи“.

Катковъ писалъ въ своей газетѣ: „Не намъ воздавать хвалу за это великое дѣло обновленія и созиданія; ее воздастъ исторія, ее воздастъ каждый успѣхъ русской мысли, ее воздадутъ благословенія потомства. — Будущій историкъ нашего времени съ особенной признательностью остановится на учебной реформѣ 1871 г.; — не пройдетъ и десятилѣтія, какъ наше отечество уже почувствуетъ благодѣяніе этой реформы, и еще нынѣ живущія поколѣнія благословятъ за нее нынѣшнее царствованіе“.

4.

Такъ возникла толстовская „ученая“ гимназія,—ученая, а не общеобразовательная. Это была строго классическая школа; здѣсь было, какъ выразился Стасюлевичъ, настоящее „нашествіе классицизма“; здѣсь водворилось „греко-римское крѣпостное право“, и русская молодежь была обречена на „перевариваніе лингвистическихъ окаменѣлостей“. Катковъ полагалъ, что это и есть наилучшая школа для будущихъ „руководителей судьбами народа“, „создателей его будущаго“.

Съ первыхъ же дней ея существованія, эту школу наводнили одобренными учебниками, авторами и пособіями, выписанными нерѣдко прямо изъ Лейпцига; для „bibliotheca Teubneriana“ открылся въ Россіи громадный сбытъ. Учителей древнихъ языковъ, за недостаткомъ классиковъ отечественнаго производства, выписали отъ западныхъ славянъ — изъ Чехіи, Галиціи, Угорской Руси; тамъ былъ ихъ цѣлый разсадникъ. Эти учителя не были знакомы ни съ нашей исторіей, ни съ нашей рѣчью; по-русски они умѣли выражаться

„лишь въ именительныхъ падежахъ да неопредѣленныхъ наклоненіяхъ"; зато они знали древніе языки. Но, наконецъ, и этотъ разсадникъ былъ исчерпанъ. Тогда стали посылать русскихъ молодыхъ людей въ Лейпцигъ, гдѣ, подъ руководствомъ „знаменитѣйшаго филолога Ритшля", была устроена филологическая семинарія спеціально для подготовки учителей-классиковъ для русскихъ гимназій. Отъ этого заграничнаго питомника правительству была двойная прибыль: во-первыхъ, получались нужные учителя-классики и можно было осуществлять толстовскую систему; во-вторыхъ, эти классики воспитывались въ нѣмецкой студенческой средѣ, а эта среда, какъ заявляло само правительство, была „совершенно чужда духу оппозиціи" и „крайне враждебна къ нигилистическимъ и соціалистическимъ утопіямъ". Открытая въ 1873 г., эта семинарія просуществовала 15 лѣтъ и была упразднена лишь въ 1888 г., когда „выполнила всю свою задачу".

Полученные съ такимъ трудомъ и часто выписанные изъ-за границы, учителя древнихъ языковъ состояли подъ особымъ покровительствомъ толстовскаго министерства и пользовались съ его стороны всяческимъ поощреніемъ. Изъ нихъ назначались больше всего классные наставники; они были почти вездѣ директорами и инспекторами. Къ 1880 г. было 103 классика-директора и столько же классиковъ-инспекторовъ, и только 22 директора и 32 инспектора изъ словесниковъ; 648 классныхъ наставниковъ были греки или латинисты, и всего 161—словесники. Гр. Толстой увольнялъ директоровъ, „лучшихъ въ цѣломъ министерствѣ", единственно за то, что они не классики, а ученые по другому факультету. „Не гаситель, а сожигатель", писалъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ Никитенко. Въ случаѣ конфликтовъ у учителей-классиковъ съ ихъ коллегами, министерство становилось на сторону древнихъ языковъ. Такъ, въ московской 2-й гимназіи столкновеніе учителей съ классикомъ кончилось разгромомъ всей гимназіи: инспекторъ (Вл. П. Шереметевскій) былъ уволенъ, учителя перемѣщены, директору тоже пришлось уйти. „Вотъ горькіе плоды темной силы классицизма!" восклицалъ въ своей газетѣ М. Щепкинъ.

Толстовская учебная „реформа" не оставила безъ вниманія и *организаціи* средней школы. Сравнительно съ 1864 годомъ организація эта нѣсколько измѣнилась. Технически многое было приведено въ порядокъ, всему зданію сообщено большее единство; но единство это было строго бюрократическое. Въ составъ педагогическаго совѣта были введены всѣ преподаватели, въ томъ числѣ и сверхштатные, а также надзиратели и воспитатели пансіоновъ; совѣту были приданы комиссіи, классныя и предметныя, для предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ. Но компетенція педагогическаго совѣта была уменьшена: у него было отнято право окончательнаго разсмотрѣнія и одобренія программъ преподаванія и составленіе правилъ о взысканіяхъ съ учащихся. То и другое должно было регламентироваться министерскими инструкція-

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій.

Съ портрета, писаннаго А. Брызгаловымъ. 1881 г.
(Дашковское собраніе при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

13

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій.

Съ портрета, писаннаго А. Брызгаловымъ. 1881 г.
(Дашковское собраніе при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

1881 г.

ми. Вся отвѣтственность за гимназію была возложена на одного директора, являвшагося ея „начальникомъ". Рядомъ съ директоромъ и совѣтомъ былъ еще почетный попечитель, избиравшійся „тѣми сословіями, обществами и лицами" (а также земствами), „ кои заявляли свое сочувствіе" содержаніемъ заведенія на свой счетъ, или ежегодной ему субсидіей. Права почетнаго попечителя были тѣ же, какъ и по уставу 1828 г. Въ педагогическомъ совѣтѣ онъ *сидѣлъ* на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ директоромъ, имѣлъ во всѣхъ дѣлахъ право голоса, могъ наблюдать за ходомъ управленія и за состояніемъ гимназіи „во всѣхъ отношеніяхъ" и свои замѣчанія *сообщать* директору или совѣту, а въ случаѣ оставленія ихъ безъ уваженія — *доводить ихъ до свѣдѣнія* попечителя округа. Наконецъ, что касается родителей, то ихъ роль проста: они должны были „не противодѣйствовать" школѣ: „отъ этого ихъ слѣдуетъ всячески предостерегать", писало министерство, „такъ какъ въ противномъ случаѣ успѣхъ становится крайне сомнительнымъ, а гибель несчастныхъ дѣтей почти неизбѣжна".

Толстовская школа была такая же воспитательная школа, какъ и старая закрытая. „Въ этомъ отношеніи", говорилось въ министерскомъ циркулярѣ, „не можетъ быть различія между открытыми и закрытыми учебными заведеніями; и тѣ, и другія суть заведенія воспитательныя". Учителя привлекались къ воспитательному дѣлу—въ должности классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ. Если они отказывались брать на себя эти обязанности, это значило, что они не годятся и въ учителя, такъ какъ „качества, необходимыя для класснаго наставника, столь же необходимы и для преподавателя". Къ обязанностямъ классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ относилось наблюденіе за учениками въ стѣнахъ школы и внѣ ея—и посѣщеніе ихъ на дому; классный наставникъ долженъ былъ всегда знать, гдѣ находится ученикъ его класса, если его нѣтъ ни дома, ни въ гимназіи. Для учениковъ были изданы особыя правила, которымъ они должны были подчиняться. „Безпрекословное повиновеніе" ближайшимъ начальникамъ и наставникамъ, „полное довѣріе къ нимъ и откровенность", а къ высшему начальству— „должное почтеніе"—ставились здѣсь во главу угла. Строго регламентировалось хожденіе учениковъ въ церковь, и сидѣніе ихъ въ классѣ и домашнія ихъ занятія. Въ классѣ „во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, хотя бы и прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь не должны ни разговаривать или шептаться между собою, ни заниматься чѣмълибо постороннимъ, ни производить какого-либо шума, ни подсказывать другъ другу, ни отвѣчать самовольно безъ спроса преподавателя, ни перебивать его объясненій какими-либо замѣчаніями и вопросами, но обязаны со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ слѣдить за его преподаваніемъ и за отвѣтами другихъ учениковъ". „Давая учителю отвѣтъ, хотя бы и самый короткій", ученики должны были „вставать и дер-

жаться прямо". При выходѣ изъ гимназіи ученики не должны были отнюдь толпиться, но „итти каждый въ свою сторону, отнюдь не гурьбой и не большими группами". Для удобства надзора ученикамъ дана была форма; внѣ дома они обязаны были быть всегда въ этой формѣ, и „положенные для нихъ полукафтаны имѣть застегнутыми на всѣ пуговицы". Головнымъ уборомъ было кепи, книги носить полагалось въ ранцахъ—„обыкновенной солдатской формы", чтобы заранѣе пріучить ихъ къ солдатчинѣ. Родители, опекуны и даже попечители округовъ не разъ жаловались, что эта форма и дорога, и вредна для здоровья, и просили замѣнить ее другою; но единственной уступкой, на какую пошелъ Толстой, было разрѣшеніе лѣтомъ парусинной блузы; да и это было разрѣшено лишь въ 1875 г.

При выполненіи своей воспитательной задачи школа должна была пользоваться уголовнымъ кодексомъ, спеціально для нея составленнымъ. Это были министерскія „Правила о взысканіяхъ". Въ нихъ не было тѣлесныхъ наказаній; но былъ цѣлый ассортиментъ выговоровъ, занесеній въ штрафной журналъ, удаленій и исключеній.

Лѣность каралась „принудительной работой", высокомѣріе—униженіемъ, необузданность, непокорство и проявленіе злости—заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Были также всевозможныя *сидѣнія* на одной скамьѣ и *стоянія* на одномъ мѣстѣ—за скамьей, у скамьи и у двери.

Все учебное дѣло въ толстовской школѣ было строжайше регламентировано. Объемъ преподаванія предметовъ и распредѣленіе ихъ по классамъ—опредѣлялись учебными планами, изданными отъ министерства народнаго просвѣщенія. По этимъ планамъ преподаватели должны были составлять свои подробныя программы, восходившія затѣмъ на одобреніе педагогическаго совѣта и на утвержденіе попечителя округа. По нѣкоторымъ предметамъ, „отличающимся наименьшей опредѣленностью своего содержанія" (напримѣръ, по исторіи и по русской словесности), были приложены и „примѣрныя" программы; министерство признавало ихъ необязательными; онѣ должны были служить только образцомъ; но всякое уклоненіе отъ этого образца разрѣшалось лишь „по уважительнымъ соображеніямъ", которыя и должно было изложить въ годичномъ отчетѣ гимназіи. Указывалось даже заранѣе, въ чемъ могутъ заключаться эти уклоненія: по древнимъ языкамъ, напримѣръ, возможно „обширнѣе читать тѣхъ же самыхъ авторовъ", которые значатся въ программѣ, по русскому языку и словесности—дѣлать „болѣе частыя и разнообразнѣйшія упражненія въ устномъ и письменномъ употребленіи родной рѣчи" и разъяснять „всѣ особенности *изучаемыхъ* произведеній русской словесности"; по исторіи и географіи—устраивать „болѣе частыя и разнообразнѣйшія повторенія", (но „не сообщать большаго количества фактовъ"). Вообще, отступленія возможны „въ смыслѣ большей основательности преподаванія, но не въ смыслѣ расширенія его объема". Приложенныя къ программамъ объ-

яснительныя записки должны быть приняты преподавателями, „не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству“.—„Наибольшаго въ нихъ вниманія заслуживаютъ указанія на то, въ какомъ духѣ должно вестись преподаваніе каждаго предмета; эти указанія не могутъ не быть обязательны для всѣхъ преподавателей“.

Также были регламентированы экзамены и окружныя ревизіи, долженствовавшія служить контролемъ для преподавателей. Въ экзаменныхъ правилахъ предусматривалось рѣшительно все—и то, сколько времени должны длиться экзамены, и за сколько времени до экзаменовъ надо закончить курсы, чтобы осталось время для повторенія, и какими баллами оцѣнивать экзаменные отвѣты, и во сколькихъ конвертахъ разсылать изъ округа темы для письменныхъ испытаній. Окружные инспектора, производя ревизіи, должны были наблюдать, „не дозволяютъ ли себѣ учителя произвольныхъ сокращеній“, „не вдаются ли въ излишнія подробности“, какимъ методомъ преподаютъ, и какіе у нихъ даже „внѣшніе пріемы“. Министерскими каталогами опредѣлялся составъ библіотекъ—ученическихъ и учительскихъ (фундаментальныхъ). Ученикамъ рекомендовался „для предпочтительнаго употребленія“ учебникъ Иловайскаго; учителямъ для чтенія—„Старина русской земли“ Гатцука. Зато Сѣченовъ и Молешоттъ были признаны для учителей опасными, и даже педагогическія изданія учителя могли читать только изъ числа одобренныхъ. Создавая всю эту школьную регламентацію и зорко слѣдя за исполненіемъ своихъ уставовъ и инструкцій, министерство ссылалось на отсутствіе педагогическихъ традицій. Въ Германіи нѣтъ такой регламентаціи, говорило министерство; но у насъ, „при менѣе опытныхъ педагогахъ, чѣмъ въ Германіи“, такая регламентація необходима. Впрочемъ, самому министерству изданные имъ учебные планы казались „чрезвычайно эластическими“; они были, по его мнѣнію, „составлены такъ, что нисколько не могли стѣснить свободной и благотворной дѣятельности преподавателя“.

5.

Посмотримъ теперь, въ чемъ могла выражаться эта „свободная и благотворная дѣятельность“. Учебные планы 1872 г., съ ихъ примѣрными программами и объяснительными записками, покажутъ намъ, какъ фильтровалась въ этой „ученой“ школѣ допущенная въ нее наука.

Важное мѣсто въ толстовской школѣ занималъ, конечно, законъ Божій. Число часовъ по этому предмету было увеличено въ общемъ на 3 часа. Притомъ, „преподаваніе это должно было быть не только учебнымъ предметомъ, но развитіемъ основъ христіанской жизни и дѣятельности въ воспитанникахъ“. Даже въ лѣтнее время ученики должны были читать каждый день евангеліе, а воспитанники VII класса—исторію христіанской церкви Евсевія, или творенія отцовъ церкви.

Особенно строго регламентировалось преподаваніе русскаго языка

и словесности. Въ старшихъ двухъ классахъ, „гдѣ преподается словесность“, число уроковъ было уменьшено:—„Опытъ показалъ, что успѣхи преподаванія русскаго языка не обезпечиваются числомъ уроковъ, ибо учителя находятъ возможность тратить эти уроки на самыя разнородныя разсужденія, не только безполезныя, но иногда и положительно вредныя“. Въ этихъ классахъ полагалось „чтеніе и разборъ избранныхъ образцовъ литературы“; образцы эти были немногочисленны (дабы „изученіе“ ихъ было болѣе „сознательное и отчетливое“) и кончались Гоголемъ. „Ограничивъ выборъ образцовъ“, министерство указывало и „мѣру ихъ разбора“. Эта „мѣра“ сводилась къ изложенію (устному и письменному) содержанія ихъ, къ выясненію ихъ плана, къ разбору слога (съ повтореніемъ изъ грамматики); сверхъ того, объясняются существенныя свойства литературнаго рода и дается „историческій комментарій“, необходимый для яснаго и точнаго „уразумѣнія образца“. „Разборы всякаго другого вида и направленія, извѣстные подъ именемъ критики эстетической или художественной, психологической, соціальной и т. п., исключаются: ихъ мѣсто въ университетѣ, а не въ среднемъ учебномъ заведеніи“.

Самый разборъ обязательно ведется въ классѣ, самимъ преподавателемъ; „ибо цѣль разбора состоитъ не въ томъ, чтобы выучить гимназистовъ критикѣ, а въ томъ, чтобы помощію основательнаго сужденія о литературномъ образцѣ разъяснить его достоинство“. „Собственные критическіе опыты вовсе не по силамъ ученику, и могутъ внушить ему лишь смѣшное и вредное самомнѣніе. Вотъ почему и изъ круга письменныхъ упражненій исключены задачи, требующія отъ гимназиста самостоятельныхъ разборовъ, самостоятельнаго приложенія критическихъ началъ къ читаемымъ сочиненіямъ“.

Но дѣло не должно ограничиваться однимъ изученіемъ литературныхъ образцовъ. „Какъ ни полезно такое изученіе“, говоритъ записка, „все же это — отдѣльные факты, между которыми лежатъ большіе пробѣлы. Въ видахъ научнаго образованія, было бы еще полезнѣе связать ихъ, указавъ отношеніе ихъ къ другимъ, посредствующимъ, и такимъ образомъ представить нѣчто цѣлое, систематическое.—Означенный историко-литературный обзоръ принесъ бы двоякую пользу: во-первыхъ, онъ связалъ бы научною связью разрозненные члены русской литературы; во-вторыхъ, не оставилъ бы безъ знакомства съ этою наукою тѣхъ воспитанниковъ, которые заканчиваютъ свое образованіе въ гимназіи“.

Число часовъ на исторію было также уменьшено, съ 14 на 12. „Замѣчено, что излишнее число уроковъ, назначенныхъ на исторію, ведетъ лишь къ тому, что учителя сообщаютъ ученикамъ или слишкомъ дробныя свѣдѣнія, или же общіе взгляды на историческія лица и событія,— взгляды, способные лишь противодѣйствовать правильному умственному и нравственному развитію юношества“. Затѣмъ сдѣлано все, чтобы новой исторіи и даже среднимъ вѣкамъ отвести въ курсѣ какъ можно

менѣе мѣста. Исторія должна проходиться (въ уменьшенное число часовъ) два раза: сперва эпизодически, потомъ систематически, и на обоихъ курсахъ „предпочтеніе“ должно „отдаваться древней исторіи, греческой и римской“.

Въ эпизодическомъ курсѣ—„разсказы о событіяхъ и лицахъ изъ древней и отечественной исторіи занимаютъ болѣе мѣста въ сравненіи съ разсказами о лицахъ и событіяхъ всеобщей средней и новой исторіи“. „Въ курсѣ систематическомъ, при изложеніи средней и новой исторіи, *въ видахъ сокращенія этихъ отдѣловъ*, подробно излагаются лишь слѣдующіе отдѣлы: 1) Византія при Юстиніанѣ. 2) Славяне при св. Кириллѣ и Меѳодіи. 3) Оттонъ Великій. 4) Споръ за инвеституру. 5) Иннокентій III. 6) Чехія при Гуссѣ. 7) Возрожденіе наукъ. 8) Реформа Лютера. 9) Тридцатилѣтняя война и 10) Блестящій періодъ царствованія Людовика XIV“. Подъ строкой прибавлено: „При изложеніи всеобщей исторіи вносятся въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ имена писателей и ученыхъ—*безъ* характеристики ихъ сочиненій“.

Дѣлаются указанія и по существу научныхъ истинъ, какія надлежитъ внѣдрять въ умы учащихся. Такъ, „при изложеніи греко-персидскихъ войнъ, должно показать учащимся, что нравственныя силы народа имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ силы физическія“, а въ разсказѣ о борьбѣ патриціевъ съ плебеями—„съ большей обстоятельностью указывается учащимся, что тѣ и другіе обнаруживали во время ея умѣренность и самообладаніе“.

Въ систематическомъ курсѣ русской исторіи—„въ преподаваніе, какъ и при всеобщей исторіи, входятъ главнымъ образомъ факты изъ внѣшней исторіи; изъ бытовой исторіи вводятся только самыя крупныя явленія“. „Явленія и событія свѣтлыя излагаются болѣе подробно, темныя—кратко“. „Болѣе подробно излагаются событія въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины II и Александра I, а изъ событій означенныхъ царствованій—Великая Сѣверная *война*, турецкія *войны* и Отечественная *война*“.

Подобнымъ же образомъ должна быть поставлена и географія. Ея изученіе должно сопровождаться усиленнымъ черченіемъ картъ, перечисленіемъ на всѣ лады географическихъ названій—острововъ по величинѣ, горъ по направленіямъ и т. п. Особенно рекомендуются „мысленныя путешествія учениковъ по картѣ, съ указаніемъ всѣхъ извѣстныхъ географическихъ данныхъ по пути“. Вообще, „ученики должны быть доводимы до того, чтобы при *каждомъ* географическомъ имени (курсивъ нашъ) имъ ясно представлялось положеніе данной мѣстности на картѣ“. Зато „изложеніе историческихъ событій, которыя пріурочиваются къ тому или другому государству или мѣстности, совершенно не допускается“, а формы правленія указываются лишь „съ самыми краткими объясненіями“.

Новые языки, французскій и нѣмецкій, „имѣютъ значеніе второстепенное“. Имъ отводится на каждый по 19 часовъ въ недѣлю, при чемъ всѣ эти 19 часовъ во всѣхъ классахъ заполняются грамматикой и переводами.

Ознакомленіе учениковъ съ исторіей той или другой литературы—„рѣшительно не допускается".

Учебные планы древнихъ языковъ снабжены объяснительной запиской, но примѣрныхъ программъ нѣтъ; преподавателямъ предоставленъ здѣсь „извѣстный просторъ". Но требованія, предъявляемыя къ ученикамъ объяснительной запиской, достаточно категоричны. „Изученіе грамматики проводится черезъ всѣ классы, до конца гимназическаго курса". Упражненія состоятъ въ переводахъ съ русскаго языка на изучаемый, а не наоборотъ. Extemporalia слѣдуетъ вести такъ, чтобы ученики—„диктуемый учителемъ русскій текстъ прямо со словъ учителя переводили письменно на латинскій или греческій", „не записывая по-русски". „При чтеніи прозаиковъ рекомендуется упражнять учениковъ въ обратномъ переводѣ". Отъ времени до времени слѣдуетъ требовать пересказа содержанія прочитаннаго отдѣла, при томъ „не только по-русски, но и по-латыни". На это изученіе древнихъ языковъ отводится: для латинскаго языка—43 часа въ недѣлю (во всѣхъ классахъ, начиная съ перваго); для греческаго, начинающагося въ III классѣ — 30 или 31 часъ. Это выходитъ по 6 и по 7 часовъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ на каждый изъ древнихъ языковъ. Въ то же время русская грамматика проходится примѣнительно къ грамматикѣ латинской, на урокахъ географіи Европу начинаютъ съ Балканскаго полуострова во вниманіе къ древнимъ грекамъ, и изложеніе древней исторіи „приводится въ большую связь съ изученіемъ древнихъ языковъ". На этихъ урокахъ,—урокахъ *Исторіи*,—также переводятся отрывки изъ Ксенофонта, Ѳукидида и Тита Ливія, и „проходится подробно время Цицерона, на основаніи извѣстныхъ ученикамъ произведеній, какъ самого Цицерона, такъ и Цезаря и Саллюстія". Такъ чуть не всѣ науки обращаются въ филіальныя отдѣленія мертвыхъ языковъ. Эти языки также царили въ толстовской школѣ, какъ въ маріинскихъ институтахъ—французскій языкъ; даже литературныя бесѣды должны были устраиваться для чтенія ученическихъ переводовъ съ древнихъ языковъ и для публичнаго отчета о прочитанномъ изъ древнихъ классиковъ. И лѣтнее время не пропадало даромъ,—ученики 5 класса, напримѣръ, должны были въ теченіе лѣтнихъ каникулъ (6-недѣльныхъ) читать по-гречески посланія св. апостоловъ.

Въ 1877 г. программа классической гимназіи нѣсколько измѣнилась. Седьмой классъ раздѣлился на два, возникъ новый, 8-й классъ; нужно было заполнить открывшіеся пробѣлы.

Въ гимназическій курсъ былъ введенъ краткій обзоръ исторіи русской литературы, расширена исторія среднихъ вѣковъ, русская исторія до Петра Великаго отдѣлена отъ всеобщей исторіи. По древнимъ языкамъ, кромѣ переводовъ съ русскаго на греческій и латинскій, введены переводы съ греческаго и латинскаго на русскій. Естествовѣдѣнію отведено только 2 часа въ недѣлю.

Наконецъ, чтобы „предохранить учащихся отъ заблужденій односторонняго эмпиризма и ходячаго матеріализма", въ 7 классѣ введена логика.

6.

Министерство было, повидимому, совершенно довольно своей школой. Если въ 1877 г. оно пересматривало ея учебные планы, то это только потому, что открылся новый, 8-й классъ; это вовсе не значило, чтобы старые планы 1872 г. были плохи. Совсѣмъ напротивъ: какъ показалъ 5-лѣтній опытъ, эти планы—„были выполняемы безъ всякаго затрудненія, безъ малѣйшаго обремененія для учениковъ, и ученіе даже и посредственныхъ учениковъ съ каждымъ годомъ было все болѣе и болѣе успѣшно, принося все лучшіе результаты".

Такъ думало о своей „ученой школѣ" министерство. Общество, отдававшее этой школѣ своихъ дѣтей, было объ ней другого мнѣнія. Симптомы общественнаго недовольства можно прослѣдить въ цѣломъ рядѣ фактовъ. Такъ, по словамъ Никитенка, въ 1874 г. усиленно говорили о готовящейся смѣнѣ министра народнаго просвѣщенія, и преемникомъ ему называли Исакова, начальника (при Д. Милютинѣ) военно-учебныхъ заведеній. Въ государственномъ совѣтѣ князь Д. А. Оболенскій подавалъ записку о вредѣ для всей Россіи политики Д. А. Толстого. Въ 1875 г. выступилъ съ „письмомъ къ Толстому" князь Васильчиковъ, и въ этомъ письмѣ выложилъ ему „все то, что думалось и говорилось всей Россіей". Въ 1877 г. комиссія, высочайше учрежденная для разсмотрѣнія отчетовъ министра народнаго просвѣщенія, обращала особенное вниманіе министерства „на общеизвѣстный и, вѣроятно, повсемѣстный фактъ, что родители, даже и весьма серьезно относящіеся къ дѣлу воспитанія, жалуются на излишнее обремененіе дѣтей" задаваемыми на домъ уроками.

Въ 1879 г. въ газетѣ „Голосъ" выступилъ проф. В. Модестовъ съ рядомъ статей противъ классической системы, нанесшей, по его словамъ, „смертельный ударъ" самому классицизму. На ту же тему онъ прочелъ докладъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ; Общество было немедленно закрыто.

„Общій голосъ", заявлялъ въ своихъ статьяхъ Модестовъ, „признаетъ требованія нашихъ классическихъ гимназій чрезмѣрными, не благопріятствующими свободному развитію физическихъ и нравственныхъ силъ воспитанниковъ и невыполнимыми для огромной массы учащихся". Эта школа „безпощадно убиваетъ молодыя силы дѣтей и приводитъ въ отчаяніе родителей". Въ результатѣ 8-лѣтней школьной обработки получается совсѣмъ не „зрѣлость", а напротивъ „притупленіе умственныхъ способностей, умственное и нравственное убожество".

„Таланты какъ разъ и не проходятъ черезъ эту школу", писалъ о ней В. Розановъ. Все даровитое выбрасывается гимназіей за бортъ, точнѣе, само выбрасывается", такъ какъ „не въ состояніи еще на годъ, на два остаться въ этой нравственной и умственной тюрьмѣ". „8 лѣтъ дѣлать видимость умственнаго труда—безъ всякаго дѣйствительнаго умственнаго труда, безъ развитія, безъ возрастанія, безъ озаренія, безъ просвѣтлѣнія — къ этому способны, это могутъ вынести лишь вялыя, инертныя души". Эта школа—„антилюбознательная" и „антикультурная"; она

„все культурное, всякую любовь и живую способность угашаетъ, мнетъ и спрыскиваетъ мертвой водой“.

Но какова бы ни была эта школа, какъ бы ни относилось общество къ толстовской „ученой“ школѣ, она одна открывала двери въ университетъ, и родителямъ приходилось отдавать въ нее своихъ дѣтей, если они хотѣли довести ихъ до высшей школы. И сыновья ихъ не проходили, а пролѣзали сквозь эти Кавдинскія ущелья, пролѣзали всѣми правдами и неправдами.

Цѣлая армія репетиторовъ изъ изголодавшихся студентовъ и старшихъ гимназистовъ кормилась кругомъ толстовской школы; на подмогу ученикамъ печатались безчисленные подстрочники, съ которыми тщетно боролось министерство. Сами учителя участвовали въ обманѣ и на экзаменахъ подсказывали ученикамъ отвѣты; эта „форма обмана“, утверждаетъ В. Розановъ, была „особенно употребительна на испытаніяхъ изъ физики, геометріи и закона Божія“. Наконецъ, выкрадывались экзаменныя темы.

Достигали цѣли лишь немногіе. По официальнымъ даннымъ, „оканчивала полный курсъ только третья часть всѣхъ учащихся, и изъ нихъ большинство кончало съ запаздываніемъ, просидѣвъ по нѣскольку лѣтъ въ одномъ классѣ; въ срокъ кончало гимназію отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ всего состава. „Изъ многочисленнаго перваго класса, — въ нѣсколько десятковъ человѣкъ—едва доходило безъ остановокъ до послѣдняго класса два—три воспитанника; гимназіи теряли ежегодно выходящими до окончанія курса болѣе 8 тысячъ человѣкъ. Большей половинѣ ихъ не удавалось поступить потомъ ни въ какія учебныя заведенія; на самой зарѣ ихъ жизни, ихъ существованіе было уже разбито“. Тѣ, которые оканчивали курсъ, вступали въ жизнь „съ надломленными уже въ школѣ силами“.

Все это вызывало въ ученикахъ чувство непримиримой ненависти къ школѣ. Эта ненависть выражалась часто въ очень рѣзкихъ формахъ. Кончая курсъ, гимназисты торжественно топтали и жгли гимназическіе учебники. Неудачники, получившіе двойку или единицу, кончали съ собой, и въ своихъ „запискахъ“ писали проклятія учителямъ. Другіе били камнями стекла въ учительскихъ и директорскихъ квартирахъ, или подкладывали подъ нихъ и поджигали порохъ. На столбахъ въ городѣ расклеивались прокламаціи съ приглашеніемъ бить учителей. Бывали случаи, что въ директоровъ и инспекторовъ стрѣляли. Иные ученики находили спасеніе въ винѣ; были гимназіи, въ которыхъ процвѣтало пьянство, и гимназисты среднихъ классовъ впадали въ бѣлую горячку.

7.

Толстовской реформой реальныя гимназіи были совсѣмъ упразднены, и вмѣсто нихъ созданы реальныя училища. Эти новыя училища имѣли въ виду дѣтей среднихъ классовъ, промышленныхъ и торговыхъ, для которыхъ курсъ средней и высшей школы слишкомъ длиненъ и совсѣмъ не нуженъ. Имъ реальное училище должно было дать образованіе, „приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію тех-

ническихъ познаній"; учащіеся могли здѣсь подготовляться „къ занятіямъ различными отраслями промышленности и торговли". Ученики должны были прямо выходить „на практическое поприще заводской и технической промышленности"; на этомъ поприщѣ, говорило министерство, особенно нужны были отечественные дѣятели, особенно тогда, „при значительномъ развитіи желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ сообщеній и фабричныхъ производствъ".

Для этой цѣли считался достаточнымъ 6-лѣтній курсъ; первые 4 года соотвѣтствовали по курсу 4-классной прогимназіи (безъ древнихъ языковъ); старшіе два были спеціальные и дѣлились на два отдѣленія — основное и коммерческое. При основномъ отдѣленіи могъ быть (а могъ и не быть) дополнительный седьмой классъ, въ свою очередь распадавшійся на 3 отдѣленія — механико - техническое, химико-техническое и общее. Выходъ въ высшую школу былъ забаррикадированъ. Двери университетовъ были для реалистовъ совсѣмъ закрыты: „не допускать ни въ одинъ факультетъ университетовъ — лицъ окончившихъ реальныя училища", — повелѣлъ Александръ II 19 іюня 1871 г., утверждая первыя „дополненія и измѣненія" къ головнинскому гимназическому уставу. Но въ то время, какъ питомцамъ классическихъ гимназій былъ свободный доступъ и въ университеты, и въ спеціальныя высшія училища, — реалистовъ постарались оттѣснить и отъ спеціальной высшей школы. Туда принимались только лица, окончившія всѣ семь классовъ, и изъ седьмого класса — не со всѣхъ отдѣленій, а только съ одного „общаго", и то не просто, а съ повѣрочнымъ испытаніемъ. „*Только* повѣрочное испытаніе!" замѣчало въ видѣ утѣшенія министерство.

Образцами для реальныхъ училищъ были не столько прусскія и французскія школы, сколько россійскія школы и классы реальнаго характера, возникшіе при Николаѣ I. Эту связь своихъ училищъ съ созданіями николаевскаго царствованія усиленно подчеркивалъ самъ Толстой; онъ прямо ссылался на рескриптъ 1837 г., ограничивавшій кругъ словесныхъ наукъ въ реальныхъ училищахъ до предѣловъ училищъ уѣздныхъ и приходскихъ. Сами реальныя науки допускались въ толстовскихъ училищахъ лишь съ оговоркой; это дѣлалось „въ интересахъ не отвлеченнаго знанія міра матеріальнаго и математическихъ отношеній, а въ интересахъ житейскихъ, практическихъ", и сами естественныя науки должны были здѣсь проходиться „не научно, а технологически". Даже на математику отводилось всего 38 часовъ, тогда какъ черченіе и рисованіе получали 42 часа.

Реальное училище было такъ же мало общеобразовательной школой, какъ и „ученая" гимназія. Въ обществѣ это вызвало жестокую критику. „Вѣстникъ Европы" писалъ, въ періодъ обсужденія толстовскаго проекта, что эти училища будутъ „давать Россіи коммерсантовъ, механиковъ, химиковъ, лишенныхъ общаго образованія, неразвитыхъ или полуразвитыхъ". „Голосъ" восклицалъ въ полемикѣ съ „Московскими Вѣдомостями":—„Ужели можно сказать отцу, желающему дать образованіе

своему сыну: — или классическій курсъ, или узко-техническій или никакого?“ Въ государственномъ совѣтѣ реалисты выступили со своимъ контръ-проектомъ, требуя общеобразовательной реальной школы. На этотъ разъ они были еще сильнѣе, чѣмъ при обсужденіи гимназическаго устава. Они получили большинство и въ особомъ присутствіи совѣта и въ общемъ его собраніи. И толстовскій проектъ сталъ закономъ опять-таки только потому, что Александръ II согласился съ меньшинствомъ. Новый уставъ былъ подписанъ 15 марта 1872 г. Новыя училища должны были, по выраженію Толстого, „облагодѣтельствовать“ дѣтей среднихъ классовъ; и министръ выражалъ увѣренность, что города и земства и вообще мѣстныя общества, „нуждающіяся въ практическихъ дѣятеляхъ“, —„не пощадятъ своихъ средствъ на устройство реальныхъ училищъ“, столь нужныхъ для нихъ самихъ. Правительство надѣялось также, что реальныя училища будутъ пристанищемъ и для гимназистовъ „съ посредственными способностями“, для которыхъ окажется слишкомъ трудной классическая гимназія; такимъ образомъ „ни одна сила не будетъ теряться даромъ для страны, и еще менѣе — обращаться во вредъ обществу“.

8.

Спеціальная миссія Толстого, возложенная на него государемъ, заключалась, по его словамъ, въ томъ, чтобы „преграждать въ школу путь дурнымъ идеямъ“. Трудно было съ большей энергіей выполнять эту миссію, чѣмъ это дѣлалъ Толстой. Вся его школьная система была создана, какъ оплотъ противъ „разрушительныхъ понятій“, какъ могучій тормозъ на пути „стремленій, дерзко посягающихъ“ на всѣ старые устои. Противъ этихъ стремленій и понятій она была заострена мертвыми языками; грудь воспитанника толстовской школы, хорошо забронированная классической премудростью, была, казалось, неприступной крѣпостью, куда не было доступа никакимъ „ходячимъ заблужденіямъ“. Всякую живую мысль, зарождавшуюся въ школѣ или ея касавшуюся, министерство быстро засыпало циркулярами и инструкціями, а директора и педагоги — единицами и неправильными глаголами.

Но и въ это зачарованное царство, гдѣ размѣренно двигались тихіе мальчики, затянутые въ чистенькіе мундирчики, и должны были по командѣ восхищаться Анабазисомъ и зачитываться Евсевіемъ; — гдѣ люди конца XIX вѣка по Рождествѣ Христовомъ должны были закапываться въ V вѣкъ до Рождества Христова и чувствовать себя, какъ дома, въ Спартѣ или Аѳинахъ; — въ этотъ искусственно созданный міръ классической школы, несмотря ни на что, находила доступъ „соціальная пропаганда“. Въ 1875 г. министерство оповѣщало своихъ агентовъ, что въ самой этой школѣ найдена революціонная зараза. „Оказывается“, писало министерство, „что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды — юношество и школу. И понятно: коммунистическія ихъ ученія, клонящіяся къ ниспроверженію всего общественнаго строя и водворенію, взамѣнъ его, анархіи, до такой сте-

пени нелѣпы и дики, что они могутъ найти успѣхъ *развѣ между дѣтьми*, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдинами. Но, къ сожалѣнію, эти дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увлеченіямъ и политическимъ фантазіямъ,—встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, одобреніе и поддержку; только этимъ и можно объяснить распространеніе соціальныхъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукою, въ 37 губерніяхъ: какъ обнаружило судебное слѣдствіе, *нѣкоторые отцы и матери* подбивали къ нимъ своихъ дѣтей".

Приходилось примѣнять для борьбы съ „заразой" экстренныя мѣры, издавать предохранительные циркуляры. Наставники — говорилось въ этихъ циркулярахъ—должны замѣнить родителей и вооружиться на защиту дѣтей отъ пропаганды. Они должны были разсказать „болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ", что „несчастные политическіе фанатики, недоученные юноши, стараются провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи, не гнушаясь при этомъ ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ. Это можно смѣло объявлять учащимся" — говорило министерство: „истина не боится свѣта". Черезъ 4 года, въ 1879 г., министерство снова писало въ циркулярѣ по округамъ, что пропаганда не уменьшается, но „продолжается и даже усиливается". „Гнусные злодѣи, эти убійцы изъ-за угла, набрасываются со своими безумными, неосуществимыми и презрѣнными теоріями преимущественно на юношество, такъ какъ люди сколько-нибудь опытные и основательные отворачиваются отъ нихъ съ омерзѣніемъ". Ученикамъ старшихъ классовъ „надо объяснить всю нелѣпость сихъ теорій; они настолько зрѣлы умственно и нравственно, что, министръ увѣренъ, легко поймутъ всю ихъ преступную несостоятельность и не захотятъ быть орудіемъ людей, губящихъ систематически, безжалостно и хладнокровно—юныя наши силы и свѣтлую будущность Россіи".

Борьба съ „соціальной пропагандой", съ отдѣльными ея проявленіями, заостряла политическое остріе толстовской школы, вызывала ее на экстренныя мѣры. Но и сама по себѣ эта школа была всецѣло направлена противъ опасностей, возможныхъ для стараго порядка. Она создавалась не съ культурной, а съ полицейской цѣлью. По выраженію гр. П. Капниста, 15 лѣтъ прослужившаго московскимъ попечителемъ (1880 — 1895 гг.), вся создавшая эту школу толстовская реформа „основывалась на взглядахъ, чуждыхъ просвѣщенію". Осуществленная къ тому же „способами, которые можно назвать почти преступными", эта реформа дала намъ не школу, а какое-то „антисептическое средство для искорененія вольнодумства, бактеріологическую станцію для прививки юношеству образа мыслей установленнаго образца". И если это „бюрократическое мракобѣсіе, направленное на стерилизацію мыслей", не искоренило въ обществѣ „превратныхъ мыслей", зато оно „изгнало всякую живую мысль изъ нашей школы. *Будемъ надѣяться*", прибавлялъ Капнистъ, „что

это вышло такъ *вопреки* прямому желанію самого Толстого".

9.

Рядомъ съ толстовской школой, въ другомъ вѣдомствѣ (военномъ) существовалъ другой типъ средней школы—военная гимназія. Несмотря на спеціальный характеръ своей задачи — готовить офицеровъ, военная гимназія была какъ разъ тою общеобразовательной школой, противъ которой такъ возставалъ Толстой.

Военныя гимназіи возникли изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Корпуса готовили для арміи офицеровъ; подготовка эта стоила государству громадныхъ денегъ (каждый офицеръ обходился въ 7.700 р.), но такъ дорого стоившіе офицеры— „отличались", по словамъ военныхъ авторитетовъ, „совершеннымъ невѣдѣніемъ военнаго быта и воинской дисциплины, не имѣли основательныхъ научныхъ познаній, и вмѣсто того, чтобы быть руководителями для солдатъ и надежными помощниками для начальниковъ, — нерѣдко сами нуждались въ дядькахъ". Въ арміи „большая часть начальниковъ предпочитала офицеровъ не изъ кадетъ". Но и плохихъ офицеровъ выходило изъ корпусовъ немного, — не болѣе 600 человѣкъ въ годъ; это составляло меньше $^1/_3$ того, что было нужно. Въ арміи не хватало образованныхъ офицеровъ; были „цѣлыя дивизіи, гдѣ некому было дать полка, баталіона и роты"; „крайне трудно было выбирать адъютантовъ, казначеевъ и квартермистровъ". Крымская война и позднѣе польскій мятежъ обнаружили всю неудовлетворительность подготовки русскихъ офицеровъ.

Въ 1862 г. правительство приступило къ реформѣ военно-учебныхъ заведеній. Былъ учрежденъ съ этой цѣлью особый комитетъ, во главѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Этотъ комитетъ выработалъ основныя положенія реформы, которыя и были 14 мая 1863 г. утверждены государемъ. Но проводить эту реформу въ жизнь пришлось уже другимъ лицамъ. Великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ призванъ къ управленію Кавказомъ, а военно-учебныя заведенія со своимъ главнымъ управленіемъ перешли въ военное министерство. Военнымъ министромъ былъ тогда Д. А. Милютинъ; на постъ начальника военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Н. В. Исаковъ, бывшій московскій попечитель, — тотъ самый Исаковъ, котораго въ 1874 г. называли возможнымъ преемникомъ Д. Толстого,— въ случаѣ перемѣны курса.

Сущность реформы заключалась въ томъ, что кадетскіе корпуса распадались на двѣ части: спеціальные классы составляли высшія военныя училища, а общіе классы обращались въ военныя гимназіи съ общеобразовательнымъ курсомъ. 6-классныя военныя гимназіи должны были готовить учениковъ для двухклассныхъ военныхъ училищъ, которыя уже выпускали офицеровъ въ армію. Курсъ военной гимназіи былъ приближенъ къ курсу реальной школы; но отъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія военныя гимназіи отличались существенными особенностями. Такъ, по цѣлому ряду предметовъ, въ воен-

ныхъ гимназіяхъ отводилось больше часовъ, чѣмъ въ реальныхъ училищахъ: по закону Божію—18 часовъ вмѣсто 12, по русскому языку—33 вмѣсто 26, по иностраннымъ языкамъ—54 вмѣсто 27, по математикѣ—42 вмѣсто 38, по исторіи и географіи—24 вмѣсто 22, естествознаніе, физика, химія получали въ общемъ столько же часовъ; рисованіе и черченіе сокращалось до 19 часовъ вмѣсто 42. Концентрація производилась на математикѣ и языкахъ (отечественномъ и двухъ новыхъ), получавшихъ въ общей сложности 113 часовъ изъ 180.

Отличаясь отъ толстовской „ученой“ школы отсутствіемъ мертвыхъ языковъ, военная гимназія отличалась и отъ реальныхъ училищъ Толстого—сокращеніемъ узко-техническихъ дисциплинъ. Отъ „ученой“ гимназіи она отличалась еще и тѣмъ, что въ ней не такъ культивировалась трудность. Однимъ изъ ея девизовъ было правило, что „программы наукъ должны быть разсчитаны не на даровитыя исключенія, но доступны, по возможности, всей массѣ учащихся“. Наконецъ, въ военной гимназіи не было совсѣмъ переходныхъ экзаменовъ; вмѣсто нихъ были репетиціи. Не было здѣсь и той регламентаціи, того страшнаго давленія изъ центра, какое производилось въ толстовскомъ вѣдомствѣ. Программы преподаванія и методы ихъ осуществленія вырабатывались постепенно, на практикѣ, а не предписывались прямо изъ Петербурга. Педагогическимъ комитетамъ было предоставлено самимъ „изыскивать наиболѣе раціональные пути“; протоколы этихъ комитетовъ сообщались въ главное управленіе, и результаты печатались въ спеціальномъ органѣ „Педагогическомъ Сборникѣ“.

Въ этомъ „Педагогическомъ Сборникѣ“ участвовали крупныя педагогическія силы. Редактировалъ его сначала Н. Х. Вессель, потомъ много лѣтъ А. Н. Острогорскій. На страницахъ этого изданія печатали свои труды Ушинскій, Лесгафтъ, Водовозовъ, Евтушевскій, Сентъ-Илеръ, Гуревичъ, Гердъ, Эрисманъ; многія изъ этихъ именъ были также украшеніемъ военно-педагогическихъ курсовъ, готовившихъ для военныхъ гимназій учителей. Въ то время, какъ Толстой выписывалъ изъ Австріи ничѣмъ не блещущихъ учителей-чеховъ, въ военной школѣ были собраны лучшія силы русской педагогіи, составители большинства учебниковъ. Здѣсь было, казалось, живое дѣло; оно влекло къ себѣ „живыхъ“ людей. Здѣсь учителя охотно обращались въ воспитателей; профессора бросали каѳедры, чтобы сдѣлаться здѣсь преподавателями. Въ половинѣ 70-хъ годовъ изъ разныхъ мѣстъ послышались голоса объ учрежденіи новыхъ школъ военнаго вѣдомства; земства и города ходатайствовали объ этомъ—и подкрѣпляли свои ходатайства обѣщаніемъ денежныхъ субсидій; такія заявленія были сдѣланы изъ Казани, Калуги, Смоленска, Ярославля, Ѳеодосіи и Керчи.

Къ 1880 г. въ Россіи было 5 военныхъ училищъ, 18 военныхъ гимназій и 8 прогимназій. Изъ всей этой военной школы выходило въ армію около 500 офицеровъ въ годъ, а всего за 16 лѣтъ военныя училища выпустили 7.700 офицеровъ. Это были, въ большинствѣ случаевъ, офицеры, дѣлавшіе послѣднюю турецкую

кампанію, сражавшіеся подъ Плевной и подъ Карсомъ—какъ съ гордостью отмѣчаетъ историкъ военной школы.

Военная гимназія пережила и головнинскую, и толстовскую эпоху; но въ самомъ началѣ новаго царствованія ей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Въ 1882 г. военныя гимназіи окончили свое существованіе; онѣ были вновь обращены въ кадетскіе корпуса. Свершителемъ этой новой реформы былъ новый военный министръ, смѣнившій Д. Милютина, П. С. Ванновскій.

2.

Деляновская эпоха.

1.

Въ эпоху лорисъ - меликовской „диктатуры сердца", когда Толстой долженъ былъ разстаться съ своею школой, ее получилъ въ свое завѣдываніе Сабуровъ. Сабуровъ управлялъ министерствомъ 11 мѣсяцевъ; при Александрѣ III его смѣнилъ баронъ Николаи, а съ 1882 г.—Деляновъ. Короткое управленіе Сабурова и Николаи почти не оставило слѣдовъ на судьбахъ русской средней школы. Ученикамъ было разрѣшено вмѣсто мундира носить блузу и замѣнить кепи фуражкой; учителя словесности и математики въ большемъ числѣ назначались классными наставниками, инспекторами и директорами гимназій; на экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости введена отдѣльная годовая отмѣтка, взамѣнъ средняго вывода изъ четырехъ четвертныхъ отмѣтокъ, и разрѣшено допускать къ устнымъ испытаніямъ — не выдержавшихъ письменныхъ. Гораздо болѣе перемѣнъ произошло за продолжительное управленіе вѣдомствомъ Делянова, остававшагося на своемъ посту съ 1882 г. до 1897.

Перемѣны коснулись, какъ учебныхъ плановъ школы, такъ и соціальнаго состава ея учащихся. Въ 60-е годы и мужская и женская школа сдѣлалась всесословной. Сдѣлалась не сразу и не безъ труда; но какъ бы тамъ ни было, двери школы раскрылись для всѣхъ сословій. Система Каткова и Толстого, восторжествовавшая въ 70-хъ годахъ, строилась опять на сословномъ началѣ. Но этотъ поворотъ къ сословности не былъ явнымъ; его старались прикрыть соображеніями иного рода; сословная тенденція маскировалась требованіями культуры; впередъ выдвигалась важность ученой школы и необходимость распространенія практическихъ знаній. Деляновская эпоха была болѣе откровенна. Она вся пропитана сословнымъ духомъ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи 1887 годъ.

Въ апрѣлѣ этого года министерство предписало, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ спискахъ, билетахъ, свидѣтельствахъ, аттестатахъ и т. д., фамиліи титулованныхъ учащихся обозначались непремѣнно съ титуломъ — князя, графа или барона: не слѣдовало „изглаживать изъ памяти ученика—достоинство его предковъ, которые и ему должны служить назиданіемъ и нравственнымъ идеаломъ въ жизни".

Въ то же время министерство съ грустью замѣчало, что въ гимназіяхъ, по уставу 1871 г., „обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія"; совсѣмъ напрасно было переносить эту всесословность въ новый уставъ изъ стараго головнинскаго устава. Надо было—„отвлечь отъ гимназіи такихъ учениковъ, которымъ по условіямъ быта ихъ родителей совершенно не слѣдовало стремиться къ среднему гимназическому, а затѣмъ и къ высшему университетскому образованію". Особенно много учащихся изъ податныхъ сословій проникало въ гимназическіе приготовительные классы; число ихъ здѣсь доходило до цѣлой трети всего состава. Чтобы положить этому конецъ, министерство распорядилось закрыть всѣ приготовительные классы при всѣхъ гимназіяхъ (1887 г.). Масса учащихся была сразу выброшена изъ школы.

Въ томъ же 1887 году былъ нанесенъ новый ударъ всесословной школѣ. Виленскій попечитель обратилъ вниманіе министерства на неудобство пріема въ гимназію „дѣтей лицъ, занимающихся нѣкоторыми предосудительными профессіями"; и 11 апрѣля послѣдовало распоряженіе министерства о недопущеніи въ гимназіи дѣтей лицъ, занимающихся—„проституціей, содержаніемъ домовъ терпимости, мелочной продажей питей и другими предосудительными профессіями". Такимъ путемъ ученики гимназій ограждались отъ вліянія товарищей, „выросшихъ въ порочной средѣ", и „вмѣстѣ съ тѣмъ сокращалось число учащихся изъ низшихъ сословій, приливъ каковыхъ учениковъ признавался крайне нежелательнымъ, такъ какъ безъ нужды увеличивалъ число ищущихъ высшаго образованія".

Но само министерство заявляло, что цѣль этимъ вполнѣ не достигалась, что число учащихся изъ низшихъ сословій сокращалось лишь „до нѣкоторой степени". На этомъ дѣло не могло остановиться. Четыре министра — народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ (Деляновъ, Д. Толстой, Островскій и Вышнеградскій) и оберъ-прокуроръ св. синода (Побѣдоносцевъ) — проектировали закрыть доступъ въ гимназіи для дѣтей лицъ всѣхъ сословій ниже купцовъ 2-й гильдіи. Докладъ объ этомъ былъ представленъ ими государю, но Александръ III призналъ прямое запрещеніе „несвоевременнымъ и неудобнымъ"; лучше было бы достигнуть той же цѣли какимъ-либо инымъ способомъ. Тогда былъ изданъ знаменитый циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ", 18 іюня 1887 г. „Озабочиваясь улучшеніемъ состава учениковъ гимназій и прогимназій", министерство извѣщало начальство округовъ, что оно нашло необходимымъ „допускать въ эти заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ для учебныхъ занятій удобства". Директора, „при поступленіи къ нимъ прошеній о пріемѣ дѣтей, должны разспрашивать просителей и наводить надлежащія справки объ условіяхъ ихъ матеріальнаго и семейнаго быта, — и затѣмъ, буде житейская обстановка ихъ не соот-

вѣтствуетъ вышеприведеннымъ условіямъ,—рѣшительно отклонять прошенія, указывая на учебныя заведенія съ менѣе продолжительнымъ и *болѣе соотвѣтствующимъ ихъ средѣ* курсомъ"; „сверхъ того, если бы между принятыми уже учениками впослѣдствіи оказались такіе, которые вслѣдствіе домашней обстановки своихъ родителей или родственниковъ оказываютъ дурное вліяніе на своихъ товарищей, то такихъ слѣдуетъ увольнять изъ гимназій и прогимназій, не стѣсняясь двухлѣтнимъ срокомъ, указаннымъ въ § 34 Устава („увольняются изъ заведенія ученики, пробывшіе 2 года въ одномъ классѣ"), или формальными правилами о взысканіяхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляромъ вводилось повышеніе платы за ученіе до 40 рублей въ годъ. Все это дѣлалось съ очень опредѣленной цѣлью. „Такимъ образомъ",—говорилось въ циркулярѣ,—„при неуклонномъ соблюденіи этого правила" (о недопущеніи), „гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ, и чрезъ то, какъ показываетъ многолѣтній опытъ, приводить ихъ къ пренебреженію своихъ родителей, къ недовольству своимъ бытомъ, къ озлобленію противъ существующаго и неизбѣжнаго, по самой природѣ вещей, неравенства имущественныхъ положеній".

Такъ въ 1887 году воскресла въ нашей школѣ сословная традиція Николаевской эпохи, воскресла вся, со всею своею аргументаціей. Къ началу 90-хъ годовъ сказались уже плоды этихъ мѣръ. Въ гимназіяхъ число учащихся изъ сельскихъ и городскихъ сословій убавилось больше, чѣмъ на 10%.

Вслѣдъ за сословнымъ началомъ, было введено въ школу и вѣроисповѣдное различіе. 10 іюля того же года введена процентная норма для учениковъ - евреевъ. „Въ видахъ болѣе нормальнаго отношенія числа учениковъ - евреевъ къ количеству учениковъ христіанскихъ исповѣданій", — говорится въ министерскомъ циркулярѣ, — „признано нужнымъ ограничить число учениковъ изъ дѣтей евреевъ: въ мѣстностяхъ, входящихъ въ черту постоянной осѣдлости ихъ, 10%, а въ другихъ мѣстностяхъ, внѣ этой черты, 5%, и въ Петербургѣ и Москвѣ 3% всѣхъ учениковъ".

Самое количество учебныхъ заведеній приводило правительство въ смущеніе. Въ 1885 г. департаментъ государственной экономіи государственнаго совѣта обратилъ вниманіе министерства народнаго просвѣщенія на то, что за послѣднее время „незамѣтно выросли полныя гимназіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существованіе ихъ едва ли можетъ быть оправдано соотвѣтствующимъ распространеніемъ низшихъ училищъ". Случилось это такъ потому, что правительство, „уступая настойчивымъ просьбамъ мѣстныхъ учителей, соглашается—сначала на скромное, повидимому, ихъ желаніе—имѣть 4-классную прогимназію; затѣмъ бываетъ трудно отказать въ преобразованіи ея изъ 4-классной въ 6-классный составъ, потомъ наступаетъ и необхо-

Николай Николаевичъ Бекетовъ.

Съ фотографическаго портрета.
(Съ любезнаго разрѣшенія Н. Н. Бекетова въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

14

димость прибавить къ 6 первымъ классамъ два послѣднихъ". Мѣстныя ходатайства въ этомъ направленіи „нерѣдко подкрѣпляются матеріальными пожертвованіями"; и хотя министерство оцѣниваетъ ихъ „внимательно", даетъ имъ движеніе „постепенно" и отдаетъ предпочтеніе лишь нѣкоторымъ, того особенно „заслуживающимъ",—но слѣдуетъ оцѣнивать ихъ еще внимательнѣе и удовлетворять еще постепеннѣе. А то у насъ „во всѣхъ слояхъ населенія замѣчается стремленіе давать дѣтямъ высшее образованіе, нерѣдко не соображаясь съ имѣющимся для того достаткомъ". Одни такимъ образомъ „отрѣшаются отъ среды, изъ которой вышли"; другіе, неудачники, не могутъ кончить средней школы — и „обманутые въ своихъ надеждахъ, впадаютъ потомъ въ нужду и увеличиваютъ собой число недовольныхъ". На этомъ основаніи, чтобы показать примѣръ министерству, департаментъ экономіи отказалъ въ учрежденіи четырехклассныхъ прогимназій въ двухъ городахъ, которые о томъ просили.

Въ 1887 г. нѣсколько гимназій и прогимназій было обращено въ реальныя и промышленныя училища, „по назрѣвшей въ нихъ неотложной потребности". Самъ офиціальный историкъ вѣдомства ставитъ это въ связь съ тѣми мѣрами, коими ограничивался доступъ въ гимназію низшимъ классамъ: министерство предпочитало совсѣмъ закрывать гимназіи, чѣмъ допускать въ нихъ „кухаркиныхъ дѣтей".

По другимъ мотивамъ закрывались школы на окраинѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Здѣсь это были жертвы обрусительной политики. Въ томъ же 1887 г. было предписано во всѣхъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ края ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Три нѣмецкихъ гимназіи, въ Биркенруэ, Феллинѣ и Гольдингенѣ, содержимыя на дворянскій счетъ, отказались этому подчиниться, и черезъ 2 года были закрыты за такое уклоненіе отъ исполненія высочайшей воли.

Къ концу деляновскаго управленія министерствомъ, хотя число мужскихъ и женскихъ гимназій и выросло (съ 140 до 177), но это произошло главнымъ образомъ путемъ превращенія въ гимназіи прогимназій (ихъ число упало съ 84 до 58). Общее же количество гимназій и прогимназій увеличилось только на 12 (съ 224 до 236). Число учащихся въ нихъ понизилось на 3 тысячи (съ 65 тысячъ до 62).

2.

„Въ 1885 г. между духовнымъ вѣдомствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія возникла переписка объ увеличеніи числа уроковъ по закону Божію въ старшихъ 3 классахъ гимназій. Необходимость увеличить число часовъ по закону Божію, безъ обремененія для учащихся, вызывала соотвѣтственное сокращеніе числа уроковъ по другимъ предметамъ". Этимъ объясняетъ офиціальный историкъ министерства пересмотръ учебныхъ плановъ, произведенный въ 1890 году.

Это былъ довольно радикальный пересмотръ. На этотъ разъ перемѣны были допущены несравненно большія, чѣмъ въ 1877 г. Главное измѣненіе произведено въ планѣ древнихъ язы-

ковъ: выдвинуто впередъ чтеніе древнихъ авторовъ; грамматика оттѣснена назадъ. „Обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть направлено къ тому, чтобы пріучить учениковъ къ осмысленному чтенію древнихъ авторовъ и точному переводу ихъ на вполнѣ правильный и литературный русскій языкъ". Грамматическій матеріалъ былъ поэтому сокращенъ. Все единичное или случайное, всякія рѣдкія исключенія или мелкія подробности совершенно устранены. Съ VI класса—никакой грамматики, только чтеніе авторовъ, при чемъ слѣдуетъ—„какъ можно меньше отвлекать вниманіе грамматическими объясненіями". Сообразно съ этимъ письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій выдвигаются впередъ, въ ущербъ переводамъ съ русскаго на древніе языки. Самое число часовъ, отводившихся древнимъ языкамъ, сокращено — для латинскаго съ 49 до 42, для греческаго съ 36 до 33. Такъ была пробита первая брешь въ стройномъ зданіи грамматическаго толстовскаго классицизма. Министерство прямо заявляло, что подвергаетъ этимъ всю классическую систему „нѣкоторому риску", и что дальнѣйшее сокращеніе часовъ—грозило бы ей уже паденіемъ.

Но, ослабивъ свою энергію въ одномъ пунктѣ, министерство сильнѣе натянуло вожжи въ другихъ пунктахъ. Особенно это отразилось на программахъ закона Божія и русскаго языка и словесности; программы эти были составлены совсѣмъ заново; здѣсь сосредоточены новыя охранительныя силы. Программа, утвержденная синодомъ, наполнила курсъ закона Божія чтеніемъ св. писанія, псалмовъ и паремій, притомъ на церковно-славянскомъ языкѣ, чтобы поставить учащихся „подъ непосредственное дѣйствіе слова Божія". Молитвы должны были изучаться практически, черезъ ежедневное чтеніе ихъ дома, и законоучителямъ вмѣнялось въ обязанность отъ времени до времени провѣрять, „исполняется ли *дома* учащимися молитвенное правило". Всѣ уроки по священной исторіи ветхаго завѣта—„должна проникать мысль о грѣховной растлѣнности человѣка". Эта же мысль должна настойчиво проводиться и при изученіи нравственнаго ученія Христова. Такова должна быть постановка закона Божія, этого „главнаго и первенствующаго предмета среди другихъ предметовъ школы".

Что касается русскаго языка и словесности, то ихъ преподаваніе „должно имѣть цѣлью научить выражаться и писать на своемъ отечественномъ языкѣ правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи. Согласно сему и основная мысль учебнаго плана состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать *литературный языкъ* главнымъ средоточіемъ, къ которому должны быть направлены не только грамматическія, но и всѣ другія теоретическія и литературныя свѣдѣнія, извлекаемыя изъ разбора указанныхъ программою произведеній". Вся программа перестроена примѣнительно къ этой основной задачѣ—изученію языка. Историко-литературныя свѣдѣнія — при разборѣ литературныхъ произведеній въ старшихъ классахъ—„должны сообщаться ученикамъ въ самомъ ограниченномъ объемѣ, и притомъ въ возможно краткой формѣ, и ни въ какомъ слу-

чаѣ не должны быть подробнѣе тѣхъ, которыя находятся въ учебникѣ Галахова“. Учебные планы 1872 и 1877 годовъ требовали отъ учителя, чтобы онъ старался связать эти отрывочныя свѣдѣнія въ общій, хотя и краткій, обзоръ; учебные планы 1890 г. категорически это запрещаютъ. „При этомъ нѣтъ никакой надобности“, говорятъ они, чтобы учитель „старался связывать отдѣльные историко-литературные факты, сообщаемые ученикамъ,—потому что придуманная имъ ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени“. Предусмотрѣно, наконецъ, и то, чтобы произведенія сатирическія „отнюдь не дѣлались предметомъ сочиненій“; для этой цѣли должны служить произведенія писателей лишь „съ направленіемъ положительнымъ“.

Другихъ предметовъ пересмотръ коснулся мало. По исторіи систематическій курсъ начинается годомъ раньше, въ IV классѣ, а III классъ отведенъ всецѣло эпизодическому курсу русской исторіи. Естествовѣдѣніе на этотъ разъ совсѣмъ исключено изъ программы.

Составляя новые учебные планы, министерство имѣло въ виду не облегчить, а улучшить гимназическое преподаваніе. „Не объ упраздненіи серьезнаго ученія, не о всемѣрномъ облегченіи доступа въ университетъ, не о размноженіи плохо подготовленныхъ студентовъ должно“, по его словамъ, „заботиться правительство, а о возможно большемъ возвышеніи уровня ихъ умственнаго развитія и научнаго образованія“. Одновременно съ введеніемъ новыхъ плановъ, министерство увеличивало лѣтнія каникулы—съ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ; но оно само при этомъ заявляло, что только узакониваетъ этимъ укоренившійся давно обычай. Да и не было никакой надобности облегчать классическую школу: „приписывать классической системѣ какое-либо переутомленіе учащихся“ не было, по словамъ министерства, „никакихъ данныхъ“. Министерство ссылалось на „величайшіе медицинскіе авторитеты“: Шарко во Франціи, Вирхова и Вестфаля въ Германіи, Захарьина въ Россіи.

3.

Созданныя при Толстомъ реальныя училища—при Сабуровѣ были вовсе забракованы. Оказалось, что „курсъ сихъ училищъ—не даетъ достаточной подготовки ни для поступленія въ высшія спеціальныя училища, ни для практической дѣятельности“; ни одна ихъ цѣль такимъ образомъ не достигалась. Министерство считало необходимымъ приступить къ пересмотру ихъ программъ и устава; была назначена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра Маркова. Но ни Сабуровъ, ни его преемникъ Николаи не успѣли довести до конца это дѣло; при Деляновѣ оно получило новый оборотъ. Въ 1886 г. министерство пришло къ выводу, что реальныя училища—„уклонились отъ своего прямого назначенія, указаннаго уставомъ 1872 г.: не давая своимъ питомцамъ надлежащей подготовки къ практической промышленной дѣятельности, они превратились въ подготовительныя школы къ полученію

высшаго техническаго образованія". Съ сожалѣніемъ констатируя этотъ фактъ, министерство проектировало ограничить ихъ низшими пятью классами, уничтожить шестой и седьмой классы, и открыть изъ нихъ доступъ не въ высшія, а въ среднія техническія училища. Государственный совѣтъ не согласился съ этимъ. Тогда министерство выработало новый проектъ; реальныя училища оставались 6-классными, но вводились въ рядъ училищъ промышленныхъ, окончательно теряя общеобразовательный характеръ. Государственный совѣтъ опрокинулъ и эти предположенія.

Въ 1888 г. получили утвержденіе два отдѣльныхъ устава—одинъ для реальныхъ училищъ, другой — для промышленныхъ (средне - техническихъ, низшихъ техническихъ и ремесленныхъ). Въ средне - техническія училища былъ открытъ доступъ окончившимъ 5-й классъ реальнаго училища; въ самомъ реальномъ—закрыты техническія отдѣленія дополнительнаго 7 класса. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1895 г., были введены новыя экзаменныя правила, затруднявшія переходъ въ общее отдѣленіе 7 класса: это отдѣленіе готовило къ высшей школѣ. Такъ различными путями тормозился доступъ къ наукѣ реалистовъ, и они отвлекались въ сторону, на поприще практической жизни.

4.

Не все въ средней школѣ было благополучно и въ деляновскую эпоху. Цѣлый рядъ фактовъ указывалъ министерству и на упадокъ школьной дисциплины и на вліяніе „преступной пропаганды". Въ 1882 г. министерство должно было констатировать, что „въ 13 гимназіяхъ, 1 прогимназіи и въ 10 реальныхъ училищахъ обнаружились на отдѣльныхъ ученикахъ болѣе или менѣе значительные слѣды пагубнаго вліянія преступной пропаганды; сверхъ того, за то же самое время въ 14 гимназіяхъ и въ 4 реальныхъ училищахъ имѣли мѣсто крупные коллективные безпорядки, или же неслыханныя и почти невѣроятныя безчинства отдѣльныхъ учениковъ". Въ то же время „изъ разныхъ мѣстностей Имперіи до министра доходятъ свѣдѣнія, что ученики вообще недостаточно строго исполняютъ правила относительно форменной одежды, наружнаго благоприличія и благопристойности и нарушаютъ правила, воспрещающія имъ посѣщеніе маскарадовъ, клубовъ, кофеенъ, трактировъ, билліардныхъ и другихъ подобныхъ заведеній, носятъ палки, тросточки и хлысты, курятъ табакъ и т. п.".

Гимназисты курятъ табакъ и внимаютъ пропагандѣ, и реалисты не отстаютъ отъ нихъ; тутъ было отъ чего прійти въ отчаяніе. Но министерство не отчаявалось, а принимало свои мѣры. Оно приглашало своихъ агентовъ „склонять родителей дѣйствовать со школой за одно, ради блага и преуспѣянія ихъ дѣтей; — въ случаѣ, если недостаточно окажется однихъ школьныхъ взысканій,—школа должна своевременно обратиться къ содѣйствію родителей, и съ ихъ согласія принимать *всѣ мѣры*, необходимыя для исправленія строптивыхъ и нерадивыхъ учениковъ". При пріемѣ новыхъ учениковъ предписывалось— „собирать точныя свѣдѣнія, есть ли

какая-либо надежда на ихъ исправленіе"; при переводѣ изъ класса въ классъ — „внимательно обсуждать, нѣтъ ли препятствій къ переводу — съ дисциплинарной и воспитательной точки зрѣнія", и „отнюдь не переводить учениковъ, не достаточно усвоившихъ курсъ предыдущаго класса". „Отнюдь не понижать дисциплинарныхъ требованій отъ учениковъ старшихъ классовъ". „Раздать всѣмъ ученикамъ особые билеты, съ обязательствомъ предъявлять ихъ полиціи и всѣмъ чинамъ министерства народнаго просвѣщенія, а чинамъ министерства народнаго просвѣщенія наблюдать внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній за учениками вообще всѣхъ учебныхъ заведеній и сообщать о нарушеніяхъ ими правилъ ихъ начальству. Мѣста же, наиболѣе посѣщаемыя публикой и учащимися, распредѣлить между помощниками классныхъ наставниковъ, и установить между ними дежурства для наблюденія и надзора за учениками", при чемъ чины полиціи должны имъ „оказывать содѣйствіе".

Таковы были мѣры, принятыя министерствомъ въ самомъ началѣ деляновской эпохи. На этомъ дѣло не остановилось.

Въ 1884 г. предписано было класснымъ наставникамъ „обратить особенное вниманіе на учениковъ, живущихъ у родственниковъ или въ особенности у знакомыхъ и на квартирахъ; каждый классный наставникъ долженъ возможно чаще посѣщать такихъ учениковъ, знать условія ихъ жизни, среду, ихъ окружающую, лицъ, которыя ихъ посѣщаютъ, слѣдить за ихъ занятіями, чтеніемъ и т. п.", вообще — „вникать во всѣ стороны ихъ жизни". „Классные наставники, директора и инспектора будутъ подлежать отвѣтственности, если во ввѣренныхъ имъ классахъ обнаружится на ученикахъ пагубное вліяніе превратныхъ идей, внушаемыхъ злонамѣренными людьми, или даже сами молодые люди примутъ участіе въ какихъ-либо преступныхъ дѣяніяхъ, и таковые поступки ихъ не будутъ своевременно обнаружены заведеніемъ".

Для такого надзора были особенно удобны общежитія и пансіоны. Пансіоны по уставу 1871 г. предназначались для учениковъ всѣхъ классовъ; но до 1883 г. пансіоны возникали туго: дворянство, „поставленное въ затрудненіе крестьянской реформой", не могло отпускать на нихъ нужныя средства; въ то же время въ обществѣ „молодежь старались признавать какъ можно ранѣе самостоятельной, не нуждающейся въ надзорѣ и руководствѣ старшихъ". При 104 реальныхъ училищахъ было всего 12 пансіоновъ. Только съ 1883 г. стали снова возникать общежитія и пансіоны. Въ 1891 г. министерство особымъ циркуляромъ приглашало попечителей округовъ „побуждать начальство заведеній и ихъ почетныхъ попечителей — склонять къ устройству пансіоновъ и общежитій мѣстныя общества и земства". Общество приглашалось жертвовать деньги не на стипендіи, а на общежитія, „подчиненныя надзору учебнаго начальства".

Надзоръ за *учителями*, ослабленный нѣсколько при Сабуровѣ и при Николаи, при Деляновѣ вновь усилился. Въ 1881 г. былъ отмѣненъ циркуляръ Толстого, разрѣшавшій къ выпискѣ

въ ученическія библіотеки средней школы и въ фундаментальныя (для учителей) только книги, одобренныя министерствомъ; дозволялось выписывать всякія книги по рѣшенію педагогическаго совѣта. Въ 1883 г. циркуляръ Толстого возстановилъ Деляновъ. Попечитель округа долженъ былъ наблюдать за выпиской книгъ для учителей въ фундаментальныя библіотеки; газеты и журналы (кромѣ спеціально-научныхъ) можно было выписывать лишь съ его разрѣшенія, а педагогическія изданія — только одобренныя министерствомъ.

Тяжесть этого школьнаго режима не могла не чувствоваться и педагогами и учениками. Какъ это сказывалось на ученикахъ, показываютъ сухія статистическія цифры, собранныя за время съ начала 80-хъ годовъ. Цифры эти свидѣтельствуютъ, что за послѣднія 20 лѣтъ XIX вѣка было больше 40 покушеній на самоубійство и больше 150 дѣйствительныхъ самоубійствъ среди учащихся нашей средней школы, преимущественно 5, 6 и 7 классовъ, и что процентъ этихъ самоубійствъ среди учащихся былъ втрое и вчетверо больше процента самоубійствъ во всемъ населеніи Россіи. Главными же побудительными причинами къ этимъ покушеніямъ и самоубійствамъ — въ офиціальномъ министерскомъ органѣ—указаны, на ряду съ душевными и нервными болѣзнями,—„школьныя причины“.

3.

Женская школа толстовско-деляновской эпохи.

1.

Женскія училища 1 и 2 разряда, впервые при Толстомъ переименованныя въ гимназіи и прогимназіи, получили въ 1870 г. новый уставъ. По этому уставу имъ была положена казенная субсидія. До тѣхъ поръ они существовали исключительно на счетъ частныхъ и общественныхъ пожертвованій; но это было плохое обезпеченіе: многія изъ нихъ „держались кое-какъ только потому, что учителя въ нихъ не получали вовсе содержанія, или получали самое ничтожное“. Къ тому же, и „правительство, не содѣйствуя ничѣмъ устройству ихъ и содержанію, лишало себя возможности контроля“. Теперь вводилось казенное пособіе, но лишь въ размѣрѣ 2.000 рублей въ годъ на каждую гимназію и одной тысячи — на прогимназію, всего на сумму „не свыше 150 тысячъ рублей въ годъ“ (попечители округовъ просили минимумъ 190 тысячъ). На первый годъ министерство ограничилось даже 50 тысячами; это была $^1/_{10}$ всего бюджета женскихъ гимназій и прогимназій; остальныя $^9/_{10}$ попрежнему должны были поступать отъ земствъ, городовъ и частныхъ лицъ.

Положивъ женской школѣ эту ничтожную субсидію, министерство сразу почувствовало себя хозяиномъ положенія, и тотчасъ сократило компетенцію и попечительнаго и педагогическаго совѣта. Попечительный совѣтъ получилъ выборнаго предсѣдателя — но потерялъ почти всякое вліяніе на дѣла. Выборъ учителей и учительницъ былъ переданъ предсѣдателю педагогическаго совѣта (а

это былъ директоръ мужской гимназіи); избраніе воспитательницъ отошло къ начальницѣ; наблюденіе за умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ учащихся было признано дѣломъ одного педагогическаго совѣта,—во избѣжаніе „пререканій" между двумя совѣтами. Педагогическій совѣтъ, какъ и въ мужской гимназіи, потерялъ право распредѣленія предметовъ преподаванія и утвержденія учебныхъ руководствъ и пособій, — все это дѣлалось теперь изъ центра. Нанесенъ ущербъ и власти самой начальницы, подчиненной во всѣхъ дѣлахъ по учебной и воспитательной части предсѣдателю педагогическаго совѣта.

При проведеніи всѣхъ этихъ ограниченій въ жизнь, не обошлось безъ борьбы. Общества, дававшія деньги на женскія гимназіи, не соглашались давать ихъ на новыхъ условіяхъ; цѣлый рядъ земствъ и городскихъ думъ отказывался давать пособія, сокращалъ ихъ размѣры или прекращалъ совсѣмъ, если не будетъ сохранена прежняя компетенція попечительнаго совѣта; — такъ было въ Самарѣ, Вяткѣ, Твери и другихъ мѣстахъ. Министерство рѣшительно отклоняло всѣ подобныя ходатайства, даже и тогда, когда гимназія содержалась исключительно на земскія или городскія средства. Самарская дума жаловалась въ сенатъ, но сенатъ рѣшилъ, что земства и города должны подчиниться новому уставу, а субсидій своихъ прекращать не имѣютъ права, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 3 лѣтъ.

Къ 1880 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было всего 79 женскихъ гимназій и 164 прогимназіи. Гимназіи теперь были 7-классныя, съ 8-мъ педагогическимъ классомъ. Педагогическую подготовку женщины министерство выдвигало на первый планъ, такъ какъ „на женщинѣ, по ея вліянію на семейство, лежитъ обязанность воспитывать; отъ неисполненія этой обязанности, или отъ дурного ея исполненія, страдаютъ все общество и все государство и страдаютъ тѣмъ опаснѣе, что зло здѣсь проникаетъ повсюду и совершенно незамѣтно подтачиваетъ основы общественной и государственной жизни". Противъ этого зла, „подтачивающаго основы", и надо было вооружить женщину необходимой техникой.

Въ общемъ учебномъ курсѣ женской гимназіи сдѣланы были измѣненія—„примѣнительно къ потребностямъ *женскаго* образованія". Новый уставъ давалъ преподаванію „болѣе практическій характеръ, примѣняясь къ будущему назначенію женщины. Такимъ образомъ ариѳметика должна быть преподаваема съ приложеніемъ къ счетоводству; учителю естественной исторіи вмѣняется въ обязанность сообщать необходимыя свѣдѣнія, примѣнительно къ домашнему хозяйству и гигіенѣ".

Наложилъ на женскую школу свою печать и торжествующій въ мужской школѣ классицизмъ.

Въ 1874 г. было разрѣшено вводить въ женскихъ гимназіяхъ, въ качествѣ предметовъ необязательныхъ, древніе языки, латинскій и греческій, или одинъ латинскій. 9 гимназій тогда же воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Изъ женскихъ гимназій могли теперь выходить учительницы, знакомыя съ древними языками; это должно было облегчить родите-

лямъ подготовку ихъ сыновей къ мужской гимназіи, къ старшимъ ея классамъ (младшіе были переполнены). Той же цѣли должна была служить частная классическая гимназія Фишеръ. Эта гимназія выпускала ученицъ, не срамившихся на экзаменѣ передъ самимъ бразильскимъ императоромъ. Къ тому же, онѣ были „глубоко проникнуты", какъ заявляла ихъ начальница, „истинами христіанской вѣры и патріотическимъ чувствомъ". Катковъ думалъ даже, что такимъ ученымъ дѣвицамъ долженъ быть открытъ доступъ въ университетъ; но Толстой на этотъ разъ не согласился съ Катковымъ.

2.

Такова была реформированная Толстымъ женская гимназія. Скоро и она была признана слишкомъ высокой. Она давала образованіе, черезчуръ обширное для дѣвицы вообще, а для дѣвицы простого званія въ особенности. Въ этомъ смыслѣ высказывалась не разъ комиссія, высочайше учрежденная для разсмотрѣнія отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Въ 1877 г. комиссія эта находила нужнымъ предоставить министру народнаго просвѣщенія „возбудить въ средѣ земскихъ и городскихъ сословій мысль о пользѣ учрежденія женскихъ городскихъ училищъ съ курсомъ менѣе обширнымъ", такъ какъ „курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ довольно обширенъ и доступенъ далеко не для всѣхъ классовъ городского населенія". Въ этомъ мѣстѣ доклада комиссіи Александръ II надписалъ: „Сообразить". Въ 1878 г. комиссія подтвердила свое требованіе. При этомъ она „руководилась", по ея словамъ, „тѣмъ убѣжденіемъ, что правильное женское образованіе должно ограничиваться такими предѣлами, которые, не отклоняя ученицъ отъ главнаго ихъ назначенія, не стремились бы къ излишнему напряженію однѣхъ умственныхъ силъ въ ущербъ болѣе важнаго для общественнаго благоденствія сохраненія тѣхъ женственныхъ качествъ, которыя должны украшать скромный семейный очагъ". Александръ II надписалъ: „Весьма желательно". Еще яснѣе заговорила комиссія въ 1880 г. Она заявляла, что для дѣвицъ средняго сословія нужны училища, по курсу равныя женской прогимназіи, но „съ направленіемъ преимущественно ремесленнымъ, гдѣ бы дѣвицы обучались разнаго рода рукодѣліямъ". На эти школы и слѣдуетъ обращать „открывающіяся денежныя средства". Александръ II сдѣлалъ снова приписку: „Сообразить".

Министерство не оставалось глухо къ этимъ указаніямъ. Въ 1879 г. оно заявило, что женскихъ гимназій и прогимназій теперь достаточно, и предложило попечителямъ округовъ „на будущее время, въ случаѣ поступленія ходатайствъ объ учрежденіи новыхъ женскихъ гимназій и прогимназій, предлагать устраивать, вмѣсто этихъ заведеній, элементарныя женскія училища съ курсомъ городскихъ училищъ, и при нихъ, а иногда и отдѣльно отъ нихъ, женскія профессіональныя школы и курсы, для приготовленія къ тѣмъ профессіямъ, которыя не требуютъ ни высшаго, ни даже средняго образованія".

Походъ противъ женской школы продолжался и при Сабуровѣ. Въ 1880 г., по докладу этого министра, была учреждена комиссія для начертанія проекта устава женскихъ учебныхъ заведеній, среднихъ между гимназіей и начальной школой.

Но эту задачу не успѣлъ исполнить ни Сабуровъ, ни его первый преемникъ Николаи. Въ 1885 г. за нее взялся Деляновъ. Въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ онъ писалъ о женскихъ гимназіяхъ, что эти заведенія, дающія права на званіе учительницъ, „привлекаютъ къ себѣ и такихъ лицъ, которымъ свойственно было бы искать элементарнаго образованія"; сверхъ того, дѣвицы, по выходѣ изъ этихъ заведеній, „стремятся въ различные высшіе женскіе курсы, какъ въ Россіи, такъ и за границей; при чемъ большинство увлекается не столько научными занятіями, сколько ложнымъ стремленіемъ и желаніемъ выйти изъ своей семьи и изъ своей среды, оставить обыденныя обязанности и добиться правъ, едва ли соотвѣтствующихъ призванію женщины". Была учреждена новая комиссія кн. М. С. Волконскаго. Но выработанные ею проекты не получили утвержденія; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были открыты 4-классныя женскія училища, соотвѣтствующія городскимъ училищамъ 1872 г. Такія училища возникли въ области Войска Донского, въ губерніяхъ прибалтійскихъ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.

3.

Въ Маріискомъ вѣдомствѣ къ 1880 г. было 30 гимназій и 1 прогимназія, съ 12 тысячами учащихся. Въ одномъ Петербургѣ за первыя 25 лѣтъ гимназій (1858—1883) число учащихся поднялось съ 162 до 4.000. Доступъ въ эту школу былъ открытъ дѣвицамъ всѣхъ сословій; но Маріинское вѣдомство всегда гордилось, что учащихся изъ „низшихъ классовъ общества" въ немъ немного, всего до 11%, а крестьянскихъ дѣтей и еще меньше,—гдѣ 1%, гдѣ 0%. Большинство въ 60—70% составляли дочери дворянъ и разночинцевъ.

Съ самаго начала Маріинское вѣдомство взяло свои гимназіи на полное свое содержаніе и затратило на нихъ большія суммы. Но число учащихся быстро росло; и уже въ 1868 г., когда въ 6 женскихъ гимназіяхъ Петербурга было 1.800 учениць, — вѣдомство нашло, что для него, вѣдомства, „время тяжелыхъ жертвъ прошло"; общество само должно было отнынѣ покрывать всѣ расходы на эти гимназіи. „Въ виду значительнаго количества желающихъ поступить въ гимназіи", вѣдомство начало повышать плату за ученіе. Къ 1879 г. плата въ провинціальныхъ гимназіяхъ достигла 40 р. въ годъ, въ столицахъ—65 и 75 р.; въ 1883 г. она была 80 р. Эта мѣра имѣла, по словамъ вѣдомства, еще то достоинство, что она отвлекала отъ гимназіи „дочерей лицъ низшаго и бѣднѣйшаго слоя общества". Главный совѣтъ вѣдомства ужасно тревожился за будущее этихъ дѣвицъ; ихъ потребности, „развитыя воспитаніемъ, не могли уже удовлетворяться малыми достатками ихъ родителей"; и въ головѣ у почетныхъ опекуновъ— „невольно рождался вопросъ: чѣмъ кончатъ эти несчастныя!"

Въ 1879 г. были пересмотрѣны

программы женскихъ гимназій. Комиссія подъ предсѣдательствомъ начальника с.-петербургскихъ гимназій Осинина составила новую табель уроковъ и новыя программы, приближавшія курсъ гимназій къ институтскому курсу. Языки выдвигались снова на первый планъ: наукамъ отводился 71 часъ въ недѣлю, языкамъ 84; естествознаніе сокращалось съ 18 часовъ до 10.

И въ Маріинскую школу проникали внѣшнія вліянія. Съ разныхъ сторонъ раздавались голоса, что учителя внушаютъ воспитанницамъ — „пагубныя мысли, свойственныя нигилистическому направленію". Въ одной провинціальной гимназіи были уволены начальница и учитель исторіи за то, что ученицы стригли себѣ волосы, читали Писарева и Михайлова и выражали, на урокахъ исторіи, сочувствіе Ѳомѣ Мюнцеру. Впрочемъ, такіе случаи были исключеніемъ. Принцъ Ольденбургскій стоялъ на стражѣ, охраняя дѣвицъ отъ „лжеученій матеріализма и нигилизма", и „словесно и циркулярно обращалъ особенное вниманіе на согласное съ религіею преподаваніе естественныхъ наукъ". „Ближайшіе исполнители предначертаній Принца", заявлялъ на 25-лѣтнемъ юбилеѣ гимназій Осининъ (въ 1883 г.),—„дѣйствуя въ томъ же направленіи, употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы охранить ввѣренныя имъ заведенія отъ умственной и нравственной заразы, и, благодареніе Богу, до сей поры въ строѣ жизни женскихъ гимназій не было замѣтно никакихъ колебаній и неровностей въ этомъ отношеніи".

Организація Маріинской школы оставалась прежней. Такъ же, какъ и министерство, Маріинское вѣдомство не хотѣло допускать общества къ участію въ дѣлахъ школы. Впрочемъ, въ Саратовѣ пришлось пойти на уступку: мѣстные земство и городская дума отпускали на женскую гимназію свыше 5.000 р. въ годъ, тогда какъ вѣдомство всего 600 р. Дворянство двухъ губерній — Саратовской и Казанской — также добивалось участія въ дѣлахъ основанныхъ ими институтовъ; но принцъ Ольденбургскій не находилъ въ этомъ новшествѣ никакой пользы; господа дворяне могли быть довольны и тѣмъ, что „благодарное потомство сохраняло за институтами имена ихъ основателей".

Въ институтахъ жизнь шла попрежнему. Новыхъ институтовъ долго не открывалось; только въ 1885 г. московское дворянство постановило учредить новый институтъ, въ память дворянской жалованной грамоты Екатерины. Этотъ Ново-Екатерининскій институтъ учреждался—„на истинныхъ основахъ русскаго государственнаго быта, сознательной принадлежности къ православной церкви и глубокой преданности монархическому началу"; въ немъ должна была царить „простота отеческихъ обычаевъ и преданій".

ГЛАВА XX.

Пластическія искусства.

(В. М. Фриче).

1.

Разрывъ разночинной интеллигенціи съ Академіей.

Въ 1861 г. пало крѣпостное право. Россія вступала на путь буржуазнаго хозяйства, буржуазной культуры.

Въ переходный періодъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, когда новый классъ еще только организовался, авансцену занялъ передовой отрядъ его, очищавшій для него дорогу, — разночинная интеллигенція. На всѣхъ позиціяхъ, еще недавно занятыхъ идеологами крѣпостническаго и либеральнаго дворянства, разночинецъ водрузилъ свое протестующее знамя, знамя, отливавшее краснымъ цвѣтомъ.

Въ эту самую эпоху выступило и новое поколѣніе художниковъ.

Они шли со всѣхъ концовъ Россіи, изъ дальнихъ уголковъ и провинціальной глуши, шли сказать *свое* слово и въ области пластическаго искусства... Дѣти соціальныхъ низовъ, вскормленныя бѣдностью и презрѣніемъ, окрѣпшія среди невзгодъ и лишеній, они несли съ собой, какъ и все поколѣніе разночинцевъ, духъ отрицанія и критики, жажду борьбы.

Эта молодая поросль художниковъ воспиталась уже не на Державинѣ и Бенедиктовѣ, какъ дѣды, не на Марлинскомъ и Кукольникѣ, какъ отцы, а на новой литературѣ, на реализмѣ Гоголя и Островскаго, на критикѣ Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева, на народнической философіи Герцена и Чернышевскаго.

Это были уже не прежніе свѣтскіе люди, смотрѣвшіе на жизнь сквозь пальцы, какъ на развлеченіе или игру, — серьезные и суровые, пролетаріи по положенію, они видѣли въ ней борьбу за существованіе, служеніе идеѣ.

Они представляли полную противоположность старшему поколѣнію, поколѣнію Брюллова. Прежніе художники были мало развиты, ничего не читали, ничѣмъ не интересовались, кромѣ какъ „живописной“ стороной жизни, за немногими исключеніями (Брюлловъ, Рабусъ). Шестидесятники, напротивъ, преклонялись передъ просвѣщеніемъ. Для нихъ образованіе было „великимъ дѣломъ“, а знаніе „страшной силой“. Они вѣрили, что одна только наука способна „освѣтить нашу жизнь“ и „дать всему значеніе“ (Крамской). Инстинктивно ихъ тянуло въ университетъ (Рѣпинъ), и порой они появлялись тамъ въ качествѣ вольнослушателей (Шварцъ). Все одинаково ихъ интересовало и волновало: теорія искусства, философія, соціальные и политическіе вопросы.

На четвергахъ у Крамского кто-либо изъ присутствующихъ читалъ вслухъ лекціи Тэна объ искусствѣ,

между тѣмъ какъ остальные рисовали, а за ужиномъ, особенно въ томъ уголкѣ, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ, поднимался оживленный разговоръ о политическихъ злобахъ дня. Въ товарищеской мастерской, гдѣ работали Крамской и его единомышленники, валялось, по словамъ Рѣпина, множество книгъ серьезнаго содержанія, масса журналовъ и газетъ этого горячаго времени. По вечерамъ до поздней ночи происходили общіе „чтенія, споры и толки". „Здѣсь,—замѣчаетъ Рѣпинъ, — вырабатывалось сознаніе правъ и обязанностей художника".

Въ маленькомъ номерѣ Шварца, гдѣ „ни сѣсть ни стать" не было возможно и гдѣ тѣмъ не менѣе жилось „чудесно", всегда толпилось много горячихъ юныхъ головъ, споровшихъ о „философіи, политикѣ и исторіи". „Всѣ пути къ человѣческому знанію,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ этихъ шумныхъ вечеринокъ,— были нами тамъ протоптаны".

Прежніе художники чувствовали себя какъ дома только за границей и были, какъ *Ивановъ*, дома чужіе.

Шестидесятники, напротивъ, всѣми фибрами своего существа срослись съ родной страной и съ трудомъ дышали подъ заграничнымъ небомъ. Такъ, Перовъ скоро почувствовалъ въ Парижѣ, что теряетъ способность творить „вслѣдствіе незнанія характера и нравственной жизни народа" и умолялъ Совѣтъ Академіи разрѣшить ему вернуться на родину. Какъ Перову, шестидесятникамъ казалось полезнѣе „изучать и разработать безчисленное богатство сюжетовъ, какъ городской, такъ и сельской жизни нашего отечества", чѣмъ годы тратить на „познаніе чужой страны".

Прежніе художники падали ницъ передъ старыми мастерами, передъ великими классиками, восторгались канонизированными шедеврами, какъ послѣднимъ словомъ искусства.

Шестидесятники сплеча отрицали всякіе „авторитеты".

„Между тѣмъ, какъ въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, — писалъ Верещагинъ, — всегда интересуются прогрессомъ мысли, въ искусствахъ только и слышишь фразу: такъ дѣлали великіе мастера, такъ должны дѣлать и мы. Наука и литература, легкость сообщенія раскрыли для искусства новые горизонты и разбудили новыя потребности, а намъ все твердятъ: старые мастера, старые мастера!"

Нѣкоторые шестидесятники относились къ классическимъ художникамъ съ настоящей базаровской пренебрежительностью.

Для нихъ, какъ для Рѣпина, вѣчный Римъ, куда стремились всѣми помыслами прежніе художники, былъ просто самый обыкновенный, „мертвый и отжившій городъ". „Дѣтскимъ" и „старымъ" казалось имъ здѣсь все „съ Рафаэлемъ во главѣ", такъ что даже „смотрѣть не хотѣлось". „Какая тутъ гадость въ галлереяхъ", восклицалъ Рѣпинъ съ истинно базаровскимъ жестомъ.

Шестидесятники точно переживали какую-то инстинктивную „реакцію противъ симпатій предковъ", какъ выразился Рѣпинъ. „Какъ они презирали Россію и любили Италію, — писалъ онъ,—такъ мнѣ противна теперь Италія съ ея условной до рвоты красотой".

Всѣ они были согласны съ Рѣпинымъ, что самое ужасное для художника „быть оторваннымъ отъ родной почвы", что работать онъ долженъ на „родной нивѣ".

Въ груди этихъ художниковъ жилъ тотъ же вольнолюбивый духъ протеста, то же неуваженіе ко всему казенному и традиціонному, которые воодушевляли все поколѣніе разночинцевъ. Мысль о несвободѣ родного искусства, мысль о крѣпостномъ состояніи художника, разстроившая жизнь Иванову, стала для шестидесятниковъ прямо нестерпима. Болѣе активные и болѣе многочисленные, окруженные значительными кадрами сочувствующей и единомыслящей публики, они быстро отъ обороны перешли въ наступленіе.

„Наше искусство,—говорилъ Крамской,—пребываетъ въ рабствѣ у Академіи: наша задача — освободиться отъ этого рабства".

Таковъ былъ лозунгъ художниковъ-разночинцевъ.

Въ 60-хъ годахъ Академія уже не была единственнымъ разсадникомъ художественнаго образованія. Рядомъ съ ней стало московское Училище живописи и ваянія, гдѣ съ самаго начала господствовалъ болѣе демократическій режимъ, въ силу котораго дѣти податного и крѣпостного состоянія увольнялись отъ него, если получали званіе художника. Изъ этой школы вышли такіе видные представители новаго направленія въ живописи, какъ Перовъ, Прянишниковъ, В. Маковскій, Невревъ, Шишкинъ, Архиповъ.

Подъ вліяніемъ надвигавшейся демократизаціи жизни дрогнула и Академія.

Совершилось неслыханное дѣло.

Академія, въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія гнавшая жанровую живопись, какъ низкій родъ искусства, поспѣшила его офиціально санкціонировать: въ 1863 г. Совѣтъ постановилъ, что отнынѣ „различіе между родомъ живописи жанровой и исторической *уничтожается*". Въ томъ же постановленіи Совѣта подчеркивалось, что ученикамъ отнынѣ будутъ предлагаться уже не готовые сюжеты, а болѣе общія темы, такъ чтобы они могли ихъ разработать каждый „сообразно своимъ наклонностямъ", беря матеріалъ „откуда хотятъ", „изъ жизни ли современной или давно прошедшей".

Но и эта уступка не удовлетворила молодежи.

14 учениковъ подали въ Совѣтъ заявленіе, прося освободить ихъ отъ всякой опеки, не навязывать имъ никакихъ темъ, потому что „люди, одаренные сильной фантазіей, пропадаютъ при темѣ реальной, а реалисты при темѣ фантастической"; „люди веселые, со способностями комическими и саркастическими, гибнутъ при темѣ грустной, а люди съ меланхолическими способностями оказываются бездарными при темѣ веселой".

Подъ этимъ дерзкимъ заявленіемъ значились подписи: Крамского, Корзухина, К. Маковскаго, Журавлева, Лемоха, Петрова и др.

Такъ какъ Академія оставила заявленіе безъ вниманія, то протестанты рѣшили открыто порвать съ Академіей.

Наступило 9 января 1863 г.—день конкурса.

Конференцъ-залъ биткомъ набитъ

свѣтской и чиновной публикой. Сверкаютъ ордена и ленты. Вице-президентъ объявляетъ конкурсную тему: „Пиръ въ Вальгаллѣ“.

Когда ректоръ Бруни направляется къ группѣ учениковъ дать необходимыя разъясненія, отъ нея отдѣляется уполномоченный и заявляетъ, подходя къ столу:

— Просимъ позволенія сказать передъ Совѣтомъ нѣсколько словъ. Мы подавали два раза прошенія, но такъ какъ Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу, то мы покорнѣйше просимъ освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ.

— Всѣ? раздалось откуда-то изъ-за стола.

— Всѣ, — отвѣтилъ уполномоченный—Крамской,—и поклонившись пошелъ обратно.

И одинъ за другимъ протестанты покинули конференцъ-залъ.

Такъ кончился этотъ историческій день, о которомъ Крамской да, вѣроятно, не онъ одинъ, потомъ всю жизнь вспоминалъ, какъ о „единственно честно и хорошо прожитомъ“ съ „чистой и искренней радостью“.

Порвавъ съ Академіей, съ офиціальнымъ художественнымъ міромъ, съ казенно-барской средой, протестанты, ученики Чернышевскаго, рѣшили устроить нѣчто въ родѣ „фаланстера“ и, поселившись на общей квартирѣ, сообща принимали заказы и сообща ихъ исполняли.

Такъ возникла знаменитая „Артель свободныхъ художниковъ“.

Собственно это было небольшое общество взаимопомощи, гдѣ на первомъ планѣ стояли „заботы другъ о другѣ“.

Наиболѣе идейные изъ артельщиковъ носились, правда, съ болѣе широкими замыслами, и передъ Крамскимъ носилась даже мысль о созданіи вольной академіи (клубъ художниковъ) съ мастерскими для работы, съ собраніями членовъ для выясненія теоретическихъ вопросовъ, съ основнымъ капиталомъ для посылки учениковъ (на недолгое время) заграницу—онъ отказался отъ этой мысли, когда она въ головѣ нѣкоторыхъ горячихъ людей приняла фантастическія очертанія общества всѣхъ интеллигентскихъ профессій.

Дѣла „артели“ сначала шли блестяще, заказовъ поступало все больше, „явилось нѣкоторое довольство“, хотя „роскошь не допускалась“.

Не всѣ артельщики оказались „людьми убѣжденія“. Нашелся среди нихъ и предатель, согласившійся на предложеніе Академіи послать его за границу. Крамской возмущенный вышелъ изъ состава артели, и, лишившись своей души, она, по словамъ Рѣпина, „быстро растаяла“.

На развалинахъ артели выросло „Товарищество передвижныхъ выставокъ“.

Отнынѣ художники хотѣли сами предстать передъ публикой, какъ свободные конкуренты.

Иниціатива въ этомъ дѣлѣ приписывается обыкновенно Мясоѣдову, хотя Крамской въ 1865 г. уже устроилъ подобную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На призывъ Мясоѣдова откликнулись всѣ выдающіеся художники-демократы, и въ 1870 г. уставъ товарищества былъ подписанъ Перовымъ, Мясоѣдовымъ, Прянишниковымъ, Крамскимъ, Шишкинымъ, Якоби,

Корзухинымъ, Лемохомъ, братьями Клодтами и братьями Маковскими.

Теперь художникъ, какъ всякій производитель въ буржуазно-демократическомъ обществѣ, обращался прямо къ публикѣ, къ потребителямъ.

Это было, по словамъ Крамского, своего рода „освобожденіе крестьянъ".

Академія осталась гдѣ-то позади.

Молодежь очутилась на „той страшной свободѣ", къ которой она, по словамъ Крамского, такъ „жадно стремилась", изъ „душной курной избы" она перешла въ „свѣтлый и просторный домъ".

Свобода, о которой эти художники такъ страстно мечтали и которую они такъ жадно въ себя вдыхали, была въ значительной степени, конечно, не болѣе, какъ иллюзія.

Стряхнувъ съ себя оковы Академіи, порвавъ съ придворно-барской средой, передвижники были теперь вынуждены считаться съ требованіями рынка.

Положимъ, публика, на которую опирались эти художники, культурные слои мѣщанства и разночинная интеллигенція, чувствовала и мыслила почти такъ же, какъ и сами художники, плоть отъ плоти которой они въ сущности были: душа „героевъ" и „толпы" звучала почти въ унисонъ.

И все же, несмотря на несомнѣнное духовное родство, существовавшее между художникомъ и его публикой, зависимость отъ рынка ложилась порой довольно тяжело на его плечи.

Порой заваленный работой на заказъ, хлѣба ради насущнаго, художникъ былъ вынужденъ откладывать болѣе серьезныя вещи и такъ и не находилъ досуга окончить ихъ: такъ, Крамскому не удалось написать своей картины: „Царю Іудейскій, радуйся" (Хохотъ), хотя она и значила для него то же самое, что для Иванова „Явленіе Христа".

Порой, увлекшись погоней за рублемъ, художникъ становится прямо рыночнымъ ремесленникомъ, вѣчно повторявшимъ одну и ту же тему, подобно Айвазовскому, размѣнявшему свой большой талантъ на 2.000 почти одинаковыхъ морскихъ видовъ, оказавшихся чрезвычайно ходкимъ товаромъ.

Воспитанная на эстетикѣ Чернышевскаго, сама настроенная на оппозиціонно-народническій ладъ, публика требовала картинъ обличительныхъ, на общественныя темы и отнеслась поэтому такъ равнодушно къ этюду Перова „Дилетантъ", что онъ надолго отказался отъ такихъ безразличныхъ, „безъидейныхъ" сюжетовъ.

Ошеломленная первой картиной Куинджи, публика ждала отъ каждаго его новаго пейзажа такихъ же свѣтовыхъ эффектовъ и заставила художника косвенно превратиться въ ловкаго фокусника, пока онъ самъ, не испугавшись своей славы, не обрекъ себя на добровольное молчаніе. Когда военная среда усмотрѣла въ четырехъ картинахъ Верещагина пасквиль на русскую армію, онъ, выведенный изъ терпѣнія вѣчными придирками, собственноручно сжегъ ихъ на огнѣ камина.

Такъ предписывала публика художнику, какъ должно и какъ не должно творить.

Даже такіе крупные художники,

какъ Рѣпинъ, заходили такъ далеко, что постоянно мѣняли въ угоду мѣняющимся вкусамъ толпы и свои эстетическіе принципы, и содержаніе своихъ картинъ и даже манеру письма.

На словахъ борясь за свободу искусства, передвижники на дѣлѣ осуществляли только въ соотвѣтствіи съ новыми условіями хозяйства и жизни принципъ свободной конкуренціи—недаромъ „артель", сообща работавшая, переродилась такъ быстро въ „товарищество выставокъ". „Надобно,—писалъ Крамской,—оставить художниковъ на произволъ общества, какъ сапожниковъ и мастеровыхъ: пусть кормятся, какъ знаютъ".

Свобода конкуренціи оказалась нетождественной свободѣ творчества.

Передвижники просто промѣняли одного хозяина на другого.

Въ нарождавшемся новомъ буржуазно-демократическомъ обществѣ искусство было на первыхъ порахъ такъ же несвободно, а при его дальнѣйшемъ развитіи даже еще болѣе несвободнымъ, какъ и въ томъ старомъ придворно-барскомъ мірѣ во главѣ съ Академіей, какъ символомъ его эстетическаго вкуса, отъ котораго они съ такой юношеской гордостью отреклись въ историческій день 9 января 1863 г.

И только для наиболѣе идейныхъ изъ этихъ художниковъ, какъ для Крамского, да и то лишь послѣ того, какъ они внимательно присмотрѣлись къ положенію живописи въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ Запада, становилось яснымъ, что истинно свободное творчество станетъ возможнымъ только тогда, когда „все человѣчество догадается устроить иной порядокъ".

2.

Эстетика передвижниковъ.

Художники-разночинцы принесли съ собой и новую эстетику.

Современники и участники великаго общественнаго перелома, они сознательно отводили искусству очень скромное, второстепенное мѣсто. Они назвали бы, подобно Крамскому, художника, осмѣлившагося сказать, что „дѣло земства или тамъ правосудіе—пустяки, а вотъ искусство!!" —просто „идіотомъ". Они прекрасно знали, что въ первую голову необходимо рѣшить рядъ насущныхъ, очень прозаическихъ, но и очень большихъ вопросовъ и подобно Шварцу не очень скорбѣли, что свойственный современной интеллигенціи „аналитическій складъ ума" прямо „противоположенъ воспріятію изящнаго".

Не переоцѣнивая значенія искусства, художники-разночинцы вмѣстѣ съ тѣмъ относились къ нему, какъ и вообще ко всей жизни, очень серьезно. Глубоко скорбѣли они при видѣ того, какъ западно-европейская живопись пошла на службу къ сытой и пошлой буржуазіи. Когда Крамской посѣщалъ французскіе салоны, онъ каждый разъ возмущался наглой погоней французскихъ художниковъ за рублемъ, сквозившей въ безсодержа-

В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

тельности и безъидейности ихъ картинъ. „Каждый изъ этихъ художниковъ,—восклицалъ въ свою очередь Рѣпинъ,—выбираетъ себѣ какой-нибудь жанръ и валяетъ картины, какъ сапоги, одну, какъ другую".

Въ противоположность художникамъ эпохи официально - барскаго искусства, передвижники ни въ грошъ не ставили чины и ордена. Когда въ 1879 г. Академія назначила своимъ членомъ Верещагина, онъ поспѣшилъ отказаться отъ этой чести, находя что „чины и отличія въ искусствѣ безусловно вредны"; когда его смѣлый отказъ вызвалъ въ противоположномъ лагерѣ бурю криковъ и издѣвательствъ, то передвижники—Крамской и Якоби, Шишкинъ и Ге, Мясоѣдовъ и Клодтъ — поспѣшили печатно выразить свою солидарность съ Верещагинымъ.

Какъ все поколѣніе шестидесятниковъ, художники-разночинцы не придавали особеннаго значенія формальной красотѣ—рисунку, краскамъ, техникѣ. Какъ ихъ учитель Чернышевскій, они были убѣждены, что „художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ подобными пустяками..." Въ развитой техникѣ передвижники видѣли лучшее средство обуржуазить искусство, превратить его въ пустую забаву. Приглядываясь къ картинамъ парижскихъ салоновъ, Крамской удивлялся, какъ ничтожно количество сюжетовъ, взятыхъ изъ „дѣйствительной и некрасивой жизни", но еще болѣе его удивляло, какъ „мягко они трогаютъ наши нервы", какъ „деликатно умалчиваютъ объ извѣстныхъ вещахъ" — чувствуешь себя въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, „принцевъ крови". „Вотъ оно торжество техники!" восклицалъ негодуя Крамской.

Всѣ, даже наиболѣе крупные передвижники, были плохими „живописцами", какъ Рѣпинъ, равнодушный къ поэзіи красокъ и линій, тусклыми колористами, какъ Перовъ, краски котораго такъ сухи и безцвѣтны, небрежными рисовальщиками, какъ Суриковъ, у котораго встрѣчается такъ много погрѣшностей противъ законовъ перспективы и анатоміи, и Ге, къ великому огорченію даже такого художника—аскета, какъ Толстой, порой ударявшійся въ безсовѣстную мазню.

Для передвижниковъ, какъ и для Чернышевскаго, выше формы стояло содержаніе, потому что только „содержаніе, достойное мыслящаго человѣка, въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто оно пустая забава, чѣмъ оно дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто". Жертвуя формой для содержанія, передвижники стремились прежде всего къ тому, чтобы оно было „интересно"—поучительно и обличительно... Ихъ больше всего занимала современная жизнь, и они поэтому выдвинули на первый планъ бытовую живопись, тотъ самый жанръ, изъ-за котораго собственно они и подняли бунтъ противъ Академіи. Бытовымъ духомъ старались они пропитать и тѣ высокіе роды живописи, которые принято было трактовать въ особенно повышенномъ, торжественно-театральномъ тонѣ. „Вѣчный праздникъ историческихъ картинъ" они замѣ-

няли, какъ Верещагинъ, „вседневной жизнью“ ради „правды и простоты“, стремясь и въ религіозной живописи къ той правдѣ „типовъ и костюмовъ, которой требуютъ нынче“.

Передвижники заботились не только о реализмѣ, а также о научности при воспроизведеніи всего того, что, по выраженію Чернышевскаго, „есть интереснаго для человѣка въ жизни“. По словамъ Крамского, художникъ обязанъ творить на основаніи „обширнаго и глубокаго базиса науки“. Творенія его должны быть, какъ „великія открытія науки“. Художникъ, утверждаетъ въ свою очередь Верещагинъ, обязанъ строго соблюдать всѣ условія „мѣста, времени и освѣщенія“, всѣ „научныя данныя относительно типовъ, нравовъ и другихъ этнографическихъ подробностей“.

Какъ все поколѣніе разночинцевъ, и передвижники не хотѣли быть спокойно-пассивными созерцателями жизни, а ея активными строителями—судьями и проповѣдниками. Вслѣдъ за Чернышевскимъ, за своимъ учителемъ, они объявляли, словами Крамского, художника—„*критикомъ общественныхъ явленій*“, при чемъ, само собой понятно, основнымъ критеріемъ для него служила *народническая* вѣра.

Таковы были основныя положенія новой эстетики. Придавая мало значенія формальной красотѣ, передвижники стремились воспроизводить все интересное для критически мыслящей личности, какъ можно болѣе правдиво и точно, опираясь не только на свои личныя ощущенія, а также и на обобществленный опытъ человѣчества, на науку, и не безстрастно и спокойно, а обличая и проповѣдуя...

3.

Первый реалистъ-народникъ.

Перовъ первый блистательно выполнилъ программу новаго искусства.

Онъ былъ знаменоносцемъ народническаго реализма.

„Настроеніе Перова, — говоритъ Стасовъ,—было глубоко и серьезно. Онъ мало былъ склоненъ расплываться въ красивыхъ и сладкихъ ощущеніяхъ. Онъ былъ полонъ негодованія на то, что видѣлъ. Его до корней души волновали цѣлыя толпы русскихъ типовъ и личностей, постоянно вездѣ стоявшія около него. Его потрясали сцены и событія, около которыхъ слишкомъ многіе проходятъ, не замѣчая. Все у него было (особенно вначалѣ) строго, важно, серьезно и больно кусалось. Ни нравоучительностей, ни фельетоннаго, легкаго смѣха, иногда портившаго Ѳедотова, у него уже не было“.

Какъ и вся разночинная интеллигенція, Перовъ выступилъ въ 60-хъ годахъ, какъ обличитель.

Въ первыхъ своихъ картинахъ онъ вскрывалъ тѣ темныя силы, которыя обезличиваютъ и угнетаютъ народъ.

Это прежде всего свѣтская власть въ видѣ чиновника.

Украшенный знаками власти, съ орденами на груди и розгой въ рукахъ, съ каменнымъ сердцемъ и тупымъ лбомъ, онъ чувствуетъ себя маленькимъ царькомъ и въ родительскомъ домѣ, гдѣ всѣ передъ нимъ преклоняются—отъ старика-отца, за-

битаго дьячка, и до портного включительно, примѣряющаго ему новый фракъ (Сынъ дьячка, получившій орденъ), и въ захолустной деревнѣ, гдѣ передъ водкой и закуской онъ велитъ выдрать провинившагося мужика (Пріѣздъ станового).

Это, во-вторыхъ, власть духовная.

Вотъ священникъ говоритъ проповѣдь въ сельской церкви. Тихо храпитъ уснувшій помѣщикъ. Жена его пользуется удобнымъ случаемъ пококетничать съ провинціальнымъ франтомъ. Священникъ говоритъ о томъ, что всякая власть отъ Бога, и мужики и бабы, старъ и младъ тѣснятся къ нему послушать его рѣчь (Сельская проповѣдь), или вотъ собираются крестьяне на крестный ходъ съ хоругвями и образами: слегка пошатываясь, священникъ съ трудомъ выходитъ изъ избы цѣловальника, съ краснымъ отъ вина лицомъ, а дьяконъ не выдержалъ и грохнулся о ступеньки крыльца (Крестный ходъ).

Не лучше и черное духовенство. Вотъ сидитъ на лонѣ природы, попивая не первый ужъ самоваръ, толстый самодовольный монахъ, равнодушно взирая на безногаго нищаго-солдата съ мальчикомъ, просящаго милостыню (Чаепитіе въ Мытищахъ), или справляютъ полупьяные обитатели монастыря тризну по усопшемъ купцѣ-богачѣ, тогда какъ кучка голоднаго люда толпится у входа въ пиршественный залъ (Монастырская трапеза).

Какъ разночинецъ отъ обличенія перешелъ къ борьбѣ за угнетенныхъ и обездоленныхъ, такъ и Перовъ превратился потомъ изъ сатирика-критика, въ адвоката неимущихъ и голодныхъ.

Въ угрюмый зимній день крестьянка отвозитъ на саняхъ, за которыми слѣдуетъ одинъ только провожатый, вѣрный песъ, гробъ съ кормильцемъ мужемъ, возлѣ котораго пріютились малютки-сироты. (Проводы покойника). У бассейна толпится, дожидаясь очереди, продрогшая отъ холода городская голь (Очередная у бассейна). Выбиваясь изъ послѣднихъ силенокъ, окоченѣвъ отъ стужи, тащатъ огромный чанъ съ водой трое подростковъ, учениковъ-ремесленниковъ, всячески эксплуатируемыхъ хозяиномъ (Тройка).

Печально положеніе рабочей массы, печально и положеніе трудящейся интеллигенціи.

Нужда заставляетъ бѣднаго художника всю жизнь преподавать обезпеченнымъ шалопаямъ азбуку искусства (Учитель рисованія). Нужда заставляетъ молодую дѣвушку взять мѣсто гувернантки въ домѣ Титъ Титыча, гдѣ всѣ ее будутъ терзать, обрюзгшій хозяинъ и его сынъ, кутила и хлыщъ, приставая съ своими предложеніями, хозяйка, уже объятая глупой ревностью, и ея дочь, грубый испорченный ребенокъ (Пріѣздъ гувернантки). Сколько такихъ несчастныхъ труженицъ кончаетъ самоубійствомъ, не выдержавъ тяжелой лямки — положатъ тѣло на мостовую, а рядомъ съ нимъ посадятъ городового, который равнодушно будетъ сосать свою носогрѣйку (Утопленница).

Въ 70-хъ годахъ, въ то самое время, когда революціонный подъемъ народнической интеллигенціи достигаетъ своей высшей точки, обличи-

тельный и проповѣдническій жаръ Перова какъ-то странно понижается. Его недавно еще страстно трепетавшая отъ негодованія кисть теперь какъ-то необычайно спокойно и добродушно воспроизводитъ всякую мелочь и пошлость жизни: птицелововъ, охотниковъ на привалѣ, рыболововъ, ботаниковъ, голубятниковъ. Каждая изъ этихъ картинъ въ отдѣльности производитъ впечатлѣніе чего-то какъ-будто ненужнаго, во всякомъ случаѣ, неважнаго. Взятыя вмѣстѣ, онѣ получаютъ болѣе значительный смыслъ. Всѣ эти мирные обыватели, пустые и невѣжественные, занятые своимъ разлюбезнымъ маленькимъ дѣломъ, ничѣмъ серьезнымъ не интересующіеся и ни о чемъ великомъ не заботящіеся, эти умственные и нравственные мѣщане— прямые антиподы передовой интеллигенціи, та муть, которая осталась на поверхности, послѣ того, какъ все лучшее ушло въ подполье.

Подавленный мелочью жизни, опутанный тиной обывательщины, почему-то особенно ярко бросавшейся въ глаза Перову, хотя кругомъ было немало умнаго, и свѣтлаго и героическаго, онъ убѣгалъ въ далекое прошлое — тамъ находилъ онъ то, чего такъ тщетно искалъ въ настоящемъ — массовыя движенія народа, мятежныя чувства и бурныя вспышки.

Такъ превратился Перовъ изъ жанриста въ историка.

Онъ остался и въ этой области вѣренъ себѣ, вѣренъ своей программѣ.

Не казенную исторію со штемпелемъ Исторія Государства Россійскаго переносилъ онъ на полотно, а соціальный и религіозный мятежъ народа; — судъ Пугачева и Никиту Пустосвята, повергающаго въ прахъ представителя офиціальной церкви.

Хотя вниманіе зрителя обращается прежде всего на „героевъ", на казака-бунтаря и фанатика-раскольника, для него сразу становится ясно, что они выдвинуты сочувствующей и содѣйствующей „толпой", опираются на нее и безъ нея безсильны; что истиннымъ героемъ этихъ картинъ является именно толпа, суверенный народъ, возставшій противъ государства и церкви.

4.

Торжество быта.

Вслѣдъ за Перовымъ пошла цѣлая фаланга бытописателей-реалистовъ, поставившихъ, какъ и онъ, своей задачей „разработать безчисленное богатство сюжетовъ нашей городской и сельской жизни", при чемъ одни болѣе интересовались деревней, другіе мѣщанствомъ, третьи интеллигенціей.

1. Крестьянство.

Въ 70-хъ годахъ передовая интеллигенція двинулась въ народъ въ качествѣ пропагандистовъ-бунтарей, вслѣдъ за ней пошли въ деревню и

художники-реалисты. Господствующая дума всего поколѣнія—тяжелая доля крестьянина—была и одной изъ любимыхъ темъ новой школы живописи.

Недавній рабъ сталъ вольнымъ хлѣбопашцемъ.

Молча съ значительной дозой равнодушія и растерянности гдѣ-нибудь въ ригѣ, переполненной соломой, изъ устъ грамотнаго мальчугана, на лицо котораго падали въ это время лучи солнца, выслушали мужички таинственный актъ о волѣ (Мясоѣдовъ: Чтеніе манифеста).

Все дальше въ глубь прошлаго уходитъ крѣпостное время, подергиваясь дымкой фантастической сказки, и дѣтвора и молодежь, выростая уже при иныхъ условіяхъ, ушамъ своимъ не вѣритъ, когда бывало вечеркомъ старая бабушка примется разсказывать о тяжкой неволѣ подъ игомъ барщины (Максимовъ: Бабушкины сказки).

А тяжелое это было время.

Вотъ сидятъ въ комфортабельно обставленной комнатѣ два пріятеля-помѣщика, и одинъ предлагаетъ другому купить по сходной цѣнѣ товаръ. Передъ ними съ сознаніемъ собственнаго достоинства, несмотря на всю унизительность положенія, стоитъ, пригнанная съ деревни старостой, молодая крестьянка, мать семейства (Невревъ: Незабытое прошлое).

Хоть и сталъ мужикъ свободнымъ хлѣбопашцемъ, не легче и не лучше ему живется.

Все попрежнему виситъ надъ деревней солдатчина, отрывая пахаря отъ плуга, мужа отъ жены, сгоняя его въ душныя казармы или на поле битвы (Рѣпинъ: Проводы новобранца и Савицкій: На войну).

Все попрежнему виситъ надъ деревней тупая власть земли и неба и собираются порой мужички крестнымъ ходомъ, чтобы на изсушенную безжалостнымъ солнцемъ пашню вымолить благодатный дождь (Мясоѣдовъ: Молебствіе во время засухи).

Или вотъ пріѣхала въ село икона. Всѣ высыпали ей навстрѣчу. Лица горятъ энтузіазмомъ. Падаютъ на колѣни, истово крестятся, прикладываются къ святынѣ. Изъ коляски вываливается толстый монахъ. Одинъ изъ его служителей съ аппетитомъ нюхаетъ табакъ, другой апатично держитъ подъ мышкой жестянку для сбора подаяній. Среди толпы, умильно повергшейся ницъ, стоймя стоитъ только нѣсколько непокорныхъ и въ особенности, вѣроятно, недавно вернувшійся изъ города крестьянинъ съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ (Савицкій: Пріѣздъ иконы въ деревню). Все попрежнему душитъ деревню и тьма суевѣрія. По крестьянскимъ свадьбамъ ходятъ, ужасъ навѣвая, колдуны (Максимовъ: Приходъ колдуна на свадьбу); въ вдохновенномъ изступленіи сжигаютъ себя фанатики-сектанты (Мясоѣдовъ: Самосожигатели).

Пусть для поднятія культурнаго уровня деревни учреждено земство—господа сами по себѣ, сами по себѣ и мужики. Между тѣмъ, какъ помѣщики усаживаются въ помѣщеніи земства за обильную закуску, крестьяне разбрелись по двору и думаютъ свою тяжелую мужицкую думу (Мясоѣдовъ: Земство обѣдаетъ).

Богатые мужики спѣшатъ какъ можно скорѣе подѣлиться, чтобы начать хозяйство каждый за свой счетъ и рискъ и не останавливаются при раздѣлѣ ни передъ бранью, ни передъ обманомъ (Максимовъ: Семейный раздѣлъ). Неимущіе покидаютъ родныя поля, чтобы искать заработка въ сторонѣ, какъ рабочіе (Савицкій: Желѣзно-дорожный ремонтъ), или просто побираются по большой дорогѣ, прося Христа-ради (Творожниковъ: Нищіе).

2. Мѣщанство.

Другіе бытописатели-реалисты изображали преимущественно городской бытъ, нравы мѣщанства.

Въ этой средѣ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ является вопросъ семейный, и вотъ Пукиревъ рисуетъ „Неравный бракъ" бѣдной дѣвушки, вынужденной выйти замужъ за разваливающагося генерала съ плотоядной физіономіей; Невревъ разсказываетъ трагедію „Воспитанницы", которую помѣщичья семья выдаетъ за управляющаго, чтобы скрыть ея связь съ сыномъ, а Журавлевъ вводитъ зрителя въ комнату благообразнаго купца, къ ногамъ котораго въ свадебномъ нарядѣ бросается его дочь, чтобы „Передъ вѣнцомъ" излить передъ нимъ свое сердечное горе.

Рядомъ съ этими семейными трагедіями изъ быта третьяго сословія стоятъ картины, изображающія другіе драматическіе моменты изъ жизни горожанина—какой-нибудь отставной чиновникъ типа Мармеладова пляшетъ на потѣху московскихъ гостинодворцевъ въ дорогихъ шубахъ (Прянишниковъ: Гостиный дворъ въ Москвѣ), или умираетъ отъ чахотки молодая дѣвушка, тогда какъ въ открытое окно врываются потоки золотого свѣта и благоуханіе распустившихся цвѣтовъ (Клодтъ: Послѣдняя весна).

Порой мелькаютъ блѣдныя лица интеллигентныхъ тружениковъ,—художника, мастерскую котораго посѣщаетъ толстый купецъ, церковный староста, ничего не понимающій въ искусствѣ (Пукиревъ: Въ мастерской), или семинариста, который возвращается, весь продрогшій, въ жалкомъ пальтишкѣ съ мужичками-порожняками домой въ родную деревню (Прянишниковъ: Порожнякомъ). Проходятъ и болѣе спокойные эпизоды,—пріѣздъ богатой купчихи въ монастырскую гостиницу (Корзухина), и даже игривые сюжеты — чиновникъ, восторженно изъясняясь, сватается къ дочери портного (Петрова).

Классикомъ городского жанра былъ Вл. Маковскій.

На его картинахъ встаетъ, какъ живая, обывательская Москва, съ ея дворянками и купцами, барынями-филантропками и юркими адвокатами, батюшками, дающими совѣты, какъ лѣчить зубы, и юношами, заразившимися нехорошей болѣзнью, стряпчими, за бутылкой вина распутывающими самые сложные юридическіе вопросы, и чиновниками, приходящими за пенсіей, съ ея банками, разоряющими мелкихъ вкладчиковъ, и тюрьмами, у воротъ которыхъ толпятся родственники заключенныхъ.

И всю эту мелочь и тину Маковскій изображалъ, не волнуясь и не смущаясь, sine ira et studio—словно все обстоитъ благополучно, все такъ и быть должно.

Въ своей первой картинѣ „Осужденный“ Маковскій не убоялся рѣзкаго диссонанса—этотъ крестьянинъ, судьбой заброшенный въ городъ и потомъ очутившійся на скамьѣ подсудимыхъ, какъ чужой, проходящій мимо стариковъ-родителей, явившихся изъ деревни проститься съ несчастнымъ сыномъ, былъ несомнѣнно глубоко интересной и глубоко трагической фигурой—жертвой соціальнаго перелома. Недаромъ Стасовъ привѣтствовалъ эту картину, какъ вещь, которая такъ „сильно копнула современную жизнь, что навѣрное принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ произведеній русскаго искусства“.

Маковскій не былъ художникомъ-трагикомъ.

Мрачное впечатлѣніе отъ своей первой картины онъ поспѣшилъ затушевать изображеніемъ аналогичнаго сюжета, но съ примиряющимъ финаломъ, заставляя судъ оправдать молодую женщину, которая на глазахъ восхищенныхъ родителей прижимаетъ къ сердцу, полная восторга, свое дитя. Избѣгая трагическихъ темъ, Маковскій и какъ обличитель отличался большимъ благодушіемъ. Его соціальный протестъ не шелъ дальше такихъ невинныхъ истинъ, что „филантропія есть зло“, а „судъ можетъ и ошибаться“. Какъ человѣкъ, Маковскій стоялъ немногимъ выше той самой обывательщины, которую такъ усердно воспроизводилъ, какъ художникъ.

Критика, вышедшая изъ нѣдръ 60-хъ годовъ, напоенная ихъ духомъ, была о Маковскомъ высокаго мнѣнія. Стасовъ величалъ его, какъ одного изъ „лучшихъ и капитальнѣйшихъ русскихъ художниковъ“. Былъ онъ долгое время и любимцемъ большой публики, открывавшей въ его картинахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, больше соціальнаго протеста, чѣмъ онъ самъ въ нихъ вкладывалъ.

Художественная критика конца XIX в., вообще враждебная передвижникамъ, отнеслась особенно сурово къ Маковскому, нападая на страницахъ „Міра искусства“ на его „мелкую и ничтожную“ живопись и квалифицируя его въ „Исторіи живописи“ Бенуа, какъ „декадента“ реалистическаго направленства, „бойко и складно, хотя казенно и холодно“ разыгрывавшаго „сцены изъ Александрійки“.

3. Интеллигенція.

Время, когда творили „передвижники“, было золотымъ вѣкомъ интеллигенціи народническаго толка. Критически-мыслящая личность стояла во главѣ общества, какъ его учитель и вождь. Исполненная творческихъ замысловъ и героическаго самоотверженія, она готова была все отдать и всѣмъ пожертвовать для освобожденія „трудящихся классовъ“.

Въ богатой картинной галлереѣ передвижниковъ то и дѣло мелькаютъ фигуры студентовъ и курсистокъ бѣдно одѣтыхъ, немного сумрачныхъ, немного какъ бы одинокихъ, съ умными и энергическими лицами, знающихъ, что дѣлать и куда итти. (Рисунокъ Перова: Разговоръ двухъ студентовъ съ монахомъ; портреты Ярошенки).

Жизнь передового интеллигента, революціонера-народника, вся проходитъ въ борьбѣ съ милліонами препятствій... Каждый день приходится дрожать за свою безопасность. Все

тревожнѣе становятся призраки чего-то неладнаго. Волей-неволей приходится очищать квартиру. Весь полъ засыпанъ бумагами и брошюрами. Куда все это упрятать? (Калиниченко: Передъ обыскомъ).

И вотъ они приходятъ—жандармы, шпики и понятые.

Всѣ улики налицо. Изъ сосѣдней комнаты сыщикъ торжествуя выноситъ какіе-то документы. Приходится сдаться. И молодой человѣкъ въ крестьянскомъ костюмѣ отдается въ руки жандармовъ (Рѣпинъ: Арестъ).

Его перевозятъ въ одиночное заключеніе. Тѣсно и скучно. Вотъ онъ подставляетъ столъ къ окну, влѣзаетъ и смотритъ уныло въ рѣшетчатое окно—тамъ гуляетъ вѣтеръ на вольной волѣ, сверкаетъ солнце, тамъ товарищи безъ него продолжаютъ начатое дѣло (Ярошенко: Заключенный).

Не одинакова судьба заключенныхъ. Одни пойдутъ на висѣлицу. На разсвѣтѣ откроется дверь, и войдетъ священникъ съ распятіемъ въ рукѣ и казенной добротой на лицѣ. Сверху внизъ посмотритъ на него заключенный и отвергнетъ и исповѣдь и причастіе (Рѣпинъ: Передъ исповѣдью).

Другихъ отправятъ на поселеніе. Ѣхать придется вмѣстѣ съ уголовными. Спокойно, точно ничего не произошло, бросаютъ они кормъ голубямъ. Политическій станетъ у противоположнаго окна и броситъ прощальный взглядъ на городъ, гдѣ такъ недолго онъ боролся за свои идеалы (Ярошенко: Всюду жизнь).

Безконечно тянется этапъ. Надломленный организмъ не выдерживаетъ. Въ сѣрый дождливый день, среди отбросовъ общества, подъ равнодушнымъ взоромъ жандарма умираетъ одинокій интеллигентъ (Якоби: Привалъ арестантовъ).

Другіе благополучно прибываютъ туда, гдѣ царитъ вѣчный мракъ. Въ холодной юртѣ сидитъ ссыльно-политическій, окруженный бумагами и книгами, единственный мыслящій человѣкъ въ этомъ мертвомъ мірѣ, а въ отворяющуюся дверь входитъ его хозяинъ, дикій алеутъ въ варварскомъ костюмѣ — олицетвореніе той „толпы", которую онъ, интеллигентъ-„герой", хотѣлъ просвѣтить и поднять (Песковъ: Ссыльно-поселенецъ).

Но вотъ срокъ ссылки кончается. Изможденный и разбитый, возвращается онъ изъ ссылки въ родной домъ. Недоумѣвая пропускаетъ его прислуга, братъ и сестры смотрятъ на него и съ радостью и страхомъ, полная укора и скорби поднимается къ нему навстрѣчу мать-старуха. Что ты съ нами и съ собой сдѣлалъ? говорятъ ея печальные глаза. Теперь я снова вашъ—точно отвѣчаетъ онъ ей—для революціи я все равно погибъ (Рѣпинъ: Не ждали).

А кругомъ нарождаются новыя поколѣнія. На смѣну павшимъ идутъ свѣжіе бойцы. Время ставитъ все новыя задачи. Приходится мѣнять и программу и тактику. Единая рать раскалывается на враждебныя фракціи, даже противоположныя партіи. Землевольцевъ вытѣсняютъ народовольцы. Въ центрѣ вниманія становится политическій вопросъ. Молодая дѣвушка съ некрасивымъ лицомъ только что произнесла страстную рѣчь въ защиту новой тактики. Ея

противникъ прижатъ къ стѣнѣ. Старики пріуныли и сидятъ въ тѣни. Яркій свѣтъ лампы падаетъ на молодежь, апплодирующую ораторшѣ. Ближайшее будущее за ними! (Маковскій: Вечеринка).

5.

Противники и сторонники бытового реализма.

Успѣхъ, который передвижники имѣли у публики, смутилъ Академію.

Выбитая изъ своей господствующей позиціи, она поспѣшила взять подъ свое покровительство, несмотря на явную непослѣдовательность, тотъ самый жанръ, который она такъ упорно гнала до сихъ поръ.

Сама Академія посылаетъ Перова за границу и, ходатайствуя впослѣдствіи передъ верховной властью о продленіи ему пенсіонерскаго содержанія, мотивируетъ свою просьбу тѣмъ, что одна изъ его вещей (Тройка) „заслужила вниманіе даже иностранцевъ", а на выставкѣ 1867 г. появилось нѣсколько его картинъ (Учитель рисованія, Утопленница), за которыя онъ „по всей справедливости заслуживаетъ право на особое поощреніе".

Академія безъ колебанія награждаетъ первыя произведенія Перова медалями и даетъ ему за „Птицелововъ" чинъ профессора.

Съ большимъ вниманіемъ отнеслись академики и къ другимъ передвижникамъ.

„Я не могу забыть,—разсказываетъ Киселевъ, — какъ Бруни, Басинъ и Марковъ на моихъ глазахъ громко восхищались свѣжей струей реализма въ картинѣ Пукирева „Неравный бракъ".

Академія скоро снова повернула вправо.

Въ ея отчетѣ за 1873—1875 годы подчеркнуто, что она всегда считала и впредь будетъ считать своей „неотъемлемой принадлежностью", своей „собственностью" традиціи „классической школы".

Всполошилась и консервативная критика.

Обозрѣвая выставку 1862 г., Микѣшинъ разряжался негодованіемъ при видѣ всѣхъ этихъ картинъ, „со всѣмъ жаромъ выхваченныхъ изъ живой дѣйствительности", при чемъ такъ, что „оскорбляется нравственное чувство посѣтителей". „Страшно за искусство, — восклицалъ критикъ,—когда нравственная тина и подонки будничной жизни во всей ихъ отвратительности лелѣются новѣйшимъ поколѣніемъ художниковъ". Микѣшинъ объяснялъ успѣхъ новаго искусства, какъ нѣсколько раньше проф. Леонтьевъ успѣхъ Ѳедотова, „необразованностью" и „невѣжествомъ" публики, для которой подобное содержаніе картинъ несравненно знакомѣе и занимательнѣе Иліады, Одиссеи и исторіи.

Съ тоской вспоминала консервативная критика того самаго Ѳедотова, котораго она раньше не желала признавать, потому что у него все же была и нравственная „идея" и „юморъ, иногда поднимавшійся до драматизма", а современные художники, по словамъ „Иллюстрированной Газеты" (1865), воображаютъ, что „достаточно изобразить старуху, пьянаго мужика,

дѣвушку у окна или своихъ собратьевъ въ разныхъ невыразимыхъ позахъ и костюмахъ, чтобы вышелъ—жанръ".

Другіе критики, напримѣръ, Дмитріевъ („Биржевыя Вѣдомости" 1865 г.), обвиняли новыхъ художниковъ въ „недостаткѣ вкуса, образованія, даже просто воспитанія", почему они и выводятъ порокъ въ томъ „открытомъ, нагломъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ дѣйствительности", такъ что ихъ картины „вовсе не смѣшны, а просто возмутительны". У старыхъ голландцевъ, доказывалъ въ свою очередь Сѣровъ (будущій композиторъ), были при всей „грязноватости содержанія" все же „добродушіе и веселость",—„элементы поэтическіе", тогда какъ реально-бытовая русская живопись послѣднихъ лѣтъ не болѣе, какъ „бичеваніе" и „врачеваніе". А если подобная „тяжкая антипоэтичность" будетъ и впредь „преуспѣять", то, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется закрыть всѣ „музеи и академіи", какъ „неподходящія и безполезныя" учрежденія. Другихъ критиковъ, какъ Рамазанова, коробило отъ гражданской „тенденціи" новаго искусства, отъ его „полицейскаго характера", въ силу котораго художники, подобно „сыщикамъ", стараются обнаружить передъ обществомъ „скандальныя, возмущающія душу" сцены. „Не лучше ли,—брюзжалъ старикъ,—художнику трудиться во имя чистаго искусства, покинувъ ложный путь тенденціи, пряныхъ сюжетовъ и вымученныхъ эффектовъ".

Всѣ эти ревнители „добраго прошлаго", временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма — были всѣ до одного согласны съ критикомъ „Голоса" (1865 г.), что все новое искусство—ничего не стоящая „дребедень", безнадежный „упадокъ", о которомъ даже не стоитъ давать публикѣ отчета.

Молодые художники нашли не только хулителей.

На ихъ защиту сталъ такой критикъ, какъ Стасовъ, очистившій своимъ походомъ противъ академизма и брюловщины путь-дорогу имъ, по словамъ Рѣпина, „еще слабымъ, еще оперяющимся", воодушевлявшій ихъ, какъ сказано въ поднесенномъ ему въ день 40-лѣтняго юбилея адресѣ, своимъ „всегда горячимъ словомъ" къ „правдѣ, добру и красотѣ".

„Не маловажно и не ничтожно то искусство,—писалъ Стасовъ въ одной изъ своихъ статей, — которое рисуетъ жизнь, одну только жизнь и чуждается всего остальнаго. Не скудны и не низменны тѣ задачи, куда художникъ вложилъ свой крикъ душевный, свое негодованіе или свою радость, свою мрачную думу или свой отрадный просвѣтъ... Для того, чтобы понять, почувствовать и передать моменты изъ будничной жизни любого Митюхи или любой Дуньки, любого писца или кухарки, чиновника или лавочника, „батюшки" или „матушки", но только такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ живутъ и бьются, наивно или грубо, красиво или безобразно, на это, навѣрное, надо гораздо больше жалости, свѣтлаго ума, развитой мысли и глубины чувства, чѣмъ на воспроизведеніе выспренних, чуждыхъ, невиданныхъ и непонятныхъ художнику великихъ людей и праздничныхъ въ торжественной и фальшивой иллюминаціи великихъ событій".

Передвижники нашли не только талантливаго и убѣжденнаго критика въ лицѣ Стасова, а также умнаго и щедраго мецената въ лицѣ П. М. Третьякова. Въ своей единственной въ своемъ родѣ галлереѣ этотъ терпѣливый собиратель картинъ всѣхъ направленій и эпохъ въ исторіи русской живописи отвелъ наиболѣе видное, наиболѣе почетное мѣсто произведеніямъ своихъ друзей-реалистовъ 60-хъ годовъ. Скромный и тороватый, тонкій цѣнитель и глубокій знатокъ, этотъ богатый купецъ крѣпко и навсегда связалъ свое мѣщанское имя съ искусствомъ родственныхъ ему по духу художниковъ-разночинцевъ.

6.

Реализмъ въ религіозной живописи.

Передвижники поспѣшили отвоевать у Академіи и тѣ „высокіе" роды живописи, которые она съ самаго начала провозгласила своей „собственностью", своей „неотъемлемой принадлежностью".

То, что Перовъ совершилъ въ области спеціально бытового жанра, Крамской сдѣлалъ въ сферѣ религіозныхъ сюжетовъ.

Подъ его кистью и религіозная живопись становится „жанромъ".

Передъ умственнымъ взоромъ Крамского, какъ и его учителя Иванова, всю жизнь, какъ галлюцинація, неотвязно и осязательно стоялъ образъ Христа.

Однажды онъ увидѣлъ передъ собой фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Каждый разъ, когда онъ, закрывая глаза, всматривался въ этого человѣка, онъ находилъ его въ томъ же самомъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце еще было передъ нимъ, усталый и измученный. Онъ не замѣтилъ, какъ спустилась ночь и снова забрезжила заря.

„Мнѣ стало ясно,—разсказываетъ Крамской,—что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантомъ покорить себѣ весь міръ, рѣшается не сдѣлать того, куда влекутъ его животныя наклонности".

Облекшись въ плоть и краски, это видѣніе стало „Христомъ въ пустынѣ".

Ничто въ позѣ и лицѣ этого одинокаго мыслителя, стоящаго на перепутьѣ, не напоминало традиціоннаго классическаго Спасителя. „Христосъ ли это?" — съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя самъ Крамской и долженъ былъ сознаться, что въ дѣйствительности онъ просто воплотилъ идею той „страшной драмы", которая всегда разыгрывается въ душѣ сознательной личности, въ душѣ интеллигента „во время историческихъ кризисовъ".

„Христосъ въ пустынѣ" не болѣе, какъ передовой человѣкъ эпохи, стоящій на перепутьи между личнымъ и общественнымъ благомъ.

И онъ готовъ принять вѣнецъ страданія.

„На дворѣ преторіи Пилата толпятся солдаты, — такъ передаетъ

Крамской содержаніе задуманной, но не выполненной картины „Царю іудейскій, радуйся“ (Хохотъ). Какъ убить время? Вдругъ — геніальная мысль. Онъ назвалъ себя царемъ, такъ надо нарядить его шутомъ гороховымъ. Чудесно! Все готово, и господамъ докладываютъ. Все высыпало на крыльцо, на дворъ и все, что есть, покатывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая; тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, а на низменныхъ ступеняхъ развитія—гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ, какъ полотно, прямъ и спокоенъ, и только кровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ.

Какъ Крамской, и Ге жилъ мысленно на „берегахъ цвѣтущихъ Іордана“.

Уже его первая картина на религіозный сюжетъ „Тайная вечеря“, кое-гдѣ еще хранящая слѣды академической рутины, была проникнута несомнѣннымъ реализмомъ, въ особенности въ трактовкѣ Іуды, представленнаго не въ видѣ традиціоннаго измѣнника, продавшаго Христа изъ жадности за 30 серебренниковъ, а въ видѣ носителя іудейскаго міросозерцанія, прямо противоположнаго міровоззрѣнію галилейскому, не какъ театральный извергъ, а какъ „хорошій ученикъ Христа“, который только не былъ способенъ его понять, потому что вообще „матеріалисты не понимаютъ идеалистовъ“.

Если на этой первой картинѣ Ге Христосъ еще нѣсколько напоминаетъ академическаго Спасителя, хотя и списанъ отчасти съ портрета Герцена, отчасти съ одного знакомаго, то на послѣдующихъ его полотнахъ Христосъ уже преображается, отчасти подъ вліяніемъ Ренана, отчасти въ духѣ Толстого, въ моралиста-философа, проповѣдующаго, что „царствіе Божіе внутри насъ“, въ упрямаго юродиваго—нищаго, почти въ идеолога іудейско-римскаго люмпенпролетаріата, безобразнаго, съ колючимъ взглядомъ и нѣсколько узковатымъ лбомъ. Такимъ фанатикомъ-бродягой стоитъ онъ передъ упитаннымъ римскимъ эпикурейцемъ и скептикомъ Пилатомъ, съ самодовольной ироніей свѣтскаго гурмана, вопрошающаго: „Что есть истина?“, такимъ онъ принимаетъ, окутанный мракомъ, плевки и издѣвательства „Синедріона“, офиціальныхъ представителей церкви, идущихъ при свѣтѣ факеловъ, подъ звуки арфъ и цымбаловъ славословить Всевышняго Царя, такимъ умираетъ онъ въ жаркій лѣтній день среди воздуха, накаленнаго добѣла, рядомъ съ рабомъ, какъ и онъ, стоймя пригвожденнымъ къ „Распятію“ и съ отчаяннымъ воплемъ встрѣчающимъ смерть того, въ кого онъ увѣровалъ, какъ учителя и вождя.

Къ Крамскому и Ге примыкаетъ до извѣстной степени и Полѣновъ, хотя многія стороны его творчества—безразличіе сюжетовъ и заботы о колоритѣ — роднятъ его съ новѣйшей школой модернистовъ. Въ своихъ нѣсколько прилизанныхъ яркихъ праздничныхъ картинахъ „Христосъ среди учителей“, „На Генисаретскомъ озерѣ“ и „Христосъ и грѣшница“, Полѣновъ нарисовалъ рядъ идиллическихъ эпизодовъ изъ жизни назаретскаго плотника Іисуса на основаніи

тщательно изученнаго и имъ же самимъ дополненнаго археологическаго матеріала.

Успѣхъ Крамского и въ особенности Ге ошеломилъ Академію, и она поспѣшила взять подъ свое покровительство религіозный жанръ, какъ она временно взяла подъ свое покровительство жанръ бытовой. Она пріобрѣтаетъ для своего музея „Тайную Вечерю", какъ произведеніе, „явившееся первой попыткой *реально* трактовать религіозные сюжеты съ примѣненіемъ эффектовъ *бытовой* живописи". Критика была послѣдовательнѣе Академіи—она отвергла эти картины, какъ величайшую не только религіозную, но и эстетическую ересь. „Тайная Вечеря" была въ ея глазахъ не картиной, а просто „жанромъ" („Вѣсть"), изображеніемъ самой обыкновенной „открытой вечеринки" („Московскія Вѣдомости"). „Низводить религіозный сюжетъ до степени жанра,—писалъ критикъ „Современной лѣтописи",—дѣло черезчуръ смѣлое". Въ Христѣ Крамского эти люди не находили ничего „возвышеннаго" и „идеальнаго" („Отечественныя Записки" 1873 г.), а художнику Ледакову онъ представлялся прямотаки „оборванцемъ-жидомъ", тоскующимъ, что рано или поздно ему придется „за контрабанду попасть въ руки правосудія". Успѣхъ Крамского и Ге эти сторонники рутины и традиціи объясняли тѣмъ, что художники „сумѣли ловко угодить ходячимъ современнымъ идеямъ и вкусамъ", подлаживались подъ „матеріализмъ и нигилизмъ", проникшіе всюду, „даже въ искусство".

Недаромъ шестидесятники такъ упорно останавливались на образѣ очеловѣченнаго Христа, переживающаго ту „страшную драму", которая всегда разыгрывается во время „историческихъ кризисовъ". Этотъ одинокій мыслитель, пошедшій не туда, куда влекли его „животныя наклонности", а въ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви", былъ какъ бы художественнымъ символомъ той самой передовой разночинной интеллигенціи, принесшей себя въ жертву народу, изъ лона которой вышли и сами творцы этихъ картинъ.

7.

Реализмъ въ исторической живописи.

Новая школа поспѣшила завладѣть и историческою живописью.

Родоначальникомъ историческаго реализма былъ Шварцъ.

„Какъ отъ свѣжаго кавалера Ѳедотова пошла наша бытовая живопись,—замѣчаетъ Стасовъ,—такъ отъ Ивана Грознаго Шварца пошла наша настоящая историческая живопись".

Шварцъ былъ инстинктивнымъ реалистомъ.

Онъ поступилъ въ батальный классъ академика Виллевальде, единственный, гдѣ художники могли изучать и рисовать живую дѣйствительность въ видѣ сценъ изъ казарменной или военной жизни. Во время своихъ заграничныхъ путешествій онъ набрасывалъ замѣчательные по своей жизненности и по своему юмору рисунки изъ быта офицеровъ и ксендзовъ, и въ особенности изъ еврей-

ской жизни. Шварцъ всегда былъ поклонникомъ старыхъ голландскихъ реалистовъ и однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ Перова, еще безвѣстнаго и не признаннаго.

И однако Шварцъ не сдѣлался ни баталистомъ, ни жанристомъ.

Еще въ бытность свою въ лицеѣ онъ, по словамъ одного изъ его школьныхъ товарищей, съ „особенной любовью и усидчивостью работалъ надъ типами русскихъ людей XVI и XVII в.", „надъ декоративной обстановкой ихъ жизни".

Лекціи Костомарова позволили ему окончательно самоопредѣлиться.

Написавъ свой первый историческій опытъ: „Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ" (1859 г.), Шварцъ спеціализировался на родной исторіи.

Его привлекла сначала эпоха Іоанна Грознаго (Іоаннъ у гроба сына; Иллюстраціи къ Князю Серебряному и Купцу Калашникову).

Эпоха схвачена довольно широко, въ ея наиболѣе типическихъ проявленіяхъ—тутъ и самъ царь, смѣсь искренности и притворства, грозности и малодушія, свирѣпости и остроумія, и опричники съ собачьими головами и метлой у сѣдла, добродушные палачи, мало чѣмъ отличающіеся отъ обыкновеннаго люда, и старыя мамки, рабски вѣрныя господамъ, охоты и пиры, свиданія и казни.

Затѣмъ Шварцъ перешелъ къ эпохѣ Алексѣя Михайловича, изображая шествіе патріарха на осляти или московскій посольскій приказъ, царя, играющаго съ боярами въ шахматы, или нареченіе царской невѣсты царевной. Лучшей картиной этого цикла является „Вешній царскій походъ на богомолье", гдѣ среди зимняго пейзажа во время оттепели тянутся украшенные огромными орлами неуклюжіе возки подъ охраной вершниковъ и стрѣльцовъ, а изъ жалкихъ хатъ выбѣгаютъ мужики и бабы посмотрѣть на царскій поѣздъ и показать его ребятамъ.

Многіе считали, да и теперь еще считаютъ Шварца простымъ археологомъ, а не художникомъ, у котораго, по словамъ критика „Живописнаго Обозрѣнія", художественный идеалъ отодвинутъ на задній планъ, а на первый выступаетъ голая археологія, не только не прикрытая, а даже и не вышедшая изъ сырого вида.

Но и этотъ, мало расположенный къ Шварцу, органъ сознавался, что на его рисункахъ и картинахъ (въ живописномъ отношеніи чрезвычайно сухихъ и безцвѣтныхъ) мы изучаемъ русскую исторію не въ ея официіальныхъ представителяхъ, въ моментъ ихъ официіальныхъ историческихъ функцій, а въ непосредственной жизненной правдѣ, въ дѣйствительной обстановкѣ, въ нравахъ, обычаяхъ, костюмахъ, типахъ, архитектурѣ.

Шварцъ выронилъ неожиданно и преждевременно кисть изъ ослабѣвшей руки.

Суриковъ ее поднялъ.

Между обоими художниками было существенное различіе.

Шварцъ былъ археологомъ, добросовѣстно изучавшимъ всѣ подробности, касающіяся эпохи, и у него едва ли найдутся погрѣшности противъ исторической правды. Суриковъ не гнался за такой археологической точностью. У него встрѣчаются явныя несуразности. Такъ,

на картинѣ „Покореніе Сибири“ казаки одѣты, какъ уже указалъ Верещагинъ, въ костюмы XVIII, а не XVII в., стрѣляютъ не фитильными, а кремневыми ружьями и такъ близко подпускаютъ противника, перевѣшивающаго ихъ численно, несмотря на имѣющіяся пушки, что неминуемо должны погибнуть.

Техническая правда интересовала Сурикова такъ же мало, какъ и правда историческая. Картины его полны самыхъ грубыхъ ошибокъ формальнаго свойства: въ „Боярынѣ Морозовой“ нѣтъ и намека на перспективу, въ „Утрѣ стрѣлецкой казни“ тѣснота и давка такъ велика, что подавляетъ отдѣльныя фигуры, голова Меньшикова и рука боярыни Морозовой несообразно велики.

Уступая Шварцу, какъ археологъ и рисовальщикъ, не превосходя Шварца и какъ живописецъ, потому что и у него краски какъ-то скованы и смазаны, Суриковъ обладалъ однимъ драгоцѣннымъ качествомъ, котораго не было у его предшественника,—онъ былъ поэтъ, понимавшій ароматъ историческихъ эпохъ. Нѣкоторыя изъ его фигуръ такъ своеобразно задуманы, что передаютъ сокровенный смыслъ цѣлыхъ теченій русской исторической жизни — въ загадочно черныхъ глазахъ младшей дочери развѣнчаннаго правителя, ссыльнаго Меньшикова, отражается весь романтическій періодъ дворцовыхъ интригъ и переворотовъ, когда случай рѣшалъ судьбу цѣлыхъ фамилій, въ злобномъ лицѣ и энергическомъ взмахѣ руки боярыни Морозовой живетъ упрямая мощь всего религіознаго сектантства, а Петръ I, неподвижно сидящій на своемъ прекрасномъ конѣ передъ своею преображенской гвардіей въ день казни старой, домостроевской Россіи, есть именно этотъ самый Антихристъ, который „Россію вздернулъ на дыбы“...

Суриковъ былъ не только большимъ поэтомъ, онъ былъ и художникомъ массъ.

Между тѣмъ, какъ Шварцъ все же изображалъ преимущественно отдѣльныя личности, якобы создающія исторію, Ивана IV и Алексѣя Михайловича, Суриковъ зналъ, что истиннымъ творцомъ исторіи является народъ. „Я не понимаю дѣйствія отдѣльныхъ историческихъ лицъ,— признавался онъ,—мнѣ нужно вытащить ихъ на улицу“.

И въ самомъ дѣлѣ у него исторія совершается не казеннымъ образомъ гдѣ-нибудь въ тиши кабинета, а на вольномъ воздухѣ, на площади и улицѣ, въ присутствіи и съ благословенія народной массы.

Сталкиваются ли два противоположныхъ религіозныхъ міросозерцанія, какъ въ „Боярынѣ Морозовой“, борются ли двѣ враждебныя политическія партіи, какъ въ „Утрѣ стрѣлецкой казни“, всегда на сценѣ не только вожди—герои, а и толпа, живѣйшимъ образомъ реагирующая на происходящія передъ ней и съ ея вѣдома событія, сообразно возрасту, темпераменту и занятой позиціи...

8.

Реализмъ въ батальной живописи.

Новая школа поспѣшила сказать свое слово и въ области батальной живописи.

Смѣлой рукой порвала она въ лицѣ Верещагина съ „традиціонной лестью“, со всякими „патріотическими легендами“.

Верещагинъ одна изъ самыхъ интересныхъ фигуръ въ исторіи русской живописи.

Не связанный съ передвижниками юридическимъ договоромъ, онъ былъ ихъ братомъ по духу, по направленію.

Какъ все поколѣніе шестидесятниковъ, онъ любилъ жизнь, быть можетъ, больше даже, чѣмъ искусство. Въ немъ горѣла ничѣмъ непобѣдимая жажда дѣятельности. Стоило ему только узнать, что объявлена война, и онъ бросалъ палитру и кисть и спѣшилъ на мѣсто „свалки битвы“, чтобы самому видѣть звѣрскія лица и льющуюся кровь. Такъ поступилъ онъ дважды, въ 1868 г. наканунѣ туркестанской, и въ 1877 г. наканунѣ турецкой войны. Онъ спѣшилъ на поле битвы не только для того, чтобы „рисовать“, а для того, чтобы „смотрѣть, чувствовать, изучать людей“. Такъ писалъ онъ раненый изъ больницы. Баталисты-академики изображали войну по книгамъ, одинъ только Верещагинъ зналъ, что такое война въ дѣйствительности. Влюбленный въ жизнь, какъ все поколѣніе шестидесятниковъ, Верещагинъ стремился воспроизводить ее во всей ея полнотѣ, во всемъ ея разнообразіи. Онъ рисовалъ людей всѣхъ національностей и всѣхъ положеній, рисовалъ ихъ во всѣ моменты ихъ жизни, въ погонѣ за удовольствіями, въ порывѣ религіознаго экстаза, на полѣ битвы и на мѣстѣ казни. Онъ изображалъ не только людей, а и все, что есть въ природѣ,—горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, орла, парящаго надъ пустыней, лучъ солнца, проникающій въ подземный клоповникъ.

Какъ все поколѣніе шестидесятниковъ, Верещагинъ былъ демократъ.

Когда устроители его вѣнской выставки настаивали на повышеніи входной платы, онъ рѣзко возразилъ, что ему пріятнѣе видѣть у себя 30.000 простого народа, чѣмъ 3.000 графинь.

Въ душѣ Верещагина жила мощь, подвижность и безпокойство современной капиталистической эпохи.

Какъ истый „сынъ вѣка“, какъ его окрестила одна нѣмецкая газета, Верещагинъ былъ съ ногъ до головы космополитомъ. Для него человѣчество распадалось не на отдѣльныя націи, а только на завоевателей и покоренныхъ. Онъ съ одинаковою любовью рисовалъ русскихъ, туркменовъ, англичанъ и индусовъ. Онъ признавалъ одну только націю — человѣчность. Свои картины онъ выставлялъ во всѣхъ европейскихъ и американскихъ центрахъ. Онъ чувствовалъ себя вездѣ, какъ дома. Онъ хотѣлъ, чтобы повсюду его считали своимъ. Въ душѣ Верещагина жила та же страсть къ далекимъ странамъ, къ Востоку,

которая породила колоніальную политику капиталистическихъ націй. Его постоянно тянуло на Востокъ, изъ-за котораго борются теперь капиталистическія націи. Если бы онъ былъ не художникомъ, если бы онъ былъ министромъ, онъ сдѣлался бы, быть можетъ, апологетомъ имперіализма. Будучи только художникомъ, онъ изображалъ то, что при другихъ условіяхъ онъ, быть можетъ, осуществлялъ—завоеваніе нетронутыхъ культурой странъ для цивилизаціи, т.-е. завоеваніе для капитализма новыхъ рынковъ, будь то покореніе русскими Туркестана или Индіи англичанами. Какъ только разыгрался великій прологъ борьбы Европы и Азіи изъ-за восточныхъ рынковъ, Верещагинъ немедленно поѣхалъ въ Портъ-Артуръ, въ водахъ котораго такъ трагически погибъ вмѣстѣ съ броненосцемъ „Петропавловскъ". Верещагинъ до конца пальцевъ былъ проникнутъ той жаждой новыхъ ощущеній, которая такъ характерна для капиталистической цивилизаціи. Эта жажда гнала его изъ страны въ страну, съ мѣста на мѣсто. Точно что-то его постоянно „выпирало впередъ", по его живописному выраженію. Онъ обязывалъ и художника постоянно подносить публикѣ что-нибудь новое, или въ смыслѣ идеи или, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ техники. И онъ самъ всегда заботился о томъ, чтобы предстать передъ ней въ еще невиданномъ образѣ, то какъ этнографъ, то какъ историкъ, то какъ религіозный живописецъ, то какъ спеціалистъ по техникѣ и plein air'у. Какъ никто, Верещагинъ умѣлъ при этомъ свое „новое" показать какъ товаръ лицомъ, немного по-купечески, немного рекламно, пуская въ ходъ и электрическое освѣщеніе, и музыку и всевозможныя декораціи.

Какъ истый „сынъ вѣка", Верещагинъ былъ способенъ на самыя противоположныя чувства. Охваченный сильной эмоціей, онъ по 16 часовъ не выпускалъ кисти изъ рукъ, становился центромъ защиты Самарканда и взрывалъ вмѣстѣ съ Скрыдловымъ на простой миноноскѣ на воздухъ турецкій мониторъ.

И этотъ сильный человѣкъ, владѣвшій мечомъ не хуже, чѣмъ кистью, впадалъ подъ вліяніемъ расходившихся нервовъ въ изумительное малодушіе. Когда ген. Кауфманъ нашелъ, что его картина „Бага и его поклонники" оскорбляетъ нравственное чувство, онъ ее не колеблясь уничтожилъ, такъ же какъ впослѣдствіи такія превосходныя вещи, какъ „Окружили—преслѣдуютъ", „Вошли" и „Забытый", которыя на военачальниковъ произвели почему-то впечатлѣніе не правдиваго изображенія ихъ подвиговъ, а какого-то злокозненнаго памфлета противъ доблестнаго россійскаго воинства.

Человѣкъ большой и сильный, Верещагинъ не любилъ воспроизводить разрозненые факты, а только сложныя группы. Всѣ его картины распадаются на рядъ цикловъ: первый составляютъ „Опіумоѣды", „Дервиши", „Нищіе", „Жиды-торговцы"—эпопея мирныхъ нравовъ восточной народности, затѣмъ идетъ „поэма варваровъ", изображающая въ шести картинахъ завоеваніе Туркестана: —„Высматриваютъ.— Напа-

дают врасплох.—Окружили.—Преслѣдуют. — Представляют трофеи. — Торжествуют". — Апоѳеоз войны,—ее смѣняет неоконченная и распроданная по рукам „индѣйская поэма", открывающаяся прiѣздом к Великому Моголу англiйских послов с просьбой о разрѣшенiи торговать и заканчивающаяся окончательным покоренiем Индiи, торжественным въѣздом принца Уэльскаго в Джейпур; далѣе слѣдует цикл картин, изображающих главные моменты русско-турецкой войны, в видѣ Плѣнных и Побѣжденных, Раненых и Шпiона, Шипки и Перевязочнаго пункта, и всѣ эти группы завершаются Наполеоновской эпопеей,—исторiей позорнаго крушенiя величайшаго из завоевателей.

Верещагин интересовался не столько отдѣльными личностями, сколько массовыми движенiями. Он был еще в гораздо большей степени, чѣм Суриков, художником толпы.

Начиная с несозданной, а лишь задуманной картины „Бурлаки", через „Духоборов на молитвѣ" и „Религiозную процессiю в Шушѣ" и кончая его туркестанскими, индiйскими и турецкими военными картинами, Верещагин варьировал все тот же самый мотив, трагедiю народной массы, находящейся в тисках завоевателей и эксплуататоров, в кабалѣ у попов и фетишей.

Эту народную массу он изображал преимущественно на полѣ битвы.

Для Верещагина война не блестящiй и невинный парад, как для академиков Зауервейде и Виллевальде, а безсмысленная, жестокая и кровавая бойня.

Война—это не великолѣпные генералы, скачущiе перед лихими солдатами, готовыми совершать неслыханные подвиги, война—это раненые, умирающiе брошенными и забытыми среди безлюдной пустыни, это плѣнные, которых привязывают к пушкам или которым рубят головы, это лазареты, переполненные изувѣченными, окровавленными калѣками, это цѣлыя поля, засѣянныя костьми, над которыми священник служит казенную панихиду, это, наконец, груда черепов, наваленных в остроконечную пирамиду, над которой кружатся хищные вороны, и эту пирамиду зiяющих впадин и истлѣвших костей художник посвятил с глубокой иронiей всѣм бывшим, настоящим и будущим завоевателям.

Верещагин не только изображал войну, он вмѣстѣ с тѣм и ратовал против войны; как всѣ передвижники, к которым Верещагин примыкал не формально, а по духу, он был не только художник, а также обличитель.

Его неумолчный протест против всяческаго кровопролитiя, хотя бы даже во имя патрiотизма, его страстный призыв—„Долой оружiе!"—завоевали ему симпатiи всѣх друзей мира, всѣх культурных нацiй и всѣх убѣжденных антимилитаристов, и за его картины, писанныя „кровью сердца", за его „мстящую" (vengeur) кисть иностранная критика увѣнчала его почетным титулом „апостола человѣчности".

9.

Реализмъ въ портретной живописи.

Новая школа внесла струю реализма и въ портретную живопись.

Великіе портретисты конца XVIII и начала XIX в.— Левицкій и Боровиковскій, Кипренскій и Тропининъ стремились въ угоду свѣтскому вкусу не столько къ точному психологическому анализу данной личности, а больше всего къ идеализаціи и стилизаціи ея физіономіи.

Передвижники и въ этой области попытались освободиться отъ всего придуманнаго и условнаго, и здѣсь для нихъ на первомъ планѣ стояла правда.

И имъ порою удавалось создавать уже не снимки, а живыхъ людей: Достоевскій Перова, Литовченко Крамского, Мусоргскій Рѣпина смотрятъ и дышатъ, живутъ на полотнѣ.

Лучше, чѣмъ какая-нибудь другая область живописи, портретистика позволяетъ судить о той демократизаціи, которая произошла во вторую половину XIX в. въ русской жизни.

Прежніе художники, отъ Левицкаго до Брюлова, изображали преимущественно барскій и придворный міръ, генераловъ въ лентахъ и дамъ въ жеманныхъ позахъ и только изрѣдка промелькнетъ у нихъ лицо писателя или художника, лицо интеллигента.

Передвижники только въ рѣдкихъ случаяхъ несли свою кисть на служеніе высшему обществу, какъ К. Маковскій или Келеръ.

Болѣе тайныхъ совѣтниковъ и графинь въ пастушескихъ платьицахъ ихъ интересовали простые типы въ родѣ „Лѣсничаго“ (Крамской) или „Нищаго горбача“ (Рѣпина). Чистокровные интеллигенты, передвижники съ особенной охотой изображали видныхъ представителей интеллигенціи. Передъ нами проходятъ почти всѣ яркія свѣтила литературы, искусства и науки: Достоевскій и Островскій Перова, Шевченко, Григоровичъ, Некрасовъ, Гончаровъ Крамского, Писемскій, Фетъ и Гаршинъ Рѣпина, гр. Толстой, увѣковѣченный и Крамскимъ и Рѣпинымъ, Антокольскій, Клодтъ, Васильевъ, Литовченко, Шишкинъ Крамского, Куинджи Рѣпина, Кюи, Римскій-Корсаковъ, Рубинштейнъ, Глинка, Мусоргскій Рѣпина, Погодинъ, Даль Перова, Ровинскій В. Маковскаго, Стасовъ, Пироговъ Рѣпина и др.

Зависимость художниковъ отъ рынка сказалась, разумѣется, особенно наглядно какъ разъ въ области портретистики.

К. Маковскій волей-неволей подлаживался подъ манерные и сахарные вкусы свѣта, обращая особенно вниманіе на отдѣлку всякихъ ковровъ, букетовъ и бездѣлушекъ a là Макартъ, Рѣпинъ часто рисовалъ то или другое лицо только потому, что оно въ данную минуту почему-либо было моднымъ, а Крамской, еле поспѣвавшій исполнять сыпавшіеся на него заказы, становился порой несерьезнымъ и поверхностнымъ.

10.

Реализмъ въ пейзажной живописи.

Новая школа сказала свое слово и въ области пейзажной живописи.

Если Клодтъ писалъ еще въ условной манерѣ Калама, стилизировалъ природу, изображалъ не столько конкретные, сколько идеальные пейзажи, если отчасти Мещерскій, картины котораго впервые заинтересовали широкую публику ландшафтомъ, и еще въ большей степени Киселевъ, Орловскій и Волковъ въ своихъ Заброшенныхъ мельницахъ, видахъ Ай-Петри и Раннихъ снѣгахъ пытались сблизиться съ подлинной русской природой, то Шишкинъ является истиннымъ родоначальникомъ реализма въ этой сферѣ живописи. Шишкинъ былъ впрочемъ болѣе фотографъ, чѣмъ художникъ, и онъ не даромъ такъ любилъ прибѣгать къ помощи фотографіи. Онъ предпочиталъ изучать природу вмѣсто того, чтобы наслаждаться ею. Его произведенія скорѣе документы, чѣмъ картины. Шишкинъ былъ во всякомъ случаѣ, по выраженію Крамского, „лучшимъ рисовальщикомъ" и „лучшимъ знатокомъ" лѣса и въ особенности хвойнаго. Онъ изучалъ свойства каждаго дерева съ такой подробностью, что по его картинамъ (Ручей въ лѣсу, Лѣсная глушь, Горѣлый лѣсъ, Сосновый боръ, Корабельная роща) опытный агрономъ могъ бы безошибочно опредѣлить точный составъ самой почвы, а можетъ быть даже и подпочвеннаго слоя (Новицкій). Съ необыкновенной тщательностью выписывалъ онъ каждую травку, каждую борозду въ корѣ, чуть не всѣ иглы елокъ и сосенъ. Съ внѣшней стороны природа схвачена почти съ точностью фотографическаго аппарата. Зато въ его хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ нѣтъ жизни, потому что нѣтъ души. Все застыло и замерло. Ничто не шелохнется. Тщетно оживлялъ онъ ихъ порой фигурками людей или просилъ знакомаго художника вставить нѣсколько медвѣдей. Все остается мертвымъ, какъ было (Бенуа).

Шишкинъ открылъ лѣсной пейзажъ, Айвазовскій былъ пѣвцомъ моря. Онъ его зналъ и любилъ и могъ бы многое о немъ разсказать. Къ сожалѣнію, онъ размѣнялся на мелочи для рынка и рисовалъ вѣчно все тѣ же волны, то сѣрыя, то синія, днемъ или ночью, все съ той же пѣной на гребнѣ и тѣми же обломками кораблей, подъ тѣмъ же однообразнымъ пасмурнымъ небомъ.

Куинджи внесъ въ пейзажъ освѣщеніе.

Ученикъ французскихъ импрессіонистовъ, онъ ошеломлялъ своими картинами не только большую публику, но и спеціалистовъ-художниковъ. „Его картина „Ночь на Днѣпрѣ" дѣйствительно наполнена свѣтомъ, — писалъ Крамской.—Я не могъ отдѣлаться отъ физіологическаго раздраженія въ глазу, какъ бы отъ дѣйствительнаго свѣта". Упоенный неожиданной славой, Куинджи потомъ весь размѣнялся на своеобразные, порой черезчуръ крикливые свѣтовые эффекты, о которыхъ почернѣвшія теперь краски даютъ лишь прибли-

зительное представленіе (Березовая роща, Закатъ въ лѣсу, Лунная ночь въ Украйнѣ, Послѣ грозы).

Куинджи освѣтилъ пейзажъ, Саврасовъ и Васильевъ дали ему „настроеніе".

Саврасовъ написалъ одну только выдающуюся вещь—„Грачи прилетѣли", но эта одна вещь знаменовала цѣлую художественную революцію. Въ ней одной, по словамъ Васильева, было гораздо больше „души", чѣмъ во всѣхъ пейзажахъ Клодта, Шишкина и другихъ вмѣстѣ взятыхъ. Картина изображаетъ село Молвитино Костромской губ. На горизонтѣ далекая снѣжная равнина. Вокругъ старой церкви жалкіе домики. Все спитъ тяжелымъ сномъ. Но вотъ по бѣлой равнинѣ проносится первое дуновеніе весны. Таетъ ледъ на пруду, оживаютъ деревья и прилетѣвшіе съ юга грачи весело кричатъ о томъ, что скоро станетъ свѣтло и тепло.

Васильевъ былъ истиннымъ творцомъ пейзажа съ „настроеніемъ".

Незаконный сынъ, больной чахоткой, съ клеймомъ нужды и смерти на челѣ, Васильевъ оживалъ въ природѣ, навѣвавшей ему „святыя впечатлѣнія". Какъ никто изъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ, онъ сумѣлъ сочетать поэтическія настроенія съ изумительной техникой. Какъ реалистъ, примыкая къ шестидесятникамъ, Васильевъ, какъ лирикъ, расчищалъ дорогу грядущимъ поколѣніямъ. Его „Оттепель" и „Мокрый лугъ", „Крымскій видъ" и „Волжская лачуга" — настоящія пѣсни въ краскахъ, тонко отдѣланныя лирическія стихотворенія.

Шестидесятники цѣнили Васильева больше какъ техника.

„Послѣ вашей картины,—писалъ ему однажды Крамской, — всѣ картины только мазня и ничего больше. Я увидѣлъ, какъ надо писать. Это такая страшная и мучительная техника".

Самъ Васильевъ цѣнилъ въ своихъ картинахъ больше то, что въ нихъ было новаго. Соглашаясь съ Крамскимъ, что его „вещи не похожи на другія", онъ все же находилъ въ нихъ „слишкомъ много сходства съ русской школой". „Меня это смущаетъ,—писалъ онъ,—и не потому, что я предпочитаю школу иностранную, а потому что не хочу ни той, ни другой".

Здѣсь устами умиравшаго отъ чахотки молодого человѣка впервые еще робко и тихо прозвучалъ протестъ противъ искусства передвижниковъ во имя новыхъ формъ, во имя новаго стиля.

Около Шишкина, Айвазовскаго, Куинджи, Саврасова и Васильева группировалась почти нескончаемая вереница второстепенныхъ пейзажистовъ, которыхъ нѣтъ нужды перечислять.

Въ 80-хъ годахъ пейзажъ становится чуть не преобладающимъ родомъ живописи, за него берутся, по словамъ Бенуа, „лучшія силы", но не потому, конечно, какъ утверждаетъ его другъ нѣмецъ Мутеръ, что художникамъ „надоѣло служить распространенію передовыхъ идей", не потому, что „нельзя было вѣчно бичевать, клясть и разражаться противъ несовершенствъ всего существующаго".

Причина была иная.

Восторжествовавшая въ 80-хъ гг. реакція, господство во всю стараго

режима, разгромъ революціонной интеллигенціи, увлеченіе культурнаго общества малыми дѣлами и превращеніе самаго культурнаго общества въ стадо обывателей, все это заставило и художниковъ избирать болѣе спокойные и нейтральные сюжеты— былая страсть къ протесту и былой бичующій смѣхъ уступили мѣсто пассивному любованію природой, лѣсочками и волнами, закатомъ солнца и восходомъ луны.

Отражая, съ одной стороны, періодъ упадка общественнаго движенія, художники - пейзажисты служили, съ другой стороны, предтечами новаго искусства.

Очищая живопись отъ всякой „идейности" и „тенденціозности", отъ всякаго „направленства", приходя въ восторгъ отъ каждой травки и каждой волны, они подготовляли почву для новой буржуазной эстетики, прямо противоположной эстетикѣ разночинцевъ-народниковъ.

11.

Вершина и распаденіе передвижническаго искусства.

Передвижническое искусство достигло своего высшаго расцвѣта подъ кистью Рѣпина и подъ его же кистью оно превращалось въ свою собственную противоположность.

Какъ все поколѣніе шестидесятниковъ, Рѣпинъ былъ органически связанъ съ родной почвой.

Очутившись за границей среди диковинной культуры, онъ скоро затосковалъ по далекой родинѣ.

Онъ точно очутился въ положеніи Садко.

Новгородскій гусляръ стоитъ въ подводномъ царствѣ среди чудесъ и тайнъ загадочнаго міра. Передъ нимъ, блистая роскошью, проходятъ въ пышныхъ одѣяніяхъ, съ очаровательной улыбкой красавицы: Италія, Франція, Испанія.

Садко равнодушно пропускаетъ ихъ мимо.

Но вотъ глаза его падаютъ на темный силуэтъ простой и тихой дѣвушки, тамъ гдѣ-то далеко, въ тѣни.

И выпрямился Садко, расширилась грудь молодецкая, радость сверкнула во взорѣ и сердце зажглось огнемъ вдохновенія.

Только Дѣвушка-Чернавушка, — родина-мать, вдохновляла къ творчеству и Рѣпина.

Рѣпинъ вступилъ въ жизнь въ самый разгаръ художественной революціи. На глазахъ его 14 конкурентовъ подняли бунтъ противъ Академіи. На его глазахъ возникла артель свободныхъ художниковъ, а потомъ „Товарищество передвижныхъ выставокъ".

Рѣпинъ не долго колебался между рутиной и волей.

„Я вашъ", писалъ онъ Крамскому.

Какъ всѣ шестидесятники, Рѣпинъ былъ невысокаго мнѣнія о живописи и ему всю жизнь хотѣлось заняться какимъ-нибудь болѣе полезнымъ дѣломъ. Нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ линіямъ и краскамъ у него сохранилось навсегда. Какъ всѣ шестидесятники, онъ ставилъ содержаніе выше формы и долгое

время стремился къ тому, чтобы его картины выходили „интересными“ и „идейными“.

Человѣкъ нервный и впечатлительный и потому крайне неустойчивый, Рѣпинъ постоянно считался съ настроеніями и вкусами публики, съ вѣяніями моды.

Все его творчество носитъ поэтому характеръ чего-то случайнаго.

Какъ уже указалъ Сементковскій, всѣ почти портреты Рѣпина навѣяны тѣмъ, что кругомъ говорили и чѣмъ кругомъ интересовались. Умираютъ ли Писемскій или Тургеневъ, обращаетъ ли Толстой вниманіе на сектанта Сютяева, входитъ ли въ моду самъ Толстой, производитъ ли Стрепетова фуроръ въ роли Елизаветы въ „Горькой Судьбинѣ“, интересуются ли въ данную минуту поэтомъ Фофановымъ или композиторами Бородинымъ и Глазуновымъ, справляется ли юбилей Глинки или Самойлова, говорятъ ли въ обществѣ о баронессѣ Икскуль, даетъ ли Ментеръ концертъ,—и у Рѣпина сейчасъ уже готовы портреты всѣхъ этихъ модныхъ лицъ.

Когда въ силѣ былъ обличительный жанръ, Рѣпинъ пишетъ Бурлаковъ, Крестный ходъ, Не ждали; когда публика охладѣваетъ къ нему, онъ переходитъ къ историческимъ сюжетамъ, пишетъ Царицу Софью въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и Ивана Грознаго, убивающаго сына; входятъ въ моду декаденты и символисты,—и онъ даритъ публикѣ „Какой просторъ!“ Человѣкъ впечатлительный, Рѣпинъ останавливался больше на поверхности явленій, изображая ихъ чрезвычайно выпукло и ярко, но не проникая особенно глубоко въ ихъ нѣдра и тайники. Въ его портретахъ, быть можетъ лучшихъ, которые когда-либо были созданы кистью русскаго художника, нѣтъ души, она какъ-то прячется за матеріальной стороной физіономіи. Какъ психологъ, Рѣпинъ былъ вообще склоненъ упрощать внутренній міръ человѣка. Онъ былъ скорѣе патологъ, чѣмъ психологъ. Всегда ему мерещились ирраціональныя настроенія, болѣзненныя переживанія. Изображаетъ ли онъ интеллигента, возвращающагося изъ ссылки или царевну Софію въ день пытки ея прислуги, Ивана IV, убивающаго сына, или офицера, убитаго на дуэли,—онъ неизмѣнно создаетъ клиническіе этюды, патологическія фигуры. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько напоминаетъ Достоевскаго.

Безсознательная стихія господствуетъ у Рѣпина надъ сознательной волей. Онъ мастеръ описывать массовыя движенія, заражающія, увлекающія и подавляющія отдѣльную личность. Въ русской живописи онъ величайшій психологъ массы. Его капитальныя произведенія изображаютъ не индивидуумъ, а толпу.

Молодымъ 28-милѣтнимъ человѣкомъ Рѣпинъ создалъ свой шедевръ—„Бурлаки“.

Это была первая его массовая картина—рабочій людъ, упряженный въ лямку хозяевами и господами. Тутъ и крѣпкіе слоны — вожаки, словно вылитые изъ мѣди и не боящіеся солнца подъ своей косматой шапкой изъ волосъ, и слабые старики, желтые отъ лихорадки, отирающіе потъ безсилія съ лица, и матросъ, гдѣ не побывавшій и получившій какую-то эѳіопскую физіономію, и мальчикъ, еще не надорвавшійся отъ рабскаго

труда, еще полный юнаго задора. „Это, замѣчаетъ Стасовъ, не элегическіе, не плаксивые и жалующіеся бурлаки Некрасова, тѣ, чей стонъ у насъ пѣсней зовется, а тѣ бодрые и могучіе люди, что создали богатырскую Дубинушку“.

Народная масса изображена и на картинѣ „Крестный ходъ“.

Въ жаркій лѣтній день необозримая толпа сопровождаетъ чудотворную икону, исполненная той стихійно-страстной вѣры, которая движетъ горами: умильно восторженныя и сосредоточенныя лица простонародья какъ-то странно контрастируютъ съ азіатской жестокостью урядниковъ, съ чопорной важностью буржуа и чиновниковъ и равнодушно - казенными физіономіями священства.

Народная масса изображена и на картинѣ „Запорожцы“.

Казацкая вольница отвѣчаетъ мятежнымъ посланіемъ на грамоту турецкаго султана; кто-то бросилъ задорную шутку, сосѣдъ усмѣхнулся, другой брызнулъ смѣхомъ, и прокатился вдоль по Сѣчи Запорожской безудержный, несмолкаемый хохотъ, которому не страшенъ и самъ чортъ.

Въ этихъ трехъ картинахъ, соединяющихъ яркій реализмъ изображенія, массовое движеніе и обличительную тенденцію, искусство передвижниковъ достигло своего апогея.

Держась одной рукой за передвижниковъ, Рѣпинъ другую руку протягиваетъ новымъ поколѣніямъ.

Впечатлительный и неустойчивый, онъ былъ настоящій импрессіонистъ. Міръ распадался для него на рядъ безсвязныхъ, случайныхъ, хотя и яркихъ, явленій. Реагируя живѣйшимъ образомъ на все окружающее, онъ все считалъ достойнымъ воспроизведенія, все, что онъ видѣлъ, все, что его поражало, независимо отъ глубины и широты содержанія, независимо отъ того, заключалась ли тамъ какая-нибудь „идея“ или нѣтъ — и Морозный день въ Петербургѣ, и Голову члена десяти въ Венеціи и Студентокъ въ препаровочной, и Тарновскую за роялью, и яблоки, и букеты и даже капусту.

Подъ кистью Рѣпина реализмъ уже переходитъ въ натуралистическій импрессіонизмъ.

А если все, что есть въ природѣ, одинаково интересно, если все подлежитъ художественному воспроизведенію, то главной заботой артиста должна быть, очевидно, красота отдѣлки, утонченность техники, гармонія красокъ. Уже не содержаніе, а форма становится важнѣйшей задачей художника. Это значило вывернуть на изнанку эстетику передвижниковъ, для которыхъ, наоборотъ, содержаніе было важнѣе формы. И Рѣпинъ не убоялся такого вывода. Онъ, который въ 70-хъ годахъ громилъ французскихъ художниковъ за ихъ безъидейное, чисто формальное творчество, становится въ 90-хъ годахъ защитникомъ этого самаго чисто формальнаго творчества. Теперь онъ способенъ до безконечности увлекаться „любымъ безполезнымъ пустякомъ“, разъ этотъ пустякъ только выполненъ „изящно и тонко“, готовъ любоваться всякимъ техническимъ шедевромъ, все равно, каково бы ни было его содержаніе, будь то „вода, колокольня или просто ширма“.

Такъ протягивалъ Рѣпинъ черезъ головы своихъ товарищей-передвиж-

никовъ руку теоретикамъ буржуазнаго искусства.

Шестидесятники шумно привѣтствовали нѣкогда творца Бурлаковъ. Въ немъ они видѣли свою гордость и славу. „Сампсономъ русской живописи“ окрестилъ его Стасовъ.

Новые эстеты, эстеты 90-хъ годовъ, которымъ самъ Рѣпинъ дѣлалъ такъ много авансовъ и которымъ онъ былъ несомнѣнно близокъ нѣкоторыми чертами своего творчества, не признали его однако своимъ.

Воспитанные на западныхъ импрессіонистахъ и неореалистахъ съ ихъ изумительной технической виртуозностью и яркой, сочной красочностью, эти поколѣнья скоро разочаровались въ Рѣпинѣ, какъ живописцѣ, а когда исчезло обаяніе его, какъ живописца, они отвернулись и отъ содержанія его картинъ, рѣзавшаго ихъ своей „поучительностью“ и „идейностью“, своей нѣсколько угловатой и простоватой „содержательностью“.

Изъ этихъ картинъ на нихъ смотрѣли глаза довольно обыкновеннаго, даже неумѣлаго разсказчика, человѣка съ „убѣжденіями“, твердившаго имъ о „забытыхъ словахъ“.

Но и эти поколѣнія не смогли не отдать дань должнаго его мощной кисти, полной захватывающей страсти, его увлекательному таланту, полному необычайнаго блеска.

Отвергнувъ Рѣпина, какъ сына иного вѣка и иной культуры, какъ послѣдняго великаго художника протестующей разночинной демократіи, эти новыя буржуазныя поколѣнія все же признали устами одного изъ своихъ лидеровъ (Бенуа), что хотя его картины и „не такъ хороши, какъ могли бы быть“, однако „безконечно выше всего, что было сдѣлано со временъ Кипренскаго и до нашихъ дней“.

12.

Пережитки академизма.

Несмотря на побѣду передвижниковъ надъ академизмомъ, послѣдній не умеръ совсѣмъ.

Традиціи Брюллова сказывались и въ картинѣ Моллера: „Іоаннъ, проповѣдующій на островѣ Патмосѣ“, гдѣ, впрочемъ, есть фигура вакханки, издѣвающейся надъ апостоломъ, полная неподдѣльной жизненной правды, и въ „Княжнѣ Таракановой“ Флавицкаго, интересной не своей героиней, стоящей въ надуманной театральной позѣ, а мастерской отдѣлкой бархатнаго платья и лисьей шубы.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ академизмъ уже не осмѣливался выступать передъ публикой въ своемъ старомъ домашнемъ костюмѣ. Онъ воспользовался всѣми завоеваніями техники, всѣми пріобрѣтеніями колорита, онъ, такъ сказать, модернизировался и заблисталъ великолѣпный и пышный.

Семирадскій былъ наиболѣе яркимъ эпигономъ академизма.

Хотя онъ брался и за сюжеты религіозные (въ Храмѣ Христа-Спасителя) и за сюжеты историческіе (въ Историческомъ музеѣ),—по своимъ инстинктамъ онъ былъ эпикуреецъ-эллинъ. Классическая древность была

его музой-вдохновительницей (Праздникъ Посейдона, Пляска невольницъ, Женщина или ваза, Цирцея, Христіанскіе свѣточи и др.). Въ своихъ картинахъ изъ греческой и римской жизни Семирадскій блисталъ чисто внѣшнимъ описаніемъ роскоши античнаго міра, яркихъ костюмовъ, мраморныхъ колоннъ, золотыхъ украшеній, изящныхъ бездѣлушекъ, перламутра и бронзы. Для глазъ получалась ослѣпительная феерія.

Гораздо меньше интересовала Семирадскаго духовная сущность античнаго быта, психологія дѣйствующихъ лицъ и даже наиболѣе трагическіе сюжеты онъ топилъ въ такомъ праздничномъ настроеніи, подъ такой блестящей внѣшностью, что они не смущаютъ и не волнуютъ. Какъ выразился одинъ французскій критикъ, люди, изображенные Семирадскимъ, имѣютъ „очень мало отношенія къ тому, что дѣлается на картинѣ", они не болѣе, какъ „театральные статисты".

Ко всему творчеству этого плодовитаго и, несомнѣнно, въ смыслѣ внѣшности, блестящаго художника примѣнимы слова, сказанныя Крамскимъ по поводу его первой картины: все, что онъ писалъ, „такъ дерзко и колоритно въ смыслѣ подбора красокъ, такъ сильно по свѣто-тѣни, такая въ немъ масса внѣшняго движенія и эффекта", что съ перваго раза и не замѣчаешь, какъ въ сущности все это фальшиво. „Талантъ Семирадскаго,—говоритъ Крамской,—не изъ тѣхъ, которые незамѣтно входятъ въ интимную жизнь человѣка, нѣтъ, онъ налетитъ, заставитъ разсудокъ молчать, а потомъ удивляешься, какъ все это могло случиться".

Тѣмъ не менѣе богатая свѣтская публика, для которой вся жизнь была посейдоновскимъ праздникомъ въ Елевсисѣ, была въ восторгѣ отъ этихъ ослѣпительныхъ, полныхъ блеска и роскоши картинъ, и не только у насъ, а и въ западной Европѣ,—недаромъ ихъ творецъ, единственный изъ русскихъ художниковъ, удостоился великой чести помѣстить свой автопортретъ въ галлереѣ Уфици во Флоренціи.

К. Маковскій творилъ въ томъ же внѣшнемъ свѣтскомъ направленіи, хотя и безъ таланта и блеска Семирадскаго.

Въ началѣ своей дѣятельности жанристъ (Алексѣичъ и Масленица) онъ перешелъ затѣмъ на этнографическіе сюжеты (Перенесеніе св. ковра въ Каирѣ) и спеціализировался, наконецъ, на боярскомъ бытѣ. Объ исторической правдѣ, психологической и археологической, К. Маковскій такъ же мало помышлялъ, какъ и его поклонницы и заказчики. Въ боярскихъ костюмахъ—онъ собственно изображалъ современный аристократическій свѣтъ. Картины его изъ жизни барскаго и придворнаго общества XVI и XVII вв. (Свадебный пиръ, Приготовленіе къ вѣнцу, Выборъ невѣсты) не болѣе какъ изысканный театральный маскарадъ. Больше чѣмъ внутреннія переживанія изображаемыхъ имъ лицъ Маковскаго интересовала окружающая ихъ внѣшняя обстановка—пышныя одежды, ларчики и посуда, жемчугъ и парча.

Къ Семирадскому и К. Маковскому примыкаетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ художниковъ, не имѣвшихъ силъ порвать съ академизмомъ и не имѣвшихъ мужества примкнуть къ

передвижникамъ, порой не лишенныхъ таланта, но, какъ всѣ промежуточныя натуры, робкія и не оригинальныя, они вошли въ исторію скорѣе какъ имена, чѣмъ какъ личности (Бронниковъ, Котарбинскій, Свѣдомскій, Гунъ, Степановъ, Якоби и др.).

Построивъ свое творчество на поверхностномъ копромиссѣ между академизмомъ и передвижничествомъ, они въ сущности воскрешали въ умытомъ и подчищенномъ, въ болѣе усовершенствованномъ видѣ старую казенно-барскую живопись эпохи Брюлова.

13.

Развитіе буржуазныхъ отношеній въ Россіи.

90-ые годы открываютъ въ историческомъ развитіи Россіи — новый періодъ.

Страна все энергичнѣе вступала на путь капиталистическаго развитія. Изъ хаоса неоформившихся и перепутанныхъ соціальныхъ отношеній все ярче выступали два противоположныхъ и враждебныхъ класса—буржуазія и пролетаріатъ.

Капитализмъ врывался, какъ разрушительная и вмѣстѣ творческая сила, и въ заповѣдный міръ деревни, раскалывая ее пополамъ, разлагая на антагонистическіе элементы недавно еще однородную общину.

Передъ художниками стала новая задача, изобразить въ краскахъ происходившій на ихъ глазахъ общественный переломъ, —рожденіе капиталистической Россіи.

Только нѣсколько художниковъ откликнулось на призывъ времени— С. Коровинъ, Касаткинъ, отчасти Архиповъ.

По своимъ эстетическимъ принципамъ, по всему своему міровоззрѣнію они близко примыкали къ передвижникамъ, были реалистами и демократами, людьми убѣжденія и идеи. По своимъ техническимъ пріемамъ Архиповъ былъ даже крайнимъ реалистомъ, т.-е. импрессіонистомъ, дорожившимъ болѣе общимъ впечатлѣніемъ изображаемаго явленія, чѣмъ детальнымъ воспроизведеніемъ отдѣльныхъ его конкретныхъ частей.

С. Коровинъ написалъ одну только крупную картину—На міру.

Мірская сходка рѣшаетъ тяжбу двухъ общинниковъ. Другъ противъ друга стоятъ сельскій пролетарій и сельскій кулакъ. Бѣднякъ плачетъ и проклинаетъ. Все напрасно. Деревенскій буржуа въ пиджакѣ съ иголочки только смѣется во весь ротъ. Онъ выиграетъ дѣло. Міръ и безъ того въ его цѣпкихъ рукахъ.

Касаткина больше всего интересовалъ промышленный пролетаріатъ.

Правда, и до него за подобные сюжеты брались и Савицкій (Желѣзнодорожный ремонтъ), и Ярошенко, написавшій фигуру сгорбленнаго и все же мощнаго Кочегара, озареннаго краснымъ свѣтомъ раскаленной печи.

Это были случайныя экскурсіи въ область рабочаго быта.

Касаткинъ первый изъ русскихъ художниковъ почуялъ въ пролетаріатѣ восходящую силу. Онъ единственный изъ нихъ заслуживаетъ названія поэта пролетаріата.

Порой онъ, впрочемъ, заглядывалъ и въ деревню, гдѣ его, повидимому, болѣе всего занимали семейныя драмы въ родѣ той, которая изображена на картинѣ „Кто?“, гдѣ вернувшійся послѣ долгой отлучки въ деревню солдатъ спрашиваетъ такъ сурово-настойчиво изможденную, блѣдную жену, кто отецъ ея незаконнаго ребенка.

Не чуждъ былъ Касаткину и міръ „отверженныхъ“, какъ показываетъ его картина Свиданіе съ арестантами (Женское отдѣленіе), по поводу которой буржуазные эстеты изъ „Міра искусства“ иронически выражали надежду, что „талантливый“ авторъ нарисуетъ когда-нибудь и „мужское отдѣленіе“ въ такой же „обезьяньей клѣткѣ“.

Все же ближе другихъ слоевъ Касаткину былъ, повидимому, пролетаріатъ.

На большомъ полотнѣ, мрачномъ, какъ сама шахта, собрались углекопы, ожидая у подъемной машины своей очереди подняться на волю къ свѣту. Съ лицами, черными отъ угольной пыли, стоятъ они усталые, равнодушные, и только глаза нѣкоторыхъ изъ этихъ черныхъ рабовъ какъ-то загадочно и задорно блестятъ сквозь мракъ подземнаго царства, изъ котораго они рвутся къ солнцу свободы...

Кромѣ большой своей картины, Касаткинъ написалъ еще этюдъ дѣвушки-шахтерки, краснощекой и смѣющейся, не надорванной злой неволей, и шахтера - тягальщика, ползущаго на четвереренькахъ въ узкой темной штольнѣ, еле освѣщенной мерцающимъ свѣтомъ электрической лампочки.

Архипова болѣе всего привлекали женщины — работницы, старухи — прачки, моющія бѣлье въ тѣсномъ помѣщеньи, пропитанномъ влагой и сыростью, и поденщицы, послѣ тяжелаго труда какъ-то тупо предающіяся отдыху: какъ рабскій трудъ стеръ на ихъ лицахъ всякую индивидуальность, такъ стерта она художникомъ импрессіонистическими мазками.

По мѣрѣ того, какъ въ странѣ развивались капиталистическія отношенія, раскалывая общество на два противоположныхъ лагеря, буржуазію и пролетаріатъ, передъ интеллигенціей снова становился вопросъ: Что дѣлать?

Старая народническая вѣра отживала вмѣстѣ съ до-капиталистической Россіей.

Появляются „Критическія замѣтки“ Струве, „Развитіе капитализма“ Ильина (Ленина), „Монистическій взглядъ на развитіе исторіи“ Бельтова (Плеханова). Выходятъ „Самарскій Вѣстникъ, „Новое Слово“, „Начало“. Вересаевъ пишетъ свои разсказы изъ эпохи „повѣтрія“. Звучатъ боевыя пѣсни Максима Горькаго.

Въ 1898 г. организуется „Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія“.

На сцену выступили „ученики“.

По всей линіи разгорается ожесточенная перестрѣлка между идеологами пролетарскаго и мелко-буржуазнаго соціализма, между марксистами и народниками.

Картина Малышева „Что дѣлать?“ отражаетъ этотъ переломъ въ міровоззрѣніи передовой интеллигенціи.

Простая студенческая комната. На столѣ—недопитый стаканъ чаю.

На стѣнѣ — портретъ великаго учителя, автора „Коммунистическаго манифеста“ и „Капитала“. Прислонившись къ окну, стоитъ въ глубокомъ раздумьѣ молодой человѣкъ. Что дѣлать? Теоретически онъ уже превозмогъ народничество, какъ „утопическій соціализмъ“, какъ мелкобуржуазную“ доктрину, какъ отрыжку старой до-капиталистической Россіи, онъ ужъ увѣровалъ всей душой въ „догму“ — остается только согласовать вѣру съ жизнью, рѣшить практическій вопросъ: Что дѣлать?

14.

Возникновеніе буржуазной эстетики.

По мѣрѣ того, какъ въ странѣ развивались капиталистическія отношенія и вся жизнь пропитывалась буржуазнымъ духомъ, неизбѣжно долженъ былъ измѣниться и взглядъ самихъ художниковъ на искусство.

Передвижники творили въ промежуточный періодъ русской жизни, когда тонъ въ жизни задавала передовая, народническая интеллигенція. Настроенная оппозиціонно и революціонно, глядѣвшая на искусство съ утилитаристической точки зрѣнія, она требовала отъ художника гражданскихъ мотивовъ и общественныхъ темъ. Отсюда „идейность“ и „тенденціозность“ передвижниковъ, ихъ „направленство“.

Такое „обличительное“ искусство уже не годилось для верхушекъ буржуазнаго общества. Буржуазія ищетъ въ художественныхъ произведеніяхъ лишь то „эстетическое“ *удовольствіе*, которое они при извѣстныхъ условіяхъ могутъ доставлять.

Форма для нея важнѣе содержанія.

Такимъ образомъ явилась необходимость очистить живопись отъ всего чуждаго самой живописи, выбросить за бортъ всякія „идеи“ и „тенденціи“ — другими словами, построить новую эстетику для грядущаго хозяина жизни.

Эту задачу взяли на себя такъ называемые „декаденты“.

Ихъ органомъ былъ „Міръ искусства“, подъ редакціей г. Дягилева.

Какъ нѣкогда шестидесятники водрузили знамя свободы искусства, то-есть свободы отъ „академизма“, такъ и декаденты сражались за его свободу, то-есть свободу отъ „направленства“.

Въ этомъ теоретики модернизма усматриваютъ главную заслугу декадентовъ.

Для нихъ, по словамъ Дягилева, искусство свободно, то-есть самоцѣльно. Они, по выраженію г. Философова, ратовали за свободу, то-есть не за права гражданина, не за habeas corpus, а за свободу „ради свободы“, безъ „всякой ближайшей утилитаристической цѣли“.

Подъ этой пресловутой свободой декаденты подразумѣвали право художника воспроизводить все, что есть „красиваго“ въ природѣ и жизни, внѣ всякихъ философскихъ теорій и соціально-политическихъ программъ, внѣ всякихъ „идей“.

„Идеи, конечно, должны зарождаться при видѣ творенія искусства, —замѣчаетъ г. Дягилевъ, — но онѣ не должны быть богохульно втиснуты въ него... Творецъ долженъ любить

только красоту и лишь съ ней вести бесѣду".

Красота, единственная вдохновительница художника, разлита во всей природѣ. Каждый атомъ мірозданія исполненъ ею. Она во всемъ и вездѣ. Поэтому для художника всѣ темы равноцѣнны. Эстетическое чутье открываетъ прелесть и тамъ, гдѣ соціальное или моральное чувство открываетъ только безобразіе. „Мы,—говоритъ г. Дягилевъ,—открываемъ красоту вездѣ, въ добрѣ и злѣ".

Призванный воспроизводить красоту и больше ничего, художникъ дѣйствуетъ исключительно на эстетическую сторону психики. Его единственная задача — доставлять „наслажденіе". „Если,—говоритъ другой сотрудникъ журнала (князь Волконскій),—произведеніе искусства способно оказывать какое-нибудь вліяніе на нашу душу, то только потому, что обладаетъ способностью нравиться, то-есть вызывать наслажденье". Потому элементъ „полезности" (даже въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) совершенно чуждъ произведеніямъ искусства.

Эстетика декадентовъ — прямая противоположность эстетикѣ передвижниковъ.

Люди шестидесятыхъ годовъ требовали, чтобы художникъ былъ прежде всего „критикомъ общественныхъ явленій". Люди 90-хъ годовъ заявляютъ, имъ наперекоръ, что художникъ обязанъ только доставлять удовольствіе.

Шестидесятые годы шли подъ знаменемъ разночинной интеллигенціи народническаго направленія, девяностые годы вступили подъ знакъ буржуазной цивилизаціи.

Какъ нѣкогда передвижники возстали противъ академизма, такъ теперь декаденты перешли въ атаку противъ передвижниковъ.

Для новыхъ эстетовъ, какъ для г. Дягилева, оба кумира передвижниковъ, Прудонъ и въ особенности Чернышевскій, настоящіе „варвары", „неумытыми руками прикасавшіеся къ искусству", „сторонники противохудожественнаго соціализма", люди, требовавшіе, чтобы „симфоніи были передѣланы въ торжественные марши и народныя пѣсни, изъ картинъ были скроены таблицы для наглядного обученія, а изъ поэмъ—рецепты отъ всѣхъ грязныхъ болѣзней торжествующей цивилизаціи".

Какъ нѣкогда апологетамъ барскаго искусства, пѣснотворцамъ Академіи, въ родѣ Микѣшина и Рамазанова, такъ и новымъ эстетамъ живопись передвижниковъ кажется ничтожной и мелкой, безнадежнымъ упадкомъ.

Бенуа спеціально пишетъ свою Исторію живописи съ цѣлью доказать, что возникшее въ 60-хъ годахъ „реалистическое и проповѣдническое искусство" было просто „ужасно", что въ немъ воспѣвались исключительно „лапти и сермяги" и что „драгоцѣнное свободное искусство", искусство, „не зависящее отъ литературы и школьной указки", словомъ, „настоящая живопись" явилась у насъ только въ концѣ XIX в. въ картинахъ модернистовъ.

На страницахъ „Міра искусства" новые эстеты творили довольно безцеремонно свой судъ не только надъ академиками (требуя, напримѣръ, удаленія изъ Музея Императора Александра III „компрометирующихъ" и

„постыдныхъ“ произведеній Айвазовскаго (Потопъ), Моллера (Іоаннъ на Патмосѣ) и др.), но и надъ такими столпами передвижническаго искусства, какъ Вл. Маковскій и Вас. Верещагинъ.

Развязность, съ которой совершался этотъ судъ, взорвала Рѣпина.

Рѣпинъ не былъ безусловнымъ противникомъ новаго направленія въ живописи. Онъ весьма одобрялъ основной принципъ декадентовъ — „воспроизводить индивидуальныя ощущенія, такія странныя, тонкія и глубокія, какія только грезятся поэту“; въ порывѣ свойственной ему страстности и неустойчивости онъ даже предсказывалъ имъ, что „будущее увѣнчаетъ ихъ лаврами“.

Не прекращавшаяся на страницахъ „Міра искусства“ травля передвижниковъ вывела Рѣпина изъ терпѣнія, и въ ѣдкой статьѣ (въ „Нивѣ“) онъ далъ рѣзкій отпоръ, какъ самому органу, „мнящему, что носитъ въ себѣ миссію международнаго законодателя въ искусствѣ и блюстителя вкусовъ“, такъ и всей новой школѣ „калѣкъ-уродцевъ“, „дилетантовъ“ и „недоучекъ“, пишущихъ „вывѣсочныя афиши“ для „картинной лавочки“.

15.

Піонеры новаго искусства.

Новое искусство, такъ называемый „модернизмъ“, былъ подготовленъ рядомъ художниковъ, которые, сами не будучи модернистами въ полномъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе явились его предтечами.

Къ этой переходной группѣ принадлежатъ В. Васнецовъ, Нестеровъ и Левитанъ.

Васнецовъ рано повернулъ отъ „направленства“ передвижниковъ въ сторону чистаго искусства.

Въ Петербургѣ, примкнувъ къ кружку Крамского и Рѣпина, онъ на время сдѣлался ихъ ученикомъ, и первыя его картины воспроизводили сцены изъ уличной жизни, изъ быта бѣдняковъ (Чтеніе телеграммы, Съ квартиры на квартиру). Однако уже въ эту пору „яраго увлеченія жанромъ“ передъ нимъ носились „неясныя историческія и сказочныя грезы“. Эту наклонность къ романтизму питалъ въ Васнецовѣ и самый кружокъ, гдѣ онъ вращался: тамъ читались вслухъ былины и бывалъ Мстиславъ Праховъ, увлекательный ораторъ, твердившій, что художнику не слѣдуетъ „слишкомъ изсушивать умъ“, а надо „развивать чувство, орошая его поэзіей“.

Отдавъ въ своихъ первыхъ картинахъ дань передвижничеству, Васнецовъ порвалъ съ нимъ и больше къ нему не возвращался.

Теперь онъ ставилъ своей задачей „съ возможнымъ совершенствомъ и полнотой изобразить красоту, мощь и смыслъ русской природы и человѣка“, изобразить „наши грезы и нашу вѣру“. Первую часть своей программы—грезы русскаго народа—Васнецовъ выполнилъ въ цѣломъ рядѣ сказочныхъ картинъ: Коверъ-самолетъ, Иванъ-царевичъ, Сиренъ и Алкиностъ, Поле битвы, Витязь на распутьи, Богатырская застава.

Нельзя сказать, чтобы эти фантастическія вещи точно передавали тотъ духъ народный, который создалъ и міръ сказокъ и богатырскій эпосъ.

Даже ярые сторонники модернизма, которымъ слѣдовало бы чтить въ Васнецовѣ, какъ ни какъ, предшественника новаго искусства, чуждаго идейности и тенденціозности передвижниковъ, прекрасно понимали, что Поле битвы не болѣе какъ „пустенькій финалъ какого-нибудь національнаго балета", Коверъ-самолетъ весьма подозрительно напоминаетъ „ординарную заграничную сказочную картину", а Иванъ-царевичъ на своемъ „волкѣ изъ мѣхового магазина", какъ двѣ капли воды, похожъ на „размалеванную красавицу", одну изъ тѣхъ, которыя „на балаганахъ играютъ русскихъ принцевъ".

Слава пришла къ Васнецову послѣ фресокъ изъ каменнаго вѣка, украшающихъ Историческій музей, онѣ привели въ восторгъ и Стасова и барона де-Бай.

По порученію архитектора Прахова онъ долженъ былъ расписывать главный нефъ и куполъ Владимирскаго собора въ Кіевѣ.

Такъ принялся онъ за выполненіе второй половины своей „программы"—изобразить „вѣру" русскаго народа.

Для Васнецова переходъ отъ сказокъ къ религіи не былъ очень чувствителенъ, потому что при всей своей религіозности онъ и на религію смотрѣлъ, какъ на нѣчто сказочное. О его апостолахъ и святыхъ, ангелахъ и первыхъ людяхъ можно сказать то, что К. Маковскій замѣтилъ по поводу его шестикрылыхъ серафимовъ: ихъ „таинственно-громадные" глаза переносятъ въ какую-то „невѣдомую сказку".

Быть можетъ, Васнецовъ болѣе другихъ русскихъ художниковъ былъ призванъ стать художникомъ православія. Изъ родного дома, гдѣ хозяйничалъ сельскій священникъ, онъ вынесъ богатый запасъ наивной вѣры. „Въ православіи мы родились,—говорилъ онъ Стасову,—дай Богъ, православными и умремъ". Приглашенный Праховымъ, Васнецовъ такъ тщательно изучилъ древне-русское религіозное творчество, что въ его настѣнныхъ изображеніяхъ едва ли встрѣтятся какія-нибудь ошибки.

И молва провозгласила Васнецова величайшимъ художникомъ православія, его Рафаэлемъ и Микель-Анджело.

Передъ его Богоматерью, Страшнымъ судомъ и Преддверіемъ таяли неомистики, въ родѣ г. Булгакова, и приходили въ восторгъ даже иностранцы, въ родѣ барона де-Бай.

Когда шумъ восклицаній стихъ и можно было спокойнѣе всмотрѣться въ физіономіи созданныхъ имъ божественныхъ фигуръ, отъ нихъ даже на расположенныхъ ко всему новому въ искусствѣ цѣнителей пахнуло чѣмъ-то какъ-будто давно гдѣ-то видѣннымъ, чѣмъ-то какъ-будто давно знакомымъ — словно съ высоты этихъ иконъ на нихъ взглянули, правда, уже не съ католическими, а съ православными лицами, но все такіе же нарумяненные и такіе же театральные, какими они были когда-то, воскресшіе академики Брюловъ и Бруни.

Пусть отзывъ Бенуа о религіозной

живописи Васнецова, какъ „надутой и фальшивой“, звучитъ рѣзко—въ ней, несомнѣнно, было много „пикантнаго шика“ и „остроумнаго подчеркиванія“, много „ловкаго мастерства“, что-то такое, что напоминало прежняго автора „Ивана-Царевича“, „импровизатора“ и „иллюстратора“.

По выраженію Бенуа, Васнецовъ былъ не болѣе, какъ послѣднимъ остроумно замаскированнымъ отголоскомъ помпезнаго, поверхностнаго „эклектическаго академизма“.

Въ эволюціи русской живописи Васнецовъ важенъ не столько тѣмъ, что онъ фактически сдѣлалъ (хотя въ своемъ родѣ и это, конечно, очень хорошо), не столько тѣмъ, что онъ былъ творцомъ „Ивана-Царевича“, „Богатырской заставы“ и „Богоматери“, а тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ искателей новыхъ путей искусства, противоположнаго передвижническому. Человѣкъ патріархальнаго склада ума, не широкій и не глубокій, совсѣмъ не современный, онъ въ своихъ исканіяхъ новаго бросился назадъ къ сѣдой миѳологической старинѣ, въ вѣкъ камня и богатырей, подъ сѣнь религіи и сказокъ.

Ближе къ модернистамъ по духу стоялъ товарищъ Васнецова по работѣ въ владимирскомъ соборѣ—Нестеровъ.

Современникъ „идеалистовъ“ и „мистиковъ“ 90-хъ годовъ, воспитанныхъ на Достоевскомъ и Вл. Соловьевѣ, Нестеровъ изображалъ въ стилѣ прерафаэлитовъ, переведенныхъ на византійскій языкъ, людей не отъ міра сего съ наивно-дѣтской, блаженно вѣрующей душой; весеннимъ утромъ пробирается вдоль озера старичокъ-пустынникъ, опираясь на свой посохъ, монахини со свѣчами въ рукахъ ведутъ на великій постригъ новую сестру, отрокъ Варѳоломей видитъ при свѣтѣ дня чудесное видѣніе, св. Сергій славословитъ Всевышняго въ лѣсной чащѣ, около деревянной церкви подъ звуки благовѣста тихо идутъ два монаха, старикъ и юноша, погруженные въ чтеніе Евангелія. Въ этихъ странныхъ дѣтяхъ, мужчинахъ и женщинахъ, ушедшихъ въ свои восторженныя грезы, было что-то надломленное, истеричное, что-то карамазовское. Этимъ не отъ міра сего душамъ соотвѣтствуетъ и изображенный Нестеровымъ особенный пейзажъ съ его блѣдными тонами, тощими березками, словно тянущимися къ небу, застывшими прудами и тихо-грустными полями.

Предтечей новаго не-направленскаго искусства былъ и Левитанъ.

Членъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, онъ тяготился своей связью съ публицистами и народниками и, не безъ боли съ ними порвавъ, онъ примкнулъ къ „Міру искусства“.

Антиподъ Шишкина, Левитанъ не заботился объ аккуратномъ исполненіи своихъ замысловъ и не выписывалъ съ добросовѣстностью реалиста каждый листочекъ и камешекъ, каждую травку и каждый сучокъ. Критика часто обвиняла его въ томъ, что онъ не „оканчиваетъ“ своихъ вещей. Картины его въ сущности не болѣе, какъ эскизы, и часто его эскизы лучше его картинъ.

Важнѣе самой природы было для Левитана то настроеніе, которое она на него навѣвала или которое онъ, вѣрнѣе, въ нее вкладывалъ. Настрое-

ніе царило, правда, и въ пейзажѣ Васильева, но это было настроеніе тенденціозное; народникъ по направленію, Васильевъ подчеркивалъ заброшенность, бѣдность родной природы. Настроеніе Левитана болѣе интимное, это его собственное настроеніе, всегда минорное и грустное, въ которомъ печаль сына отверженной расы смѣшивалась съ уныніемъ безпочвеннаго интеллигента-восьмидесятника. Левитанъ любилъ тихія обители на берегу рѣки, черезъ которую ведетъ узенькій деревянный мостикъ, сумерки, сгущающіяся надъ забытымъ уголкомъ, вечернее солнце печально догорающее надъ безлюдной дорогой, бѣлыя березы въ бѣломъ сіяніи луны. Ничего на разсказывая и не описывая, передавая лишь полученныя имъ ощущенія и впечатлѣнія, Левитанъ былъ, какъ пейзажистъ-импрессіонистъ, какъ творецъ paysage intime прямой противоположностью направленцевъ-передвижниковъ: природа была для него лишь средствомъ выражать свою душу.

16.

Модернизмъ.

Новое искусство нашло въ лицѣ С. И. Мамонтова такого же щедраго мецената, какъ передвижники въ лицѣ П. М. Третьякова.

Оба эти капиталиста такъ же мало походили другъ на друга, какъ тѣ эпохи, которыхъ они были дѣтьми.

Третьяковъ былъ общественникъ, другъ „соціалиста" Крамского. Для него на первомъ планѣ стояла идея общественнаго блага. Затративъ огромныя деньги на созданіе своей галлереи, онъ завѣщалъ ее въ собственность городу Москвѣ, въ распоряженіе всей публики. Мамонтовъ былъ индивидуалистомъ. На все онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія личнаго каприза. Искусство было для него не болѣе какъ предметомъ личнаго наслажденія.

Третьяковъ былъ ученый, интересовался русской живописью въ ея цѣломъ, въ ея исторіи, собиралъ картины всѣхъ эпохъ и школъ, хотя бы лично ему несимпатичныхъ.

Мамонтовъ былъ художникъ, увлекался новизной, пріобрѣталъ по своему личному вкусу.

Третьяковъ былъ человѣкъ идеи и цѣнилъ въ живописи больше всего содержаніе, серьезное, общественно-философское.

Мамонтовъ былъ человѣкъ нервовъ и настроенія,—главнымъ для него въ живописи была ея внѣшняя сторона, краски и блескъ.

Въ сельцѣ Абрамцовѣ Московской губерніи, гдѣ нѣкогда въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда оно принадлежало С. Т. Аксакову, толпились преимущественно литераторы, теперь въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда оно перешло въ руки С. И. Мамонтова, перебывали всѣ художники перелома, Васнецовъ, Левитанъ и Полѣновъ, всѣ видные представители модернизма, Сѣровъ и Сомовъ, Врубель и К. Коровинъ, Малявинъ и Милютинъ, Головинъ и Якунчикова.

Какъ передвижники устраивали свои товарищескія выставки, высту-

лая передъ публикой, какъ опредѣленная партія, такъ, по иниціативѣ Дягилева, модернисты показывались публикѣ на выставкахъ „Міра искусства“, какъ опредѣленное направленіе.

Воздерживаясь отъ оцѣнки творчества каждаго изъ этихъ художниковъ въ отдѣльности, укажемъ лишь на черты, характеризующія новое искусство, какъ прямую противоположность стараго.

Модернисты видятъ въ живописи прежде всего именно живопись, т.-е. воспроизведеніе жизни въ *краскахъ*, и обращаютъ поэтому главное вниманіе на красочную сторону картинъ, которая такъ мало интересовала передвижниковъ. Тусклыя и вялыя въ чисто-живописномъ отношеніи произведенія шестидесятниковъ смѣняются теперь ослѣпительными каскадами свѣта и красокъ. Въ своей вѣчной погонѣ за яркостью и сочностью нѣкоторые изъ нихъ, какъ К. Коровинъ и особенно Малявинъ, становятся крикливыми и вульгарными, пишутъ не болѣе какъ разноцвѣтныя ярмарочныя зазыванія.

Придавая главное значеніе „вкуснымъ“ краскамъ, модернисты мало обращаютъ вниманія на содержаніе. Для нихъ всѣ сюжеты равноцѣнны. Имъ все равно, что воспроизводить. Для передвижниковъ форма была лишь средствомъ выражать содержаніе, для модернистовъ содержаніе лишь средство блеснуть формой. Такъ, Сѣровъ съ одинаковымъ вниманіемъ рисуетъ бабу въ телѣгѣ или Венецію, быковъ, жующихъ кормъ, или натурщицу, собственныхъ дѣтей или осенній пейзажъ—никакая руководящая идея не объединяетъ его творчество въ стройное цѣлое.

У другихъ модернистовъ эта направляющая ихъ творчество общая мысль можетъ быть уловлена только съ трудомъ: такъ, Врубель предпочитаетъ образы сказочные (Демонъ, Панъ, Ночное); бывшему аѳонскому монаху Малявину вѣчно грезятся огромнаго роста бабы, смѣющіяся, непобѣдимыя въ своей подавляющей стихійности, а Сомовъ больше живетъ въ эпохѣ русскаго ампира, на островахъ любви, украшенныхъ амурами, среди вычурныхъ дворцовъ у берега правильно очерченныхъ озеръ, гдѣ гуляютъ дамы въ нелѣпыхъ кринолинахъ и кавалеры въ странныхъ панталонахъ и галстукахъ.

Практика модернистовъ, какъ видно, соотвѣтствуетъ ихъ теоріи.

Въ противоположность передвижникамъ они не хотятъ быть „критиками общественныхъ явленій,“ а только пріятными живописцами.

На словахъ провозглашая себя единственными представителями „драгоцѣннаго свободнаго искусства“, модернисты въ дѣйствительности еще въ гораздо большей степени, чѣмъ ихъ старшіе братья, являются рабами рынка.

Поучительно сравнить передвижниковъ и модернистовъ, какъ портретистовъ.

Передвижники изображали преимущественно интеллигенцію, у нихъ не встрѣчаются портреты высокопоставленныхъ лицъ и рѣдко (за исключеніемъ Рѣпина) портреты женщинъ. Модернисты, наоборотъ, рѣже воспроизводятъ интеллигенцію, да и то, кажется, исключительно художниковъ и поэтовъ новаго направле-

нія, зато охотно портреты высокопоставленныхъ лицъ (Сѣровъ) и женщинъ (Малявинъ, Бакстъ, Сѣровъ). Очевидно, „свободные" художники работаютъ на заказъ. Охотно выполняютъ они и всякія другія работы, декораціи для балетовъ и оперъ (Головинъ, Коровинъ), панно для выставокъ (Коровинъ, Клодтъ), иллюстраціи къ классикамъ (Врубель, Сѣровъ, Сомовъ, Милютинъ). Какъ плохо вліяетъ рынокъ на творчество этихъ художниковъ, видно лучше всего изъ этихъ пресловутыхъ иллюстрацій къ Пушкину и Лермонтову, настолько поверхностныхъ, небрежныхъ и чуждыхъ тексту, что привели въ ужась даже первосвященника модернизма, г. Дягилева. Нѣкоторые модернисты пишутъ даже афиши для благотворительныхъ базаровъ. Они хотятъ, громко выражаясь, всюду внести красоту. Вѣрные этому принципу, они отъ мала до велика рисовали образцы столовъ и стульевъ, гребней и блюдъ, лежанокъ и печей въ русскомъ стилѣ, по которымъ потомъ на знаменитой фабрикѣ въ с. Абрамцовѣ воспроизводились соотвѣтственныя вещи домашняго обихода для квартиръ богатыхъ буржуа.

Насколько теперь можно судить о новомъ искусствѣ, оно является прямой противоположностью искусству передвижниковъ.

Художникъ перестаетъ быть „критикомъ общественныхъ явленій", проводящимъ въ своихъ картинахъ извѣстную соціально - философскую программу, воспитывающимъ публику въ извѣстномъ направленіи.

Художникъ становится простымъ ремесленникомъ, стремящимся доставить покупателю пріятное для его глазъ развлеченіе.

Искусство передвижниковъ — направленское и идейное — отмираетъ, какъ отцвѣло искусство академическое.

Мѣсто его занимаетъ живопись безсодержательная, покорная и примиряющая, ослѣпляющая смѣлыми и яркими мазками, подкупающая подборомъ и гармоніей красокъ, живопись внѣшняя, парадная, блестящая.

Модернизмъ ближе къ академизму, чѣмъ къ передвижничеству.

Оно и естественно.

Передвижничество было искусствомъ групповымъ, искусствомъ протестующей разночинной интеллигенціи (народническаго толка).

Академизмъ и модернизмъ—искусства классовыя—одно аристократическое, другое буржуазное. А господствующіе классы—все равно аристократія или буржуазія — предъявляютъ къ искусству одни и тѣ же требованія — забавлять и развлекать.

Передвижничество умерло, когда его носительница — разночинная интеллигенція — перестала существовать, какъ самостоятельная соціальная группа.

По мѣрѣ того, какъ крупная буржуазія завладѣваетъ одной позиціей за другой, и художники идутъ обслуживать ее своей кистью, такъ какъ ея вкусъ и потребность становятся все болѣе обязательными для примыкающихъ къ ней соціальныхъ слоевъ—для мелкой буржуазіи и для буржуазной интеллигенціи.

Всякій соціальный протестъ, всякое стремленіе къ болѣе справедливому укладу жизни снимаются съ

очереди, и тамъ, гдѣ нѣкогда бунтующій разночинецъ проповѣдывалъ о двуединой правдѣ—истинѣ и справедливости, теперь при помощи „вкусныхъ“ красокъ изготовляются безразличныя по содержанію, ласкающія или ослѣпляющія глаза картины для гостиныхъ и будуаровъ новаго хозяина жизни — крупной буржуазіи и ея многочисленной челяди.

17.

Скульптура.

Переворотъ, происшедшій во второй половинѣ XIX вѣка въ живописи, отразился въ скульптурѣ лишь какъ сравнительно слабый отголосокъ.

Только трое именъ заслуживаютъ вниманія, какъ историческія вѣхи.

Родоначальникомъ реалистическаго жанра въ скульптурѣ былъ Каменскій.

Въ академіи онъ лѣпилъ по указкѣ профессоровъ всевозможныя классическія группы въ родѣ Ахиллеса, увозящаго тѣло Патрокла, или Цинцината, получающаго вѣсть объ избраніи его въ диктаторы.

Тѣмъ глубже было удивленіе профессоровъ и публики, когда въ 1863 г. онъ прислалъ изъ Италіи статую „Малютка-скульпторъ“ — крестьянскаго мальчугана, лѣпящаго птичку. Въ этой, быть можетъ, для изображеннаго сюжета слишкомъ изящной вещицѣ было все же гораздо больше правды, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ Бабочникахъ и Сваечникахъ. Съ тѣхъ поръ Каменскій (больше подъ вліяніемъ италіанской школы, чѣмъ русской жизни) изображалъ преимущественно дѣтей и женщинъ изъ средняго и низшаго класса,—вдову съ ребенкомъ на рукахъ или дѣвочку, замочившую въ ручьѣ рубашечку и выжимающую воду изъ нея. Лучшая его вещь „Первый шагъ“. Молодая мать заботливо слѣдитъ за ростомъ своего мальчугана. Каменскій испортилъ эту безпретенціозную вещь претенціозной аллегоріей. Мальчикъ вовсе не простой мальчикъ, а символъ прогресса, какъ о томъ свидѣтельствуетъ италіанская надпись на его игрушечномъ паровозѣ.

Между тѣмъ, какъ рутинеры набрасывались на произведенія Каменскаго, какъ на профанацію скульптуры, академія, въ 60-хъ годахъ потерявшая свое обычное чиновничье равновѣсіе, выразила ему сначала свое „одобреніе и благодарность“, а потомъ наградила его и профессорскимъ чиномъ.

Каменскій обладалъ слишкомъ наивнымъ талантомъ, чтобы стать реформаторомъ русской скульптуры, какъ и его сверстники въ родѣ Чижева, автора „Крестьянина въ бѣдѣ“ или „Игры въ жмурки“.

На долю Антокольскаго выпало обратить вниманіе не только широкихъ слоевъ русской публики, а и западной Европы на скульптурное искусство.

Виленскій еврей по происхожденію, Антокольскій началъ свою дѣятельность изображеніемъ фигуръ и сценъ изъ еврейскаго быта. Первое его произведеніе, вырѣзанное изъ дерева, воспроизводило еврейскаго портного,

усердно вдѣвающаго у окна своей мастерской нитку въ иголку, слѣдующее—горельефъ изъ слоновой кости и дерева—еврея-скупца, считающаго въ лавкѣ свои барыши: оба крайнихъ (для того времени) полюса еврейскаго мѣщанства нашли такимъ образомъ свое художественное воплощеніе.

Антокольскій инстинктивно стремился перейти отъ портрета къ жанру.

На слѣдующемъ его эскизѣ сидятъ у окна два еврея и жарко, до брани и криковъ, спорятъ о Талмудѣ. Неистово трясутся ихъ бороды, и пейсы хлопаютъ по лицу. Для оживленія этой группы Антокольскій намѣревался прибавить еще третью фигуру, въ видѣ глухого, который тщетно силится уяснить себѣ, о чемъ такъ жарко спорятъ диспутанты. Наибольшей сложностью отличается одна изъ лучшихъ его вещей, эскизъ изъ гипса: „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“.

По лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ, спускаются вооруженные солдаты въ латахъ, съ испанцемъ - инквизиторомъ во главѣ—евреи, праздновавшіе Пасху, въ испугѣ вскакиваютъ и ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, только величавый старикъ съ длинной бородой и въ шапочкѣ остановился безстрашный и гордый среди комнаты.

Можно было бы подумать, что Антокольскій, расширивъ сферу первоначальнаго творчества, перейдетъ отъ еврейскаго къ русскому быту, потому что, очевидно, его сердце лежало именно къ жанру.

Вмѣсто этого онъ неожиданно становится историкомъ.

Быть можетъ, успѣхъ, выпавшій на долю его Ивана IV, побудилъ Антокольскаго измѣнить своему призванію, хотя и послѣ Ивана IV онъ создавалъ еще бытовыя группы (Споръ о Талмудѣ и Паденіе инквизиціи)—главную роль въ этомъ переломѣ играло, очевидно, то обстоятельство, что скульпторъ въ еще гораздо большей степени, чѣмъ живописецъ, зависитъ отъ заказовъ: бытовая скульптура—плохое украшеніе для православныхъ храмовъ и казенныхъ площадей.

Историческія фигуры Антокольскаго распадаются на двѣ категоріи.

Однѣ изображаютъ строителей и просвѣтителей русской земли: Ярославъ Мудрый, отецъ своихъ подданныхъ, въ задумчивости перебирающій сѣдую бороду, Іоаннъ III, бережливый собиратель удѣловъ, благоразумный хозяинъ, Петръ I въ мундирѣ преображенскаго полка, въ треуголкѣ, прострѣленной подъ Полтавой, вдохновенно взирающій въ даль будущаго, книжникъ-монахъ Несторъ, безмятежный старецъ, заносящій свое безхитростное повѣствованіе въ скрижали исторіи, и богатырь-казакъ, завоеватель Сибири, Ермакъ.

Лучшей вещью въ этомъ родѣ являются Иванъ IV—„мучитель“ народа и вмѣстѣ „мученикъ“ своей совѣсти, сидящій въ креслѣ съ поминальнымъ синодикомъ на колѣняхъ, съ жезломъ, воткнутымъ въ землю, еще свирѣпый и жестокій, но уже чувствующій приближеніе пароксизма раскаянія — „невозможно представить себѣ Грознаго иначе“, замѣтилъ Тургеневъ при видѣ этой фигуры.

Остальныя статуи Антокольскаго изображаютъ не русскіе типы.

Принадлежа къ разнымъ эпохамъ и національностямъ, онѣ всѣ воплощаютъ одну и ту же идею, идею мученичества.

Вотъ умираетъ, откинувшись въ кресло, бросивъ къ ногамъ кубокъ съ цикутой, обвиненный аѳинскимъ демосомъ въ безбожіи, философъ Сократъ. Его смѣняетъ еврейскій плотникъ съ шапочкой на головѣ, перевязанный веревками. „Я представилъ Христа,—писалъ Антокольскій,—съ той стороны, гдѣ онъ являлся реформаторомъ, возставшимъ противъ фарисеевъ и садукеевъ за ихъ аристократическую несправедливость, за правду, братство и свободу, за тотъ самый народъ, который съ такимъ бѣшенствомъ и невѣдѣніемъ кричалъ: распни его, распни!“ За Христомъ слѣдуетъ дѣвушка-аскетка, святая, окруженная голубями, готовая по первому зову принять вѣнецъ страданія. Эту вереницу мучениковъ за идею, за вѣру, завершаетъ великій авторъ Этики, Спиноза, изгнанный за безбожіе изъ синагоги, въ предсмертномъ холодѣ кутающійся въ одѣяло и все также спокойно взирающій на мірозданіе, въ которомъ зло такъ же необходимо, какъ добро.

Антокольскій считалъ своими лучшими созданіями именно Спинозу и его „духовную сестру“ — Христіанскую мученицу.

Тѣмъ не менѣе, изображенные имъ герои воли выше его героевъ мысли.

Быть можетъ, какъ думаютъ нѣкоторые критики (Сементковскій), суровая борьба за жизнь, которая выпала на долю нищаго виленскаго еврея, выработала въ немъ преимущественно волевую сторону психики, энергію и упорство, и ему потому было легче воплощать тѣ самыя качества, которыя составляли основу его собственной сущности. Быть можетъ, въ этомъ въ еще большей степени виноватъ мраморъ, слишкомъ матеріальное средство, непригодное для выраженія преобладанія духа надъ тѣломъ. Какъ бы тамъ ни было, его мученики за вѣру производятъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ его завоеватели и строители. Какой-то неуловимый дефектъ испортилъ любимцевъ Антокольскаго. Сократъ похожъ скорѣе на пьянаго старика, чѣмъ на умирающаго философа, а Спиноза—на добродушнаго больного обывателя, чѣмъ на изгнанника изъ синагоги.

Если Антокольскій такъ часто и настойчиво воплощалъ идею мученичества, то потому, что по многимъ причинамъ она была ему близка.

Дитя отверженной расы, онъ на своихъ плечахъ испыталъ всю тяжесть вѣковой несправедливости, загнавшей евреевъ въ душное гетто, и, хотя еврейскій вопросъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ былъ снятъ съ очереди, въ лицо виленскаго еврея попадалъ не одинъ плевокъ, назначенный по адресу всей націи. Бездомный нищій, Антокольскій перечувствовалъ и весь ужасъ необезпеченнаго положенія, позоръ, сопутствующій голоду. Тяжело жилось ему и въ академіи, откуда его въ концѣ-концовъ прогнали вмѣстѣ съ Иваномъ IV, котораго пришлось разрѣзать на части и перевезти въ холодную конуру и тамъ окончить среди мучительнаго ревматизма. Тяжело приходилось ему и отъ публики, которая, правда,

пришла въ восторгъ отъ Ивана IV, почуявъ въ немъ политическую тенденцію, но потомъ охладѣла къ художнику, встрѣтивъ издѣвательствами его Христа, насмѣшками его проектъ памятника Пушкину и равнодушно пройдя мимо его выставки 1880 г., словно „онъ сдѣлалъ что-то худое и всѣхъ оскорбилъ".

Самъ во многихъ отношеніяхъ мученикъ, Антокольскій и сдѣлался пѣвцомъ мученичества.

Пусть на первый взглядъ герои художника далеки отъ современной ему эпохи, отъ 60-хъ и 70-хъ годовъ—между ними есть несомнѣнная точка соприкосновенія. Всѣ эти Сократы и мученицы, Христы и Спинозы, готовые смерть принять за свободу, стоятъ, какъ мраморные символы той передовой (народнической) интеллигенціи, которая возстала противъ „аристократической несправедливости" за „правду и братство".

Среди этихъ рыцарей духа какъ-то одиноко высится фигура Мефистофеля.

Это, по словамъ Антокольскаго, не „гетевскій герой", а синтезъ трехъ гетевскихъ образовъ—ученаго Вагнера, философа Фауста и критика Мефистофеля—другими словами воплощеніе XIX в., какъ первоначально онъ и хотѣлъ назвать свою статую.

Если русская публика недооцѣнила Антокольскаго, то западно-европейская критика сразу обратила на него вниманіе, какъ на „единственнаго русскаго скульптора", на произведеніяхъ котораго слѣдовало бы учиться „всѣмъ ваятелямъ", и они узнаютъ тогда, „какъ громадно вдохновеніе, почерпнутое изъ искренняго изученія живой натуры".

Творенія Антокольскаго украшали выставки передвижниковъ.

На выставкахъ „Міра искусства" его мѣсто занялъ кн. Трубецкой.

Какъ всѣ модернисты, кн. Трубецкой относится совершенно безразлично къ тому, что онъ воспроизводитъ. Сюжетъ въ его глазахъ не играетъ никакой роли. Онъ съ одинаковымъ вниманіемъ лѣпитъ конную статую имп. Александра III или Мать съ ребенкомъ, гр. Толстого или Натурщицу, кн. Голицына или Извозчика подъ снѣгомъ, Пушкина или Жеребенка, сосущаго матку. Художникъ всецѣло отдаетъ себя въ распоряженіе публики, готовъ сообразоваться съ каждымъ требованіемъ. Какое значеніе имѣютъ изображаемые имъ люди, какую общественную и нравственную цѣнность они знаменуютъ, во имя чего они живутъ, его занимаетъ меньше, чѣмъ вопросъ, найти и не потерять покупателя, уцѣлѣть на рынкѣ, а сбытъ, конечно, будетъ, потому что всякій бунтъ противъ существующаго матеріальнаго и идейнаго порядка вещей, всякій протестъ противъ „аристократической несправедливости", во имя „правды и братства", воодушевлявшій Антокольскаго, кн. Трубецкимъ упраздненъ, какъ и всѣмъ поколѣніемъ модернистовъ, группировавшимся вокругъ „Міра искусства".

18.

Архитектура.

Во второй половинѣ XIX в. значительно мѣняется архитектурная физіономія русскаго города. Еще въ эпоху Николая I Москва и Петербургъ были застроены мрачными и скучными казармами съ фронтонами и колоннами, кое-гдѣ украшенными гирляндами и вѣнками à la grecque, неуклюжими лѣстницами, по которымъ опасно было ходить,—„вездѣ мертвенная правильность, безвкусіе, тоска, холодъ, широкіе темные углы, стѣны, какъ въ казематахъ, что-то сарайное и бездушное".

По мѣрѣ того, какъ Россія превращалась изъ помѣщичьей вотчины, поставленной на военную ногу, въ торгово-промышленную страну на европейскій ладъ, города незамѣтно теряютъ свой прежній угрюмый казарменный характеръ.

Торговые и частные дома, училища и музеи начинаютъ строиться въ стилѣ рококо или ренессансъ. Кое-гдѣ выглядываютъ изъ канцелярскаго однообразія остроконечныя готическія башенки, прорѣзные гребни на кровлѣ, висячія романскія колонки, всевозможные бельведеры, двойныя венеціанскія окна.

Русскій городъ получаетъ благодаря такимъ архитекторамъ, какъ Макаровъ (романскій стиль), Штретеръ и Китнеръ (ренессансъ), Рахау (Луи Каторзъ и Кэнзъ), нѣсколько болѣе умытый, слегка щеголеватый видъ.

Россія начинаетъ походить на Европу.

И все же между Западомъ и Востокомъ продолжала зіять пропасть.

Въ Европѣ, за исключеніемъ Швеціи и отчасти Швейцаріи, никто уже больше не строилъ изъ дерева. Тамъ царили камень и желѣзо.

Россія продолжала еще въ значительной степени быть деревянной, а не каменной страной.

Вѣрнѣе, существовали двѣ Россіи—каменная и деревянная.

Въ каменной Россіи—Россіи правительственныхъ учрежденій и церковныхъ зданій и вообще всякихъ монументальныхъ сооруженій — попрежнему хозяйничала академія и архитектурное общество. Здѣсь все еще виталъ духъ умершаго придворнаго строителя Тона, царилъ чиновникъ отъ архитектуры. Здѣсь было мѣсто только рутинѣ и кумовству. Всякая оригинальность подавлялась, всякая творческая независимость заглушалась, всякій проблескъ мысли немедленно гасился. Такимъ самобытнымъ архитекторамъ, какъ Гартманъ, не давали ходу, ихъ проекты (кіевскія городскія ворота, фасадъ дома для народныхъ лекцій въ Соляномъ городкѣ) или браковались или не исполнялись, они сами вѣчно страдали отъ безработицы и голода. Но и здѣсь, въ этомъ мірѣ казенщины и рутины, повѣяло въ 60-хъ и 70-хъ годахъ свѣжимъ воздухомъ. Въ архитектурномъ искусствѣ, отстоящемъ отъ жизни еще дальше, чѣмъ скульптура, реализмъ могъ выразиться только какъ освобожденіе отъ чужеземныхъ стилей, какъ возрожденіе стиля русскаго.

Въ духѣ русской старины, напри-

мѣръ, XVII в. строятся уже и казенныя зданія въ родѣ московской Думы (проектъ Резанова) или Политехническаго музея (проектъ Монигети и Никонова) и въ особенности церковныя зданія (постройки Горностаева на Валаамѣ и въ Сергіево-Троицкѣ, Гримма въ Херсонесѣ и Тифлисѣ, Резанова въ Царствѣ Польскомъ).

Новый русскій стиль находитъ себѣ поклонниковъ и въ рядахъ нарождающейся буржуазіи.

Ропетъ создаетъ проектъ торговаго дома Башмакова. Гартманъ воздвигаетъ домъ типографіи Мамонтова.

Такъ какъ міръ каменной архитектуры все еще былъ подвластенъ академіи, то художники поспѣшили отвоевать, по крайней мѣрѣ, міръ архитектуры деревянной.

Только въ этой области имъ удалось создать нѣчто оригинальное.

Воспользовавшись простонародной орнаментикой, узорами, которыми крестьянинъ украшаетъ избу и утварь, полотенца и пряники, Гартманъ и Ропетъ пустили ихъ съ большимъ вкусомъ въ ходъ при сооруженіи выставочныхъ зданій и народныхъ театровъ.

Въ концѣ XIX в. архитектурная физіономія русскихъ городовъ снова мѣняется.

Россія все больше превращается въ Европу. Города растутъ съ американской быстротой, становятся средоточіями жизни и культуры. Они теряютъ постепенно свой провинціальный захолустный характеръ. Дома-особняки вытѣсняются огромными многоэтажными зданіями съ подъемными машинами. На всѣхъ улицахъ воздвигаются роскошные конторы и магазины, нескончаемые торговые ряды, просторные и свѣтлые вокзалы.

Дерево уступаетъ одну за другой свои позиціи.

Въ XX вѣкъ Россія вступаетъ страной желѣза и камня.

ГЛАВА XXI.

Музыка въ Россіи послѣ 60-хъ годовъ.

(Ю. Д. Энгеля).

На смѣну первому („глинкинскому") поколѣнію русскихъ композиторовъ (Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ) въ 60-хъ годахъ выступилъ цѣлый рядъ новыхъ силъ (Балакиревъ, Кюи, Мусоргскій, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій), творчество которыхъ относится уже къ новому, послѣ-глинкинскому періоду исторіи русской музыки. На этотъ же второй періодъ падаетъ главнымъ образомъ и дѣятельность А. Рубинштейна, жизнь котораго однако значительно захватываетъ и предыдущую эпоху.

Раньше всего — еще при жизни Глинки—Рубинштейнъ *) пріобрѣлъ

*) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ (1829—1894), сынъ московскаго фабриканта,

громкую извѣстность, какъ виртуозъ. Это былъ одинъ изъ величайшихъ когда-либо существовавшихъ піанистовъ; послѣдній изъ могиканъ универсальнаго піанизма, послѣдній „фортепіанный Аристотель", для котораго равно открытой книгой было все, написанное для фортепіано, произведенія всѣхъ стилей, всѣхъ временъ и народовъ. Особенно ярко показалъ это Рубинштейнъ въ своихъ историческихъ концертахъ (1885—86), послужившихъ прототипомъ множества позднѣйшихъ, сходныхъ по идеѣ начинаній. Геніальное исполненіе Рубинштейна отличалось при этомъ не столько тщательной шлифовкой деталей, сколько цѣльностью и силой общей концепціи.

Послѣднее характерно и для творчества Рубинштейна. Писалъ онъ страшно легко и быстро, съ той наивностью и непосредственностью, которыя вообще являлись характерными чертами его художественной натуры. Но зато онъ часто давалъ не *лучшее* изъ того, что могъ дать, а *первое*; и разъ это „первое" попадало на бумагу, онъ уже больше не возвращался къ нему, шелъ дальше. Такой способъ письма объясняетъ какъ огромное количество произведеній Рубинштейна, такъ и ихъ характерное качество—нервность. Сильныя, вдохновенныя мѣста чередуются у него съ водянистыми, безцвѣтными; конецъ рѣдко достоинъ начала.

Въ своихъ симфоническихъ и камерныхъ сочиненіяхъ Рубинштейнъ примыкаетъ къ старымъ классическимъ формамъ, поскольку тѣ развиты и дополнены были первыми романтиками (Мендельсонъ, Шуманъ). Онъ самъ говорилъ про себя: „въ жизни я республиканецъ, въ искусствѣ—консерваторъ". Та же самая старинная закваска сказалась и въ операхъ Рубинштейна, болѣе всего близкихъ къ Мейерберу. Ихъ почти два десятка; среди нихъ имѣются и 4 „духовныхъ оперы" (т. е. оперы на библейскіе и евангельскіе сюжеты, до Рубинштейна трактовавшіеся въ видѣ ораторій, не предназначенныхъ для сцены). Особенно оригиналенъ и ярокъ у Рубинштейна колоритъ восточный, въ чемъ, можетъ быть, сказалось его еврейское происхожденіе (оперы: *Демонъ*, *Маккавеи*, *Фераморсъ*, *Суламиѳь*, духовная опера *Вавилонское столпотвореніе*, *Персидскія пѣсни* и др.). Зато, когда Рубинштейнъ хочетъ придать своей музыкѣ русскій характеръ, онъ теряетъ самостоятельность и въ лучшемъ случаѣ только слабо повторяетъ глинкинскіе и доглинкинскіе зады (оперы *Горюша*, *Купецъ Калашниковъ*).

Какъ композиторъ общеевропейскаго, космополитическаго типа, Рубинштейнъ такимъ образомъ лишь поверхностно примкнулъ къ самостоятельной *русской*, глинкинской школѣ. Зато онъ явился достойнымъ продолжателемъ завѣтовъ Глинки, какъ первый широкій насадитель въ Россіи настоящей европейской музыкальной культуры и музыкаль-

10 лѣтъ выступилъ уже какъ піанистъ. Изъѣздилъ, концертируя, всю Европу и С. Америку. Рубинштейнъ былъ главнымъ основателемъ (1859) Русскаго Музыкальнаго Общества и существующей при немъ петербургской консерваторіи, директоромъ которой состоялъ дважды (1862—67, 1887—91). Большую часть жизни Рубинштейнъ прожилъ въ Россіи, но часто (иногда по нѣскольку лѣтъ) живалъ и заграницей, главнымъ образомъ въ Германіи. Мальчикомъ выступилъ Рубинштейнъ и на композиторское поприще.

наго просвѣщенія. Ему обязано своимъ основаніемъ и развитіемъ Русское Музыкальное Общество, — эта наиболѣе крупная музыкальная организація не только въ Россіи, но, пожалуй, и во всемъ свѣтѣ. Каковы бы ни были музыкальные недостатки этой организаціи, раскивувшей свою дѣятельность по всей Россіи, за ней навсегда останется огромная заслуга: она много способствовала уничтоженію въ Россіи стариннаго убогаго музыкальнаго дилетантизма, создавъ новые кадры публики и музыкантовъ, предъявляющихъ къ искусству звуковъ болѣе серьезныя и высокія требованія. И всему этому далъ починъ и направленіе Рубинштейнъ, съ самаго начала ставъ во главѣ первыхъ въ Россіи постоянныхъ симфоническихъ концертовъ Общества и его первой въ Россіи консерваторіи *).

Какъ очаги музыкальнаго просвѣщенія, консерваторіи такимъ образомъ въ области музыки давали исходъ тому общему стремленію къ европейскому образованію и культурѣ, которымъ охвачена была Россія въ 60-ые годы. Но дѣятельность этихъ очаговъ—особенно въ Петербургѣ—съ самаго начала запечатлѣна была слишкомъ односторонними консервативно-классическими тенденціями, и это не могло не вызвать отпора со стороны молодыхъ силъ, стремившихся „къ новымъ берегамъ", увлеченныхъ общимъ радикальнымъ духомъ той эпохи бури и натиска. Эти молодыя силы (Балакиревъ, Кюи, Мусоргскій; потомъ Бородинъ, Римскій-Корсаковъ) объединились въ 60-хъ годахъ въ кружокъ, извѣстный подъ названіемъ „новой русской школы".

Ядро кружка группировалось сначала вокругъ Даргомыжскаго (какъ автора *Каменнаго гостя*). Но послѣ смерти Даргомыжскаго главой кружка, какъ наиболѣе богатый музыкальнымъ опытомъ и знаніями, сталъ Балакиревъ, съ самаго начала бывшій во многомъ руководителемъ своихъ товарищей. Изъ всего кружка онъ одинъ былъ въ то время профессіональнымъ музыкантомъ, жилъ музыкальнымъ трудомъ. Кюи былъ военнымъ инженеромъ; Бородинъ химикомъ; Мусоргскій служилъ въ гвардіи; Римскій-Корсаковъ—во флотѣ. Въ музыкѣ вся эта молодежь были самоучки; вмѣстѣ изучали они партитуры великихъ мастеровъ, вырабатывали свои художественные идеалы. Идеалы эти не остались безъ вліянія господствовавшихъ тогда въ литературѣ и искусствѣ теченій: народничества и реализма. Отсюда преклоненіе кружка передъ русской народной пѣснью, передъ *Русланомъ* Глинки, какъ типомъ „русской" оперы, и *Каменнымъ гостемъ* Даргомыжскаго, какъ типомъ оперы „реальной"; отсюда культъ программной музыки съ ея знаменоносцами Шуманомъ, Берліозомъ, Листомъ; отсюда нѣкоторое пренебреженіе къ чистой музыкальной красотѣ, къ элементу формы въ искусствѣ, а стало быть, и къ развитію композиторской техники, какъ средству овладѣть этой формой. Кружокъ возставалъ противъ классической рутины консерваторій, противъ мейерберовскаго эклектизма и вагнеровскихъ теорій Сѣ-

*) Много сдѣлалъ въ томъ же направленіи братъ его, Николай Рубинштейнъ (1835—1881), прекрасный піанистъ, стоявшій во главѣ московскаго отдѣленія того же Общества и московской консерваторіи.

рова, противъ господствовавшей тогда страсти къ италіанской оперѣ, и такимъ образомъ вооружилъ противъ себя и консерваторскіе круги (Рубинштейнъ, музыкальные критики Ларошъ, Фаминцынъ), и сѣровскую партію и италіаноmановъ. Литературными застрѣльщиками кружка были В. Стасовъ и Кюи. Въ увлеченіи полемикой съ каждой стороны допущены были рѣзкія крайности и преувеличенія. Въ противовѣсъ консерваторіи и ея концертамъ кружокъ организовалъ даже (1862) въ Петербургѣ свою „Безплатную Музыкальную Школу" и концерты при ней, имѣвшіе въ 60-хъ годахъ большое значеніе для музыкальнаго развитія большой публики.

Но полное единодушіе балакиревскаго кружка продолжалось недолго. Какъ всегда, здѣсь въ пылу борьбы собрались подъ одно знамя люди, во многомъ далекіе другъ другу и по складу дарованія и по характеру художественныхъ симпатій. Не удивительно, что когда острый періодъ миновалъ, каждый изъ нихъ пошелъ по собственному музыкальному пути, порой чуть не противоположному дорогѣ товарища.

Такимъ образомъ, если можно говорить о новой русской школѣ, какъ о дѣйствительной „школѣ", а не только какъ о кружкѣ композиторовъ, связанныхъ извѣстной личной близостью, то лишь по отношенію къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, т. е. къ той боевой эпохѣ, когда члены кружка только пробивали себѣ дорогу.

Неизбѣжный процессъ расхожденія, дифференціаціи членовъ кружка еще обострился благодаря особенностямъ таланта Балакирева. Слишкомъ субъективный и властный, талантъ этотъ стѣснялъ полетъ выроставшихъ индивидуальностей младшихъ товарищей Балакирева. Но все же за Балакиревымъ навсегда останется въ исторіи музыки слава перваго главы „новой русской школы": онъ заставилъ своихъ товарищей твердо увѣровать въ ихъ музыкальное призваніе; много содѣйствовалъ ихъ музыкальному развитію; руководилъ ихъ первыми, самыми трудными шагами на композиторскомъ поприщѣ *).

Но и помимо этого, какъ художникъ-творецъ, Балакиревъ занимаетъ видное мѣсто въ русскомъ искусствѣ. Музыка его во многомъ близко примыкаетъ къ Глинкѣ. То же стремленіе къ чистотѣ стиля, до мельчайшихъ подробностей тщательно отдѣланнаго; то же отсутствіе всего преувеличеннаго, хаотическаго; та же связь творчества съ народными напѣвами, — главнымъ образомъ русскими, но также чешскими, испанскими, восточными; тотъ же монографическій стиль оркестровки. Нѣтъ только глинкинской непосредственности и, главное, цѣльной мощи широкихъ построеній Глинки, взамѣнъ которыхъ Балакиревъ часто довольствуется мозаичнымъ сплетеніемъ деталей, преимущественно варіаціоннаго характера. Съ другой стороны, на болѣе сложныхъ и особенно на „программныхъ" элементахъ музыки Балакирева сказалось вліяніе Берліоза,

*) Балакиревъ, Милій Алексѣевичъ, родился въ 1836 г. Въ 1855 г. поселился въ Петербургѣ, гдѣ въ свое время часто выступалъ какъ піанистъ и дирижеръ (въ концертахъ Безплатной Музыкальной Школы и др.). Въ 1883—1895 гг. управлялъ придворной капеллой.

а также Шумана и симфоническаго Листа, которыхъ Глинка вовсе не зналъ. Гармоническіе, ритмическіе и оркестровые пріемы Балакирева мѣтки и дѣйствительны. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности рѣдко представляетъ что-либо необычайное, но въ живомъ органическомъ соединеніи они получаютъ совершенно новую комбинированную силу, характерную для своеобразной индивидуальности композитора, чуждой пламеннаго порыва, склонной къ кабинетной выхоленности. Оперъ Балакиревъ не писалъ, а всѣ свои силы отдалъ оркестру, фортепіано, романсу. Каждое изъ сочиненій Балакирева вылеживалось у автора по многу лѣтъ (иногда до 30); оттого число ихъ невелико. Имъ написаны для оркестра нѣсколько увертюръ (русскія, чешская, испанская), музыка къ *Королю Лиру*, двѣ симфоніи и симфоническая поэма *Тамара*, одно изъ выдающихся произведеній програмной музыки. Замѣчательны многіе романсы, а также фортепіанныя пьесы Балакирева (фантазія *Исламей*), съ которыхъ собственно и начинается самостоятельная русская фортепіанная литература. Балакиревъ самъ былъ прекрасный піанистъ. Наконецъ, крупное значеніе для художественнаго использованія и обработки русской народной пѣсни имѣлъ первый въ своемъ родѣ *Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ* Балакирева (1866).

Противоположностью Балакирева во многихъ отношеніяхъ является Мусоргскій *), изъ всѣхъ членовъ кружка наиболѣе „крайній", наиболѣе самобытный и оригинальный. Балакиревъ силенъ прежде всего выдумкой, богатствомъ музыкальныхъ комбинацій; Мусоргскій—геніальной непосредственностью, нутромъ. Стиль Балакирева удивительно чистъ и отдѣланъ; Мусоргскій отдѣлывать не любитъ и часто бываетъ преднамѣренно корявъ. Балакиревъ — холодноватъ, Мусоргскій — горячъ; Балакиревъ тяготѣетъ къ инструментальной музыкѣ, Мусоргскій—къ вокальной. Балакиревъ хотя во многомъ и самостоятеленъ, но большей частью опирается на кого-нибудь; Мусоргскій идетъ своимъ собственнымъ путемъ, напроломъ, „къ новымъ берегамъ".

Даргомыжскій, въ эпоху созданія *Каменнаго гостя* признанный глава балакиревскаго кружка, провозгласилъ: „Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды". Мусоргскій, признавшій Даргомыжскаго „великимъ учителемъ музыкальной правды", къ этому завѣту, касающемуся больше средствъ искусства, чѣмъ его основныхъ задачъ, прибавилъ и свое credo, ставящее вопросъ гораздо шире: „Искусство есть средство для бесѣды съ людьми". И еще: „Художественное изображеніе красоты въ матеріальномъ значеніи есть ребячество, дѣтскій возрастъ искусства". Нельзя не видѣть, насколько близки эти идеи къ господствовавшему въ 60-ые годы одностороннему, прямолинейному взгляду на искусство, вы-

*) Модестъ Петровичъ Мусоргскій (1835—1881) сынъ помѣщика, до 10 лѣтъ жилъ въ деревнѣ, затѣмъ въ Петербургѣ. До 1859 г. служилъ въ гвардіи, позднѣе нужда заставила его снова служить (по гражданской службѣ). Въ 1857 г. сблизился съ Балакиревымъ, совѣтамъ котораго по композиціи много обязанъ. Умеръ въ больницѣ отъ бѣлой горячки.

водомъ изъ котораго явилось даже пренебреженіе къ Пушкину. Писаревская апологія мыслящаго реалиста, „темное царство“, пригвожденное къ столбу Добролюбовымъ, начало народнической литературы (Некрасовъ, Тургеневъ, Островскій, Толстой, Писемскій и др.), картины Перова, Крамского, Гартмана, Художественной артели, за тѣмъ передвижниковъ,—все это наложило печать на талантъ Мусоргскаго, уже отъ природы чувствовавшій тяготѣніе въ ту же сторону народничества и реализма. Мусоргскій не признавалъ музыки внѣ связи со словомъ, или съ поэтическимъ сюжетомъ. Стремясь выразить въ звукахъ это слово, или сюжетъ съ наибольшей выразительностью и реализмомъ, Мусоргскій пускалъ въ ходъ всѣ средства, на какія только могло его натолкнуть пылкое воображеніе и музыкальное развитіе, свободное отъ подчиненія авторитетамъ и столпамъ. Этой своей основной задачѣ онъ готовъ былъ жертвовать и внѣшней, матеріальной красотой звука, и стройностью музыкальной архитектуры, и общепринятыми гармоническими и иными требованіями.

Новизнѣ пріемовъ Мусоргскаго соотвѣтствуетъ и новизна его сюжетовъ, сплошь связанныхъ съ русской жизнью, съ русской поэзіей. Самымъ раннимъ сохранившимся крупнымъ сценическимъ произведеніемъ Мусоргскаго является первый актъ гоголевской *Женитьбы*, цѣликомъ, безъ измѣненія (!) положенный на музыку. Этотъ смѣлый опытъ „драматической музыки въ прозѣ“ впервые былъ изданъ и публично исполненъ лишь въ 1908 г., т. е. черезъ 40 лѣтъ послѣ своего появленія на свѣтъ. По оригинальной тонкости и реализму сплошь декламаціоннаго стиля *Женитьба* можетъ быть поставлена рядомъ съ *Каменнымъ гостемъ* Даргомыжскаго. А вѣдь *Каменный гость*, раньше считавшійся unicum'омъ въ своемъ родѣ, написанъ послѣ (!) *Женитьбы*. Извѣстнѣйшее произведеніе Мусоргскаго—опера, или, какъ назвалъ ее самъ композиторъ, народная музыкальная драма *Борисъ Годуновъ* (по Пушкину). Это—цѣлый русскій микрокосмъ, изображенный въ звукахъ. Съ совершенно особой находчивостью и умѣніемъ пользуется здѣсь композиторъ народными напѣвами для проникновенной обрисовки бытовыхъ сценъ и цѣлой исторической эпохи,—особенно въ хорахъ, отъ которыхъ „несетъ полушубкомъ“. Его музыкальныя характеристики удивительно сжаты и ярки; декламація гибка и выразительна. Слабой стороной музыки Мусоргскаго является небрежность формы и недостатокъ широкаго органическаго тематическаго развитія, находившійся въ связи съ пробѣлами его техники и невольно суживавшій ширину его творческаго размаха. Послѣдняя „народная музыкальная драма“ Мусоргскаго *Хованщина* (изъ эпохи Софьи Алексѣевны) богата красотами того же типа, но въ ней меньше непосредственной силы, да композиторъ и не успѣлъ ее вполнѣ закончить и обработать.

Въ высшей степени оригинальны по своимъ сюжетамъ и музыкальной трактовкѣ романсы Мусоргскаго (на тексты Некрасова, Мея, А. Толстого и др.). Любви, этой излюбленной темѣ романсныхъ композиторовъ, у Мусоргскаго отведено очень мало мѣста. Реальныя картинки народной—

часто даже простонародной—жизни, взятыя съ совершенно оригинальныхъ точекъ зрѣнія, юмористическія сцены (даже каррикатуры), жизнь дѣтей — вотъ преимущественные сюжеты романсовъ этого музыкальнаго Некрасова, къ которымъ даже какъ-то странно примѣнять названіе романса. Два цикла позднѣйшихъ романсовъ (*Безъ солнца* и *Пѣсни смерти*, на слова друга Мусоргскаго, Голенищева-Кутузова) по сюжетамъ нѣсколько ближе къ обычному романсному типу, но по музыкѣ и они стоятъ особнякомъ. Вмѣстѣ съ безысходной заброшенностью въ нихъ слышатся отзвуки жуткаго мистицизма, проглядывающаго также въ *Хованщинѣ*. Музыка Мусоргскаго теперь гораздо болѣе распространена и любима, чѣмъ при жизни композитора; популярность и вліяніе ея все растутъ. И не только въ Россіи: возставшая противъ старыхъ традицій молодая музыкальная школа во Франціи считаетъ себя не малымъ обязанной Мусоргскому. Кромѣ оперъ и романсовъ, Мусоргскій написалъ еще нѣсколько оркестровыхъ пьесъ (извѣстнѣйшая *Ночь на Лысой горѣ*), 4 хора съ оркестромъ (*Іисусъ Навинъ*) и нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ. Всѣ крупныя сочиненія Мусоргскаго (оперы, хоры, оркестровыя вещи) послѣ смерти композитора приведены въ ихъ теперешній видъ, закончены и переоркестрованы Римскимъ-Корсаковымъ, въ редакціи котораго обыкновенно и исполняются.

Новую яркую индивидуальность представляетъ Бородинъ *). Несмотря на общность специально-русской окраски, дарованіе его во многомъ противоположно Мусоргскому. Мусоргскій—безпощадный реалистъ; Бородинъ, при всемъ чутьѣ жизни, стилизуетъ, даже идеализируетъ ее. Мусоргскій признаетъ только музыку на текстъ, или поэтическую программу; Бородинъ много силъ отдаетъ и чистой абсолютной музыкѣ. Мусоргскій бѣжитъ отъ старыхъ музыкальныхъ формъ; Бородинъ охотно ихъ культивируетъ, какъ въ оперѣ, такъ и въ инструментальной музыкѣ. Мусоргскій, словомъ, ближе къ Даргомыжскому, Бородинъ къ Глинкѣ.

Не даромъ *Игорь* — единственная опера Бородина—посвященъ памяти Глинки. Либретто этой оперы написано по *Слову о полку Игоревомъ* самимъ композиторомъ. Бородинъ умеръ, не успѣвъ закончить *Игоря*; это было сдѣлано послѣ его смерти Римскимъ-Корсаковымъ и Глазуновымъ. Широкія закругленныя формы, могучій русскій колоритъ, мелодическая красота, сила музыкальной характеристики, главное же геніальная эпическая объективность дѣлаютъ *Игоря* достойнымъ младшимъ собратомъ *Руслана*. Сходство увеличивается еще сопоставленіемъ въ обѣихъ операхъ восточнаго и русскаго элементовъ. И если „восточная" музыка Бородина стоитъ особнякомъ въ міровой литературѣ, то и его „русская" музыка

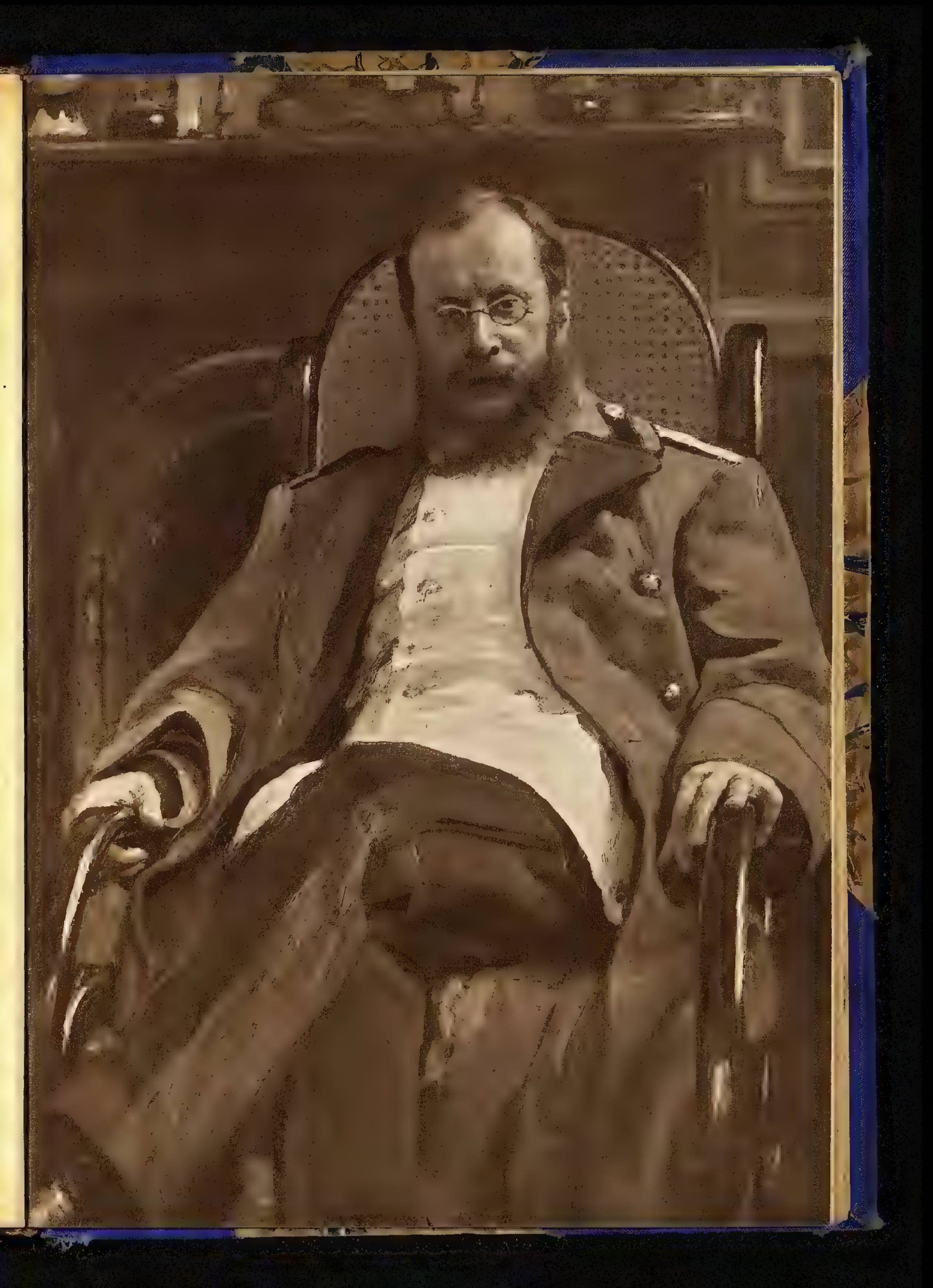
*) Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (1834—1887), внѣбрачный сынъ князя Гедеонова, окончилъ петербургскую медико-хирургическую академію, при которой затѣмъ состоялъ до смерти профессоромъ химіи. Какъ химикъ, Бородинъ составилъ себѣ также видное имя въ наукѣ. Ученая и общественная дѣятельность не давали Бородину возможности удѣлять много времени музыкѣ; онъ могъ писать лишь урывками.

Цезарь Антоновичъ Кюи.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ.
Съ любезнаго разрѣшенія Ц. А. Кюи въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

16

является, можетъ быть, наиболѣе русской изо всего, что было написано послѣ Глинки до Римскаго-Корсакова. И это тѣмъ болѣе поразительно, что Бородинъ—дитя Петербурга, и въ глубинѣ Россіи бывалъ только урывками, да и то будучи уже взрослымъ. Чутье народности — и именно самаго глубокаго, самаго идеально-коренного, что есть въ народномъ творчествѣ, очевидно, было врождено Бородину. Это былъ дѣйствительно прирожденный, самобытный талантъ, настоящій самородокъ. И можно только глубоко пожалѣть, что жизнь Бородина сложилась такъ, что музыкѣ онъ могъ отдавать только досуги...

Та же свѣжесть и сила музыкальной мысли, тотъ же широкій эпическій размахъ, которые такъ привлекаютъ въ *Игорѣ*, характеризуютъ и симфоническое творчество Бородина. Онъ написалъ двѣ симфоніи, неоконченную третью и симфоническую поэму *Въ Средней Азіи*. Симфоніи Бородина не были первыми русскими симфоніями. Еще до Бородина первую русскую симфонію написалъ Римскій-Корсаковъ. Но Римскій-Корсаковъ по природѣ своего дарованія симфонистъ - живописецъ; сильнѣй всего онъ въ программной музыкѣ, а не въ чистой симфоніи. Настоящимъ симфонистомъ „Новой русской школы“ надо считать такимъ образомъ Бородина, и уже затѣмъ Балакирева и Римскаго-Корсакова. Симфоніи Бородина относятся къ наиболѣе выдающемуся, что создано въ этой области не только въ Россіи, но и на Западѣ со временъ Бетховена. Онѣ раньше пріобрѣли извѣстность на Западѣ, чѣмъ въ Россіи. Какъ и въ своей оперѣ, композиторъ не отказывается здѣсь отъ старыхъ формъ; но и въ старыхъ формахъ, наполняя ихъ новымъ содержаніемъ, достигаетъ новыхъ мощныхъ высотъ. Что-то стихійно могучее, безъ малѣйшей подмѣси нытья и болѣзненности слышится въ этихъ богатырскихъ симфоніяхъ, особенно во второй. Это—великолѣпный, идеализованный образецъ русской музыки, близкой по духу лучшимъ вдохновеніямъ народнаго творчества, но прошедшей сквозь горнило отвѣдавшаго отъ высшихъ благъ культуры художника. Лучше всего выражены въ музыкѣ Бородина эпическій и лирическій элементъ, да пожалуй, комическій (*Игорь*); нѣсколько слабѣе драматическій. Бородинъ написалъ также два струнныхъ квартета и нѣсколько оригинальныхъ романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ.

Гораздо менѣе самобытенъ, но все же своеобразно-силенъ талантъ Кюи *). Раздѣляя съ „новой русской школой“ ея общіе, принципіальные взгляды, Кюи, соотвѣтственно особенностямъ своего дарованія, избѣгалъ въ своихъ операхъ русскихъ сюжетовъ и вообще чуждъ въ своей, такъ сказать, „общеевропейской“ музыкѣ какихъ - либо специфически - національныхъ элементовъ. Наиболѣе ярко проявилась сила Кюи въ музыкѣ вокальной. Излюбленные сюжеты его—трагическіе. Оперныя фор-

*) Цезарь Антоновичъ Кюи (род. въ 1835 г.) сынъ француза-учителя и литвинки; учился въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ (Академіи), при которомъ и остался затѣмъ профессоромъ фортификаціи, дослужившись до полнаго генерала. Много силъ отдалъ также музыкальной критикѣ.

мы у Кюи свободны; важное мѣсто отведено мелодической декламаціи; детали, особенно гармоническія, смѣлы и тщательно отдѣланы. Всѣ эти новыя черты придали оперѣ Кюи (*Ратклифъ*, 1869 г.) значеніе крупнаго музыкальнаго событія, вызвавшаго въ свое время много шума и полемики. Кюи мало склоненъ къ послѣдовательной и широко проведенной тематической разработкѣ, къ большимъ построеніямъ. Это—замѣчательный мастеръ миніатюры, наиболѣе совершенный въ области романса, обязаннаго Кюи расширеніемъ и утонченіемъ средствъ музыкальной выразительности. Въ мелкія формы вылилась и оркестровая музыка Кюи (сюиты). Собственно говоря, и оперы Кюи представляютъ собою скорѣе рядъ отдѣльныхъ до мелочей отдѣланныхъ эпизодовъ, чѣмъ одну цѣльную, широко развертывающуюся картину. Музыка Кюи характеризуется мягкой мелодичностью, легкой граціозностью французскаго типа, невольно напоминающей о французскомъ происхожденіи композитора; благозвучіемъ, порой переходящимъ въ слащавость; лирическіе моменты въ ней ярче и сильнѣе драматическихъ и комическихъ. Оркестровка оперъ Кюи является ихъ наиболѣе слабой стороною.

До *Ратклифа* Кюи написалъ (не въ столь „новаторскомъ“ стилѣ) *Кавказскаго плѣнника* и *Сына мандарина*. Послѣдняя опера (небольшая комическая въ легкомъ, оберовскомъ, жанрѣ) въ послѣднее время сдѣлалась довольно популярной. Позднѣе были написаны оперы *Анджело* (при всей своей романтической крикливости одна изъ наиболѣе цѣльныхъ оперъ Кюи), *Le Flibustier* (на французскій текстъ), *Сарацинъ* и одноактныя *Пиръ во время чумы*, *M-lle Фифи* (1904 г., на сюжетъ Мопассана), *Маттео Фальконе*. Наибольшій успѣхъ изъ этихъ оперъ имѣла благодаря своему дѣйствительно яркому музыкальному драматизму *M-lle Фифи*. Кюи написалъ много хоровъ и до 300 романсовъ, (частью цѣлыми сборниками, посвященными какому-либо одному поэту: Пушкину, Некрасову, Ришпену, Мицкевичу и др.). Кромѣ русскихъ текстовъ, онъ писалъ также на тексты французскіе, польскіе и др. Множество мелкихъ пьесъ написано Кюи для скрипки и для фортепіано; нѣкоторыя изъ нихъ успѣли получить широкое распространеніе. Послѣдняго нельзя сказать про оркестровыя сочиненія Кюи.

Младшій изъ группы „пяти“ („Les cinq“ — такъ называютъ французы кружокъ „новой русской школы“)— Римскій-Корсаковъ *). Первую свою симфонію (вообще первую русскую

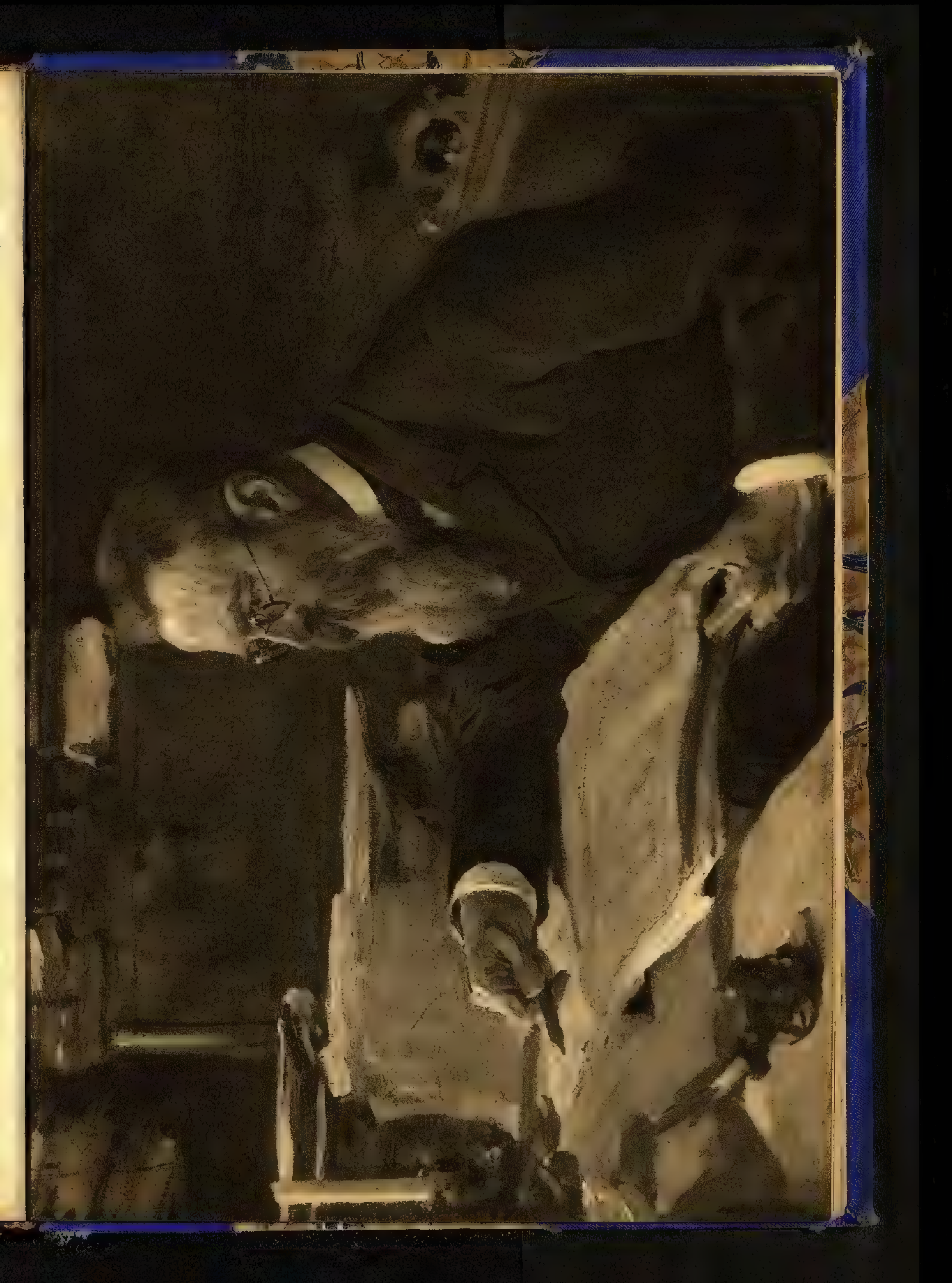
*) Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ (1844—1908), сынъ помѣщика, окончилъ морское училище, совершилъ трехлѣтнее заграничное плаваніе и до 1884 г. числился на морской службѣ (съ 1873 какъ инспекторъ оркестровъ флота). Съ 1871 г. до смерти состоялъ профессоромъ инструментовки и композиціи въ петербургской консерваторіи. Въ 1905 г. былъ, впрочемъ, уволенъ дирекціей за то, что въ печати выступилъ въ защиту уволенныхъ за забастовку учениковъ; но, когда консерваторія получила автономію, совѣтъ ея снова пригласилъ Римскаго-Корсакова въ профессора. Въ 1883—94 гг. Римскій-Корсаковъ былъ помощникомъ управляющаго придворной капеллой. Нерѣдко выступалъ онъ также, какъ дирижеръ, особенно въ „русскихъ концертахъ“ Бѣляева.

Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ.

Съ портрета, лисаннаго В. А. Сѣровымъ. 1898 г.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

17

симфонію, если не считать рубинштейновской, написанной не для Россіи) Римскій-Корсаковъ написалъ еще юношей, лѣтъ 17—19, вступивши уже въ балакиревскій кружохъ. Затѣмъ были созданы *Садко* (первая русская симфоническая поэма), двѣ другихъ симфоніи, рядъ романсовъ и опера *Псковитянка* (1873), посвященная „дорогому кружку". Но тутъ созрѣлъ давно подготовлявшійся въ молодомъ композиторѣ переломъ. Онъ почувствовалъ, что талантъ его не можетъ развернуться вслѣдствіе недостатка предварительной технической школы, отрицаніе которой возводилось въ принципъ Балакиревымъ и его кружкомъ. Сознаніе это еще обострилось, благодаря трудному положенію, въ какое Римскій-Корсаковъ попалъ, взявъ мѣсто профессора композиціи, къ которому не имѣлъ достаточно систематической подготовки. И вотъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ Римскій-Корсаковъ, уже извѣстный въ то время композиторъ, подвергаетъ себя строгому и долгому искусу самообразовательной технической работы (особенно въ области контрапункта).

Эти годы онъ сочинялъ очень мало, но зато сдѣлался „великимъ мастеромъ", и такимъ образомъ, наконецъ, освободилъ въ себѣ художника, который „можетъ" все, что „хочетъ". Всѣ выше перечисленныя сочиненія Римскаго-Корсакова были впослѣдствіи имъ передѣланы, и за ними послѣдовалъ рядъ новыхъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ все быстрѣе слѣдовавшихъ другъ за другомъ.

Главное мѣсто среди этихъ произведеній занимаютъ оперы: *Майская ночь*, весенняя сказка *Снѣгурочка* (1882), опера-балетъ *Млада*, быль-колядка *Ночь передъ Рождествомъ*, опера-былина *Садко* (1897), *Моцартъ и Сальери*, *Вѣра-Шелога*, *Царская невѣста* (1899), *Сказка о царѣ Салтанѣ*, осенняя сказочка *Кощей* (1902), *Сервилія*, *Панъ-воевода*, *Сказаніе о градѣ Китежѣ* (1907), небылица въ лицахъ *Золотой пѣтушокъ* (1908). Уже изъ однихъ подзаголовковъ большинства этихъ оперъ видно, чѣмъ больше всего питались родники вдохновенія Римскаго-Корсакова: міромъ легенды, грезы, сказки. И именно русской легенды и сказки. Только трижды отрѣшился Римскій-Корсаковъ отъ родной почвы (и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сказочнаго міра),—но *Моцартъ и Сальери*, *Сервилія*, *Панъ-воевода*—не лучшія его оперы. Наоборотъ, въ *Снѣгурочкѣ*, *Садко*, *Кощеѣ*, *Китежѣ*, *Пѣтушкѣ* и др. онъ творилъ свои величайшіе художественные подвиги. Во всѣхъ нихъ ярко выражены основныя черты, характерныя для творчества Римскаго-Корсакова: культъ мажора, радости, солнца (послѣднее—часто даже въ буквальномъ смыслѣ); способность проникаться духомъ русской былинно-сказочной поэзіи до претворенія ея въ живой музыкальный эпосъ; неподражаемо-мастерская, художественная разработка народныхъ мелодій, поднимающаяся отъ прикладной музыкальной этнографіи до вдохновенныхъ высотъ личнаго творчества; поразительный даръ музыкальной живописи.

Одинаково мастерскія по совершенству музыкальнаго развитія, оперныя партитуры Римскаго-Корсакова мало сходны однако другъ съ дру-

гомъ по самому своему складу, по пріемамъ опернаго письма. Среди его оперъ можно найти сплошь речитативныя и сплошь написанныя въ закругленныхъ формахъ; образцы такъ называемой „музыкальной драмы“ и примѣры классическихъ оперныхъ формъ; наконецъ, всевозможныя трансформаціи и сочетанія этихъ стилей. И не разъ (*Китежъ*, *Кощей* и др.) въ этой области Римскій-Корсаковъ является пролагателемъ совершенно новыхъ путей, даже по сравненію съ Вагнеромъ, которому онъ не малымъ обязанъ въ области оркестра и оперныхъ пріемовъ (лейтмотивизмъ). Интересно отмѣтить, что въ противоположность вагнеровскимъ идеаламъ „музыкальной драмы“, съ одной стороны, и радикальнымъ тенденціямъ „новой русской школы“, съ другой стороны, Римскій-Корсаковъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе склоненъ былъ считать оперу прежде всего музыкой, а не драмой, о чемъ не уставалъ заявлять въ предисловіяхъ къ своимъ операмъ.

Но и здѣсь, какъ во всемъ, Римскій-Корсаковъ чуждъ былъ крайностей. Чуткій ко всему новому въ искусствѣ, онъ далъ прекрасные образцы музыкальнаго модернизма („декадентства“), но безъ упадочности; импрессіонизма безъ вычурности; символизма безъ претенціозности. Это былъ объективный, даже нѣсколько холодный, но солнечно-жизнерадостный (и при томъ коренной русскій) талантъ, для котораго высшимъ закономъ была въ концѣ-концовъ одухотворенная музыкальная красота.

Талантъ этотъ, тяготѣвшій больше всего къ вокальной музыкѣ, и въ области инструментальной создалъ произведенія замѣчательныя. Для Римскаго-Корсакова однако оркестръ былъ не столько совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ органовъ, способныхъ выразить въ звукахъ собственное „я“, какъ напримѣръ, для Чайковскаго, сколько наилучшимъ средствомъ звукового воплощенія образовъ, носившихся въ фантазіи композиторомъ, наилучшимъ мраморомъ для его музыкальной скульптуры. Оттого лучшее, что создано Римскимъ-Корсаковымъ для оркестра, находимъ не въ его симфоніяхъ, а въ его программной музыкѣ (въ томъ числѣ и въ операхъ). Таковы его симфоническія картины: *Шехеразада, Свѣтлый праздникъ, Садко* и др. Не менѣе Бородина силенъ Римскій-Корсаковъ и въ восточной музыкѣ, но только на иной, самостоятельный ладъ. Кромѣ оперъ и оркестровыхъ сочиненій, Римскій-Корсаковъ написалъ еще много хоровъ (между прочимъ обработки русскихъ пѣсенъ), романсовъ, кантатъ, сочиненій для скрипки, фортепіано, духовныхъ композицій и 2 сборника русскихъ пѣсенъ. О безпримѣрной, самоотверженной работѣ Римскаго-Корсакова по окончанію и приведенію въ порядокъ сочиненій Даргомыжскаго, Бородина и Мусоргскаго говорилось уже выше.

По значенію для современнаго русскаго искусства, по глубокому вліянію на него съ Римскимъ-Корсаковымъ можно сравнить развѣ Чайковскаго *). Рѣчь идетъ, конечно, о

*) Петръ Ильичъ Чайковскій (1840—1893), сынъ директора завода, окончилъ училище правовѣдѣнія въ Петербургѣ и лишь послѣ

силѣ и степени этого значенія, а не о его характерѣ и направленіи. Ибо, дѣля между собой гегемонію во вліяніи на русскую музыку, Римскій-Корсаковъ и Чайковскій во многихъ отношеніяхъ антиподы.

Римскій-Корсаковъ — художникъ „объективный", эпикъ, рисующій другихъ и почти не говорящій въ своей музыкѣ о себѣ; Чайковскій—„субъективистъ", лирикъ, всегда полный самимъ собою. Основной мотивъ творчества оптимиста Римскаго-Корсакова—эллинская радость жизни, „святость плоти" въ высшемъ значеніи слова, мажоръ, солнце; Чайковскій, наоборотъ, царь и рабъ минора, пѣвецъ тоски, неудовлетворенности, пессимистъ. Въ связи съ этимъ Римскій-Корсаковъ избиралъ для своихъ оперъ сюжеты преимущественно легендарные и сказочные (счастье—только въ сказкѣ), тогда какъ Чайковскій тяготѣлъ къ сюжетамъ драматическимъ, даже „кровожаднымъ", гдѣ герой—средній человѣкъ, страдающій, какъ и всѣ мы. Лучшія мелодіи у Римскаго-Корсакова—народныя или въ народномъ духѣ, да и все его творчество запечатлѣно специфически русскимъ колоритомъ; лучшія мелодіи Чайковскаго—его собственныя, насквозь проникнутыя его индивидуальностью; и хотя онъ также не чуждался русскаго склада, но по существу дарованія былъ прежде всего „европейцемъ". Тѣ національныя черты, которыми, несомнѣно, запечатлѣна музыка Чайковскаго и которыя больше отмѣчаются иностранцами, чѣмъ въ Россіи, гораздо сильнѣе сказываются въ общемъ обликѣ его задушевно-элегической музы, чѣмъ въ примѣненіи народныхъ напѣвовъ или въ специфически русскихъ особенностяхъ музыкальнаго склада. Оркестровка Римскаго-Корсакова типа преимущественно „монографическаго", глинкински-прозрачна, ясна; Чайковскій охотнѣе мѣшаетъ краски, гуще, массивнѣе. Могучихъ подъемовъ Чайковскаго у Римскаго-Корсакова нѣтъ. Само собой разумѣется, что сопоставленіе это не надо понимать въ томъ смыслѣ, что каждый изъ обоихъ композиторовъ безсиленъ внѣ отведенной ему области. Но въ предѣлахъ именно этой области онъ наиболѣе силенъ и типиченъ.

Излюбленная тема скорбной и тревожной музы Чайковскаго безстрашный и безпощадный рокъ, moira древнихъ грековъ. И если не во всемъ своемъ міровомъ величіи, то все же съ небывалой дотолѣ мощью отразилась въ творчествѣ Чайковскаго эта неотвязчивая идея фатума, пріобрѣтавшая въ творчествѣ композитора тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше онъ созрѣвалъ. И именно послѣднія три симфоніи (4-я, 5-я и 6-я), въ которыхъ идея эта ярче всего выражена, наиболѣе ориги-

двухъ лѣтъ службы чиновникомъ поступилъ въ петербургскую консерваторію, гдѣ изучалъ композицію (1861—65) подъ руководствомъ Зарембы и А. Рубинштейна. Затѣмъ до 1877 г. былъ профессоромъ теоріи музыки въ московской консерваторіи. Тамошній музыкальный кружокъ съ Н. Рубинштейномъ во главѣ не остался безъ вліянія на творчество Чайковскаго. Въ 1872—74 гг. Чайковскій былъ также музыкальнымъ фельетонистомъ; послѣ 1877 г. отдался всецѣло композиціи. Подъ конецъ жизни сталъ выступать и какъ дирижеръ въ Россіи и за границей (также въ Америкѣ), исполняя большей частью собственныя сочиненія.

нальны и зрѣлы. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи всемірноизвѣстная шестая (предсмертная) симфонія Чайковскаго, имъ самимъ названная „патетической“. Неравная борьба съ фатумомъ, новая трансформація „міровой скорби“ воплотились въ музыкѣ Чайковскаго въ самомъ общемъ видѣ: недовольство существующимъ, порывъ къ чему-то лучшему, высшему, борьба, власть фатума. Невольно напрашивается сближеніе съ Чеховымъ, рядомъ съ которымъ не безъ основанія ставятъ Чайковскаго, какъ одного изъ наиболѣе яркихъ выразителей цѣлой (дореволюціонной) полосы русской жизни.

Но авторъ „патетической“ симфоніи не только „пѣвецъ печали“, но и „пѣвецъ любви“. Впрочемъ, и любовь у Чайковскаго подернута большей частью какой-то тоскливо-меланхолической дымкой,—все равно, возьмемъ ли мы его оперы или симфоническія сочиненія (*Франческа, Ромео и Джульета*, симфоніи). Все же именно въ изображеніи этого чувства муза Чайковскаго способна подыматься до крайнихъ высотъ доступнаго ей мажора.

Сильная индивидуальность Чайковскаго переплавляла и претворяла самыя разнообразныя отразившіяся на ней эклектическія вліянія: новыхъ французовъ (Бизе, Массне), Вагнера, Глинки, „новой русской школы“, Шумана и др.; отъ скрещенія съ ними она становилась еще сильнѣй.

Чайковскій затронулъ почти всѣ роды музыкальнаго творчества: оперу, балетъ, романсъ, духовную музыку, симфонію, симфоническую поэму, камерную музыку, инструментальный жанръ (крупный и мелкій). Онъ написалъ всего восемь оперъ: *Опричникъ* (1874), *Черевички, Евгеній Онѣгинъ* (1877), *Орлеанская дѣва, Мазепа, Чародѣйка, Пиковая дама* (1890), *Іоланта*. Онѣ отличаются разнообразіемъ стилей, больше тяготѣя однако къ мелодическому оперному типу, чѣмъ къ декламаціонному. Наиболѣе сильны среди нихъ *Евгеній Онѣгинъ* и *Пиковая дама*, глубже всего отразившія лирическую природу дарованія композитора. *Евгеній Онѣгинъ*—въ настоящее время наиболѣе популярная изъ русскихъ оперъ. Три превосходныхъ балета Чайковскаго (*Лебединое озеро, Спящая красавица, Щелкунчикъ*) впервые въ Россіи подняли музыку до небывалой въ этомъ родѣ искусства высоты. Не мало перловъ есть и среди романсовъ Чайковскаго, — искреннихъ, теплыхъ, мелодичныхъ.

Еще выше Чайковскій какъ симфонистъ. По мастерству формы, по силѣ и выразительности содержанія, по глубинѣ задачъ онъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся симфонистовъ послѣ Бетховена. Онъ показалъ, что форма симфоніи, которую со временъ Вагнера иные склонны были считать отжившей, настолько гибка и жизненна, что въ состояніи воплотить глубочайшіе запросы современнаго мятущагося духа (симфоніи 4-я, 5-я, особенно 6-я—„патетическая“). Не менѣе силенъ Чайковскій и въ области програмной музыки (*Ромео и Юлія, Франческа*, первая часть *Манфреда*).

Рядомъ со всѣми этими крупными именами можно назвать и нѣсколько относящихся къ той же эпохѣ менѣе значительныхъ, но заслуживающихъ

вниманія. Таковы Направникъ, Бларамбергъ, Соловьевъ, Сокальскій и др.

Эдуардъ Францевичъ Направникъ (род. въ 1839 г.) за сорокъ лѣтъ управленія казенной русской оперой въ Петербургѣ сдѣлалъ ее первоклассным художественнымъ учрежденіемъ. Музыка четырехъ оперъ его лишена яркихъ индивидуальныхъ чертъ, но умѣло написана, интересна, порой красива и выразительна. Больше всего отразилось на Направникѣ вліяніе Глинки *(Нижегородцы)* и Чайковскаго *(Дубровскій)*. Слабѣе его сочиненія симфоническія и камерныя.

Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ (1841—1907), преподаватель Филармоническаго училища въ Москвѣ и одинъ изъ редакторовъ „Русскихъ Вѣдомостей", написалъ 6 оперъ, оркестровыя пьесы, хоры и др. Общеніе съ Балакиревымъ и его кружкомъ не осталось безъ вліянія на творчество Бларамберга, особенно въ первую половину его жизни. И если собственная музыкальная физіономія Бларамберга не такъ ярко выражена, какъ у членовъ этого кружка, то все же его теплый, искренній талантъ, не лишенный въ трактовкѣ нѣкоторыхъ темъ и оригинальности, заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ выпавшее на его долю. Изъ оперъ Бларамберга выдаются *Скоморохъ* (любопытный образецъ русской комической оперы, увидѣвшій свѣтъ лишь въ 1908 г.), *Демонъ*—нѣчто среднее между кантатой и оперой, отчасти *Тушинцы*.

Изъ трехъ оперъ профессора петербургской консерваторіи Н. Ѳ. Соловьева (род. въ 1846 г.) обратила на себя вниманіе *Корделія*.

П. И. Сокальскій (1832 — 1887) больше извѣстенъ какъ авторъ солиднаго и для своего времени выдающагося изслѣдованія *Русская народная музыка*, чѣмъ какъ композиторъ. Что онъ обладалъ и композиторскимъ дарованіемъ—далеко однако не уравновѣшеннымъ,—видно изъ его оперы *Осада Дубно*, носящей на себѣ сильные слѣды вліянія „новой русской школы".

Эпоха послѣ-глинкинскаго расцвѣта русской музыки, созданная, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ членами „новой русской школы", Чайковскимъ и отчасти Рубинштейномъ, соотвѣтствовала до извѣстной степени общему духовному подъему русской жизни въ 60-ые и 70-ые годы. Но, разумѣется, она настолько же тѣсно сплелась съ послѣдующей, новѣйшей эпохой, какъ и съ предыдущей, глинкинской. И самостоятельное выдѣленіе ея требуетъ, конечно, — подобно всякой періодизаціи въ исторіи—извѣстныхъ оговорокъ. Не слѣдуетъ забывать, что уже къ 80-мъ годамъ кружокъ Балакирева распался какъ *школа*, и что нѣкоторые члены его продолжали творить и въ XX вѣкѣ. Достаточно упомянуть о Римскомъ-Корсаковѣ, создавшемъ одинъ изъ своихъ шедевровъ *(Золотой пѣтушокъ)* наканунѣ смерти, въ 1907 г. Въ лицѣ его, какъ отчасти и въ лицѣ Чайковскаго (ум. въ 1893 г.), послѣ-глинкинская эпоха какъ бы сливается съ новѣйшей, захватывающей конецъ девятнадцатаго вѣка и начало двадцатаго. И сливается не только хронологически, но и по су-

ществу, ибо именно эти двое — Чайковскій и Римскій-Корсаковъ—и оказали, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, наибольшее вліяніе на современную русскую музыку.

Римскій-Корсаковъ даже лично стоялъ въ центрѣ петербургскаго кружка, состоявшаго изъ его прямыхъ или косвенныхъ учениковъ. Кружокъ этотъ, дѣйствовавшій въ 80-хъ и 90-хъ годахъ — назывался еще бѣляевскимъ по имени мецената, основавшаго для его поддержки концерты и издательство. Членами бѣляевскаго кружка, образовавшагося какъ бы на развалинахъ балакиревскаго, были, кромѣ Бѣляева и Римскаго-Корсакова, Стасовъ, Глазуновъ, Лядовъ, братья Блюменфельды, Соколовъ, Витоль и др.—далеко не сплошь „имена", какъ было въ балакиревскомъ кружкѣ. Самъ Римскій-Корсаковъ такъ характеризуетъ бѣляевскій кружокъ, противопоставляя его балакиревскому. „Балакиревскій кружокъ былъ революціонный, бѣляевскій—прогрессивный. Балакиревскій кружокъ состоялъ изъ слабыхъ по техникѣ музыкантовъ, прокладывавшихъ дорогу исключительно силой творческихъ талантовъ; бѣляевскій—изъ музыкантовъ, технически образованныхъ и воспитанныхъ. Балакиревскій кружокъ велъ начало интересующей его музыки только съ Бетховена; бѣляевскій уважалъ и своихъ музыкальныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ, восходя до Палестины. Балакиревскій кружокъ ненавидѣлъ Вагнера, бѣляевскій прислушивался къ нему съ уваженіемъ... Съ начала 90-хъ годовъ въ бѣляевскомъ кружкѣ стало замѣчаться охлажденіе и даже немного враждебное отношеніе къ памяти „могучей кучки" балакиревскаго періода. Наоборотъ все сильнѣе стали рости въ немъ склонности къ эклектизму и обожаніе Чайковскаго".

Наиболѣе выдающимся членомъ бѣляевскаго кружка, кромѣ Римскаго-Корсакова, является Глазуновъ *). Этотъ могучій талантъ, если его взять въ цѣломъ, больше широкъ, чѣмъ глубокъ; произведенія его больше чаруютъ чистой музыкальной красотой, совершенствомъ формы и красокъ, чѣмъ эмоціональной проникновенностью. Въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и по преобладающе-объективному характеру своего творчества, Глазуновъ напоминаетъ своего учителя Римскаго-Корсакова. Еще больше подкрѣпляется эта близость тяготѣніемъ обоихъ къ свѣтлымъ, мажорнымъ тонамъ въ искусствѣ. Но, въ противоположность Римскому-Корсакову, Глазуновъ не написалъ ни одной оперы. Это — симфонистъ чистой воды. И при томъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ симфонистовъ новаго времени, какъ по силѣ и самостоятельности симфонической мысли, такъ и по ея богатому и оригинальному оркестровому воплощенію. Глазуновъ написалъ восемь симфоній (больше, чѣмъ какой бы то ни было изъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ нашего времени) и цѣлый рядъ симфо-

*) Александръ Константиновичъ Глазуновъ, род. въ 1865 г., сынъ книгопродавца; изучалъ композицію подъ руководствомъ Римскаго-Корсакова. Первую симфонію Глазуновъ написалъ 16-ти лѣтъ, когда былъ еще ученикомъ реальнаго училища. Съ 1905 г. состоитъ директоромъ петербургской консерваторіи.

Александръ Константиновичъ Глазуновъ.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ.
(Русскій музей имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

18

ническихъ поэмъ и картинъ (*Стенька Разинъ*, *Лѣсъ*, *Море*, *Восточная рапсодія*, *Изъ среднихъ вѣковъ*, *Poëme lyrique* и др.). Гдѣ нужно, Глазуновъ умѣетъ придать своей музыкѣ и спеціально русскія черты; но черты эти не получаютъ преобладающаго значенія въ его творчествѣ, на которое, кромѣ Римскаго-Корсакова, оказали еще замѣтное вліяніе Бородинъ, Чайковскій, Вагнеръ и Листъ. Кромѣ симфоническихъ сочиненій, Глазуновъ написалъ рядъ камерныхъ произведеній, мелкія пьесы и нѣсколько балетовъ, изъ которыхъ особенно выдается блестящая *Раймонда*.

Такъ же, какъ и Глазуновъ, косвеннымъ отпрыскомъ „новой русской школы" является Анатолій Константиновичъ Лядовъ (род. въ 1855 г.), ученикъ Римскаго-Корсакова въ петербургской консерваторіи и затѣмъ профессоръ тамъ же. Лядовъ отдалъ свои силы главнымъ образомъ фортепіано, и въ этой области явился представителемъ изящнаго, преимущественно миніатюрнаго жанра, отчасти въ духѣ Шопена, но съ привнесеніемъ новыхъ, окрашенныхъ чисто русскимъ колоритомъ элементовъ. Таковы же мелкія вещи для пѣнія и оркестровыя пьесы Лядова.

Изъ остальныхъ членовъ бѣляевскаго кружка нѣкоторое имя какъ композиторы пріобрѣли І. И. Витоль (род. въ 1863 г.), Н. А. Соколовъ (род. въ 1859 г.), Ф. Блюменфельдъ (род. въ 1863 г.) и др.

Но и въ Москвѣ можно указать композиторовъ, въ творчествѣ которыхъ ярко выражены національныя черты, восходящія черезъ „новую русскую школу" (и особенно черезъ Римскаго-Корсакова и Бородина) къ Глинкѣ. Таковы прежде всего Калинниковъ и Гречаниновъ.

Калинниковъ *) извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ двухъ симфоній. Талантъ его не изъ первоклассныхъ, но привлекаетъ искренностью и свѣжестью. Обѣ симфоніи Калинникова отличаются жизнерадостностью и бодростью, особенно поражающими, если вспомнить недугъ, точившій композитора. Ихъ русскій складъ — непринужденъ и ярокъ, хотя Калинниковъ рѣдко пользуется подлинными народными мелодіями. Кромѣ симфоній, Калинниковъ написалъ еще нѣсколько менѣе крупныхъ пьесъ для оркестра, музыку къ *Царю Борису* Толстого, оперный прологъ *1812-й годъ*, романсы и др.

Талантъ Александра Тихоновича Гречанинова (род. въ 1864 г.) сказался пока главнымъ образомъ въ вокальныхъ произведеніяхъ, между прочимъ и въ духовной музыкѣ, гдѣ нѣкоторыя его сочиненія имѣли значеніе прямо выдающееся (см. ниже). Красивы хоры и романсы Гречанинова, запечатлѣнные мягкимъ лиризмомъ. Кромѣ того, имъ написана опера *Добрыня Никитичъ*, двѣ симфоніи, квартетъ, тріо и мелкія пьесы.

Къ Римскому-Корсакову же примкнулъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ (опера *Сонъ на Волгѣ*, симфонія и др.) и Аренскій **). Но „рус-

*) Василій Сергѣевичъ Калинниковъ (1866—1900) умеръ отъ чахотки молодымъ, черезъ 8 лѣтъ по окончаніи московскаго Филармоническаго училища.

**) Антонъ Степановичъ Аренскій (1861—1906), сынъ врача, ученикъ Римскаго-Корсакова въ петербургской консерваторіи, до 1894 г. преподаватель московской консерваторіи и затѣмъ управляющій придворной капеллой въ Петербургѣ.

скій стиль" былъ для Аренскаго только частностью, эпизодомъ, а не непреложной сущностью творчества, какъ для его учителя. Отдавъ дань этому стилю, Аренскій впослѣдствіи пошелъ иной, болѣе свойственной его таланту дорогой, — ближе къ Шопену, новымъ французамъ и прежде всего къ Чайковскому, который, можно сказать, оказался истиннымъ учителемъ его. Только глубокій, страстный миноръ Чайковскаго пріобрѣлъ у Аренскаго болѣе легкій, матовый оттѣнокъ; отъ „міровой же скорби" Чайковскаго Аренскій, мягкій поэтъ-лирикъ, и вовсе далекъ. Сильнѣй всего Аренскій въ мелкихъ пьесахъ для пѣнія и фортепіано и въ камерныхъ сочиненіяхъ, отличающихся своеобразнымъ изяществомъ стиля. Не мало красиваго есть также въ его операхъ *Сонъ на Волгѣ, Наль и Дамаянти, Рафаэль*, симфоніяхъ, сюитахъ и другихъ произведеніяхъ.

Подобно Аренскому, и Ипполитовъ-Ивановъ *) ближе всего примыкаетъ къ Чайковскому, хотя учился у Римскаго-Корсакова, также оказавшаго на него сильное вліяніе. Его лучшія произведенія привлекаютъ теплымъ, искреннимъ лиризмомъ, но художественная его индивидуальность еще менѣе самостоятельна и ярка, чѣмъ у Аренскаго. Ипполитовъ-Ивановъ написалъ двѣ оперы *Руфь* и *Асю* (отпрыскъ *Евгенія Онѣгина* Чайковскаго), оркестровыя пьесы (*Кавказская сюита* и др.), много романсовъ, хоровъ и др.

С. М. Ляпуновъ (род. въ 1859 г.), авторъ выдающихся фортепіанныхъ сочиненій (концертъ, этюды, вальсы и др.) и оркестровыхъ пьесъ, ближе всего примыкаетъ къ Балакиреву.

Къ тому же поколѣнію принадлежитъ Танѣевъ *), занимающій однако въ русской музыкѣ совершенно особое, самостоятельное мѣсто, и какъ теоретикъ, и какъ композиторъ. Его трактатъ о контрапунктѣ—произведеніе, единственное въ міровой литературѣ по точному методу изслѣдованія. Педагогическая его дѣятельность имѣла такое же исключительно благотворное значеніе для Москвы, какъ дѣятельность Римскаго-Корсакова для Петербурга. Какъ композиторъ, Танѣевъ далекъ отъ своего учителя Чайковскаго по духу и по стилю. Еще дальше онъ отъ другого „властителя думъ" своего времени — Римскаго-Корсакова. Что-то классическое есть въ Танѣевѣ, и не только тогда, когда онъ прямо имитируетъ формы старыхъ мастеровъ, но и въ самомъ складѣ его нѣсколько холодной творческой натуры, склонной прежде всего къ отчетливой чистотѣ стиля, къ логической ясности формы, къ объективному воплощенію чисто музыкальной красоты. Но этотъ классицизмъ сочетается у Танѣева съ полнотой современныхъ средствъ музыкальнаго выраженія. Главныя свои силы Танѣевъ отдалъ камерной музыкѣ (струнные и фортепіанные квартеты, тріо, квинтеты); много интереснаго и своеобразно красиваго и въ его оперѣ *Орестейя* (античный

*) Михаилъ Михайловичъ Ипполитовъ-Ивановъ (род. въ 1859 г.), профессоръ и съ 1905 г. директоръ московской консерваторіи.

*) Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ (род. въ 1856 г.), ученикъ Чайковскаго въ московской консерваторіи, затѣмъ профессоръ тамъ же (до 1905 г.).

сюжетъ), симфоніи, кантатѣ *Іоаннъ Дамаскинъ* и др.

Нѣкоторые изъ группы только что названныхъ композиторовъ продолжаютъ создавать значительныя произведенія и въ наше время, но во всякомъ случаѣ всѣ они достаточно опредѣленно высказались въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, къ которому главнымъ образомъ и отнесетъ ихъ исторія музыки *). Но картина эволюціи русскаго музыкальнаго творчества въ XIX вѣкѣ будетъ не полна, если не упомянуть о новѣйшихъ силахъ и теченіяхъ, выдвинутыхъ къ концу вѣка или даже на порогѣ новаго, XX вѣка. Сгруппировать эти силы и теченія сколько-нибудь систематически покуда невозможно, но и теперь уже можно намѣтить нѣсколько болѣе или менѣе общихъ для нихъ чертъ. Прежде всего надо отмѣтить, что у современныхъ русскихъ композиторовъ все сильнѣе разрывается связь съ народнымъ музыкальнымъ творчествомъ, въ большей или меньшей мѣрѣ свойственная почти всей послѣ-глинкинской эпохѣ. Ея не были чужды даже такіе „европейцы", какъ Рубинштейнъ или Чайковскій; полное же отсутствіе ея, какъ напримѣръ, у Танѣева, было въ ту эпоху прямо исключеніемъ. Наоборотъ, у новѣйшихъ композиторовъ такое отсутствіе грозитъ, повидимому, превратиться въ правило. Другое характерное свойство современныхъ композиторовъ — ихъ преимущественная склонность къ инструментальной музыкѣ, въ противоположность композиторамъ глинкинской и послѣ-глинкинской эпохи, тяготѣвшимъ больше къ музыкѣ вокальной. Обѣ эти черты являются, очевидно, различными сторонами одного и того же стремленія, замѣтнаго и въ современной литературѣ: отъ частнаго къ общему, отъ національнаго къ человѣческому, отъ реальнаго къ символически-отвлеченному.

Наиболѣе крупными именами молодой музыкальной Россіи являются Рахманиновъ и Скрябинъ *). Въ творчествѣ обоихъ композиторовъ чувствуется трепетный токъ современной, близкой намъ жизни; оба вышли изъ одной школы. Но какъ много въ нихъ и несходнаго. Рахманиновъ — сосредоточенность, серьезная страстность, широкія, выдержанныя линіи; Скрябинъ — порывъ, экстазъ, зигзаги. Рахманиновъ — земля, человѣкъ; Скрябинъ — бредитъ надземнымъ, сверхчеловѣческимъ. Какъ и Скрябинъ, Рахманиновъ началъ съ надломленности, съ минора, но, чѣмъ дальше, не становясь мажорнѣй, онъ дѣлается все здоровѣе, проще, уравновѣшеннѣй. Наоборотъ, Скрябинъ ста-

*) Необходимыя ограниченія, напримѣръ, по отношенію къ Гречанинову, котораго можно было бы отнести и къ слѣдующей, новѣйшей группѣ—ясны сами собой.

*) Рахманиновъ, Сергѣй Васильевичъ, род. въ 1873 г., ученикъ Танѣева и Аренскаго въ московской консерваторіи, которую окончилъ также, какъ и піанистъ (ученикъ Зилоти). Написалъ рядъ фортепіанныхъ пьесъ (два концерта), камерныя сочиненія, двѣ симфоніи и др. для оркестра, романсы, маленькія оперы *Алеко, Франческа Римини* и *Скупой Рыцарь*.

Скрябинъ, Александръ Николаевичъ, род. въ 1871 г., окончилъ московскую консерваторію какъ піанистъ (ученикъ Сафонова). Написалъ множество пьесъ для фортепіано (этюды, прелюдіи, мазурки, 5 сонатъ и др.) и для оркестра (три симфоніи, *Экстазъ* и др.).

новится все болѣе мажорнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе загроможденнымъ, болѣзненно-изысканнымъ. Рахманиновъ выросъ прежде всего изъ Чайковскаго и Вагнера, но тяготѣетъ больше къ Чайковскому, продолжателемъ котораго и является; Скрябинъ выросъ изъ Вагнера же и Шопена, но тяготѣетъ больше къ Вагнеру, самостоятельнымъ преемникомъ котораго въ области симфонической музыки и является. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ творчествѣ Рахманинова сильна и объективная жилка; Скрябинъ же—чистѣйшей воды „субъективистъ". Творчество обоихъ чуждо связи съ народной пѣснью, такъ называемаго „русскаго склада". Но все же въ музыкѣ Рахманинова, какъ и въ музыкѣ Чайковскаго, сильнѣе чувствуется связь съ родной страной, съ ея общимъ обликомъ, духомъ, переживаніями; Скрябинъ же стремится куда-то не только внѣ времени и пространства, но и внѣ національности, — и достигаетъ этого, поскольку это вообще возможно.

Интересную фигуру, хотя гораздо меньшаго калибра, чѣмъ двое только что названныхъ, представляетъ Ребиковъ *). Начавъ съ подражаній Чайковскому (опера *Въ грозу*), Ребиковъ затѣмъ повернулъ на иной путь, не свободный порой отъ манерныхъ преувеличеній, но болѣе самостоятельный. „Музыка—языкъ чувствъ", говоритъ Ребиковъ, „чувства же наши не имѣютъ заранѣе установленныхъ формъ и окончаній; соотвѣтственно этому должна передавать ихъ и музыка". Отсюда—пренебреженіе къ формѣ въ сочиненіяхъ Ребикова, возведенное чуть ли не въ правило, заканчиваніе пьесъ диссонансами, вообще — декадентскій оттѣнокъ его склонной къ мелкимъ построеніямъ, эскизной, но выразительной музыки. Ребиковъ написалъ маленькія оперы *Елка*, *Теа*; множество пьесъ для фортепіано (между прочимъ „мелломимики"—т. е. фортепіанныя иллюстраціи къ мимическимъ сценамъ) и для пѣнія (между прочимъ около 40 басенъ Крылова).

Иного типа своеобразная индивидуальность Николая Карловича Метнера. Музыка Метнера, отвѣтвившаяся отъ Шумана и Брамса, характеризуется какой-то рѣдкой въ наше время уравновѣшенностью духа. Она никогда не обостряется до воплей, до экстаза; въ ней чувствуется нѣчто эллинское. Но этотъ „старый" духъ выражается у Метнера новыми средствами, сложными, какъ сложно почти все современное искусство. До сихъ поръ Метнеромъ изданы фортепіанныя пьесы (сонаты, сказки, новеллы и др.) и романсы.

Изъ другихъ молодыхъ композиторовъ выдаются еще: Г. Э. Конюсъ (род. въ 1862 г.), авторъ оркестровыхъ пьесъ, балета, мелкихъ пьесъ; А. Н. Корещенко (род. въ 1870 г.), написавшій 3 оперы (*Ледяной домъ*), балетъ, оркестровыя пьесы (симфонія, сюиты и др.), камерныя сочиненія, романсы, фортепіанныя пьесы и др.; Р. М. Гліеръ (род. въ 1874 г.), авторъ оркестровыхъ и фортепіанныхъ пьесъ, романсовъ, но особенно обратившій на себя вниманіе своими камерными сочиненіями; С. Н. Василенко (род. въ 1872 г.), дебютиро-

*) Владимиръ Ивановичъ Ребиковъ, род. въ 1866 г.

вавшій близкой къ Римскому-Корсакову оперой *Сказаніе о градѣ Китежѣ*, но затѣмъ обратившійся къ изысканнымъ эффектамъ модернизма (оркестровыя поэмы *Садъ смерти*, *Hyrcus nocturnus*); А. Ѳ. Гедике (род. въ 1877 г.), написавшій двѣ симфоніи, камерныя пьесы, фортепіанныя сочиненія; Н. Н. Черепнинъ (род. въ 1873 г.), авторъ балетовъ, оркестровыхъ пьесъ, фортепіанныхъ сочиненій, романсовъ и др.

Очень характерно для послѣднихъ десятилѣтій и особенно для новѣйшаго времени стремленіе къ возрожденію въ области церковной композиціи. Движеніе это можно разсматривать, какъ запоздалое слѣдствіе переворота, свершеннаго Глинкой въ области свѣтской музыки. Заключается оно въ приложеніи къ сокровищницѣ старинныхъ, оригинальныхъ церковныхъ напѣвовъ художественной обработки, стоящей на высотѣ современнаго эстетическаго развитія и технической культуры. Если принять во вниманіе, что старинные напѣвы православной церкви во многомъ являются плодами народнаго творчества и отчасти родственны свѣтскимъ русскимъ народнымъ пѣснямъ, то станетъ ясно, что это новое, нынѣ господствующее въ русской церковной музыкѣ теченіе противоположно теченію, преобладающему въ современной русской свѣтской музыкѣ. Тамъ, какъ мы видѣли,—отчужденіе отъ источниковъ народнаго творчества, здѣсь — приближеніе къ нимъ. Разумѣется, говоря о приложеніи современныхъ средствъ музыкальнаго развитія къ матеріалу старинныхъ церковныхъ напѣвовъ, не надо забывать о всѣхъ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя накладываются въ данномъ случаѣ, какъ исключительно вокальнымъ характеромъ русской духовной музыки, такъ и неизбѣжными требованіями ритуала, традиціи и т. п. Немало сдѣлали для этого новаго движенія Чайковскій и Римскій-Корсаковъ. Наиболѣе же выдающимися его современными представителями являются Александръ Дмитріевичъ Кастальскій (род. въ 1856 г.), ученикъ Чайковскаго и Танѣева, авторъ множества духовныхъ композицій (также фортепіанныхъ пьесъ и оперы *Клара Миличъ*) и А. Т. Гречаниновъ (см. выше). Тѣми же чертами характеризуется духовная музыка современныхъ композиторовъ С. В. Панченко (род. въ 1867 г.), свящ. М. Лисицына, Н. И. Компанейскаго и др.

Рядомъ съ развитіемъ русскаго музыкальнаго творчества не могла не развиваться и русская литература о музыкѣ, въ эпоху Глинки, какъ мы видѣли, почти отсутствовавшая. Вслѣдъ за первымъ русскимъ серьезнымъ музыкальнымъ журналомъ, основаннымъ Сѣровымъ (*Музыка и Театръ*, 1867—68), стали появляться и другіе, по мѣрѣ силъ служившіе дѣлу музыкальнаго просвѣщенія публики. Особеннаго вниманія заслуживаютъ среди нихъ *Музыкальный Листокъ* (1872—77) и *Музыкальное Обозрѣніе* (1885 — 88). Первый пропагандировалъ Рубинштейна и Чайковскаго, второй — „новую русскую школу"; первымъ—руководилъ Ларошъ, вторымъ Кюи. Много мѣста удѣлялъ музыкѣ и солидный *Артистъ* (1887 — 1895), склонявшійся ко второму теченію, но пытавшійся быть объективнымъ. Всѣ эти, да и

другіе сколько-нибудь серьезные русскіе музыкальные журналы, были однако недолговѣчны. Исключеніемъ является живая донынѣ *Русская Музыкальная Газета* Финдейзена, существующая съ 1894 г., собирающая и разрабатывающая массу матеріала по исторіи и теоріи музыки (также критика и хроника). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ въ настоящее время выходитъ еще 6 періодическихъ изданій, спеціально посвященныхъ музыкѣ, и столько же посвященныхъ театру и музыкѣ. По сравненію съ подобными же нѣмецкими или французскими изданіями, число это крайне незначительно, но для Россіи оно является небывалымъ и во всякомъ случаѣ говоритъ о широко растущемъ въ обществѣ интересѣ къ музыкѣ. О томъ же говоритъ и видное мѣсто, нынѣ удѣляемое музыкѣ газетами и журналами общаго характера. Растетъ также—хотя медленнѣй — количество и значительность русскихъ книгъ по музыкѣ (важнѣйшія изъ нихъ указаны въ музыкальной библіографіи).

Послѣ-глинкинскій расцвѣтъ русской музыки далъ толчокъ и развитію литературы о музыкѣ,—сначала, главнымъ образомъ, критико-полемической. Въ пылу борьбы сторонники различныхъ школъ и направленій доходили въ 60 — 80-хъ годахъ до такихъ крайностей и рѣзкостей, какія теперь, кажется, невозможны. Кромѣ Сѣрова (см. выше), главными литературными дѣятелями этой эпохи были Стасовъ, Кюи, Ларошъ, Чайковскій.

Владиміръ Васильевичъ Стасовъ (1824—1906), археологъ, историкъ и художественный критикъ, ярый поборникъ „новой русской школы“, реалистически-народническіе идеалы которой имъ главнымъ образомъ и были формулированы. Стасовъ участвовалъ и въ бѣляевскомъ кружкѣ, но здѣсь уже не имѣлъ такого вліянія. Біографіи Глинки, Мусоргскаго, Бородина, Кюи, Римскаго-Корсакова и др., написанныя Стасовымъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и первоисточниками свѣдѣній объ этихъ композиторахъ. Кюи также былъ пропагаторомъ „новой русской школы“, но главнымъ образомъ какъ критикъ, а не какъ біографъ и собиратель матеріаловъ. Болѣе позднія статьи Кюи имѣли уже меньшее значеніе.

Германъ Августовичъ Ларошъ (1845—1904) отстаивалъ универсально-просвѣтительное значеніе классиковъ и старыхъ контрапунктистовъ; защищалъ консерваторіи, поскольку тѣ положили тотъ же взглядъ и вообще историческій методъ въ основу преподаванія; возставалъ противъ программной музыки и многихъ новшествъ „новой русской школы“; вообще можетъ быть названъ блестящимъ представителемъ консервативнаго начала въ русской музыкальной критикѣ („русскій Гансликъ“). Классическое изслѣдованіе Лароша „Глинка и его значеніе“—одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ русской литературѣ о музыкѣ.

Чайковскій въ области музыкальной критики является тѣмъ же искреннимъ и разностороннимъ эклектикомъ, какъ и въ музыкѣ.

Позднѣе въ музыкальной критикѣ выдвинулись Н. Д. Кашкинъ (род. въ 1839 г.), котораго можно назвать преемникомъ Чайковскаго въ этой области; С. Н. Кругликовъ (род. въ

1851 г.), вначалѣ примкнувшій къ Кюи и Стасову; Е. М. Петровскій (род. въ 1873 г.), горячій вагнеристъ; А. В. Оссовскій и др.

Рядомъ со статьями публицистическаго характера нѣкоторые изъ вышеназванныхъ писателей (особенно Стасовъ) отдавали свои силы и музыкально-научной работѣ. Но особенно много дали въ послѣдней области Д. В. Разумовскій (1818—89), положившій твердый фундаментъ изученію русской церковной музыки; С. В. Смоленскій (1848 — 1909), труды котораго составили эпоху въ той же области; А. С. Фаминцынъ (1841—96), изслѣдователь старинныхъ русскихъ инструментовъ и др.; С. Танѣевъ (см. выше); Сокальскій (см. выше); Н. Ф. Финдейзенъ (род. въ 1868 г.), работающій по исторіи русской музыки; Л. А. Саккетти, В. Е. Чешихинъ и др.

Ко второй половинѣ XIX вѣка относятся также цѣлый рядъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, по количеству и по качеству записей превосходящихъ все, имѣвшееся раньше въ этомъ родѣ. Особенно цѣнны сборники Балакирева (см. выше), В. Прокунина (1872), Римскаго-Корсакова (1875), Ю. Н. Мельгунова (1879 и 1885), Пальчикова, Е. Э. Линевой (1904 и 1907), Пѣсенной комиссіи, Императорскаго Географическаго Общества и др. Предисловіе Мельгунова (1846—93) къ его сборнику, излагающее взглядъ составителя на основныя черты русской народной пѣсни, на ея мелодическое строеніе, ритмику, многоголосіе („подголоски"), имѣло крупное значеніе въ дѣлѣ изслѣдованія русской пѣсни. Сборники Линевой представляютъ точное воспроизведеніе одноголосныхъ и многоголосныхъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ фонографомъ (первое примѣненіе въ этой области фонографа).

Съ ростомъ музыкальной жизни стало развиваться въ Россіи и нотоиздательство, первые крупные шаги котораго относятся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ. Къ концу XIX вѣка мы застаемъ въ Россіи уже цѣлый рядъ видныхъ музыкальныхъ издательствъ, среди которыхъ выдаются издательства П. Юргенсона (одно изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ), Бесселя и Бѣляева. Послѣднее основано было Бѣляевымъ (см. бѣляевскій кружокъ) и хотя поставлено на коммерческую ногу, но имѣетъ цѣлью не прибыль, а поддержку русскихъ композиторовъ. Такого же типа и новѣйшее „Россійское музыкальное издательство".

Но особенно бросается въ глаза разница между эпохой до 60-хъ годовъ и нашимъ временемъ, если сравнить тогдашнія и теперешнія музыкально-образовательныя и музыкально-художественныя учрежденія, концерты, оперу и т. п. Первыхъ въ крѣпостной Россіи, какъ мы видѣли, почти не было. Начало имъ положено А. Рубинштейномъ, который явился иниціаторомъ и однимъ изъ главныхъ основателей Русскаго Музыкальнаго Общества (1859), сосредоточившаго нынѣ подъ своимъ вѣдѣніемъ большинство главныхъ музыкально-учебныхъ заведеній въ Россіи. Во главѣ этихъ заведеній стоятъ два высшихъ, консерваторіи петербургская (съ 1862 г.) и московская (съ 1866 г.). Званіе „свободнаго художника", которое получаютъ лица, окончившія консерваторію, по наивной мысли Рубинштейна, должно

было и съ внѣшней стороны поднять престижъ музыканта по сравненію съ прежнимъ его безправнымъ положеніемъ въ дореформенной Россіи. При отдѣленіяхъ Русскаго Музыкальнаго Общества имѣется, кромѣ того, больше 10 музыкальныхъ училищъ, изъ которыхъ главнѣйшія въ Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Саратовѣ, Одессѣ. Рядомъ съ консерваторіями должно быть поставлено и музыкально-драматическое училище московскаго Филармоническаго Общества. Спеціальныя цѣли преслѣдуютъ придворная пѣвческая капелла и синодальное училище церковнаго пѣнія.

Каковы бы ни были недостатки русскихъ консерваторій, жизнь доказала ихъ пользу и значеніе. И въ настоящее время рѣчь можетъ итти только объ ихъ улучшеніи, а не о принципіальномъ вопросѣ: нужны ли онѣ вообще (какъ было въ 60—80-хъ гг.). Почти всѣ наши новые композиторы вышли изъ консерваторій, которыя дали также множество преподавателей и такимъ образомъ несомнѣнно способствовали распространенію музыкальныхъ знаній въ болѣе широкихъ массахъ. Демократизированію музыкальныхъ знаній уже прямо посвятили себя народныя консерваторіи, возникшія въ послѣднее время по примѣру народныхъ университетовъ (въ 1906 г. въ Москвѣ, затѣмъ въ другихъ городахъ).

Русское Музыкальное Общество является вмѣстѣ съ тѣмъ и крупнѣйшимъ въ Россіи музыкально-художественнымъ учрежденіемъ. Въ 30 городахъ оно имѣетъ отдѣленія, большинство которыхъ организуетъ ежегодно серію концертовъ. Треть отдѣленій даетъ даже постоянные симфоническіе концерты. Послѣднее особенно заслуживаетъ вниманія, если вспомнить, что еще въ 60-хъ годахъ симфоническіе концерты давались только въ столицахъ. Кромѣ того, въ столицахъ имѣется еще свыше 50 музыкальныхъ кружковъ и организацій, въ томъ числѣ и весьма крупные, развивающіе очень широкую концертную дѣятельность. Таковы, напримѣръ, концерты кружка любителей русской музыки въ Москвѣ; концерты Зилоти и гр. Шереметева въ Петербургѣ и др.

Не меньшее „увеличеніе массоваго потребленія“ замѣчается и въ области оперы. Въ 1885 г. уничтожена была италіанская опера въ Петербургѣ, существовавшая на казенныя средства цѣлое полустолѣтіе, и это, конечно, дало возможность занять болѣе твердую позицію русской оперѣ. Тогда же отмѣнено было запрещеніе частныхъ театровъ въ столицахъ. Рядомъ съ императорскими возникли такимъ образомъ въ столицахъ и частные оперные театры, съ тѣхъ поръ успѣвшіе твердо стать на ноги. Болѣе чуткіе къ вѣяніямъ времени, эти частные театры, несмотря на ограниченность средствъ, иногда шли даже впереди императорскихъ, которые также значительно расширили свою дѣятельность. И въ области оперы, какъ знаменіе времени, нужно отмѣтить появленіе народныхъ оперныхъ театровъ (покуда только въ столицахъ) и общедоступные праздничные спектакли (утренники), какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ оперныхъ театрахъ.

Библіографія.

ГЛАВА I.

Общая политика правительства 1866—1892 гг.

См. библіографію при IX томѣ.

ГЛАВА II.

Земское самоуправленіе и реформа 1890 г.

Важнѣйшими источниками для характеристики земскаго самоуправленія являются многочисленные *журналы* земскихъ собраній, *отчеты* и *доклады* земскихъ управъ различныхъ губерній. Комплекты — болѣе или менѣе полные—этихъ земскихъ изданій можно найти только въ библіотекахъ нѣкоторыхъ земствъ (напримѣръ, московскаго губернскаго земства). Болѣе доступны изданные многими земствами „обзоры дѣятельности" и „систематическіе сборники постановленій", напримѣръ: Обозрѣніе двадцатипятилѣтней дѣятельности земства *Рязанской* губерніи (1865—1889). Составилъ А. Д. Повалишинъ. Изданіе рязанскаго губернскаго земства. Рязань, 1890. — Сборники постановленій *нижегородскаго* губернскаго земскаго собранія 1865—1886 и 1887—93 гг. Нижній-Новгородъ, 1888—95.—Отчетъ *херсонской* губернской земской управы о десятилѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій Херсонской губерніи 1863—1874 гг. Херсонъ, 1875.—Сводъ постановленій *костромского* губернскаго земскаго собранія, состоявшихся въ теченіе шести лѣтъ съ 1886 по 1891 г. Кострома, 1892.—Сборникъ постановленій *курскаго* губернскаго земскаго собранія съ 1865 по 1891 г. Курскъ, 1893. — Сводъ постановленій *черниговскаго* губернскаго земскаго собранія 1883—1899 гг. съ краткимъ сводомъ постановленій съ 1865 по 1882 г. Черниговъ, 1902—3.—Систематическіе сборники постановленій *саратовскаго* губернскаго земскаго собранія 1866—1882 и 1883—1890 гг.—Сборникъ постановленій *владимирскаго* губернскаго земскаго собранія 1866—1895 гг., выпуски I—VIII. Владиміръ, 1904—1907. Краткій обзоръ дѣятельности *вятскаго* губернскаго земства за 35 лѣтъ (1867—1902). Выпускъ I. Вятка, 1906.—Сборникъ постановленій *новгородскаго* губернскаго земскаго собранія съ 1865 г. по 1877 г. Новгородъ, 1878.—Систематическіе сборники постановленій *симбирскаго* губернскаго земскаго собранія 1866—82, 1883—88 и 1889—93 гг. Симбирскъ, 1884, 1889 и 1894. *Щербина. Воронежское* земство 1865—1889 гг. Воронежъ, 1891.—Сборникъ постановленій *петербургскаго* губернскаго земскаго собранія съ 1865 по 1879 г. СПб. 1893.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи *тверского* губ. земства. Т. I (1866—1880) и слѣдующіе.

Много матеріала можно найти и въ періодической земской печати, въ особенности, въ лучшемъ изъ земскихъ журналовъ, недавно прекратившейся „Саратовской Земской Недѣлѣ". Изъ сводныхъ работъ: „*Земскіе Ежегодники*", издававшіеся Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1878 — 1890 гг. *Г. П. Сазоновъ*. Обзоръ дѣятельности земства по народному продовольствію 1865—1892 гг. СПб. 1893. *Его же*. Обзоры земской дѣятельности по нѣкоторымъ другимъ отраслямъ управленія (по сельскому хозяйству и т. д.) *Д. Л. Мордовцевъ*. Десятилѣтіе русскаго земства. „Отечественныя Записки" 1874—76 гг. и отдѣльнымъ изданіемъ. СПб. 1877. *Я. В. Абрамовъ*. Очерки современнаго земства. Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ? въ „Русской мысли" за 1888 г. и отдѣл. изд. СПб. 1889. *С. И. Приклонскій*. Очерки самоуправленія земскаго, городского и сельскаго. СПб. 1886. *П. А. Голубевъ*. Вятское земство среди другихъ земствъ Имперіи. Краткій историко-статистическій обзоръ дѣятельности вятскаго земства въ связи съ дѣятельностью всѣхъ русскихъ земствъ. Вятка, 1901.

О земскихъ финансахъ: *А. Польновъ*. Къ вопросу о податной реформѣ. Обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія 1865—79 гг. СПб. 1880. *В. А. Лебедевъ*. Мѣстные налоги. Опытъ изслѣдованія теоріи

и практики мѣстнаго обложенія. СПб. 1886. *Алексѣенко*. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. СПб. 1879. *М. Герценштейнъ*. Кредитъ для земствъ и городовъ. Москва, 1892. Новѣйшія сочиненія о мѣстныхъ финансахъ Цытовича, Генделя и др.

Записка министерства финансовъ по департаменту окладныхъ сборовъ, представленная въ 1890 г. въ государствен. совѣтъ съ прилож. проекта правилъ, опредѣляющихъ порядокъ установленія и исполненія земскихъ повинностей и оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. *Доклады* комиссіи по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи (I—X и приложенія).

И. П. Руховскій. О смѣтахъ и раскладкахъ губернскихъ и уѣздныхъ зем. сборовъ. СПб. 1870. *Своды свѣдѣній* о доходахъ и расходахъ по земскимъ смѣтамъ 1871—1880 гг., 1880—1890 гг., о земскихъ капиталахъ и имуществахъ 1871—90 гг. (Изданія хозяйств. департ. минист. внутр. дѣлъ). *Земскія повинности*. Т. I. Земскіе доходы и раскладки на 1885 г. Составленъ подъ руководствомъ чиновника особыхъ порученій В. Ю. Скалона. СПб. 1888. (изд. департ. оклад. сборовъ). *Статистическій Временникъ* Россійской Имперіи. Серія III. Выпускъ 16. *Доходы и расходы* губернскихъ и уѣздныхъ земствъ за 1883 г. Изданіе Центр. Статист. Ком. Мин. Вн. Дѣлъ. СПб. 1886. *Доходы* и расходы земствъ за 1895 г.

Изъ общей литературы о земскомъ самоуправленіи: *В. Ю. Скалонъ*. По земскимъ вопросамъ. 2 изд. СПб. 1905. *А. И. Кошелевъ*. Голосъ изъ земства. М. 1869. Сочиненія *Градовскаго* и *Каткова*. *В. Ивановскій*. Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія. Казань, 1881. *Шиповъ-Шульцъ*. Земство и законъ. СПб. 1898. *Е. Варбъ*. Наемные сельскохоз. рабочіе въ жизни и законодательствѣ. М. 1899. *Б. Веселовскій*. Классовые интересы въ земствѣ. Вып. I. СПб. 1905. *Мелкая* земская единица. Т. 1—2. СПб. 1904. *Нужды* деревни по работамъ комит. о сельскохоз. промышл. т. 1—2. СПб. 1904. *В. М. Гессенъ*. Вопросы мѣстнаго управленія. СПб. 1904. *Б. Чичеринъ*. Вопросы политики. М. 1903. *Н. Іорданскій*. Земскій либерализмъ. М. 1905. *Баронъ Н. А. Корфъ*. Ближайшія нужды мѣстнаго управленія. СПб. 1888. *Г. А. Евреиновъ*. Замѣтки о мѣстной реформѣ. СПб. 1888. *К. Головинъ*. Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство. Москва. 1884. (См. также статью Ленскаго въ „Дѣлѣ“ по поводу книги Головина).

Законодательныя новеллы, правительственныя распоряженія и сенатскія разъясненія по земскимъ дѣламъ собраны у *М. Мыша*: Положеніе о земск. учрежд. со всѣми относящимися къ нему узаконеніями, судебн. и правительственными разъясненіями. Изданіе 3-е. СПб. 1886. *Андогскій*. Сборникъ узаконеній, относящихся къ земскимъ учрежденіямъ. СПб. 1884. Аналогичный же сборникъ *Д. Никитина*. Смот. также: *Сборникъ* правительственныхъ распоряженій, до земскихъ учрежденій относящихся (издавался съ 1864 г. хозяйств. департ. минист. вн. дѣлъ, къ нему: *Указатель* статей 9 томовъ Сборника правит. распор. СПб. 1889). *Кузнецовъ*. Систематическій сводъ указовъ правител. сената по земскимъ дѣламъ (3 тома).

О земскихъ ходатайствахъ: *Середонинъ*. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ (т. III). *Н. А. Карышевъ*. Земскія ходатайства. 1865 — 1884. Москва. 1900.

Для характеристики положенія земствъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ важнѣйшимъ источникомъ является, кромѣ собственно-земской литературы, еженедѣльный журналъ, издававшійся А. И. Кошелевымъ подъ редакціей В. Ю. Скалона: „Земство“ (1881—82). Статьи *Скалона*, печатавшіяся въ этомъ журналѣ, были изданы позже отдѣльно подъ названіемъ: По земскимъ вопросамъ (2 изд. СПб. 1905) и Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. Обзоръ земскихъ отзывовъ и проектовъ. М. 1884. Также *А. И. Кошелевъ*. Записки (1812—1883). Берлинъ. 1884. *Литература* Народной Воли. Выпуски I и II. Подъ редакціей В. Базилевскаго (Богучарскаго). СПб. 1907. *Русскій* біографическій словарь, т. I (ст. Татищева объ Александрѣ II). *Записка* С. Ю. Витте: „Земство и Самодержавіе“. СПб. 1908. *И. Страховскій*. Проекты волостной реформы („Вѣстникъ Права“, 1902). *Берьманскій*. „Конституціонные проекты“ въ царств. Александра II. „Вѣстникъ Права“, 1905, ноябрь. *Н. Колюпановъ*. Вызовъ экспертовъ („Рус. Мысль“, 1881, IX). Статьи *Бѣлоконскаго* въ „Быломъ“ за 1907 г. *Матеріалы* Высоч. учрежденной особой комиссіи подъ предсѣдат. статсъ-секретаря Каханова для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, 5 томовъ и приложенія, въ особенности т. I. Общій планъ занятій. Перечень предметовъ занятій. Положенія объ устройствѣ мѣстнаго управленія. Объяснительныя записки. Т. II. Журналы засѣданій комиссіи. Т. III (2 части). Матеріалы по преобразованію мѣстн. упр., доставленные губернаторами, земствами и присутствіями. Отчеты и матеріалы по сенаторскимъ ревизіямъ нѣкоторыхъ губерній (сенаторовъ Шамшина, Половцева, Ковалевскаго и Мордвинова).

Въ нашихъ толстыхъ журналахъ печатано много статей, посвященныхъ земскому самоуправленію. Мы здѣсь, конечно, можемъ назвать лишь нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ. *Принципы* земскаго обложенія („Отечеств. Записки“, 1878 г., № 11).—*Земскіе* итоги („Вѣстникъ Европы“, 1870).—*Н. Колюпановъ*. Земскія обозрѣнія. Очерки изъ исторіи земства. („Вѣстн. Евр.“, 1866—8).—*Провинціальное* земство („Вѣстн. Евр.“,

1869 г. № 5). *Н. Демертъ*. Кое-что насчетъ земскаго самоуправленія („От. Зап.“ 1870, 1). — *И. Давыдовъ*. Смоленское земство („Вѣстн. Евр.“ 1875 г. № 11). — *Скалонъ*. Земская хроника („Юр. Вѣст.“ 1879 г. IX, XII). *Вятское* земство („Вѣст. Евр.“, 1880 г. 9—10). *Пермское* земство („Дѣло“, 1879 г. XII). *Замѣтки* земца („Дѣло“, 1881 г. № 8). *Г. Шрейдеръ*. Владѣльческая недоимка („От. Зап.“, 1883 г., № 11 и „Рус. Бог.“, 1898 г. № 9). *Записка* одного изъ прежнихъ администраторовъ („Рус. Старина“, 1881 г. № 1). *Н. А. Корфъ*. Крестьянское земство („Вѣст. Евр.“, 1881 г., № 10). *Современные* земцы и ихъ нужды. („От. Зап.“, 1881 г. № 5). Статья *Б. Ленскаго* по поводу кн. Ивановскаго („Дѣло“ 1882 г., № 7). *Н. Іорданскій*. О культурной работѣ земства и др. статьи („Образованіе“, 1903 — 1905). *Н. Нечаевъ*. Земскіе финансы („Рус. Мысль“, 1881 г. № 9). *Н. Вернеръ*. Статистика предъ судомъ курскаго земства („Рус. Мысль“, 1889 г., іюль). *М. Неручевъ*. Бессарабское земство („Сѣв. Вѣст.“ 1888 г. № 2). *Бѣлоконскій*. Статьи о земскомъ хозяйствѣ („Сѣв. Вѣстн.“ 1892—3 гг.). *В. В.* Земская статистика („Рус. Мысль“, 1888 г. № 6). О земской статистикѣ и отношеніи къ ней вліятельныхъ земскихъ элементовъ, также ст. *Д. Рихтера* („Рус. Богат.“). *П. Голубевъ*. Недоимщики въ казанскомъ земствѣ („Сѣв. Вѣстн.“ 1886 г. № 6). Статьи *Б. Веселовскаго* въ „Саратов. Земской Недѣлѣ“ за 1903 г. *Дроздовъ*. О роли земства. („Жизнь“, 1899 г. 6). *К. Арсеньевъ*. По поводу мѣстной реформы („Вѣстн. Евр.“, 1888 г., 3).

Очень важны также „внутреннія обозрѣнія“ и „хроника“ „Отечественныхъ Записокъ“ (Н. Демертъ, Г. Елисеевъ, Головачовъ) и „Вѣстника Европы“ (Арсеньевъ), посвященныя характеристикѣ земской жизни и отношенію правительства къ земству.

Для исторіи реформы 1890 г. очень важное значеніе, кромѣ „Отчета по Государственному совѣту за 1890 г.“ (СПб. 1891 г.), имѣютъ нѣкоторые неопубликованные матеріалы, списокъ которыхъ мы приводимъ: 1) Записка министра внутреннихъ дѣлъ 8 янв. 1888 г. № 34, представленная въ Государственный Совѣтъ по проекту новаго положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Подписана гр. Д. А. Толстымъ и скрѣплена А. Пазухинымъ). Вмѣстѣ съ этой запиской были представлены: 2) самый „Проектъ Положенія“, 3) Объяснительная записка къ проекту расписанія числа гласныхъ, 4) Свѣдѣнія о числѣ лицъ, владѣющихъ пространствомъ земли, дающимъ право на личное участіе въ земск. собр.; 5) Вѣдомость о числѣ должност. членовъ губ. и уѣзд. упр. Изъ отзывовъ министровъ и главноуправляющихъ: 6) Отзывъ министра государствен. имуществъ (по департам. общ. дѣлъ) 25 авг. 1888 г. № 522, 7) Отзывъ министра финансовъ (по департам. окл. сборовъ) 8 сент. 1888 г. № 1925; 8) Отзывъ министра юстиціи (по законодат. отдѣл.) 31 дек. 1888 г. № 325. Отзывами другихъ министровъ мы пользовались по офиц. своду ихъ подъ названіемъ: 9) Заключенія министровъ и главноуправляющихъ по отдѣльнымъ статьямъ первоначал. проекта (составлено уже при И. Н. Дурново). Далѣе, 10) Записка министра внутр. дѣлъ (подписанная И. Н. Дурново и скрѣпленная тѣмъ же Пазухинымъ) 4 февраля 1890 г., № 220 и препровожденные при ней: 11) Проектъ положенія о губ. и уѣзд. зем. учрежд.; 12 — 14) проектъ расписанія количества земли, числа гласныхъ и классовъ должностей предсѣдат. и членовъ губ. и уѣздн. управъ и 15) Проектъ правилъ о производствѣ дѣлъ въ земск. собр. 16) Сравнительное изложеніе статей исправленнаго и первоначальнаго проектовъ „Положенія“ (составлено при И. Н. Дурново). 17) Журналы государств. совѣта въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, госуд. эконом., гражд. и духов. дѣлъ (3—26 марта, 14 апрѣля, 19 мая 1899 г. № 23) Также *Коркуновъ*. Русское государственное право, т. II и указанная выше *записка* С. Ю. Витте.

ГЛАВА III.

Крестьянское общественное управленіе.

Матеріалы редакціонныхъ комиссій. 2-е изд., 3 т., СПб., 1860. *А. Скребицкій*.—Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II. Боннъ, 1862—68. *Н. П. Семеновъ*.—Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II. СПб., 1889—1892. *И. Иванюковъ*.—Паденіе крѣпостного права въ Россіи. СПб., 1903. *А. А. Головачовъ*.—Десять лѣтъ реформъ. СПб., 1872. *К. Абрамовичъ*.—Положенія о сельскомъ состояніи по изд. 1902 г. I. Общее положеніе о крестьянахъ. СПб., 1903. *Матеріалы* Высоч. утвержд. особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія (Кахановская комиссія): Положенія объ устройствѣ мѣстнаго управленія и объяснительная записка къ проекту положеній объ устр. мѣстн. упр.— I. Сельское общество. II. Волостное управленіе. *Горемыкинъ*. — Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія. СПб., 1898. *Сводъ* заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. СПб., 1897. *В. П. Безобразовъ*.—Государство и общество. СПб., 1882. *К. Д. Кавелинъ*.—Крестьянскій вопросъ. СПб., 1882. *В. Ю. Скалонъ*.—Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. М., 1884. *Мірскіе* расходы за 1881 г. Стат. Времен. Россійск. Имп. Серія III, в. 13, СПб., 1886. *Мірскіе* доходы и расходы за 1892 г. въ 50 губ. Европ. Россіи. Статист. Росс. Имп.

XXXIX, СПб., 1897. *Мірскіе* доходы и расходы за 1894 г. въ 50 губ. Европ. Россіи. Стат. Росс. Имп. XLIII, СПб., 1898. *М. С. Толмачевъ.*—Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. М., 1903. *Н. Дружининъ.* — Юридическое положеніе крестьянъ. СПб., 1897. *Ив. Страховскій.*— Крестьянскія права и учрежденія. *Г. А. Евреиновъ.* — Замѣтки о мѣстной реформѣ. СПб., 1888. *Его же.*—Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. СПб., 1903. *В. М. Гессенъ.*—Вопросы мѣстнаго управленія. СПб., 1904. *Нужды* деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности. Сб., т. I (ст. *Страховскаго* и *Розенберга*). СПб., 1904. *Мелкая* земская единица. Сб., вып. I и II (ст. *Лазаревскаго, Страховскаго, Скалона, Шрейдера* и *Блеклова*). СПб., 1903. *Сводъ* трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности по 49 губ. Европ. Россіи. *А. А. Риттихъ.*—Крестьянскій правопорядокъ. СПб., 1904. *А. А. Корниловъ.* — Крестьянская реформа. СПб., 1905. *Крестьянскій* строй. Сб., т. I (ст. *Корнилова* и *Страховскаго*). СПб., 1905. *Кн. Д. Друцкой-Соколинскій.*—Предполагаемая крестьянская реформа („Вѣстн. Евр.", 1904 г., кн. 5). Очерки по крестьянскому вопросу. Сб. подъ ред. *А. А. Мануилова*, вып. I и II (ст. *Розенберга* и *Хвостова*). М., 1904 и 1905. *А. И. Новиковъ.*—Записки земскаго начальника. *Н. М. Астыревъ.*—Въ волостныхъ писаряхъ.

ГЛАВА IV.

Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ во второй половинѣ XIX ст.

Матеріалы къ изученію аграрныхъ условій Лифляндіи. Изд. ландратской коллегіи. Рига, 1885. Прибалтійское земство, *Зиновьева.* Nationale Bestrebungen, *Kranwaldt. Die Lohnverhältnisse* der ländlichen Arbeiter in Kurland. Офиц. изданіе. *Извѣстія* курляндскаго дворянскаго комитета. Митава, 1886. О сельскомъ бытѣ латышскихъ крестьянъ, *Юнгъ-Штиллинга.* СПб., 1868. Записка о земскихъ повинностяхъ въ Курляндской губ. Офиц. изданіе, 1889. Сводъ статистическихъ данныхъ Курляндской губ., *Лудмера.* Митава, 1888. System des Privatrechts der Ostseeprovinzen, *Erdmann.* Riga, 1889. *Сводъ* мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. 1864—90. Балтійская конституція, *А. Харузина.* Москва, 1888. *Матеріалы* къ изученію положенія крестьянъ въ Лифляндіи. Рига, 1883. Феодальное земство, *Александрова.* Рига, 1895. *Матеріалы* для статистики Лифляндской губерніи. Рига, 1905. Das Gesindeverkauf auf den Privatgütern Kurlands, *A. Heyking.* Agrargesetzgebung Livlands im XIX Jahrhundert, *A. Tobien.* Die Bauernbefreiung in Livland, *A. Tobien.* Tübingen, 1905. Die Landwirthschaft in Kurland, *M. Blaese.* Mitau. 1899. *Свѣдѣнія* петербургскаго Центральнаго статистическаго комитета о результатахъ всенародной общей переписи 1897 г. (Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, т. XXI, XLIX и XIX). *Baltisches Bürgerthum.* Сб. статей, вышелъ въ Ригѣ, 1908. Земское устройство Прибалтійскаго края, *Рудченка. Отчеты* курляндской крестьянской комиссіи. „*Курляндскій* Статистическій Ежегодникъ", съ 1869 г. *Справочная* книга Лифляндской губерніи, за 1890 и др. г. *Статистика* поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Лифл. и Курл. СПб., 1885. Die Livländische Agrargesetzgebung, *O. Müller.* Riga, 1892. Vaterländliches an Gemeinnütziges. *Waldemar Fr. Rosow.* Latweeschu semneens. Der Bauerlandverkauf auf den Privatgütern Kurlands in den Jahren 1864—72, *Kampenhausen.* Statistische Studien über die ländlichen Zustände Kurlands, *Heyking.* Resultate der relativen Werthberechnung der Privatbesitzlichkeiten in Kurland, *Möbring.* Mitau, 1887. *Baltische* Zustände. Die Baltischen Provinzen. Russlands, *J. Eckardt.* Ergebnisse der Kurländischen Volkzählung, *Reibnitz.* I—II Bd. Mitau, 1884—86. Сборникъ свѣдѣній по Лифляндской губерніи, *Кальбера.* 1886. Der Esthe und sein Herr, ausg. anonim. Fünfzig Jahre Russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen. *J. Eckardt.* Der Stadt Riga Verwaltung und Haushalt, in den Jahren 1878 — 1900, *M. Karlberg.* Riga, 1901. Die Geschichte der Stadt Riga, *E. Mettig.* Riga, 1897. Крестьянское земледѣліе въ Эстляндіи, *А. Харузина* и др.

ГЛАВА V.

Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 года.

Источники. *Св.* Зак. Т. II. Общ. учрежд. губерн. *Матеріалы* Высочайше утвержденной особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. *М. И. Мышъ.* Городовое Положеніе 11 іюня 1892 г. со всѣми узаконеніями, судеб. и правительствен. разъясненіями. СПб. 1901 г. *Я. А. Канторовичъ*, Сборникъ опредѣленій 1 департ. пр. сената по городскимъ и земск. дѣламъ (1891—1900) съ предметнымъ указателемъ. СПб. 1902 т. *А. М. Нолькенъ.* Разъясненія 1-го общаго собранія пр. сената и государствен. сов. по дѣламъ земск., городскимъ и др., разсмотрѣннымъ консультаціей при министер. юстиціи за 1897—1901 гг. СПб. 1902 г.

Общія сочиненія. *Н. М. Коркуновъ.* Русское Госуд. Право, т. II. СПб. 1901 г. *М. И. Свѣшниковъ.* Основы и предѣлы самоуправленія. СПб. 1892 г. *В. М. Гессенъ.* Вопросы мѣстнаго управленія. СПб. 1904 г. *Д. Семеновъ.* Городское самоуправленіе. Очерки и опыты. СПб. 1901 г. *Г. И. Шрейдеръ.* Наше городское общественное упра-

вленіе. Этюды, очерки и замѣтки. СПб. 1902 г. *И. Вернеръ.* Городское самоуправленіе въ Россіи. М. 1906 г. *М. П. Щепкинъ.* Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія. М. 1906 г. *И. Х. Озеровъ.* Большіе города, ихъ задачи и средства управленія. М. 1906 г. *Е. А. Звягинцевъ.* Какъ нужно преобразовать наши городскія Думы и Управы. М. 1906 г.

Монографіи и журнальныя статьи. *Горбачевскій.* 25-лѣтіе городского общественнаго управленія въ Ковнѣ. Ковна. 1903 г. *Матеріалы* для исторіи харьковской гор. думы и городского хозяйства Харькова за 25 лѣтъ (1871—1896). Харьк. 1896 г. *Тридцатилѣтіе* дѣятельности черниговскаго городск. общ. управленія (1870—1901) съ очеркомъ исторіи города Чернигова. Черниг. 1901 г. *Г. Тумановъ.* Замѣтки о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ. 1902 г. *С. М. Горенбергъ.* О городскихъ выборахъ. „Вѣстн. Права“ за 1902 г., кн. 4—5. *А. Михайловскій.* Бюджеты русскихъ городовъ. „Извѣстія Моск. Городск. Думы“ за 1905 г., сентябрь—декабрь. *Г. И. Шрейдеръ.* Упрощенное управленіе и союзы городовъ. „Самоуправленіе“ за 1907 г. № 23. *Его же.* Городское хозяйство. „Словарь юридич. и государств. наукъ“ подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова, изд. „Общ. Пользы“ вып. 6 (т. II). *В. М. Гессенъ.* Городское самоуправленіе. Тамъ же.

ГЛАВА VI.

Расколъ и сектантство во второй половинѣ XIX вѣка.

Поповщина. *Н. Субботинъ.* Современныя движенія въ расколѣ. 3 выпуска, 1863, 1865, 1866. *Его же.* Современныя лѣтописи раскола, 2 вып., 1869—1870. *Его же.* Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій, 1872. *И. Г.* Документы о старообрядцахъ нашего времени, въ „Чтеніяхъ О. И. Д. Р.“, 1868, 1869. См. также библіографію къ статьѣ о расколѣ во II части.

Сектантство. А. Матеріалы: Матеріалы по исторіи хлыстовщины и скопчества, собр. *Мельниковымъ*, въ „Чтеніяхъ О. И. Д. Р.“, 1872, I—IV, 1873, I. Духоборческое исповѣданіе, сообщ. *Н. С. Тихонравовымъ*, въ „Чтеніяхъ“, 1871, II. Допросъ тамбовскихъ духоборцевъ 1802 г., въ „Чтеніяхъ“, 1874. Дѣло о скопцѣ-камергерѣ Еленскомъ, въ „Чтеніяхъ“, 1867, IV.

Б. Обработки. *П. Н. Милюковъ*, гл. VI второй части „Очерковъ по исторіи русской культуры.“ *А. Рождественскій.* Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. „Чтенія“, 1882. I—III. *Реутскій*, Люди божіи и скопцы. 1872. *И. Добротворскій.* Люди божіи. 1869. *О. Новицкій.* О духоборцахъ. 1882 (II изд.). *Ливановъ.* Раскольники и острожники, т. I—IV. *П. Мельниковъ.* Бѣлые голуби, „Русск. Вѣстникъ“, 1869, мартъ. *А. Рождественскій.* Южно-русскій штундизмъ. *А. Пругавинъ.* Религіозные отщепенцы, 2 выпуска, 1903—1904. *Н. Д.* Прыгуны, „Отеч. Зап.“ 1878, X и XII. *Н. Ивановскій.* Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Ч. II и III, 1892.

ГЛАВА VII.

Завоеваніе Кавказа.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссіей, тт. II и сл., Тифлисъ, 1868 г. и сл. „*Кавказскій* сборникъ“, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія по указанію вел. князя Михаила Николаевича, 21 томъ. *Сборникъ* свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. *Н. Ѳ. Дубровинъ.* Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, 6 томовъ, СПб. 1871 г. и сл. (доведено до 1827 г.). *В. Потто.* Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ, 5 томовъ (доведено до 1829 г.) *Романовскій.* Кавказъ и Кавказская война. СПб. 1860 г. *Р. Ѳадѣевъ.* Собраніе сочиненій, т. I. СПб. 1890 г. *Кн. Щербатовъ.* Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, тт. II и III. *М. Щербининъ.* Біографія кн. М. С. Воронцова, СПб. 1858 г. *А. Зиссерманъ.* Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій („Русскій Архивъ“ 1888—91 и отдѣльно, въ 3 томахъ, Москва, 1889—91 гг.). *Орсусъ.* Гр. Н. И. Евдокимовъ („Русская Старина“ 1888 — 90). *Ермоловъ.* Записки, ч. II, М. 1868 г. *Ермоловъ*, Дибичъ и Паскевичъ. Переписка ихъ и донесенія имп. Николаю Павловичу. „Русская Старина“ 1872 г., тт. 5 и 6. *Н. Н. Муравьевъ.* Записки, „Русскій Архивъ“, съ 1886 г. по 1895 г. *Его же.* Война за Кавказомъ въ 1855 г., 2 части, СПб. 1877 г. *Кн. Воронцовъ и А. П. Ермоловъ:* ихъ переписка о Кавказѣ. „Русскій Архивъ“ 1890 г. №№ 2—4. *Баронъ Николаи.* Матеріалы для исторіи Кавказской войны. *Бѣляевъ.* Воспоминанія, пережитое и перечувствованное (о Кавказѣ, главы: XX и XXI, „Русская Старина“ 1881 г., № 10 и 1884 г., № 4). *В. А. Полторацкій.* Записки (съ 1846 г. по 1854 г.) „Историческій Вѣстникъ“, 1893 г. *Г. И. Филипсонъ.* Воспоминанія. „Русскій Архивъ“, 1883 — 84. Ср. *А. Гизети.* Библіографическій указатель къ сочиненіямъ и статьямъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Кавказѣ, изд. военно-уч. ком. гл. штаба. СПб. 1901 г.

ГЛАВА VIII.

Восточный вопросъ.

С. Татищевъ. Императоръ Александръ II, 2 тт. СПб. 1903 г. *Описаніе* русско-турецкой войны 1877—78 гг. Изданіе военно-истори-

ческой комиссіи Главнаго Штаба. СПб. 1901 г. и сл. 4 тома. *С. П. Боткинъ.* Письма изъ Болгаріи (первоначально въ „Вѣстникѣ Европы". Есть отдѣльное изд.) *Газенкампфъ.* Дневникъ. СПб. 1908 г. *Гейсманъ.* Славяно-турецкая борьба 1876—77—78 гг. СПб. 1887 г. и сл. *Карцевъ.* За кулисами дипломатіи. („Русская Старина" за 1908 г.) *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія, т. I. *М. Н. Катковъ.* Собраніе передовыхъ статей изъ „Московскихъ Вѣдомостей", 1876, 77, 78 годы. *Куропаткинъ.* Дѣйствія отрядовъ Скобелева въ войну 1877—78 гг. СПб. 1885 г. *Мартыновъ.* Блокада Плевны, СПб. 1900 г. *Пузыревскій.* Десять лѣтъ назадъ. СПб. 1887 г. *В. В. Верещагинъ.* На русско-турецкой войнѣ. Москва. 1902 г. *А. Квитка.* Записки казачьяго офицера. СПб. 1903 г. *Izzat-Fuad-Pasha.* Etude stratégique et critique sur la campagne turco-russe de 1877—78. Paris. 1900. *Muzaffar Pasha.* Défense de Plevna, d'après les documents officiels. Paris. 1889. *Trotha, (T. W. von).* Der Kampf um Plevna. Berlin. 1896. *Сборникъ* военныхъ разсказовъ, изд. кн. Мещерскаго, 6 томовъ. СПб. 1879 и сл. *A. d'Avril.* Négociations relatives au traité de Berlin. Paris. 1880. *Choublier, Max.* La Question d'Orient depuis le traité de Berlin. Paris. 1897.

ГЛАВА IX.

Государственное хозяйство въ Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ.

Общая картина экономическаго развитія Россіи.—*Вл. Ильинъ.* Развитіе капитализма въ Россіи. СПб. 1899 (есть новое изд.). *Николай — онъ.* Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. СПб. 1893 г. *Озеровъ.* Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. М. 1905 г.

Кредитъ и деньги. *П. Мигулинъ.* Русскій государственный кредитъ 1769 — 1899. 3 тома. Харьковъ, 1899 — 1902 гг. *Его же.* Наша банковая политика, 1729 — 1903 гг. Харьковъ, 1904 г. *Его же.* Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ 1893 — 1902 гг. Харьковъ. 1902 г. *Сабуровъ.* Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ 1866 — 1897 г. СПб. 1899 г. *Гурьевъ.* Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи. *Головинъ.* Наша финансовая политика 1887 — 98 гг. СПб. 1899 г. *Winiarski.* Les finances russes 1867 — 94. Genève, 1894. *Министерство* финансовъ 1802—1902 гг. 2 части. СПб. 1902 г.

Желѣзнодорожная политика. *П. Мигулинъ.* Наша желѣзнодорожная политика. Харьковъ, 1904 г. *Бліохъ.* Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи. 5 томовъ съ атласомъ. СПб. 1878 г. и сл. *Наша* желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. СПб. 1902 г. *В. Г. Михайловскій.* Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти („Труды Имп. Вольнаго Экономич. О-ства", 1898 г., II).

Таможенная политика. *Витшиля* торговля Россіи по странамъ назначенія и происхожденія товаровъ за 1881 — 1899 гг., ч. I. Данныя русской таможенной статистики. СПб. 1901 г. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, подъ ред. В. И. Покровскаго. Т. I. Изд. Деп. Там. Сб. СПб. 1902 г. *Гулишамбаровъ.* Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи. СПб. 1898 г. *Рожковъ.* Государственное хозяйство (продолженіе). *Менделѣевъ.* Толковый тарифъ. СПб. 1891—2. *Beutner.* Materialen zum Abschlusse eines Handelsvertrages zwischen Russland und dem Deutschen Reiche". Berlin. 1881. *Zur deutsch-russischen* Zollkonferenz. Berlin, 1893. *Zweig Emil.* Die russiche Handelspolitik seit 1877. Leipzig. 1906.

Общіе выводы; вліяніе государственнаго хозяйства на благосостояніе массы.—*Янсонъ.* Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. *Нужды* деревни, 2 тома. *Труды* Комитетовъ по изслѣдованію сельскохозяйственной промышленности et. (подробнѣе въ примѣчаніяхъ къ статьѣ). См. также *П. И. Георгіевскій.* Указатель русской экономической литературы. СПб. 1903 г., и Курсы финансоваго права *Ходскаго, Янжула, Озерова.*

ГЛАВА X.

Развитіе крупной промышленности и рабочее движеніе до 1892 г.

М. И. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика. Изд. III. 1907. *В. Ильинъ.* Развитіе капитализма въ Россіи. Изд. II. 1907. *Н. Флеровскій.* Положеніе раб. класса въ Россіи. 1869. *К. Пажитновъ.* Положеніе раб. класса въ Россіи. 1906. *Труды* комиссіи (Штакельберга) для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго. 1863. *Давыдовъ.* Отчетъ фабр. инспектора СПб. округа за 1885 г. *Новицкій.* Отчетъ фабр. инспектора Кіевск. округа за 1885 г. *Блюменфельдъ.* Отчетъ фабр. инспектора Варшавск. округа за 1885 г. *В. Святловскій.* Отчетъ фабр. инспектора Харьковск. округа за 1885 г. *Миропольскій.* Отчетъ фабр. инспектора Воронежск. округа за 1885 г. *Шидловскій.* Отчетъ фабр. инспектора Казанск. округа за 1885 г. *Сводъ* отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1900 годъ. *Сводъ* отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1901 годъ. *Сводъ* отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1902 годъ. *Е. Андреевъ.* Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Европѣ. 1884 г. *А. Микулинъ.* Сверхурочныя работы въ промышл. заведеніяхъ Кіевск. окр. въ 1894 г. „Промышл. и Здор." 1904. *I. Шестаковъ.* Рабочіе на м-рѣ Э. Циндель. 1900. *Продолжительность* раб. дня и зараб.

плата. Изд. Д-та торг. и ман. СПб. 1896 г. *С. Погожевъ.* Учетъ численности и состава рабочихъ. СПб. 1906. *Янжулъ.* Фабричный бытъ Московской губ. *Песковъ.* Фабричный бытъ Владимирск. губ. *Шульце-Геверницъ.* Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. *Я. Гарелинъ.* Гор. Иваново-Вознесенскъ. 1885 г. *В. Дадоновъ.* Русскій Манчестеръ. „Р. Б.“ 1900 г. XII. *Въ защиту* Иваново-вознесенск. рабочихъ. Изд. „Искры“ 1901 г. *Рагозинъ.* Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. 1895 г. *Брандтъ.* Иностранные капиталы, т. I—II. *Матвѣевъ.* Очеркъ южно-русской металлург. промышленности. „В. Фин.“ 1896—7 гг. *Верещинскій.* Рабочій шахтеръ въ Донецк. басс. 1892. *Аксеновъ.* Фабрично-заводск. промышленность Екатер. губ. 1899 г. *Гиѣдичъ и Аксеновъ.* Обзоръ фабр.-зав. промышл. въ Харьк. губ. 1899 г. *В. Святловскій.* Фабричный рабочій. 1889. *Р. Люксембургъ.* Промышленное развитіе Польши. 1896 г. *Колычевъ.* Рабочіе на пріискахъ Сибири. *В. Семевскій.* Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. *В. Семевскій.* Горнозаводскіе крестьяне. *Рогозинъ.* Желѣзо и уголь на Уралѣ. 1900 г. *Дементьевъ.* Фабрика, изд. 2-ое, 1897 г. *Погожевъ.* Фабричный бытъ Германіи и Россіи, 1882 г. *Свирскій.* Фабрики, заводы и др. пром. заведенія въ Владимир. губ. 1890 г. *Труды* торгово-промышл. съѣзда. 1896 г. т. III. *С. Шашковъ.* Русскій рабочій. „Дѣло“ 1881. VI. *А. Троицкій.* Договоры личнаго найма. „От. Зап.“ 1871. III. *Положеніе* тверскихъ рабочихъ. Женева. 1898. Изд. „Союза“. *Женщины-работницы.* 1900 г. Изд. „Искры“. *Я. Михайловскій.* О дѣятельности фабричн. инспекціи. 1886. *И. Озеровъ.* Записка о раб. вопросѣ въ Россіи. „Русь“ 1905 г. № 8. *Литвиновъ-Фалинскій.* Фабрич. законодательство и фабр. инспекція въ Россіи. 1900. *Янжулъ.* Часы досуга. 1896. *А. Микулинъ.* Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3 іюня 1886 г. во Владим. губ. 1893. *Тайные документы* по изданію закона 2 іюня 1897 г. Женева. 1898 г. Изд. „Союза“. *Матеріалы* по изд. закона 2 іюня 1897 г. Изд. м-ва фин. 1905 г. *Самодержавіе и стачки.* Записка Витте объ отмѣнѣ наказуемости стачекъ. Съ прилож. статьи Л. Мартова. Женева. 1905. *Русскій законъ и рабочій.* Изд. „Освобожд.“ Штутгартъ. 1902. *Д. Кольцовъ.* Законъ 2 іюня 1897 г. Женева. 1897. *И. Озеровъ.* Политика по раб. вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. 1906 г. *Полянскій.* Стачки рабочихъ и уголовный законъ. СПб. 1907. *Я. Лаговой.* Нормированіе продолжительности рабоч. времени на фабрикахъ волокн. веществъ. 1897 г. *П. Струве.* Къ характеристикѣ фабричнаго законодательства. „Нар. Хозяйство“, 1902 г. 3. *Литвиновъ-Фалинскій.* Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. СПб. 1903. *Шестернинъ.* Къ вопросу о самовольномъ уходѣ фабрич. и заводск. рабочихъ. 1896 г. *В. Иванишинъ.* Фабричная инспекція въ Россіи. „Раб. дѣло“ № 4—5. *С. Прокоповичъ.* Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1905 г. *Общества* взаимопомощи для рабочаго населенія г. Риги. „Міръ Божій“ 1900 г. VII. *Труды* съѣзда по ремесленной промышленности, 1899. *Итоги* ремесленнаго съѣзда. „Раб. Дѣло“ № 7. *Sarah Rabinowitch.* Die Organisationen des jüdischen Proletariats in Russland. Karlsruhe, 1907. *Грачевъ.* О воскресномъ отдыхѣ. Смоленскъ. 1897. *Тиграновъ.* Касса горнорабочихъ. 1896. *Труды* 1-го съѣзда представителей приказчичьихъ обществъ въ 1897 г. *Тунъ.* Революціонное движеніе въ Россіи. *Революціонная* литература 70-ыхъ гг. СПб. 1906. *Л. Мартовъ.* Пролетарская борьба въ Россіи. 1906. *Герасимовъ.* Автобіографія ткача. „Былое“ 1907. *В. Бурцевъ.* Сѣв. Русск. раб. союзъ. „Былое“ 1907. *Куклинъ.* Итоги революц. движенія за 40 лѣтъ. Женева. 1903. *Г. Плехановъ.* Русскій рабочій въ революц. движеніи. 1906. *П. Аксельродъ.* Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи. 1907. *Кульчицкій.* (Мазовецкій). Соціалистическое движеніе въ Польшѣ. 1904. *Л. Плохоцкій.* Стачечная борьба польскихъ рабочихъ. „Жизнь“. Лондонъ, 1902 г. VI. *Докладъ* на международный соціалист. конгрессъ въ Лондонѣ. Женева, 1896. *В. Поссе.* Теорія и практика пролетарскаго соціализма. 1905. *Соціалъ-демократич.* календарь. Изд. груп. „Борьба“. Женева. 1902. *В. Тотоміанцъ.* Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи. 1905 г. *В. Акимовъ.* Очеркъ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. 1905. *М. Лядовъ.* Исторія российск. соціалъ-демократ. р. п. Ч. I и II. 1906. *Г. Плехановъ.* На два фронта. 1905. К. *Пажитновъ.* Рабочее движеніе въ Россіи. 1906. *Петербуржецъ.* Очеркъ Петербургскаго рабочаго движенія 90-ыхъ гг. Лондонъ. 1902 и СПб. 1906. *С. М.* На зарѣ московск. рабоч. движенія. „Текущій моментъ“ 1906 г. *Панкратовъ.* Изъ воспоминаній о дѣятельности среди рабочихъ въ Петербургѣ. М. 1906. *Рабочее* движеніе въ Костромѣ. Женева. 1902. *Рабочее* движеніе въ Иван.-Вознесенск. районѣ. Женева. 1900. *Рабочее* движеніе въ Екатеринославѣ. Женева. 1900. *Рабочее* движеніе въ Харьковѣ. Женева. 1901. *Рабочее* движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ. Женева. 1900. *Судъ* надъ брянскими рабочими. Женева. 1901. *Борьба* витебскихъ рабочихъ. Женева. 1898. *Изъ рабочаго движенія* за Невской заставой. Женева. 1900. *10-тилѣтіе* Морозовской стачки. Женева. 1896. *Батуринъ.* Очеркъ развитія соц.-демокр. въ Россіи. 1906. *Г. Бискъ.* Экономич. и политич. борьба раб. класса. 1906. *Л. Мартовъ.* Пролетарскій праздникъ. 1906. *А. Ельницкій.* 1-ое мая въ Россіи. *Докладъ* къ междунар. конгрессу въ Парижѣ. Женева. 1900 г. *С. Приклонскій.* Хроника рабочаго труда въ Россіи. „Дѣло“ 1883 г. 1. *В. Богучарскій.* Изъ жизни въ провинціи (раб. движ. на Уралѣ). „Нов.

Слово", 1897 г. 11. *Рубакинъ*. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. СПб. 1905 г. *Майскій праздникъ* въ Россіи въ 1899 г. „Рабоч. Дѣло", №2—3. *Варзаръ*. Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 1895—1904 гг. *Ф. Данъ*. Докладъ международ. соціал. конгрессу въ Амстердамѣ. Женева. 1904 и СПб. 1906. *Дѣятельность* Бунда за послѣдніе 2 года. Женева. 1903. *Л. Мартовъ*. Современная Россія. Женева. 1898. *Рѣчи* нижегородскихъ рабочихъ на судѣ. Женева. 1902. *Рѣчи* петерб. рабочихъ 1 мая 1891 г. Женева. 1893. *Рѣчи* еврейскихъ рабочихъ 1 мая 1893 г. Женева. 1895. *А. Б.* Обуховская оборона. Женева. 1901. *Обуховцы*. Изд. „Союза". Женева. 1901. *Амвросій*. Ростовскіе дни. Штутгартъ. 1902. *С. А. Ратова*. Всеобщая забастовка. 1903. „Былое", 1907. *Всеобщая* одесская стачка. „Рев. Россія", № 30. *Правдинъ*. Іюльскіе дни въ Кіевѣ. Женева. 1904. *В. Засуличъ*. Чему учатъ іюльскіе дни? Въ сборникѣ „За 2 года". 1906 г. *Очеркъ* забастовочнаго движенія рабочихъ Бакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—6 гг., состав. Фроловъ. 1907. *Таганрогскій процессъ*. Женева. 1903. *Рабочій Ежегодникъ*. СПб. 1907. *Революц. движеніе* въ Россіи въ докладахъ министра Муравьева. СПб. 1907. *Григорьевскій*. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. 1907. *Новые* друзья русскаго пролетаріата. „Искра". № 1. *Буржуазная* наука передъ москов. рабочими. „Искра". № 8. *Политическій* развратъ. „Искра". № 10. *Зубатовщина*. „Освобожденіе" №№ 17, 18, 19, 20, 21. *Конецъ Зубатовщины*. „Рев. Россія", № 31. *Самодержавіе* передъ задачами соціально-реформаторскаго творчества. „Освобожденіе". №26. *Самодержавіе* и рабочій вопросъ. „Освобожденіе" № 27. *Самодержавіе*, какъ гражданская война, „Освобожденіе" № 34.

„Впередъ" (Лондонъ) 1873—1877 гг. „Работникъ" и „Листки Работника" 1896—1898 гг. Женева. „Рабочее дѣло" 1898—1902. Женева. „Рабочая Мысль" 1897—1901. Петербургъ. „Красное Знамя" 1901 — 1902 гг. „Искра" 1900—1903 гг. „Освобожденіе" 1900 — 1902 гг. „Жизнь" I — VI. Лондонъ. 1902. „Послѣднія Извѣстія". Лондонъ-Женева. 1901 — 1903 гг. „Рев. Россія" 1902—1903 гг.

ГЛАВА XI.

Крестьянство и народническое движеніе.

Янсонъ. Опытъ статист. изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.— *Страховскій*. Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ послѣ 1861 г. (Сборникъ „Крестьянскій Строй").— *Статист.* свѣдѣнія по земельному вопросу, изд. Главн. Упр. Землеустройства и Земледѣлія. 1906 г.— *С. Н. Прокоповичъ*. Опытъ исчисленія народнаго дохода.— *И. Игнатовичъ*. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1856 по 1863 гг. („Минувшіе Годы").— *Матерьялы* для біографіи кн. В. Черкасскаго. — *Демертъ*. Новая Воля („От. Записки", 1869 г.). — Русскіе раціоналисты („Вѣстн. Евр." 1881 г. № 7).— *П. Вельяминовъ*. Крестьянская Община.— *Н. Огановскій*. Земельный переворотъ въ Россіи, его причины и слѣдствія, изд. 1907 г.— *Л. Марессъ*. Производство и потребленіе хлѣба (Сборникъ „Вліяніе урожаевъ", 1907 г.).— Изданія „*Народной Воли*".— „Летучій Листокъ" *Фонда Вольной Русской Прессы*.— *М. С. Александровъ*. Группа народовольцевъ („Былое", 1906 г., № 11).— *К. Я.* Первые шаги („Былое", 1907 г. № 9).— *Петербуржецъ*. Очерки петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.— *В. Акимовъ*. Матерьялы для характеристики развитія Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

ГЛАВА XII.

Судьба судебной реформы въ послѣдней трети XIX в.

См. библіографическія указанія въ приложеніи къ статьѣ „Судебная реформа императора Александра II", особ. *I. Гессенъ*. Судебная реформа. 1905 г. См. также: *Объяснительная записка* къ проекту новой редакціи судебныхъ уставовъ, выработанной комиссіей подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева. *Историческій очеркъ* министерства юстиціи (юбилейное изданіе). Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ (офиц. изданіе). *Головачевъ*. Десять лѣтъ реформъ. *Громницкій*. Изъ прошлаго („Русская Мысль", 1892). *Бобрищевъ-Пушкинъ*. Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ въ Россіи. *Кони*. За послѣдніе годы. *Михайловскій*. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. *Н. В. Муравьевъ*. Сочиненія. *Его же*. Послѣднія рѣчи. *Фойницкій*. Курсъ уголовнаго судопроизводства. *Фуксъ*. Судъ и полиція. *Чубинскій*. Современная борьба взглядовъ за и противъ суда присяжныхъ и реформаторскія попытки въ этой области. *Его же*. Памяти Вл. Д. Спасовича („Вѣстникъ Европы", 1909).

ГЛАВА XIII.

Польскій вопросъ (1863—1892).

W. Grabski. — Materyały w sprawie włościańskiej. T. I. 1907. *И. С. Блiохъ*.—Задолженность землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. СПб., 1894. *St. Koszutski*. — Rozwój ekonomiczny Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1905. *Роза Люксембургъ*. — Промышленное

развитіе Польши. Пер. съ нѣм. СПб., 1899. *J. Bloch.* — Bank włościański i parcelacya. Warszawa, 1890. *И. Познанскій.* — Производительныя силы Царства Польскаго. СПб., 1880. *К. Лодыженскій.* — Исторія русскаго таможеннаго тарифа. СПб., 1886. *В. Д. Бѣловъ.* — Лодзь и Сосновицы („Труды о-ва для сод. русск. пром. и торговлѣ", ч. 22, 1893). *W. Żukowski.*—Bilans handlowy gubernij Królewstwa polskiego. Warszawa, 1901. *Filipowicz.*—Parcelacya jako program społeczny. W., 1883. *Маклѣевъ.*—Крестьянскій кредитъ, задолженность частная и общественная и ссудо-сберегательныя кассы. Радомъ, 1888. *L. Górski.* — Pogląd na stan i potrzeby własności drobnej w Królewstwie polskiem. *Koźmian, Tarnowski* и др. Teka Stańczyka. Kraków. 1870. *J. Jeleński.* — Żydzi, Niemcy i My. *Ognisko.* — Książka zbiorowa wydana dla uczczenia 25-letniej pracy T. T. Jeża. Warszawa, 1882. *K. Krauz.* —Wybór pism politycznych. *K. Stefański.*—Trzy okresy w zyciu demokracyi naszej. „Krytyka", 1908 (VII—VIII) . *S. Aszkenazy.*—Uniwersytet warszawski. „Biblyot. Warsz.", 1905 (V). *W. Feldman.*—Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, tt. 2. *P. Chmielowski.*—Literatura polska z ostatnich lat 20. *П. И.* — Евреи въ Привислинскомъ краѣ. 1892. *В. Р.* — Очерки Привислинья. 1897. *М. Д. Скрябинъ.*—Сборникъ узаконеній по земельному устройству крестьянъ Царства Польскаго. Радомъ, 1896. *Н. Рейнке.* — Очеркъ законодательства Ц. Польскаго (1807—1881). СПб., 1902. *Воропановъ.*—Сорокъ лѣтъ тому назадъ. „Вѣстн. Евр.", 1904 (VIII). *Русскій губернаторъ* въ Польшѣ. Изъ записокъ отставного губернатора 1866. „Русская Старина", 1884 (VI). *Страшевичъ.*—Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Ц. Польскомъ. СПб., 1897.—Szkolnictwo w Królewstwie polskiem w ubiegłem czterdziestoleciu, Referaty i przyczynki źródłowe. 1905. *В. Студницкій.* — Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней. СПб., 1908. *Л. Василевскій.*—Польская с.-р. партія „Пролетаріатъ". 1882 — 1886. „Былое", 1906 (IV). *Его же.* — „Пролетаріатъ" передъ судомъ, „Былое", 1906 (VII). *A. Humnicki.* — Wspomnienie z lat 1888—1892. *Mazowiecki.*—Ruch rewolucyjny w zaborze rosyjskim.—Materyały do historyi P. P. S. i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim. Tom I. Rok 1894 — 1897.

Періодическія изданія: „Ateneum", „Niwa", „Przegląd Tygodniowy", „Głos", „Prawda", „Koło", „Biblyoteka Warszawska", „Słowo", „Przedświt" — 60-ыхъ, 70-ыхъ, 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ.

Произведенія художественной литературы: Крашевскаго, Балуцкаго, Сенкевича, Пруса, Ожешко, Конопницкой, Оконьскаго, Нѣмоевскаго, Грушецкаго и друг.

ГЛАВА XIV.

Научное движеніе въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

А. Естествознаніе и медицина.

К. А. Тимирязевъ. Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX ст. Москва, 1908. *L. Darmstaedter.* Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik. 2-te Aufl. 1908, Berlin. Статьи: Физика, Метеорологія, Минералогія и Кристаллографія (*В. Агафоновъ*), Геологія (*Б. Полѣновъ*), Химія, Ботаника (*А. Еленкинъ*), Зоологія (*В. Шимкевичъ*), Анатомія и Физіологія (*И. Тархановъ*), Медицина, Сельскохозяйственная наука, Технологическая наука (*А. К.*), Географическія изслѣдованія Россійской Имперіи и развитіе географической науки въ Россіи,—въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 55, стр. 737—800. *Біографіи отдѣльныхъ ученыхъ*, имена которыхъ приведены въ текстѣ въ томъ же и въ другихъ словаряхъ. *Холодковскій.* П. Бэръ. СПб. 1893. *Н. И. Пироговъ.* Дневникъ стараго врача. СПб. 1900. Сочиненія, т. II. *Ю. Малисъ.* Біографическій очеркъ Н. И. Пирогова. СПб. 1893. Памяти Пирогова. Подъ ред. пр. *Дьяконова.* Москва, 1892. Статьи: „Ученыя учрежденія" и „Печатн. дѣло". *Сл. Брокг. и Ефрона*, полут. 54, стр. 410—420. Статьи „Общества" тамъ же, полут. 42-ой, стр. 606 и сл., спец. „Антропологическія общества", 614 стр., „Геологическія и Минералогич.", 615, „О-ва естествоиспытател.", 616, „Медицинскія", 621. *Я. Эйгеръ.* Медицинскія общества въ Россіи. Реальная Энциклопедія Медиц. Наукъ, т. XI. СПб. 1894, стр. 140—147. *Его же.* Медицинскіе съѣзды. Тамъ же, 108—132. (NB. начинаются во 2-ой половинѣ XIX в.). *П. Смоленскій.* Импер. Военно-Медицинская Академія. Тамъ же, т. I, стр. 49—55. *Герценштейнъ.* Врачи и врачебное дѣло; тамъ же, т. IV, стр. 125—146. *П. Милюковъ.* Университеты въ Россіи. Брокг. Ефр., полут. 68, стр. 788—800. *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. 4 изд. СПб. 1905, т. II, оч. 7. „Школа и образованіе", стр. 250—294; на стр. 389—391 указатель литературы. (Въ указанныхъ источникахъ можно найти и дальнѣйшія библіографическія указанія). Автобіографическія записки *И. М. Сѣченова.* Москва. 1907. См. также библіографію къ статьѣ „Университеты" *П. Бороздина* въ настоящемъ изданіи и подстрочныя примѣчанія къ настоящей статьѣ.

В. Математика.

См. библіографію при IX томѣ.

ГЛАВА XV.

Пробужденіе естествознанія въ третьей четверти вѣка.

См. библіографію при IX томѣ.

ГЛАВА XVI.

Литература 70-хъ гг.

См. библіографію при IX томѣ.

ГЛАВА XVII.

Украинская литература 1862—1900 гг.

Т. Шевченко. Кобзарь. СПб. 1906 г. *Сковорода*. Сочиненія. X. *Котляревскій*. Сочиненія под. ред. С. Ефремова. К. 1909 г. *Марко Вовчокъ*. Народні оповідання. 1—2 т. видав. „Вік." К. „Вік". Украинська антологія I—III. К. 1902. *Кулішъ*. Сочиненія под. р. проф. Команина. К. 1909 г. *И. Левицький*. Повісти и оповідання. 1—3. К. 1905. *Драгомановъ*. Политическія сочиненія. Парижъ. 1906 г. *Драгомановъ*. Центръ и окраины. Изд. Сытина. М. 1908 г. *О. Мирний*. Твори. 1—2. К. 1903 г. *Д. Марковичъ*. По степамъ і хуторамъ. 1908 г. *І. Франко*. В поті чола. 1—3 т. вид. „Вік." К. *М. Старицькій*. Поэзіи. К. 1908. *М. Старицькій*. Малорос. театръ. 1.2. *Тобилевичъ* (*Карпенко-Карый*). Драмы и комедіи. I—X. *Кропивницькій*. Полтава. Збірник Творів. I—III. X. 1895—1903. *М. Коцюбинський*. Оповідання. К. 1 т. 1903 г. *Л. Яновская*. Оповідання. 1 т. вид. „Вік." 1904 г. *М. Чернявскій*. Зорі, поэзіи. „Вік." *Б. Гринченко*. Писання. 1—2 т. *Б. Грінченко*. Драми. 1 т. *Л. Глібов*. Твори. 1. (Вік) 1905 г. *Щоголів*. Ворскло. Сб. X. *Щоголів*. Слобожанщина. X. 1898 р. *Руданській*. Твори. К. 1902. *Грабовський*. Поэзіи. *Л. Свидницький*. Люборацьки. К. Вік. 1902. *Стефаник*. Оповідання. Пет. 1904 г. *Самійленко*. Україна. К. 1908. г., *Українка*. На крилах пісень. К. 1904. *Л. Федькович*. Повісти. К. 1876 р. *А. Кримський*. Пальмове гилля. В. *А. Кримський*. Із повісток эскизів. В. *Бордулякъ*. Оповідання. В. 1903. *Конисський*. (Перебендя). Твори. Т. I—II. *Винниченко*. Краса і сила. Опов. К. 1907. *Винниченко*. Дрібні оповід. 1908. *Винниченко*. Дізгармонія, драма. 1906. *Винниченко*. Молох, драма. *Черкасенко*. На Шахті, опов. *Черкасенко*. Хвилини, поэз. *О. Пчілка*. Твори К. 1908 г. *Олесь*. З журбою радість обнялась, поэзіи. Пет. 1907. *Олесь*. Поэзіи. Т. II. Пет. 1909 г. *М. Левицький*. Оповідання. К. 1907.

Литер.-крит. изслѣдованія и статьи. *Костомаровъ*. Т. Г. Шевченко. „Р. Ст." 80. № 3. *Костомаровъ*. Малороссійская Словесность. „Вѣстн. Евр." 81. 1—4. *Костомаровъ*. Украинофильство. „В. Е." 82. 2—5—8. *А. Пыпинъ*. Украинофильство. „В. Е." 82. 5. *А. Пыпинъ*. Вопросы о малорос. нарѣчіи. „В. Е." 86. 4. *Головацкій*. О первомъ литературномъ движеніи русиновъ въ Галиціи. *О. Грушевський*. Сучасне украинське письменство в його типових представниках. Кіев. 1909 г. *Стешенко*. Українськи шестидесятники. („Записки Укр. Наук. Тов." К. 1908 г.). *Огановскій*. Исторія літературы руськоі. Львів. V т. 1891. *Колесса*. О вліяніи Мицкевича на Шевченко. („Лит. Н. В." Львів). *О. Конисскій*. Біографія Шевченко. (Болѣе полная на укр. яз. изд. въ Львовѣ). *Шенрокъ*. Куліш, біогр. очеркъ. 1901. *Гербель*. Поэзія славянъ. *Пыпинъ*. Исторія русской этнографіи. Малорусская этнографія. *Пыпинъ и Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. *Н. Петровъ*. Очерки исторіи украинской литер. XIX в. *Дашкевичъ*. Отчетъ о присужденіи XXIX Уваровской преміи. *В. Науменко*. Обзоръ филологическихъ особенностей малор. рѣчи. *П. Житецкій*. Энеида Котляревскаго. *П. Житецкій*. Очерки литературной исторіи малор. нар. въ XVIII в. К. *А. Потебня*. Изслѣдованіе малор. и сродныхъ имъ пѣсенъ. Корифеи украинской сцены. К. 1902 г. *Комаровъ*. Шевченко въ литературѣ и въ искусствѣ. Указатель статей. Од. 1903. *Ефремовъ*. На мертвой точкѣ. *Ефремовъ*. Марко Вовчок (и его же статьи по украинск. литерат. въ „Кіевской Старинѣ" за 1903—1906 годы). *Л. Черняховская*. М. Коцюбинскій. „К. Ст." 1904 г. *Омельченко*. Въ поискахъ соціалистической морали (о драмахъ Винниченко).

ГЛАВА XVIII.

Начальное образованіе во второй половинѣ XIX стол.

А. Сельская школа и сельскій учитель. „Отечеств. Записки". 1884. 4. *А. Б*. Распоряженія гр. М. Н. Муравьева по дѣлу народнаго образованія въ Сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—1865 гг. Витебскъ. 1898. *Я. В. Абрамовъ*. Что сдѣлало земство? СПб. 1889. *А. Алекторовъ*. Изъ исторіи развитія образованія среди киргизовъ Акмолинской и Семипалатинской областей. „Т. М. Н. П." 1905. 12. *А. Алекторовъ*. Очеркъ народнаго образованія въ Тургайской области (1744—1898). Вып. I—III. Оренбургъ. 1906. *О. Благовидовъ*. Дѣятельность русскаго духовенства въ отношеніи къ народн. образованію въ царствованіе им. Александра II. Казань. 1891. *Н. П. Блиновъ*. Народное образованіе въ Вятской губерніи за послѣднія десять лѣтъ (1864—1874). В. 1875. *И. П. Боголѣповъ*. Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ московскомъ и можайскомъ уѣздахъ. М. 1894. *Борисовъ*. Къ вопросу о вліяніи занятія, экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны нач. народн. образованія. 1898. *Борисовъ*. Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губерніи. 1897. *Л. Брамсонъ*. Къ исторіи начальн. образованія евреевъ въ Россіи. СПб. 1896. *Н. Л. Братчиковъ*. Учебно-воспитательная часть въ начальной школѣ (по даннымъ земской школьной статистики). „Русская Школа". 1909. 1—3. *Н. Бычковъ*. Къ вопросу о всеобщемъ обученіи въ городахъ.

„Вѣстн. Восп.“ 1896. 4. *И. П. Бѣлоконскій.* Народное начальн. образованіе въ Курской губерніи. Изд. 2. Курскъ. 1897. *А. Васильчиковъ.* О самоуправленіи. Изд. II. СПб. 1870. *А. Васильчиковъ.* Письмо министру нар. просвѣщенія гр. Толстому. Берлинъ. 1875. *В. П. Вахтеровъ.* Внѣшкольное образованіе народа. М. 1896 г. Всеобщее обученіе. М. 1897 г. Школьныя нормы. СПб. 1897 г. *Б. Веселовскій.* Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I. СПб., 1909 г. *Д. Д. Вольфсонъ.* Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 1903 г. *И. Вороновъ.* Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Воронежъ. 1899 г. *Всеобщее образованіе* въ Россіи. Сборникъ. Вып. I. М. 1902 г. *Всеподданнѣйшіе отчеты* министра народнаго просвѣщенія. *Всеподданнѣйшіе отчеты* оберъ-прокурора Св. Синода. *Всероссійская* промышленно-художественная выставка 1882 г. въ Москвѣ. Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи. Подъ редакціей Л. Г. Небольсина. СПб. 1884 г. *А. Гартвигъ.* Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. „Русск. Школа“, 1896. 3. *Л. Георгіевскій.* Къ исторіи ученаго комитета министерства нар. просвѣщенія. СПб. 1902 г. *В. Григорьевъ.* Историческій очеркъ русской школы. М. 1900 г. *Двадцатипятилѣтіе* начальныхъ училищъ города С.-Петербурга. 1877 — 1902. СПб. 1904 г. *XIX научно-учебный* отдѣлъ. Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н. Новгородѣ. Отчеты Е. Ковалевскаго. СПб. 1897 г. *Демковъ.* Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. М. 1898 г. *В. Евтушевскій.* Отвѣтъ на письмо гр. Л. Толстого „о народномъ образованіи“. СПб. 1874 г. *А. Ершовъ.* Народное просвѣщеніе и бюрократія послѣ 1861 г. „Образованіе“ 1908, 4—6. *Л. Забѣлинъ.* Разногласія по вопросу о народномъ образованіи. М. 1859 г. *Замѣчанія* на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. СПб. 1862 г. Части I—VI. *Земство* и церковная школа. „Сарат. Земск. Недѣля“ 1902 г. 11—12. Изслѣдованіе положенія начальн. народн. образованія въ Вятской губерніи. Вып. 1. Вятка. 1900 г. *Н. Ильминскій.* Бесѣды о народной школѣ. СПб. 1889 г. *Историческій* обзоръ дѣятельности комитета министровъ (1802—1902). Изд. канцеляріи комитета министровъ. Т. III, ч. I—II, т. IV. *Историческое* обозрѣніе 50-тилѣтней дѣятельности министерства госуд. имуществъ. 1837—1887 г. Ч. II. СПб. 1888 г. *Историческій* очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства за 1865—1899 г. Вып. III. Херсонъ. 1905 г. *Исторія* удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. 1797—1897 гг. Т. II. СПб. 1902 г. *Итоги* земской дѣятельности въ области народн. образованія по даннымъ ярославской выставки. „Записки Москов. отдѣла И. Р. Т. Общ.“ 1903 г. 6—8. *Н. Кисляковъ.* Странствующіе учителя и подвижныя школы въ Курской губ. „Сѣверн. Вѣстн.“ 1888 г. 3. *Е. П. Ковалевскій.* Сельско-хозяйственныя занятія въ учит. семинаріяхъ и начальныхъ школахъ. СПб. 1892 г. *Комитетъ* министровъ въ первыя 8 лѣтъ царствованія Императора Николая Александровича (1894—1902) СПб. 1902 г. *А. Корниловъ.* Общественное движеніе при Александрѣ II. (1855—1880). „Минувшіе годы“ 1908 г. и отдѣльн. изданіе. *И. Корниловъ.* Русское дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ. Изд. 2. Вып. 1. СПб. 1908 г. *Н. Корфъ.* Итоги общественной дѣятельности на пользу народн. образованія въ Россіи. „Вѣстникъ Европы“ 1876 г. 6. *Н. Корфъ.* Наше школьное дѣло. М. 1873 г. *Н Корфъ.* Наши педагогическіе вопросы. М. 1882 г. *Н. Корфъ.* Русская начальная школа. СПб. 1870 г. *А. Кошелевъ.* Голосъ изъ земства. Вып. 1. М. 1862 г. *М. Лемке.* Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ“. Изд. 2. СПб. 1908 г. *М. Лемке.* Санитарно-гигіеническое устройство и оборудованіе сельскихъ школъ въ земскихъ губерніяхъ. СПб. 1901 г. *Д. Лобановъ.* Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. „Русская Школа“ 1895 г. 1—10. *П. Лупповъ.* Общества вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народн. училищахъ. СПб. 1898 г. *А. Любавскій.* Юридическія монографіи и изслѣдованія. Т. III. СПб. 1875 г. (Комментарій объ обязательномъ обученіи грамотѣ въ Россіи). *Н. Май.* Что сдѣлано за 40 лѣтъ московскимъ городскимъ управленіемъ по народн. образованію? „Русск. Мысль“. 1904, 4, 9, 12. *Ю. Г. Малисъ.* Н. И. Пироговъ. СПб. 1893 г. *Матеріалы* къ вопросу объ участіи псковского губ. земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. I. Псковъ. 1898 г. *Матеріалы* по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи. Т. I. СПб. 1880. *Матеріалы* по земскому общественному устройству. Т. II. СПб. 1886. *И. Мещерскій.* Народная школа и сельское хозяйство. Изд. 2. СПб. 1905. *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. Ч. 2. Изд. 4. СПб. 1905. *Министерство* внутреннихъ дѣлъ. Историческій очеркъ (1802—1902). СПб. 1901. *С. Миропольскій.* Школа и государство. Обязательность обученія въ Россіи. Изд. 3. СПб. 1883. *Д. Л. Мордовцевъ.* Десятилѣтіе русскаго земства. 1864 — 1875. СПб. 1877. *Московскій сборникъ.* Изд. К. П. Побѣдоносцева. Изд. 5. М. 1901. *Н. Мукалова.* Народная школа въ Юго-западномъ краѣ. Кіевъ. 1892. *Народное* образованіе въ воронежскомъ уѣздѣ. Изд. воронежск. губ. земства. Воронежъ. 1885. *Народное* образованіе въ острогожскомъ уѣздѣ. Изд. воронежск. губ. земства. Воронежъ. 1887. *Народное* образованіе въ 10 губерніяхъ Ц. Польскаго за 90 лѣтъ. 1816 — 1906. Варшава. 1907. *Начальное* народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изд. И. Вольн.

Эконом. Общества. СПб. Т. I—IV. 1900—1905. Начальное образованіе въ Вологодской губерніи по свѣдѣніямъ 1898—1899 гг. Т. I, II. Вологда. 1901, 1902. *С. Николаевъ*. Современная бурса. М. 1905. *Обзоръ* дѣятельности вѣдомства православн. исповѣданія за время царствованія Имп. Александра III. СПб. 1901. *Обзоръ* дѣятельности земствъ (за 1898 г.). Изд. хозяйственнаго департамента мин. внутр. дѣлъ. СПб. 1904. *Ѳ. Ольденбургъ*. Народная школа Европ. Россіи въ 1892—93 году. СПб. 1896. *О нуждахъ* народнаго образованія въ Тверской губерніи (Записка въ протоколахъ засѣданій тверского губ. зем. собранія, очередн. въ декабрѣ 1880 г.). *В. П. Острогорскій*. Изъ исторіи моего учительства (1851 — 1864). *Н. Остроумовъ*. Историческій очеркъ народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ б. Сыръ-Дарьинской линіи и Туркестанской обл. съ 1860 по 1867 гг. „Туркестанскія Вѣдом." 1881. 30—50. *Отчеты* члена Александровскаго уѣздн. училищн. совѣта бар. Н. А. Корфа за 1867—70 уч. гг. *Отчетъ* бердянской уѣздной земской управы о народномъ образованіи за 1898—9 уч. годъ. Бердянскъ. 1899. Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій. Третій періодъ. Ч. XVII. СПб. 1860. *Пережитое*. Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. СПб. *М. Л. Песковскій*. Обязательный минимумъ образованія. СПб. 1895. *Л. Петрищевъ*. Замѣтки учителя. СПб. 1905. *В. В. Петровъ*. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Вып. I — III. М. 1897—1900. *Поповъ*. Объяснительный текстъ къ картѣ народнаго образованія въ Россіи. 1876. Правила и программы для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изд. св. синода. *Н. Преображенскій*. Десятилѣтіе церковной школы за время съ 1883 по 1893 гг. СПб. 1896. *Д. Д. Протопоповъ*. Исторія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. 1861—1895. СПб. 1898. *А. Пругавинъ*. Вольныя крестьянскія школы. „Русск. Мысль". 1889. I. *Его же*. Запросы народа и обязанности интеллигенціи. Изд. 2. СПб. 1895. *Его же*. Школы грамотности и „вольные учителя". „Сѣверн. Вѣстн.". 1891. 9. *Раевскій*. Наша сельская школа по послѣднимъ статистич. свѣдѣніямъ. СПб. 1889. *С. Рачинскій*. Сельская школа. Изд. 4. СПб. 1899. *Н. Рейнке*. Очеркъ законодательства Ц. Польскаго (1807 — 1881). СПб. 1902. *С. В. Рождественскій*. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народн. просвѣщенія. 1802 — 1902. Изд. мин. нар. просв. СПб. 1902. *А. Рождествина*. Н. И. Ильминскій и его система инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ. Казань. 1900. *А. А. Савельевъ*. Очеркъ развитія народнаго образованія въ нижегородскомъ уѣздѣ. Н.-Новгородъ. 1900. *Сводъ* законовъ Росс. Имперіи. Т. XI, ч. I. *Сборникъ* документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ. СПб. 1869. *Сборникъ* матеріаловъ и статистическихъ свѣдѣній по народному образованію въ Тамбовской губерніи. Тамбовъ. 1901. *Сборникъ* распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. *Сборникъ* статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. IX. Народное образованіе. М. 1884. *Сводъ* свѣдѣній о подвѣдомственныхъ министерству внутр. дѣлъ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по общественному призрѣнію и благотворительности за 1897 г. Изд. хозяйств. департ. мин. внутр. дѣлъ. СПб. 1899. *В. Святловскій*. Школьное образованіе среди фабричныхъ рабочихъ. Варшава. 1889. *М. Семевскій*. Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г. *В. Ю. Скалонъ*. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. М. 1882. *Его же*. Земскіе вопросы. М. 1882. *Е. Соловьевъ* Л. Н. Толстой. Изд. 3. СПб. 1902. *Справочная* книга по вопросамъ образованія евреевъ. СПб. 1901. *Справочная* книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. М. 1905. *Старосивильскій*. Изъ исторіи русской педагогіи. К. Д. Ушинскій. Варшава. 1902. *Статистическій* Временникъ Россійской имперіи. Серія I. Вып. I. СПб. 1866.—Серія I. Вып. 16. СПб. 1879.—Серія III. Вып. I. СПб. 1884. *Статистическій* сборникъ по С.-Петербургской губерніи. 1896. Вып. III. *Матеріалы* по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ селеніяхъ СПб-ской губерніи. СПб. 1897. *Статистическія* свѣдѣнія по начальн. образованію въ Россійской имперіи за 1896 г. Изд. мин. нар. просв. СПб. 1898. *Статистическія* свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи. Вып. III. СПб. 1902. Изд. министерства нар. просв. *В. Я. Стоюнинъ*. Педагогическія сочиненія. СПб. 1892. *А. Страннолюбскій*. Обязательность и всеобщность начальнаго образованія. „Образованіе" 1895. 1, 2. *Л. Струнина*. Первыя воскресныя школы въ Кіевѣ. Кіевъ. 1898. *Л. Толстой*. О народномъ образованіи. „Отечеств. Записки". 1874. 9.— *Л. Толстой*. Сочиненія. Ч. IV. Педагогическія статьи. Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, часть вторая. Кн. I и II. СПб. 1863. *К. Д. Ушинскій*. Собраніе педагогическихъ сочиненій. Изд. 2. СПб. 1905. *Г. Фальборкъ* и *В. Чарнолускій*. Внѣшкольное образованіе. СПб. 1905. *Г. Фальборкъ* и *В. Чарнолускій*. Народное образованіе въ Россіи. СПб. *Г. Фальборкъ* и *Г. Чарнолускій*. Настольная книга по народному образованію. Т. I. СПб. 1899. Т. II. СПб. 1901. Т. III. СПб. 1905. *В. Фармаковскій*. Къ вопросу о единой школѣ. „Т. М. Н. П." 1905. 4. *В. Фармаковскій*. Начальн. школа министерства нар. просвѣщенія. СПб. 1900. *М. Яблочковъ*. Русская школа. Тула. 1894. *В. И. Шемякинъ*. Церковная школа и духовная бюрократія. СПб. 1908. *А. Штевенъ*. По поводу школъ грамотности. „Вѣстн. Европы" 1895, 3.

М. П. Щепкинъ. Общественное хозяйство г. Москвы. Народное образованіе въ 1863—1898 годахъ. Часть IV. Вып. 1. М. 1901. *М. П. Щепкинъ.* Управленіе городск. училищами въ Москвѣ. „Русск. Мысль". 1905. 3.

ГЛАВА XIX.

Средняя школа.

Кромѣ очерка *П. Милюкова* и основныхъ работъ *С. Рождественскаго* и *Е. Лихачевой*, по изучаемому періоду исторіи средней школы есть цѣлый рядъ другихъ источниковъ. Законодательныя мѣропріятія правительства собраны въ *Сборникѣ постановленій по М. Н. П.* за указанные годы; дополненіемъ къ нимъ могутъ служить соотв. томы *Сборника распоряженій* по тому же министерству. По отдѣльнымъ округамъ имѣются еще два обширныхъ сборника циркуляровъ — *Крюковскаго* — Алфавитный сборникъ постановленій и распоряженій по СПб. Уч. Округу, *В. Исаенкова*—Сборникъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ Моск. Уч. Округа. Сверхъ того, по женской министерской школѣ—*Родичева*—Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ. Офиціальный обзоръ мѣропріятій по министерству Н. П. за время царствованія Александра III (*Обзоръ дѣятельности М. Н. П.*) даетъ много любопытныхъ фактовъ и цифръ. Для исторіи спеціально толстовской школы имѣютъ важность статьи *М. Н. Каткова* за 1865—1871 гг., собранныя въ одну книгу подъ заглавіемъ „Наша учебная реформа", съ предисловіемъ и примѣчаніями *Л. И. Поливанова.* Поливановъ принадлежалъ къ числу убѣжденныхъ сторонниковъ Каткова; по его словамъ, изъ начертанной Катковымъ для классической школы схемы „не только ни одна черта не оказывается проведенной ошибочно, но учебная практика (писано въ 1890 г.) убѣдила, что замѣченныя несовершенства современной гимназіи происходятъ прежде всего вслѣдствіе отступленій отъ этого чертежа". Совершенно въ противоположномъ направленіи написаны статьи профессора-классика *В. Модестова*, собранныя въ книгѣ „Школьный вопросъ" (СПб. 1830); въ нихъ рѣзкая критика различныхъ сторонъ *толстовскаго* классицизма. Съ критикой толстовской школы, какъ одного изъ видовъ школы государственной, выступилъ въ 1899 г. извѣстный публицистъ *В. В. Розановъ*, въ книгѣ „Сумерки просвѣщенія". Въ 1900 г. выпустилъ свою книгу—„Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія"—бывшій московскій попечитель гр. *П. Капнистъ.* Практикѣ толстовско-деляновской школы посвящены также „Воспоминанія" педагога *Бѣляевскаго.* Библіографія по вопросу о самомъ возникновеніи толстовской школы до 1872 г. собрана въ III томѣ труда *Межова*—„Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи". Полемику по тому же вопросу находимъ въ газетахъ и журналахъ за 1871 г.,—въ „Голосѣ", „СПб. Вѣдомостяхъ", „Вѣстникѣ Европы", „Отечественныхъ Запискахъ" и др., не говоря уже о „Московскихъ Вѣдомостяхъ", а также въ различныхъ №№ „Журнала М. Н. П.". Отдѣльныя подробности въ ходѣ толстовской реформы отмѣчены въ III томѣ „Дневника" *Никитенка.* Военнымъ гимназіямъ спеціально посвящены соотв. главы книги ген. *Лалаева*—Истор. очеркъ военноучебныхъ заведеній и рядъ статей въ „Педагогическомъ Сборникѣ", изд. при военно-уч. заведеніяхъ. По маріинской женской школѣ есть матеріалъ въ журналѣ „Женское Образованіе", особенно за 1883 (юбилейный) годъ. Статистикѣ самоубійствъ среди учащихся посвящена статья проф. *Хлопина* въ мартовской книгѣ „Ж. М. Н. П." за 1906 г.

ГЛАВА XX.

Пластическія искусства.

Общія сочиненія. *Новицкій.* Исторія русскаго искусства, т. II. *Бенуа.* Исторія живописи, т. I и II. *Никольскій.* Русская живопись. *Ге.* Главныя теченія русской живописи XIX в. Изд. Гранатъ. *Стасовъ.* 25 лѣтъ русской живописи. „Вѣстникъ Европы". 1882, 11 и 12. *Стасовъ.* 25 лѣтъ русской скульптуры. „Вѣстникъ Европы". 1883, 2. *Стасовъ.* 25 лѣтъ русской архитектуры. „Вѣстникъ Европы". 1883, 6. *Стасовъ.* Тормозы русскаго искусства. „Вѣстникъ Европы". 1885, 2, 3, 4.

Первая половина XIX в. *Рамазановъ.* Матеріалы для исторіи художества въ Россіи. *Н. Петровъ.* Венеціановъ, отецъ русской бытовой живописи. „Русская Старина" 1878, 11. *А. Мокрицкій.* Воспоминанія о Венеціановѣ. „Отечественныя Записки" 1857, 11. *В. Стасовъ.* Значеніе Брюллова въ русскомъ искусствѣ. Собр. соч. т. II. *А. Бенуа.* Брюлловъ. „Міръ искусства" 1900, 1. *Г. Павлуцкій.* По поводу юбилея Брюллова. 1900. 15—16. *А. Бенуа.* Бруни. „Міръ искусства". 1900, 15—16. *М. Боткинъ.* Л. А. Ивановъ, его жизнь и переписка. *В. Стасовъ.* Значеніе Иванова въ русскомъ искусствѣ. Собр. соч. т. II. *Д. Философовъ.* Ивановъ и Васнецовъ. „Міръ Искусства" 1901, 10. *А. Андреева.* Эскизы Иванова (тамъ же). *А. Цомакіонъ.* Ивановъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Изд. Павленкова. *Л. Диттерихсъ.* Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность.

Вторая половина XIX в. *Чернышевскій.* Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. *С. Тр-въ.* Крамской въ его взглядахъ на искусство. „Историческій Вѣстникъ". 1888, 7. *В. Стасовъ.* Крамской въ его

письмахъ и статьяхъ. „Вѣстникъ Европы" 1887, 11—12. *И. Рѣпинъ*. Воспоминанія. *В. Стасовъ*. Взгляды Верещагина на искусство. Собр. соч. т. II. *А. Цомакіонъ*. Крамской, его жизнь и художественная дѣятельность. *Л. Диттерихсъ*. Перовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. *А. Киселевъ*. Перовъ, опытъ характеристики. „Артистъ". 1894, 1. *В. Стасовъ*. Н. И. Ге. „Сѣверный Вѣстникъ" 1895. Продолженіе въ „Недѣлѣ" 1897. *Г. Ге*. Воспоминанія о Н. Н. Ге. „Артистъ" 1897, 11—12. *В. Стасовъ*. Шварцъ. Собр. соч. т. II. *В. Михѣевъ*. Суриковъ. „Артистъ". 1891, 10. *В. Стасовъ*. Статьи о В. В. Верещагинѣ. Собраніе соч., т. II. *В. Стасовъ*. Статья о Рѣпинѣ, (тамъ же). *Р. Сементковскій*. Идеалы въ искусствѣ. II. Рѣпинъ „Историческій Вѣстникъ" 1894, 7. *В. М.* Рѣпинъ. „Артистъ". 1893, 1, 3, 4. „Міръ искусства", 1899, 1900, 1901 *В. Стасовъ*. В. М. Васнецовъ. Искусство и художественная промышленность. 1898—99, 1—3. *Baron de Base*. L'oeuvre de Vasnetsoff. *Вермель*. Левитанъ. „Восходъ" 1902, 1. *Р. Сементковскій*. Идеалы въ искусствѣ. I. Антокольскій. „Историческій Вѣстникъ", 2. *В. М.* Антокольскій. „Артистъ" 1893, 4. *Новицкій*. Исторія русскаго искусства, т. II. *Бенуа*. Исторія русской живописи въ XIX в. 1902. *Стасовъ*. Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства (Собр. соч., т. I). *Стасовъ*. Тормозы новаго русскаго искусства (тамъ же). *Мутеръ*. Исторія русской живописи въ XIX в. *Рѣпинъ*. Воспоминанія и статьи. *Собко и Ровинскій*. Перовъ, его жизнь и произведенія. 1892. *Диттерихсъ*. Перовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. (Серія „Жизнь замѣчательныхъ людей" Павленкова). *Киселевъ*. Перовъ, опытъ характеристики („Артистъ" 1894, 1). *Стасовъ*. Перовъ (Собран. соч., т. II). *Крамской*. Его жизнь и переписка. Изд. Суворина, 1888. *Цомакіонъ*. Крамской, его жизнь и художественная дѣятельность. (Серія „Жизнь замѣчательныхъ людей" Павленкова). *Воскресенскій*. Эстетическія воззрѣнія Крамского („Вѣстн. изящ. искусствъ", т. VI, вып. 5, 1888). *Стасовъ*. Н. И. Ге. (Собр. соч. т. II). *Стасовъ*. В. Шварцъ (тамъ же). *Михѣевъ*. В. И. Суриковъ („Артистъ". 1891, 10) *Бумаковъ*. В. Верещагинъ и его произведенія. (Приложеніе къ „Новому Журналу Литературы, Искусства и Науки", 1905). *Стасовъ*. Рядъ статей о Верещагинѣ въ собр. соч., т. II. *Бумаковъ*. Картины и рисунки проф. И. И. Шишкина. *Далькевичъ*. Ѳ. Васильевъ и его значеніе въ развитіи русскаго пейзажа. (Искусство и художественная промышленность, ч. III, 4). *Стасовъ*. О Куинджи, собр. соч., т. II. *Стасовъ*. Рѣпинъ (тамъ же). *Сементковскій*. Идеалы въ искусствѣ (о Рѣпинѣ и Антокольскомъ, „Историческій Вѣстникъ" 1894, 6). Полемика Рѣпина съ модернистами см. *Рѣпинъ*. „Воспоминанія и статьи" и „Міръ искусства" т. III. *Baron de Base*. L'oeuvre de Vasnetsoff. 1896. Reims. *Дѣдловъ*. Соборъ св. Владимира въ Кіевѣ и его дѣятели. (Книжки „Недѣли", 1896). О *Левитанѣ*, *Сѣровѣ*, *Коровинѣ*, *Нестеровѣ*, *Врубелѣ*, *Сомовѣ*, см. журналъ „Міръ искусства" т. I—III.

ГЛАВА XXI.

Музыка въ Россіи послѣ 60-хъ годовъ.

C. Cui. La musique en Russie. 1880. *Стасовъ*. Ц. А. Кюи. („Артистъ", 1894, 10). *Стасовъ*. А. П. Бородинъ, его жизнь, письма и музык. статьи. 1889. *Финдейзенъ*. Князь Игорь, опера Бородина („Рус. Муз. Газета", 1897). *Стасовъ*. М. П. Мусоргскій („Вѣстн. Европы". 1881, 5—6; также въ 3-мъ томѣ собранія сочиненій Стасова, гдѣ есть и другія его статьи о Мусоргскомъ и „Новой русской школѣ"). *Энгель*. М. П. Мусоргскій („Русск. Вѣдом.", 1906, 73, 74). *M. Olenine d'Alheim*. Le legs de Moussorgski, 1908. *Calvocoressi*. Moussorgski, 1908. *Римскій-Корсаковъ*. Лѣтопись моей музыкальной жизни. 1909. *Стасовъ*. Н. А. Римскій-Корсаковъ („Сѣверный Вѣстникъ", 1890, 12). *Финдейзенъ*. Н. А. Римскій-Корсаковъ. 1908. *Каратыгинъ*. Н. А. Римскій-Корсаковъ („Ежегодникъ Императ. театровъ", 1909, вып. 1). *Энгель*. Н. А. Римскій-Корсаковъ („Русскія Вѣдомости". 1908, 150, 151). *Финдейзенъ*. В. В. Стасовъ и его музыкальная дѣятельность. *А. Рубинштейнъ*. Автобіографическія воспоминанія („Русская Старина", 1889, 11). *А. Рубинштейнъ*. Мысли о музыкѣ и „Мысли и замѣтки". *Энгель*. А. Г. Рубинштейнъ. („Правда", 1904, 11). *Финдейзенъ*. А. Г. Рубинштейнъ („Рус. Муз. Газ". 1904, 43—52). *Кавосъ-Дехтярева*. А. Г. Рубинштейнъ. *М. Чайковскій*. Жизнь П. И. Чайковскаго (1900—1902). *Кашкинъ*. Воспоминанія о Чайковскомъ (1896). *Чайковскій*. Музыкальные фельетоны и замѣтки. 1898. *Ларошъ*. Чайковскій, какъ драматическій композиторъ („Ежегодникъ Имп. театровъ" 1893—94). *Финдейзенъ*. Этюды о Чайковскомъ („Рус. Муз. Газ." 1902, 26—48). *Энгель*. П. И. Чайковскій („Русскія Вѣдомости" 1903, 293, 300). *К. Ч.* Симфонія Чайковскаго („Рус. Муз. Газета" 1904, 10, 14) *I. Knorr*. P. Tschaikowski (1900, нѣмец.) *Коптяевъ*. П. И. Чайковскій, 1909. *Энгель*. А. К. Глазуновъ, какъ симфонистъ („Рус. Муз. Газета" 1907, 1—6). *Энгель*. П. И. Бларамбергъ („Рус. Вѣдом.", 1908). *Б. Шлецеръ*. А. Н. Скрябинъ („Рус. Муз. Газета" 1908, 5—7). *Энгель*. Музыка Скрябина („Русск. Вѣдом." 1909). *Лисицынъ*. О новомъ направленіи въ русской церковной музыкѣ („Музык. труженикъ", 1909, 7—13). *Н. Кашкинъ*. Исторія русской музыки. 1908. *Чешихинъ*. Исторія русской оперы 1905.

Оглавленіе.

Томъ V.

ГЛАВА I.

Общая политика правительства 1866—1892 гг.

(М. Н. Покровскаго).

ГЛАВА II.

Земское самоуправленіе и реформа 1890 г.

(С. Я. Цейтлина).

ГЛАВА III.

Крестьянское общественное управленіе.

(С. М. Блеклова).

ГЛАВА IV.

Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ во второй половинѣ XIX столѣтія.

(К. М. Ландера).

ГЛАВА V.

Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 года.

(Г. И. Шрейдера).

ГЛАВА VI.

Расколъ и сектантство во второй половинѣ XIX вѣка.

(Н. М. Никольскаго).

ГЛАВА VII.

Завоеваніе Кавказа.

(М. Н. Покровскаго).

Томъ VI.

ГЛАВА VIII.

Восточный вопросъ.

Отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса (1856—1878).

(М. Н. Покровскаго).

ГЛАВА IX.

Государственное хозяйство въ Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ.

ГЛАВА X.

Развитіе крупной промышленности и рабочее движеніе до 1892 г.

(Л. Мартова).

ГЛАВА XI.

Крестьянство и народническое движеніе.

ГЛАВА XII.

Судьба судебной реформы въ послѣдней трети XIX вѣка.

(М. П. Чубинскаго).

ГЛАВА XIII.

Польскій вопросъ (1863—92).

(З. Ленскаго).

ГЛАВА XIV.

Научное движеніе въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

А. Естествознаніе и медицина.

(Л. А. Тарасевича).

В. Математика.

(В. Ф. Кагана).

Томъ VII.

ГЛАВА XV.

Пробужденіе естествознанія въ третьей четверти вѣка.

(К. А. Тимирязева).

ГЛАВА XVI.

Литература 70-хъ гг.

(Д. Н. Овсянико-Куликовскаго).

ГЛАВА XVII.

Украинская литература 1862—1900 гг.

(С. Ѳ. Русовой).

ГЛАВА XVIII.

Начальное образованіе во второй половинѣ XIX столѣтія.

(В. И. Чарнолускаго).

ГЛАВА XIX.

Средняя школа.

(М. Н. Коваленскаго).

ГЛАВА XX.

Пластическія искусства.

(В. М. Фриче).

ГЛАВА XXI.

Музыка въ Россіи послѣ 60-хъ годовъ.

(Ю. Д. Энгеля).

Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ третьей части.

